

Андрей Леонидович Мартьянов

Легенды танкистов

Игровые сказки - 2

49. Альфа

— Товарищи! Командование возлагает на нас ответственнейшую миссию!..

Парамон Нилыч Котятко избрал в качестве трибуны башню КВ-5. Если устраивать патриотический митинг, то с размахом: знамена, оркестр и транспаранты наподобие «Догоним и перегоним ИЛ-2!», «Наш девиз — выше, выше и выше!» или «Каждому танку по паре крыльев!».

Скептически настроенный Вася предложил было лозунг «Прошла зима, настало лето, мерси «Варгеймингу» за это!», но комиссар отверг его как политически незрелый — во-первых, зима ни разу не прошла, во-вторых, употребление буржуазных словечек это не по-партийному, в третьих нет смысловой нагрузки. Так что отставить!

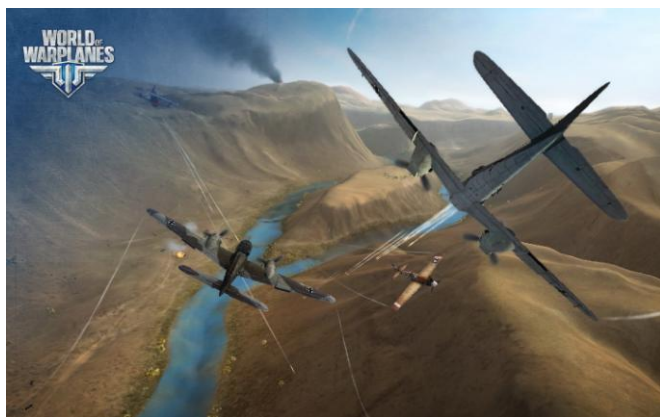
Товарищ Котятко разошелся не на шутку — ораторского таланта не отнимешь. Общий смысл его воодушевляющих речений сводился к общему тезису: завоевали сушу, теперь будем завоевывать небо! И пусть в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ! Вместо сердца — пламенный мотор! Ура!

Представителей других наций на такого рода мероприятия не приглашали — за исключением классово-близких товарищей из КНР. Однако постоять рядом и посмотреть-послушать не возбранялось. Ганс Шмюльке предпочитал не пропускать ни одного публичного шоу, устраиваемого комиссаром и потому примчался за десять минут до начала. Оценить, что новенького расскажут — Парамон Нилыч был если не самым осведомленным человеком на танкистской базе, то уж точно входил в первую пятерку.

Итак, свершилось: строившийся неподалеку от базы аэродром начинал функционировать не в режиме засекреченного теста, а был переведен в состояние «Альфа» — эпоха пробных полетов завершилась, теперь ворота в небо отверзлись если не настежь и не для каждого, то возможности для любителей полетать расширились многократно.

— Те же грабли, — понимающе сказал унтер-офицеру подошедший Вася, изучивший манеру

речи товарища Котятко наизусть. — Опять все сначала, как в старые добрые времена. Застревания на картах, лютые глюки — помнишь, к примеру, Энск? На железной дороге у пакгаузов? Висящие на проводах «Тигры» и ИС'ы?

— «Маус» провалившийся по башню в «черную дыру» в Карелии, — мечтательно отозвался Шмюльке. — Роскошное место было в ущелье, провалился — и ни с места. Залипания, танки застрявшие друг в дружке, исчезающие незнамо куда снаряды, «Тапок» не пробивший БТ-7, когда еще малыши могли кататься с супертяжами...

— Золотое времечко было, — откровенно фыркнул Вася. — А тот знаменитый патч 0.6.1.5? Т-44 едущий боком через всю Прохоровку, чемоданы арты с траекторией в виде буквы «S» — самый сногшибательный патч в истории в прямом смысле этих слов! Чего только машины тогда не вытворяли!

— И все это в полном объеме ждет наших дражайших авиаторов, — согласно покивал унтер-офицер. — Ты прав, история повторяется, надеюсь не в виде фарса. Любопытно будет посмотреть, будут ли летчики так же хихикать над тамошней французской веткой, как и мы? Французы и в области авиастроения отличились созданием кошмарных уродов наподобие штурмовика Breguet 693 или истребителя Morane-Saulnier, при виде которых немецкие летчики проигрывали по очкам — невозможно воевать, подыхая от хохота!

— Ерничает, вместо того, чтобы пожалеть несчастных, — притворно вздохнул Вася. — Хотя, во время Первой мировой галлы делали вполне приличные аэропланы.

— Ты еще вспомни про их кавалерию эпохи Наполеоновских войн, — отмахнулся Ганс Шмультке. — Слышишь, вас комиссар вроде заканчивает свой проникновенный спич...

Парамон Нилыч не изменил себе: новые высоты, новые горизонты, под нашим натиском никакой враг не устоит! Вперед! А теперь, товарищи, объявляется запись добровольцев на испытания новейшей авиационной техники, являющейся плодом гения советских авиаконструкторов... Ну, и буржуазных тоже.

— Запишешься? — Вася подтолкнул локтем Ганса Шмультке. — Новые впечатления, учеба, небо наконец — романтика!

— Не-не-не, — поднял руки ладонями вперед унтер-офицер. — Не чувствую призвания. Танк во-первых крепче, во-вторых ездит по твердой земле, и в-третьих ему не грозит падение из поднебесья с вполне предсказуемыми последствиями.

— Это ты будешь рассказывать, когда навернешься вместе со своим «Тапком» со скалы в Эль-Халлуфе или с обрыва на Утесе! — парировал Вася. — Новая физика не за горами. А я, пожалуй, вызовусь добровольцем — на Т-44 работы мало, командование в основном гоняет «Тараканов» или «Лору», так почему бы не попробовать? Две военных специальности в нашем занимательном мирке не повредят...

— Удачи, — кивнул Ганс Шмультке. — Не забудь взять парашют. И не жалуйся потом, если он застрянет в облачке и тебя придется снимать оттуда дирижаблем. Альфа-тест дело серьезное и местами опасное.

— Да ну тебя, — Вася легкомысленно отмахнулся. — Потом сам жалеть будешь!

— Ни в коем случае, — покачал головой унтер-офицер. — Рожденный ползать, причем на «Тапке», летать не может. Не хочу множить сущности без необходимости...

50. Прайм-тайм

— Это что за чудеса? Кто их сюда пустил?

Ганс Шмультке и лейтенант Фюрст остановились на пороге родного ангара, преобразившегося самым удивительным образом. Исчезла привычная деловитая суета, по углам расставлены мощные софиты, рембригада чинно расположилась у стенок, причем заляпанные машинным маслом и прожженные искрами сварки комбинезоны заменены на чистенькую униформу.

В центре, избрав в качестве фона наиболее презентабельно и эстетично выглядевший «Löwe» в новеньком камуфляже «Hinterhalt», бойкая репортерша пыталась унтерфельдфебеля Ульриха Хальма, наводчика с GW-Panther. Как и всякий непубличный человек артиллерист стеснялся камеры, краснел и выдавал в эфир благоглупости наподобие — «Да, арты это очень полезные машины. У них очень большие пушки... И у ПТ тоже большие пушки. У танков тоже есть большие пушки, вот посмотрите налево, на Е-100, у него самая большая пушка...»

— А у линкоров из «World of Battleships» пушки такие здоровенные — не пересказать, — Шмультке тихонько хихикнул в кулак. Внимательно огляделся по сторонам. Вторая съемочная бригада обхаживала мадам Ротвейлер, принарядившуюся в платье с ужасающими цветочками, отчего она напоминала фрекен Бок из «Карлсона» больше, чем обычно. Речь шла о строжайшей финансовой отчетности, бухгалтерском балансе, долгосрочных инвестициях и абсолютных показателях применительно к премиумной бронетехнике.

Корреспондент с эмблемой фирмы на куртке выслушивал исповедь Ротвейлерши со смиренно-отрешенным видом. Видимо подозревал, что если зевнет от скуки, моментом отхватит гаечным ключом, находившимся в прямой зоне досягаемости женщины-катастрофы.

Командовал бригадой телевизионщиков господин Kirill Oreshkin, телезвезда «Варгейминга» номер один, уровня Опри Уинфри или Хью Лори. Это уже серьезно...

— Или в головном офисе готовятся к очередной шумной рекламной компании, — заметил Отто Фюрст, — или я в этой жизни ничего не понимаю. Давай-ка незаметно проберемся к нашему VK4502 да поедем повоюем, иначе и нас запрягут...

— Поздно, — шепотом сказал Ганс Шмюльке. — Она нас заметила!

Репортерша, закончив мучить наводчика Хальма (потный и несчастный артиллерист поспешил исчезнуть из ангара) и нацелилась на командира Фюрста.

— Герр... э... Гауптман?

— Всего лишь лейтенант, мадемуазель, — Фюрст выкроил на лице белозубую улыбку от уха до уха. Не иначе у американских самоходчиков научился, причем пришлось долго тренироваться. — У вас какие-то вопросы?..

— Не вопросы, а предписание, — заявила решительная девица предъявив бланк «Варгейминга» с подписями и большими красными печатями. — Попрошу изучить!

— Только не это, — ахнул Ганс Шмюльке, бегло просмотрев текст. — Нет, нет, это решительно невозможно! Девушка, подобные эксперименты попросту опасны! Вы не представляете себе, что такое фугас «Ягдтигра», прилетевший в орудийную маску!..

— Нам выдали каски и бронежилеты, — беззаботно пожала плечами репортерша. — Исполняйте. Или доложу в центральный офис о неподчинении!

Ну конечно. Реплеи. Новое повальное увлечение. Не столь давно от господина Storm'a пришло наистрожайшее указание — воткнуть на все танки веб-камеры. В казармах предположили, что коварные разработчики учинили систему тотального шпионажа с целью отслеживать соблюдение правил и тимкиллы, но менеджеры «Варгейминга» уверяли, что это сделано исключительно на пользу самих танкистов — записать и просмотреть свой бой, поделиться опытом, отметить ошибки и бла-бла-бла.

Хорошо хоть камеры установили бесплатно, а не за голду — мадам Ротвейлер этого бы не пережила. Умерла бы, но не сдалась, до последней капли крови защищая сундучки с командным золотом, в одиночку отстреливаясь из Объекта 261.

Теперь понятно, ради чего на базу приперлись телевизионные деятели искусств: нужны показательные записи боев. Чем красивее, тем лучше. Именно из этого положения и исходила репортерша, отбирая танк для образцового сражения.

— Так, вот эта здоровенная дура как называется? Ах, «Маус»? Нет, не подойдет, слишком большой, в кадр не влезает! «Тигр» — банально, «Тапок» слишком экстравагантно, а если будем постоянно снимать «Леву», то зрители обвинят в скрытой рекламе премиумной техники — надо учитывать тонкости маркетинга... О! Красивый аппарат! Вы на нем ездите, герр лейтенант?

— Мы на нем воюем, — уныло отозвался Отто Фюрст. — И не только на нем. Тяжелые танки — наша специализация.

— Прекрасно, прекрасно! А теперь я попросила бы вас побыстрее переодеться в парадную форму со всеми орденами. Сперва интервью, затем выезд!

— Мы все в танк не поместимся, — сделал последнюю вялую попытку отбиться лейтенант. — пять членов экипажа, вы и оператор! Это невозможно!

— Вполне возможно, — невозмутимо отозвалась телевизионная девица. — Зачем вам, к примеру, радист? Оставим на базе, на его место посадим оператора. А я уж как-нибудь размещусь. Например, на коленях герра Шмультке...

— Давно не чувствовал себя подопытным кроликом, — прошипел унтер-офицер на ухо Фюрсту. — Ладно, пойдем нацепим регалии. Надо, так надо.

* * *

Экипаж выстроился вдоль борта Е-75, избранного в качестве идеального танка для передачи в прайм-тайм, когда у экранов соберутся не только ярые поклонники WoT, но и дети с домохозяйками. Лейтенант Фюрст сиял орденой колодкой — полный набор, от «Эксперта» до «Косы смерти», на кармане кителя отливал золотом и эмалью «Бельтер».

— Орлы, — удовлетворенно заключила репортерша. — Именно то, что и нужно. Красивая униформа, яркие улыбки и стальной гигант на втором плане. Жаль, что траки заржавлены, но это мы при монтаже поправим, десять минут работы с графикой...

Интервью, как в подобных случаях всегда и бывает, блистало клиническим идиотизмом. «Как вы оцениваете перспективы развития, господин лейтенант? — Разумеется, положительно, однако столь ожидаемый патч 7.2 до сих пор не вышел... — Нет, ответ неверный, давайте сначала: про патч будет отдельная спецпрограмма, это нашему зрителю не интересно!»

Ну и так далее. Если бы фирма «Варгейминг» являлась политической партией, то она бы прошла в парламент любой страны мира большинством голосов: новые чистые казармы, кормят в столовой хорошо, ведется строительство на аэродроме и в гавани, все и вся будет расширено, углублено, доработано, пропатчено и заапдейчено в масштабах Вселенной! Ура!

— Восхитительно господа, просто чудесно! А теперь — поехали! Скажите, оператор может снимать с брони? Или высунувшись из командирского люка?

Ганс Шмультке невероятным усилием воли отогнал видение — оператору начисто сносит голову просвиставшим над башней снарядом из «бревномета» ИСУ-152. Сказал предельно вежливо:

— Давайте посмотрим по обстановке? А вы до времени посидите в танке? Пускай даже и у меня на коленях — заодно обучитесь мастерству наводчика...

Взревел двигатель Е-75, ворота ангара распахнулись и танк выехал на залитое солнечным светом плоскогорье. Эль-Халлуф. Что ж, могло быть и хуже, какой-нибудь там Koshmarin или Топи...

— Заснимем романтический пейзаж, — скомандовала корреспондентка. — Подъедете к краю обрыва, нужна панорама на долину. Лейтенант, осмотрите местность — грозно сдвиньте брови, ладонь козырьком ко лбу — вы ищете врага!

— Для этого есть стереотруба, — несчастным голосом вякнул Отто Фюрст. — Так надежнее... И вообще, стоять у обрыва опасно, нас могут заметить с той стороны...

— Делайте, что вам говорят! Война — это прежде всего эстетика!

— Конечно, конечно, — в тон подхватил Ганс Шмультке. — Развеваются знамена, гремят барабаны, мы маршируем, враг в панике бежит, девушки в коротких юбках осыпают победителей цветами... И никакого глупого стояния за камнями только потому, что ты боишься получить в борт болванку во-он от того Т95.

Крошка «Чаффи», успевший прорваться через долину и пересохшее русло реки к возвышенностям напротив высветил сразу несколько машин противника — машин очень серьезных. Е-75 тем временем висел над пропастью ради шикарного кадра с пейзажем.

— Да стреляйте же! — воскликнула репортерша! — Они прямо перед вами! Желательно one-shot с первого попадания! Нужен красивый план!

Бухнуло 128-миллиметровое орудие. Эффект нулевой. Стрелять и попадать — две принципиально разные вещи.

— Назад, назад! — заорал Фюрст, — У нас засветка по выстрелу! Вот сейчас...

...Разбитый танк вышвырнуло в ангар. Ганс Шмультке, задыхаясь от дыма, чудом выволок наружу чрезмерно ретивую корреспондентку.

— Что... Что это было? Почему? Мы не завершили съемку! — завершала она, с трудом откашлявшись. Брючный костюм в нескольких местах прожжен, личико покрыто густым слоем маслянистой копоти. — Безобразие!

— Первое: это был взрыв боезапаса, — с ангельским терпением сказал лейтенант Фюрст. — Второе: война, это далеко не всегда эстетика — посмотрите на себя в зеркало и считайте, что легко отделались: в нашем мире никто не умирает. Третье: может быть мы сами сделаем реплей? Выберем для вас наилучший и пришьем в головной офис? Зачем портативные камеры на танки установлены?

— Нет уж, — непрекаемо заявила телевизионная муза. — Пока чинят танк, я иду в душ, переодеться и все начинаем сначала. Без сногшибательного репортажа я отсюда не уеду!

— Шмультке, — позвал унтер-офицера герр Фюрст, едва корреспондентка вместе с закопченным оператором отправились в направлении штабного здания, приводить себя в порядок. — Бегом в диспетчерскую. Связываешься с нашими ребятами из клана. Едем на тренировочный полигон, четко расписываем сценарий, устраиваем... Как это у русских? Pokazuhi. Один E-75 нагибает пятнадцать «Маусов»? Как идея?

— А поверят?

— Еще как. Ведь в этом деле главное не правдоподобность, а эффекты. И полигон выбери по красивее! Да хоть Перевал — водопадики, альпийские луга... Чтоб глаз радовался! Понял?

— Jawohl!

51. TanksCraft

— Фу-у, что это за неслыханная гадость?

Ганс Шмультке и лейтенант Фюрст подошли к Парамону Нилычу Котятко, который, присев на корточки, разглядывал покрывавшую скальную породу дурно пахнущую слизь неестественно-фиолетового цвета. Часть северного респа Карельского полигона была покрыта слоем вонючей субстанции, похожей на неудавшееся бланманже приготовленное художником-футуристом.

— Из головного офиса о необычных нововведениях не сообщали, — сказал комиссар и осторожно потрогал пальцем упругую органику. Тотчас вытер руку о галифе. — Что-то не нравятся мне подобные странности...

Нынешний выезд был стандартным тренировочным боем клана — самые бывалые экипажи пересели на машины 6-7-го уровней, поскольку руководству надоели предсказуемо-скучные баталии на супертяжелых мастодонтах: куда интереснее устраивать среднеуровневые ротные битвы, где победа зависит не от толщины брони или мощи орудия, а от прямых рук и скоординированных действий команды.

Экипаж Отто Фюрста сегодня взял из ангара обычного «Тигра-1», Парамон Нилыч со своими здоровяками-сержантами заехал на ИС'е, а товарищ Федор Сухов, в randоме работавший на ИС-4, выбрал и вовсе КВ-3, в рассуждении, что в опытных руках эта машина способна творить чудеса, а рикошетов от нее бывает побольше, чем от прилизанного Lowe. На тренировочном полигоне предполагалось отработать эшелонированную оборону на плато и стремительный прорыв через ущелье, но...

Но вот незадача: уже в который раз с сервером творилось незнамо что, напоминавшее дивные времена эпичнейшего патча 0.6.1.5, в самом буквальном смысле этих слов вошедшего в жутковатые легенды Мира Танков — ИС товарища Котятко вдруг поехал боком, то есть правым бортом вперед, и моментально застрял. Команда противника сообщила по радиции, что у них тоже происходит черт-те что. Выходим в ангар и начинаем по-новой?

— Стоп, — ответил товарищ Котятко, как ротный командир. — Вначале осмотримся...

Осмотр, как и сказано выше, показал, что чистенькую Карелию, с обязательными валунами, вереском, и прочими красотами северной природы, кто-то успел загадить практически до неузнаваемости. И раньше-то считалось, что господа разработчики «все испортили», однажды перекопав прежде ровенький полигон ямами, а теперь Ганс Шмультке высказал предположение о намеренном вредительстве. Дабы танкистам жизнь медом не казалась.

— О, глядите! — внимательный лейтенант Фюрст вытянул руку к облачному небу. — Кажется, опять наши авиаторы!

К самолетикам начали привыкать — после начала альфа-теста они появлялись на знакомых картах вроде Эль-Халлуфа или Песчаной реки, порхали себе в поднебесье и вовсе не обращали никакого внимания на толкавшиеся далеко внизу танки. Однако, сейчас Ганс Шмультке ошибся. Это было что угодно, но только не бипланы «World of Warplanes».

Мерцающая вырывавшимся из дюз синеватым пламенем возле флага приземлился объект, который с некоторой натяжкой можно было назвать «летающей тарелкой» — большущая штука округлой формы, с кучей антенн, радаров и тарелок спутниковой связи. Открылся шлюз, из которого вылезли полдесятка странных роботов. За ними на камни вышла женщина в скафандре с откинутой маской шлема.

— Сара Керриган, лейтенант «Сынов Корхала», — незнакомка наметанным взглядом определила старшего и направилась напрямик к Парамону Нилычу. Козырнула. — Вы чьи юниты? Конфедерация? Эскадрон «Альфа»?

— Кхм... — нахмурился товарищ Котятко. Покосился на роботов, начавших распиливать лазерами валуны на респе и таскать обломки камней в корабль. — Вы о чем, гражданочка?

— Планета какая? — не обратив внимания на вопрос комиссара спросила лейтенант Керриган.

— Не планета, а полигон, — подсказал озадаченный внезапным визитом чужаков Ганс Шмультке. — Карелия. А вы, собственно, откуда?..

— Люди, — убежденно проговорила девица. Критически осмотрела стоявшие рядом танки. — Значит, наши. Судя по примитивной технике, очень отсталая в технологическом отношении колония.

— Понял! — Парамон Нилыч присмотрелся и постучал пальцем по корявым буквам «Blizzard», выгравированным на скафандре госпожи лейтенанта. — Это ж наши соседи! «StarCraft», правильно? Параллельная, но не пересекающаяся с нашей реальность на Жестком Диске? Вы, гражданочка, чуть промахнулись — не туда вас занесло. Мы отдельно, вы отдельно. Но в любом случае добро пожаловать, вы нам не враги и не конкуренты.

— Сработал зерг-детектор, корабль-база автоматически взял курс на источник сигнала, — серьезно сказала госпожа лейтенант. — Вы тут ничего странного не замечали? Какие-нибудь необычные агрессивные животные? Непонятные субстанции? Запах?

— Сколько угодно, — опомнился Ганс Шмультке. Кивнул в сторону грязно-лиловых образований. — Вон та смердящая плесень, например... Это следует считать необычным или странным?

Лейтенант Керриган закаменела лицом и чуть попятилась. Скомандовала тихим голосом:

— Это же зерг-крип! Господа, хотите хороший совет? Немедленно, — слышите, немедленно! — забирайтесь в машины и отходите на не зараженную местность! Быстрее! Мы попытаемся оказать вам возможную поддержку! Кажется, они уже успели размножиться и готовятся к атаке...

— К атаке? — непонимающе протянул Отто Фюрст. — Кто?

— Боюсь, скоро увидите! Поторопитесь!

* * *

— Беда с этими выходцами из параллельных миров, — рассуждал лейтенант, развалившись в командирском кресле. Герр Фюрст был убежден, что ничего страшного не произойдет и произойти не может. — Почему они считают себя лучше нас? Техника, извольте видеть, «примитивная»! Я ведь не называю «примитивными» парусные корабли только потому, что нельзя сравнивать несравнимое!..

По настоятельной рекомендации лейтенанта Керриган танки сосредоточились на горке с въездом от дальней стороны ущелья. Заняли круговую оборону, держа на прицеле подъем и центр полигона, отлично простреливавшийся сверху. На плато, свободном от фиолетовой слизи, кипела работа — с ошеломляющей стремительностью возводились здания удивительного облика, в стереотрубу можно было рассмотреть суесящихся роботов-SCV, пехоту в скафандрах и огнеметчиков в красном. Появились и танки — страшненькие и угловатые.

— Сейчас подойдет подкрепление, — сообщила мисс Керриган по рации. — Держитесь там.

— Осталось узнать против чего или кого нам держаться, — буркнул Отто Фюрст. — И вообще, нам бы такие показатели! Видели, видели какие скорости строительства? Пять

минут и готово! А у нас один аэродром для «Warplanes» чуть не полтора года проектировали!

— Кто-то только что говорил о несравнимом, — Ганс Шмультке уткнулся в перископ наводчика. — Ага, подъезжают. И пехота с ними. Чует мое сердце, нас ждут серьезные неприятности, иначе зачем такие приготовления?... А мы даже договор о взаимопомощи и военном союзе с «Blizzard» не подписали!

Siege tanks выпустили опоры и заняли позиции внизу. SCV полезли наверх, встав между обычными танками. Зачем — непонятно.

— Общая тревога, — в наушниках послышался голос Керриган. — Zerg rush!

— Чей раш? — заикнулся Шмультке, но в этот самый момент начался локальный апокалипсис в одной отдельно взятой Карелии.

Такого боя и такого раша на памяти танковых экипажей не было и оставалось надеяться, что не будет и впредь. Неостановимая волна чудищ-страшилищ самых разных форм и обликов, одни похожи на тараканов-мутантов, другие на помесь морского конька с омаром. Однако, в первых рядах шли безобразнейшие тварюги передвигавшиеся на задних лапах — зерглинги...

— Фугасы заряжай! — заорал лейтенант Фюрст. — Никакого точного наведения по целям, палим в центр толпы! Только фугасы!

На KB-4 товарища Сухова налетело сразу полдюжины уродов, но их отогнали огнеметчики присланные Керриган. Стоявшему неподалеку VK 3601 не повезло больше всех: зверье сперва откусило дульный тормоз орудия, затем принялось растаскивать «шахматные» катки попутно брызгая кислотой в решетку двигателя. VK задымил, к нему немедленно бросился робот- SCV, чинить.

Впрочем, обычные снаряды воздействовали на порождения вселенной «StarKraft» ничуть не хуже, чем плазменные плевки

Siege tanks, пятная камни лужами зеленой крови.

— Прекрасный мир будущего, Schisshase! — цедил сквозь зубы Ганс Шмультке. — Романтика космоса! Удивительные новые миры! Братья по разуму! Was geht ab! Если выберемся отсюда живыми...

Шарахнуло так, что показалось, будто вся Карелия проваливается в тартарары. Сквозь линзы перископов в танк проник ослепительный белый свет, стало жарко как в сауне.

Полминуты спустя все стихло. Ни звука.

— Электроника полетела, — Отто Фюрст пощелкал тумблерами рации и попытался включить электропривод поворота башни. — Они что, ядерное оружие применили?..

— Вылезает, вылезает, не боимся! — по броне «Тигра» постучали чем-то металлическим. — Все кончилось! Спокойствие! Сбой исправлен, все силы брошены на устранение неполадок!

Ну конечно, господин Storm со своими инженерами. Да еще и в обнимку с лейтенантом Керриган. На заднем плане — сотнидохлых зергов.

— Я еще в молодости в «StarKraft» рубился, лет эдак десять назад, — мечтательно сказал господин Storm. — Думаете я всю жизнь Миром Танков занимался? Остались кой-какие старые наработки. Никогда не думал, что смогу использовать на практике технологии массового уничтожения этих насекомых — надо будет позвонить в «Blizzard», застолбить копирайт... Мисс Керриган вы всегда были моим кумиром! Как насчет прокатиться в центральный офис? По рюмочке «Баккарди» за столь блистательную победу?

— А это кто убирать будет? — раздраженный товарищ Котятко вышел вперед. — Плюс ремонт поврежденной техники — животные ИС'у траки перегрызли!

— За счет компании, — отмахнулся господин Storm, открывая для лейтенанта Керриган дверь «Виллиса». — Пришлю службу РХБЗ, вычистят полигон от биомассы. Пока-пока, ребята!

— Весь день испортили, — покачал головой комиссар. — Уборки как минимум на неделю! Нет уж, такие развлечения не для меня! В космос — ни ногой!

— Zerg rush, - задумчиво повторил лейтенант Фюрст. — Слушайте, а ведь эту тактику можно попробовать применить и у нас! Четыре скоростных барабанных АМХ 50 120 с поддержкой одиннадцати АМХ 13 75! Ровным счетом то же самое выходит! Вернемся на базу — сбегать во французскую казарму, предложу!

52. Ленивая оборона

— Мы опять в топе, — сообщил комиссар Котятко, взглянув на командирский планшет.
— Предстоит очередное избиение младенцев. В конце концов, не к нам претензии — рандом и балансер!

— Так точно, — отозвался заряжающий «Черчилля», товарищ Панасюк. — Остаемся базу прикрывать? Сейчас ведь понаедет мелочевка...

«Черчилль» вместе со взводными KB-220T и немецким T-25 стояли под флагом на южном респе «Перевала» — все три машины относились к наивысшему в этом бою пятому уровню, ниже по убывающей шли Pz-III, «трамваи» T-28, смешные французские уродцы наподобие AMX 40 и прочие совершенно несолидные модели, к которым обладатели тяжелых танков относились с предубеждением — «как можно на этом воевать?» Причем владельцы тяжей напрочь забывали, что сами начинали с МС-1, «Ляхттрактора» или Renault FT17.

В свете недавних событий 8 марта было необходимо всеми возможными средствами умиловить мадам Ротвейлер, которая после не самого удачного розыгрыша вообразила себя танковым асом и напрашивалась в бои «покомандовать» и показать мастер-класс. Отвязаться от нее можно было только двумя способами — или отправить на курсы повышения квалификации в головной офис «Варгейминга» (предложение не прошло, поскольку там от фрекен Бок шарахались, как от чумы) или завалить работой по самую маковку. А для этого приходилось регулярно выезжать на премиумных машинах, без перекуров и перерывов на обед — вполне достаточно сухого пайка и термоса с кофе.

— К леднику отправимся, — решил товарищ комиссар. — Надоело стоять на одном месте, особенно с учетом, что следует развеять дурацкое заблуждение: якобы «Черчилль» в команде — это к поражению... Полупесочница, нам ничего не грозит, если, конечно, не наткнемся на вражеские КВ с бревнометами.

Первые минуты бой развивался по стандартной, давно отработанной схеме — примчались шальные светляки, мигом погибшие: вражеский БТ-7 не нашел ничего лучшего, как попытаться затаранить КВ-220 и моментом испарился после столкновения. В дальнейшем ущелье слева завязался позиционный бой середнячков, противотанковые САУ устроили дуэль, засев по обе стороны моста. Привычно до зевоты.

— Куда подевались тяжелые танки противника? — озадаченно сказал Парамон Нилыч, глядя на монитор планшета. — Два КВ и этот страхолюдный француз BDR G1B? Никакой засветки...

— А вдруг «спят»? — предположил наводчик. — Сколько раз бывало!

— Ох не думаю...

Странности продолжались: обычно ПТ и легкая артиллерия прячутся за камнями при подъеме на ледник, однако и там никого не было. Пусто и тихо. Тихоходный «Черчилль» пополз вверх, «Розетка» тащилась в арьергарде, заскучавший Т-25 умчался в сторону моста — помогать САУ.

— Ну наконец-то, — Парамон Нилыч углядел в командирский перископ силуэт нескладного В1 bis. — Впрочем, цель совершенно несерьезная. Как американцы

выражаются в таких случаях? Pedobearing? Огонь с ходу, не останавливаемся — нам он разве что краску поцарапает!

В1 тем временем начал пятиться кормой назад, отходя к базе. Вел беспокоящий огонь но и только.

И тут в «Черчилля» прилетело сразу четыре плюхи, да такие, что счетчик ХП показал удручающие цифры — осталось меньше ста единиц. Начался пожар, доставать огнетушитель времени не хватит. Товарищ Котятко принял единственно верное решение, скомандовав:

— Покинуть танк! Живо!

Может быть «Черчилль» неповоротлив, медлителен и недостаточно вооружен для своей немалой массы в 38 тонн, но похвалить английских конструкторов стоит лишь за то, что они предусмотрели удобнейшие эвакуационные люки по бортам. Экипаж успел выскочить наружу прежде, чем взорвался боекомплект.

В нескольких метрах позади всюю полыхал КВ-220. Перепачканный сажей командир «Розетки» матерился на чем свет стоит, а общий смысл его речений можно было уложить в одну простую фразу — «Что это было?».

— Пойдем посмотрим, — вздохнул комиссар. — У нас по пехоте не стреляют, из боя мы считай выбыли...

Зашагали вверх по леднику, ориентируясь на успевшего удрать В1. Добрались до границы круга, осмотрелись. Все встало на свои места — никаких чудес, всего лишь грамотно выстроенная «ленивая» оборона.

И действительно, зачем на этой карте куда-то ездить? Въездов на респ два, один со стороны ледника, один от мостика и ущелья.

Два тяжелых танка перекрывают ледник, третий в паре с ПТ-САУ смотрят на мостик и ждут гостей. При первой же подсветке вступают в бой троица укрывшихся масксетью СУ-26 и СУ-5, которые в противовес глупой традиции арт не полезли на горку, а остались внизу, чтобы иметь возможность лупить прямой наводкой по подъезжающим машинам неприятеля.

— Во взрослых боях такой номер не прокатит, — со знанием дела покивал Парамон Нилыч. — Уничтожить сверхтяжелый танк наподобие «Тапка» или ИС-4 требуется время, успеют прорваться и как минимум вырезать артиллерию. А в полупесочнице — вполне оправданная тактика... Молодцы, что сказать.

— Вы, извиняйте, сами подставились! — на башне-скворечнике КВ откинулся люк. Командир высунулся по плечи и помахал рукой товарищу комиссару. — Ключнули на приманку в виде В1, разведку вперед не отправили... Вот и получили сюрприз из шести стволов одновременно! Аккуратнее надо быть! Оборона, это, знаете ли, серьезная наука.

— Мы заметили, — согласился Парамон Нилыч. — Ладно, желаем удачи. А мы обратно в ангар — чиниться. Хорошо хоть премиумы в бой взяли, не в убыток съездили. Иначе опять на ковер в бухгалтерию вызовут, а гражданку с собачьим прозвищем я боюсь почище взвода Е-100...

53. Подарок

— Слышите? Опять начинается, — Ганс Шмюльке поднял палец к небу. — Интересно, кто сегодня в роли безвинной жертвы?

Со стороны домика в котором располагались диспетчерская и бухгалтерия доносился низкий грудной бас, несомненно принадлежащей женщине. Ну а поскольку единственной дамой на базе являлась мадам Ротвейлер, сомнений не оставалось: кто-то из командиров опять попал под горячую руку грозной финансистки.

Следует отдельно заметить, что настоящее имя и национальность Ротвейлерши не знал никто. Русские экипажи в один голос твердили, что она безусловно немка и перевели этот божий страх сюда на погибель танкистам из какого-нибудь концлагеря. Германцы наоборот, были уверены, что железная леди раньше трудилась в лучшем случае в НКВД, на что комиссар Котятко справедливо возражал — игр про НКВД во вселенной Жесткого Диска нет и быть не может, следовательно эти грязные инсинуации не имеют под собой никаких оснований. Французы и американцы относительно природы мадам Ротвейлер твердых выводов так и не сделали, хотя однозначно признавали, что без дьявольских козней в данном случае не обошлось...

— С такими результатами мы скоро по миру пойдем! — грохотало в бухгалтерии. — Сорок четыре тысячи серебра чистого убытка за один бой! Будете на паперти церкви в Химмельсдорфе подаяние вымаливать, олухи!

Далее последовал неостановимый поток причитаний — золото кончилось, новую технику покупать не на что, цены на модули заломлены несусветные, расходников на складе осталось всего-ничего, а экипажи тяжелых танков ведут нас к разорению, нищете и прозябанию! Еще немного и мы услышим горький плач голодных детей!..

— Только не это, — зажмурился Ганс Шмультке. — Неужели у нее есть дети!?

— Думаю, это просто художественное преувеличение, — отозвался Вася с Т-44, так же оказавшийся свидетелем бушевавшего скандала. — Но если очаровательные крошки действительно существуют, то я даже знаю их имена — Ктулху, Ньярлатхотеп и Йог-Сотот.

На крыльцо выбрался красный как вареный рак командир «Мауса», фельдфебель Хале. Сплюнул. Подошел к Гансу Шмультке, попросил сигарету. Вдохнул:

— Мы-то в чем виноваты? Между прочим, за «Маусами» охотятся в первую очередь — каждому хочется красивую медальку «Гроза Мышей»! Почему-то за десять убитых ИС-7 или АМХ-50В наград не дают, одни мы страдаем! А если еще команда — олени, оставляющие «Мауса» без прикрытия, танк уничтожают практически сразу! Супертяжи отроду серьезного дохода не приносили!

— Неприятности? — со стороны штабного домика показался Парамон Нилыч Котятко. Покивал сочувственно. — Серьезная женщина, основательная. В одиночестве на Гитлера выпускай — никакого Второго Белорусского фронта не понадобится, уделает...

Комиссар повернулся к Васе:

— Василий, почему бездельничаешь? Шагом марш в политотдел, стенгазету к 8 марта готовить!

— Восьмое? — ахнул Вася, сообразив. — Mamочки, это же получается, что... Ой.

— Именно, — криво усмехнулся товарищ Котятко. — Хочешь не хочешь, а придется поздравлять. Она у нас единственная и неповторимая.

— Позвольте, — вежливо перебил Парамона Нилыча любознательный унтер-офицер. — А в чем собственно дело?

— Стыдно не знать, гражданин Шмультке, — покачал головой комиссар. — Между прочим, международный день солидарности женщин в борьбе за равноправие именно в Германии изобрели. Товарищи Клара Цеткин и Роза Люксембург. Я бы на вашем месте подумал, что подарить уважаемой... гм... начальнице финансового отдела.

— Кассовый аппарат или антикварные счета? — хихикнул Василий.

— Свиныю-копилку, — мстительно сказал фельдфебель Хале.

— Щенка ротвейлера? — ухмыльнувшись, предположил Шмультке, но перехватив грозный взгляд комиссара осекся. — Да, понимаю, с собаками на базе проблемы издавна...

— Да я сам в замешательстве, — признался Парамон Нилыч. — Допустим, поправить бюджет мы вполне в состоянии, достаточно полный день выезжать на премиумах.

Товарищам с КВ-220Т и КВ-5 я уже отдал соответствующие распоряжения, а вы, Шмультке, передайте аналогичную просьбу экипажу «Löwe» — пускай не ленятся... Но подарки?

— Можно у немцев выменять голдовые шоколадки, — предположил Вася.

— И получить от фигурантки выговор с занесением, — развел руками комиссар. — За растрату и нецелевое использование расходников.

— Стоп, стоп! — Ганс Шмультке вдруг просиял. — Кажется, придумал! Только мне обязательно потребуется общая помощь! Хале, подойдите ближе! А теперь слушайте очень внимательно...

Четверть часа спустя Парамон Нилыч Котятко и Вася едва не бегом кинулись к штабу. Комиссар лишь разводил руками и ворчал под нос: «Ну, не знаю... По-моему, это уже слишком! Это, все-таки перебор...»

* * *

— Так-так, проверим по ведомости, — мадам Ротвейлер с трудом разместила в командирском кресле «Мауса» и раскрыла папку с документацией. — Досылатель крупного калибра, одна штука, стоимость пятьсот тысяч в серебре, инвентарный номер...

Заманить бухгалтершу в танк стоило невероятных трудов, но Ганс Шмультке, фельдфебель Хале и Вася вместе с комиссаром проявили чудеса коварства и изворотливости. Почему выезды на супертяжах убыточны? Давайте проверим оснащение машин современной техникой — вот взгляните, тот же «Löwe» обвешан гаджетами как новогодняя елка, потому и прибыль колоссальная! Сами посмотрите, своим глазами!

Как человек с полностью отсутствующим чувством юмора, мадам Ротвейлер подвоха не заметила. Кряхтя поднялась по стремянке на башню «Мышки», протиснулась в люк и приступила к инвентаризации в присутствии всех четверых заговорщиков. Командир ИС-4, товарищ Сухов в это время находился в диспетчерской, договариваясь по рации с соклановцами и ожидая, когда можно будет нажать кнопку «В бой!».

— Вентиль... — повелительница финотдела подняла глаза к потолку башни, но танк неожиданно-негаданно завелся, сдвинулся с места и в открытый люк хлынул поток солнечного света. — ЧТО ТАКОЕ???

— Боже мой, — картинно закатил глаза Шмультке. — Какая-то техническая ошибка! Наверное сбой сервера! Герр комиссар, занимайте место мехвода! Хале — заряжающим! Василий, принимай рацию!

— Что? — королева счетов, отчетов и баланса в ужасе сложила пухлые ладошки на груди. — Ошибка? О, нет, верните меня обратно! Кроме того, смешанные экипажи запрещены! Я напишу докладную в центральный офис! Мне страшно!

— Поздно, — рыкнул комиссар. — Командуйте!

— Я?!

— Ну не я же?! Кто на месте командира? Куда едем?..

— П-прямо... Наверное...

— Хорошо, поехали прямо, — незаметно усмехнулся комиссар. — Вася, координируй бой по рации!

«Маус», как и было предписано новоиспеченной командиршей, медленно поехал по полю полигона Прохоровка. Никуда не сворачивая.

О том, что танк находился в тренировочном бою и роли всех до единого экипажей танков обеих команд были заранее расписаны, мадам Ротвейлер не подозревала. Оно и к лучшему.

* * *

— Поздравляем, это было потрясающе!

— Какое мастерство! Фантастика!

— Десять фрагов! Невероятный результат!

Вокруг вернувшегося на базу «Мауса» собралась толпа. Французы притащили шампанское «Мадам Клико» и торт, парни с КВ-220 собрали во время последнего выезда на Перевале букет горных цветов, американские артиллеристы успели приготовить пудинг.

Было что отметить: стараниями Ганса Шмюльке и компании мадам Ротвейлер провела сенсационно выигрышный бой, пускай чуть не довела Парамона Нилыча до сердечного приступа командами наподобие «Стрельнуть направо» или «Езжайте ровнее!». Машины противника услужливо подставляли «Маусу» борта, при этом нарочно пуляя в зоны непробития — болванки отскакивали от танка словно горошины. Союзники так же нарочно стреляли мимо целей, давая возможность «Мышке» уничтожать все, что находится в зоне поражения.

К середине боя бухгалтерша почувствовала вкус и азартно орала «Так его, гада!», а когда счетчик на командирском планшете показал 10:0, безусловно ощутила себя Гудерианом, Катуковым и Монтгомери в одном лице.

— Спасибо, спасибо, — кажется, это был первый раз в истории базы, когда на лице мадам Ротвейлер появилась скупая улыбка. — Очень приятно... Очень. Сама никак не ожидала...

Тут героиня дня вспомнила о чем-то важном, развернулась к фельдфебелю Хале и, наставив на него палец, прорычала:

— Вот видите! Ничего сложного! Командовать сверхтяжелым танком способна даже слабая женщина! А вы бы попробовали свести месячный баланс и ничего не напутать в

отчетности! стыдно, молодой человек! Новый вентилятор вы не получите, пока не научитесь воевать!

Потерявший дар речи фельдфебель взглянул на Ганса Шмультке, но тот лишь плечами пожал. Подарок явно удался, хотя никто не мог предугадать последствия...

54. Эффект новизны

— Очень, очень симпатично! — Ганс Шмультке и лейтенант Фюрст медленно шли вдоль строя самолетов. — Чувствуется принципиальная разница с нашей базой!

— Пойдемте реактивные модели покажу, — предложил Вася. Товарищ младший лейтенант после [открытия Альфа-теста](#) «World of Warplanes» в свободное от танковых боев время учился еще и на летчика. — Их пока не очень много, но «Мессершмитт 262 HG» уже привезли...

Здесь и впрямь все были иначе. Иные масштабы и совсем другая организация. Даже ремонтные боты выглядели чистенькими, в отличие от по уши перемазанных машинным маслом и сажей техбригад, обслуживающих танки. Светлые ангары, никаких свалок технического мусора с разбитыми катками и траками, пятен разлитой солярки и обязательной вони перегретого металла. Ну чисто музей авиационной техники. Казалось, что здесь даже воздух свежее и солнце ярче.

— Эффект новизны, — кивнул Вася. — Все новое кажется более интересным и привлекательным, но могу вас уверить — трудностей на аэродроме в разы больше, чем на нашей старой доброй базе с устоявшимися традициями и привычным боевым расписанием. Это же совершенно новая техника! Другие скорости, тактика, полигоны... Хотите Эль Халлуф покажу?

— Чего мы там не видели? — пожал плечами Ганс Шмультке. — Каждый камень изучен.

— Да ну? — хитро прищурился Вася. — Где вы свою таратайку бросили?

— У ворот авиабазы, — проворчал Отто Фюрст. — И почему так презрительно? Помнится в прежние времена «Леопард» считался лучшим легким танком!

— Это было слишком давно, — философски сказал младший лейтенант. — Старичок не выдержал конкуренции с новыми моделями вроде «Чаффи», не говоря уже о VK2801...

Для разъездов между строящейся гаванью, аэродромом и танкистской базой традиционно использовался «Леопард» — теперь командование отправляло его в бои крайне редко и потому маленькую, верткую и очень простую в управлении машинку приспособили для хозяйственных нужд: отвезти ящики со снарядами на тестовый полигон, сгонять за документацией в головной офис или просто съездить проветриться — как сегодня.

Конечно, легкий танк рядом со стоящими на стоянке «Виллисами» менеджеров «Варгейминга» смотрелся несколько экзотично, но тут и не такое выдвали — помнится, за новогодним подарочным «Тетрархом» пришлось кататься аж на «Маусе»...

— Разместились? — Вася устроился в кресле мехвода. — Тогда поехали! Такого Эль Халлуфа вы точно не видели!

«Леопард» выдал уверенные 60 километров в час и несколько минут спустя оказался на хорошо знакомом северном респе полигона — единственно, синий флаг в центре круга был спущен и других танков в обозримом радиусе не наблюдалось. Непривычная картина. Спустились в низину, миновали поселок у правого края карты, снова поднялись наверх.

— Ого, — присвистнул Ганс Шмультке, высунувшись из люка и осмотревшись. — Жизненного, как говорится, пространства стало гораздо больше! Во-он тех склонов раньше не было, слева горы появились, заросли какие-то — саксаул? А справа что такое?

— Наземные цели, — пояснил Вася. — Сам посуди, медленные и тяжелые штурмовики не должны охотиться на истребителей, им необходимы стационарные объекты для уничтожения...

— Как же, слышали — танки с танками не воюют, — съязвил лейтенант Фюрст. — Еще скажи, что самолеты с самолетами тоже. Практика доказывает ровно обратное. Господи, там что, еще и зенитки стоят?

— А как же! Где самолет, там и зенитка. Давайте пообедем, они реагируют на любую цель, еще получим очередь в борт...

— Роботы?

— Да какие роботы, ботов-унтерменшей вроде наших ремонтников к турели посадили. Отдали приказ палить во все, что движется. Не думаю, что здешние боты способны отличить танк от самолета, еще учить и учить. Ну что, продолжаем экскурсию?..

Попутно выяснилось, что расширенная версия Эль Халлуфа вовсе не такая уж и пустыня, как представлялось раньше. Обнаружился живописный заливчик, над которым порхали плохо различимые издали истребители, весело гонявшиеся друг за дружкой.

— Покупаться бы, — мечтательно сказал Ганс Шмультке. — Жара, солнышко. На наших полигонах купаться можно разве что в озере Ласвилля и у водопада на Перевале, и то лишь в тренировочных боях. Я как-то пытался сунуться в воду на Фьордах, замерз чуть не насмерть за одну минуту...

— Черт, — Василий, извернувшись ужом, неотрывно следил за небом. — Что-то мне это не нравится. Глядите, правее распадка и точно над плоской вершиной. На бреющем, кажется, идет... Воооздух!

Шмультке и лейтенант Фюрст сперва и не поняли, как относиться к этой команде — ничего подобного в Море Танков отроду не было (что, без сомнения, к лучшему). Сработал инстинкт: люки «Леопарда» захлопнулись, хотя по уму надо было срочно покинуть танк, броситься в рассыпную и залечь. Вася, уже научившийся как противостоять воздушному противнику, поддал газу и танк ринулся вперед, прямо навстречу зашедшему на боевой курс штурмовику — не успеет среагировать, промажет!

Пилот, скорее всего решивший, что на тест отправили новую легитимную цель — да еще и движущуюся, бронетехнику! — решил поохотиться. Каменистую почву по сторонам от «Леопарда» вспороли фонтанчики песка, пыли и гранитных осколков, выбитых снарядами авиационной скорострельной пушки НС-37. При прямом попадании броня легкого танка удара бы не выдержала.

Штурмовик ушел на второй круг.

— Ганс! — вопил Вася, по танкистской привычке виртуозно работая со штурвалом-рулем «Леопарда», педалями и рычагом переключения скоростей. — Ганс, радию! Канал сто три! Сообщи диспетчерам управления полетами, пусть уймут этого ненормального! Передадут, что мы свои! Ганси-ик, спасай! Что угодно, но только не штурмовая авиация!

«Леопард» петлял по долине как обложенный лисами заяц, однако настойчивый пилот ИЛ-2 продолжал развлекаться — пошли в ход неуправляемые ракеты, накрыло сплэшем. В двигателе нехорошо застучало, потянуло гарью и паленой изоляцией, на командирском планшете Отто Фюрста замигала красная надпись «Пожар!» Счетчик ХП неумолимо полз к нулю.

— Да ну к дьяволу такие экскурсии, — на одном дыхании произнес Ганс Шмультке. — Эвакуируемся! Бегом!

Штурмовик разнес «Леопарда» вдребезги когда до ворот аэродрома оставалось триста метров. И улетел себе воевать дальше. Из домика КПП высыпали ошарашенные столь бурными событиями сотрудники службы безопасности «Варгейминга». Старший протянул фляжку с виски бледному Отто Фюрсту.

— Между прочим, выезды на летный полигон категорически запрещены, — сообщил он. — Вас куда понесло? Знали же, что нельзя!

— Вопросы к господину... то есть товарищу младшему лейтенанту, — беззастенчиво наябедничал Ганс Шмультке указывая на Васю, чья красивая летная форма сейчас выглядела самым жалким образом: галифе порваны, на кителе отсутствует накладной карман, правый погон висит на ниточках. — Зная, что там эдакие ужасы происходят, даже за миллион золотом не сунулись бы! А кто «Леопарда» чинить будет? За чей счет? Мадам Ротвейлер нас закопает, выкопает и закопает еще раз! Но уже с особым садизмом!

— Альфа, альфа, — поморщился охранник. — Пока все бесплатно, за счет фирмы. Сейчас вызовем ремонтную «Bergepanther», вашего малыша восстановят, будет как новенький... А вы, товарищ младший лейтенант пройдите к дежурному по штабу. Налицо нарушение регламента и невыполнение подписки о неразглашении.

— Но они же свои! — попытался возмутиться Вася. — Чего тут разглашать?

— Правила есть правила. Вот когда нацепят погоны летчиков — сколько угодно, а сейчас — государственная тайна. Ясно?

Ганс Шмультке незаметно показал либер фройнд Василию кулак, но тот лишь отмахнулся. Небо. Синее небо Эль Халлуфа — вот магнит, который притягивал больше, чем самый совершенный танк. Ничего вы в этом, ползающие по серой земле танкисты, не понимаете...

55. Арчер

Английский майор, известный на танкистской базе как сэр Генри, разгуливал по плацу постукивая по голенищу сапога офицерским стеклом и насвистывая «Правь, Британия, морями». Новости из головного офиса поступали самые жизнеутверждающие — после шумного выезда на поля сражений французских танков, тайные лаборатории господина Storm'a наконец-то принялись за разработку бронетехники Альбиона.

Разумеется, до триумфального появления британцев оставалось еще немало времени, но сэр Генри не унывал — в конце концов русские экипажи и лично комиссар Котятко благожелательно отзывались о ленд-лизовских танках «Черчилль», «Матильда» и «Валентайн», давно находившихся на вооружении Советов. Парамон Нилыч с дипломатической осторожностью похваливал толстую броню и скорострельное орудие, но едва речь заходила о подвижности или маневренности отчего-то предпочитал уходить от прямых ответов...

Вот и сегодня наисекретнейший тест противотанковых самоходок серии АТ почему-то отложили — у разработчиков в очередной раз что-то не срастлось, с экспериментального завода не завезли нужное орудие и возникли проблемы с ходовой. В целом, ничего страшного, но все одно чуточку обидно — когда же, когда Юнион Джек взвьется над Химмельсдорфом, Редширом и Прохоровкой?

... — Похоже, именно тогда английский конструкторский центр снова накрыло туманом с Гримпенской трясины, явно содержащим нестандартные ингредиенты, — из-за угла ангара послышался знакомый голос. — ПТ с орудиями в спонсонах, представляешь? Практически как у «Горбатой горы» М3 Лее, только значительно, значительно масштабнее! В разы!

— И после этого кто-то считал французов наркоманскими танками? — рассмеялись в ответ. — Только Первая мировая, только хардкор! Фактически, проектировался самоходный ДОТ на гусеницах, который бы неторопливо ползал где-нибудь на Сомме или под Верденом, расстреливая из уймы пулеметов немецкие шеренги, идущие в психическую атаку под развернутыми знаменами и под барабанный бой!

— Не понимаю, почему не поступило сверхрационального предложения создать самодвижущееся убежище на стрелковый взвод с использованием железобетона!

Последовал очередной раскат заливистого хохота. Усы сэра Генри от гнева встопорчились под углом ровно 45 градусов, майор сунул под мышку стек и, чеканя шаг, вышел к грубиянам, осмеливавшимся злословить в адрес британской школы танкостроения.

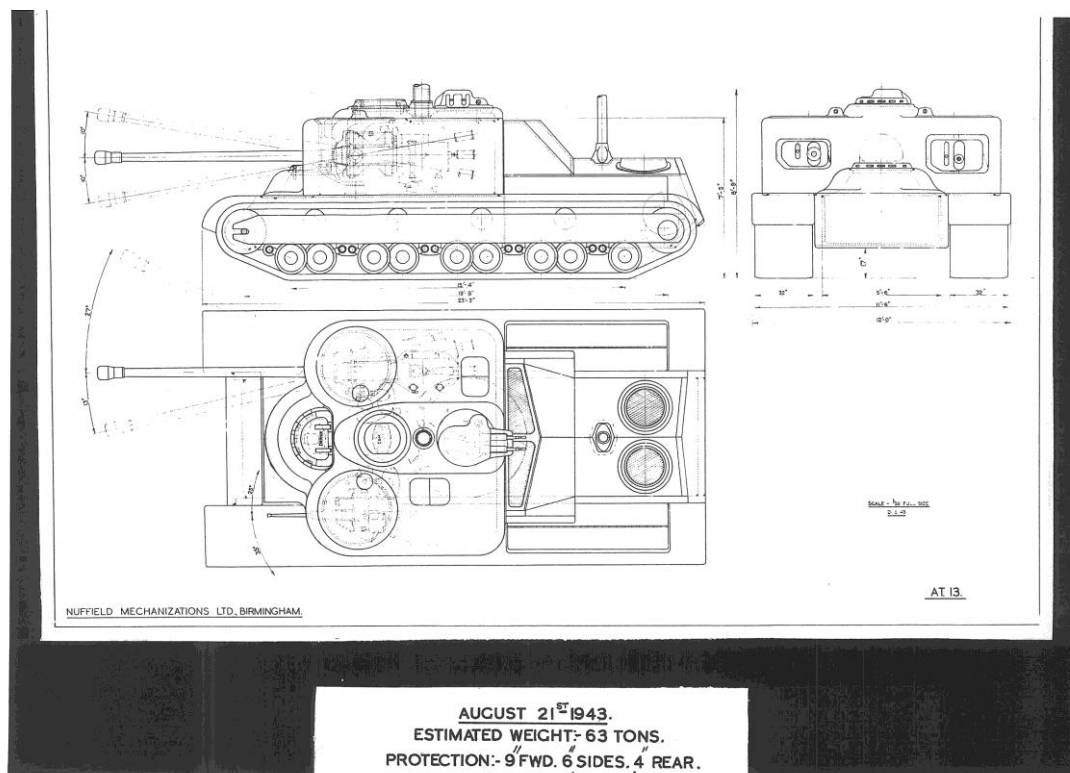
Так и есть, ничего неожиданного. Этот нахал Ганс Шмультке, которому только бы позубоскалить, и русский младший лейтенант — белокрысы и курносый. Кажется, его имя Vasiliy.

— Джентльмены, — сэр Генри надулся как индюк, сдвинул брови и взглянул на чуть смутившихся весельчаков с высоты своего немалого роста. — Я требую объяснений!

— Извините, герр майор! — козырнул Шмультке. — Обсуждаем проблемы сегодняшнего неудачного теста! Дело в том, что господин Storm выбраковал тридцатишеститонный британский танк с пулеметным вооружением как категорически не подходящий по всем параметрам!

— Тридцатишести... — повторил было сэр Генри, но внезапно покраснел, потом побелел, затем приобрел нежно-зеленый оттенок. Развернулся на каблучке и уныло побрел прочь.

— Зря ты его так, — сказал Вася сочувственно глядя вслед майору. — Обидел человека.

— А я-то тут с какой стороны виноват? — изумился Ганс Шмультке. — Напомню, в 1943 году, когда они планировали создать эту пулеметную каракатицу у нас уже был практически разработан «Королевский Тигр», а вы запустили в серию ИС-1. О, слышишь? Пойдем взглянем, кому господин Storm устраивает очередной разнос...

Заглянули в ангар. Главный инженер секретного НИИ «Варгейминга» рассказывал по бетонному полу схватившись за голову и возглашая:

— Это невыносимо! Да по уровню сумрачности британский гений даст фору германскому на сто очков вперед! Вот как, как прикажете ЭТО выводить в бой?!

Господин Storm с ненавистью посмотрел на один из прототипов супертяжелого британского агрегата Tortoise A39, именуемый техническим персоналом аббревиатурой «УБК» — «Уютный Бабушкин Комод». Про исходную английскую классификацию — АТ-13, все успешно забыли. Главным отличием от исходной «Черепахи» было то, что эта штукавина, размерами сопоставимая с «Ягдтигром», а по неповоротливости соперничающая с американской Т95, несла длинное орудие 17 фунтов в... Ну да, в спонсоне по правому борту.

Ганс Шмультке прыснул в кулак. Сказал елеинным голосом:

— Предлагаю ввести для британцев расходники «Чай с молоком» и «Утреннюю «Таймс». Думается, подойдет в самый раз...

— Заодно «Овсянку», — поддакнул Вася. — Пить чай с овсянкой в бабушкином комод...

— Вот выгоню обоих вашей с закрытого теста за такие разговорчики! — пригрозил господин Storm. — Вам хиханьки, а мы уже незнамо сколько машин выбраковали! Просто

потому, что никто не знает, как их использовать и балансировать! Подойдите, взгляните какая прелесть! Что это, по вашему?

— Ну-у, — Ганс Шмуйлке почесал в затылке. — Очень уж характерная ходовая часть, два больших и четыре малых опорных катка сблокированы по три в две тележки. «Валентайн», как он есть. Только что у него с надстройкой? Зачем?

— Они еще спрашивают! — закатил глаза господин Storm. — ПТ-САУ «Арчер» с семнадцатифунтовым орудием. Наша главная головная боль — не делать нельзя, а как делать непонятно! Орудие, если вы не заметили, *обращено назад*! Так якобы удобнее менять позицию при обнаружении противником! Плюс открытая рубка. Правда, здорово?

— И как на «Арчере» работать в бою? — оторопело сказал Вася. — Инвертировать управление в снайперском режиме?

— Стоп, — перебил Шмуйлке. — Выходит, это окажется единственная ПТ, имеющая скорость движения вперед меньше, чем скорость движения назад? Особенно если считать «передом» направление орудия? Зато как удобно будет удирать от противника на тридцати двух километрах в час! А вот десять километров в час при движении вперед будут сильно огорчать...

— Не знаю, — отрубил господин Storm. — Пока, по крайней мере. Решаем. Теперь поняли, что смешки над французами были преждевременными?

— Так точно, поняли, — улыбнулся Вася. — Ждем с нетерпением.

— Мне иногда кажется, — вздохнул господин Storm, — что «Варгейминг» совершенно не зря является британской фирмой. Fish, chips, cup of tea, bad food, worse weather, Mary-fucking-Poppins! А теперь еще и английская ветка... Как я и говорил — болотные испарения виноваты.

56. Ноль семь два

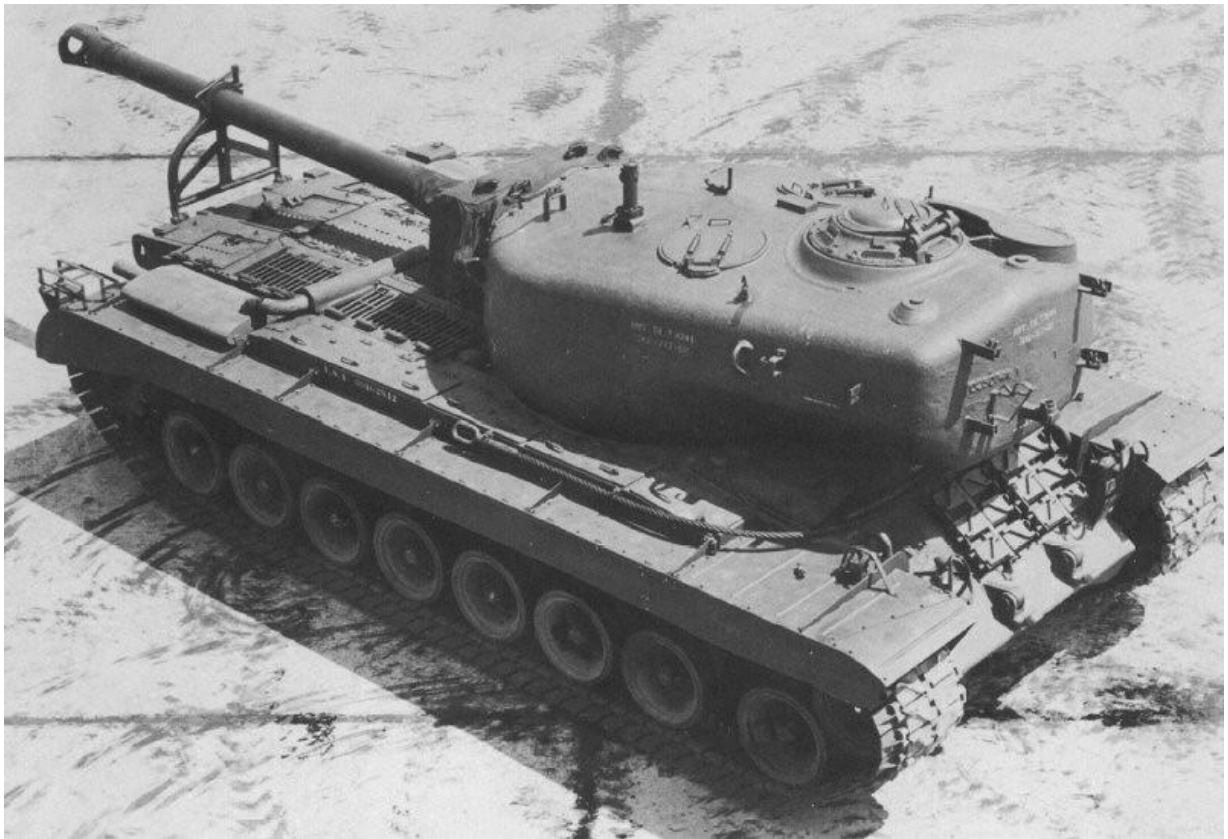

— Опять паника, — Ганс Шмультке, устроившийся с сигареткой на подоконнике лестницы второго этажа немецкой казармы наблюдал за суетой на плацу. — Что на этот раз произошло, любопытно? Вторжение гигантских помидоров-убийц? Тогда стоило бы поднять авиацию «World of Warplanes» и нанести удар штурмовиками по точкам высадки... Или с визитом прибыла делегация из «My Little Pony» с предложениями дружбы, конфет и цистерной розовой краски для нового гламурного камуфляжа ИС-7?

— Ты рано или поздно дошутишься, — очень серьезно сказал лейтенант Отто Фюрст, провожая взглядом мадам Ротвейлер. Бухгалтерша, сжимавшая в руках папку с документами, тяжеловесно маршировала к американской казарме в сопровождении уорент-офицера Роджера Бина, командира «Ванны Смерти» — легкой противотанковой самоходки Т82, наводившей ужас на обитателей «песочницы». — Похоже, на самом деле случилось нечто непредвиденное. Видишь, янки носятся как ошпаренные? Неужели Т95 решили понерфить?

Шмультке мечтательно вздохнул. Проклятуший «Ленивец» был настоящим проклятием Мира Танков — четырехгусеничное чудовище разбирало с двух выстрелов в лоб ИС-4 и «Тапка», а легенда о том, как вроде бы медлительный и неповоротливый Т95 однажды «закрутил» Т-54 на Линии Зигфрида передавалась из уст в уста, при этом являясь чистой правдой — правда, умалчивалось о том, что экипаж «Таракана» был то ли пьян, то ли неадекватен, поскольку маневренность обеих машин несопоставима.

Но тем не менее американские самоходчики пользовались на базе вполне заслуженным уважением. До такой степени, что даже комиссар Котятко однажды разродился передовицей в выпускаемой русскими стенгазете — хвалебная статья называлась пышно: «Ударный нагиб союзников: учимся у профессионалов из Североамериканских Штатов». Парамон Нилыч, традиционно отметив недостатки и пороки буржуазной школы танкостроения, не мог не похвалить экипаж Т95, ухитрившийся наколотить в Редшире аж одиннадцать фрагов, при этом не покидая базы — янки просто стояли на месте, и ждали гостей...

Взвыла сирена, да так пронзительно, что Ганс Шмультке вздрогнул и едва не выронил сигарету. Над домиком диспетчерской взвился белый штандарт, означавший вовсе не капитуляцию, а «условия чрезвычайной ситуации». Да что же все-таки стряслось? Опять война с «Драконами»? Быть не может — договор о ненападении подписан!

— Внимание гарнизону! — рыкнуло из динамиков, установленных по углам зданий и над ангарами. — Все бои отменены! Сервер отключен! Кластеры отключены! Производится загрузка патча Ноль Семь Два!

— Да неужели? — Шмультке воткнул окурок в пепельницу и спрыгнул с подоконника. — Дождались, а? Все сказками кормили, и вот вдруг... Герр лейтенант, сходим посмотрим?

— На что? — пожал плечами Отто Фюрст. — Опять начнется стандартный дурдом. Командование бэкапит клиент, Ротвейлерша нудит и пересчитывает доходы в соответствии с новыми инструкциями из головного офиса, экипажи штудируют в библиотеке новые параграфы устава по умениям... Чего мы тут не видели?

— Как угодно, герр лейтенант, — козырнул Ганс Шмультке и направился вниз по лестнице. — Потом расскажу, чего было...

Возле американского ангара крутился Вася — наводчик с Т-44, а теперь еще и курсант летной школы Мира Самолетиков. Василий успел сменить красивую летную форму на синий танкистский комбинезон с обязательным шлемом и теперь пытался разговорить Роджера Бина, который, впрочем, уверял, будто сам ничего не знает и вообще какое дело русским до сугубо американских внутренних дел?..

— Привет, — Ганс Шмультке пожал Васе руку и кивнул насупившемуся янки. — Are you okay?

— Да говори нормально, — поморщился Вася. — Видишь, мистер Бин в расстройстве?

— Прощай Т30, старый друг, — с несвойственной американцам грустью сказал уорент-офицер. — Очень скоро мы не увидим испытанного супертяжа с двумя тысячами двумястами ХП и тремя полосочками над ним...

— Сэр, с вами все хорошо? — обеспокоился Шмкльке, никак не ожидавший от штатовца эдакой шекспировской патетики. — Не надо так огорчаться!

...— На его место придет молодой и амбициозный Т110, который вытолкнет ветерана Т30 Heavy Tank в не самый котирующийся противотанковый класс... — голосом героя мелодрамы произнес уорент-офицер, театрально закатил глаза, а секунду спустя хитро покосился на Ганса Шмультке с Васей и расхохотался. — Да шучу, шучу! У нас на базе отроду Т30 не было! Но поскольку командование уважает ПТ, сейчас привезут новую машину!

Тут уорент-офицер Бин не соврал: руководство предпочитало советские и немецкие тяжи, в американской ветке отдавая предпочтение самоходкам. Ну а поскольку в новом патче волею разработчиков Т30 удивительным образом превращался из танка в ПТ с вращающейся башней, вывод можно было сделать один — покупка Т110 неизбежна. Недаром мадам Ротвейлер примчалась в американский ангар с кипой документов!

— Это грабеж! — Шмультке, Вася и мистер Бин заглянули в распахнутые ворота ангара. Мадам Ротвейлер нависала всей своей немалой массой над бледным менеджером по продажам из головного офиса. Точь-в-точь «Маус» перед МС-1. — Сколько-сколько? Да я за такую сумму весь «Варгейминг» куплю и «Близзарду» продам!

— Девушка... — вякнул менеджер и моментом осекся. Понял, что любое продолжение будет чревато one-shot-ом.

На и без того не блиставшей пленительной красотой физиономии мадам Ротвейлер появилось настолько зверское выражение, что менеджер вжался в борт Т95, к которому его приперла женщина-катастрофа так, словно желал раствориться в броне. Королева бухгалтерии не отрывая убийственного взгляда от жертвы вынула из папки чековую книжку, не глядя проставила сумму с шестью нулями, черкнула автограф и двумя пальцами сунула чек в нагрудный карман представителя фирмы.

— Запомни некрепко, — прошипела финансистка, — Если машина окажется некомплектна, если самоходку поставят без обрезиненных катков и если сиденья членов экипажа не будут обиты кожей, я тебя найду. Если не будут предустановленны досылатель, вентилятор и приводы наводки — я тебя найду. Если не будут поставлены расходники — я тебя найду и... И что с тобой сделаю?..

— Женит на себе, — прошептал Ганс Шмультке. — Семейные ценности, все дела...

Вася невероятным усилием воли подавил нервный смешок.

— Н-не надо, — пискнул менеджер, на которого было больно смотреть. — Пожалуйста, не надо! Все будет сделано в лучшем виде!

— Вот то-то же! — гроыхнула мадам Ротвейлер с ухмылочкой, вполне подошедшей бы Ганнибалу Лектеру. Обернулась. — А вы, олухи, что тут делаете? Подслушивали?

— Никак нет! — непроизвольно вытянулся Ганс Шмульке. — Как вы могли подумать?! Офицеры — и вдруг подслушивают?..

— Еще на дуэль меня вызови, — бросила бухгалтерша, захлопывая папку. — Мистер Бин?

— Так точно, я! Сэр! Йес, сэр!

— Отставить «сэра», только сексизма тут не хватало! — вызверилась мадам Ротвейлер. — Чай не у себя в Штатах! Шагай за мной, будем машину принимать! На обучение нового экипажа в Академии денег нет и не будет! Самоходчик? Ничего, переучишься! Бегом!

— Ужас, — заключил Вася, наблюдая как фрекен Бок, бледный как смерть менеджер «Варгейминга» и уорент-офицер Бин направляются к железнодорожному амбаркадеру, куда как раз подогнали платформу с покрытым брезентом Т110. — И ведь это патч еще не загрузили. Представляешь, какую бешеную деятельность наша домомучительница разовьет, когда в зоне ее досягаемости окажутся все возможности Ноль Семь Два?..

— Вот тогда и посмотрим, — пожал плечами Ганс Шмульке. — Пойдем лучше в столовую, завтрак пропустим. Воевать на голодный желудок — последнее дело.

— Воевать? — Вася отмахнулся. — Какое там! Патч обещают к тринадцати ноль-ноль. Значит, будет к семи вечера самое раннее. И скажи спасибо, если твой «Тапок» не начнет произвольно ездить бортом вперед через всю Прохоровку как во времена незабвенного Ноль Шесть Один Пять...

57. Провинция

— Очень даже симпатично, — сказал Ганс Шмультке, оглядывавший пейзаж с видом Наполеона, планирующего диспозицию к битве при Аустерлице. — Огламуренный вариант Эль Халлуфа. Две возвышенности, долина между ними, есть где спрятаться...

— Поедем к замку, посмотримся, — кивнул лейтенант Фюрст. — По-моему там очень удобная позиция для прикрытия респа...

«Леопард», на котором по сложившейся традиции совершались деловые и ознакомительные выезды, пополз по склону вверх. На самом респе, под новеньким зеленым флагом с эмблемой WoT, продолжался пир горой — ради презентации двух новых полигонов центральный офис решил устроить эдакий корпоративчик для танкистов: длинные столы, кувшины с красным вином, пицца, паста и всякие прочие пепперони с кассатой — все-таки Италия...

По большому счету полигон Провинция был второй по-настоящему «итальянской» картой после Монастыря, созданного по образцу знаменитого Монте-Кассино. На Рудниках (когда-то являвшихся вполне русскими Пагорками) разработчики еще в прошлом году зачем-то понастроили домиков в средиземноморском стиле, высадили виноградные лозы и этим неудачным косплеем безнадежно испортили такую родную и привычную со времен ЗБТ карту. Впрочем, с Карелией вышло еще хуже — просто накопили ям и канав, что вызвало устойчивые слухи о строительстве метро вплоть до самого Химмельсдорфа...

— Райское местечко для самоходчиков, — задумчиво проговорил лейтенант Фюрст, по плечи высунувшийся из командирской башенки «Леопарда». — В отличие от Эль Халлуфа холмы расположены близко друг от друга, ведущие на них дороги узкие и прекрасно простреливаются.

— Ключевое слово — «узкие», — отозвался Ганс Шмультке. — Две тяжелые машины не разъедутся, а когда наконец-то введут новую физику, можно будет запросто свалиться с «балкона» вниз со всеми вытекающими. Кому как, а мне не хочется оказаться в «Леопарде», когда на него рухнет чудище наподобие Т95 или Е-100!

— Они сюда не проедут, — кивнул герр лейтенант. — Впрочем, на чем-то полегче еще можно попробовать. Выковыривать засевший здесь танк будет очень и очень непросто.

Оказавшись в внутреннем дворе замка экипаж вылез поразмяться. Над головами возвышался сине-золотой купол собора, колокольня слева, справа двор прикрыт скальным выходом. Идеальное укрытие, артиллерия не достанет, а ты можешь преспокойно обстреливать подходы к респу и в нужный момент откатываться назад.

— М-да, — сказал Шмультке. — Никакого сравнения с Лайв Оксом, где полигон простреливается из края в край. А если учитывать появление новых американских ПТ, от которых уже житья не стало...

Лейтенант только сплюнул. Недавний патч, столь долго ожидаемый, принес сразу несколько малоприятных сюрпризов — начиная от появления шустрых и вертких «Хэллкэтов» с орудием 90 миллиметров и заканчивая переквалифицированный в самоходку Т30, пробить который даже из длинного «маусовского» орудия «Ягдтигра» стало проблематично. Про Т110 лучше вовсе не вспоминать: в случайных боях от этих толстяков со вчерашнего дня было не продохнуть...

— Возвращаемся, — вздохнул Шмультке. — Иначе наши проглоты все сожрут и выпьют, а я хочу попробовать лазанью с грибами и моцареллой...

На банкете присутствовало начальство — господин Storm, покрасневший после нескольких бокалов «Кьянти» пространно рассуждал о перспективах на будущее: английская ветка, японцы, да и не следует забывать об итальянцах — в конце концов у них тоже были свои танки! Страшненькие, конечно, но после появления французов и пошедших на засекреченные тесты английских «бабушкиных комодов» опытным танководам уже ничего не страшно...

— И кстати, — глава инженерного цеха хитро прищурился. — Что это мы все о танках? «Варгейминг» стремительно развивающаяся корпорация, пора осваивать новые горизонты, к чему заикливаться на одной-единственной идее!

— Почему на одной? — спросил Ганс Шмультке, — А как же самолетики и кораблики? Авиационный альфа-тест недавно открыли, только сегодня ввели новый авиаполигон «Тихий океан», в гавани «Ямато» и «Кинг Джордж V» достраиваются.

— Бездушная железная техника, — отмахнулся господин Storm. — Почему бы не поэкспериментировать с живой материей?... Между прочим, Шмультке, если вы у нас участвуете в программе закрытых тестов, почему бы вам в ближайшее воскресенье, то есть послезавтра первого числа, не заглянуть в лабораторию? Обещаю показать кое-что занятное и принципиально новое...

— О чем это он? — шепнул на ухо унтер-офицеру герр Фюрст. — Когда разработчики говорят такие слова, у меня мороз по коже. Давно отучился верить, что сюрпризы бывают добрыми и хорошими, а после табунов Т110 оккупировавших все доступные полигоны и вовсе потерял веру в человечество!

— Посмотрим, — пожал плечами Шмультке. — Всего два дня потерпеть. Сейчас перекусим, да съездим в Лайв Окс: меня не оставляет смутное подозрение, что мы упустили нечто важное и не поняли принцип тактического взаимодействия на тамошнем открытом пространстве. В отличие от гористой Провинции, где тактика предельно ясна...

58. Шестьдесят первое февраля

— На второй этаж, можно по лестнице, можно на лифте, — сказал охранник, выдав гостю электронный пропуск. — Там направо, кабинет найдете...

— Большое спасибо. Но ведь сегодня воскресенье, разве сотрудники на работе? Я никак не ожидал настолько срочного вызова!

— На работе, на работе, — сотрудник службы безопасности едва заметно ухмыльнулся.
— И ждут с нетерпением...

Терзаемый недобрыми предчувствиями литератор Мартьянов уныло потопал к лестничному пролету. День пошел кувырком с раннего утра, когда ни свет ни заря объявился курьер «Варгейминга» вручивший авиабилеты в Минск. «Быть в головном офисе немедленно, в аэропорту вас встретят! Живо, самолет через полтора часа!»

На наводящие вопросы курьер отвечать отказался — мол, информацией не владею. Пожалуйста, поторопитесь! Когда обратно? Да хоть сегодня вечером. Если, конечно, успеете завершить дела в конторе.

От Петербурга до Минска чуть меньше семисот километров по прямой, «Эрбас» находился в воздухе всего 55 минут. Приехали. Добрались до вроде бы ничем не примечательного офисного здания в центре города. Охрана сверилась со списком, в котором стояла одна-единственная фамилия...

Да что вдруг стряслось? Вскоре готовится к релизу литпроект «Варгейминга», наверное эдакая спешка связана с ним? Но почему в выходные? И настолько экстренно? В конце концов, можно было подождать до начала рабочей недели, написать письмо на электронную почту, пригласить в удобное время!

...Прошел по коридору, отыскал дверь с логотипом фирмы и надписью «Sergey Burkatovskiy, Wargaming.net's Lead Game Designer». Вот оно, самое логово!

Постучал. Услышал грубоватое «Ну? Открыто!»

— Та-ак... — заведев, кто стоит на пороге, Серб поднялся с кресла. — Явился, значит, сказочник.

— Добрый день, — выдавил нервную улыбку Мартьянов. — Давно не виделись, Сергей Борисович. Как успехи на поприще? Когда английская ветка и «Мир Корабликов»?

— Я тебе сейчас устрою английскую ветку, вредитель! — Серб предъявил обомлевшему писателю сжатый кулак. — Хулиганить в Livejournal-комьюнити или даже на официальном форуме — пожалуйста, никаких возражений! Пони на танках! Толстые волосатые тролли в комментариях! Кругом рачьё! Но, извините, использовать официальную площадку WoT для своих сомнительных экспериментов с реальностью? А еще внештатный сотрудник! Выгону без выходного пособия! Это же вредительство, за такое при Сталине в штрафбат отправляли! Кровью искупать!

— Я не понимаю! — Мартьянов аж отступил назад к двери, ожидая неминуемой кровавой расправы. — Что я такого сделал?

— Что сделал? — прошипел Серб. — Он еще спрашивает! Марш за мной, саботажник!

Спустились вниз, на цокольный этаж, миновали серверную. Серб открыл металлическую дверь своим ключом. Гараж со служебными автомобилями — «Майбах Цеппелин» и «Роллс Ройс Фантом» для представительских нужд, за ними авто попроще. В частности несколько архаичных «Виллис МВ» образца 1941 года.

— Садись, — Серб забрался в «Виллис» и кивнул на место рядом с водителем. — По большому счету, вдумчиво с тобой побеседовать хотел не столько я, сколько... Впрочем, сам увидишь.

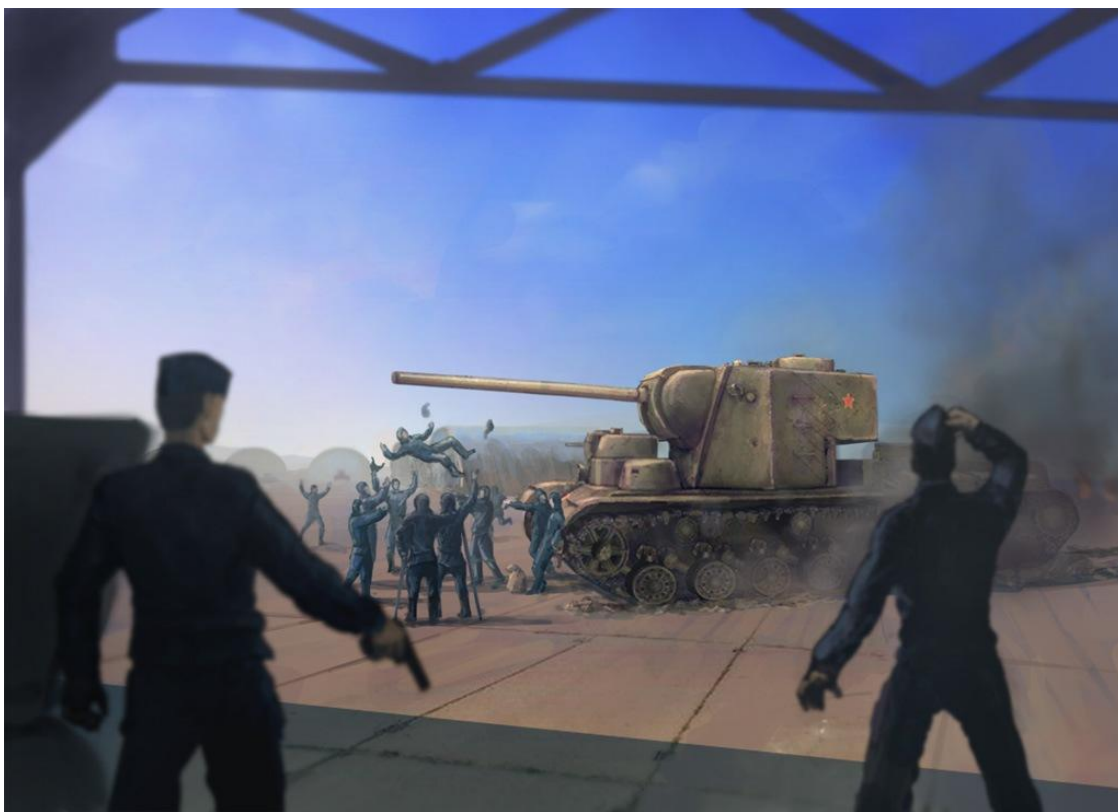
Поднялась дверь гаража и машина выкатилась на холмистую равнину. Правее и дальше в нескольких километрах отчетливо просматривался морской залив с гигантскими «коробками» сухих доков, совсем рядом находился аэродром. Над бетонкой на бреющем промчалось звено Ла-5.

— Этого не может быть! — Мартьянов зажмурился. — Откуда в Минске море? Где мы?

— Там, — уклончиво ответил Серб. — Увидишь.

Аккуратная кирпичная ограда, КПП со шлагбаумом. Охрана в сизой немецкой форме документы проверять не стала — все-таки большое начальство. Козырнули вслед.

— Косяк номер один, прямо на въезде, — «Виллис» затормозил сразу у ворот. — Как ты думаешь, что это такое? Давай-давай, соображай. Ведь твоя работа!

Сооружение из выкрашенных в камуфляжные полосы досок больше всего напоминало собачью будку. Разве что очень большую — собака должна оказаться размером с теленка, не меньше. Загремела цепь, из будки выглянуло нечто кошкообразное, вроде бы снежный барс, но почему-то голубого цвета с темно-синими пятнами.

— Именно, — кивнул Серб. — Тот самый Синий Ирбис, уникальный пет. Стоило тебе один раз сдуру сболтнуть в своих «Легендах» — и вот, пожалуйста! Живет на базе! Кормить приходится за счет «Варгейминга». Разорение!

— То есть вы хотите сказать, — обалдело проговорил литератор, — что мы сейчас находимся...

— Какой догадливый! — скривился Серб. — Пошли в штаб, нас ждут.

Жизнь на базе бурлила: из французского ангара выкатился AMX 13 90, с посеченной осколками броней, к нему сразу бросились ремонтники. У Советов меняли катки на KB-5 и KB-220, была слышна реплика «...Взвод *«Зависть иколоты»*». Немцы подновляли краску на «Маусе». Это невероятно, но все окружающее выглядело до невероятия настоящим — яркие цвета, запахи машинного масла и солярки, рев моторов... Не может быть!

Дежурный по штабу, — сегодня им оказался французский лейтенант, — проводил в комнату для оперативных совещаний. Навстречу вышел невысокий германский унтер-офицер с рыжеватыми коротко стриженными волосами. Коты такими рыжеватыми бывают

— Guten Tag, meine Herren. Herr Burkatoffski, mein Kompliment... А это тот, о ком я думаю?

— Шмультке, повежливее, — строго сказал Серб. — Мероприятие вполне официальное. Если вы готовы высказать претензии — пожалуйста, но в предельно корректной форме!

Собрались, кажется, все. Младший лейтенант по имени Вася, Отто Фюрст, англичанин-майор сэр Генри, американские артиллеристы и француз с «Лоррейна». К ужасу писателя Мартьянова в главе покрытого красным сукном стола восседал выбритый налысо товарищ, обликом немного напоминавший Никиту Сергеевича Хрущева, с комиссарскими звездочками на обоих рукавах гимнастерки и двумя шапками в петлицах — батальонный комиссар, не больше не меньше! Рядом с товарищем Котятко расположилась дама постбальзаковского возраста и не самого симпатичного облика. Неужели ОНА?..

— Вы присаживайтесь, гражданин, — сказал Парамон Нилыч. — Будем сегодня на партактиве ваше личное дело рассматривать. Касательно заведомо ложных измышлений, касающихся здешнего житья-бытья.

... — И беззастенчивой наглой клеветы, — возмущенно дополнил сэр Генри. — Кто назвал британскую бронетехнику *«порождением извращенного разума, отравленного ядовитым туманом с Гримпенской трясины»*? Да-да, именно вы! Все задокументировано!

— А меня, — всхлипнула женщина с могучим бюстом, — постоянно оскорбляет обидным собачьим прозвищем! Только потому, что я не позволяю всяким транжирам проматывать лишние деньги и берегу подотчетное имущество базы!

— У господина писателя с обидными прозвищами дело обстоит как нельзя лучше, — мстительно добавил уорент-офицер Бин с Т82. — Мою самоходку поименовал «Ванной Смерти», а к VK2801 из-за него теперь навеки прилипло «Толстопард»! И это еще далеко не все гнусные проделки этого писаки!

— Видите ли, — поднял руку Серб, останавливая поток всеобщего возмущения. — Мы, разработчики, сами довольно плохо представляем, как функционирует наш мир, так сказать, изнутри. Если мы способны объяснить как работают физика, пробиваемость, урон фугасами и так далее, то развитие мира вне строго технических аспектов, его мифология и

глубина лежит на тех, кто далек от сухой математики, расчетов и программных кодов! Вот в итоге и получается, что гражданин Мартьянов не задумываясь о последствиях сочиняет всякую чепуху, а она воплощается в жизнь...

— Чепуху? — взвыл литератор. — Где я хоть один раз соврал? И потом, это такой жанр! Сказки! Легенды! Вы же не будете требовать от братьев Гримм или Ганса Христиана Андерсена абсолютной достоверности в стиле социалистического реализма! Покажите мне на карте Европы королевство, в котором жила Золушка?! Или мемориальный музей Синей Бороды!

— Насчет «соврал», это мы сейчас проверим, — сказал Парамон Нилыч, нацепляя на нос круглые очки и раскрывая личное дело. — [«Раскинулось море широко»](#) — ваше сомнительное творчество? При этом дополнительно указывается — *«Пожалуйста, не воспринимайте данное произведение, как концепт проекта "World of BattleShips". Это всего лишь сказка!»* Намеренно дезинформируете широкие массы? В военное время за дезинформацию, знаете ли, расстреливают...

— Неправда! Я как чукотский поэт — что вижу, о том пою! Расспросил разработчиков по кораблям, скомпилировал слухи, ну приукрасил немножко — так ведь интереснее! Что, прикажете перечислять ТТХ линкоров и калибр орудий? За этими удовольствиями — в любую энциклопедию!

— Допустим, с новыми умениями экипажей от патча ноль-семь-два герр Мартьянов в прошлом не ошибся, — неожиданно заступился за литератора Ганс Шмультке. — И про японцев тоже изложена чистейшая правда! Но дьявол, как водится, в мелочах! Василий, как это по-русски, nakati!

— Нет проблем, — младший лейтенант достал из-под стола канистру, подвинул к себе граненый стакан и наплескал в него граммов пятьдесят темно-коричневой жидкости. По комнате расплылась волна запаха чистейшего спирта. — Самогон «Переваловка», который вы столь активно рекламируете. Не желаете продегустировать? Только залпом!

— Боже... — жертва безжалостного эксперимента продышалась и прокашлялась минуты через три. Сострадательная бухгалтерша принесла графин с водой. — Что это было?..

— Восемьдесят градусов, — любезно улыбнулся Вася. — Целебный экстракт горных трав с Перевала, как вы утверждаете. А на деле — этим нектаром можно танки заправлять, эффект будет как от стаоктанового бензина!

— Отсюда мораль, — без всяких эмоций добавил Серб, — все, что связано на земле, связано и на небесах! Точнее, что однажды сказано в реальности — вполне может воплотиться в материю *здесь*! Хорошо еще, что господин Storm сегодня занят и не сумел приехать, иначе живым бы ты отсюда не вышел! За инсайдерскую деятельность! Кто растрепал о немецких сверхтяжелых самоходках «Саламандра», «Крокодил» и «Ягдпантера-II»?

— А их разве не будет? — незамедлительно встрял Ганс Шмультке. — Вы же обещали!

— КТТС, — отмахнулся Серб. — Важен сам факт раскрытия сверхсекретных сведений!

— Говорю же, пятьдесят восьмая статья в чистом виде, — пожал плечами товарищ Котятко. — Сейчас посадим гражданина в МС-1, поставим сзади заградотряд из дюжины «Маусов» и пусть едет воюет! Кровью искупает! На полях, так сказать, сражений!

— Даже не думайте! — литератор вскочил, опрокинув табурет и отошел к стене. — Живым не дамся!

— Струсил, — кивнул Вася. — Я так и знал. Пусть сказки про «My Little Pony» для маленьких девочек пишет, а нас оставит в покое!

Эдак завтра насочиняет что-нибудь про драконов в «World of Warplanes», а нам потом разгребай!

— Подождите, подождите, товарищи, — примирительно сказал Серб. — Ну бывает, человек совершил ошибку, пошел против коллектива, недостаточно проникся... Зачем горячиться?! Предоставим возможность загладить, искупить, как и предложил уважаемый Парамон Нилович! Направим заряжающим на «Ягдтигра» на пару-тройку выездов, пусть потягает болванки сто двадцать восемь миллиметров, поймет как тут живет *на самом деле*, а не в сказках... Пожалеем, ради праздника-то?

— А какой у нас сегодня праздник? — подозрительно спросил Мартьянов. — День пиксельного танкиста?

— Шестьдесят первое февраля, — откровенно фыркнул Серб. — Бледный ты какой-то... Шутки не понимаешь! Ладно товарищи и господа, посмеялись над нашим штатным сказочником и хватит. Пойдемте в столовую, французские повара банкет два дня подготавливали! Мы из головного офиса «Божоле» завезли ради такого дела...

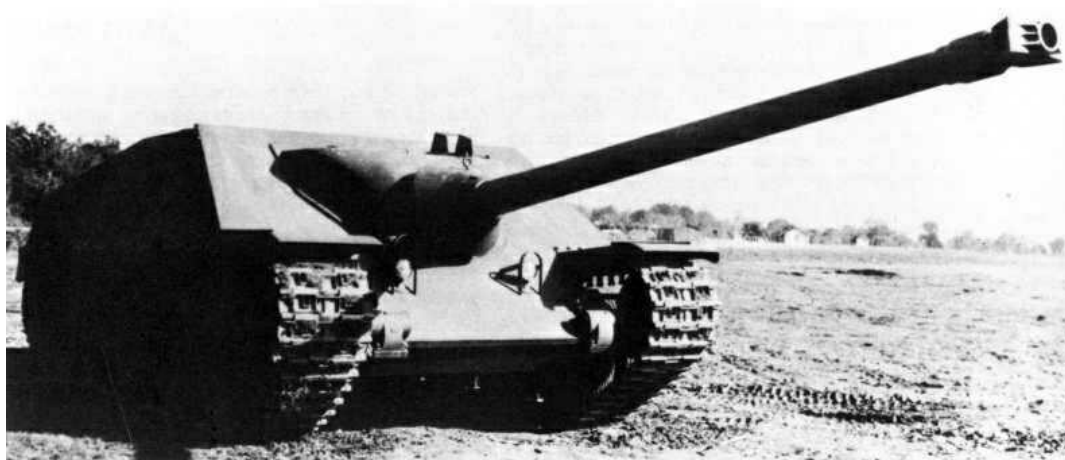
— Спокойнее, без обмороков, — хлопнул писателя по плечу Ганс Шмульке. — Небольшой невинный розыгрыш. За «Переваловку» — наши извинения, действительно крепковата...

— И учти, — Серб направил на Мартянова вытянутый указательный палец, — ты можешь зубоскалить, высмеивать разработчиков и троллить «Варгейминг» сколько угодно, но в любом случае меру надо знать. Без излишеств, понял?

— Так «сколько угодно» или «без излишеств»?

— Одно не исключает другого! А за кормление Синего Ирбиса еще из зарплаты вычтем! И за сломанный антиграв господина Storm'a тоже! Мы тут не шутим, а работаем!..

59. Дисбаланс

— Ситуация, товарищи, чрезвычайная, — с партийной прямоотой заявил Парамон Нилыч Котятко. — Засилье империалистических хищников заставляет нашу миролюбивую общественность соответственно реагировать на козни и происки мировой буржуазии! Войны не хотим, но к отпору готовы! Наш бронепоезд, не побоюсь этих слов, стоит на запасном пути! Бить врага малой кровью, на его территории!..

Зевать, дремать и отвлекаться на традиционном партсобрании категорически не следовало: товарищ комиссар мигом заметит и тогда не миновать полновесного наряда по кухне и досрочной сдачи зачета по марксизму-ленинизму — у Парамона Нилыча с политучебой строго. Потому советские экипажи терпеливо ожидали, когда у товарища Котятко закончится стандартный набор лозунгов, и он перейдет непосредственно к делу.

— Называя вещи своими именами — надоело! — комиссар обрушил могучий кулак на укрытый красной тканью стол. Графин с водой подпрыгнул. Покосился на Васю,

наводчика с Т-44, и не преминул съязвить: — Пока отдельные несознательные элементы помешались на своих самолетиках, в нашем мире — Мире Танков! — происходит невесть что! Даже появление французов прошло куда более безболезненно! Распоясавшаяся заокеанская военщина...

И так далее. Парамон Нилыч был традиционно многословен, пафосен и сыпал грозными словесами как из рога изобилия, хотя насущную проблему можно было изложить одной простой фразой — после недавнего патча ноль-семь-два житья от американских самоходок не стало. Причем в боях всех уровней, от песочницы, где лютовала Т82, до средних левелов (там бесчинствовали «Хэллкэты») и боев «для взрослых» — о способностях «Ленивца» Т95 знали все и каждый, а теперь к сонму штатовских пэтэх присоединился еще и Т30, разжалованный из танка в самоходку.

... — Ничего себе, «разжалованный», — возгласил товарищ комиссар. — По мне, так это повышение! Ничего себе ПТ-САУ — башня вертится, пробить ее невозможно, орудие сто пятьдесят пять миллиметров, носится со скоростью тридцать пять километров в час! И это без учета двух других новшеств — тяжелых танков М103 и Т110! Ставлю вопрос ребром: что делать? И кто виноват?

По комнате для политзанятий прокатилось низкое «У-у-у...» — кто виноват, было ясно всем, от зеленых новичков, до опытейших командиров тяжей: разумеется, господа разработчики. Впрочем, повлиять на небожителей не имелось никакой возможности, а значит придется решать извечный вопрос номер один — что делать?

— Объединимся с немцами, и навалием этим задавакам, — предложил товарищ Федор Сухов, командир ИС-4. — Лично я считаю «Ягдтигра» отличной самоходкой, очень опасная машина. Жаль, французские ПТ до сих пор не поставили на конвейер...

— Это верно замечено, — понимающе кивнул Парамон Нилыч. — Видел на супертесте прототип АМХ-50 «Маршал Фош», жуткая штуковина — пятьдесят девять тонн живого веса, разгоняется до шестидесяти пяти километров в час, барабанное зарядание опять же. Никакой Т30 не сравнится! Когда тебе в борт прилетит пять ста двадцатимиллиметровых

снарядов подряд, а ты даже не поймешь где противник?.. Но «Фоша» еще ждать и ждать, так что на помощь Франции до поры можно не рассчитывать.

— Только сегодня утром попал в бой, где было четыре Т30 и два «Ленивца», — товарищ Сухов вернулся к исходной теме разговора. — Ласвилль, будь он не ладен. Думаете они куда-нибудь поехали? Да ничего подобного! Засели на респе, заняли круговую оборону. Последствия, я думаю, очевидны?

— Напасть какая-то, — вздохнул комиссар. — Короче, товарищи, ставим на голосование резолюцию...

Как и следовало ожидать, резолюция оказалась размытой и беззубой: удвоить усилия, повысить уровень боевой и политической подготовки, отметить ударным нагибом приближающиеся майские праздники и прочее в том же духе. Как противодействовать вполне ощутимой угрозе от помянутой заокеанской военщины четко определено не было — стандартные рекомендации по борьбе с ПТ и так прописаны во всех уставах и наставлениях.

— Именно «засилье» и именно «житья не стало», — подтвердил Ганс Шмультке, когда Вася заглянул в немецкий ангар, поделиться новостями. — Полнейшая разбалансировка с этими самоходками! Причем господа разработчики делают вид, будто и не предполагали, что все накупят этих уродливых непробивашек и стандартные сражения превратятся в основном в дуэли между толпами Т30 и Т110. Нам, на устаревшем и архаичном «Тапке» там теперь делать решительно нечего — в конце концов, существует колоссальная разница между машинами разработки первой половины сороковых годов и пятидесятых...

— Французы, — напомнил Вася. — Скорее бы. Может, хоть они уравновесят — сам посуди, в настоящий момент у американцев в общей сложности четырнадцать ПТ-САУ против восьми у Германии и СССР соответственно...

— Что-то? — выпрямился унтер-офицер. — Давай-ка прогуляемся в ангар с тестовой техникой, покажу кое-что интересное. Надеюсь, нервная система у тебя крепкая...

— А по-моему вполне приличная модель, — пожал плечами Вася, когда Ганс Шмультке привел его к машине «Маршал Фош», о которой недавно рассказывал товарищ Котятко. — Чувствуется влияние немецкой школы танкостроения, эдакая зверски закормленная фуа-гра и фондю «Сковородка» Jagdpanzer IV, в довесок еще и подсаженная на стероиды. На десять тонн тяжелее Объекта 704 — таранить на «Фоше» самое то, учитывая какую огромную скорость развивает этот аппарат!

— Это ты очень точно заметил, немецкая школа, — подтвердил Шмультке. — Поскольку после войны французы получили доступ к разработкам инженеров Германии и многое копировали. Но ты остального пока не видел. Что они делали ДО того, как начали разрабатывать «Фоша». Гляди...

Вася поперхнулся. Сразу за «Маршалом Фошем» бетонный пол ангара украшал набор самых причудливых страшилищ, рядом с которыми даже нелепый BDR G1B выглядел бы писанным красавцем и победителем конкурса красоты «Мистер танк».

— Не спорю, для того, чтобы ездить на американских Т28 или Т95 с их скоростью и грацией нужны железобетонные нервы, — усмехнулся Ганс Шмультке. — Но вот с этими французами любой самоходчик очень скоро спятит. Прошу любить и жаловать, S35 СА, на

базе среднего танка «Сомуа», одноуровневый аналог Су-85 или Stug III. Какая красотка. Божественна, не правда ли?

— Боже ж мой, — потрясенно сказал младший лейтенант. — Я был уверен, что галльский инженерный гений уже достиг сияющих вершин, но оказывается, нет предела совершенству! Ой, у нее еще и рубка открытая...

— Замечу, вот ЭТО будет воевать против американских самоходок Т49 пятого уровня, которые носятся за светляками сломя голову, у которых вращающаяся башня и орудие, стреляющее с частотой раз в три секунды!..

S35 СА производила неизгладимое впечатление — Вася не мог подыскать надлежащих слов, чтобы описать свои впечатления от

очередного чуда-юда с цельнолитым корпусом и орудийной маской совершенно футуристического облика.

— Между прочим, тысяча девятьсот сорок пятый год, — дополнил Ганс Шмультке. — Обычная французская самоходка, только в детстве она упала в чан с волшебным зельем... Видишь, что получается, если попытаться использовать безнадежно устаревшие шасси довоенных танков для того, чтобы оснастить армию боеспособной бронетехникой собственной постройки... А теперь вообрази, что эту каракатицу выкрасили в трехцветный камуфляж и выкатили на Прохоровку.

— Безусловная победа, — кивнул Вася. — Хотя бы потому, что экипажи танков противника массово попадают в обморок и их можно будет брать голыми руками.

— Вот-вот. А ты говоришь — альтернатива американским ПТ. Это, дружище, альтернатива здравому смыслу, а не штатовским быстроходным САУ.

— И что же теперь делать? — повторился Вася.

— Не знаю! Придется разрабатывать новую тактику — в противном случае Мир Танков рано или поздно превратится в Мир «Хэллкэтов» и «Ленинцев»!..

60. КВ-4. Первое знакомство

— Ну, наконец-то! — торжествующе провозгласил Парамон Нилыч Котятко. — Поздравляю, товарищи, со столь знаменательным событием!

— Да, порадовали, так порадовали, — согласно кивнул товарищ Сухов, командир ИС-4.
— Однако, как говорится, есть нюансы... Наш танк и экипаж переводят на десятый уровень, следовательно проблем возникнет значительно больше.

— Все трудности преодолим, — заметил комиссар. — И нет таких крепостей, которых бы не взяли настоящие большевики! Жаловаться не на что: усилят броню, поставят новое орудие! Я уже не говорю про абсолютно новые модели техники!

...Официальную информацию о долгожданном разделении ветки советских танков на две альтернативные версии доставили из головного офиса на днях, что моментально стало предметом бурных дискуссий во всех казармах, за исключением китайской части — товарищам из братской КНР было решительно все равно, какие новшества появятся на поле боя, поскольку Туре59 в любом случае останется единственным и неповторимым. У немцев же царил уныние, особенно когда на тест привезли нечто совершенно невообразимое — КВ-4.

К ангару сбежались все, кто был свободен от нарядов и боев. Парамон Нилыч поглядывал на конкурентов свысока, не скрывая снисходительной улыбки — мол, знай наших! Восхищайтесь полетом творческой мысли советских конструкторов!

У Ганса Шмюльке, впрочем, на эту тему были несколько иные мысли:

— Тут кто-то посмеивался над неистощимым на выдумки сумрачным германским гением? — сказал унтер-офицер, разглядывая здоровенный танк, во многом напоминавший «Квазимодо» КВ-5. — Ладно, согласен, многобашенная компоновка традиционна для тридцатых годов, но в действительности при разработке этой машины было создано около двадцати различных чертежей, кардинально отличающихся друг от друга! Если бы все эти наработки вышли сериями, на поле боя наблюдался бы тот еще зоопарк!

— Двадцать? — лейтенант Фюрст ушам своим не поверил. — Ты откуда знаешь?

— Господин Storm на супертесте рассказывал. Так вот: над проектом танка КВ-4 начали работать в апреле 1941 года, а поскольку опыта подобных работ на Кировском заводе не было, конструктор Жозеф Котин привлек к проектированию почти всех инженеров своего КБ и поставил это на конкурсную основу. Результат: два десятка моделей весом от восьмидесяти двух до ста семи тонн, с бронированием до ста восьмидесяти миллиметров!

— Ужас, — герр лейтенант аж вздрогнул. — О «Тиграх» тогда еще никто и не думал, причем «Тигр» в итоге весил почти в два раза меньше! И какой проект выбрали?

— Тогда — никакой, работы над танком прекратили из-за начала войны. А нам светит воевать вот с этим, разумеется, — Шмюльке указал на грядущую обновку русского ангара. — Разработка инженера Духова. По совокупным показателям существенно превосходит того же «Löwe» — скорость пятьдесят километров в час, лобовая броня почти как у линкора, и орудие ЗиС-24 сто семь миллиметров со скорострельностью шесть в минуту!

— Восьмой уровень, — Отто Фюрст едва за голову не схватился. — Аналог «Королевского Тигра» или картонного AMX 50 100! Как прикажете воевать с этим бегемотом? Будто КВ-5 нам было мало!..

— Как-как, обычно, — проворчал Ганс Шмюльке. — Сажать на гусеницы, а когда развернет бортом — бить под надгусеничные полки ближе к корме. И молиться, молиться, чтобы артиллерия успела свестись!

— Воображаю взвод этих чудовищ на Прохоровке, причем в топе, против аналогичного взвода «Королевских»! Орудие на два выстрела в минуту скорострельнее, чем у «Тигра-II», бронирование несопоставимо, скорость значительно выше! Может быть сразу подписать капитуляцию?

— Да не расстраивайтесь вы так, — сказал Парамон Нилыч, прислушивавшийся к разговору. — Во-первых, непробиваемых танков не бывает. Во-вторых, у КВ-4 высокий силуэт — по кустам прятаться не выйдет. В-третьих, есть самая уязвимая точка, маленькая башенка на основной башне. С точными немецкими орудиями попасть в нее труда не составит.

— Конечно, — скептически отозвался лейтенант Фюрст. — Ровным счетом никакого труда! Особенно когда на тебя несется эта бешеная колесница, выжимая полсотни километров в час — только пыль столбом!

— Полсотни — это по ровному асфальту в Химмельсдорфе, — парировал товарищ комиссар. — А на Топях, в заболоченном ущелье

Ласвилля или в Кошмарине и двадцать не наберется! Прекратите хныкать, герр лейтенант! По-моему французы доставляют куда больше неприятностей, чем все тяжелые танки всех других держав вместе взятых!

— И потом, — заметил Шмульке. — Кто недавно жаловался на дисбаланс при появлении новых американских ПТ и сверхтяжелых танков? По мне, так надо радоваться, что русским скоро поставят на вооружение КВ-4, СТ-1 или ИС-8! На взрослых левелах появится хоть какое-то разнообразие!..

— Твоими бы устами, да штрудель лопать, — поморщился Отто Фюрст. — Хорошо, пускай будут новые тяжи. Но в таком случае хочется задать вопрос — а где давно предполагавшаяся к выпуску серия германских ПТ-САУ на базе серии «Е»? «Саламандра», «Крокодил» и прочие? Если уж мы говорим о балансе и равновесии?

— КТТС, — фыркнул Парамон Нилыч. — Все и сразу не бывает, герр лейтенант. Терпение, только терпение!...

61. Победоносный май

Как и обычно перед патчем танкистская база была охвачена легким мандражом. Русские объявили парково-хозяйственный день с последующим митингом, немецкие, американские и французские экипажи ходили кругами возле железнодорожных платформ, на которых громоздились укрытые брезентовыми чехлами новые машины советской ветки, однако мордовороты из службы безопасности «Варгейминга» получили четкое указание — бдеть, смотреть в оба глаза, а при необходимости тащить и не пущать. После патча насмотритесь!

Нездоровое оживление царило и возле бухгалтерии. Мадам Ротвейлер вызвала на ковер командиров всех четырех казарм и в довесок китайцев (которых, собственно, предпраздничная распродажа техники не касалась никаким боком) и устроила аттракцион неслыханной щедрости — выписала чеки на недостающие в ангарах машины (не более двух в одни руки!) и расщедрилась на камуфляжи, которые раньше считала пустой прихотью и глупой тратой денег.

Товарищ Сухов с ИС-4 предположил втихомолку, что начальница финотдела или пьяна вдрызг, или сошла с ума, что даже не пытается скрывать — прежде у Ротвейлерши было не допроситься какие-то жалкие полмиллиона серебром на совершенно необходимую для Объекта-704 стереотрубу (про золото на подкалиберные снаряды лучше вообще не вспоминать!), а тут она швыряется деньгами направо и налево!

— Распоряжение командования, — мрачно ответила бухгалтерша на осторожный вопрос товарища Сухова. — Праздничная декада! Я бы на месте руководства базой не дала вам и ломаного гроша, но приказ есть приказ!..

Уборка в ангарах закончилась, на плац выехал КВ-5, традиционно использовавшийся Пармоном Ниловичем Котятко в качестве трибуны. Комиссар забрался по лесенке на башню, огладил ладонью выбритую «под Котовского» голову, благосклонно кивая прослушал, как оркестр исполнил обязательное «Броня крепка и танки наши быстры», после чего толкнул речь.

— Товарищи танкисты! В ознаменование Дня международной солидарности трудящихся...

— Мы, безусловно, трудящиеся, — согласился Ганс Шмультке. Обычно немцы всегда посещали культмассовые мероприятия у иванов хотя бы потому, что от комиссара можно было услышать полезные сведения: Парамон Нилыч, увлекшись ораторским искусством, мог непроизвольно открыть завесу тайны над грядущими нововведениями. — Очень даже трудящиеся! Герр лейтенант, сколько у нас боев?

— Только на VK4502 одна тысяча двести тридцать два, не считая тех, когда нас пересаживали на другие машины, — не задумываясь ответил Отто Фюрст. — Причем за два минувших года один только наш экипаж уничтожил почти две танковые армии, немногим меньше полутора тысяч машин. Что-что, а статистику я помню преотлично — показатели не самые выдающиеся, но у других и этого не наблюдается...

— Подумаешь, герои, — широко улыбнулся слушавший разговор Степа Жилин, мехвод KB-220-Т. На подарочной «Розетке» ездили внушительные широкоплечие дяди, все до единого с офицерскими званиями: наиболее опытный экипаж, обитавший на базе с окончания ЗБТ. — У вас максимальное число фрагов за бой какое? Девять? А у нас четырнадцать!

— Вы, Степан, сравниваете несравнимое, — вежливо ответил лейтенант Фюрст. — У вас какой уровень? Пятый? Полупесочница? Очень, конечно, красиво — выезжать к маленьким на этом непробиваемом мастодонте и устраивать геноцид!

— А ведь было дело, KB-220 сам себя не пробивал, — мечтательным голосом ответил товарищ Жилин. — Отлично помню первый день после релиза и жесткого вайпа: ни у кого серьезных машин еще нету, только Бета-тестерам выдали толстяков. Массовый свальный грех на «Розетках» в Ласвилле, тринадцать сгоревших танков с одной стороны «кишки», дюжина с другой... Но сейчас да, зверь-машина стала.

Шмультке и герр Лейтенант переглянулись: Степа косвенно подтвердил имевшиеся подозрения о том, что KB-220 втихомолку апнули — ученые мужи из секретного НИИ господина Storm'a что-то там подкрутили в характеристиках, в результате чего только редкие неудачники не могли теперь получить на «Розетке» «стальную стену», «бронбойщика» или «снайпера».

Парамон Нилыч тем временем глаголил: месяц предстоит праздничный, следовательно, товарищи, нас ожидают приятные сюрпризы, от утроенного опыта, до скидок на золотые снаряды. Экипажу Т-34-85 — особое внимание, поскольку четыре недели вы будете привозить удвоенное количество серебра, но самое главное...

Комиссар неожиданно запнулся на полуслове и даже чуть покраснел, будто едва не разгласил военную тайну. После паузы продолжил:

— Кхм... Словом, командиру «восемьдесятпятки» по окончании митинга пройти в мой кабинет для специального инструктажа!

Ганс Шмультке понимающе хмыкнул. Последние два дня на базе происходили некие не слишком заметные на первый взгляд странности. Во-первых, в самый дальний ангар в котором обычно стояла тестовая техника, глубоко ночью привезли какую-то новую машину. Вокруг выставили двойную охрану, внутрь не пускали никого кроме представителей центрального офиса, шмыгавших между штабным корпусом, техническими службами и бухгалтерией пряча глаза и не отвечая на вопросы.

Во-вторых, при штабе поселился неизвестный никому экипаж, пять человек, вроде бы немцы. Обедать в общую столовую они не приходили, в получивший большую популярность среди личного состава французский офицерский клуб не заглядывали, на общем построении не появлялись. Терзаемый любопытством Ганс Шмультке попытался было проникнуть на второй этаж штабного здания, но был без лишних разговоров выставлен вон службой безопасности — успел только заметить, что новенькие в чинах не ниже гауптмана и обер-лейтенанта, значит после Академии...

Что бы это могло означать? Пасьянс не складывался — даже вокруг наглухо засекреченных образцов и прототипов техники еще не запущенных в серийное производство эдакой таинственности не разводили. По крайней мере всем были известны

приблизительные характеристики немецких ПТ-САУ на базе серии, выпуск которых откладывался уже который месяц.

По обсуждению проблемы с герром Фюрстом и остальными членами экипажа пришли к выводу, что готовится некий необычный и уж точно небанальный инвент, похлеще недавней шуточки с драконами на авиабазе. В конце концов, откуда вдруг в каталоге наград появилась невиданная раньше уникальная медалька с изображением трех золотистых Т-34-85 и «Tiger» в зимнем камуфляже?..

— Не будем ломать голову, — лейтенант подтолкнул Ганса Шмультке локтем. — Если господин Storm действительно задумал некую глобальную пакость, нас она касаться не будет: праздники-то у русских, значит все сюрпризы касаются только советских экипажей. Надеюсь, если они и впрямь попадут в необычную ситуацию, хоть кто-нибудь догадается включить видеозапись боя и затем продемонстрировать всем заинтересованным.

— Согласен, — кивнул Шмультке. — Нам остается только ждать грядущего патча и новостей из русской казармы. Кстати. Если сегодня День Труда, то почему бы не засучить рукава и не отметить праздник победоносным заездом на нашем «Тапке»? Улучшить статистику? А то иваны с КВ-220 совсем зазнались!

62. Он где-то рядом...

— Кажется, теперь понятно, что конкретно у нас происходит, — задумчиво протянул Ганс Шмюльке. — Ничего себе сюрпризы у господ разработчиков!..

В столовой, как казалось, собрался весь персонал базы. Ремонтные боты скромно переминались с ноги на ногу у входа, пришли американские самоходчики и французы с AMX 50 120, китайцы засели в дальнем уголке, мрачная как туча мадам Ротвейлер приволокла папку с отчетами и ведомостями. Неслыханные новости затмили даже всеобщее обсуждение недавнего патча и заметно снизили интерес к новым советским машинам.

Захар Бодров, командир Т-34-85, выглядел грустно, если не сказать подавленно. По возвращению из последнего заезда, когда его экипажу пришлось столкнуться с неизвестной напастью, сострадательные ребята с КВ-220 немедля налили Захару стакан ядреной «Переваловки», который тот выпил словно воду. лейтенант отчасти пришел в себя, обрел дар речи, а дальше...

Дальше, как однажды выразился великий писатель Михаил Булгаков, «грозные матерные слова запрыгали по комнате, как град по подоконнику». Захар не стеснясь в выражениях и не стыдясь эмоций в ярких и доходчивых фразах обрисовал свое отношение к событиям на Малиновке, когда команда из пятнадцати «восемьдесятпяткок» была разнесена вдребезги и пополам одним-единственным танком обозначавшимся в списке как «Der Weisse Tiger».

— Он появляется редко и только на одном-единственном полигоне, Малиновка, — объяснял Захар, одновременно потребовав следующую дозу самогона. Командир КВ-220 молча налил. — Но, скажу я вам, это нечто неслыханное...

— Хотя бы приблизительные технические характеристики известны? — подался вперед комиссар Котятко. — Я вот о чем думаю: не тот ли это абсолютно засекреченный образец, что привезли на неделе в шестой ангар для тестовой техники?..

— Характеристики... — скривился лейтенант. — Очень хорошие у него характеристики! Замечательные! Сказочные! Обычный «Тигр» какого уровня, никто не напомним?

— Седьмого, — моментально подсказал Шмутьке. — Его ближайший родственник от доктора Фердинанда Порше тоже. Прочность первого тысяча четыреста пятьдесят, второго на сотню меньше...

— Вооо! — слегка охмелевший Захар поднял палец к потолку. — А у этой самоходной гнусности — пятнадцать тысяч! Десятый уровень!

— Пятнадцать? — поперхнулся Парамон Нилыч. — Сколько?.. Это что, личинка «Ратте»?

— По моим наблюдениям, — продолжил Захар, — у «Der Weisse Tiger» нет внутренних модулей. Совсем! Значит бить по баку и боекомплекту бесполезно. Гусеницы не сбиваются. В наличии бортовые противоккумулятивные экраны. Понимаете, с чем мы столкнулись?

— Добавлю, — своевременно вмешался наводчик с Т-34-85, — пуляет он стапятидесятимиллиметровыми снарядами от Е-100, тогда как пушка по облику — обычная «ахт-ахт». Как это понимать?..

— Я бы подала на них в арбитраж, вот как это понимать, — проворчала мадам Ротвейлер, выкладывая на стол распечатку со статистикой. — И непременно стрясла бы десяток миллионов за моральный ущерб. Пришлось ознакомиться с доступными сведениями по объекту: к настоящему моменту «Der Weisse Tiger» провел восемьдесят пять боев, из них только девять поражений. Как это отражается на финансовых поступлениях и общей доходности не мне вам рассказывать!

— Да погодите вы! — отмахнулся товарищ Котятко. — Что за мелкобуржуазные замашки, все сущее мерить на деньги? А как же чувство гордости? Как минимум? Захар, вы ведь академиев не заканчивали? Экипаж далеко не самый опытный?

— Есть такое, — вздохнул лейтенант. — А толку-то? От болванки Е-100 и десять академий не спасут.

— Не скажите, — покачал головой Парамон Нилыч. — Решено. Я со своими парнями с «Черчилля» пересаживаюсь на «восемьдесятпятку». У нас четыре полных перка, пятый в прокачке, уже что-то... Товарищ начальница финотдела, выпишите средства на переучивание. И не смотрите на меня будто ротве... Тьфу! Будто на врага народа. Надо!

— Надо, так надо, — угрюмо сказала бухгалтерша, пропустив оговорку комиссара мимо ушей. — Могу выделить подкалиберные из резервного фонда. За каждый снаряд потом отчитаетесь лично!

— Отчитаемся, отчитаемся, — легко согласился товарищ Котятко. — Заодно «золотые» ремкомплект, огнетушитель и аптечку? Договорились?..

* * *

— Не надо считать Т-35-85 маленьким и слабеньким танчиком, — бубнил в рацию Парамон Нилыч, занявший командирское кресло. — Нет плохих танков, есть кривые руки, эту аксиому стоило бы выучить с первого же боя! Кроме того, необходима грамотная тактика!

Решили так: к «Der Weisse Tiger» не приближаться. По наблюдениям тех, кто сталкивался с монстром, он обычно кружил около северного респa Малиновки и поджидал сломя голову бросившихся в атаку, после чего без особых затруднений уничтожал противников. Следовательно, команда разделяется на группы — разведчики под маскетью высвечивают врага, обладатели «золотого» боекомплекта идут в обход, становятся на высотках и постоянно маневрируя расстреливают его в наиболее уязвимые зоны.

— Ни в коем случае не целить в переднюю наклонную бронеплиту и ВЛД, верхнюю лобовую деталь! — инструктировал комиссар. — Маску пушки тоже не трогать, бессмысленно! По сбитие гусениц забыть, наша цель — бортовые экраны, они толщиной

всего двадцать миллиметров! Если получится — по решетке двигателя, корме и в борт башни!

— Поехали! — донеслась команда ротного. — Никакого раша через поле, перестреляет! Очень осторожно!

План, разумеется, не был идеален: скорострельность чудища составляла 7 в секунду, очень быстрая перезарядка для супертяжелого танка, по всем параметрам превосходящего десяток «Маусов». Орудие точнее, чем у «Ягдтигра». Но если он начнет отвлекаться и преследовать сразу несколько целей, то наверняка не заметит «батарею» из пяти Т-34-85 на холмах в лесочке...

— В крайнем случае, навалимся толпой и возьмем базу, тоже неплохой вариант. Главное не выезжать из круга, — проворчал комиссар, когда танк остановился на склоне. — Ага, вот он!

Стереотруба все-таки очень полезное приспособление — «Der Weisse Tiger» «штурмовую группу» пока не видел, а его самого аккуратнейшим образом подсвечивали со стороны болотца. Пока что был потерян только один союзный танк, не успевший вовремя удрать и подставивший борт...

— Залпом, — скомандовал Парамон Нилыч. — Потом отходим, меняем позицию, перезаряжаемся и снова...

* * *

— Ну вот, а вы боялись, — товарищ Котятко положил на стол мадам Ротвейлер, вещмешок, набитый кредитами. — Плюс уникальная медалька, только не у нашего экипажа, а у союзников. Любой аппарат сделанный из железа можно разобрать, причем не обязательно аккуратно и с помощью гаечного ключа!

— Неплохо, — смилостивилась бухгалтерша, мельком взглянув на итоги боя. — Будете продолжать?

— Почему бы и нет? — усмехнулся комиссар. — Ходят слухи, будто эта нечисть исчезнет еще нескоро, так почему бы не приобрести бесценный опыт? В конце концов, вдруг однажды несбыточные мечты немецкой казармы исполнятся и на поле боя выкатят «Ратте»? По-моему, после «Der Weisse Tiger», «Крыска» покажется картонной и заряжающейся половину боя...

63. Парад

— Торжественный марш войск и военной техники есть дело серьезное и ответственное! — напрямую заявил Парамон Нилыч Котятко. — Это вам не рандомный бардак где-нибудь на Эль-Халлуфе, к проведению таких мероприятий надо готовиться со всей тщательностью! Для начала — выберем место проведения...

— Химмельсдорф, — решительно сказал товарищ Сухов с ИС-4. — Символично, все-таки вражий город, да и пространство большое. На площади перед министерством?

— Отличные реминисценции с парадом союзных войск в Берлине, в 1945 году, — согласился комиссар. — Кстати, именно тогда были впервые продемонстрированы танки ИС-3, вот пусть они колонну и возглавят... Не совсем, конечно, подходит к сегодняшней дате, поскольку совместный парад был проведен в сентябре, после победы над Японией и окончания Второй мировой, но смысл-то одинаков? Решено!

На предпраздничное совещание в русской казарме были приглашены исключительно представители Советского Союза, даже китайцев не позвали — конечно, во Второй мировой Китай воевал на стороне Коалиции, но только в Азии, а не на европейском театре...

— Если совместный, то надо звать союзников, — незамедлительно вмешался Вася, ради такого случая примчавшийся с аэродрома и сменивший летную форму на долее привычную, танкистскую. — Нехорошо получится, праздник-то общий!

— Так, — Парамон Нилыч задумался. — Американцев, конечно: тогда в Берлине они вывели на Александерплац тридцать два танка из 16-й мотомеханизированной кавалерийской группы, причем на трибуне вместе с маршалом Жуковым присутствовал генерал Патон... Василий, отправляй вестового в американскую казарму, пусть готовят «Шерманы»!

— С англичанами неувязочка, — напомнил командир КВ-220. — Французов на аутентичных довоенных моделях позвать не проблема, а вот британцы...

— Вызовем из центра разработки сэра Генри, — принял решение товарищ Котятко, вспомнив об английском майоре. — Он пока единственный представитель Великобритании в «Мире Танков». Временно перекрасим нашего «Черчилля» в британский камуфляж, нанесем опознавательные знаки 7-й королевской бронетанковой дивизии и пусть участвует вместе со всеми! Согласны?

— Так точно! А с немцами-то что делать? Все-таки тоже люди не чужие, по крайней мере сейчас, столько лет спустя...

— Извините, но это не их торжество, — непреклонно сказал Парамон Нилыч. — Ровно наоборот. Пригласить в качестве зрителей — еще куда бы ни шло... Да, пожалуй так и сделаем! Вася, поговори с Гансом Шмультке, он в немецкой казарме самый вменяемый и уж точно не обидится. За дело товарищи, время не ждет! Технику подготовить, ангары украсить! Бегом!

* * *

— Да какие могут быть обиды? — отмахнулся Ганс Шмультке, после предметного разговора с Васей. — Что я, не понимаю? Думаю, зрелище будет любопытное, в конце концов, за всю историю был один-единственный прецедент, когда русские, англичане, американцы и французы вывели бронетехнику на общий парад!

— Именно, — подтвердил младший лейтенант. — Ты только представь, уже начали сгущаться тучи Холодной войны, а маршал Жуков, генерал армии Эйзенхауэр, фельдмаршал Монтгомери и генерал Латр де Тассиньи вместе поздравляют своих солдат с Победой...

— А что за история с ИС-3? Краем уха слышал, будто они тогда произвели неслыханный фурор.

— Еще бы, — усмехнулся Вася. — Подготовка велась с соблюдением строжайшей секретности, из иностранцев эту модель танка никто никогда не видел. По личному приказу Сталина тщательно зачехленные танки перебрасывали железной дорогой на запад, в основном по ночам. На головном локомотиве висел лишь один лозунг: «Боевой привет шлет Родина!» с очень таким ясным намеком насчет «привета». Станцию назначения законспирировали во избежание диверсий — нацисты из подпольной группы «Верфольф» еще действовали в районе Берлина. Тренировки проходили тоже ночами, в советской зоне оккупации неподалеку от Рейхстага. Хотелось сделать сюрприз.

— Думаю, он вполне удался, — кивнул Ганс Шмультке. — Воображаю себе американцев и французов на М4 Sherman и «Першингах», англичан на «Файрфляях», «Кометах» и бронетранспортерах, а тут выезжает монстр с революционной схемой бронирования корпуса и башни, да еще и массой почти в сорок семь тонн!

— Пятьдесят два монстра, — уточнил Василий. — Не идущих ни в какое сравнение с бронетехникой союзников! Достаточно посмотреть кинохронику, чтобы увидеть изумленные лица англичан и американцев. Два танковых полка, способных смести с дороги любого противника, даже не заметив. И это на фоне безнадежно устаревших союзнических машин... Ну так что, придете? Посидеть на трибунах и посмотреть?

— Собственно, чего мы там не видели? — Ганс Шмультке задумчиво почесал в затылке. — Каждый день наблюдаем всю линейку ИС, в страшных снах снятся... Конечно, придем. Есть о чем вспомнить. И о чем подумать.

— Договорились, — кивнул Вася. — Ладно, я пошел — работы невпроворот!

— Постой. С праздником. Это ваша Победа. Честно заслуженная.

— Спасибо! Хорошо хоть у нас здесь все разногласия остались в далеком прошлом...

64. Штурмовой бой

— Красотища просто запредельная, что и говорить, — не скрывая иронической улыбки сказал Ганс Шмюльке. — Изящнейшее решение ходовой части, симпатичная, пускай и абсолютно бесполезная башенка, ну и разумеется, конечно же — огромное семидесятипятимиллиметровое достоинство!

— За «достоинством», — фыркнул лейтенант Фюрст, — обращаться надо к «Ягдтигру» или «Ленивцу» Т95. Я собственными глазами видел, как при удачном попадании Т95 ваншотил ИС-4 уже после того, как танк перевели на десятый уровень. Настолько удачные попадания — большая редкость, и тем не менее к ПТ-САУ лучше не поворачиваться бортом или кормой.

— При хорошем навыке и удачливости даже «Мардер» способен уничтожить «Мауса». Точнее снять с него последний процент.

— Тебе смешно, но если в ближайшем будущем мы встретимся в бою с французской ПТ наподобие AMX 50 Foch, с тысячесильным «Майбахом» и чудовищной скоростью в шестьдесят пять километров в час, мало не покажется — один единственный барабан со стопроцентным попаданием, и VK4502 отправляется на долгий и дорогостоящий ремонт!

— Я вовсе не смеюсь, — Ганс Шмюльке пожал плечами. — За минувшие месяцы мы научились относиться к французам с полной серьезностью, а проклятуций Bat-Chatillon мне уже в кошмарных снах снится — кажется, он постепенно выдавливает из ниши топовых СТ старичка Т-54, не говоря уже про Е-50.

Объект пристального внимания унтер-офицера и герра Фюрста находился в ангаре с техникой, прошедшей основные испытания и готовой к серийному производству — танковые заводы «Варгейминга» к лету переориентировались на выпуск принципиально новых образцов: французской самоходной артиллерии и противотанковых машин.

Наибольший шок вызывали, конечно же, образцы старших уровней, вроде упомянутого аппарата «Маршал Фош», отчетливо смахивавшего на многократно увеличенную в

размерах «Ягдпантеру» с реактивным двигателем, но и у малышей тоже было на что посмотреть. В частности, на Somua S40.

— В любом случае эти машины выглядят какими-то... — Ганс Шмюльке запнулся, подбирая нужное слово, — какими-то инопланетными. Отправленными на Землю марсианами для порабощения человечества! Хотя, для своего времени S40 Somua был неплохим танком.

— Я бы уточнил, очень хорошим, — дополнил лейтенант. — Эдакий французский Т-34 со сравнимой бронезащищенностью. Орудие, конечно, послабее, всего сорок шесть миллиметров, да и скорость почти в два раза меньше. Однако, в 1940 году Somua был способен противостоять практически любому немецкому танку и запросто разделял под орех «единички», «двочки» или чешские 35.t вкуче с 38.t. Другое дело — неумение командования пользоваться танковыми соединениями в маневренной войне! У них ведь даже собственный КВ был — тяжелый В1 bis, а толку-то?

— Ровным счетом никакого, — кивнул Шмюльке. — В итоге вся техника досталась Германии в качестве трофеев... О, взгляните-ка, кто пришел. Надо убегать и прятаться?

У входа в ангар нарисовался грузный силуэт мадам Ротвейлер. За королевой бухгалтерии поспешала свита — французский лейтенант Тьерри, товарищ Котятко, командир Е-100 гауптман Хаммершмидт и двое взмысленных менеджеров «Варгейминга», явно получивших нагоняй от ее божественной милости, распределявшей финансовые потоки и там самым вершившей судьбы многих экипажей.

— Да, я знаю о чудовищных, неслыханных убытках! — низко рокотала мадам Ротвейлер. — Будь моя воля, все французские танки немедля отправились бы на переплавку! Мсье Тьерри, только за двухнедельный отчетный период ваш AMX 50 120 обошелся общекорпусной казне почти в полмиллиона серебром, не учитывая расходов в золоте, выданном вам на покупку подкалиберных снарядов! Берите пример с герра гауптмана!

Шмюльке и Отто Фюрст переглянулись. Е-100, традиционно участвовавший в высадках на Глобальной карте, снабжался «золотыми» кумулятивами GR.39, что в сочетании с калибром 150 миллиметров делало немецкий супертяж самой настоящей машиной апокалипсиса, сеявшей вокруг себя смерть и разрушения. С одной оговоркой, конечно — если у Е-100 были качественная поддержка и прикрытие.

Но зачем давать голду французам, и так славившимся на танкистской базе если не криворукостью, то по меньшей мере не всегда адекватным поведением: высадить весь барабан во вражеского тяжа и тут же героически погибнуть — невелик подвиг. Отсюда, кстати, и большие траты на постоянный ремонт.

Ясность в вопрос внес Парамон Нилыч:

— Товарищ начальник финотдела самую суть уловила, — сказал комиссар, обращаясь к французам. — Поймите же, в режиме штурмового боя время будет играть против нас, как атакующей стороны! На вашей совести поддержка сверхтяжелых танков прорыва и отвлечение противника — необходимо по максимуму использовать преимущество в скорости!.. Та-ак, а вы что здесь делаете? Подслушивали?

Товарищ Котятко заметил Ганса Шмюльке и господина лейтенанта. Нахмурился.

— Насколько я понял, речь идет о новых режимах боев, введенных на супертесте? — не смутился Отто Фюрст. — Подумаешь, военная тайна! Во встречном бою мы уже участвовали.

— Ах да, конечно, любимчики господина Storm'a, — вздохнул комиссар. — Тогда идите сюда, поговорим, дело-то серьезное. Первый выезд на штурмовку, мы как раз набираем роту. «Тапок» машина крепкая, будете поддерживать десятый уровень. Как, согласны?

— Когда мы отказывались? — Шмюльке развел руками. — Насколько я понял, в штабе уже составлен план действий?

— Именно, — кивнул Парамон Нилыч. — Полигон Карелия, отбить у противника северный респ. Задача сложная — двухуровневая возвышенность, опасность массового применения ПТ, подходы отлично простреливаются. Ради такого дела руководство выделяет дополнительные средства в золоте.

Мадам Ротвейлер недовольно поджала губы. Слова «дополнительные средства» были ей как ножом по сердцу. Идеальный Мир Танков представлялся бухгалтерше как череда нескончаемых побед без малейшего повреждения техники, без расходов на снаряды, «ненужное» оборудование и прочие глупости наподобие допайков или шоколадок.

— Мысль такова, — продолжил комиссар, — данный тип боев большинству экипажей пока что непривычен, следовательно обе

стороны могут совершать самые нелепые ошибки. Наша задача таковых ошибок избегать, одновременно пользуясь неуверенностью и промахами врага. Герр Фюрст, вы командир с огромным опытом, больше полутора тысяч боев. Есть предложения по тактике и составу?

— Три тяжелые арты, три светляка, лучше всего легкие АМХ, — не раздумывая ответил лейтенант. — Три средних в поддержку. Остальные — тяжелые и супертяжелые. Самоходки, полагаю, атакующей стороне не требуются. ПТ девятого уровня слишком медлительны, за исключением Объекта 704.

— Разумно, — согласился Парамон Нилыч. — В первые минуты работаем на расстоянии, отстреливая выявленные цели, затем попытка прорыва. Теоретически, обороняющаяся сторона будет сидеть на базе...

— Теория часто расходится с практикой, — заметил Шмультке. — Противник может оказаться не глупее нас с вами и выставить половину команды артиллерии, пяток самоходных ДОТов вроде Е-100 или ИС-4 для прикрытия базы и ближнего боя, плюс малышня для максимального засвета. В результате на нас обрушивается дождь из «чемоданов» и прорыв заканчивается мясорубкой. Нет?

— Да, — мрачно подтвердил комиссар. — Придется разрабатывать сразу несколько вариантов тактики. Предложение: вернуться в штаб, собрать командиров всех топовых машин и подумать над их предложениями. Незачем бросаться в бой сломя голову, можем серьезно нарваться.

— Поддерживаю, — кивнул лейтенант Фюрст. — И тогда уж следовало бы организовать тренировочный бой, проверить, насколько адекватны наши наработки. Идемте, господа!

— Стоять! — рявкнула мадам Ротвейлер. — Это я не вам. Тьерри, оставайтесь! Мы еще не закончили с отчетностью. И кроме того, для компенсации убытков командованием приказано купить для французской команды премиумную машину.

Финансистка зыркнула на менеджеров из центрального офиса. Те передали папку с документацией.

— Издеваетесь? — ахнул французский лейтенант. — Эта каракатица — премиум? Я танкист, а не самоходчик!

— Именно. Других машин пока нет и не предвидится. Покатайтесь на FCM36 с немецкой пушкой PaK.40, поучитесь воевать, а там посмотрим — выпускать вас в ротные бои или нет!..

65. Гром и молния

— Шмультке! — от резкого голоса дневального унтер-офицер аж вздрогнул. — К комиссару! Бегом!

— Что-о? — недоуменно протянул лейтенант Фюрст. — Иваны окончательно совесть потеряли! Между прочим, у нас собственная гордость и мы имеем честь служить под знаменами другой державы! Не ходи.

— А вдруг что-то действительно важное? — нахмурился Ганс Шмультке. — Сбегаю, от меня не убудет. Во-первых, патча ждем со дня на день, а во-вторых, герр комиссар имеет доступ к совершенно секретным сведениям и предпочитает делиться ими с коллегами. Особенно если центральный офис «Варгейминга» планирует какую-либо особенно лихую авантюру! Мы должны встретить опасность во всеоружии.

— Резонно, — согласился лейтенант. — Преддверие патча всегда вызывает у меня легкий мандраж...

Шмультке спустился по лесенке к выходу из казармы, пересек плац и направился к штабному корпусу. Машинально отметил, что на фасаде появился новый флагшток,

временно пустующий — рано или поздно там появится британский Юнион Джек. Постучался в дверь кабинета с табличкой «тов. Котятко П. Н.».

— Здравствуйте, — Парамон Нилыч отвлекся от разложенных на столе бумаг. — Чаю сами себе налейте, у пролетариата слуг нет. Присаживайтесь. Известия, прямо скажем, удручающие...

— Простите, герр комиссар, но если вы хотели поделиться взаимноинтересующей информацией, то почему не пригласили офицеров, старших по должности и званию? Например, гауптмана Хаммершмидта, командира Е-100?

— Потому, что вы имеете в своей части определенный авторитет, к вам прислушиваются, — прямо сказал Парамон Нилыч. — И наверняка сумеете придумать, как безболезненно донести до личного состава вот такие новости...

Комиссар передал Гансу Шмультке директиву, отпечатанную на официальном бланке «Варгейминга». Унтер-офицер вчитался. Сдвинул брови.

— Это как прикажете понимать? Да мы эту награду честно заслужили еще полтора года назад! Когда ни о каких французах речи не шло, а у американцев и половины ныне существующей техники в ангарах не было! Нет, ну вы представьте, если во время войны дают тебе Железный крест, допустим, за взятие вражеского города, а потом отбирают с условием — вернем только когда возьмешь следующие два! Возмутительно!

Директива гласила: медаль «Эксперт» становится динамической и пропадает как только вводится очередной новый танк. С учетом скорого появления французских ПТ САУ и артиллерии, а за ними и англичан, все экипажи лишались одной из самых престижных наград очень надолго, если вообще не навсегда — встретить по нынешним временам в случайном бою такую экзотику как Pz.IV/V, KV-220 или американского «Утконоса» M6A2E1 практически нереально, а значит медаль катастрофически обесценивается просто потому, что получить ее становится до крайности сложно...

— Для получения «Эксперта» уничтожение премиум-моделей не засчитывается, — напомнил комиссар.

— Хорошо, пусть. Но банальную «Пантеру» я видел в бою месяца полтора назад, Е-50 начинают становиться если не исчезающим, то по меньшей мере редким видом, на «Горбатой горе» М3 Lee воюют считанные единицы и так далее...

— Вот и я о том, гражданин Шмультке, — уныло кивнул Парамон Нилыч. — Некрасиво получается. Ввели бы хоть степени, что ли? Представляете себе неудобное положение, когда мне придется объявить экипажам, что награды придется сдать... На хранение. Вечное, возможно. Что мне танкисты скажут?

— Насколько я понял, это далеко не все плохие новости? — настроение у Ганса Шмультке окончательно испортилось. — Что еще они придумали? Перевели «Мауса» на пятый уровень срезав три четвери брони? Ввели ядерные фугасы для артиллерии? С точностью попадания плюс-минус три сантиметра?

— Ну-ну, не надо так расстраиваться, — подбодрил унтер-офицера товарищ Котятко. — Скажите пожалуйста, вы на полигоне Комарин как на своем VK4502 действуете? Надеюсь, это не профессиональная тайна?

— Какие тайны, der Teufel! — раздраженно отмахнулся Шмультке. — Если с южного респа — моментально прятаться за свинарники справа и носа оттуда не высовывать! Герр комиссар, вы сотню раз слышали расхожее выражение: «Великое стояние на Кошмарине». Очень точно отражает схему действий на этой карте.

— Именно, — хмыкнул Парамон Нилыч. — Или стоять до последнего, или всей толпой моментально брать базу, лишь бы побыстрее убраться на другой полигон, чтобы время даром не терять. Так вот: Комарин из рандомных боев убирают. Равно и Топи, хотя в последнем случае решение было довольно спорным...

— Это куда более приятные новости. Еще что-нибудь важное?

— Да. Штурмовые бои будут продолжаться не четверть часа как обычно, а десять минут. Думаю, это придаст лишней динамики. А

самое главное, под новые режимы боев переработаны сразу тринадцать полигонов, от «городских» Химмельсдорфа и Руинберга, до Степей и Прохоровки, с изменением ландшафта и расположения объектов...

— Любопытно, — кивнул Шмультке. — Только бы не повторилась история с Карелией. Помните как в прошлом году «Варгейминг» пригнал туда экскаваторы, накопавшие столько ям, что воевать стало несколько затруднительно?

— Зато появились дополнительные укрытия, — возразил Парамон Нилыч. — По мне так нет ничего страшнее «Хребта Дракона», особенно для артиллеристов... Заодно поглядим на новые карты — Вайд-парк и Аэродром. По большому счету, ничего особенно знаменательного обновление не принесет, да одним исключением, о котором вы упомянули: бешеные французские самоходки и скорострельная артиллерия — рекомендую ознакомиться с параметрами Lorraine 155 51 и барабанной Bat. Chatillon 155...

— Что-о? — унтер-офицер поперхнулся воздухом. — Барабанная арта? И так от артиллерии житье нет! Вы только представьте, если эти монстры отправятся танковать! Я давно привык, что GW-Panther гоняются за светляками, а Объекты-261 в Химмельсдорфе палат по танкам прямой наводкой. Теперь еще и французы! Мир артов!

— Спокойствие, — прикрикнул комиссар. — Что вы паникуете, как барышня увидевшая мышь? Мы и не такое переживали! Можете идти и готовиться к патчу: передайте экипажу «Толстопарда» VK2801, что наступает их звездный час — фугасница сто пять

миллиметров превратит любую французскую САУ в мелкодисперсную пыль максимум с двух выстрелов!..

66. Бронеказарма

— Между прочим, вы клятвенно обещали, — мрачно сказал Ганс Шмюльке. — Даже проекты показывали в ангаре с совершенно секретной техникой!

— Слово «проекты» здесь ключевое, — небрежно отмахнулся господин Storm. Главный инженер закрытого НИИ «Варгейминга» как всегда блистал накрахмаленным белым халатом и непререкаемым авторитетом. — Я не понимаю, в чем претензии, любезнейший герр унтер-офицер? Хотели супертяжелую ПТ-САУ десятого уровня? Пожалуйста — и на вашей улице перевернулся грузовик с пушками!

— Сто семьдесят миллиметров, — покачал головой лейтенант Фюрст, тоже заглянувший в кабинет господина Storm'a для серьезного разговора. — А хотели сто семьдесят четыре! Разница вроде бы незаметна, но в наших условиях и лишние четыре миллиметра могут оказать существенную помощь!..

— Нет проблем, — ухмыльнулся ведущий разработчик. — Любой каприз за вашу голду! Можем запросто воткнуть на Jagd.Pz E-100 замечательное 36-фунтовое чугунное крепостное орудие образца 1805 года — совпадение по калибру один в один! Дульное раздельное заряжание, ядра — все, как вы любите! Экипаж производит выстрел, вылезает из машины, чистит ствол банником, пороховой заряд, ядро... Хотите?

— Шуточки у вас, — вздохнул Шмюльке. — Но ведь исходно предполагалось создание проектов на базе E-100 «Саламандра» и «Крокодил», я сам, собственными глазами видел...

— Мало ли что вы видели, — отрезал господин Storm. — Хотите раскрою маленький секрет, который, по большому счету таким уж невероятным секретом вовсе не является? Допустим, проект «Саламандра», смахивающий на варварски раскормленную

протеиновыми концентратами и годами не вылезавшую из тренажерного зала «Ягдпантеру», есть порождение разума... Ну, кого бы вы думали?

— Судя по контексту, явно не вашего, — откровенно приуныл Отто Фюрст.

— В точку, господин лейтенант! Кроме «Варгейминга», бронетехникой занимаются еще модельные фирмы — ну знаете, для тех, кто любит клеить танчики? У них есть тоже свои дизайнеры, которые взяв за основу реальные исторические проекты додумывают, домысливают, добавляют свои решения и получается...

— Получается проблема авторских прав, — догадался Ганс Шмюльке. — Лучше делать свое, чем тратить огромные деньги на покупку готовых чертежей?

— Вы меня сегодня несказанно радуете проявлениями интеллекта уровня Спинозы Альберта Эйнштейна, — согласно покивал главный инженер. — Первое: нам известна общая концепция строительства ПТ-САУ времен Третьего Рейха, так? Второе: есть вполне исторически достоверное шасси серии «Е» и предварительные наработки немецких инженеров того времени, сохранившиеся в архивах. И, наконец, третье: в наличии готовое орудие 17 см K72 — то самое, что стоит на GW-Tiger! Перетачиваем его напильником до состояния ПТ-ствола и вперед! Так в чем претензии, я не понимаю?

— На GW-E, между прочим, 210 миллиметров Morser 18/2, — нарочно поддел Ганс Шмюльке.

Господин Storm закашлялся. Возрился на унтер-офицера недоуменно. Осведомился:

— А не желаете ли, чтобы мы поставили на гусеницы линкор «Бисмарк» и дали вам покататься? Ибо, судя по вашим требованиям, кое-кому даже «Ратте» покажется легким танком с картонной броней? Словом, оставить препирательства — используйте, что дают!

— Есть использовать что дают, — вздохнул Отто Фюрст. — Ну что, пошли на испытательный полигон? Проверим, как оно в действии? Я почему-то убежден, что аппарат окажется очень большим, очень медленным и не слишком скорострельным...

— Хотите маленький, быстрый и с пулеметом вместо орудия — берите «Marder-II» и езжайте в песочницу, — парировал господин Storm. — Для нытиков там самое место. А мы делаем солидные танки для солидных людей!

* * *

— Когда через много лет «Мир танков» преобразится в «Мир садово-паркового хозяйства», я приспособлю эту машину под коттедж, — ворчал Ганс Шмультке, лениво оглядывая систему наведения новой ПТ-САУ, которая в общем и целом не особо отличалась от привычных. — Побольше «Мауса» получается, а? Под потолком гамак можно повесить, вон в тот угол, где боеукладка, электроплитку и умывальник воткнуть...

— Разговорчики, — цыкнул лейтенант, прильнувший к командирскому перископу. — Не отвлекайся! Бой хоть и тренировочный, но снаряды у противника настоящие!..

Jagd.Pz E-100 притаился на аллее у домиков с южного респа Прохоровки. Впрочем, слово «притаился» в данном случае звучало не слишком корректно — если даже меньший по габаритам «Jagdtiger» получил среди личного состава танкистской базы насмешливо-уважительное прозвище «Бронеизба», то очередное творение конструкторского гения коллектива, возглавляемого господином Storm'ом, вполне могло претендовать на гордое звание «Бронеказармы». Хотя бы потому, что даже выпрошенная на время у американцев маскеть с «Ленивца» Т-95 накрывала машину только до второй трети рубки...

— Любой промах обернется для нас крупными неприятностями, — ворчал под нос лейтенант. — Скорострельность аховая, а засвет будет такой, словно мы стоим под лучами сотни прожекторов... В итоге наприлетает чемоданов от артиллерии и поминай как звали. Шмультке!

— Я!

— От тебя как от наводчика требуется... — начал было герр Фюрст, но осекся на полуслове. — Есть цель, лево двенадцать! По силуэту — ИС-4! И как встал-то хорошо, корму показывает.

Глухо звякнуло — бронебой ИС-4 ударился в орудийную маску, 300 миллиметров Крупновской брони выдержали. Jagd.Pz E-100 даже не вздрогнул.

— Полное сведение, — рычал Шмультке. — Под левую надгусеничную полку! Есть пробитие, противник горит! Зараза, огнетушитель

включил!.. Mein Gott, да мы ему за один выстрел с учетом пожара из 2400 ХП оставили 900. Удираем?

— Он все равно гораздо быстрее, — процедил Отто Фюрст. — Мехвод! Полный назад! Бортом к противнику не поворачиваться! Только мордой! В лоб он нас возьмет только кумулятивом!

Не взял: очередной звук соударения, снаряд не то срикошетил, не то просто отскочил от брони противотанкового монстра как шарик пинг-понга.

— Заряжено!

— В «купюроприемник» бей, — скомандовал лейтенант. — Последний шанс, иначе зайдет в борт...

Смотровая щель мехвода на ИС-4 исходно была слабым местом ИС-4, а уж когда в нее прилетает 170-миллиметровый снаряд, шансов не остается. Взорвался боезапас.

— Уф, — Ганс Шмультке утер пот со лба. — Тяж десятого уровня — с двух выстрелов? Неплохо, а?

— Бой тренировочный, — напомнил лейтенант. — Но кое-какие выводы для будущего рандома уже можно сделать. Как говорят русские — неслыханная, лютейшая пергоbivashka, в лоб взять практически невозможно, в маску орудия стрелять бесполезно. Первым делом прокачка ремонта и ремнабор — лишние секунды стояния на сбитых гусеницах дорого обойдутся. И, конечно, прикрытие — когда поедem в следующий раз, берем с собой во взвод хотя бы Е-50, а еще лучше француза-барабанщика...

— Если последние согласятся, — заметил Ганс Шмультке. — Но в целом выводы верные. Остается дожидаться запуска машины в серийное производство.

67. Страдания по средним

— Зоопарк, — уверенно заявил Ганс Шмультке, наблюдая за подозрительной суетой возле ангара иванов. Русские сбежались практически в полном составе, явились Парамон Нилович Котятко и командир ИС-4 товарищ Сухов, после перевода своего танка на 10 уровень получивший повышение до командира роты. — И это при том, что иваны нам неприкрыто завидуют после введения ПТ-САУ с орудием сто семьдесят миллиметров!

— Было бы чему завидовать, — угрюмо сказал лейтенант Фюрст. — Сам отлично знаешь, что новая техника только сначала кажется привлекательной. А как покатаешься, наступает горькое разочарование...

— Ну, ну, не будем обобщать, — возразил Шмультке. — Пример артиллеристов вовсе не показатель! В конце концов, тут Мир Танков, а не Мир Артов!

— Судя по балансу, зачастую бывает ровно наоборот, — сплюнул лейтенант.

Унтер-офицер лишь плечами пожал. Речь шла о немецком артиллерийском дивизионе: когда-то давно командование честно закупило супермонстров GW-Tiger и GW-E, однако артоводам машины не понравились — после нескольких боев GW-Tiger'а они презрительно обфыркали, назвав «бестолковой пародией на “Холодильник”» и более-менее смирились с присутствием GW-E сугубо для боев на Глобальной карте; ради этого аппарат извлекался из ангара максимум два-три раза в неделю, все остальное время пылясь в дальнем углу.

Пушкари же предпочитали надежные и проверенные немалым опытом почти трех лет Hummel и GW-Panther — на них в случайных боях хоть танковать можно при необходимости, когда артиллерия остается (как обычно, как обычно!) без прикрытия...

Ганс Шмультке, безусловно, был ретроградом и традиционалистом, уверенным, что лучше его родного «Тапка» VK.4502 машины в природе нет, и вообще — не бывает плохих танков, есть кривые руки. Однако к очередным моделям, которые танковые заводы «Варгейминга» запускали в серийное производство, относился без ненужного предубеждения — разнообразие это прекрасно, даже устрашающие французские каракатицы имеют полное право на существование.

...Стоит отдельно заметить, что после появления французских ПТ-САУ, и так привыкшие к тихим смешкам за спиной представители Республики начали всерьез обижаться на немцев и русских — достаточно вспомнить недавний инцидент, когда личный состав в голос хохотал над самоходкой ARL V39. Казалось, что после танка BDR G1B, моментально получившего на базе прозвище «BDSM-ведро», галльский танкостроительный гений уже не достигнет столь заоблачных вершин, но реальность доказала — нет предела совершенству.

Острый на язык унтер-офицер Шмультке при виде этого чуда природы громогласно заявил, что ARL V39 машина явно многоцелевая — можно пугать непослушных детишек, выступать с нею в цирке (при этом предлагалось переодеть экипаж в рыжего и белого клоунов, Арлекина, Пьерро и Коломбину), еще можно устраивать массовые психические атаки — не у каждого выдержат нервы, когда на тебя будут смотреть одновременно пятнадцать ARL V39! Лейтенант Тьерри, заслышав столь оскорбительные речи едва не вызвал Ганса на дуэль, но скандал с трудом удалось замять...

— Мне происходящее не нравится, — с тоской в голосе проговорил Отто Фюрст, исподлобья созерцая оживление среди русских, осматривающих новинку: Т-62А. — Ну хорошо, я готов примириться, допустим, с английскими моделями вроде уродской Tortoise A39 — да, никогда не воевала, выпущена всего в шести экземплярах, которые моментально упрятали подальше, чтобы не вызывать обмороков у дам и сердечных приступов у пожилых джентльменов... По большому счету большинство германских моделей тоже никогда не покидали испытательных полигонов, а то и вовсе оставались в

чертежах или макетах — возьмем хоть Е-50 или наш собственный «Тапок». Но, простите, вводить основной советский средний танк выпуска 60-70-х годов? Это перебор! Мало нам было «Тараканов» Т-54!..

Ганс Шмультке в очередной раз пожал плечами. Сказал, поразмыслив:

— Герр лейтенант, мы кажется говорили о том, что нишу Т-54 в танковой пищевой цепочке начали постепенно замещать французские барабанные СТ? Кому как, а мне боязно встретиться один на один не то что, с «Бат-Шатильоном», но даже с весьма картонной «Лорой» — наши тяжи слишком медленные и неповоротливые для этих шустриков с отличным вооружением...

— А китайские орды?! — в сердцах воскликнул Отто Фюрст. — В гордом одиночестве Тип-59 вроде бы ничего особого из себя не представляет, но когда этих упырей штук пять на команду надо убегать, прятаться и накрывать голову подушкой! Слава богу, их хоть с продаж сняли!

— Не все так плохо, — продолжал гнуть свое Шмультке. — Разбалансиет СТ на девятый и десятый уровни, и в итоге...

— В итоге, — перебил лейтенант, — мы получаем инкарнацию «World of Soviet T-54». Новый виток прежней истории. Помнишь, что творилось в рандоме года полтора-два назад? Ну так нам быстро напомним — даешь по пять-шесть Т-62А с каждой стороны, в каждом высокоуровневом бою! Первым делом вырезаются тормозные тяжи — мы даже башню довернуть не успеем! — а дальше они развлекаются сами с собой. Все. Очень интересно, правда?..

— Вы говорите так, будто в этом есть что-то плохое, — послышался знакомый голос. Подошел товарищ Котятко, как обычно имевший вид самый бравый, подтянутый и партийный. — Сначала ознакомились бы с темой поближе, а потом страдали.

— Мы не страдаем, — буркнул в ответ лейтенант. — Просто опасаемся, что повторятся прежние ошибки и на полях сражений опять начнется дурдом, где в роли санитаров будут выступать средние танки...

— Стоп, — Парамон Нилыч раскрыл папочку с документацией. — Нихт паника, господа товарищи. Чем отличался Т-54 помним? Одним из основных признаков Т-54 была отличная броня. А Т-62 хорошо бронирован только в башне. 240 против 200 у «Таракана», есть такое. Бейте в корпус и будет вам танкистское счастье.

— А скорость? — жалобно воскликнул Отто Фюрст. — Мощность двигателя в 1050 лошадиных сил? Средняя пробиваемость 268,

средний урон 400? Семь с половиной выстрелов в минуту — на треть больше, чем у Е-50 модификации «М»? Почему сразу плазмаган не поставили?.. Это же, как у вас, русских говорят, *bespredel!*

— «Мауса» вашего любимого за минуту точно не уделает, — невозмутимо сказал товарищ Котятко. — Тем более, что ему ХП на две сотни единиц поднимают с грядущим патчем. Да и новый Е-50 чем вам не угодил? Скорость поворота видели на топовой ходовой — 46 градусов в секунду? Причем замечу, Т-62 танк реально существовавший, в отличие от проектов с салфеток, найденных в мусорном бачке рейхсканцелярии, на которых фюрер набросал пару невнятных силуэтов очередного юберваффе!.. Так что — не унывать и не сдаваться!

— Вашими бы устами, — проворчал Шмультке. — Что-то меня не очень радует превращение «Мира Танков» в «Мир Средних Танков».

— Ровно то же самое говорили с появлением Т-54, — парировал комиссар. — А затем при вводе Типа-59. И где они теперь?...

68. Когда погасло солнце

— Давайте будем честны перед собой, — лейтенант Фюрст откинул люк и оперся локтями о борта командирской башенки. — Это значительно, принципиально лучше, чем полигон «Хребет Дракона», не к ночи будь помянут!..

— Точно, — поддакнул Ганс Шмультке. — Я был вне себя от счастья, когда «Хребет» убрали из рандома. Видимо, в рамках беспощадной борьбы с употреблением запрещенных веществ среди разработчиков карт. А вот по «Кошмарину» немного тоскую — все-таки VK.4502 танк оборонительный — встаешь на нижнем респе за свинарниками, да отстреливай себе тех, кто попытался переехать мостик.

...Очередной выезд на тест в рамках сверхсекретной программы «Физика» возглавлял лично господин Storm — его «Виллис» с эмблемами «Варгейминга» на дверцах и капоте возглавлял колонну, шедшую по прямому как стрела шоссе, проложенному по холмистой равнине с идиллическими домиками и редкими перелесками.

Для испытаний очередного Uberwaffe были выбраны новые полигоны — «Хайвей», «Тихий берег» и «Порт», целиком копировавшие североамериканские пейзажи: континентальный, прибрежный и городской соответственно.

— Чем-то напоминает «Лайв Окс», — продолжил герр лейтенант, не устававший вертеть головой и оценивать потенциальные возможности полигона с автострадой. — Значит и тактика аналогичная и, к сожалению, приевшаяся — тяжи в город, средние в поля, артиллерия по краям... Спрятаться особо негде.

— Глуши моторы, — сообщил по рации шеф. — Всем собраться у штабной машины на инструктаж.

По традиции на секретный тест брали ограниченное число танков — два ТТ, обычно советский и германский, по паре СТ и ЛТ и одну артиллерийскую самоходку средних или высоких уровней. Сегодня выбор пал на французского «барабанщика» «Бат-Шатильон 155» с вращающейся башней — в умелых руках эта САУ становилась истинным проклятием для тяжелых танков — Ганс Шмюльке не раз видел в рандомных боях как француз делал четырехкратный «пыщ-пыщ» и хорошо, если вражеский Е-100 отделялся снятием половины ХП, погнутым стволом и контуженным экипажем...

— Подходите, не стесняйтесь, — громко сказал господин Storm. Колонна остановилась на границе полигонов «Хайвей» и «Порт», за красной пограничной полосой виднелись небоскребы, крупный железнодорожный узел и череда пакгаузов возле гавани. — Итак... Все мы помним, в среднесрочной перспективе нас ожидает что? Правильно — во-первых исторические бои, во-вторых — новая физика...

Глава закрытого НИИ эпическим жестом указал на страшненькое устройство на платформе, которую тащил за собой тягач, переделанный из «Tiger Porsche». Предназначение ошестинившейся антеннами, датчиками и камерами наблюдения установки всем участникам закрытых тестов было давно известно — агрегат изменял параметры окружающей среды, начиная от гравитации, и заканчивая приемистостью грунта, плотностью воды или условиями освещения.

— Шмультке, — господин Storm развернулся на каблуке и повернулся к унтер-офицеру, — вы участвуете в наших экспериментах уже

второй год. Можете доходчиво объяснить новичкам, что изменится при введении новой физики?..

— По-моему, все и так знают, — сказал наводчик «Тапка», пытаясь отогнать вставшую перед глазами навязчивую картину: «Маус», падающий со скалы на «Ляйхттрактор». — В один прекрасный день мы попросту не узнаем родимый Мир Танков. Все будет по-другому. Придется заново учиться...

— Кратко и емко, — согласился инженер. — Да, разумеется, пока отдельные аспекты физического взаимодействия наших бронемашин с окружающей средой только прорабатываются и нас преследуют отдельные неудачи, но упомянутый герром унтер-офицером «прекрасный день» приближается с роковой неумолимостью. Если вас, господа и товарищи, устроит такое сравнение — вы попросту окажетесь на другой планете. Без преувеличений! А теперь...

Господин Storm извлек из кармана «лентяйку» для дистанционного управления своим техногенным монстром. Нажал несколько клавиш.

— Вуаля!

— Himmeldonnerwetter! — только и сказал Ганс Шмультке.

Мягкое осеннее солнце, заливавшее равнину полигона «Хайвей», погасло. На небе появились тусклые точки звезд, над холмами возникла убывающая луна. В деревенских домиках засветились окна.

— А вы думали! — с усмешкой сказал ведущий разработчик. — Работы по оптимизации клиента и структуры спецэффектов для ночных боев ведутся, как раз хотел вам продемонстрировать некоторые наработки... Нравится?

— Не очень, — сразу отозвался французский сержант с «Бат-Шатильон 155». — Темно.

— Простите, но это все-таки ночь, — поморщился господин Storm. — Ночью должно быть темно, по крайней мере вне высоких широт наподобие нашего «Заполярья, где существует понятие «полярного дня» и солнце может светить даже в полночь. Шмультке, герр Фюрст, забирайтесь в танк и попробуйте отъехать хотя бы метров на триста... За вами пойдет ИС-4 товарища Сухова, можете пострелять друг в дружку, посмотрим, что получится!

— Чудеса, — унтер-офицер только руками развел, увидев, что ранее бесполезные фары «Тапка» с колпаками светомаскировки вспыхнули, бросая на пожухлую траву веера золотистого света. — А приборы ночного видения?

— Подумаем, — кивнул господин Storm. — Как говорится, КТТС. Не все сразу, уважаемые коллеги! Езжайте, а мы будем фиксировать ваши действия.

«Тапок» неуверенно сдвинулся с места и на минимальной скорости пополз в поля. Мехвод поругивался сквозь зубы — радиус обзора снизился до критического минимума. Отто Фюрст, как ни вглядывался в окуляры командирского перископа, ничего толком увидеть не мог — неясные тени, то ли танк товарища Сухова, то ли валун...

Глухо стукнуло о броню, заскрежетали гусеницы — на камень налетели! И тут же в корпус ударилась болванка ИС-4, сразу сняв четверть ХП.

— Стоп-стоп! — послышался в наушниках голос главного инженера. — Отставить огонь! Капитан Сухов, объясните, почему вы произвели выстрел? А самое главное, как попали?

— Искры из-под гусениц заметили, — ответил командир русского тяжа. — Траки гравий раскрошили. Остальное дело техники и инстинкта! Но, конечно, и доля случайности...

— Очень хорошо, просто отлично, — отозвался господин Storm, — так и запишем: эффекты при движении танка — выхлоп, блики на броне, отсвет линз приборов наблюдения. Продолжаем!

— Ох мало нам было игр с гравитацией, — пробормотал лейтенант Фюрст. — Еще и ночные бои в довесок!

— Наше счастье, что не прямо сейчас, — отозвался Ганс Шмюльке. — И даже не завтра и не послезавтра — когда еще клиент оптимизируют. А пока будем привыкать, потому что рано или поздно... Смотрите, лево двадцать! Вспышка от выстрела арты! Наводим наудачу?..

69. Рагу по-комиссарски

— На этих ваших супертяжах что, свет клином сошелся? — рокотал Парамон Нилыч Котятко. Заседание партактива на тему «Патч 0.7.5. — кто виноват и что делать?» только что закончилось, можно было расслабиться за стаканчиком «Переваловки». Закуска была скромной: сало, черный хлеб, соленый огурец да луковица. — Допустим, товарищи, «тяжелый танк» есть понятие растяжимое — ИС-4 тяжелый? Да, но и КВ-1 тоже никак не назовешь легким!

В дверь кабинета аккуратно постучали. На пороге появился несомненный иностранец — монокль в золотой оправе, пробковый шлем, вислые седоватые усы, офицерский стек под мышкой.

— А-а, сэр Генри! — радушно поприветствовал комиссар британского майора. — Здравствуйте, здравствуйте. Вы с закрытого теста? Давненько к нам не заглядывали! Как обстановка с английской бронетехникой?

— Разрешите пожелать вам доброго вечера, джентльмены, — церемонно сказал сэр Генри, с подозрением наблюдая, как товарищ Сухов наливает в граненый стакан дивный нектар, настоенный на горных травах с Перевала, и сооружает для гостя сэндвич с огурчиком и салцом. Проявляют традиционное гостеприимство. — Я зашел посоветоваться. Не помешаю?

— Присаживайтесь, — Парамон Нилыч щедрым жестом указал на табурет. — Ради союзников — всё, что угодно. Ну, как говорится, за здоровье!..

Сэр Генри осторожно понюхал «Переваловку», решил что жидкость пахнет даже приятнее восемнадцатилетнего «Chivas Regal» и деликатно выпил. Закашлялся. Зажевал русским сэндвичем.

— У нас тут в преддверии патча спор вышел, — пустился в разъяснения комиссар Котятко. — Тема стара как мир и уныла, будто стоковый КВ-1С: разбалансировка девятого-десятого уровней в свете появления новых средних танков.

— Умоляю, ни слова о балансе, — сверкнул моноклема сэр Генри. — Даже у нас, на секретных тестовых полигонах происходит черт знает что! Когда японца Тип-89 «И-Го» уравнивают итальянской ПТ «Земовенте» — это еще куда ни шло, но противопоставлять FV4005 183mm Experimental Gun Tank...

— Стоп, стоп, — перебил англичанина комиссар. — Повторите, что вы сейчас сказали? Что именно — экспериментальное? Какой калибр?!

— Противотанковая САУ FV4005 на базе танка «Центурион», — вздохнул сэр Генри. — Проект 1948-49 годов, в теории была предназначена для борьбы с новейшими советскими тяжелыми танками ИС-3 и более поздними версиями серии ИС. Вы не ослышались, 183 миллиметра калибр, плюс автомат заряжания. Минуточку, у меня где-то фотография была...

Господин майор полез в нагрудный карман кителя, извлек карточку и передал товарищу Котятко. Парамон Нилыч только готовой покачал:

— Вы, конечно, не обижайтесь, — осторожно сказал комиссар, изучив снимок, — но по моему это выглядит как не слишком удачный гибрид КВ-5 и «Мауса», поставленный на шасси «Центуриона». И почему «Gun Tank» — повторяется история со сверхтяжелой «Tortoise», которая тоже не пойми что: называется танком, а вращающаяся башня отсутствует?

— Извините, сэр, но в данном случае вы не правы. Башня FV4005 вращается, — вежливо, но непреклонно сказал британец, но тут же слегка покраснел и добавил вполголоса: — Правда, очень медленно.

— Позвольте взглянуть, — капитан Сухов с ИС-4 изъяс у Парамона Нилыча фотографию, вник и присвистнул. — А что ж они так с калибром для ПТ поскромничали? Нет, чтобы сразу 305 миллиметров — заодно и линкоры пробивала бы? Выставляешь на бережку графства Кент дивизион FV4005 и сразу ваншотишь линейный корабль класса «Бисмарк». А танки будет просто сдувать пролетевшим мимо снарядом.

— Проблема в том, — сэр Генри пропустил колкости товарища Сухова мимо ушей, — что после знаменитого Парада Победы 1945-го года в Берлине, когда советское командование продемонстрировало союзникам новейшие танки, в артиллерийском департаменте возникла тихая паника. Адмиралтейство в принятии решения по оружию для FV4005 участия не принимало — как вы помните, корабельная артиллерия располагала калибром 152 миллиметра, а затем сразу 203.

— А как же единый калибр для крейсеров 7.5 дюймов, то есть около 190 миллиметров? — напомнил комиссар.

— Да, правильно, — согласился майор. — 7.5-дюймовые пушки несли 18 британских крейсеров — от «Девонширов» до «Наукинсов» включительно, но это было в ранний период до Вашингтонского соглашения 1922 года. Крейсера типа «Свитшув» даже для экспорта предназначались...

— Знаю-знаю, — ухмыльнулся товарищ Сухов. — Например в Чили, правда затем ввиду войны их пришлось конфисковать и среди английских моряков броненосцы получили гордые названия «Ваканто» и «Оккупанто» по сохранившимся испаноязычным табличкам на галюнах для экипажа...

— Мы отвлеклись, — Парамон Нилыч шлепнул ладонью по столу. — У нас тут все-таки World of Tanks, а не World of Battleships! Извините, сэр Генри...

— Это переделанная 7,2-дюймовая гаубица, — объяснил господин майор. — В сороковых годах концепция сверхтяжелых танков еще себя не изжила. Насколько я помню в Советском Союзе все проекты подобного рода прикрыл Никита Хрущев куда позже, в пятидесятых. Вот и взяли оружие «с запасом».

— Хорошенький такой запас, — вздохнул Парамон Нилыч. — Хотя... Ось орудия высоко-высоко. Так что — высовываем башку из окопа или из-за холма, ищем Т-62А километрах так в трех, и бабах! После чего быстренько ныкаемся назад.

— Зато я знаю, как будет выглядеть рикошет, — не унимался товарищ Сухов. — Снаряд летит куда летел, а танк отбрасывает под произвольным углом в сторону!

— Не смешно, — ледяным тоном сказал сэр Генри. — FV4005 по силуэту выше «Мауса» и Jagd.Pz E-100, весит почти 60 тонн с мощностью двигателя всего 640 лошадиных сил!..

— Да и с бронированием по-моему не очень, — товарищ Котятко снова взгляделся в фотографию. — Вы заметили ребра жесткости на башне? Значит, броня тонкая...

— Тоже верно, — британец поджал губы. — На прототипах автомат заряжания устанавливался только на FV4005 Stage 1, а башенный FV4005 Stage 2 автомата не имел. Его орудие заряжалось вручную. Вот чтобы прикрыть заряжающих от осколков и пуль и сделали броневую башню с противопульной бронёй.

— Что? — комиссар ушам своим не поверил. — Вручную? 183 миллиметра? Когда снаряд весит больше заряжающего?

— Раздельное зарядание, с тележки, двумя заряжающими.

— Англичанине знают толк в извращениях, — потрясенно прошептал товарищ Сухов. Сэр Генри, к счастью, не расслышал.

— Что раздельное — это понятно и удивления не вызывает, — сказал Парамон Нилыч. — Но катать в башне восьмидесятикилограммовую дуру на тележке а потом вдвоем засовывать ее в казенник — это, знаете ли, от души. Это сильно... Так о чем вы хотели посоветоваться, сэр Генри?

— Это машина для самоубийц, — прямо сказал майор. — Давайте напрямую: лобовое бронирование исходного «Центуриона» 76 миллиметров, борт 51. Бронирование башни САУ — смешное, 5-10 миллиметров в разных проекциях, а если учитывать вариант с открытой рубкой... Как бы вы действовали, встретив FV 4005?

— Учитывая, что это наверняка будет девятый-десятый левел, — прикинул товарищ Котятко, — берем машину наподобие ИСУ-152 или Объекта 704, заряжаем фугас и производим неприцельный выстрел.

— Почему неприцельный?

— Фугас, — повторил комиссар. — Последствия понятны даже при попадании в двух метрах от машины? Рагу из экипажа запеченное в фольге из башни прототипа. Сочувствую вам, майор.

— Но может быть разработчики что-нибудь придумают? — с надеждой спросил сэр Генри. — Эта машина имеет только одно несомненное достоинство, калибр орудия и в топовой версии барабан, но...

— Рагу, — пожал плечами Парамон Нилыч. — Ну я даже не знаю, что порекомендовать... Подайте челобитную господину Storm'у, по-моему воевать на данном аппарате будет невозможно. Кажется, FV 4005 в серию не пошла?

— Не пошла, — грустно кивнул майор. — За отсутствием подходящих целей. Я все понял, разрешите откланяться...

Сэр Генри с понурым видом вышел из кабинета. Комиссар кивнул товарищу Сухову — наливай, мол. Заметил, поразмыслив:

— Насчет калибра орудия. Как я понимаю, до бриттов в сороковых дошли разведданные об ИС-4, плюс они логически додумали тему усиления бронирования советских танков на перспективу. Другого объяснения этому чуду у меня нет...

— Но тем не менее, — философски заключил капитан, — ПТ-САУ 183 миллиметра с автоматом заряжания равна тактическому ядерному заряду. Полный залп — и пары Е-100 нету. А дальше пусть хоть 5 минут перезарядка, союзники линию удержат...

70. Крепкие середнячки

...Сервер ушел на плановую перезагрузку, а потому на танкистской базе царило расслабленное настроение — Атлантида наконец-то утонула, никаких тебе высадок, о ротных боях и проклятушем рандоме можно забыть до утра, дать задания ремонтным ботам и со спокойной душой отправиться в клуб или кинозал. На радость американских экипажей сегодня крутили «Серенаду Солнечной долины» производства 1941 года с Гленом Миллером.

В столовой по давней традиции травили байки, вспоминая «старые добрые времена» эпохи закрытого Бета-теста — мол и солнце в Химмельсдорфе тогда светило ярче, «чемоданы» летали точнее, кусты на Малиновке были погуще, да и вообще кругом царил сущий рай в неиспорченном и уютном Мирочке Танчиков с двумя единственными ветками, советской и германской...

— Непорезанный Hummel тогда полностью соответствовал понятию о «боге войны», — с мечтательными интонациями повествовал обер-лейтенант Лейббрандт, командир заслуженной арты. — Четырнадцать скальпов с Прохоровки привезли однажды! Четырнадцать!

Ганс Шмультке лишь вздохнул — абсолютный рекорд установленный экипажем Лейббрандта так и остался непревзойденным: практически вся команда противника была вырезана Hummel'ем. Удивительное везение, такое случается крайне редко и событие навсегда остается в истории.

— У сокомандников началась форменная истерика, — продолжал обер-лейтенант. — «Арта, хватит! Арта, остановись! Арта, прекрати! Арта, оставь нам последнего!» Так и получилось, поскольку снаряды кончились. Какие сообщения приходили от противника я упоминать не буду, сами можете догадаться... А теперь что? На Hummel'е сравнительно комфортно можно воевать только со стоковым стволом, топовый, длиной в 30 калибров, давным-давно стал бестолковым бревном с отвратительным сведением...

Собравшиеся вокруг герра Лейббрандта танкисты одобрительно загудели — тема была самая актуальная. Каждый мог предъявить танкостроительным заводам «Варгейминга» хоть одну претензию — слышались голоса «Понерфили», «Броню срезали», «Орудие косо» и так далее почти до бесконечности.

Даже Ганс Шмультке, обычно относившийся к подобного рода разговором скептически, — все равно ничего уже не исправить! — и сам отпустил несколько едких замечаний относительно родимого VK.4502. Какой был танк! Непробиваемый, с отличными характеристиками, воплощенная мощь, шок и трепет! Да, разумеется, нет плохих танков, а есть кривые руки, но...

— Но очень много зависит еще и от качества техники! — дополнил за унтер-офицера появившийся в дверях товарищ Котятко. — А ну припомним, какие средние танки считались наилучшими до релиза двухлетней давности?..

— «Пантера» и Т-44, — с неколебимой уверенностью ответил Ганс Шмультке. — Последний так вообще являлся верхом совершенства, не сравнимым ни с единой другой машиной. А на сегодняшний день, извините, даже экипаж с Т-44 разбежался! Вася к примеру ушел в авиационную школу «World of Warplanes»!

Парамон Нилыч помрачнел. Уход Василия к летчикам считать дезертирством было никак нельзя, но, что называется, осадочек остался. Тем более, что младший лейтенант частично мотивировал свой перевод в авиачасть тем, что на Т-44 «воевать стало невозможно».

— Ну вот почему, почему все уперлись в топовую технику? — воззвал комиссар, потрясая зажатой в кулаке танкистской пилоткой, будто на митинге. — Как зайдешь в столовую или в курилку, только и слышно разговоров о технике десятого уровня! Мол, что круче — Т110 или Е-100? Кто быстрее — Т-62А или Е-50М? У кого дамаг выше — у американца Т-92 или «Холодильника», будь он неладен? Зажрались вы, товарищи и господа танкисты! Как есть зажрались!

Повисла нехорошая тишина. Товарищ Котятко обычно избегал резких выражений, все-таки политработник, ответственный за морально-нравственное воспитание широких масс. Да и иностранцы присутствуют — незачем ругаться при представителях буржуазных государств. Облико, как говорится, морале.

Однако, Парамон Нилыч разошелся не на шутку:

— Партия учит: воспитывай молодые кадры на собственном примере! — громыхал комиссар. — Экипаж, которым я командую, отроду ездит на «Черчилле»! По мнению зеленых новичков танке бестолковом, медленном, неповоротливом и со слабенькой пушечкой! Ничего, не жалуемся! Или вот товарищ Невельский — Парамон Нилыч эпическим жестом указал на командира КВ-220Т. — Пятый уровень всего-навсего! А процент побед какой?

На этот раз посмурнели владельцы ИС-7 и ИС-4, да и заглянувший на шум обер-лейтенант Матиас Хале, командир «Мауса», слегка покраснел. Показатели у супертяжей существенно уступали статистике большинства танков средних левелов, не говоря уже о малышах — достаточно было взглянуть на довольные рожи экипажей «Гочкиса» и МС-1. «Русский Рено» с обученным в Академии экипажем, топовым вооружением, полным обвесом от противоосколочного подбоя до приводов наводки и вентилятора, показывал просто-таки выдающиеся результаты — страх и ненависть в «Песочнице»...

— Между прочим, «Черчилль» и КВ-220 — премиумы, — буркнул товарищ Сухов с ИС-4.
— Не все могут себе позволить приобрести эти машины...

— Хорошо, допустим, — набылся Парамон Нилыч и полез в планшетку за распечаткой со статистикой за последний месяц. — Знаете, какой на нашей базе наиболее результативный экипаж? Даю три попытки — догадайтесь!

— D.Мах и «Ягдтигр», — предположил Ганс Шмультке, наслышанный о подвигах самоходчиков, у которых действительно были отличные показатели.

— Нет, — отмахнулся комиссар. — В первой четверти списка, но не на самом верху.

— Бат-Шатильон, — подсказал французский лейтенант Тьерри.

— Пятое место, — Парамон Нилыч позволил себе чуть улыбнуться. — А еще ругаетесь, будто «Батю» порезали... Ну, кто угадает?

— Уже упомянутый КВ-220, — решился товарищ Сухов. — Они серебро мешками привозят! По семь-девять скальпов чуть не из каждого боя! Плюс стандартно «Стальная стена» и «Снайпер»!

— Да нет же! Премиумы в статистику не включаем, — воскликнул комиссар. — Старший лейтенант Иванов! Выйдите! И этот... капитэн Анри де Сен-Сир, дружественная Франция!

Из дальнего угла к Парамону Нилычу пробрался невысокий и белобрысый советский старший лейтенант в потрепанном, залитом маслом комбинезоне. За ним вышел чернявый француз — этот наоборот, блистал парадной формой.

— Вот, товарищи, — поучающим тоном заявил товарищ Котятко. — Первое и второе место по общей результативности! Танки Т-34-85 и AMX 12t. Отчетность с сервера врать не может — социализм, товарищи, это строжайший учет! Я бы еще отметил экипаж M18 Hellcat и лично его командира мастер-сержанта Ричарда Хоупа, но американские коллеги

в кино пошли... Третье место у «Адской кисы»! Заметим, все до единой машины шестого уровня! Шестого! Не десятого!

— Причуды балансера, — неуверенно возразил мсье Тьерри. — Это же картон!

— Сами вы картон, — неожиданно огрызнулся товарищ Иванов. — На Т-34-85 всю Великую Отечественную вытянули, а потом еще до 70-х годов в большинстве горячих точек планеты воевали! Картон!.. Руки прямите!

— Тише, тише, — примирительным тоном сказал Парамон Нилыч. — Вот вам, товарищи и господа, поощрение — с завтрашнего дня первым трем экипажам, показывающим наилучшие результаты, вознаграждение в серебре удваивается. Кстати, к Hummel'ю это тоже относится — ввиду былых заслуг! Словом, берите пример — отметим вас в стенгазете и почетную грамоту, само собой! За успехи в боевой и политической!

— Мерси, — пожал плечами капитэн де Сен-Сир. — Но простите, во французской казарме нет политической подготовки, за что же грамота?

— Приходите к нам в Ленинскую комнату. На лекцию по марксизму. — подмигнул товарищ Котятко. Взглянул на часы. — Так, до начала вашего персонального инвентаря осталось полчаса. Что сидим? Бегом по ангарам, готовиться к бою!..

71. Танкопад

— Они окончательно с ума посходили! — Ганс Шмультке в сердцах откинулся на спинку кресла наводчика и демонстративно сложил руки на груди. — Вы как хотите, а я больше в этом бедламе не участвую! Надоело! Просто за гранью добра и зла!

— Вот именно, — согласно кивнул лейтенант Фюрст. — Мехвод, глуши двигатель! С места не сдвинемся! И гори оно все синим пламенем!

VK.5202 вздрогнул, в ушах зазвенело, однако не как при попадании тяжелого снаряда с непробитием или рикошетом, а иначе — звук такой, будто по «Тапку» от души врезали огромной кувалдой.

— Т-50-2, с разгона, — сообщил герр лейтенант заглянув в окуляры командирского перископа. — Вот гаденыш, развернулся и снова разгоняется... Mutterdonnerwetter, а там еще маленький AMX и «Леопард» — и наши туда же, ни следа от нордической сдержанности! Как дети, честное слово!

Последовал тройной удар «кувалды», снаружи жажнуло, в машину проник запах гари — AMX 13 75 эффектно взорвался. Башенка, кувыркаясь в горячем воздухе, улетела в сторону. На броне «Тапка» осталось безобразное пятно копоти. «Леопард» наоборот, отлетел в сторону как бильярдный шарик.

— Они и есть дети, — проворчал Шмультке. — А досточтимое начальство глядит на этот ужас и хохочет...

Точно. На возвышенности справа от восточного респа Вестфилда были хорошо различимы силуэты песочного цвета «Виллисов» с эмблемами «Варгейминга» на бортах. Бликовали линзы биноклей. Господин Storm в сопровождении научного персонала своего НИИ откровенно развлекался — как-никак именно сегодня тестирование новой физики окончательно вышло из закрытой стадии и стало доступно большинству желающих.

Экипаж Отто Фюрста и Ганса Шмультке, участвовавший в опытах уже более полугода, просто выехал посмотреть, что получится с физикой в рандоме, где господин Storm не

станет отдавать четких приказов как и куда ехать или что делать. Все оставалось на совесть обычных танкистов.

Что тут началось — не пересказать. Еще до начала первого боя по радиации поступило предложение: «Друг в друга не стреляем, смотрим физику! Согласны?». На тактическом планшете герра лейтенанта замелькало нескончаемое «Так точно!». Воевать отказались все. Далее последовало повальное хулиганство, при виде которого танковые генералы старых времен Гудериан или Катукот, будь они теперь живы, в лучшем случае отделались бы обмороком, а в худшем — инфарктом.

Впрочем, какая тут война, когда у противника топ восьмого уровня выдав в эфир совершенно не французское «Банзай!», бесстрашно сиганул на AMX 50 100 со скалы, рухнул на крышу домика на респе, свалился боком на землю и сгорел с бурными спецэффектами. То, что вытворяли легкие танки вообще не укладывалось в рамки разумного — игра в «кегельбан» была лишь самым невинным развлечением.

— Пошли отсюда, — Отто Фюрст решительно откинул люк командирской башенки и выбрался из танка. Потопал вверх по склону, к «Виллисам». Шмультке и остальные отправились вслед.

— О, приветствую! — лучезарно улыбнулся господин Storm. Передал бинокль помощнику. — И вы здесь, коллеги? Забавляетесь?

— Угу, — буркнул Ганс Шмультке. — Так забавно, обхохочешься. Что они творят, черт побери?!

— Все предсказуемо и ожидаемо, — усмехнулся глава секретного НИИ «Варгейминга».

— Думаю, в ближайшие дни волна безумства пойдет на спад. Вы еще не видели как народ буйнит на других полигонах! Мы только что с «Утеса», там на маяке СТ устроили массовую игру в «царя горы», спихивая противника вниз без применения штатного вооружения...

— Смотрите! — перебил лейтенант и вытянул руку, указывая в сторону акведука. — Что они собираются делать?

— Рацию дайте, — быстро сказал господин Storm. Выслушал. Пожал плечами. — Ничего особенного. Хотят оценить повреждения «Мауса» если ему на башню с акведука упадет «Леопард». Ага, свалился... Не поверите, но «Мышку» он почти убил — броня на крыше башни тонкая!

— Еще как поверим, — ответил Ганс Шмюльке, созерцая печально догорающий «Леопард», не переживший падения. — Говоря откровенно, из резких минусов физики я бы выделил просто-таки невероятное число потери ХП вне боевых столкновений. Иногда еще до середины полигона не доедешь, а уже минус двести единиц. Спотыкаемся о камушки, сбиваем гусеницы, сталкиваемся... Если это моделирование износа ходовой, то неудачное.

— Знаем, — согласно кивнул господин Storm. — Опять же в отдельных случаях динамика машин стала ниже всякой критики, экипажи Е-50 постоянно жалуются. Поправим! Москва не сразу строилась.

— Как только, так сразу? — саркастично дополнил господин лейтенант.

— Именно! Вы хоть представляете сколько еще работы предстоит? И вам в том числе, как участникам закрытых тестов? С одной только графикой возни будет не меньше, чем с физикой! Освещение, ландшафты, небо! Да еще звуки, брызги и волны при движении по воде...

— Чувствуете себя Господом Богом, наверное? — совершенно серьезно поинтересовался Ганс Шмюльке.

— Наверное, — фыркнул господин Storm. — «Wargaming: Building Better Worlds». Отдает плагиатом, но мы и на самом деле строим лучшие миры!

— Только не для них, — мрачно сказал унтер-офицер, не переставая наблюдать за акведуком, с которого начался массовый танкопад. — Что творят, жуть!

— Перебесятся, — отмахнулся начальник отдела разработки. — Но красиво же? Где еще такое увидишь? С небес сыплются ИС'ы и «Королевские Тигры», завтра ожидаются осадки из «Стюартов», местами частичное выпадение Т30 и «Ягдпантер»...

— Все шутите, — покачал головой Шмультке. — Это же принципиально новый мир! Ничего похожего на то, что мы знали раньше!

— Эволюционируем, — отозвался господин Storm, — Вам было бы интересно оставаться в статичном неизменяемом мирке, где знаком каждый камушек? То ли еще будет!

— Мне уже страшно, — вздохнул лейтенант Фюрст. — О, смотрите, «Черчилль» летит...

72. Страдания по Черчиллям

— Поздравляем сэр Генри, искренне поздравляем! Наконец-то!

Празднование «Дня Британии» на танкистской базе было в полном разгаре. Французы притащили ящик «Мадам Клико», от заокеанских экипажей к столу подали кентуккийскую индюшачью тушенку высшего сорта, командир KB-220T по старой доброй традиции притащил две канистры «Переваловки». Пир горой.

— А помните нашу первую встречу? — английский майор растроганно взглянул на Ганса Шмультке поверх монокля. — Там, на болотах? Я уж и не припомню, когда это случилось!

— Постойте, — унтер-офицер почесал в затылке. — Да, конечно. «Топи»! Нынче и полигона-то этого не существует! Точно, декабрь прошлого года*! Как время летит! А ведь тогда мало кто верил в скорое появление британской техники!

— Зато что сейчас творится, пересказать слов не хватает! — к сэру Генри и Шмультке подошел Парамон Нилыч Котятко. Комиссар ловко разлил «Переваловку» по граненым стаканчикам, вручил соратникам. — Ну, за здоровьице! Экипаж МС-1 только что вернулся из боя в песочнице, ребята просто в шоке...

— Что такое? — невинно поинтересовался Ганс Шмультке. — Ненагибается? Неужели?

МС-1 был «секретным оружием» русских — полностью обученный экипаж со всеми возможными перками, для машины закупились «золотые» пульки, на крошечный танчик установили самое лучшее оборудование и снаряжение. В песочнице МС-1 в буквальном смысле этих слов сеял смерть и разрушения, лучший результат на сегодняшний день — тринадцать скальпов из пятнадцати возможных, причем экипаж взял на себя социалистическое обязательство довести таковой до абсолютного. А когда его брали в качестве «брелка» в сражения ко взрослым дядям, тоже мог натворить немалых бед — прошлой неделей во Фьордах малыш незамеченным во время общей свалки прокрался на вражеский респ и преспокойно вырезал Су-51, «Грилле» и Су-5, оставшись при этом целым и невредимым. Жуткое оружие в умелых руках!

— Отчего же ненагибается? — пожал плечами комиссар. — Просто они оказались в самом хвосте командного списка, состоявшего сплошь из Medium Mark I. У противника ровно та же картина. По радиции немедля начался галдеж — «Смотрите, русский шпион! Джеймса Бонда на него нет!» Едва успел удрать от своих же.

— Ужасающе неджентльменское поведение, — расстроился сэр Генри. — Ох уж эта молодежь, воспитывать и воспитывать! Впрочем, на более старших уровнях взаимоотношения куда более респектабельные, с чертами светской элегантности...

— Это до поры до времени, — отмахнулся Ганс Шмультке. — Едва появляется невиданная прежде техника, команда бросается рассматривать новый танк, вежливо пропускает вперед, засоряет эфир идиотскими вопросами вроде «Пуха топовая?» или «Стоит брать?», а затем всё возвращается в привычное русло.

— Светская элегантность, говорите? — Парамон Нилыч нахмурился. — Вы, сэр Генри, кажется предпочитаете «Черчилль I»?

— Именно, господин комиссар. И следующую модификацию, «Черчилль VII». Подана заявка на приобретение «Супер-Черчилля»

Black Prince, но вы и без меня знаете, с какими трудностями это связано — миссис Ротвейлер дама тяжелая в общении, со сложным и непредсказуемым характером...

Товарищ Котятко и унтер-офицер Шмутьке согласно покивали. Выбить из окопавшегося в бухгалтерии монстра в женском обличье лишние средства считалось подвигом, рядом с которым меркли любые достижения помянутого МС-1. Проще получить «Воина» в самом безумном рандоме со стадами оленей, чем разжалобить Повелительницу Тьмы, управляющую финансовыми делами базы.

— Я выезжаю на ленд-лизовском «Черчилле» со времен ЗБТ, — задумчиво сказал Парамон Нилыч. — Очень достойная машина для своего уровня. Пушечка, конечно, слабая — 57 миллиметров, но скорострельность потрясающая. Но к собственно британскому «Черчиллю I» поворачиваться бортом и кормой я сейчас не решусь, хотя у него и броня похуже, и маневренность безобразная. Поскольку 75 миллиметров Vickers HV с пятнадцатью выстрелами в минуту для пятого левела, это, извините, оружие массового поражения.

— Не могу не согласиться, — кивнул британский майор. — Ровно то же могу сказать о следующей модели — если «Семерка» в топе, все эти KB, VK и прочие ARL очень эффектно лопаются, просто загляденье. Пока KB-2 зарядит свою... как это по-русски? Ах да, shaitan-trubu, я успеваю всадить в него семь снарядов! Ну хорошо, допустим шесть... Пускай он даже выстрелит и снимет «Черчиллю» половину ХП, итог в любом случае предсказуем!

— Майор Генри Баскервиль! — разнеслось под сводами офицерского клуба. Ганс Шмутьке невольно вздрогнул: этот узнаваемый голос звучал как трубы апокалипсиса. — Ко мне! Бегом!

Британец побледнел. Разговоры за столами прекратились. Парамон Нилыч непроизвольно положил ладонь на кобуру с наградным «Наганом».

В дверях стояла мадам Ротвейлер. В руках тонкая папочка перевязанная тесемкой.

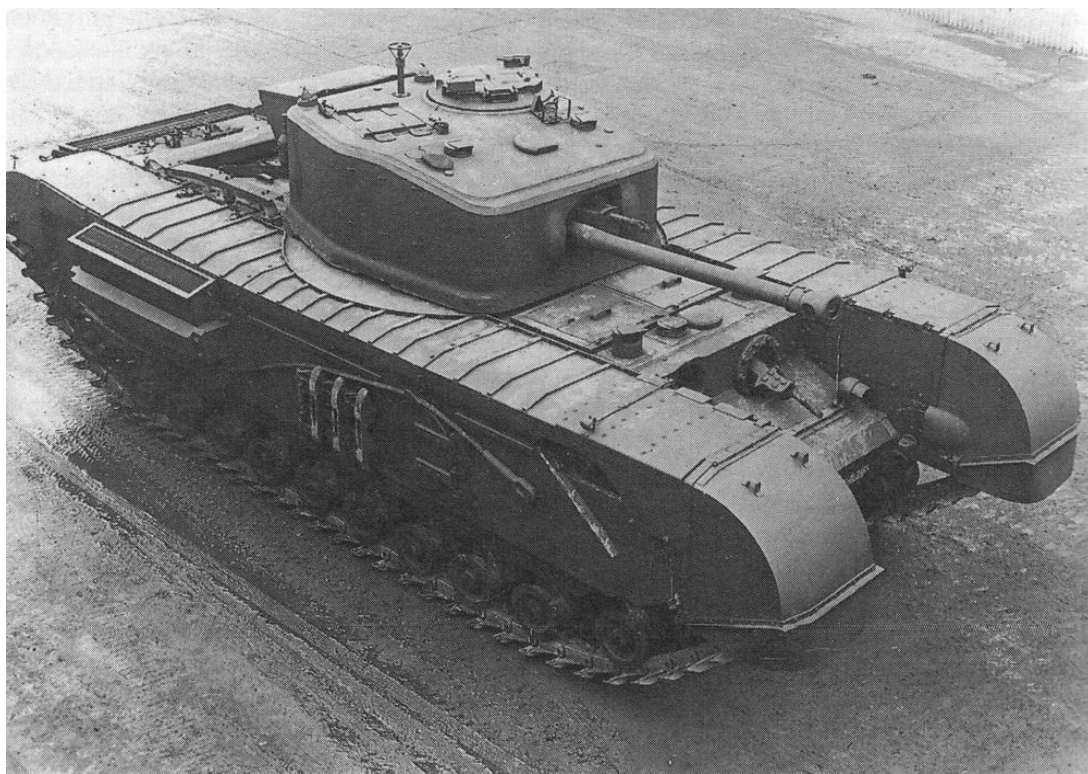
— Слушаю, мэ! — сэ! Генри вытянулся и козырнул.

— Прямое распоряжение командования, — рыкнула начальница финотдела. Вид у нее был недовольный до крайности, значит речь идет о непредвиденных крупных тратах. — Переведен свободный опыт, вам куплен танк Black Prince. Оборудование свинтите с «Черчилля-VII», на покупку нового комплекта денег нет! Возьмите документацию!

— Да, мэ! Так точно, мэ!

Ротвейлерша, пыхтя и переваливаясь, сгнула в темном коридоре. Ганс Шмультке был готов поклясться, что за ней остался призрачный шлейф багрового пламени.

— Ну, хоть так, — развел руками господин майор. — Две минуты ледящего кровь ужаса, но зато новая машина! Протестируем...

* * *

Полчаса спустя бурные посиделки в столовой еще продолжались. Товарищ Котятко привычно толкнул приветственную речь — доблестные союзники, несокрушимый фундамент дружбы между народами СССР и Британии и все такое прочее. Повара принесли пудинг с изюмом. Ганс Шмультке решил провести эксперимент и выяснить, что произойдет если, как выражаются русские, polirnut' «Гиннес» «Переваловкой» и в результате был близок к нирване как никогда.

— Боже мой, — лейтенант Фюрст подтолкнул унтер-офицера локтем. — Ганс, ты только взгляни!

У входа появился сэр Генри. На лице копоть, френч разорван, фуражка вообще куда-то исчезла, офицерский стек сломан напополам. Кажется, ему изрядно досталось.

Шмультке моментально протрезвел.

— Что стряслось, господин майор?

— Black Prince! — с нотками истерики в голосе воскликнул сэр Генри. — В топовой версии! С орудием OQF 17 pounder, будь оно неладно!

— Ваш танк... э... повредили? — полувопросительно, полуутвердительно осведомился товарищ Котятко.

— Наш танк разметали в клочья! Восьмой и девятый левел превращает эту проклятую колыхагу в груды металлолома с двух выстрелов, а мы ничем не можем ответить! Не пробил, не пробил, не пробил — и так двадцать раз подряд!

— Зато нашивку «снайпер» получили, — подбодрил майора Отто Фюрст. — Ну не расстраивайтесь сэр, бывает. Просто неудачный бой...

— Верните мне «Черчилль-VII», — твердо сказал сэр Генри. — А это страшилище заберите обратно! Это же додуматься надо было — воткнуть в танк пушку со средним уроном 150, тогда как у паршивого «Тигра» топовое орудие наносит 240! Это просто невыносимо и немыслимо!

С тем господин майор, пошатываясь, убыл в сторону бухгалтерии. Шмультке подсознательно ожидал звука бьющихся стекол и пистолетных выстрелов.

— С чего это «Тигр» и вдруг «паршивый»? — ухмыльнулся лейтенант Фюрст. — Вот и нашлась уязвимая точка англичан. Скорострельность на старших уровнях уже не спасает, требуется точность. Шмультке, ты очень пьян?

— Средне, герр лейтенант.

— Отлично. Выпей крепкого кофе, да давай съездим на родимом «Тапке», поохотимся на «Карнарвонов» с «Конкэрорами». Сдается мне, что эти самоходные конструкции тоже не выдержат конкуренции с орудием 128 миллиметров, а мы приведем очередную «Стальную стену»...

73. Подпольная фабрика

— Там происходит что-то очень подозрительное, — полушепотом сказал Ганс Шмультке лейтенанту Фюрсту, указывая взглядом на неказистую пристройку к техническому ангару, где обычно хранилась неиспользуемая или разбитая техника. — Всю неделю вокруг наблюдается непонятное шевеление...

— Шевеление? — вздернул брови Отто Фюрст. — Шмультке, ты о чем вообще?

— Вот и товарищ Сухов не даст соврать, — унтер-офицер кивнул в сторону командира ИС-4 с мрачными видом разглядывавшего неказистую постройку. На самом излете слуха можно было различить доносящиеся оттуда постукивание молотка и скрип ножовки по металлу. — Спросите у него сами, герр лейтенант!

— Есть такое, — подтвердил товарищ Сухов. — Понимаете ли Фюрст, в последнее время на базе наблюдаются невероятные странности. Не будь я материалистом, поверил бы, что у нас завелся барабашка.

— Как? — переспросил лейтенант. — Barabashka? Простите, я не совсем понял...

— Пройшей ночью из французского ангара пропал Renault FT-17, — полушепотом сказал Сухов. — Галлы на нем практически не ездят, поставили на хранение в дальнем углу, есть не просит... А тут вдруг сгинул, будто его и не было.

— У англичан ровно то же самое, — подхватил Ганс Шмюльке. — Кто-то уволок старую ходовую шеститонного «Виккерса» и стоковую башенку. У нас, кстати, пока тихо — пришлось выставить охрану.

— Бдительность прежде всего, — похвалил унтер-офицера появившийся из-за угла штабного корпуса комиссар Котятко. Выглядел Парамон Нилыч озабоченно. — А вот наши хлопцы недоглядели, отчего кое-кому светит несколько внеочередных нарядов и разбор на партактиве.

— Что стряслось? — насторожившись спросил товарищ Сухов. — Очередное таинственное исчезновение?

— Вы представляете сколько древнего барахла валяется на складе? — осведомился комиссар. — Я подобное скопидомство не одобряю, но отдельные товарищи уверяют, будто запчасти и модули однажды пригодятся. Кому могла понадобиться башня от Т-54 образца 1946 года, спрашивается? Покрытая годовым слоем пыли ходовая от Т-34-85? Наконец, передняя бронеплита от ИС-а? Но тем не менее все они числятся на балансе! Ротвейлерша узнает о пропаже — живьем сожрет!

Вся компания дружно покивала — баланс, учет и строжайшая отчетность, вот три идолища, которым поклонялась грозная повелительница Финотдела. Поговаривали, будто в подвале административного здания мадам Ротвейлер устроила капище, где еженочно приносила кровавые жертвы ужасающим божествам, покровительствующим бюрократии.

— О, глядите, — Шмюльке вытянул руку, — у нас гости. Не кто-нибудь, а САМ...

У входа в штаб притормозил «Виллис» с эмблемой «Варгейминга» на дверце. Машина легко узнаваемая, принадлежит начальнику секретного НИИ, господину Storm'у. С чего бы небожитель снизошел до посещения танкистской базы?

— Нет, нет, никакого построения и оркестра, — замахал руками господин Storm, едва заведя товарища Котятко. — Визит абсолютно неофициальный. Хочу взглянуть на английские машины, послушать отзывы экипажей, и вообще... Оценить, скажем так, обстановку. Чаю? Да, конечно, согласен.

Прошли в столовую. Глава центра разработки, как заметил Шмультке, был странно весел, шутил, и вообще пребывал в неестественно-приподнятом настроении. По опыту двух лет сотрудничества на закрытых тестах унтер-офицер знал, что господин Storm так ведет себя только когда руководство готовит некий большой сюрприз. Чаще всего неприятный.

— О, сэр Генри, доброго дня, — господин Storm поприветствовал британского майора, проводившего время за чашечкой «Дарджилинга» с молоком и чтением утренней газеты.
— Как поживаете? Надеюсь, все в порядке?

— Теперь в порядке, — согласился сэр Генри. — Успешно продал Black Prince и вернулся на старый добрый Черчилль-VII. Впрочем... Нас ограбили, мистер Storm! Я хотел бы потребовать, чтобы командование провело расследование и наказало виновных!

— Ограбили? — криво усмехнулся ведущий инженер. — Я, знаете ли, только что с японского полигона, ну вы знаете, возле гавани, где тестируются японские танки еще не запущенные в массовое производство. Не взирая на строжайшую охрану у них намеренно стащили Туре 97 Chi-На, чем довели до сепуку караул в полном составе вместе с начальником...

Отто Фюрст и Шмультке переглянулись. Пробраться к японцам было невозможно а priori, поскольку тест проходил на территории «Мира Боевых Кораблей», засекреченного почище, чем коды к ядерному чемоданчику главы любой великой державы. Однако, кому-то такая авантюра внезапно удалось. И, похоже, сошла с рук.

— Это возмутительно! — в столовую с грохотом ворвался американский капитан О'Брайан, командир «Шермана», дежуривший в

этот день по роте. — Джентльмены, что, черт побери, происходит?!

— А что такого стряслось? — невинно поинтересовался Ганс Шмультке, подозревая, каким именно будет ответ.

— Snatch! — мистер О’Брайан в выражениях не стеснялся. — «Стюарты» М5 и М3А3! Гангстеры! Из-под носа увели! Такое и Аль

Капоне с Оуни Мэдденом не снилось! Доколе?

— Ох, — господин Storm заметно погрузтел. — А я им говорил, не увлекайтесь, ибо чревато...

— Кому — «им»? — резко обернулся товарищ Котятко, заподозрив неладное.

— Хорошо, пойдемте взглянем, — руководитель НИИ «Варгейминга» поднялся с табурета. — Только одна рекомендация, даже не так — неременное условие: никакого рукоприкладства, самосуда или членовредительства. Обещаете?

— Да что происходит? — повторился мистер О’Брайан.

— Увидите.

Всей компанией направились к техническому ангару. Сразу за ним виднелась бытовка, в которой обитал экипаж китайского Туре59, купленного в незапамятные времена. Поскольку китайцев был всего четверо, отдельную казарму для них строить не стали, а со временем про улучшение жилищных условий для представителей КНР и вовсе позабыли.

В подсобном помещении взревела циркулярная пила. Сквозь щели потянуло запахом разогретого металла.

— Без обмороков, пожалуйста, — предупредил господин Storm и постучался в вверх согнутым пальцем. Постучался по-особому — тук-тук, тук...

Створка распахнулась. На пороге стоял командир Туре59, майор Ли. Прожженный искрами рабочий комбинезон, лицо в саже, на руках масляные пятна.

— Насяльник Сьторм?

— Здравствуйте, майор, — инженер оттеснил товарища Ли в ангар, позволяя пройти остальным. — Вот, коллеги хотят взглянуть на ваши достижения...

— Святой Патрик и Дева Мария, — мистер О’Брайан застыл как громом пораженный и перекрестился католическим манером. — Что ЭТО?

— Surprise, — господин Storm лишь руками развел. — В нашем научно-исследовательском центре дефицит персонала, рабочих рук не хватает, пришлось доверить труды по проектированию китайской ветки собственно представителям КНР. Вот они и работают не покладая рук.

Вдоль стены ангара выстроился ряд машин, в большинстве из которых проскальзывали узнаваемые черты. На башне танка смахивавшего на ИС-2 трудились подчиненные майора, обрабатывавшие напильниками оружейную маску.

— С ума сойти, — зачарованно протянул товарищ Котятко и схватился за сердце. — Пойдите, пойдите? Это как же? База от Т-34-85, а башня от Т-54? На пружинках? Мать моя женщина!

— А по-моему очень оригинальная машина, — фыркнул господин Storm. — Эконом-класс, бюджетная версия. Как сделать на техбазе заточенной под Т-34 что-то наподобие Т-54. Следующий экземпляр не менее интересен — вариация «как изготовить Т-62 без 115-миллиметрового гладкоствола, но зато имея 122 миллиметра от Т-10».

— Наш «Стюарт» нашелся, — слабым голосом проговорил О’Брайан. — Только зачем в него воткнули японскую пушечку 47 миллиметров? Кошмар же!

— Ни кашмар, — отчаянно затряс головой товарищ Ли. — Халёсий таньсик! Съвитляськ!

— Ну и ну, — товарищ Сухов отошел от первоначального шока. — Кажется, я начал понимать концепцию! Берутся Т-34, Т-54, ИС-2 и ИС-3, засовываются в одну банку и взбалтываются миксером! Так?

— Примерно, — кивнул руководитель центра разработки. — А что вы хотите? Страна разоренная двадцатилетней гражданской войной и японской оккупацией исходно могла использовать исключительно зарубежные образцы с собственной модернизацией, а после Второй мировой ориентироваться на разработки ближайшего союзника — СССР!

— Модернизация, значит, — вздохнул Парамон Нилыч, не в силах оторвать взгляда от ИС’а, с практически *вертикальной* передней бронеплитой. — В общем-то да, полмиллиона китайцев с напильниками могут и «Мауса» в ELC AMX модернизировать. При желании и определенной настойчивости.

— Нечего смеяться, — прикрикнул господин Storm. — Лучше бы помогли товарищам из братской КНР! «Варгейминг» возместит ущерб от... гм... несанкционированного проникновения на ваши склады в полном объеме.

— Значит, теперь это называется «несанкционированное проникновение»? — покивал сэр Генри. — Изящная формулировка. Но чем прикажете помогать?

— Шмультке, — окликнул унтер-офицера лейтенант Фюрст. — Что у нас в ангаре есть ненужного? Насколько я помню, башенка от Panzer-I, гусеницы от 38t, старая радиостанция с «троечки»... Господин Ли, возьмете?

— Конесьна! — не раздумывая согласился майор. — Тассьите сюда!

— Мы вам не грузчики, — строго ответил Шмультке. — Сами и притащите. Герр комиссар, а у русских что-нибудь бесполе... ну, в смысле, не самое необходимое отыщется?

— Навалом! — просиял Парамон Нилыч. — Вот и повод для внеочередного ПХД созрел! Предоставим товарищам гуманитарную, точнее интернациональную помощь!

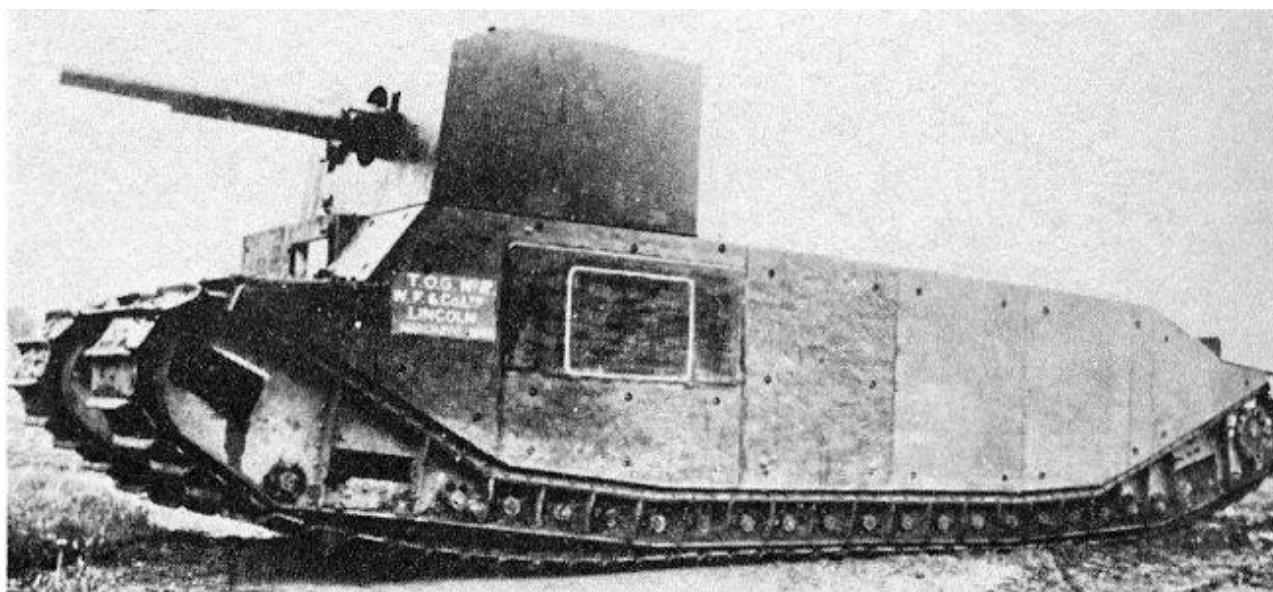
— А я предпочту чек, покрывающий полную стоимость изуродованных М5 и М3А3, упрямо сказал американец. — Причем не из рук миссис Ротвейлер — от нее я ни цента не дождусь до Второго пришествия!

— Она не миссис, она мисс, — машинально поправил господин Storm и полез в внутренний карман пиджака за чековой книжкой. — Ну что, надеюсь теперь инцидент исчерпан?

— По мне, так он только начинается, — вздохнул Шмультке. — Кто бы мог предположить, а? Исходно ведь предполагалось, что китайская техника предназначена исключительно для самих китайцев!

— Мы поразмыслили и решили раздать всем желающим, — отмахнулся Storm. — И пусть никто не уйдет обиженным!

74. Беглец из Royal Navy

— Что там происходит, черт возьми? — нахмурился лейтенант Отто Фюрст. — К нам приехал цирк? Отчего вдруг янки глотки дерут?

— У них вообще-то с чувством юмора туговато, — отозвался Ганс Шмультке, тоже заинтересовавшийся весельем, царившем возле британского и американского ангаров. Капитан О'Брайан с «Шермана» аж задыхался от хохота и утирал слезы рукавом, а наводчик «Ленивца» Т-95 сполз по стене ангара на бетон и, всхлипывая, уткнулся лицом в снятый с головы берет. — Последний раз я видел смеющегося мистера О'Брайана когда нам показывали китайского мутанта, склепанного из корпуса Т-35-85 и башни от Т-54. Но и тогда капитан лишь слегка хихикал...

— Сходим взглянуть? — спросил герр лейтенант. — Столь бурные истерики нашим заокеанским приятелям вообще-то несвойственны.

— Джон, с вами все о'кей? — на ломаном английском осведомился Фюрст у раскрасневшегося и трясущегося от смеха американца. — Джон? Капитан? Прекратите немедленно, это просто неприлично! Вы же офицер!

— Та-ам!.. — простонал О'Брайан и согнулся едва не вдвое. — Оно! It!

— Оно? — вздернул брови Ганс Шмультке. — Злобный кусачий инопланетянин из книжки Стивена Кинга? Рядящийся под клоуна? Давненько на нашей базе не было визитеров из параллельных вселенных.

— Да нет же! — взвыл капитан, размазывая по лицу крупные слёзы. — World of Warships в чистом виде! Сами посмотрите! Ой, не могу!..

— Сумасшедший дом, — охарактеризовал ситуацию лейтенант Фюрст. Решительно шагнул к двери британского ангара и тотчас наткнулся на часового с винтовкой «Ли-Энфилд» наперевес.

— Простите, сэр, вход запрещен, — непреклонно заявил британец в чине уорент-офицера.
— Прямой приказ майора Баскервиля! Никого в ангар не допускать!

— Это почему же?

— По причине неадекватной реакции отдельных лиц, — страж указал взглядом на продолжавших бурно веселиться американцев. — Сэр!

— Кто там, Дженкинс? — послышался голос сэра Генри и усатый майор выглянул из дверного проема. С молчаливым негодованием посмотрел на О'Брайана и наконец уставился на господина лейтенанта. Взблеснул неприменный монокль. — А-а, германские коллеги? Добрый день, джентльмены. Вынужден извиниться: у нас тут... кхм... несколько нестандартная ситуация. Но вы-то люди с огромным опытом, воспитанные в старых прусских традициях и относящиеся к нашему общему делу с полной серьезностью!

Шмультке и Отто Фюрст переглянулись. С чего бы это господин майор начал рассыпать любезности пригоршнями? Обычно сэр Генри куда более сдержан!

— Они ничего не понимают, — британец высокомерно указал стеком на рыдающих янки.
— Конечно, если эта нация реднеков сумела построить таких неслыханных уродов как МЗ «Генерал Ли», полагая данного монстра едва ли не вершиной танкостроительной мысли... Но вы-то немцы! Германские бронетехнические проекты заслуживают самого глубокого уважения! Вы разбираетесь! Вы ценители! Профессионалы!

— Пойдите, пойдите господин майор! — помотал головой Отто Фюрст. — Я решительно ничего не понимаю! Как вы сумели довести до слез капитана О'Брайана?

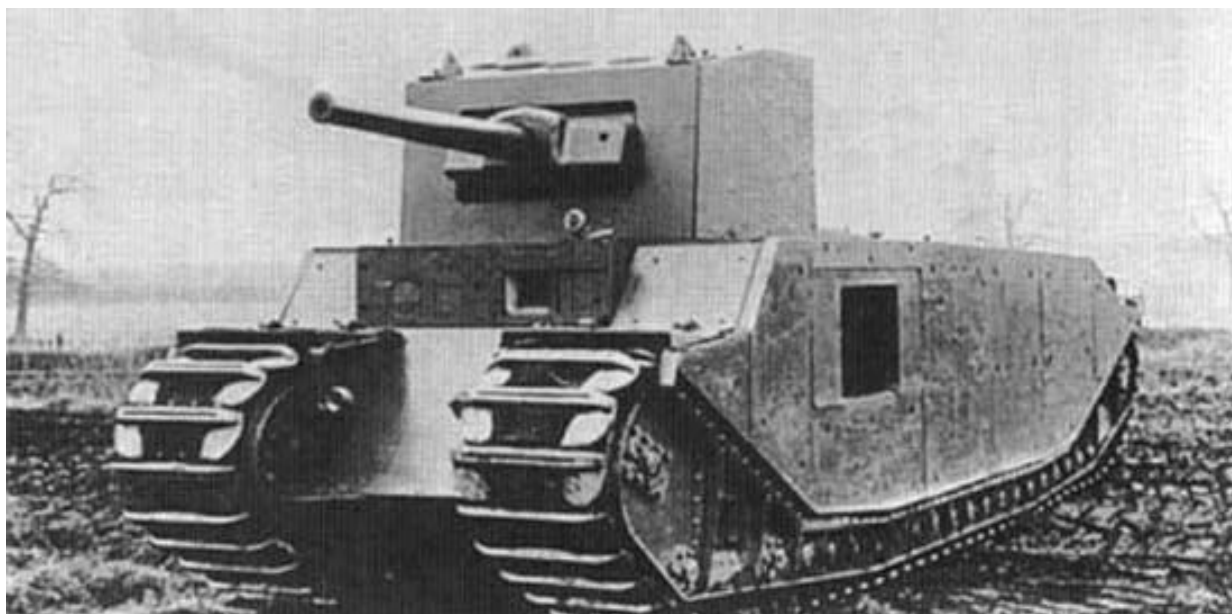
— Вы обязаны оценить! — патетически воскликнул сэр Генри. — Пойдемте! Дженкинс, этих можно пропустить!

— Шмультке, у меня возникают небеспочвенные подозрения, — зловещим шепотом произнес Фюрст, шагая вслед за майором вдоль строя «Кометов», «Черчиллей» и «Валентайнов» по полутемному ангару, — что нас ожидает изрядный сюрприз... О, боже!

Сэр Генри остановился, принял позу в которой обычно скульпторы изображают великих полководцев, королей и президентов, и эпическим жестом указал на заготовленный «сюрприз»:

— Каково, джентльмены? Не правда ли, он прекрасен?! Прекрасен и грозен, словно колесница древних богов! Будто линейный корабль адмирала Нельсона!

— Himmeldonnerwetter nochmal! — Ганс Шмультке непроизвольно отступил на шаг назад. Лейтенант Фюрст замер, как громом пораженный. — Что ЭТО??

— Простите? — изумился сэр Генри. — То есть как «что»? Танк, разумеется! А что вы ожидали увидеть? Стратегический бомбардировщик? Эсминец? Зенитку? Кажется, мы живем в Мире Танков, а не в Мире Зениток!

— Эммм... — оторопело промычал Фюрст. — Танк? Но по-моему морфологические признаки представленного нам устройства и впрямь больше соответствуют военно-морскому флоту.

— Et tu, Brutus? — майор незамедлительно расстроился. — Что опять не так?

— Вам не кажется, — вкрадчиво сказал Ганс Шмультке, — будто у этого... этой... штуковины что-то не так с длиной корпуса? Не подскажите, сколько конкретно от носа до кормы?

— Тридцать три британских фута, — посмурнел сэр Генри. — У вас какие-то претензии?

— Считаем, — унтер-офицер уставился в потолок ангара. — В метрической системе получается одиннадцать с половиной метров, если грубо. Корпус «Мауса» в длину ровно девять метров, если с пушкой вперед — десять и восемь сотых. И вы еще спрашиваете, «что не так»?

— Зато экипажу удобно работать! — не сдавался майор. — Не тесно!

— Численность экипажа не уточните? — поинтересовался Фюрст.

— Шестеро! А исходно предполагалось восемь, включая помощника механика-водителя.

— И дворецкого, — буркнул Ганс Шмультке. — Овсянка, сэр! Не желаете ли чаю, сэр? Пудинг, сэр!

— Не смешно, — насутился сэр Генри. — Ответьте, почему никто не зубоскалит над пресловутым «Маусом», американским T95 или французом FCM 2С? А наш TOG-II

вызывает в рандоме настолько нездоровый интерес, что половина боев проиграны! Сокомандники предпочитают не воевать, а отпускать идиотские комментарии по рации, разглядывать невиданное чудо техники или просить стрелнуть в борт! Как же это надоело!

— «Маус», говорите? — рассудительно сказал лейтенант. — Т95? Полагаю, дело в том, что упомянутые машины для своего времени являлись новейшими. В конструкции использовались наиболее передовые технологии. В свою очередь супертяжелый FCM 2С — машина двадцатых годов, ей и положено быть несуразной, угловатой и огромной как мамонт. Напомните мне, когда был построен ТОГ-II?

— Первый прототип в октябре 1940 года, — нехотя отозвался британский майор. — Собственно ТОГ-II был готов к испытаниям в марте 1941 года, а с установленной 17-фунтовой пушкой, то есть в завершенном виде, в январе 1942 года.

— Вот-вот, — Фюрст не удержался от ехидной улыбки. — В это самое время в Германии готовился к производству «Тигр», проектировалась «Пантера», а русские вовсю раскатывали на КВ и Т-34. То есть на *нормальных* танках. Вменяемых. Можно еще вопросик: а вот эти здоровенные люки по бортам, они для чего сделаны? Для посадки экипажа? Или инженерная мысль была глубже?

— Глубже, — вздохнул сэр Генри. — Бортовые люки появились... Как бы это сказать... Исходно, в нишах предполагалось установить

спонсоны с дополнительным вооружением. Только потом идею отвергли и закрыли ниши броневыми перегородками. Спонсоны вышли из моды.

— Mein Gott! — воскликнул Шмюльке. — Спонсоны? В, извините, сороковом-сорок первом годах? И не приводите мне в пример «Горбатую гору» М3, вы только что назвали этот танк «построенным реднеками неслыханным уродом»!

— Капитулирую, — майор грустно развел руками. — Согласен, признаю, для начала сороковых годов конструкция радикально устарела. Жесткая подвеска без амортизаторов, ненадежная гидравлическая трансмиссия, скорость и маневренность ниже всякой критики! Бронирование максимум 50 миллиметров усиленное накладками, да и габариты впечатляют...

— Я догадываюсь, в чем основная проблема, — покивал Отто Фюрст. — Если мне не изменяет память, со времен Первой мировой танкостроение в Британии проходило по ведомству ВМФ? Вспомним «Комиссию по сухопутным кораблям», созданную

Уинстоном Черчиллем, который в 1916 году как раз являлся Первым лордом Адмиралтейства? Хотели сухопутный крейсер — получите!

— Верно, — согласился сэр Генри. — Что-то в нем есть от военно-морского флота, не поспоришь. А теперь представьте две или три сотни TOG-II на полях сражений во Франции весной 1940 года! С орудием Quick Firing 17-pounder, которое, между прочим, впоследствии успешно боролось с вашими «Тиграми» в Африке и Европе — его ставили на «Шерман Файрфлай», «Вульверин» и ПТ-САУ «Арчер»! Снаряд пробивал даже «Королевского Тигра»!

— Опоздали, — пожал плечами унтер-офицер. — Но для шестого уровня в нашем уютном Мирочке Танчиков такая пушка — это перебор. Уже испытывали в действии?

— Ха! — выпрямился господин майор и вынул из кармана френча распечатку с итогами последних боев. — Смеется тот, кто смеется последним! Выше седьмого уровня TOG-II не забрасывает, а даже на седьмом он пробивает практически всё. Прошу взглянуть...

— Неплохо, — согласился Отто Фюрст. — Процент попадания больше восьмидесяти процентов, полным-полно снайперов-бронбойщиков-стрелков, три «Косы смерти»... Но он же картонный!

— Зато картон в несколько слоев, — откровенно фыркнул сэр Генри. — Тысяча четыреста ХП, при усредненном числе на шестом уровне шестьсот-семьсот или чуть выше. Теперь уяснили, в чем вся прелесть?

— Вот это уже действительно не смешно, — Шмультке задумчиво почесал в затылке. — Ладно, пусть он медленный, здоровенный, страшный как все семь смертных грехов вместе взятых, но сочетание мощнейшего скорострельного орудия и запредельного количества ХП компенсируют значительную часть недостатков.

— Именно, джентльмены! Именно! — майор извлек фляжку с виски. — Угощайтесь. Может быть этот аппарат по недосмотру и сбежал из Адмиралтейства, однако и на суше способен на многое!

75. Все три стихии

— О Tannenbaum, о Tannenbaum, wie grün sind deine Blätter! — фальшиво пропел Ганс Шмультке, заинтересованно наблюдая за деловитой суетой на площадке перед офицерским клубом. — Любопытно, откуда они такую здоровенную елку приволокли?

— Из Малиновки, это же очевидно, — зевнул лейтенант Фюрст. — Лес у подъема на горку или заросли за церковью... Пока СТ держали оборону, экипаж пилил и загружал на... кузов.

— Кузов? — Шмультке фыркнул. — Точно-точно.

Почти пятиметровая ель удобно разместилась на британце TOG-II, сразу за башней. Причем места на корпусе удивительного аппарата осталось предостаточно, для того,

чтобы пристроить туда походную кухню с персоналом и столы-стулья для небольшого банкета. Впрочем, до таких пошлостей англичане не опустились.

Комиссар Котятко традиционно командовал — растяжки для елки туда, игрушки сюда, гирлянду повесим вот эдак. Сам Парамон Нилыч сменил галифе, гимнастерку и фуражку на синий тулуп Деда Мороза. Впечатление от накладной бороды портило отсутствие парика и головного убора — в настоящий момент дед Мороз сверкал отполированной лысиной «под Котовского», отчего напоминал Билли Гиббонса из группы «ZZ Top» периода семидесятых годов.

— Все-таки странная у нас специфика, — продолжил герр лейтенант. — Заметь, елочные игрушки делали два с лишним года назад, еще при Бета-тесте: старые лампы от раций, медальки за бои, вон даже зубы дракона — помнишь прошлогоднюю войну с империей зла Legacy of the Dragons?

— Такое забудешь, как же, — Ганс Шмультке не скрывая эмоций сплюнул. — О, гляньте только, у нас гости! Что ж, вечер предстоит веселый.

Распахнулись ворота базы и на обширный плац въехали несколько «Виллисов». Если головная машина была узнаваема (на ней ездил господин Storm, глава секретного научного центра «Варгейминга»), то сразу за ней наблюдались автомобили с эмблемами World of Warplanes, а так же совсем малоизвестным значком — якорь на гербовом щитке цвета морской волны.

— Не может быть! — оторопело сказал Шмультке, увидев как из «Виллисов» выбрались незнакомые офицеры в белоснежной форме с обязательными кортиками. У некоторых была вполне европейская внешность, у других восточная. — Их рассекретили! Моряки! Судя по знакам различия американцы и японцы! Наших, русских или англичан что-то пока не наблюдается...

— Было бы с чего им наблюдаться! Привет! — к лейтенанту Фюрсту и Шмультке чуть не бегом приблизился старый знакомец: Вася. Бывший наводчик с Т-44, много месяцев назад

ушедший в летную школу WoWP, да так и оставшийся навсегда у авиаторов. — Господин Storm по дороге рассказал, что в Море Корабликов исходно будут только янки и самураи, остальные сильно потом. Как вы тут? Сто лет не виделись!

— Воюем потихоньку, — пожал плечами унтер-офицер. — Англичане вот появились — страшные, жуть. Да вон на британского премиумного монстра посмотри, тот с которого елку снимают... Новую казарму для китайцев строят. В остальном все как и прежде — олени в рандоме, геноцид в песочнице, сошедший с ума балансер, нерфы, баги, падения серверов.

— Хотя что-то в этом мире не меняется, — умиленно сказал Вася. — Но я думаю, ты сгущаешь краски. Не может всё быть настолько плохо!

— Я не сказал «плохо», — хихикнул Шмультке. — Случись так, нас бы здесь не было. Но, как говорит комиссар Котятко, «имеются отдельные недостатки». И было бы замечательно, если их вскорости ликвидируют. Карты — это отдельная песня. Вспоминаешь Хребет Дракона?

— Стремлюсь избавиться от этих чудовищных воспоминаний, — Вася сделал вид, что вздрогнул. — Так его убирали вроде? На доработку?

— Вернули, — подтвердил лейтенант Фюрст. — Что доказывает: борьба с употреблением галлюциногенов среди разработчиков карт ведется из рук вон плохо! Да приснопамятный Кошмарин по сравнению с Хребтом — отличнейший и любимый полигон. Встал себе на нашем «Тапке» за свинарники, да жди когда приедут гости...

— Ой, давайте не будем углубляться в древнюю историю, — отмахнулся Вася. — В конце концов сегодня же праздник! Что в планах на вечер?

— Официальная часть, разумеется. Герр комиссар опять задвинет коротенькую речь на часик-другой, с обязательным перечислением достижений, подвигов, свершений и дерзаний. На французов возложена подготовка ужина, следовательно вновь придется употреблять не нормальную пищу, а всякие извращения вроде гусиной печени с трюфелями и мидий в белом вине.

— Макароны с тушенкой — наш выбор! — Вася откровенно заржал. — Ладно, пойдемте поможем остальным. Кажется, это будет первый Новый год, когда собрались все вместе: танкисты, летчики и моряки...

* * *

— О, нет, — прошептал Ганс Шмультке, когда спустя два часа началось собственно «мероприятие». — По-моему уж лучше американский Санта-Клаус с, простите, оленями, гномами и рекламой кока-колы, чем такая... Э-э... Snegurotschka!

— Жесть, — столь же тихо согласился Василий. — По-моему товарищ Котятко перестарался с художественной самодеятельностью! Надо было только додуматься!

На сколоченном из досок помосте шло вручение подарков — первый и главный достался американцам: крошечный танчик T1E6, который и представлял комиссар, он же местечковый Дед Мороз. «А теперь позовем Снегурочку!» — густым басом рокотал Парамон Нилыч из глубин накладной бороды. — «Сне-гу-роч-ка! Сне-гу...»

При появлении последней зрители притихли, некоторые даже попятнулись. Глава британского подразделения, сэр Генри, громко

закашлялся. Американский капитан О'Брайан вознамерился было засвистеть, вложив два пальца в рот, но перехватив ледяной взгляд милой внучки дедушки Мороза мигом уяснил, что лучше затеряться в толпе и не привлекать внимания.

В Снегурочке было килограммов сто двадцать живого веса. Толстый слой румян на бульдожьих щеках. Серебристая шубейка с трудом сходилась на могучей груди. Искусственные косы толщиной с руку ниспадали на плечи. Выражение лица ненаглядной внученьки Парамона Нилыча моментально навевало воспоминания об орчихах из Legacy of the Dragons.

Американцы вытолкнули вперед сержанта Доррингтона, коему и предстояло принять подарок из рук сказочных персонажей. Послышался его возглас: «Почему всё самое опасное достается черным, а не белым?..» И шиканье остальных: «Иди, иди, мы прикроем с тыла..»

— Так, — гроыхнула мадам Ротвейлер. — Ко мне. Смирно! Воротничок застегнуть!

— Мэм! Так точно, мэм!

— Примите документацию на машину, — рыкнула гигантская Снегурочка. — Если T1E6 премиум, то это вовсе не значит, что относиться к танку следует абы как! Через неделю проверю! Кру-гом!

Доррингтона как ветром сдуло.

— Товарищи, товарищи, повеселее! — попытался разрядить обстановку Парамон Нилыч. — А сейчас мы со Снегурочкой попросим подняться сюда наших уважаемых гостей из ВМФ! Поприветствуем! Контр-адмирал Императорского военно-морского флота Садаёси Такано!

Невысокий господин в белом мундире чинно поднялся на помост и без малейшего страха взглянул на Снегурочку. Было в его взгляде нечто такое, что заставило мадам Ротвейлер отступить на два шага назад. Последовал вежливый поклон.

— Мне очень приятно находиться среди стольких мужественных и бесстрашных воинов, — без ненужных предисловий сказал адмирал Такано. — Позвольте поблагодарить за оказанную честь, господи. Убежден, что флот оправдает возложенные на него надежды.

С тем гость еще раз поклонился и отошел на задний план, заставив Парамон Нилыча слегка опешить — комиссар привык куда более длинным речами. Пришлось срочно исправлять ситуацию:

— Ну что же, за нерушимое братство тех, кто сражается на земле, в воздухе и на морях! — провозгласил товарищ Котятко. — Осталось потерпеть совсем немного, и флотские окончательно вольются в наш дружный коллектив! Период фокус-тестов заканчивается, впереди — альфа! Ура!.. А сейчас позвольте несколько слов о текущем моменте, товарищи!

... — Это надолго, — Вася дернул Ганса Шмультке за рукав. — Давай нарушим к черту все правила, да поедим покатаемся? Хотя вспомню, что это такое — танки. Закончим год на оптимистической ноте!

— А давай, — кивнул унтер-офицер. — Только на чем?

— Да все равно. Главное вспомнить как это — не летать!

76. На земле, в небесах и на море

— О нет, они опять! — простонал лейтенант Фюрст и картинно закатил глаза. — Что сегодня за праздник? Годовщина революции? Взятие Бастилии? День рождения Сталина?

— Не то, не другое и не третье, — отозвался Ганс Шмультке, с не меньшим интересом наблюдая за столпотворением возле советского ангара. Русские выкатили КВ-5, башню которого комиссар Котятко традиционно использовал вместо трибуны, развернули алый лозунг с белыми буквами «Крепить боевое братство!», оркестр художественной самодеятельности грянул обязательные «Три танкиста» и «Если завтра война». — Кажется, это экспромт. Почему бы не отпраздновать без всякого повода?

Дальнейший ход событий был предсказуем. Объявился Парамон Нилыч, разумеется встреченный бурными продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию и криками «Ура!». С завидным проворством для своего крупного телосложения комиссар забрался на КВ-5. Вытянул руку в указующем жесте и привычно завел старую шарманку:

текущий политический момент, догоним и перегоним по показателям французские ПТ, вырвавшиеся в лидеры по статистике, искореним недостатки и так далее.

К чему вел свою речь комиссар было решительно непонятно, но у товарища Котятко всегда так — начинает он очень издалека и подходит к главному только минут через сорок, когда выговорится.

— Слышишь, сигнал на выезд? — герр Фюрст слегка пихнул локтем унтер-офицера заслушавшегося ораторскими руладами товарища Котятко. — Пошли за заданием, хватит бездельничать...

В связи с последней акцией экипаж лейтенанта Фюрста пересадили с привычного «Тапка» VK.4502 на «Мауса», причем командование не пожалело золота на переобучение: начфин, мадам Ротвейлер едва не лопнула от злости и жадности, но ничего не поделаешь: приказ есть приказ, а на «Маусе» требовался экипаж со всеми возможными перками. Потому и выбрали ветеранов, обитавших на танкистской базе еще с благословенных времен ЗБТ.

— «Утес», — Ганс Шмультке удовлетворенно кивнул, бросив взгляд на распечатку с боевой задачей. — Неплохая карта, могло быть хуже...

В первые секунды выезда на полигон ничего необычного не происходило. Разошлись створки ворот ангара, на тактическом планшете Отто Фюрста моргнуло красным «В бой!» и «Маус» с неторопливой величественностью выкатился на верхний респ «Утеса». Маяк, как основной ориентир, возвышался впереди и чуть левее.

— Не понял? — громко сказал Шмультке, оторвался от прицела орудия и протер глаза. Снова уткнулся в окуляр. — А где все? Тут больше никого нет!

— Черт знает что, — согласился командир. — Не обозначена ни одна потенциальная цель! Противник отсутствует! Мы что, здесь вообще одни?

— Сбой сервера? — осведомился мехвод по внутренней связи. — Первый раз такое вижу! Ничего похожего не случалось даже в незабвенные времена патча 0.6.1.5, когда танки ездили боком через всю Прохоровку и зависали на проводах в Энске!

— Оглядимся, — решил Фюрст. — Гони навверх, к маяку!

«Гнать» на супертяжелом «Маусе» было несколько затруднительно, ибо данный танк к гонкам не приспособлен. Тем не менее машина уверенно вскарабкалась вверх по склону, господин лейтенант пристально следил за обстановкой через командирские перископы, однако на полигоне по-прежнему было тихо и пусто.

— Вылезем, подышим свежим воздухом, — Шмультке пожал плечами. — Какой смысл сидеть в танке, когда никого нет? Может, что-нибудь заметим — не в черной же дыре мы оказались?

Остановились под маяком, возле обрыва с которого открывался шикарный вид на вечерний океан. Видимость, не смотря на облачность, идеальная, на много километров.

— Donnerwetter! — лейтенант, первым заметивший объект, которого *здесь точно не должно быть*, аж отступил на шаг назад. Вытянул руку. — Вон, глядите! От солнца заходит!

По серо-стальной глади океана медленно, но с жутковатой целеустремленностью ползло вытянутое темное пятно, с каждой секундой приобретающее вполне узнаваемые формы. Боевой корабль. Огромный. Нет, не так — **ОГРОМНЫЙ**, это было заметно даже на порядочном расстоянии.

Радист, штабс-фельдфебель Хальтерманн, шепотом выругавшись, нырнул под «морду» танка, где находился эвакуационный люк механика-

водителя, через него забраться в «Маус» было проще всего. Появился снова через две минуты. Лицо вытянувшееся и озадаченное.

— Сделал запрос по радиции, — слабым голосом сказал Хальтерманн. — Знаете, что они ответили? На вполне сносном немецком, кстати говоря?

Экипаж дружно повернулся к радисту.

— И-и? — протянул Шмультке. — Что?

— Я запрашиваю: «Неизвестное судно идущее курсом зюйд-зюйд-ост, назовите себя». А они — «Линейный корабль Императорского военно-морского флота “Ямато” с боевым сопровождением». Что это значит, господа?

— А то и значит, — за спинами танкистов раздался хорошо знакомый резкий голос. Возле «Мауса» затормозил «Виллис» с эмблемами «Варгейминга» на бортах. Объявился господин Storm, главный инженер наисекретнейшего НИИ корпорации. — Извините, что не предупредил, мы тут проводим небольшой опыт по сопряжению миров. Вы люди грамотные, испытанные, участвуете практически во всех наших тестах уже несколько лет. Я вам доверяю как родным, а эксперимент, как обычно, в некоторых деталях наглухо засекречен... Хотя есть и открытая часть. Две минуты, сейчас подтянутся остальные.

— Значит, достроили линкоры, — понимающе сказал Ганс Шмультке, созерцая подходящий к Утесу сверхгигант, за которым в кильватерном строю шли едва различимые в дымке крейсера, эсминцы и вроде бы самый настоящий авианосец. — Впечатляет.

— Еще как, — согласился господин Storm и, отвлекшись на рев авиационных моторов, задрал голову. — Прекрасно, вот и наши авиаторы. Площадка ровная, смогут приземлиться без проблем. Ждем.

Над маяком пронеслось интернациональное звено — советский Ла-5, «Аэрокобра» с американскими опознавательными, японец «Зеро» и французский «Девуатин». По очереди начали заходить на посадку.

— Ну надо же, какие люди! — радостно заорал Вася, бывший наводчик с Т-44, окончательно ушедший с танкистской базы в летную школу еще в позапрошлом году. Вылез на крыло своего истребителя, прыгнул на землю. — Шмультке! Господин лейтенант Фюрст! Вас-то каким ветром сюда забросило?

Подожли остальные летчики. Ганс Шмультке, частенько заезжавший в гости на авиабазу World of Warplanes, знал каждого в лицо — Билл Хопкинс из Техаса, мсье Франсуа Ларош, кажущийся высокомерным и замкнутым капитан Исиро Хирата. На самом деле японец был очень воспитанным, прямо как Кролик из «Винни Пуха», а потому считал, что настоящий боевой летчик прежде всего должен быть сдержан в эмоциях, как и полагается истинному воину, чтящему буси-до.

— Никакого ветра, природных катаклизмов мы не допускаем, — деловым тоном сказал господин Storm. — По крайней мере пока... Вы все здесь собраны строго для одной-единственной цели. Операция «Сопряжение миров».

— Постойте-ка, — насторожился лейтенант Фюрст. — Судя по контексту, вы подразумеваете взаимодействие между танками, авиацией и флотом? Но ведь кажется неоднократно заявлялось, что, как говорится, мухи отдельно, а котлеты отдельно! В смысле, самолетики и танчики не будут пересекаться! Я уже молчу во-он про ту здоровенную штуковину, что на всех парах идет к берегу...

«Ямато» и впрямь заслонил своим силуэтом чуть не полгоризонта и начал замедлять ход.

— Будет взаимодействие, еще как, — развел руками инженер. — Однако, не совсем в том смысле, который вы только что озвучили. Давайте объясню...

* * *

...Полчаса спустя всю компанию, включая летчиков, господина Storm'a и прибывшего с вставшего на рейде «Ямато» контр-адмирала Садаёси Такано выбросило с полигона прямиком на танкистскую базу — главный инженер применил одно из своих адских устройств, позволявших полностью менять физику мира: например, отключать гравитацию или заставлять танки летать.

Митинг у русских как раз заканчивался. Было видно, как на башню КВ-5, при поддержке пятерых самых здоровенных сержантов, забирается дама весьма объемных форм в строгом черном платье и шляпке с вуалью будто у Фаины Раневской.

— Фрёкен Бок, — зачарованно сказал Ганс Шмюльке. — Ну то есть мадам Ротвейлер. Господи, ей-то что здесь понадобилось? Вот уж на самом деле новшество! На моей памяти комиссар никогда не приглашал на официальные мероприятия эту Сциллу, Харибду и Медузу Горгону в одном лице...

— Сейчас все услышите, — безмятежно сказал господин Storm, скрестив руки на груди.
— Она, как начальник финансового отдела, полностью в курсе. Вот и попросили выступить.

Старший сержант с КВ-220Т кряхтя подпихнул мадам Ротвейлер наверх, упираясь плечом в то место начфина, что вежливо именуется «кормой», товарищ Котятко ухватил живой кошмар за руку и, наконец, затащил наверх. Грозная леди оправила платье, обвела сумрачным взглядом притихших танкистов и полезла в ридикюль — за бумажкой с тезисами заранее подготовленной речи.

— Кхм... — над плацем перед ангарами разнесся густой бас. — Так. Почему я тут не вижу капитана Хир... Хре... Из Японии?!

— Кажется, это вас просят, — сквозь зубы процедил Шмультке обернувшись у господину Хирата. — Mein Gott, что ей от летчиков-то нужно?.. Идите же, с этой гарпией шутки плохи!

Исиро Хирата посмотрел на унтер-офицера так, что Ганс Шмультке едва не обратился в камень. Чтобы японский офицер испугался какой-то толстой некрасивой женщины? Да за такое оскорбление на поединок вызывают!

Русские танкисты расступились, пропуская «самурая», который подошел к импровизированной трибуне с эдакой вальяжной ленкой, но при этом не теряя достоинства. Капитан Хирата всем своим видом давал понять, что ему скучно, он ничуть не впечатлен, однако правила приличия заставляют вести себя в соответствии с положением. Чуть поклонился — дань вежливости и не более.

— Так, — снова гроыхнуло сверху. — Сколько боевых вылетов за сегодняшний день?

— Девять, — кратко ответил японец, как сплюнул.

— Общий доход в серебре?

— Госпожа, это такие мелочи — для воина на первом месте сражение и честь, а не презренные материальные блага...

— Сколько? — гавкнула мадам Ротвейлер.

— Шестьдесят две тысячи, — процедил капитан Хирата, начавший подозревать, что ему наносят публичное оскорбление. Но не ругаться же с этой жабой? Недостойно!

— А вчера?

Гунс Шмультке никогда не видел, чтобы не слишком великий ростом и худощавый японец надувался как индюк, распушивший перья. Всерьез обидевшийся подданный Императора сам по себе способен заменить тактический ядерный заряд.

— Позволю себе вмешаться, — господин Storm, почувствовав, что запахло жареным, быстро подошел к капитану Хирата. — Извините, вас никто не хотел задеть... Просто руководитель финансового отдела не всегда... корректна в высказываниях.

— Ничего, скоро построят японскую казарму, быстро научится, — слышалось из собравшейся вокруг толпы. К русским присоединились несколько американских, британских и французских экипажей. Кто позволил себе эдакое хамство распознать было невозможно.

Мадам Ротвейлер обвела танкистов гипнотическим взглядом. Промолчала.

— Еще раз прошу простить, господин капитан, — повторился главный инженер. — Но вы сами должны понять: не будут побед, не будет денег. Не будет денег — у вас не появятся новые самолеты. Дело в том, что вчера командование перевело на счет базы танкистов определенную сумму в золоте...

Исиро Хирата молчал.

— ...И вы, случайно, не заметили каких либо изменений в... кхм... доходности ваших боевых вылетов?

— Заметил, — холодно сказал японец. — В лучшую сторону. При том, что аналогичных поступлений в наш финотдел не было.

— Во-от! — просиял господин Storm. — Помните, что я вам рассказывал на полигоне? Взаимодействие миров? Взаимопроникновение? Связь?

— Погодите, — вмешался лейтенант Вася. — Вы хотите сказать, что теперь золотой запас доступен одновременно на обоих базах? Перевели нам, летчикам, а пользоваться могут и танкисты? Равно и наоборот?

— Именно! — широко улыбнулся главный инженер. — И это только начало, товарищи, господа, мсье и мистеры! Господин Хирата, еще раз

приношу нижайшие извинения за этот досадный инцидент! Давайте пройдем в офицерский клуб, стол давно накрыт. Господин контр-адмирал Такано, Парамон Нилыч, командиры экипажей — вы так же приглашены! Я обязан объявить, что отныне во всех Трех Мирах начинается новая эпоха...

— Двух, — подал голос адмирал. — Пока двух. Мы в настоящий момент еще не начали жить полноценной жизнью...

— Дело времени! — воскликнул господин Storm. — Военно-морская Альфа на подходе, скоро и вы вольетесь в наш дружный коллектив! Товарищ Котятко, вы закончили?

— А как же речь начфина? — помрачнел комиссар. — И текущий политический момент еще не осветили...

— Чепуха какая! Закругляйтесь! Нам есть о чем поговорить! Три мира начали объединяться в единое целое? Понимаете? Это надо отметить!

14. Наследник Цезаря

Италия, Рим, дворец «Венеция». 1942 год.

— Танки, — внушительно сказал дуче, исподлобья взглянув на маршала Пьетро Бадольо.
— Танки, вот движущая сила войны! Как мы до сих пор не поняли очевидного?
Посмотрите на действия Роммеля в Африке! Всего две танковые дивизии, а англичане выбиты вплоть до самого Каира! Почему у великой Италии нет нормальных танков, мой маршал?..

Бадольо взглянул на Муссолини с долей недоумения — на кой черт дуче прямо сейчас понадобились танки? Как символ престижа? Особенно если учитывать колоссальные успехи германских союзников, чьи победоносные бронетанковые соединения отметились практически во всех странах Европы, на пространстве от Нормандии до заснеженных равнин России?

— Для того, чтобы гонять эфиопов в Абиссинии вполне достаточно легких бронемашин,
— подумав, сказал Бадольо. — Воевать на континенте нам не с кем, а в Киренаике и Тунисе находится, как вы упомянули, генерал Роммель, способный управиться с английскими войсками не отрываясь от чашечки утреннего кофе! Кроме того, возможны...
гм... репутационные потери.

— Репутационные? — Бенито Муссолини выпрямился и выпятил нижнюю губу, полностью уподобляясь статуе Гнея Помпея. — Это что за намеки, Бадольо?

— Будто вы не знаете, — огрызнулся маршал, хотя и знал, насколько чувствительно относится дуче к любым упоминаниям о далеко не блестящих действиях итальянской армии в недавнем прошлом. — Хотите, чтобы над нами опять смеялись все цивилизованные народы, включая союзников по Оси?

О да, это был чувствительный удар по самолюбию Муссолини — полтора года назад Греция, которую со времен Трои никто не считал серьезной военной державой, надавала итальянцам чувствительных щелчков по носу, не просто отбросив армию вторжения со своей территории, но еще и оккупировав часть Албании! Если бы не вмешательство немецких войск, поспешивших на помощь неудачникам, греки учинили бы настоящий разгром.

Впрочем, катастрофа в Греции была лишь прологом к череде более крупных провалов — англичане выбили итальянцев из Кении и Судана, захватили Сомали и в итоге вошли в Аддис-Абебу, лишив дуче колониальной империи. А уж история с Французской кампанией в июне 1940, когда за две недели семисоттысячная армия Италии продвинулась всего на несколько километров в глубину территории противника, нанесла имиджу «стального Муссолини» непоправимый ущерб...

Дуче поморщился — история о том, как германский фельдмаршал Кейтель доложил Гитлеру о вступлении Италии в войну была главным предметом тихих смешков и анекдотов в светских салонах. «Италия начала боевые действия? — сказал тогда фюрер, не разобравшись в обстановке. — Очень хорошо, пошлите против них одну дивизию». «Увы,

на нашей стороне, — ответил фельдмаршал. — Не представляю, что теперь делать!». «Только не это!» — у Гитлера едва не случился очередной приступ ярости. В итоге пришлось отправлять в помощь союзникам аж целый Африканский корпус во главе с лучшим командующим.

Словом, позор. Надо реабилитироваться любыми возможными средствами! Взять пример со старшего партнера по коалиции, создать могучие танковые части и...

И что? Устроить блицкриг в Африке? Подобно Александру Македонскому направить стальную лавину в Индию? Дуче приосанился, воображая, как бесконечные колонны

танков входят в Дели и Бомбей, а благодарные подданные преподносят любимому вождю золотой лавровый венок и устанавливают в честь Бенито триумфальную арку, подобную Траяновой!

Радужные мечты разбил в прах Пьетро Бадольо. Проклятый интриган развязал тесемочки на принесенной с собой папке и выложил на стол несколько фотографий и чертежей.

— Попрошу взглянуть. Это наш самый тяжелый танк Carro Armato Pesante P26, — бесстрастно сказал маршал. — Массой целых

двадцать шесть тонн.

— Красавец! — восхищенно воскликнул Муссолини. — Какие обводы, изящно выполненная ходовая часть... Двадцать шесть тонн! Уму непостижимо, какой тяжелый!

Призрак побережья Ганга, несметных сокровищ индийских махарадж и итальянского знамени, развевающегося над Тадж-Махалом вновь поплыл по кабинету дворца «Венеция».

— А вот это, — Бадольо с мерзкой улыбочкой подсунул дуче следующий снимок, — немецкая разработка, «Тигр» называется. Машина уже готова к массовому производству. Пятьдесят семь тонн, ни единой заклепки, орудие калибром восемьдесят восемь миллиметров способно пробить любой существующий в настоящий момент танк любой державы. В то время как у нас в настоящий момент готов только один прототип Carro Armato Pesante с пушкой семьдесят пять миллиметров... Из которой, говоря откровенно, будет очень эффективно стрелять разве что по страусам в Эфиопии.

— Кхм, — дуче сдвинул брови. — Один? Прототип? Бадольо, на дворе сорок второй год! Разведка утверждает, что тяжелые танки начали появляться даже, — вот смех! — у американцев! Неужели гений древней итальянской нации не способен создать ничего подобного немецкому образцу? Мы создали Римскую империю, построили Колизей и подарили цивилизации Вергилия с Овидием!

— Когда это было? — резонно возразил маршал. — И не надо путать гения итальянского народа, с гением инженеров фирмы «Фиат» — известно же, что все их модели устаревают еще на стадии проектирования. Может, оставим эту затею? У Италии отличная авиация, неплохой флот...

— Был, — буркнул дуче. — Если вы не забыли, англичане чуть не перетопили все наши линкоры в Таранто несколько месяцев назад. Как прикажете поступать? Положиться во всем на немцев? Покупать у них бронетехнику?

— Ну зачем, зачем Италии бронетехника? — сказал Бадольо, проникновенно взглянув на шефа. — Может быть стоит сосредоточиться на том, что итальянцы умеют делать лучше всего? Пицца, паста, тортеллони?

— Мелко мыслите, маршал, — дуче поморщился. Видение индийских пальм, алмазов раджи и белого слона, на котором Бенито Муссолини въехал бы в поверженную Калькутту стремительно отдалялось. — Неужели ничего нельзя сделать?

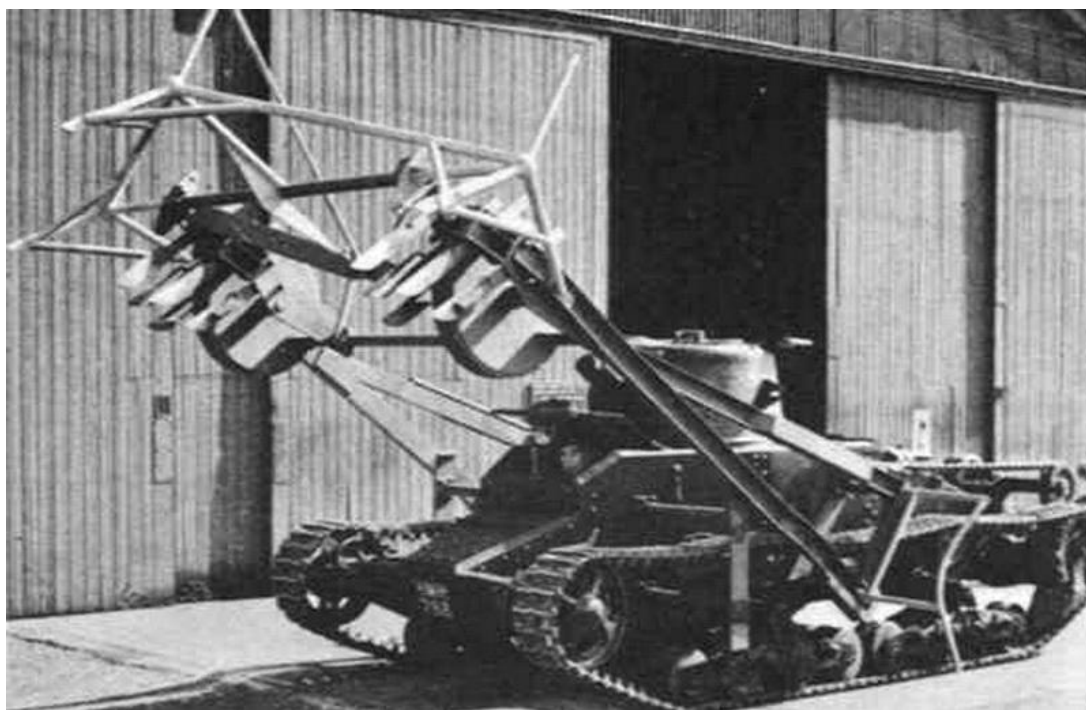
— Можно попытаться, — уклончиво сказал Бадольо. — Но каков смысл? Выше головы не прыгнешь...

* * *

Carro Armato Pesante P26/40 — единственный «тяжелый» (по национальной классификации) танк Италии времен Второй мировой войны, действительно был выпущен ограниченной серией (по разным данным от 101 до 105 машин) в 1942-43 годах, однако использовался в основном германской армией под обозначением Panzerkampfwagen P40 737 (i) против англо-американских войск ходе операции «Бэйтаун». Какого либо существенного влияния на ход боевых действий не оказал.

15. Психическая атака

Париж, май 1940 года.

— Это катастрофа! — стонал премьер-министр Третьей республики Поль Рейно, картинно вырывая остатки волос с темени. — Немцы прорвали фронт между Седаном и Намюром, танковый корпус Гота разгромил наши войска под Динаном, Париж может оказаться в окружении в течении ближайших двух недель! Франция погибла!

Прилетевший из Лондона на спешное совещание военного руководства союзников Уинстон Черчилль был единственным, кто сохранял абсолютное непроницаемое спокойствие. Да, французы стоят на последней грани, если не принять спешных мер кампания на континенте будет проиграна. Однако, Британские острова отделены от Европы широким и непреодолимым противотанковым рвом — сомнительно, чтобы генералы Гитлера так запросто форсировали Ла-Манш на своих панцерах! Танки плавать не умеют.

Пока секретарь Рейно отпаивал шефа валерьянкой, Черчилль опрокинул две стопочки коньяку и вынул из коробки очередную сигару.

— Послушайте, — сказал английский премьер, когда Рейно перестал вздыхать. — Разведка, — а «Интеллиженс сервис» считается очень хорошей разведкой! — оценивает число германских танков примерно в две тысячи четыреста единиц, из них всего двести восемьдесят Panzer IV, способных пробить броню тяжелых B1 bis! В нашем же распоряжении более четырех тысяч танков — французских, английских и тех, что успели эвакуировать из Бельгии! Почти двоекратное преимущество! Только упомянутых Char B1 bis двести семьдесят четыре машины! Плюс некоторое количество тяжелобронированных «Матильд»!.. Что происходит? Почему французское командование не способно остановить продвижение немецкой танковой лавины при однозначном и безусловном превосходстве в бронетехнике?

Поль Рейно посмотрел на железного Уинстона глазами овцы, которую ведут на заклание. Ответа на прозвучавший вопрос у него не было. Генералы Вейган и Гамелен переглянулись и вернулись к изучению носков своих сапог — никто из них не понимал, как маленькие, легкие, слабо вооруженные Pz-I-II и модели чешского производства, использовавшиеся немцами, сумели так быстро повернуть ход войны в пользу Гитлера? Какой позор для французского знамени!..

— Победить немцев вполне возможно, — сказал Уинстон Черчилль и кивнул своему адъютанту: мол, налейте еще коньяку. — Посмотрите на бригадного генерала Шарля де Голля — его ударная группа и 4-я танковая дивизия отбросили нацистов от Лана и если бы не подавляющее воздушное превосходство противника, де Голль развил бы контрнаступление!

— Это был единственный успех Франции за всю кампанию, — всхлипнул Рейно. — Генерал уже отступил на юг... Нет самолетов, снарядов, теряется управление войсками!

— Почему? — прямо спросил Черчилль, упершись бульдожьим взглядом в премьера. Рейно снова промолчал и отвернулся. — Н-да, джентльмены... С вами пудинга не сварить. Вы понимаете, что при неблагоприятном развитии событий я буду вынужден отдать приказ об эвакуации английского экспедиционного корпуса на Остров?..

— Да делайте вы что хотите! — Поль Рейно разрыдался в голос. — Нам конец!

— Вам может быть и конец, — жестко сказал Черчилль и поднялся с кресла. — Однако, я так просто не сдамся! Не вижу смысла в дальнейшей дискуссии... Господин дежурный офицер, проводите меня к телефонному аппарату. Нужна экстренная связь с британским командующим на континенте генералом Джоном Гортом!

Премьеру показали дорогу к комнате связистов. Не без труда соединили с лордом Гортом, державшим ставку в Абарке, немногим западнее Лилля — нацисты еще не успели перерезать телефонные линии с Нор Па-де-Кале, но дело к тому шло.

— Милорд? Это Уинстон Черчилль. Спасибо, здоров. Да, я в Париже, собираюсь вылетать обратно... Вводим в действие план «Динамо». Да, эвакуация с континента... Немедленно. Немецкие танки? Остановить любой ценой! Любой, поняли? Если операция «Динамо» окажется проваленной, осенью Гитлер будет праздновать победу в Вестминстере!

...— Любой ценой? — Джон Горт положил трубку и задумался. Большая часть бронетехники или потеряна безвозвратно, или выведена из строя, у врага абсолютное господство в воздухе, положение стремительно ухудшается. — Впрочем, любой так любой!

Командующий снова взялся за телефон.

— Алло, коммутатор? Соедините меня с командиром Королевских саперов... Здравствуйте, майор Олдридж! Помните, на приеме в честь дня рождения его величества Георга вы рассказывали забавный анекдот о возможной психической атаке с помощью... Именно! Вы правильно меня поняли! Можете реализовать эту идею? Да, верно, на танкоопасном Аррасском направлении! Действуйте, майор!

* * *

Два дня спустя, окрестности Бетюна.

Разведывательный взвод 1-й танковой дивизии состоящий из четырех Pz-II и единственного танка претендовавшего на звание хоть чуточку «тяжелого» — PzKpfw III Ausf. F, продвигался по изрезанной перелесками равнине от деревни Льевен к городку Бетюн, где еще оставались части британского арьергарда, прикрывавшего отход союзников к побережью.

Война близилась к победоносному финалу — еще несколько дней и сражение за Францию закончится. Организованное сопротивление встречалось еще только на юге, здесь же, рядом с побережьем Ла-Манша, серьезных боев не предвиделось. Потому командир взвода лейтенант Рихард Гебель преспокойно высунулся из командирского люка «троечки», опершись локтями о борт башенки. Даже если появятся англичане, можно будет немедленно захлопнуть створки люка и действовать по обстановке — принять бой или сразу отойти, вызвав авиацию.

— Неясное движение в лесополосе, двадцать градусов правее, — предупредил герра лейтенанта командир идущего по правому флангу Pz-II. — Не видно, скрывают заросли. Броневомобиль?..

— Момент, — буркнул в рацию Гебель и поднес к глазам бинокль. — Ой... Что это?

Как сказал поэт Билли Шекспир — «...а на вас, воздевая когтистые длани, чудище с ревом наползает». Из кустов, исторгая облачка синеватого выхлопа и взрыкивая моторами, показалась дюжина неведомых страшилищ — корпус вроде бы принадлежит танку, однако над небольшой башенкой вздымаются огромные, сверкающие отточенным металлом лапищи! Настоящие когти дракона!

На башнях вспыхнули блекло-оранжевые огоньки — удивительный противник открыл огонь. Судя по звуку, тяжелый пулемет «Виккерс» 12,7 миллиметра. Первый PZ-II мгновенно задымил — тонкая броня не выдержала прямых очередей установленного на страшненьких танках зенитных пулеметов. Уроды, пользуясь эффектом внезапности и растерянностью немцев приближались, поливая противника огнем. Броня «тройки» выдерживала, но лейтенант Гебель оценил обстановку и скомандовал «немедленный отход».

Поздно. Удрать сумел только командирский Pz-III, даже не попытавшись атаковать. Одну слабо поврежденную «двоечку» монстры зацепили своими захватами-щупальцами, вторая и третья сгорели: экипажи едва успели выскочить наружу и залечь. 20-ти миллиметровая автоматическая пушка KwK 30 безобразных тварей в лоб и борт не пробивала ни в какую.

Начала подтягиваться английская пехота — в успех «психической атаки» никто из пехотинцев не верил, однако результат оказался прямо противоположным ожиданиям. Пленных немцев разоружили.

— Отлично, просто замечательно, джентльмены, — майор Олдридж выбрался из «Матильды-I» оснащенной ножевым минным тралом фирмы «Калтер Плау» — две длинные несущие рамы, устанавливаемые по бортам корпуса и опускаемые с помощью цепной передачи с приводом от двигателя. — Спугнули тяжелый танк противника, два легких уничтожили, один повредили и захватили почти в целости!

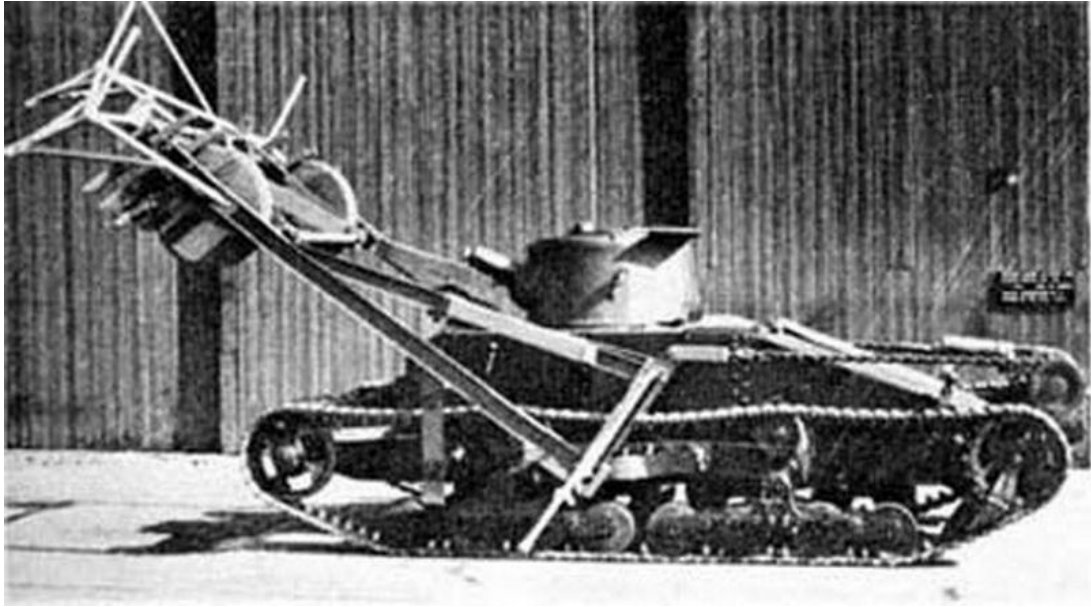
— Сэр, — козырнул английский сержант. — Сэр, сообщили из штаба полка — приказ спешно отходить по направлению Азбрук-Берг!

— Исполняем, — кивнул майор. — Воображаю, что доложит своему начальству командир Panzer-III... Для пленных выделить конвой, сопроводить.

— Сэр, простите, но нам никак не извлечь экипаж третьего танка! Все люки заблокированы лезвиями тралов! Более того, «Матильды» так же не сдвинуть с места!

— Да и черт с ними, — вздохнул Олдридж. — Все равно имеется распоряжение бросать неисправную технику, предварительно выведя из строя. Отправляемся!

* * *

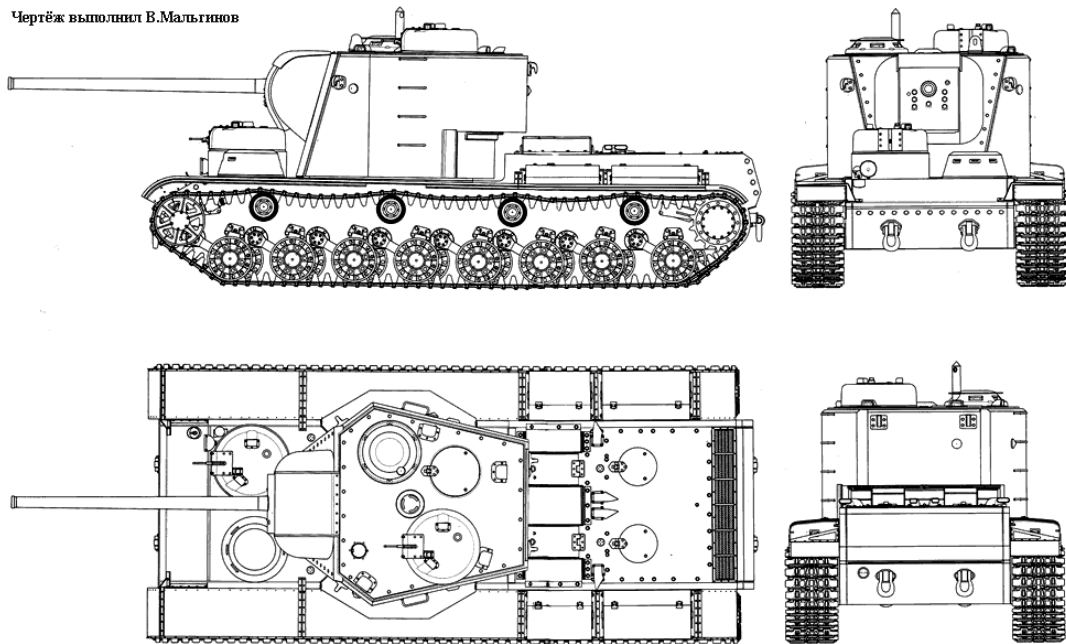

Немецкий экипаж уцелевшего Pz-II освободили из заточения через сутки, по подходу основных сил, наступавших на Дюнкерк. О дальнейшей судьбе лейтенанта Гебеля история умалчивает, однако в архивах сохранился его рапорт о происшедшем, на котором красным карандашом начертано:

«Бред! Гигантских человекоподобных роботов на гусеничном шасси не существует! Гейнц Гудериан, генерал танковых войск. PS: проверьте означенного Р. Гебеля на вменяемость».

16. Испуг

Чертёж выполнил В.Мальгин

Замок Черного ордена Вевельсбург, Северный Рейн-Вестфалия. 1942 год.

— Та-ак, а здесь у нас что? — начальник РСХА Рейнхард Гейдрих проводил обязательную еженедельную инспекцию всех отделов «Анненербе» сосредоточенных в Вевельсбурге. Хозяйство было обширное, необычное и суматошное, потому вслед за шефом следовали несколько эсэсовцев в костюмах химико-биологической защиты, чисто на всякий случай. — Новая лаборатория?

— Так точно, — вытянулся штурмбанфюрер Курт Рашке. — Подразделение специальной службы «Магия Ариев» номер 117! Исследования в области массового ментального воздействия на вооруженного противника!

— Ну и? — скривился Гейдрих, отлично зная, что обитатели Вевельсбурга в основном маются дурью за счет госбюджета, а за большинство сомнительных «открытий» здешних гениев следует отправлять в лучшем случае в сумасшедший дом, а то и сразу в лагерь Дахау. Но ничего не поделаешь, фюреру нравится мистика! — Каковы успехи? Судя по вашей бледной физиономии, Рашке, успехи мизерные? Особенно с учетом недавнего поражения под Москвой...

Штурмбанфюрер побледнел. Называть события конца прошлого года и контрнаступление русских «поражением» был категорически запрещено. Тактическая неудача, временные трудности на Восточном фронте, отступление на заранее подготовленные позиции — это сколько угодно. Но не поражение! Доблестная германская армия не может потерпеть поражение!

Впрочем, Рейнхард Гейдрих является любимцем Самого, ему можно называть вещи своими именами.

— Уникальные проекты, — осторожно сказал Курт Рашке. — Например, устанавливать на танки гигантские полотнища наподобие парусов с символикой Рейха, чтобы деморализовать противника...

— Парусные танки? — вызверился Гейдрих. — Такое может придти в голову только какому-нибудь унтерменшу, не знакомому с подлинными достижениями арийского гения! Надоело! Проводите меня в рабочий кабинет, охрану отпустить!

— Никак невозможно! — отказался Рашке, оглянувшись на широкоплечих хмырей в противогазах, прорезиненных накидках и с ранцевыми огнеметами. — Я за вашу безопасность головой отвечаю! Перед фюрером, партией и историей!..

Слова штурмбанфюрера были подтверждены немедленно: из бокового коридора кубарем вылетело невысокое страшненькое создание с синеватой кожей, лысой головой и огромными глазами. Застыло в ужасе. Эсэсовцы нацелили на него фламменверферы.

— Извлекли из измерения NFRH-03238, — пояснил Курт Рашке. — Склонен к побегу. Однако нам точно известно, что ему известен способ получить власть над миром посредством некоего высокотехнологичного устройства известного под кодовым названием «One Ring»...

— Моя прелессть, — зашипел уродец, которого уже ухватили под руки дюжие телохранители Гейдриха. Подбежавший доктор готовил маску с хлороформом. — Нашше колечко, только нашше! Не отдам ссокровище мерским...

— Избавьте меня от этого безобразия, — поморщился обергруппенфюрер.

Лупоглазому тотчас прилетело в челюсть прикладом МР-40. Оставшиеся шесть зубов существа запрыгали по покрытому гранитными плитами полу. Гейдрих невозмутимо направился к лифту, ведущему на верхние уровни Вевельсбурга, Курт Рашке поспешал вслед.

— Завтрак, затем ванну, свежее белье и парадную форму, — приказал обергруппенфюрер, перешагивая через порог личного кабинета. — К пятнадцати ноль-ноль подготовить личный самолет! Мне сегодня на прием в ставку...

— Добрый день, — послушался вежливый баритон. — Простите, что я без приглашения, дорогой Рейнхард...

— Оставить дожидаться в приемной было бы неприлично, — шепнул на ухо Гейдриху появившийся из ниоткуда секретарь. — Все-таки министр и личный друг фюрера!..

В кресле у камина восседал рейхсминистр Вооружений и Боеприпасов Альберт Шпеер — в кулуарах поговаривали, что из всего правительства Гитлера Шпеер был самым умным, ответственным и предусмотрительным. В любом случае, к его советам стоило прислушаться. Выглядит как английский джентльмен — никакой военной формы, отлично подогнанный костюм в «елочку», скромный галстук, начищенные туфли. В руках портфель.

— Здравствуйте, Альберт, — кивнул обергруппенфюрер. — Не ожидал столь внезапного визита. Кофе?

— Благодарю, — согласился господин министр. — У меня страшные известия, Рейнхард. Чудовищные. Шокирующие.

— Излагайте, — Гейдрих сохранил бесстрастный вид, поскольку в Вевельсбурге с «шокирующим» ему приходилось сталкиваться ежедневно. — Что именно произошло?

— Идут бои под Ленинградом, — сказал Шпеер. — Нашим подразделениям удалось захватить часть технической документации Ижорского завода, вот докладная экспертов, изучайте... Помните, сколько неприятностей доставили нам в начале войны тяжелые танки КВ русских? Так вот: по сравнению с обнаруженными сведениями, сорокатрехтонный КВ покажется вам легкой танкеткой!..

— Так-так, — обергруппенфюрер раскрыл папку с надписью «Совершенно секретно!» — Взглянем. ЧТО?.. Лобовая броня сто семьдесят миллиметров? Боевая масса сто тонн? При максимальной скорости в сорок километров в час по шоссе? Альберт, этого просто не может быть!

— Может, — уверенно подтвердил Шпеер. — И у русских, не взирая на тяжелое положение в промышленности, существует возможность запустить это чудовище в серийное производство где-нибудь на Урале. Чертежи достоверны и аутентичны, это подтвердили инженеры фирм «Алкетт», «Хеншель» и «Порше».

— Доктора Порше я всегда считал... гм... несколько эксцентричным, — заметил Гейдрих. — Превратить танк в самодвижущуюся электростанцию способен только неуравновешенный человек, а следовательно мнение старика Фердинанда можно отчасти проигнорировать...

— Вы не поняли! — обычно бесстрастный Альберт Шпеер резко повысил голос. — Сто тонн! Линкорное бронирование! Взвод КВ-5 сможет удержать на узком участке фронта нашу танковую дивизию, особенно с поддержкой артиллерии!.. Что будем делать?

— Я не строю танки, — мягко сказал обергруппенфюрер. — Я только консультирую относительно их приемлемости для идеологии Рейха — Вам ведь уже отправили на утверждение проект танка «Тигр», полностью мною одобренный*?

— Отправили, — сокрушенно кивнул Шпеер. — Но... Двигатель — два дизеля по шестьсот лошадиных сил каждый! Катаная, а не штампованная броня! Лобовой лист сто восемьдесят миллиметров! Танковая пушка ЗиС-3 пробивает любой германский танк на расстоянии полутора километров! У нас нет даже в проекте ни одного танка с такими характеристиками, Рейнхард!

— «Тигр»? — коротко спросил обергруппенфюрер.

— Нет. КВ-5 уязвим только для артиллерии крупного калибра. У «Тигра» максимальное бронирование сто миллиметров. Сто, в лобовой части! А не сто восемьдесят! Дизельные, доннерветтер, двигатели! Поджечь которые почти невозможно!

— Хорошо, я подумаю, — согласился Гейдрих. — Но, по-моему, русские безумны. Вы представляете сколько затрат приходится только на один такой танк?

— С учетом огромной материальной и технической базы на Урале и эвакуированных туда заводов... — Альберт Шпеер поморщился. — Это более чем возможно. Повторяю, что будем делать?

— Действие равно противодействию, а если противодействие увеличивается, то Готт мит Унс, — провозгласил Гейдрих, вытянув палец к потолку. — Будем утяжеляться. Спасибо Альберт, за информацию. Вас проводят к машине и дадут охрану. Позвольте я займусь этим вопросом?

— Занимайтесь, — рейхсминистр встал с кресла и откланялся. — Но я вас предупредил.

После отбытия Альберта Шпеера обергруппенфюрер поднял трубку правительственной связи и попросил соединить с доктором Порше. Да, Порше ненормальный. Но именно у технических психов всегда есть хоть одна гениальная идея!

— Здравствуйте, Фердинанд! Да-да, это я, Гейдрих. Как там «Тигр-Порше»? Ах, в разработке? Только предварительные макеты? Очень, очень жаль! Вы в курсе, что русские еще два года назад создали проект стотонного танка?... Ах, нет?

Обергруппенфюрер сделал паузу. В его воображении появился силуэт супер-танка. Тонн сто пятьдесят, может быть сто восемьдесят.

— Фердинанд, вы меня слушаете?

— Разумеется, дорогой Рейнхард!

Гейдрих изложил свои соображения. Порше понял. Сразу предложил электротрансмиссию и шесть электрогенераторов на одну машину, не считая электроприводов на башню. Инновации, технический прогресс!.. Так будут делать в XXI веке!

Обергруппенфюрер выслушал почти обреченно.

— Это, похоже, конец, — сказал сам себе Гейдрих, положив трубку. — Не позднее зимы с сорок четвертого на сорок пятый. Ну почему, почему, не заменить электричество на примитивный дизель... Так, я инсценирую собственную смерть и эвакуируюсь в Антарктиду! А эти ненормальные пусть без меня воюют с русскими!..

* * *

Прим. автора: отдельные сведения и часть чертежей KB-5 действительно попали в руки германского командования в начале Великой Отечественной войны. Собственно, спешное проектирование тяжелых танков Германии началось именно после ознакомления с проектом KB-5, который был реализован лишь частично (отдельные детали и шасси). Подробнее с данной темой можно будет ознакомиться в специальном издании Wargaming.net летом 2012 года — следим за новостями сайта!.

17. На краю света

Лондон, Даунинг-стрит 10. Ноябрь 1940 года.

— Сэр, — в кабинет Уинстона Черчилля заглянул секретарь. — Сэр, телефонный звонок. На линии премьер-министр Новой Зеландии Питер Фрейзер. Прикажете соединить?

— По телефону? — изумленно вздернул брови Черчилль. — Через Тихоокеанский и Атлантический кабели? Он хоть понимает, что такой звонок обойдется минимум в три годовых бюджета доминиона?

— Мистер Фрейзер уверил, что дело исключительно спешное, — нейтрально сказал секретарь.

— Хорошо, соединяйте, — поморщился Черчилль и поднял трубку. — Добрый день, Питер. Ах, у вас ночь? Да, слушаю... Какая «угроза японского десанта»? Вы карту Тихого

океана видели? Где Япония, а где Новая Зеландия? Кроме того, мы не воюем с Японией, по крайней мере в настоящий момент! Вы хоть представляете, что происходит здесь, в Европе? Поставить вам танки? Извините, Питер, но это решительно невозможно — доселе существует угроза вторжения нацистов в Метрополию! Нет, нет и нет! Справляйтесь самостоятельно! Металлопроката и брони тоже не дадим! Даже не мечтайте!

— Совсем с ума посходили, — вслух сказал британский премьер, когда напряженная беседа с Фрейзером была окончена. — Танки в Новой Зеландии? Это звучит примерно так же, как Уимблдонский турнир по теннису на Луне!

* * *

Веллингтон, офис премьер-министра доминиона.

— Отказали, разумеется, — сказал Фрейзер министру общественных работ Бобу Сэмплу. — Острый дефицит ресурсов и техники в Британии, идет тяжелая война, не сегодня так завтра Гитлер начнет вторжение и бла-бла-бла... Заметим отдельно: сезон штормов в Ла-Манше давно начался, ни о какой морской операции немцев можно не думать: Ройал Флит пресечет любую попытку бошей переправиться через Пролив! Боб, что предпримем? Что бы не говорил Уинстон, японская угроза вполне актуальна...

— У нас нет промышленных мощностей для производства не только танков, но и обычных бронемашин, — ответил мистер Сэмпл. — Попросить металл и материальную базу у соседей в Австралии? Не дадут.

— Купить в Америке, — подсказал Фрейзер. — Говорят, в САСШ налажено производство танков. Ну, по крайней мере бронированных аппаратов, которых янки называют танками...

— На какие средства? — горько вздохнул Боб Сэмпл. — Обменивать на овечью шерсть, сыр и рыбные консервы? Мы самый нищий доминион Империи — нет алмазов как в

Южной Африке, огромных ресурсов Индии или индустрии Канады! Отдаленные задворки цивилизованного мира!

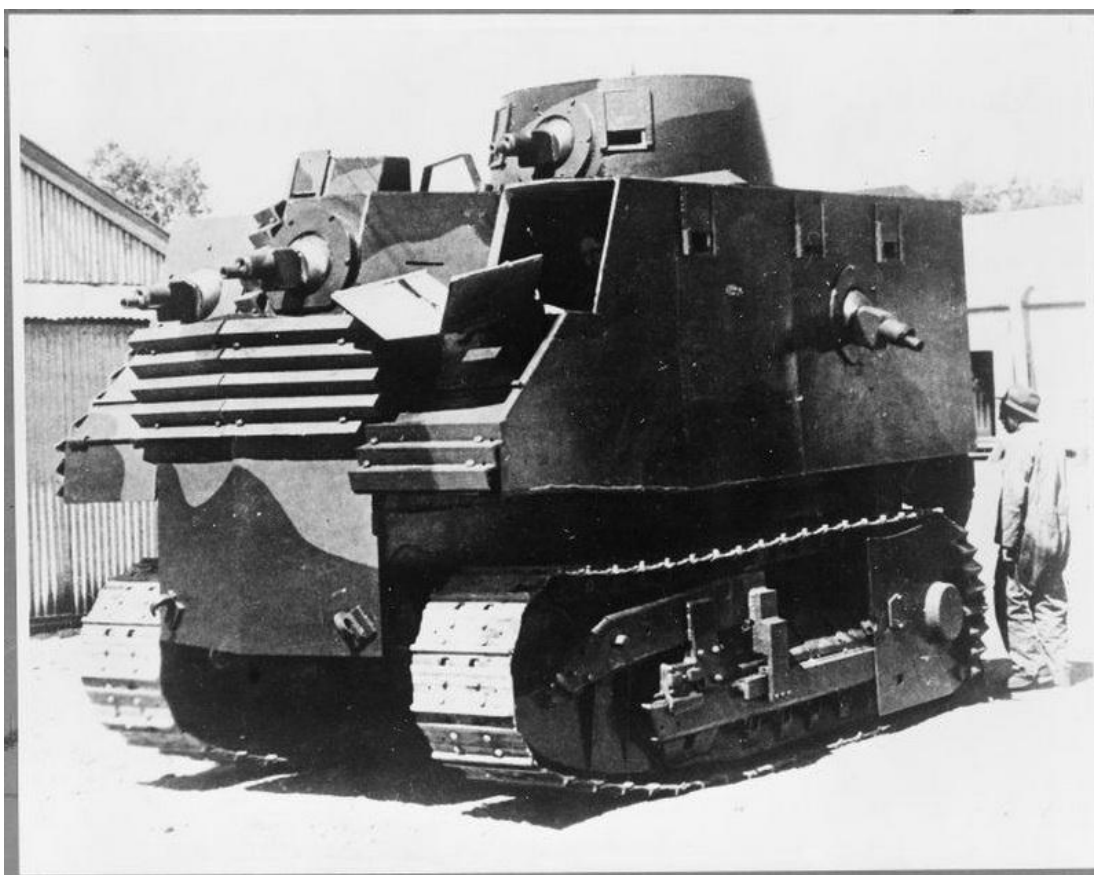
— Самое печальное — это полное отсутствие тяжелой промышленности и полезных ископаемых, — подхватил Питер Фрейзер. — Все приходится импортировать, от швейных машинок до тракторов!..

— Как вы сказали? — выпрямился мистер Сэмпл. На лицо министра будто солнечный лучик упал: Фрейзер понял, что коллегу посетила муза. — Трактора?

— Именно, — кивнул премьер. — «Катерпиллер D8». Американские. Мы закупили полсотни машин для нужд сельского хозяйства еще до начала войны...

— У танков есть гусеницы, и у тракторов есть гусеницы, — скороговоркой выпалил Боб Сэмпл. — Вот и объединяющее начало! Бронирование? Необходимо провести ревизию на складах — кажется, я припоминаю о поставках рифленого закаленного проката из Метрополии для строительных нужд! Вооружение? Найдем! Главное, не отступать, не сдаваться и надеяться на собственные силы! Из пятидесяти «Катерпиллеров» я сделаю для Новой Зеландии два полноценных танковых полка, не хуже, чему у немцев!

— Рифленый закаленный прокат? — медленно проговорил Питер Фрейзер, когда дверь кабинета за мистером Сэмплем захлопнулась. — Что он имел в виду, простите?..

* * *

Бурнгамский военный лагерь, окрестности Окленда. Четыре месяца спустя.

— Боже милостивый, что ЭТО? — американский военный атташе, коему предъявили изумительно достижение новозеландской конструкторской мысли, застыл на краю полигона как громом пораженный. — Мистер Сэмпл?..

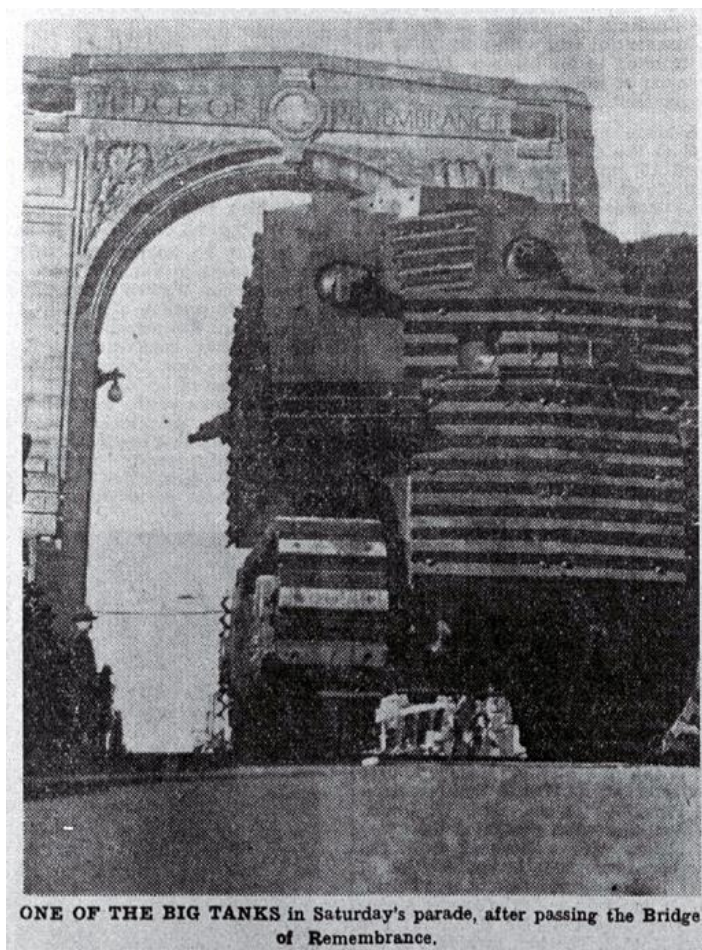
— Он прекрасен, не правда ли? — гордо сказал министр общественных работ, наблюдая, как по полю движется устройство, смахивающее на кухонный буфет, вооруженный пулеметами. — Пятнадцать миль в час по шоссе и шесть по пересеченной местности! Броня выдерживает попадание из «Виккерса»!

— Броня? — американец вытаращился на изобретателя страшилища, разъезжавшего по лужайке. — Кровельное железо?

— Обогащенное марганцем, заметьте, — Боб Сэмпл снисходительно улыбнулся. — Танк способен держать... Как это у вас, военных, называется? Ах да, круговую оборону — целых семь пулеметов «Брен», два по бокам, три впереди, один в башенке и еще один на задней панели!

— Знаете ли, — осторожно сказал атташе, — судя по последним сведениям из Европы, танк обязан иметь вращающуюся башню с пушкой...

— Чепуха! — отмахнулся мистер Сэмпл. — Представители нашей армии слишком капризные — просили поместить в башенку тридцатисемимиллиметровое орудие, однако оно просто туда не поместилось! Пришлось усилить пулеметное вооружение! 19 апреля в Окленде состоится парад вооруженных сил Новой Зеландии, я вас приглашаю в ложу для почетных гостей, сэр — покажем народу мощь бронетанковых частей доминиона! Правда, водителям отдан приказ избегать смены скоростей, поскольку танк временами останавливается во время переключения скорости и будет ужасно, если он застрянет на улице во время парада.

— Сколько их всего изготовлено? — слабым голосом осведомился атташе. — Три?.. Иисусе всеблагодой...

— Это лишь начало! — провозгласил Боб Сэмпл. — Клянусь, я сделаю Новую Зеландию великой танковой державой!..

* * *

Примечание автора: «Офицеры новозеландской армии изучившие в 1941 году танк Боба Сэмпла в целом дали ему очень невысокую оценку, расценив машину как шаг назад ко времени Первой мировой войны. Масса негативных отзывов и откровенных насмешек привела к тому, что в июне 1941 г. был отдан приказ прекратить все работы по этому танку, а те машины, что уже сделаны, отдать армии для испытаний. В Бурнгамском лагере с помощью танков Боба Сэмпла убирали деревья, которые были выкорчеваны у офицерской столовой — на этом их славный боевой путь и завершился...»

18. На краю света: танк Скофилда

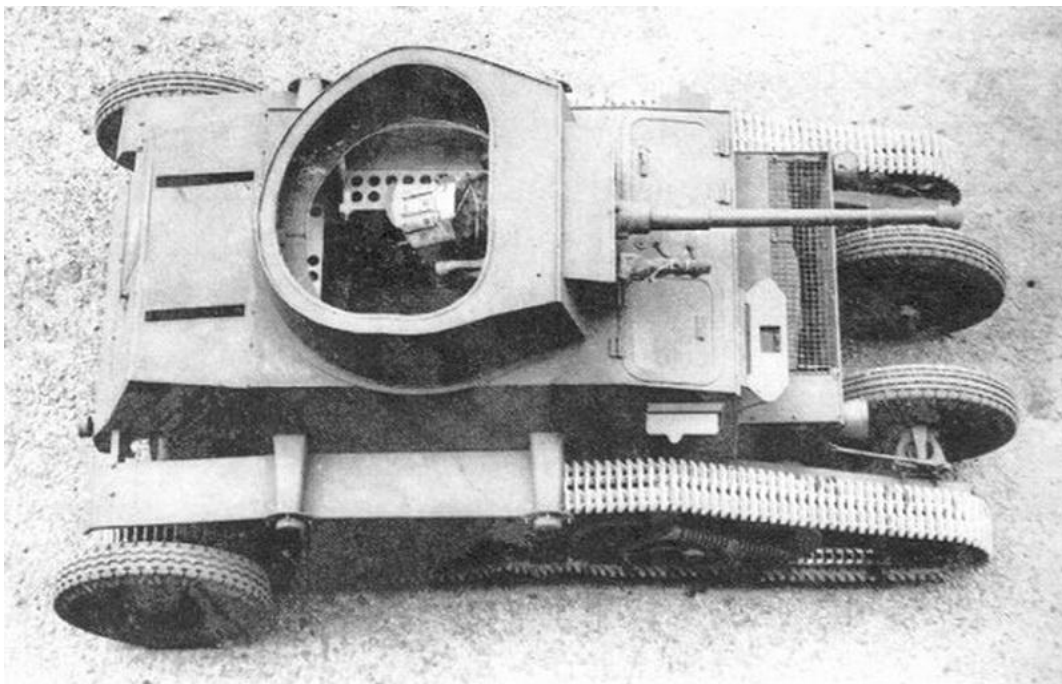
21 апреля 1940. Новая Зеландия, офис премьер-министра доминиона.

— Американский инженер? — с надеждой в голосе переспросил у секретаря премьер Питер Фрейзер. — Разбирающийся в танкостроении? Немедленно пригласите!

— Не совсем так, сэр. Его зовут Эрнест Джеймс Скофилд, — сомневающимся тоном дополнил секретарь. — И как бы это сказать?.. Да, у мистера Скофилда есть диплом инженера, однако его основная профессия — торговец автомобилями. Он совладелец фирмы «Schofields&Nehoff», дилера известной компании «General Motors» из Соединенных Штатов, поставляющей в Новую Зеландию грузовики и авто по частным заказам.

— Все равно зовите! — решил Фрейзер. — Мы сейчас находимся в положении утопающего, хватающегося за любую соломинку! В конце концов, двадцать пять лет назад танки изобрел не инженер, а политик — Уинстон Черчилль!

— Как прикажете, сэр.

Питер Фрейзер печально вздохнул. Не далее как позавчера, на параде Вооруженных сил Новой Зеландии, творение министра общественных работ Боба Сэмпла (немедленно названное газетчиками его именем) произвело неслыханный фурор — танчик устрашающего облика на базе трактора «Катерпиллер D8*» (по слухам вызвал несколько обмороков у впечатлительных зрительниц, насмешливые отзывы в прессе и пораженческие разговоры среди военных. Метрополия же в поставке бронетехники доминионам категорически отказала: у самих шаром покати, а неровен час нацисты начнут десантную операцию против Британии!

В кабинет вошел пожилой джентльмен в дорогом костюме в мелкую клетку. Снял котелок. Пригладил седые усы, какие обычно носят отставные офицеры, прежде служившие в Индии. В левой руке гость держал пухлую папку с золотистой эмблемой своей фирмы.

— Господин премьер-министр?

— Здравствуйте, здравствуйте мистер Скофилд! — Питер Фрейзер поднялся навстречу. — Мне сообщили о вашем предложении! Государство в опасности, формально Новая Зеландия находится в состоянии войны со странами Оси, поэтому мы обязаны принять все возможные меры для обороны! Итак, что у вас?

— Сэр, я неоднократно бывал в Европе, в частности во Франции и Швеции, — вальяжно произнес мистер Скофилд. — До войны мне удалось ознакомиться с работами конструктора Адольфа Кегресса — когда-то он был личным шофером русского царя Николая II, после большевистской революции эмигрировал во Францию, сотрудничал с корпорациями «Schneider» и «Citroën», где работал над колесно-гусеничными бронеавтомобилями...

— Очень хорошо, — покивал Фрейзер. — Предлагаете скопировать французские образцы?

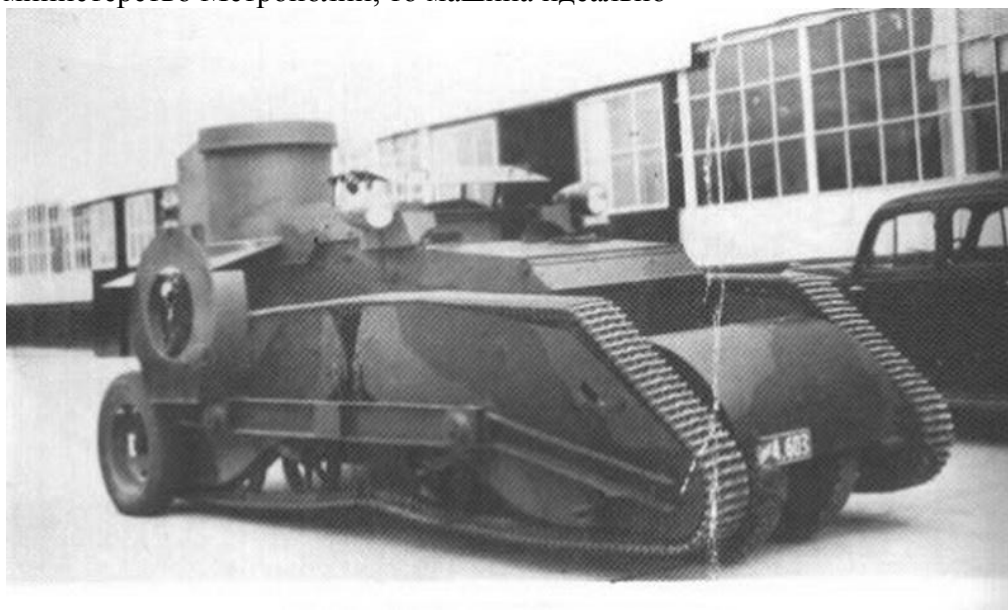
— Насколько я понимаю, правительству сейчас требуются именно танки, а не броневики?

— Именно! — подтвердил премьер, усилием воли отгоняя видение танка Боба Сэмпла, атакующего японские позиции. — Одна беда, в нашей стране мало кто представляет, как выглядит современный танк. Судить можно только по публикациям в газетах, печатающих сводки о сражениях в Европе!

— Взгляните, — Эрнест Скофилд развернул извлеченный из папки чертеж. — Берем все самое лучшее из области современной инженерной мысли! Прогрессивная схема колеса-гусеницы, позволяющая танку передвигаться как по пересеченной местности, так и по автострадам!

— Как вы сказали? — насторожился премьер-министр. — Но в Новой Зеландии нет автострад! Овечьи пастбища, проселки, грунтовки и одна-единственная асфальтированная дорога из Окленда в Веллингтон!

— Это неважно, — отмахнулся Скофилд. — Если проектом заинтересуется военное министерство Метрополии, то машина идеально

подойдет для последующих боевых действий в Европе, где имеется развитая сеть автодорог!

— У нас полностью отсутствует материальная база для производства, — напомнил Фрейзер. — Нет брони, нет предприятий!

— Решаемо, — усмехнувшись, сказал инженер. — Будем собирать прототип в железнодорожных мастерских, где хватает токарных станков и металлолома. Подвеска и моторное отделение? О, это совсем просто! Двигатель, коробка передач, задний мост и колеса заимствуются от трехтонного грузовика RHD «Шевроле», все переделки сводятся до минимума! Траки для гусениц изготовим сами. Противопульная и противоосколочная броня? Распилим какой-нибудь старый корабль, гниющий в гавани!

— Действительно, просто, — зачарованно проговорил Питер Фрейзер. — Хорошо, я готов подписать бумаги! Работайте, мистер Скофилд!

* * *

Великобритания, полигон Чобхем. Три года спустя.

— Новозеландцам, как погляжу, все нейдет, — сказал Уинстон Черчилль, рассматривая странный агрегат, несколько дней тому доставленный через два океана военным транспортом. — Так хочется создать свой танк, сил нет! Но джентльмены, это же ужас!

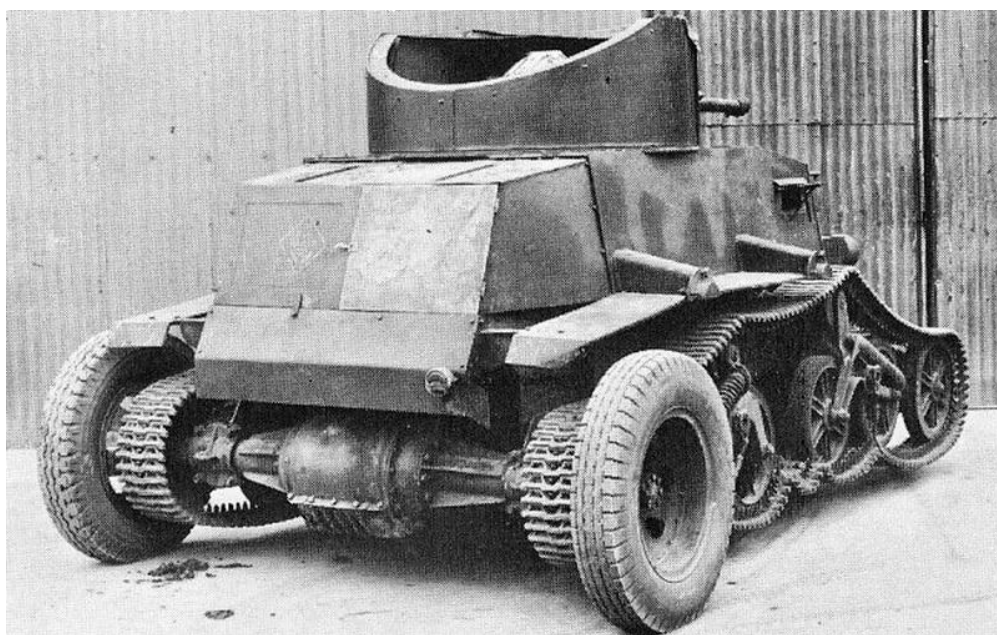
После парада конной гвардии 11 октября 1943 года правительство Великобритании в полном составе отправилось в Чобхем, что несколькими милями западнее Лондона — военные предложили ознакомиться с образцами техники. За строем «Шерманов», «Кромвелей», «Черчиллей» и «Пристов» сиротливо притулился новозеландский гость, неким невероятным образом вызвавший интерес бронетанкового департамента военного министерства.

— Сэр, — вперед выдвинулся кавалерийский полковник, отвечавший за техническое сотрудничество с доминионами. — Если мне будет позволено...

— Позволю, — благодушно кивнул Черчилль, расслабившийся после нескольких стопок армянского коньяку, употребленных во время парада. — Однако замечу, русские уже всю разъезжают на танках серии «ИС», а немцы давно обзавелись «Тиграми» и «Пантерами». Мы что, противопоставим новейшим моделям бошей эту каракатицу?

— Никак нет, сэр! То есть... Испытания показали, что танк Скофилда вполне может быть использован на европейском театре!

Черчилль посмотрел исподлобья, но промолчал. Раскурил сигару.

— Машина очень быстрая, выдает пятьдесят миль по шоссе и двадцать миль по пересеченной местности, — продолжил кавалерист. — Основной интерес к ней проявил медицинский корпус, считающий возможным использовать танк в качестве скоростной бронированной скорой помощи! Есть запрос и от парашютно-десантных войск — во время предстоящей высадки на континенте предполагается десантировать танки Скофилда при помощи планеров «Хорса»!

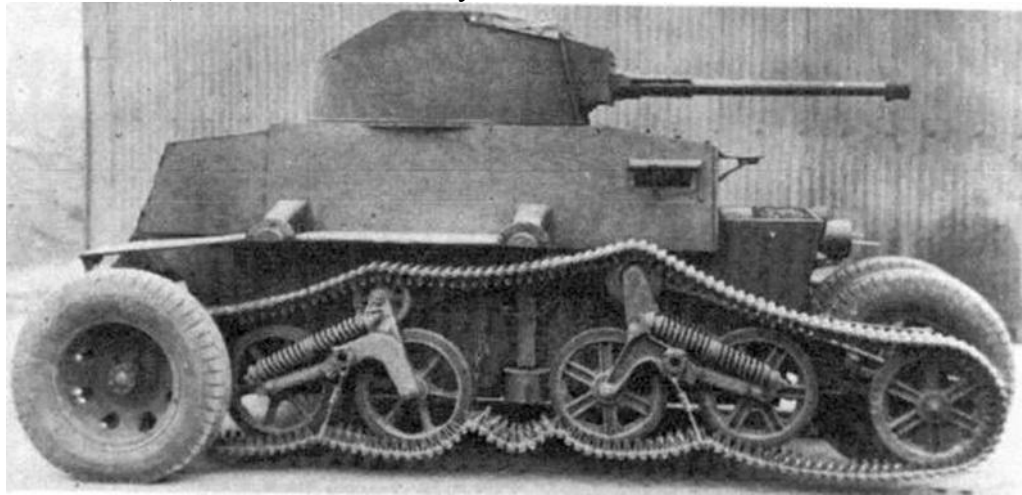
— Зачем? — коротко спросил премьер-министр.

— Конструкция себя оправдала, танк легко переходит с колес на гусеницы и обратно! Процесс занимает от семи до десяти минут!

— М-да, — совсем уж мрачно процедил Черчилль, бросив взгляд на документацию, представленную адъютантом. — Максимальная броня одиннадцать миллиметров? Минимальная по бортам и на корме шесть, на крыше четыре? Принесите кто-нибудь консервный нож, попробуем вскрыть аппарат снаружи не прибегая к огнестрельному оружию!.. Господин полковник, скажите, если выстроить в ряд двадцать танков Скофилда, снаряд германской танковой пушки восемьдесят восемь миллиметров пробьет их всех насквозь или застрянет в девятнадцатом?

— Сэр, такие расчеты не проводились, — не смутился кавалерист. — Но если это необходимо, я немедленно вызову специалистов!

— И думать забудьте, — отрезал Черчилль. — Я не про специалистов, я про эту выхухоль на колесиках! Подготовьте приказ по военному министерству: немедленно поставить в Новую Зеландию достаточное количество ленд-лизовских «Шерманов» — для вооружения танкового полка как минимум! Чтoб они впредь и думать забыли о столь вопиющих и бесчеловечных экспериментах в области бронетехники!

— Слушаюсь, сэр, — козырнул полковник. — А что делать с... Этим?

— Что хотите, то и делайте. Например, отправьте в школу для мальчиков «Dragon School» в Итоне — пугать перед сном непослушных детей!

* * *

Примечание автора: Танк Эрнеста Скофилда оказался вторым и последним опытом новозеландского танкостроения. Не смотря на то, что машина была изготовлена кустарным способом в железнодорожных мастерских «Хатт Вaley» и дорабатывалась в течении почти двух с половиной лет, танк получил хорошую оценку инженеров в Метрополии. Тем не менее производить танк Скофилда британские военные посчитали нерациональным — в 1943 году в Новую Зеландию начали поступать по ленд-лизу танки из США, а британские заводы производили достаточно много собственной техники.

Единственный образец танка Скофилда закончил свою недолгую карьеру на свалке металлолома полигона Бовингтон.

19. Часовой

Февраль 1942 года. Австралия, Канберра.

— У нас очень глубокие проблемы, — прямо заявил премьер-министр Австралии Джон Кёртин на заседании правительства. — Обстановка на Тихом океане хуже некуда. Потерян Сингапур, японцы высадились на Тиморе и в Новой Гвинее, противник активно действует в Индонезии, на Малайе и Новой Британии. О том, что произошло вчера, вы знаете не хуже меня...

Джентльмены, собравшиеся в премьерском кабинете угрюмо молчали. 19 февраля 1942 года вошло в историю как «Австралийский Перл-Харбор» — японцы, подняв с авианосцев «Акаги» и «Кага» без малого двести самолетов, нанесли сокрушительный удар по порту Дарвин на северном побережье, потопив десять кораблей и серьезно повредив двадцать пять. Истребители и пикировщики напали на базу австралийских ВВС уничтожив самолеты на земле. При этом враг потерял всего четыре машины — на вооружении частей ПВО в районе Дарвина стояли зенитные пулеметы, ни одного зенитного орудия калибром 20 миллиметров или выше у военных не было.

— Мы стоим перед прямой угрозой вторжения, — продолжил Джон Кёртин. — Командование австралийскими вооруженными силами передано американскому генералу Дугласу Макартуру, но он отвечает за весь тихоокеанский театр с линией фронта в тысячи километров! Придется справляться самим. Будем честны: современной армии и оружия у нас нет. Мы способны противопоставить японскому десанту всего-навсего одну роту давно устаревших танков Mk.II Vickers производства 1925 года...

— Выходов только два, — сказал министр обороны. — Надеяться на поставки из Соединенных Штатов или строить танки самим. Любой ценой. Мы попросили помощи у Метрополии и из Британии прибыл инженер-полковник Уотсон, который до этого успел побывать в США, где имел возможность ознакомиться с конструкцией среднего танка М3 «Лее». Мистер Уотсон назначен на должность начальника управления по разработкам бронетанковой техники... Сэр, я могу попросить вас обрисовать текущую обстановку?

Английский полковник, до этого тихонько сидевший в углу кабинета поднялся и подошел к столу. Разложил схемы и чертежи.

— Господа, — произнес мистер Уотсон. — Опыт боевых действий на Тихом океане показывает, что нам необходим крейсерский танк как средство поддержки пехоты — у японцев в настоящий момент нет средних танков с мощным вооружением и в случае высадки противник будет использовать исключительно легкие танкетки. Мое предложение таково: взять в качестве прототипа одну из наиболее удачных британских или американских моделей и начать собственное производство.

— Минуточку, — нахмурился премьер-министр, взяв фотографию с изображением М3 «Лее». — Вы собираетесь копировать данную

машину? Многоярусное вооружение, орудие главного калибра в боковом спонсоне, высота танка почти три метра... Разумеется, я понимаю, что это лучше чем совсем ничего, однако наша промышленность не сможет быстро освоить выпуск столь сложной модели!

— Да, танк неоднозначный, — ответил полковник Уотсон, — тем более, что в Европе и Африке он пока не испытан, поставки М3 английской армии в Египте намечены на май текущего года. Вы совершенно правы: наши заводы не справятся. Пойдем по более легкому пути: используем ходовую часть, трансмиссию и коробку передач. Остальное разработаем самостоятельно — инженеры моего управления трудятся не покладая рук! Вот взгляните, это изображение прототипа...

Джон Кёртин нацепил пенсне и вгляделся в схему. Да, рядом с М3 «Lee» проект «Australian Cruiser tank Mark 1» выглядел более традиционно — основное вооружение, как и положено, в башне, верхний лобовой лист под значительным наклоном, сравнительно с американской машиной размеры заметно меньше, в первую очередь по высоте.

— Абсолютного копирования не будет, — продолжил Уотсон. — В наших условиях будет проще и дешевле отказаться от американских двухкатковых тележек с вертикальными спиральными пружинами, заменив их на тележки по типу французских танков Н-35 «Гочкисс», где применялись горизонтальные рессоры. А вот конструкцию траков гусениц с прорезиненными подушками полностью возьмем у американцев — как самую удачную! Корпус и башня цельнолитые.

— Бронирование, — премьер постучал пальцем по чертежу. — Сорок миллиметров? Не маловато?

— Есть возможность усилить до шестидесяти пяти, но... — полковник запнулся. — Но это утяжелит танк, а у нас имеется существенная проблема с двигателями: США не в состоянии сейчас поставить моторы «Giberson», так как они требуются американцам для

собственной армии. Предложение таково: установить на танк три автомобильных двигателя «Cadillac» суммарной мощностью 330 лошадиных сил...

— Три? — вытаращился Джон Кёртин. — Три двигателя в танке?

— Сэр, это весьма рациональное решение, — парировал Уотсон. — Каждый из моторов связан собственным сцеплением с передаточной коробкой размещенной под башней. В свою очередь, этот элемент был связан с коробкой передач и дифференциалом, что позволит танку продолжать движение даже при выходе из строя одного или двух моторов! Как показала европейская практика применения бронетехники, самое главное для танка — подвижность! Кроме того в башню можно установить сразу две гаубицы Ordnance QF 25 pounde!

— Ставьте хоть десять, — отрезал премьер. — Но чтобы танки были оказались на конвейере уже в текущем году! Я не желаю увидеть японских солдат на пороге своего офиса!

— Сэр, завод «Чаллона Тэнк Эссембли» в Новом Южном Уэльсе строится! Уверю, вскоре «Australian Cruiser tank» поступит на вооружение!

* * *

Первый и последний в истории Австралии танкостроительный эксперимент в целом был признан удачным — до конца войны выпустили 68 машин из общего заказа в 200. Не смотря на проблемы с перегревом трех двигателей, «Sentinel AC» мог развивать максимальную скорость по шоссе 64 километра в час и 52 по местности. На островах Тихого океана самыми серьезными противниками «Sentinel» являлись только японские «Чи-ха» и «Шинхото Чи-ха», обладавшие 25-миллиметровым лобовым бронированием и пушками 47 миллиметров.

Остальные танки Японии, наподобие легких «Ха-го» или «Ка-ми», оснащались 37-миллиметровыми пушками, которые были практически бесполезны против 65-миллиметровой брони австралийского танка.

В боевых действиях «Sentinel AC» участия не принял — армия Японии в Австралии так и не высадилась. Остается только сожалеть, что этот танк появился слишком поздно. Если бы массовое производство было налажено в планируемый срок — то есть летом 1941 года, возможно, войска Британского Содружества вполне смогли бы отказаться от поставок большого количества средних танков М3 «Lee». Основным ТВД в то время была Северная Африка, где благодаря своей толстой броне «Sentinel» вплоть до середины 1942 года и появления модифицированных Pz.IV могли бы без особого труда уничтожать любые итальянские и немецкие танки.

В настоящий момент сохранилось три танка «Sentinel», два в Австралии и один в британском музее Бовингтон — наиболее комплектный с оригинальным австралийским камуфляжем. Единственное «сражение» в котором участвовали «АС» — съемки фильма «The Rats of Tobruk» в 1944 году, где они изображали немецкую бронетехнику.

20. Тучи над Альпами

Апрель 1941 года. Швейцария, Берн.

Федеральный совет Швейцарии в составе семи человек традиционно собирался на неофициальные заседания в ресторане «Дер Шпилер» на Альтенбергштрассе. Из окон открывался прекрасный вид на старый город и реку Ааре, само заведение считалось тихим и респектабельным, а кроме того владелец «Шпилера» являлся родным племянником президента Швейцарской Конфедерации Филиппа Эттера, что позволяло надеяться на скидки постоянным посетителям — дядюшке и его коллегам по совету.

— Что творится в Европе — уму непостижимо, — сказал господин президент, отложив пухлый выпуск газеты «Нойе Цюрхер Цайтунг». — Читали передовицу? Гитлер вторгся в Югославию, на очереди захват Греции. И уж поверьте мне, это далеко не финал!

— Нас он тронуть не посмеет, — неуверенно заметил Энрико Челио, вице-президент и министр путей сообщений. — Нейтралитет!

— Расскажите это голландскому правительству и королеве Вильгельмине, бежавшим от нацистов в Англию. Или столь же нейтральным бельгийцам, которых оккупировали за две с половиной недели! Старый мир рушится, в наши жестокие времена никто и не вспомнит о международных договорах, дипломатической этике или неприкосновенности нейтральных стран... Более того, в мои руки попали секретные документы германского генштаба, непосредственно касающиеся нас с вами.

Филипп Эттер выложил на стол папочку в которой находилось несколько листов с машинописным текстом. Передал остальным, ознакомиться. По мере прочтения члены Федерального совета становились мрачнее с каждой секундой.

— Как вы это раздобыли? — поинтересовался доктор Челио.

— Пришлось выделить приличную сумму из закрытых фондов для подкупа осведомленных лиц в Берлине, — туманно ответил Эттер. — В данный момент это неважно. Теперь понимаете, что угроза более чем реальна?

В бумагах содержались выжимки из оперативного плана «Танненбаум» составленного генералом Отто фон Менгесом при участии Франца Гальдера. Предполагалось силами нескольких дивизий рассеять регулярную армию Швейцарии, не допустить ее отступления в высокогорье, быстро захватить Цюрих, Берн и Золотурн. С юга должны были наступать итальянцы.

— Наши возможности? — президент повернулся к главе военного департамента Карлу Кольбету. — Как долго Швейцария сможет сопротивляться?

— Каждый взрослый мужчина в стране вооружен, — ответил Кольбет. — Нацистам придется столкнуться с длительной партизанской войной в горах. Если говорить о регулярных частях, то, откровенно говоря, дела обстоят не лучшим образом — восемьдесят шесть истребителей, многие устаревшие. Зенитных орудий, извините, семь.

— Сколько? — поперхнулся Филипп Эттер. — Семь?? Всего?

— Швейцария не воевала всерьез с 1516 года, то есть четыреста двадцать пять лет. Наполеон заставил нас предоставить территорию для ведения боевых действий с третьими странами, но и только. Вернемся, однако, к статистике. На вооружении стоят двадцать четыре легких танка LTN производства Чехословакии, кроме того Франция сделала нам неожиданный подарок — после разгрома минувшим летом, часть сил французского 45-го корпуса отошли на швейцарскую территорию. Здесь они интернировались, мы конфисковали двенадцать танков Renault R-35 и передали их армии. Но этого катастрофически мало — тридцать шесть танков на всю страну! Еще шесть древних танкеток Vickers Carden Loyd M-1934 на вооружении батальона жандармерии.

— Господи боже, — президент побледнел. — Но ведь военный департамент обязан был составить хоть какой-нибудь план обороны?!

— Он существует, — подтвердил Карл Кольбет. — Нас защитят горы. Строится сеть бункеров перекрывающих дороги. Если Италия выступит вместе с Германией, мы отрежем Муссолини на юге, взорвав тоннель Сен-Готард. И самое главное, в рукаве припасено несколько козырей...

— Можно конкретнее?

— Швейцария обладает развитой промышленностью, мы способны строить собственные танки. Вернее, танки нам не требуются — это оружие нападения, а Швейцария готовится к обороне. Следовательно, необходимы хорошо защищенные противотанковые самоходки, которые будут отстреливать бронетехнику нацистов на перевалах и горных серпантинах. Два проекта давно разработаны — взгляните...

Кольбет передал президенту эскизный рисунок.

— Шасси берем чешское, от танка LTH, ставим орудие НВ-42 105 миллиметров, броня до сорока миллиметров. Прототип Nahkampfkanoone 1 в настоящий момент способен уничтожить любой существующий в природе танк...

— Неплохо, — кивнул Филипп Эттер. — Но где взять столько шасси LTH? Чехословакия захвачена немцами и продавать оружие потенциальной жертве они не станут! А второй вариант?

— Пожалуйста, эта машина целиком и полностью наша, швейцарская — Nahkampfkanoone II «Gustav» SPG. Корпус цельнолитой,

бронирование 70 миллиметров, но пушка послабее, хотя и скорострельнее — 75 миллиметров. Масса — двенадцать с половиной тонн. Высокая подвижность, до пятидесяти километров в час по грунтовке, а значит мы сможем перебрасывать САУ на любой участок фронта за считанные часы, страна-то маленькая...

— Забавно выглядит, — президент заметно повеселел. — Эдакая головка сыра с воткнутой спичкой. Вдобавок, можно запросто замаскировать машину под валун. Никто и не поверит по контуру и силуэту, что это дело рук человеческих, а тем более бронетехника!

— Остается решить, запускаем мы в производство «Густава» или нет. Расходы велики, но и опасность со стороны Германии не меньше!

Федеральный совет, — коллективный глава государства, — проголосовал единогласно. В тот же день указание о начале подготовки к выпуску противотанковой самоходки было передано руководству машиностроительной фирмы «Берн А.Г. Олтен».

* * *

В 1939-1941 годах руководство Швейцарии очень серьезно отнеслось к возможности германского вторжения и приняло все возможные меры к обороне страны. Правительство официально сообщило: «Если по радио, в листовках и другими средствами будут распространяться слухи, подвергающие сомнению волю Федерального совета и высшего командования армии к сопротивлению, такие слухи будут признаны вражеской

пропагандой. Наша страна и наша армия всеми силами готовы отразить любое нападение».

Более того, даже президент Конфедерации не обладал достаточными полномочиями для подписания капитуляции, а следовательно гражданам Швейцарии была дана инструкция относиться к любому сообщению о сдаче как к дезинформации и сражаться до конца.

Операция «Танненбаум» не была реализована по многим причинам, но прежде всего из-за того, что перспектива увязнуть в длительных боях в Альпах с многочисленной и прекрасно обученной пехотой, сформированной непосредственно из населения Швейцарии, немецкий генштаб не устраивала — техника и обученные дивизии требовались на других участках фронта. После нападения на СССР план «Танненбаум» был окончательно забыт.

Противотанковая САУ Nahkampfkane 1 «Gustav» SPG разработанная специально для борьбы с бронетехникой в горных условиях была выпущена в количестве всего четырех машин — когда непосредственная опасность миновала, руководство Швейцарии решило сэкономить и отменило массовое производство. Послевоенная оценка проекта была высокой: отличное бронирование, форма корпуса и мощное орудие позволили бы «Густаву» длительное время держать оборону на перевалах, уничтожая все типы итальянских и немецких танков за исключением тяжелых «Тигров», которые так никогда и не появились у границ Альпийской республики.

Первый прототип Nahkampfkane 1 был сделан в единственном экземпляре.

21. Бронекоробка

Замок Черного ордена Вевельбург. Весна 1940 года.

— Это просто невыносимо! — шеф РСХА Рейнхард Гейдрих страдальческим жестом закрыл лицо ладонями. — Всё, подаю в отставку, уезжаю куда-нибудь в Альпы или на

Капри! Буду выращивать капусту, пасти овец или заниматься другими полезными для народа, партии и фюрера делами!

— Может быть... — неуверенно начал сконфуженный штурмбаннфюрер Курт Рашке, — Может быть не стоит принимать столь скоропалительные решения?

— А что прикажете делать? Да по сравнению с нашим Вевельсбургом любой приют для буйнопомешанных выглядит островком тишины, средоточием разума и пристанищем философов античной школы!

Гейдрих подошел к окну кабинета и с тоской посмотрел во двор. Внизу хор неопитов «Анненербе» нестройными голосами (но зато очень громко!) распевал могучее заклинание «Aetis atis animatis, aetis atis amatis!» призывающие из недр земных герметическую силу древних ариев и что-то там еще про «волшебного фюрера».

Глава Имперской безопасности захлопнул ставни — заунывный хорал оскорблял его эстетические чувства. Повернулся к стоявшему навтыжку Курту Рашке.

— Это как прикажете понимать? — зловещим шепотом спросил Гейдрих, указав на валявшуюся на столе раскрытую папку с чертежами. — При чем здесь я, спрашивается?

— Так ведь война, — жалобно сказал герр Рашке. — Наступление на Францию, неприступная линия Мажино... Великой Германии необходимо супер-оружие!

— Тогда объясните, черт побери, что это за бредовый проект вы мне представили? Катапульта, с помощью которой можно метать в опешившего врага строительный мусор, бракованные боеприпасы и даже конструкторов, которые не создадут для фюрера обещанного вундерваффе?..

Рашке покосился на чертежи с изображением в целом самого обыкновенного PZ.I, за одной небольшой деталью: к корме легкого танка было приделано странное приспособление и впрямь напоминавшее катапульту.

Штурмбаннфюрер слегка покраснел. После того, как экспедицию «Анненербе» по поиску Шамбалы случайно занесло на

территорию СССР в Чуйскую долину, отдел разработок новейших вооружений и впрямь начал создавать проекты, более смахивающие на плоды измененного сознания. Похоже, так произошло и с казавшейся перспективной разработкой Ladungsleger I, столь возмущившей Рейнхарда Гейдриха.

— Понимаете ли, — начал объяснять Курт Рашке, — на границе Франции находится огромное количество различных долговременных укреплений...

— Знаю! — рявкнул Гейдрих. — Для разрушения крепостей, бункеров и казематов спокон веку используется тяжелая осадная артиллерия! Мортиры!

— Нам следует отходить от наиболее одиозных традиций войн прошлого, — заученно пробубнил Рашке. — Арийский гений, вдохновляемый великим фюрером...

— Арийский гений? — сокрушенно вздохнул Гейдрих. — Еще сказали бы «сумрачный»... Also. Показывайте, как вы представляете себе использование Ladungsleger I?

— Сооружение на корме — это вовсе не катапульта, — окончательно смутившись сказал штурмбаннфюрер. — На кронштейнах установлен ящик со взрывчаткой весом в полцентнера, и метать его предполагается строго вниз... То есть, по сути, ронять на голову противника.

— Зачем? — тающим голосом простонал Гейдрих. — Для наглядной демонстрации последствий нарушения техники безопасности и общеизвестного предупреждения «Не стой под стрелой»?

Ladungsleger auf Pz.Kpfw I Ausf.B

— Никак нет, герр обергруппенфюрер! Цель — разрушение ДОТов и ДЗОТов! Ladungsleger I является бронированной гусеничной подрывной машиной для инженерно-штурмовых частей! Подрывной заряд укладывается в ящик, закрепленный на конце рамы почти двухметровой длины, которая монтируется над моторным отделением танка. С помощью тросового привода днище ящика открывается — и заряд укладывается на крышу ДОТа или иного сооружения, требовавшего подрыва.

— Боги Вальгаллы! — Рейнхард Гейдрих схватился за голову. — То есть, вы хотите сказать, что танчик должен задом... Pardon, кормой вперед подъехать к ДОТу, сбросить ящик, и быстренько сматываться оттуда, пока детонатор с задержкой не сработал?

— Так точно! И никаких детонаторов — после отхода машины на достаточное расстояние заряд подрывается по проводам!

— Создатели этого... Этой... В общем, этой нелепицы действовали по логике утверждающей, что долговременные укрепления оснащены в основном пулеметами? Танк пули не возьмут? Хорошо, а если случится попадание в ящик с пятьюдесятью килограммами взрывчатки? Что тогда?

— Коробку предполагается забронировать, — очень тихо сказал Курт Рашке и залился густо-багровой краской. Ему было очень стыдно.

— Забронировать? Коробку? — с непередаваемым сарказмом процедил обергруппенфюрер. — Хорошо, допустим. А если в ДОТе установлена пушка семьдесят шесть миллиметров? Прикажете навесить на ящик линкорную броню?..

— Вовсе не обязательно линкорную... — начал было Курт Рашке, но прикусил язык, наткнувшись на яростный взгляд шефа.

— Впервые увидев данный проект, — ледяным тоном сказал Рейнхард Гейдрих, — я грешным делом подумал, что речь идет о прототипе активной защиты танка, о которой ходит столько разговоров в Рейхсминистерстве вооружений и боеприпасов. И, кажется, не ошибся. Танк носится по полю с пятью десятками килограммов динамита в бронированной коробке, все от него шарахаются — уж куда активнее! Рашке!

— Слушаю, герр обергруппенфюрер!

— Заберите чертежи, спрячьте и никому не показывайте! А лучше вовсе сожгите бумаги! Цивилизованные державы нас на смех поднимут, увидев это супер-оружие!..

— Э-э... — замялся адъютант Гейдриха. — Дело в том, что копия уже отправлена в бронетанковый департамент при Министерстве вооружений, с документами ознакомился доктор Фриц Тодт и предложил запустить Ladungsleger I в малую серию!

— Тогда я умываю руки, — кивнул начальник РСХА. — По крайней мере смеяться и показывать пальцем будут на доктора Тодта, а не на меня. Свободны!

* * *

Примечание.

Зимой 1940 года в железнодорожных мастерских завода Talbot в Аахене было переоборудовано в Ladungsleger около 30 танков Pz.I Ausf.B. В боевых действиях они почти не применялись. Небольшое количество данных машин участвовало во французской (например, в 58-м саперном батальоне 7-й танковой дивизии) и балканской кампаниях, а также в начальной фазе операции «Барбаросса».

22. Боевая черепаха

Лондон, Даунинг-стрит 10, весна 1944 года.

— Традиции, традиции и еще раз традиции! — не терпящим возражений тоном произнес Уинстон Черчилль. — Это основа Британской империи! Достаточно лишить англичанина утренней «Таймс», чашки чая, конной охоты на лис или пудинга с изюмом, подданный Его величества немедленно превратится в какого-нибудь реднека из Коннектикута или Небраски! Раздельное заряжание танкового орудия по образцу Королевского флота? Почему нет?!

— Кхм... — герой Эль-Аламейна, генерал Бернанд Лоу Монтгомери взглянул на премьера озадаченно. — Видите ли сэр, раздельное заряжание — это даже не вчерашний, а

позавчерашний день... Кроме того, согласно опыту минувших сражений, на практике доказано, что тяжелый танк обязан иметь башню!

— Помнится, тридцать с лишним лет назад, во времена Великой войны, я был Первым лордом Адмиралтейства, — взгляд Черчилля мечтательно затуманился. — И тогда же организовал «Landships Committee», «Комиссию по сухопутным кораблям», разрабатывавшую самые первые танки... Ну а поскольку означенные сухопутные корабли проходили именно по ведомству Адмиралтейства, мы решили продолжить славные традиции Королевского флота!

Монтгомери скривился, но предпочел не напоминать премьеру его собственные слова произнесенные в далеком 1912 году — в ответ на упрек одного из адмиралов, что он якобы игнорирует «морские традиции», сэр Уинстон в привычной язвительной манере заметил: «О каких традициях вы говорите? Я назову вам их все в трех словах. Ром, плоть и содомский грех. Доброго утра, джентльмены!»

Но тем не менее начало эпохи бронетехники прошло именно под военно-морским знаменем — благодаря Черчиллю и «Landships Committee» морская терминология в области танкостроения прижилась навсегда: башни, палубы, корпуса, люки, спонсоны. Перед Первой мировой войной британская полевая артиллерия не обладала орудиями, которые можно было бы использовать в ограниченном пространстве танка, а значит пушки тоже пришлось заимствовать у ВМФ...

Однако, сейчас 1944 год, а не 1914! За три десятилетия танкостроение совершило колоссальный скачок вперед. Традиции традициями, но нельзя пренебрегать веяниями времени и не обращать внимания на поступь прогресса! Это генерал Монтгомери понимал особенно хорошо, встретившись в Африке и на Итальянском фронте с тяжелыми

немецкими «Тиграми», на порядок превосходящими любой британский или американский танк.

...Предметом спора между премьером и знаменитым полководцем стал проект A39 Tortoise предложенный военным фирмой «Ньюффилд» после того, как был объявлен конкурс на создание «штурмового танка», предназначенного для прорыва долговременных укреплений противника. В свете планировавшейся операции «Оверлорд» и высадки на континенте подобные машины были бы полезны, но только не в столь жутком исполнении...

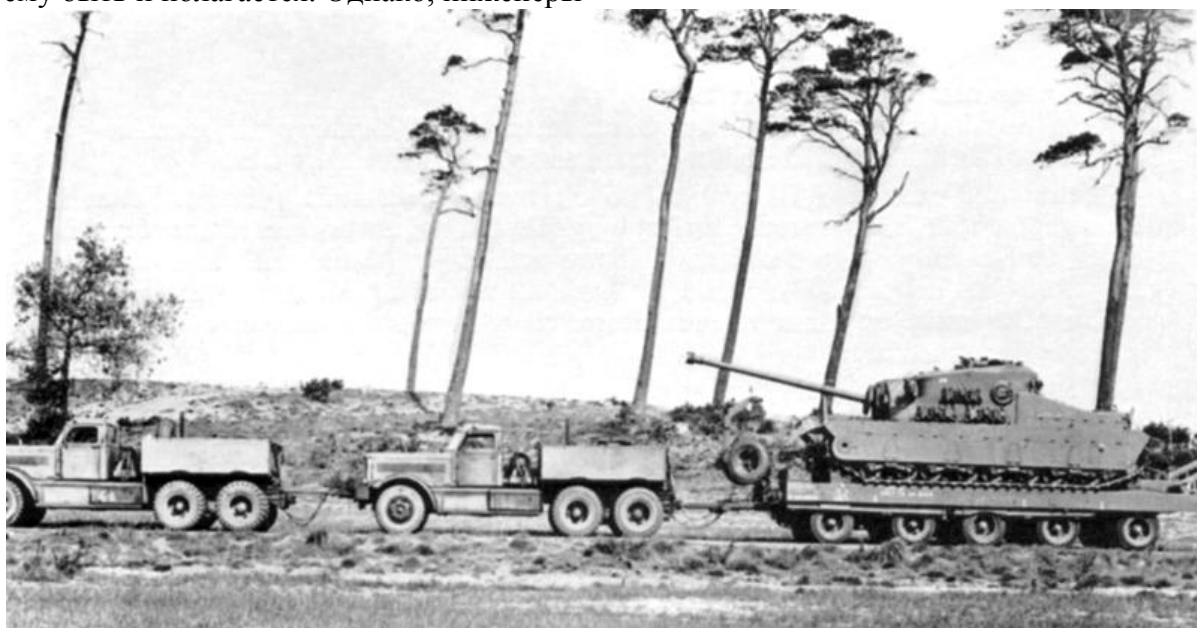
— Позвольте взглянуть? — Монтгомери подвинул к себе очередную схему. — Кажется, это разработка огнеметной машины на базе A39? Боже мой... Практически весь боевой отсек занят четырьмя шестисотлитровыми емкостями с зажигательной смесью, между которыми находятся семь баллонов высокого давления, обеспечивающими выброс огнесмеси? Две тысячи четыреста литров? Теперь я окончательно понял смысл выражения «сидеть на пороховой бочке»!

— Хорошо, хорошо, — кивнул Черчилль и потянулся за бутылкой с неперменным армянским коньяком. — Если вам не нравится огнеметный вариант, забудем о нем.

— Следующий проект, — генерал становился мрачнее с каждой секундой. — Извините, а зачем орудие 94-миллиметра установлено в боковом спонсоне? Практика применения поставляемых по ленд-лизу M3 Lee показывает, что горизонтальный угол наведения совершенно недостаточен для танка! Я видел на фронте нормальные противотанковые САУ — пушку лучше все-таки ставить по центру!

Уинстон Черчилль вздохнул — лобби истинно британского спонсонного крепления орудия в департаменте по разработки бронетехники было особенно сильным. Но Монтгомери не переспоришь — он все-таки практик, а не теоретик, рассуждающий в уютном кабинете о старинных традициях!

— Та-ак, — в руках генерала оказался следующий чертеж. — Уже лучше, орудие там, где ему быть и полагается. Однако, инженеры

ударились в другую крайность: захотелось навесить побольше брони. Лоб — двести двадцать восемь миллиметров? Масса танка увеличивается до семидесяти девяти тонн, скорость снижается до девятнадцати километров в час по шоссе и всего-навсего шести по пересеченной местности? И вы хотите предложить ЭТО нашей армии?

— Напомню, — Черчилль обиженно поджал губы, — Tortoise проектировалась как штурмовой танк! Никто не заставляет вас сражаться на А39 с немецкими «Тиграми», тем более, что танки с танками не воюют! Как вы преодолеете германскую Линию Зигфрида без машин подобного класса?

— Примерно так же, как немцы преодолели линию Мажино четыре года назад, — огрызнулся Монтгомери. — Маневренная война, теория глубокого охвата... Скажу больше: Африканская кампания доказала, что лучший способ борьбы с тяжелыми танками неприятеля — выкатить зенитные орудия на прямую наводку. Обходится в сотню раз дешевле, чем одна такая черепашка. Кстати, стоимость одного экземпляра уже рассчитана?

— Сто сорок одна тысяча фунтов, — нехотя признал Черчилль. — Действительно, дороговато.

— Тогда как обычный Sherman Firefly стоит чуть меньше пятнадцати тысяч фунтов! — воскликнул Монтгомери. — Прошу прощения, сэр, но во время операции «Оверлорд» я предпочту увидеть на фронте лишнюю дивизию «Светлячков», чем роту этих динозавров!..

* * *

Проект А39 Tortoise еще в момент начала разработки выглядел архаичным. «Черепаха» позиционировалась именно как танк

(пускай и нестандартной компоновки), но поскольку могла использоваться и как САУ, подпадала одновременно под юрисдикцию Королевского танкового корпуса и Королевской артиллерии.

Судьба «Черепахи» фактически была решена с концом войны, и на вооружение ее принимать не собирались. Однако, два танка были использованы для испытаний в Европе. Было очевидно, что при ширине 3,9 метра танк невозможно перевозить по железной дороге, а при боевом весе в 80 тонн А39 расплющит любой транспортер... Специально для этих целей фирма «Крэнес оф Дерехэм» спроектировала пятиосный транспортер, на котором «Черепак» доставили в район Гамбурга. Для буксировки транспортера с танком — вес около 120 тонн — было решено использовать два тягача «Даймонд» тандемом. Таким образом, общий вес поезда составил 155 тонн, а длина — 28,5 метров.

Отзывы военных удручали: «отсутствие кругового обстрела», «слишком тяжелый», «слишком медленный», «умопомрачительные проблемы с транспортировкой», «раздельное заряжание». Проект был окончательно закрыт в 1948 году и о «Черепахе» забыли, как о страшном сне. Сохранившийся экземпляр хранится в танковом музее Бовингтона.

23. Тяжелая походная кухня

Ноябрь 1916 года, Генеральный штаб германской армии

— Мы не должны отставать от противника в техническом плане, — начальник Генерального штаба Пауль фон Гинденбург устремил суровый взгляд на генерала Фридрихса. — Текущее положение нетерпимо, герр генерал!

Фридрихса пробрала невольная дрожь. Немногие могли выдержать ястребиный взгляд Гинденбурга — безупречного вояки, воплощения германского воинского духа. Рядом с этой эпической фигурой каждый остро ощущал собственные недостатки.

— Сейчас предпринимаются все необходимые шаги, герр фельдмаршал, — проговорил Фридрихс, сам зная, что звучит это заверение неубедительно.

Гинденбург аккуратно вынул из папки и выложил перед собой на стол приказ.

— Вам поручено возглавить техническую комиссию, созданную специально для организации и объединения работ по созданию германского танка, — объявил Гинденбург. — Ознакомьтесь с приказом. Нельзя допустить, чтобы англичане нас опережали... Германия уже добилась существенных успехов на фронте, и теперь необходимо закрепить их. Гражданское население Германии должно видеть свой долг в единстве с воинами Отчизны. Одни проливают кровь на фронте, другие не жалея себя работают ради этого в тылу! Только так!

Взгляд фельдмаршала чуть смягчился, и Фридрихс воспользовался этим, чтобы просмотреть приказ.

Он был датирован тринадцатым ноября. Особая техническая комиссия во главе с генералом Фридрихсом должна была координировать усилия нескольких ведущих промышленных фирм Германии — в том числе «Опель», «Даймлер», «Бюссинг», NAG, «Бенц». Все они бросались, как в прорыв, на разработку танка.

Фридрихс кивнул. Ответственности он не боялся. Почти год он возглавлял Седьмое транспортное отделение Общего управления Военного министерства, которое и выступало в роли заказчика военных машин.

Легкая улыбка скользнула по лицу генерала.

— И как планируется назвать будущий германский тяжелый танк?

— Всегда начинайте с имени, — провозгласил Гинденбург. — Правильно избранное имя вселяет в оружие правильный дух. Я полагаю, логичнее всего будет назвать германский танк A7V — в честь вашего подразделения, Abteilung 7, Verkehrswesen. Что скажете, генерал?

— Скажу, что это большая честь.

— И большая ответственность, — прибавил Гинденбург. — Действуйте!

22 декабря 1916 года

Гинденбург развернул чертеж. Капитан Йозеф Фольмер стоял рядом с фельдмаршалом, готовый в любую секунду дать пояснения. Фольмеру было сорок шесть лет и как большинство технарей, конструктор не испытывал душевного трепета перед большим начальством. Но Гинденбург произвел впечатление даже на него.

Фольмер был главным инженером Опытного отделения Инспекции автомобильных войск, руководя всеми конструкторскими работами. У Фольмера имелся большой опыт разработки автомобилей самых различных типов, а в военном ведомстве он занимался

повышением проходимости грузовиков. Сейчас ему подчинялось около сорока конструкторов от различных фирм.

— Танк, танк, — произнес вдруг Гинденбург.

Фольмер наклонил голову:

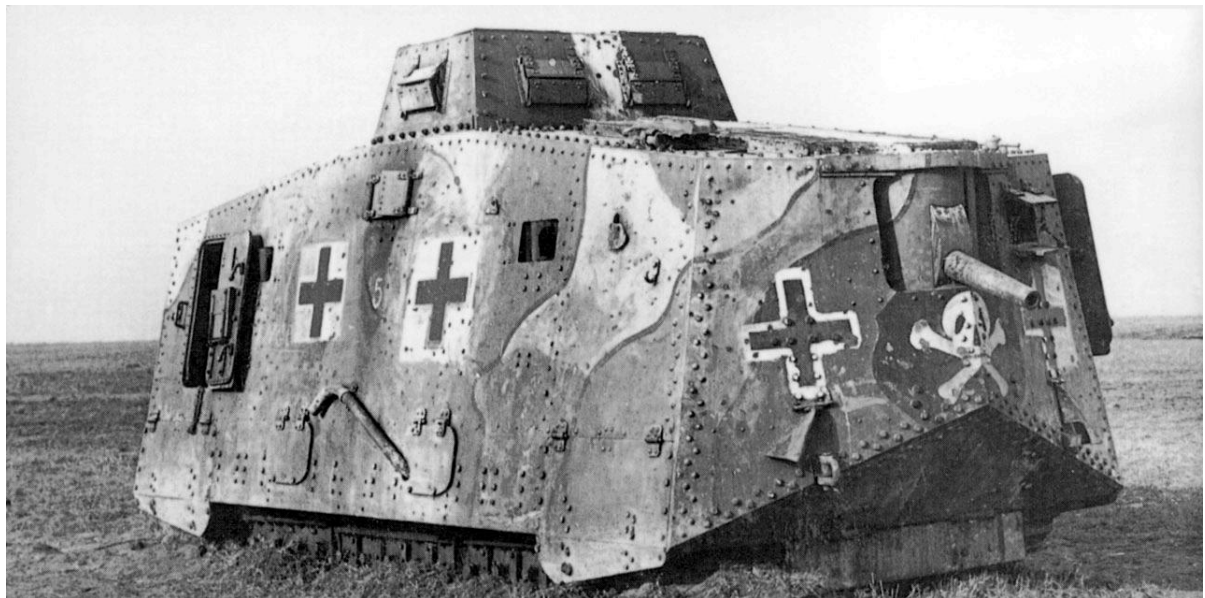
— Ваше превосходительство, господин фельдмаршал?

— «Танк», говорю я, — повторил фельдмаршал с легким раздражением в голосе. — Имя, господин капитан, имя! Имя содержит в себе дух.

— A7V, — сказал Фольмер и показал каллиграфически написанное название на листе чертежа.

Гинденбург отчетливо фыркнул. Этот звук в германской армии считался зловещим.

— Мне не нравится, что мы заимствуем само это английское слово — «Tank». В нем нет германского духа. Нужно что-то более

родное нашему слуху. Речь ведь идет о броне, о бронированном автомобиле... О Panzerwagen. Об усиленном бронированном автомобиле — Panzerkraftwagen.

— Боевой автомобиль, — предложил Фольмер. — Kampfwagen.

Гинденбург метнул в него быстрый взгляд:

— Очень хорошо

Фольмер начал было излагать свои взгляды на будущий Kampfwagen, но Гинденбург быстро перебил:

— Я хочу, чтобы вы ясно отдавали себе отчет в одном обстоятельстве. Командование довольно скептически относится к проекту. У Военного министерства, напротив, оптимистический взгляд на будущее... Кхм... Танков. — Он все-таки употребил

английское слово. — Как бы там ни было, но никто не желает тратить средства попусту. Tank должен обладать определенной универсальностью, чтобы убедить Ставку в правомочности своего существования. И я хочу знать, какие шаги предприняты в данном направлении.

Фольмер указал на чертеж.

— Мы сосредоточились на разработке универсального шасси. Собственно, уже пятнадцатого ноября было сформулировано основное требование к гусеничному самоходному шасси: чтобы оно было пригодно для использования как для танка, так и трактора. Или грузовика. Предполагается, что машина будет развивать скорость до двенадцати километров в час, преодолевать рвы шириной в полтора метра и подъемы крутизной до тридцати градусов.

— Недурно, — кивнул фельдмаршал.

— Прошу. — Фольмер аккуратно выложил перед Гинденбургом новую схему. — Наша последняя разработка.

— Надеюсь, мы не напрасно заставили концерны вложить деньги в проект, — проворчал Гинденбург.

— В основу компоновочной схемы машины легла симметрия в продольной и поперечной плоскостях, — начал объяснять Фольмер. — Это видно даже по дверям. Строгая симметрия везде. В центре машины — двигательный отсек, закрытый капотом. Над ним — площадка с местами механика-водителя и командира. Точнее, два места водителя, повернутые в противоположные стороны, для переднего и заднего хода. Мы полагаем, что идея «челнока» принесет хорошие плоды.

— Гусеницы, я вижу, прямо под днищем корпуса? — Фельдмаршал внимательно рассматривал чертеж.

— Это позволяет увеличить полезный объем.

— Пушки?

— Две. 77 и 20 миллиметров.

— Продолжайте, — приказал фельдмаршал. — Какую скорость будет развивать этот танк?

— Десять километров в час. — Фольмер знал, что изначально планировалось двенадцать, но... В этой работе вообще было довольно много всяких «но», как, собственно, и следовало ожидать от новаторского проекта.

— Предполагаемая масса?

— От двадцати пяти до тридцати тонн. Что потребует двигателя мощностью около двухсот лошадиных сил. Такие моторы в Германии имеются, — прибавил Фольмер, Впрочем, без особой надежды. — К примеру, их используют для дирижаблей жесткой схемы «Цеппелин».

— Забудьте, — лаконично бросил фельдмаршал. — Авиамоторы вам никто не отдаст. Другой выход есть?

— Разумеется. Фирма «Даймлер» могла бы поставить двигатели мощностью в сто лошадиных сил и снабжать ими строящиеся... Извините, танки. Поэтому будем применять двухдвигательную установку с работой каждого мотора на гусеницу одного борта.

Фельдмаршал и руководитель работ долго еще разбирали чертежи, и ни один, ни другой не знали, что спустя годы название танка — A7V — будет истолковано по-иному: буква «V» в этой аббревиатуре расшифруется как «Vollmer»...

14 мая 1917 года, Майнц, Ставка Главного командования

Эрих Людендорф с интересом наблюдал совместное детище германской промышленности и военного ведомства Второго Рейха. Ставка со свойственным ей скептицизмом не ожидала слишком впечатляющих результатов.

Однако, демонстрация прототипа танка произвела определенный эффект. Комиссия показала рабочее шасси с макетом бронекорпуса, а для большего правдоподобия машину загрузили балластом массой в десять тонн.

— Недурно, — бросил наконец Людендорф. Он, как и Гинденбург, отличался в своих речениях лаконичностью. Но каждое слово ценилось на вес золота, и это «недурно», сказанное вроде бы небрежным тоном, имело серьезные последствия.

Германии определенно следовало поторопиться с этим проектом. Уже 16 апреля 1917 года в бою на реке Эн у Шмен-де-Дам участвовали французские танки — вторая держава Антанты начала производство собственной бронетехники.

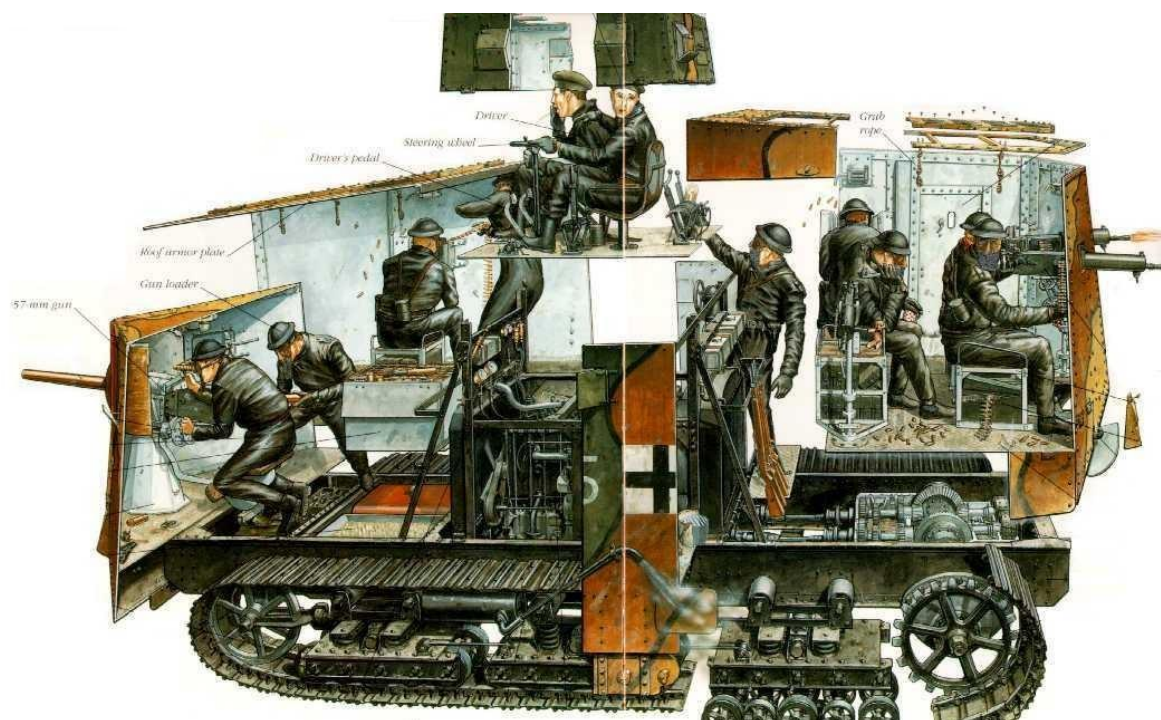
— К пятнадцатому июля мне необходимы первые пять готовых A7V, — подытожил Людендорф. Это прозвучало так, будто танки необходимы ему лично, для собственного поместья. И, как ни странно, произвело более сильное впечатление, нежели официальный приказ.

Впрочем, и официальные бумаги не замедлили. Середина июля — первые пять, первое августа — следующие пять и сорок небронированных шасси, а первого сентября — последние сорок девять шасси.

Но... Обстоятельства. Германский гений постоянно сталкивался в своем полете с этими самыми низменными обстоятельствами. Спешка при разработке привела к необходимости доделывать на ходу.

Весна и лето семнадцатого года проходили в испытаниях A7V. То одно, то другое. Недостатки в системе охлаждения двигателей, в трансмиссии, в направляющих гусеничного хода. Каждое исправление затягивало работы.

Поспешись — людей насмешишь. Хорошо, что Уинстон Черчилль не видит этого ужаса, думал в иные минуты Фольмер. А может, и видит, приходила следующая мысль, от которой бросало в дрожь. Фольмер ненавидел английский юмор.

Конец октября 1917 года, Мариенфельд

Постройка первого серийного тяжелого германского танка A7V завершили только к концу октября 1917 года. Обошелся он крайне недешево: стоимость постройки в ценах 1917 года составляла 250 тысяч рейхсмарок, из них чуть менее половины приходилось на бронирование.

А с броней уже в полевых условиях возникали все новые проблемы, о которых в конструкторских бюро пока не знали. Бронирование ходовой части и подвешенные под днищем спереди и сзади наклонные бронелисты мешали машине двигаться. Танк уверенно ехал по рыхлому грунту, но только если местность была открытая, без бугров, глубоких рытвин и воронок.

Высоко расположенный центр тяжести приводил к тому, что машина легко опрокидывалась при боковом крене, при проходе через проволочные заграждения колючая проволока просто затягивалась гусеницами и запутывалась в них.

На серийных танках были установлены бронированные экраны, закрывавшие ходовую часть, однако экипажи попросту снимали их, открывая ходовые тележки. В противном случае грязь с верхних ветвей гусениц забивалась в ходовую часть.

«Вот так стараешься защитить солдат, а они просто игнорируют наши усилия», — думал Фольмер, когда ему докладывали об этом.

И все-таки дело пошло. Завод фирмы «Даймлер» в Мариенфельде стал основным производителем A7V. До сентября 1918 года было собрано двадцать A7V.

Кайзеру показали танк в Мариенфельде.

— Конструкция A7V воплощает в себе идею «подвижного форта», ваше величество, — докладывал разработчик. — Этот танк более приспособлен для круговой обороны, нежели для прорыва обороны противника и поддержки пехоты.

Кайзер остался доволен.

В отличие от своих солдат.

Ноябрь 1917 года, Восточный фронт

— Смотрите-ка, тяжелая походная кухня пожаловала!

По полю медленно ползло громоздкое сооружение, дымя двумя трубами. Оно и впрямь, особенно издалека, было похоже на полевую кухню. Очень тяжелую. Управляемую экипажем из восемнадцати человек. Большая часть которых сейчас сидела на крыше. И только механик-водитель обливался потом внутри.

— Вентиляция паршивая, — ворчал он. — Дышать нечем.

Командир оставался с ним — из чистого упрямства.

— Говорят, у французов в танках еще хуже. И у англичан тоже не сладко.

— Мне-то что? Тут пекло, а вылезешь — ветром продувает... Помрем все.

— Я этого не слышал, — предупредил командир.

Но претензии к танку имелись не только по части вентиляции. Трудности были и со связью. Указатель на цель крепился на крыше корпуса над артиллерийской установкой и поворачивался командиром танка с помощью троса. Расчет орудия смотрел на панель с белой и красной лампочками: их сочетания означали команды: «Заряжай», «Внимание» и «Огонь».

Но реально все команды подавались просто голосом — на крик. Между танками координации не было вовсе, все свелось к старому принципу «Делай как я». При крайней необходимости приказы доставлялись посыльными.

Круговой обстрел, обещанный кайзеру, тоже не получился. Из-за ограниченных углов наведения орудия два сектора в переднем направлении представляли собой «мертвое пространство».

Командир и механик-водитель сидели в поднятой рубке и имели неплохой обзор местности. Но что происходило на дороге непосредственно перед танком — тут, как говорится, задавишь курицу и не поймешь, что натворил. («Ха-ха», — прибавлял сержант Ганс Штубен, артиллерист). Водитель видел не далее девяти метров впереди машины. Механики смотрели на дорогу снизу, через люки в бортах — под рубкой. Вот так и ехали, дымя и переваливаясь.

— Слишком много вооружения, — мог бы сказать Йозефу Фольмеру командир танка A7V капитан фон Штрален. — Слишком большой экипаж. Слабая подготовка. Не успели толком ничему научиться — и сразу в бой. Пулеметчики мешали артиллеристам — и наоборот. В бою броня разогревалась градусов до восьмидесяти — дышать нечем. Сама броня мешала — приходилось снимать. Да тут все разом сказалось: и танков мало, и в конструкции недочеты, и времени освоить машину не хватило.

Он мог бы все это сказать. Но не сказал, потому что через несколько дней был убит на Восточном фронте.

24. Героический штурмовой трактор

Апрель 1916 года

— Господин главнокомандующий! — Госсекретарь артиллерии Франции положил на стол перед генералом Жоффром аккуратную папку.

— Что это? — Жоффр с интересом уставился на бумаги с машинописными распечатками и чертежами.

— Проект нового штурмового трактора.

— Насколько нам известно, уже существует бронированная машина — разработка полковника Этьена, — ответил главнокомандующий. — Вполне эффективная.

— Но вопросы престижа!.. — отозвался госсекретарь. — Полковник Этьен обошел военное ведомство. Его инициатива, мягко говоря, подрывает наш авторитет. А ему приносит доход и... Мы просто не можем оставаться позади! Ведь это начальник армейского управления моторизации лично выдает заказы на закупку соответствующей боевой техники...

— И вы?.. — Главнокомандующий прищурился.

Герой Марны, главнокомандующий — красивый, породистый, с густыми седыми усами, пользовался невероятной популярностью как среди политиков, так и среди военных. Недавнее поражение на Сомме немного охладило градус всеобщего почитания

Но под взглядом этого усталого орла госсекретарь все же чувствовал себя обязанным. Обязанным распрямить плечи, высоко поднять голову. Защитить честь военного ведомства.

— Разумеется, мы тотчас выдвинули ответную инициативу, — объяснил он. — Был выдан наш собственный заказ на проектирование штурмового трактора фирме FAMN в городе Сен-Шамон. Наш бронетрактор обладает серьезными преимуществами перед «Шнейдером» Этьена.

— Подробнее, — велел главнокомандующий, постукивая пальцами по папке.

— Как и на «Шнейдере», за основу взята ходовая часть трактора Холта, — начал госсекретарь. Понимая, что это обстоятельство ни в коей мере не служит объяснением «преимуществ» нового штурмового трактора, быстро продолжил: — Однако длина опорной поверхности гусениц значительно увеличена. Главным же новшеством стало применение электротрансмиссии.

Он замолчал, перевел дыхание.

— Продолжайте, — кивнул главнокомандующий. Бегло глянул на папку с чертежами, на секретаря, потом усталый взгляд в окно, задумался.

— Бензиновый двигатель фирмы «Панар» работает на динамомашину, от нее ток поступает на два тяговых электромотора — по одному на гусеницу. Элегантно, просто и надежно, — заключил он.

— Элегантно? — прищурился Жоффр. — Мы не на показе дамских туалетов в модном салоне!

— Штурмовой трактор куда элегантнее, а главное — куда занимательнее, чем дамские туалеты! — нашелся госсекретарь.

Старый полководец чуть улыбнулся в усы.

— Я ознакомлюсь с проектом, — сказал он. — Но, думаю, уже сейчас можно дать консорциуму FAMN государственный заказ. Пока ограничимся числом в четыреста машин.

7 января 1917 года, Париж, Генштаб

— Мы недостаточно внимания уделяем тракторной артиллерии, — объявил генерал Бюа.

— А между тем она — мощный инструмент огневого маневра. Великолепный стратегический резерв главного командования.

— Что вы предлагаете? — осведомился Анри Филипп Петэн, Верденский победитель.

— Необходима централизация. Ответственный начальник, — сказал Бюа. — Тяжелая артиллерия большой мощности и тяжелая тракторная артиллерия существуют изолированно друг от друга. Это не позволяет нам действовать с наибольшей эффективностью.

— Конкретнее! — потребовал генерал Нивель.

— Конкретно я имел в виду вас, господин главнокомандующий, — сказал Бюа. — Жоффри больше не у дел, и нам необходим новый, свежий взгляд. Учитывая, что в наших руках оказалось принципиально новое оружие.

— Думаю, да, — кивнул Нивель. — Я займусь реорганизацией. Необходимо учредить главный резерв тяжелой артиллерии.

7 апреля 1917, берег реки Эн

Лейтенант Антуан Буатель ругался на чем свет стоит. Погода стояла отвратительная, отвратительная, видимость — почти на нуле.

— Как производить пристрелку? Палим в белый свет! А потом, конечно, артиллеристы будут во всем виноваты.

Самолеты-разведчики почти не летали. Да это было и бесполезно — что они разглядят в таком тумане?

— А это что за каракатица? — один из солдат изумленно показал Буателю на странную машину, с мрачным упорством штурмовавшую небольшой холм.

— Штурмовой трактор, — ответил Буатель. — Только это не «Шнейдер», это какой-то новый... Газеты читать надо.

Он плюнул. Газетчики писали о предстоящем наступлении открыто. Ничего удивительного, что немцы успели подготовиться — вольт вам оборотная сторона свободы прессы! И погода бошам на руку. Приходилось сражаться наугад с противником, который заранее знал все планы французов...

Танки «Сен-Шамон» были брошены на Западный фронт в момент решительной атаки союзников. Предстояло разгромить Германию одним решительным ударом.

Выглядели они, конечно, устрашающе: броневая коробка со скошенным носом и кормой, передняя часть нависает над гусеницами. Именно поэтому, кстати, «Сен-Шамон» с таким трудом преодолевал невысокие вертикальные препятствия. Конструкторы пытались избавиться от этого недостатка, установив в передней и задней части машины специальные ролики. Но толку пока было мало.

Командирская и водительская башенки имели цилиндрическую форму, а бронелисты бортов доходили до земли, прикрывая ходовую часть. Вооружение — семидесятипятимиллиметровая пушка специальной конструкции.

На позициях уже находились танки «Шнейдер» и таковых было больше в три раза. Именно они — в качестве «тракторной артиллерии» — поддерживали войска во время атаки, а «Сен-Шамоны» из-за неполадок ходовой части в этом бою не участвовали.

Что не помешало им разделить с армией горечь неудавшегося наступления.

— Знаешь, в чем разница между генералом Нивелем и штурмовым трактором «Сен-Шамон»? — спросил танкист лейтенант Мартеле своего нового друга, лейтенанта Буателя. Оба выпили уже порядочно для того, чтобы говорить не думая о последствиях.

— В чем? — спросил Буатель. Он был измотан и зол.

— Нивель ушел, а «Сен-Шамон» остался.

Нивель действительно был смещен с поста главнокомандующего после провала апрельского наступления — его заменил маршал Петэн.

— Мы еще покажем бошам, на что способны наши машинки, — заключил Мартеле.

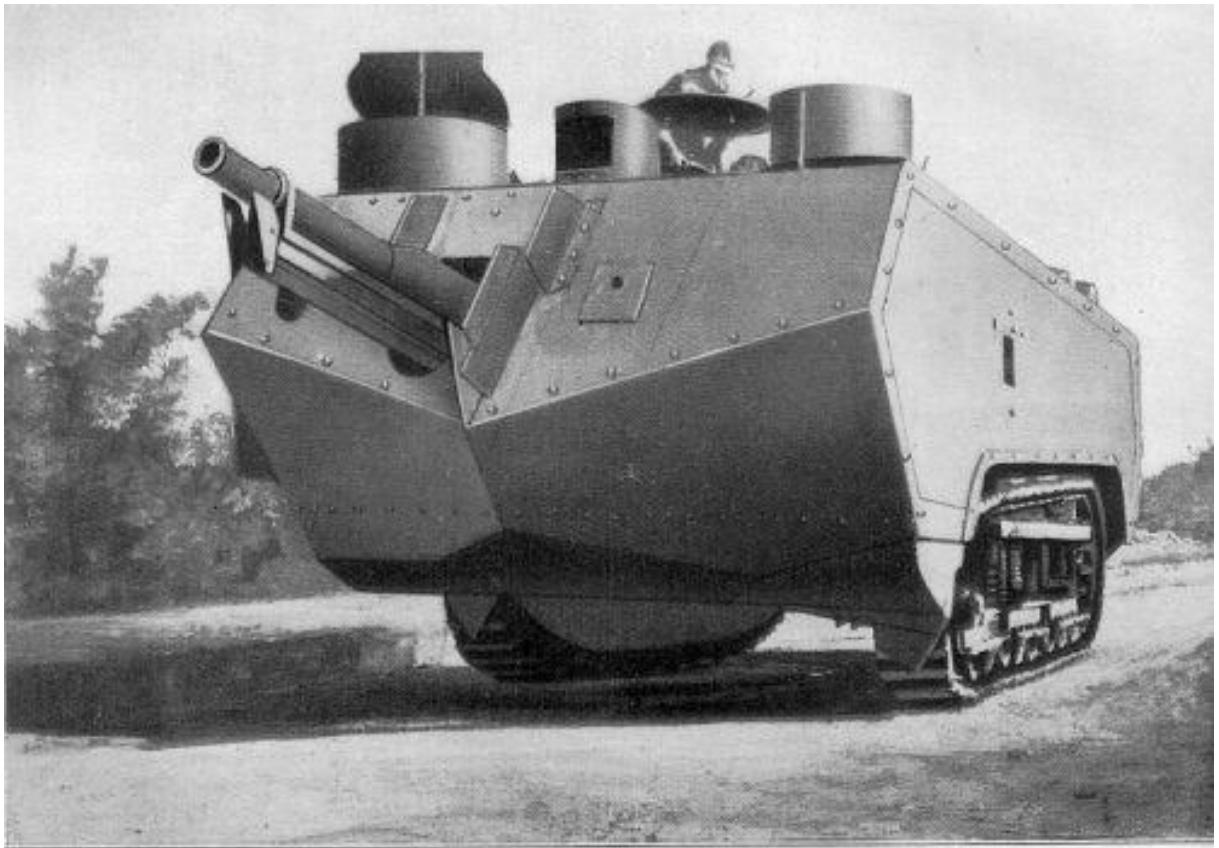

Рис. 1. Французский танк системы St. Chamond.

20 мая 1917 года, плато Лаффо

Маршал Петэн был доволен.

Завершилась крупная операция, подготовленная интенсивной бомбардировкой при благоприятной погоде. Это не апрель с его гнилым туманом и нулевой видимостью. И тяжелая артиллерия под общим командованием работает как часы.

Плато Лаффо перешло к французам. Немцы выбиты с позиций. Упорные они, эти боши. Несколько раз пытались вернуться и сдались лишь когда их окончательно раздолбали.

Газетчики... Петэн поморщился. Они, конечно, жаждали заполучить известия о потрясающей победе, окончательной и бесповоротной. А не о ситуации, когда сражение затихло просто потому, что противник истощен: тысячи пленных, тысячи потерянных орудий, сражаться просто некому. Успех? О да — серый, мрачный. Успех-трудяга. Как и все в этой войне. И почему это людям непременно хочется делать из войны праздник?

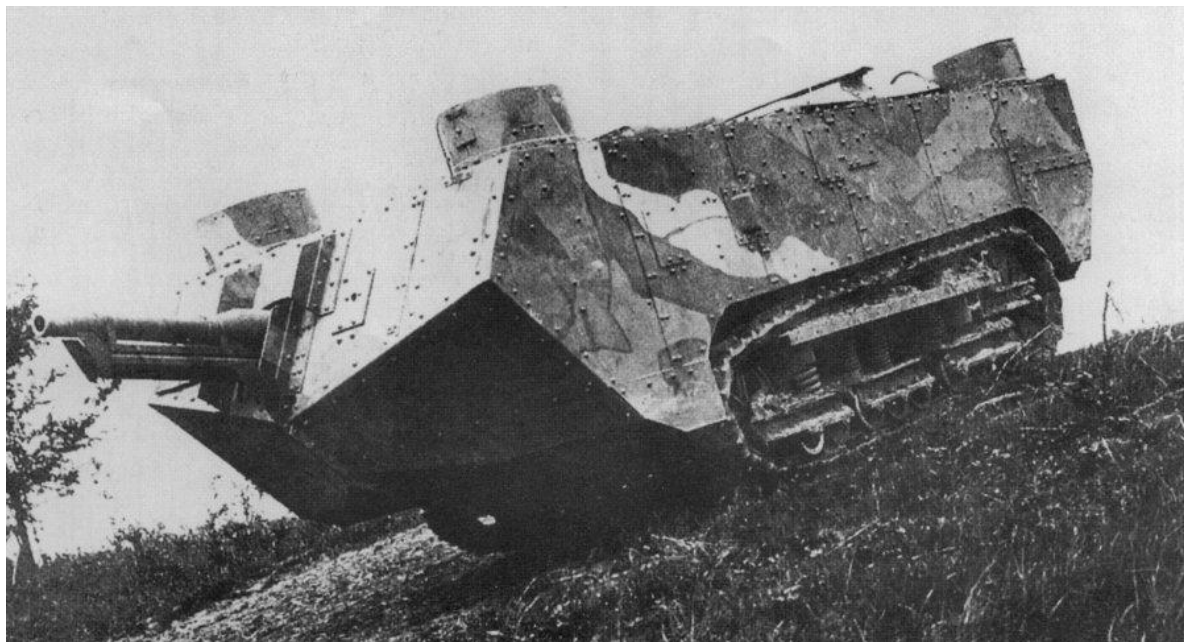
Что порадовало маршала, так это штурмовые трактора. Двенадцать «Сен-Шамонов» и девятнадцать «Шнейдеров». Они успешно поддерживали французскую пехоту и прорвали оборону противника на двух направлениях.

Потери — шесть машин: две сгорели от огня неприятеля на подступах к его обороне, а четыре застряли и были подбиты германскими войсками в ходе преодоления оборонительной полосы. Допустимые потери.

Соперничество между «Сен-Шамонами» и «Шнейдерами», актуальное в высших эшелонах и приобретавшее значение «престижа», на фронте смазилось.

Петэн еще раз просмотрел доклад. В списке потерь не было уточнено, какие конкретно танки были подбиты. Можно было послать запрос, но Петэн вдруг понял, что и для него это сейчас не имеет большого значения. Для главного резерва тяжелой артиллерии все эти штатские разборки неважны.

20 октября 1917 года, ставка

— Необходимо учитывать уроки двух предыдущих наступлений, — сказал маршал Петэн, разворачивая карту. — Наша цель — отбросить противника за реку Эллет. Мы должны наконец очистить район Лаффо-Мальмезон. Весенние атаки решить эту задачу не смогли. Предлагаю главное внимание уделить тяжелой штурмовой артиллерии.

23 октября 1917 года, Мальмезон

Грохот артиллерийской подготовки, продолжавшейся пять дней, наконец сменился другим звуком: рычанием моторов и лязгом гусениц.

Вместе с силами Шестой французской армии в долгожданную атаку двинулись танки — тридцать восемь «Шнейдеров» и двадцать «Сен-Шамонов».

Лейтенант Мартеле получил новое назначение — на радиотанк. Это было новшеством, причем радикальным: пять машин были оснащены специальным оборудованием и служили для координации действий танков с другими родами войск.

Радиооборудование доносило хриплые голоса — приказы, доклады. Он передавал их начальству, даже не пытаясь вникать или, упаси боже, анализировать.

Мартеле миновал несколько застрявших танков. Подсчитывать не стал. Начальство потом подсчитает. Важно одно: корректировка огня.

Долгий получился день. И следующий день тоже был долгим. Из танка не видно, как далеко продвинулись войска, как чувствует себя противник.

Зато это было видно Петэну.

— Главная задача операции — срезать Мальмезонский выступ — выполнена, — докладывал он в штабе. — Наши потери — восемь тысяч человек и два танка.

На сей раз он точно выяснил — какие это были танки, — «Сен-Шамон».

— Насколько эффективно действовали танки? — поинтересовался генерал Бюа.

— Две трети не смогли добраться до позиций, — признал Петэн. — Застряли. Но оставшаяся треть — в численном выражении это примерно двадцать танков, — задачу выполнили с блеском. Два из них, как я уже докладывал, погибли.

Он сказал о машинах «погибли» так, словно это были живые существа.

9 июня 1918 года, район между Мондидье и Нуайоном

— Черт бы побрал эту Россию и эту их революцию! — высказался подполковник Шедевимь, командир танковых частей Третьей армии. — Уверен, все это было проделано на немецкие деньги.

— Сейчас-то какая разница? — резонно заметил генерал Манжин. — Мы имеем то, что имеем. И вынуждены работать с этим.

А имелся настоящий хаос. Немцы угрожали непосредственно Парижу — они находились уже в ста двадцати километрах от французской столицы.

— Ваша задача, господин подполковник, — организовать контрудар при поддержке танков во фланг наступающему противнику, — объяснил Манжин.

На юго-востоке от Мондидье в оперативном подчинении Третьей французской армии дислоцировались четыре полковых танковых группы. Они должны были поддерживать пехоту огнем в случае общего наступления или контрударов.

«Сен-Шамоны», проделав марш в десять километров, выдвинулись на позиции.

В частях французской армии, которым предстояло нанести контрудар, прочитали приказ:

— «Положение отчаянное. На этот прорыв брошены все силы. Пехоте следует сражаться так, как будто танков поддержки нет вообще. Танки, в свою очередь, будут следовать за пехотой и поддержат ее в случае необходимости».

Танки двинулись впереди пехоты, опережая ее почти на километр. Всего их было сто шестьдесят три — «Сен-Шамоны» и «Шнейдеры».

Капитан Монтеле видел впереди цель: немецкую пушку. Сбоку бил пулемет, и Монтеле уничтожил эту точку. Потом еще одну. А потом танк содрогнулся.

— Лейтенант Блондель! — крикнул Монтеле своему механику. — Что там?

— Попали, — ответил Блондель.

— Вперед! — сказал Мартеле и снова навел на цель.

Пушка замолчала. Танк проехал мимо ее искаженных останков, не останавливаясь. Следующее попадание было в лобовой пулемет. Блондель не остановился, Мартеле молчал. Он был ранен.

Кругом взлетала земля, мотор продолжал реветь.

В танке Мартеле не знали всего, что происходит вокруг. Не знали, что в этой операции будет уничтожена почти половина всех французских танков. Что немцы будут оттеснены, а их наступление захлебнется.

Близились ночь, когда сражение постепенно стало затихать. «Сен-Шамон» снова двинулся по полю. Капитан Мартеле пробовал позвать своих пулеметчиков, но те не отзывались. Он закрыл глаза и потерял сознание.

На опушке леса расположилась на отдых часть капитана Нуайе. И вдруг из темноты донесся характерный шум мотора.

— Танк на поле!

В темноте скоро стал заметен танк. Лязгали гусеницы, звук приближался.

— «Шнейдер» или «Сен-Шамон»? — спросил сержант Перре.

— «Сен-Шамон», — уверенно ответил Нуайе. — Я узнал его по звуку двигателя.

И в тот же миг, словно услышав эти слова, двигатель заглох.

— Нужно посмотреть, — сказал Нуайе.

Они спустились на поле и пошли в полной темноте к танку. Ни одного звука больше не раздавалось — танк притаился в ночи мрачной громадой.

— Есть кто живой? — крикнул сержант Перре.

Молчание.

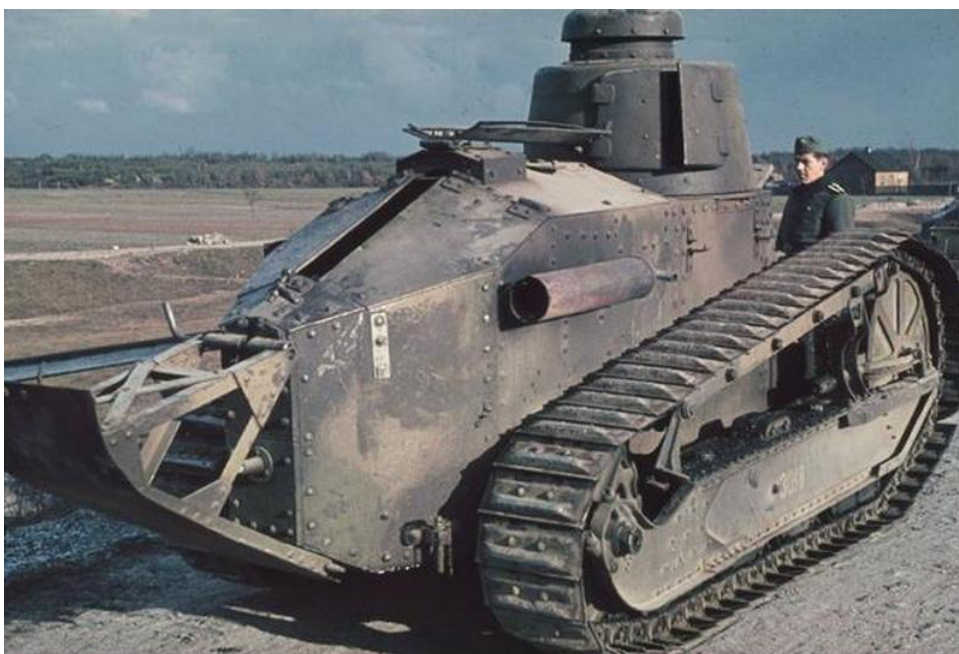
— Люк открыт! — сказал Перре. Он первым добрался до танка и залез внутрь.

— Что там? — нетерпеливо спросил Нуайе.

— Все мертвы, — после короткой паузы отозвался Перре. — Мне кажется, я узнаю лейтенанта Блонделя. Он так и умер, держа в руках рычаги управления.

...Когда было заключено перемирие, из четырехсот «Сен-Шамонов» в строю оставалось еще семьдесят два. Впоследствии пятьдесят из них были переделаны в транспортеры.

25. Крошка «Рено»

— Наступает решительный момент! — фельдмаршал Пауль фон Гинденбург с хрустом развернул карту и навис над нею. — Сейчас, когда революция вывела Россию из игры, мы получили возможность добыть, наконец, для Германии великую победу.

— Соотношение сил для нас благоприятно как никогда, — подхватил генерал-оберст Людендорф. — Перед нами только один главный фронт — Западный. Здесь и разыграется величайшая драма века. Нам предстоит страшная борьба, но она закончится победоносно.

Гинденбург слушал с нескрываемым восторгом. Это были именно те слова и произнесенные именно с тем накалом, которого он жаждал.

— Что дает нам право рассчитывать на эту победу? — произнес он и медленно опустил кулак на карту. — Надежда! Та надежда, с которой полководец ведет свою армию в огонь, зная, что она выдержит даже невозможное.

— С наступлением следует спешить, — предупредил Людендорф несколько более будничным тоном. — Из Америки во Францию прибывает подкрепление. Следует опередить Антанту.

Версаль, 30 января — 2 февраля 1918 года.

В старинном дворце проходило заседание высшего военного совета Антанты под председательством «тигра» Жоржа Клемансо — нового главы французского правительства.

Немцы определенно намеревались совершить прорыв. В этой ситуации французы больше интересовались обороной своей столицы, нежели помощью союзникам. Именно поэтому командующий британскими экспедиционными войсками генерал-фельдмаршал Дуглас Хейг потребовал назначить главнокомандующим такого французского генерала, который «будет сражаться».

А таковым, несомненно, являлся генерал Фердинанд Фош, воспитанный в тени наполеоновских знамен. Он был назначен председателем Военного комитета союзников. Клемансо поддерживал Фоша, и вместе эти два «тигра» готовили гибель надломленной войной Германии.

— Нам знакомы ваши теоретические труды по применению наполеоновской тактики в современных условиях, — произнес Клемансо. — Но...

Фердинанд Фош поднялся. Сухощавый, по-своему красивый, с чуть насмешливым взглядом и бойцовскими, хоть и седыми усами.

— Мы должны учитывать, — проговорил Фош, — в каких условиях приходится вести войну. Что мы имеем, господа? Скопление миллионов воюющих людей на сравнительно тесном пространстве. Нагромождение всевозможной военной техники. Такого не было ни в одной из последних больших европейских войн. В подобных условиях маневренные действия на Западном фронте после начала позиционной войны попросту невозможны.

— Предложения? — прищурился Клемансо.

Они как будто исполняли заранее отрепетированный дуэт. Собственно, так и было.

— Я пришел к выводу, что обстановка вынуждает нас оставаться в выжидательном положении. Необходим единый оборонительный план. Который — только при определенных условиях — может превратиться, целиком или частично, в наступательный. Гибкость, господа! Гибкость.

— Какова вероятность, что война закончится уже в нынешнем году? — спросил Хейг.

— По нашим расчетам — никакой, — ответил Фош. — Мы рассчитываем завершить ее безусловной победой над Германией в 1919 году.

— Кстати, о военной технике, — заговорил Клемансо...

3 июня 1918 года, местечко Виллер-Котре в 35 км от Парижа

— Ваше величество! — Людендорф положил на стол бумаги и выпрямился. Кайзер смотрел на него устало. — Армия сосредоточена и, будучи хорошо подготовлена, приступает к разрешению величайшей задачи в истории. Мы намерены закончить войну одним ударом. Французская столица скоро падет.

В это самое время на юго-восточной опушке большого леса вокруг Виллер-Котре — леса Рец, германское командование вводило в бой Двадцать восьмую резервную дивизию. Она являлась «ударной», была соответствующим образом снаряжена и в течение нескольких месяцев обучалась в тылу согласно разработанной Людердорфом инструкции о ведении наступления в условиях позиционной войны.

Французы отбивались, как дьяволы, и немцы несли большие потери. В воздухе постоянно находились самолеты, артиллерия не умолкала. А затем произошел перелом.

В половину седьмого утра из леса внезапно появилось пять французских танков.

Два из них практически сразу были остановлены минометным огнем, но остальные три упорно продолжили атаку.

Эти три танка прорвались в глубь немецких позиций. Они атаковали «просто так», без всякой поддержки, самостоятельно. Немецкая пехота окружила их, но маленькие бронированные машины продолжали упорно обороняться. Немцам пришлось бросить против них пехотный полк и целых два батальона дивизионного резерва.

Только объединенными усилиями им удалось вывести оба танка из строя и взять в плен их экипажи.

С момента первого появления танков на арене боевых действий прошло всего два года.

...— Если они настолько эффективны сейчас, — размышлял Людендорф, просматривая сводки, — то что будет потом, когда техника неизбежно усовершенствуется? Нам следует как можно скорее тщательно изучить это новое французское оружие.

Но Германия, как всегда, запаздывала. У нее всегда было несколько главных врагов: нехватка времени, нехватка ресурсов. И боевой дух не в состоянии был их заменить.

Декабрь 1915 года

Полковник Этьен устало смотрел на Луи Рено, известного конструктора и одновременно — владельца крупнейшей во Франции автомобилестроительной фирмы.

— Но почему вы отказываетесь? — настаивал Этьен. — Ведь то, что я предлагаю, — очевидно, если не сказать — закономерно.

— Послушайте, господин полковник, — ответил Рено, — между нами существует большая разница. Вы — «отец французского танка», у меня же нет никакого опыта в построении такого рода машин.

— Легкий танк — то, что сейчас необходимо стране, — стоял на своем Этьен. — Вы должны изменить решение.

Декабрь 1916 года, Париж

«Следует отдать ему должное, — думал Рено, наблюдая краем глаза за Этьеном. — Он ни словом не обмолвился о том споре, который случился у нас год назад. Всего год прошел! Что ж, во время войны это чертовски долго...»

Консультативный комитет по артиллерии полностью одобрил модель легкого танка — плод совместной работы Рено и Этьена.

— Какое оружие предполагается? — спросил председатель комиссии, любуясь моделью.

— Полагаем, восьмимиллиметровый пулемет Гочкиса, — ответил Рено.

— У меня дополнительное предложение, — добавил Этьен, — вооружить часть танков тридцатисемимиллиметровой пушкой.

Бумаги были подписаны, испытания пройдены. Началось производство.

Октябрь 1917 года, завод фирмы «Рено», Билланкур

— Мы не умеем творить чудеса! — Луи Рено мрачно смотрел на телефонный аппарат. Звонил председатель Консультативного комитета, но с намеком, что запрос исходит от самого Клемансо. — Если вам требуются чудеса, то вы обратились не по адресу.

— Вы должны были выпустить еще к сентябрю семьсот пятьдесят танков. Где они?

— Я с самого начала докладывал, что у меня не хватает брони. Броневые листы заказаны в Англии, туда и звоните!

— Имейте в виду, — услышал Рено в трубке, — ваши производственные проблемы должны быть решены как можно скорее. Потому что правительство предполагает увеличить заказ до трех с половиной тысяч машин.

— Когда? — уронил Рено.

— К весне восемнадцатого года.

Сказать о готовящемся наступлении прямо собеседник не мог, но Рено догадался.

— Буду привлекать к работе другие фирмы.

— Благодарю за понимание. И еще... — В энергичном разговоре вдруг возникла заминка, после чего председатель комиссии спросил: — Что означает аббревиатура «FT» в названии танка? Танк FT-17...

Обычно на этот вопрос отвечали — FT — от «faible tonnage» — легкий вес. Но многие знали, что это не так.

— Это наше обычное производственное обозначение, — ответил Рено. — Все транспортные средства фирмы «Рено» получают буквенные индексы: легковые машины — AG, артиллерийские тракторы — EG, грузовики — FV. Полное официальное название нового танка — «Char léger Renault FT modele 1917», сокращенно как раз выходит FT-17. Еще какие-то вопросы?

— Только один. Мне нужны гарантии, что поставки не будут сорваны.

— Идет война, а у меня завод, — сухо произнес Рено. — Поставки будут выполнены.

Завод «Рено» взял на себя заказ на 1850 танков, «Берлие» — на 800, «Шнейдер» — на 600 и «Делоне-Бельвиль» — на 280 танков.

...И все-таки слова остались словами. Фирма «Рено» смогла выпустить первые серийные машины только в сентябре 1917 года.

— Нам придется подключить зарубежных партнеров, — принял решение Рено. В правительстве поддержали.

Остальные французские фирмы задерживали выполнение заказа, и некоторые честно признались, что раньше середины восемнадцатого года танков не будет.

Сентябрь 1917 года, Нью-Йорк

— Какая красивая машина! — восхищались американцы.

Танк привезли из гавани и теперь он тщательно изучался специалистами. Оценить изящество танка «Рено» могли не только технари — это было под силу, в общем, любому, кто обладал хоть сколько-нибудь развитым воображением. Поэтому дочь главного инженера, мисс Ларссон, упростила «папочку» взять ее на завод и показать «французскую новинку».

— Милая, это ведь не новая модель шляпки, — предупредил отец.

— Папа, ты знаешь, как я обожаю машины! — стояла на своем современная американская дочь.

И отец сдался.

— Смотри, — он показал на замерший в полумраке цеха танк. — Ты чертовски права, дорогая: это изумительно в своей простоте. Корпус собирается на каркасе из уголков и фасонных деталей. Ходовая часть состоит из четырех тележек — одной с тремя и трех с двумя опорными катками малого диаметра на борт, которые собирались на продольной балке. Подвеска — блокированная, на листовых рессорах. Шесть поддерживающих катков объединяются в обойме, задний конец которой крепится на шарнире. Передний конец подрессоривается спиральной пружиной — это нужно для обеспечения постоянства натяжения гусеницы.

Мисс Ларссон хлопала ресницами. Но она действительно обожала автомобили. Мысль о «ночном тракторе» ее просто завораживала.

— Чтобы лучше проходить через рвы и окопы у танка съёмный «хвост» на оси, поворотом вокруг которой он закидывался на крышу моторного отделения. Во время марша на хвосте мог располагаться полезный груз или пара пехотинцев, — продолжал инженер.

— А здесь вход? — мисс Ларссон показала на трехстворчатый носовой люк.

— Именно. Но ты в танк не полезешь. В кормовой части башни имеется еще запасной. А вот тут помещается стрелок пушки или пулемета. — Инженер показал, где в башне, стоя или полусидя в брезентовой петле, должен находиться стрелок.

— Очень романтично! — одобрила современная американская дочь.

Сложности с производством американских танков FT-17 начались сразу — из-за необходимости перевода размеров из метрической системы в дюймовую, принятую в Североамериканских Штатах. Кроме того, производство двигателей «Рено» развернуть в САСШ не удалось, и на танки пришлось устанавливать американский мотор «Буда».

Поэтому во второй половине 1918 года американская армия получила более пятисот танков французского производства, которые использовала в боях осенью того же года.

...Перемирие 1918 года ругал не только Ленин. И не только кайзер. Имелись недовольные даже на американских заводах. Еще бы! Ведь из-за этого перемирия вместо запланированных нескольких тысяч выпустили менее тысячи танков!

* * *

Renault FT-17 оказался изумительно долгоживущей моделью танка — он участвовал в Первой и Второй мировых войнах и межвоенных конфликтах, стоял на вооружении более чем 30 государств, а последнее достоверно зафиксированное использование FT-17 в боевых условиях относится к 1964 году — во время военного переворота в Боливии, осуществленного генералом Рене Ортуньо. Всего было произведено более 3800 машин различных модификаций, не считая итальянских, американских и советских аналогов — Fiat3000, M1917 и «Русский Рено».

26. Сормовский «Рено»

30 апреля 1919 года, Москва

Ленин растроганно читал и перечитывал телеграмму: «Дорогой Учитель!..»

— И-зуми-тельно! — повторял Владимир Ильич. В его глазах подрагивали настоящие слезы. — Нет, ну каков у нас народ, а? Вот так взяли и прислали в подарок! Ай да Антанта! Удружила, удружила!

Он покачал головой и тихонько засмеялся.

Антанта действительно «удружила». 12 декабря 1918 года в Одессе высадились интервенты — французы и греки. Их поддерживала современнейшая техника, уже сказавшая свое громкое слово на фронтах Первой мировой: танки «Рено» FT-17, числом двадцать машин. Теперь можно было бороться с большевиками.

Но большевики сражались за свое, а интервенты — за чужое, и уже в марте девятнадцатого у станции Березовка — недалеко от Одессы, случился форменный позор: части Второй Украинской Советской армии вышибли с передовых позиций беяков, а с ними и греков с французами, и бежали те в полном беспорядке...

— Товарищ Арсеньев! — обратился к командиру красноармеец по фамилии Зерно. — Ну и драпал же интервент, доложу я тебе, глянь-ка: все бросил — паровозы вон, пулеметов хлопцы штук сто уж, наверное, насчитали... А там вон — танка системы Реналт!

Григорьев присвистнул. «Танка системы Реналт» была захвачена «хлопцами» не одна, а аж целых четыре.

— Что будем делать?

— А давай одну танку отправим прямо товарищу Ленину! — с замиранием сердца предложил красноармеец Зерно. — Пусть дорогой наш учитель вместе с нами порадуются да подумает, как из этой машины извлечь пользу для всего угнетенного человечества.

«Без оружия и без винтовок шел украинский пролетариат на усовершенствованные орудия современной техники, — выводил полковой писарь на листе чудом найденной почтовой бумаги, — но даже танки, эти современные чудовища, порожденные последней войной, не устояли перед Революцией...»

— Нет, ну каков народ! — повторил Ленин еще раз, складывая письмо и засовывая его в карман жилета. — Однако как же нам лучше применить столь неординарный подарок?

Танк прибыл в дар вождю мирового пролетариата на Первое мая. Шел дождь, весна ломилась во все двери. Танк пах железом, маслом, горючим. Это был запах будущего. Новой эпохи.

Красный авиатор Россинский был вызван к Ленину срочно, практически по тревоге.

— Сможете разобраться в этой оригинальной машине? — обратился к нему Ленин.

— Попробуем, Владимир Ильич! — ответил Россинский.

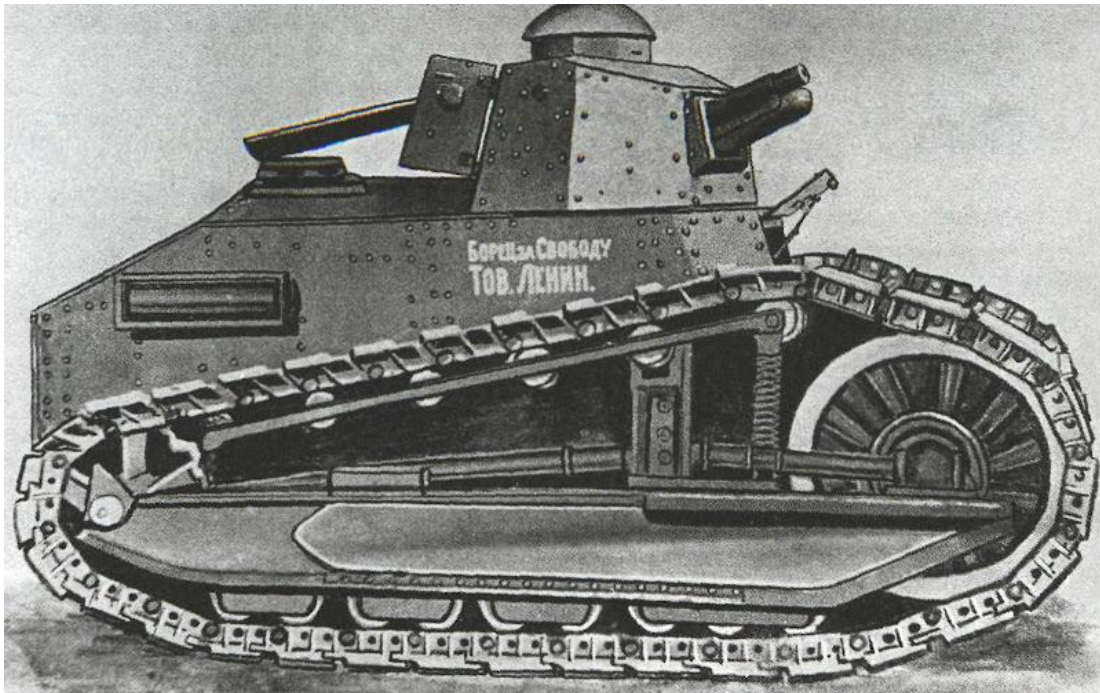
Ночь прошла для него беспокойно. Не мог же он подвести дорогого вождя! Вместе с двумя товарищами красный авиатор до утра разбирался с хитроумным устройством незнакомой боевой машины. А утром открывал на трофее украинских товарищей парад на Красной площади. Танк «Рено» с триумфом проехал по столице Советской России.

Ленин был в полном восторге. Когда парад закончился, он забросал водителя вопросами.

— Годное оружие, — одобрил Россинский.

— Как вы считаете, следует ли нам наладить производство собственных танков? Будет ли это эффективно? — напирал Ленин.

— Безусловно, Владимир Ильич!

22 августа 1919 года, завод «Красное Сормово»

Заседание Коллегии правления завода «Красное Сормово» проходило бурно. Только что прибыло постановление Совнаркома — преобразовать завод в специализированное предприятие, изготавливающее танки.

Сам танк — образец, который надлежало изучить и по возможности улучшить, — находился еще в Москве. Его разбирали на части, чтобы переправить в Сормово.

— Товарищи! — выступил председатель Коллегии. — Предлагаю изготовить первую рабоче-крестьянскую танку к лету двадцатого года! К исходу года предлагаю сдать полностью первые пять бронеединиц в составе одного пушечного и двух пулеметных танков каждая, товарищи! То есть всего — пятнадцать танков.

Приняли единогласно.

29 сентября 1919 года, Сормово

— Прибыла танка!

Вокруг трех вагонов, внутри которых находился разобранный «Рено», столпились рабочие. Всем не терпелось увидеть чудо техники.

Председатель комиссии, не глядя, расписался в получении: танк был принят «скопом», без проверки комплектности.

Уполномоченный отбыл.

15 октября 1919 года

Товарищи инженеры Калинин и Нефедов находились в состоянии, близком к панике.

Вот уже неделю разбирались они с горой железа, выгруженной из трех вагонов. Следовало понять, как из всего этого собрать дееспособный танк.

Как ни крути, не выходило.

— Картина такая, товарищи, — сказал наконец Нефедов, докладывая о результатах Коллегии. — Будь на нашем месте кто другой, англичане там или французы, — решили бы, что в конструкции дефект или в головах у них дефект. Мы же определенно можем заявить: многих деталей просто не хватает.

— Заменить можно? — был задан конкретный вопрос.

— Что-то можно: трубки, болты, опорные катки... Но есть и незаменимые. Пропавшая коробка передач, товарищи, создает нам трудности, прямо скажем, неопишуемые.

— Надо писать в Москву!

В Москву отправили телеграмму: «Где детали?» Ответ пришел через день и был по-русски исчерпывающим и лаконичным: «Украл в пути!»

Апрель 1920 года

Комиссар Центроброни, революционный матрос товарищ Гаукель положил руку на кобур у маузера. Заскрипела кожаная куртка.

— Так, товарищи, — зловещим голосом произнес он, — если решение не будет принято к утру, буду считать как саботаж и расстреляю к чертовой матери. А пока товарищ инженер Калинин посидит в кутузке. Там лучше думается.

Ответственный за «моторный агрегат» товарищ инженер Калинин бился над разрешением «белых пятен» в конструкции танка.

Некомплект деталей в моторно-трансмиссионной группе продолжал оставаться наиболее болезненным. Как оно вообще работает? Чертеж создавался за чертежом — их набралось уже штук сто, кое-что тут же воплощали в металле и корректировали «по месту», но результат не утешал.

Двое французских товарищей — Дем и Розье — с изумлением, переходящим в ужас, наблюдали за комиссаром. Оба они занимались автомобильным производством на «Рено» и сочувствовали советской власти.

Вместе с иностранными специалистами прибыли — по распоряжению Ленина — и два автомобиля системы «Рено». Для консультации, так сказать.

Товарищ Гаукель отнесся к французам с полным пониманием — как к представителям всемирной революции. Но когда сердился, то обзывал «антантой» и грозил шлепнуть.

— Нон Антанта, — устало и привычно повторял Розье. Он был инженером, на котором лежала основная ответственность, — «изготовление всех чертежей и данных для нового танка». — Соцьялист.

— Вишь, социалист он, — ворчал Гаукель.

«Камрад Гаукель ведь, как вы это говорите, невозможный тип, этот ваш комиссар! — говорили французы своим советским коллегам. — Это ведь ужасно!»

«Ужасно — не ужасно, но его маузер безотказно помогает нам с получением материалов, — отвечали русские инженеры. — А кроме того, не забывайте: это он выбил для нас дополнительные пайки...»

Декабрь 1920 года, завод «Красное Сормово»

— Ты мне маузером тут не маши, товарищ, — сказал мастер Ильин комиссару.

Гаукель раскалился от гнева.

— Саботаж? Сорвать строительство пролетарского танка хотите? К стенке поставлю!

— Не горячись, товарищ, сейчас разберемся...

Розье стоял в тени, стараясь держаться так, чтобы Гаукель его не видел. Комиссар был в ярости. Правда, до сих пор он никого не «шлепнул». Но общаться с ним бывало в такие минуты неприятно.

Другое дело, что и смежникам, которые то срывали сроки, то поставляли некомплект, приходилось иметь дело с разъяренным Гаукелем. И зачастую это приносило неплохие результаты.

Революция. Ничего не поделаешь.

Ижорский завод вместо раскroенных листов прислал прокат. Кроить и резать его приходилось уже на «Красном Сормове». Для обработки закаленных листов не хватало специального инструмента. Собственно, инструментом и занимался мастер Ильин.

Едва решилась одна проблема — надвинулась другая: не нашлось свободного смежника для работ над шестерней для КПП.

Гаукель как раз печатал одним пальцем приказ об аресте и немедленном расстреле за вредительство (он задумался — чью фамилию вписать), когда решение было найдено.

Инженер Калинин доложил об организации изготовления необходимых деталей в цеху «Красного Сормова».

Передышка.

— Ну, показывайте! — Гаукель вошел в цех, поправил маузер, привычно заложил руки за спину, выгнул грудь.

Результаты не утешали: собранные из местных деталей КПП работать нормально отказывались.

— Сейчас провернем, — пыхтя проговорил рабочий Артем Гуляев. — Сейчас, дорогой товарищ, мы их провернем...

И тут зубья начали ломаться.

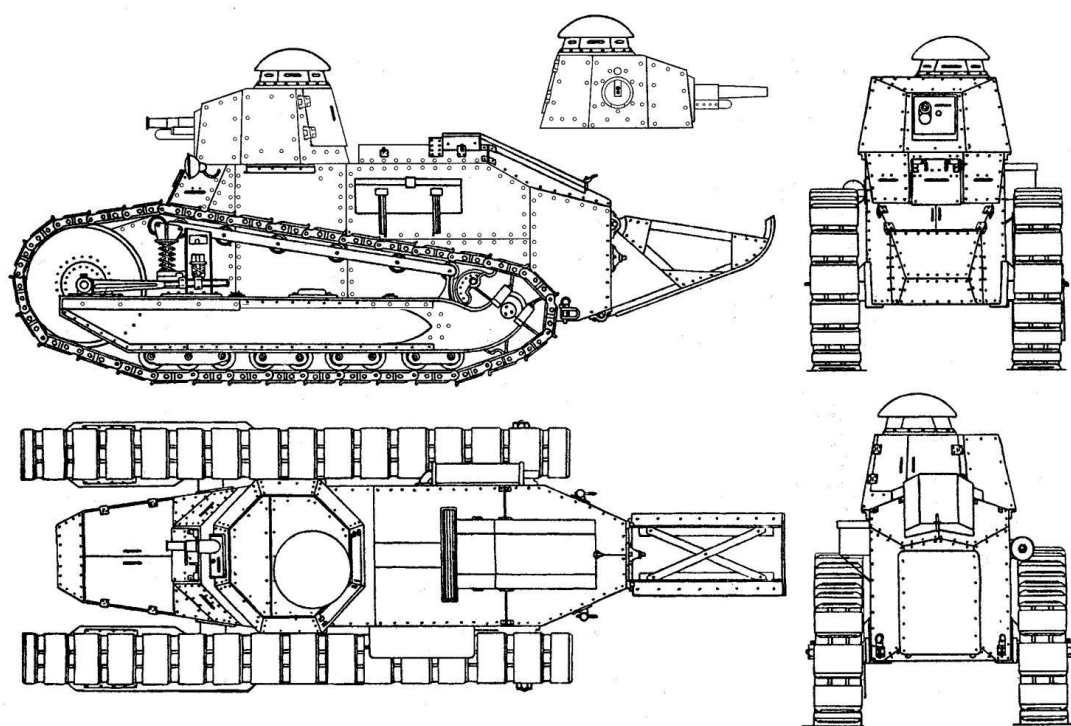
Гаукель заскрежетал зубами.

— Квалификации не хватает, — развел руками Калинин. — Раньше же никто эти шестерни не делал. А тут — сразу давай! Дело-то новое, неизведанное.

— Вся наша жизнь теперь новая и неизведанная, — сказал Гаукель. — Пролетарскую революцию тоже раньше никто не делал. А у нас — получилось.

— И с этой штукой получится, — заверил Калинин. — Будем припиливать шестерни друг к другу вручную.

Розье молча вытаращил глаза. Он был уверен, что русские сошли с ума.

Май 1920 года

— Ну вот, камрад Розье, ты еще сомневался! — Калинин сиял.

— Я удивлялся, — выговорил потрясенный Розье. — Это невероятно.

Новые КПП оказались даже менее шумными, чем аналогичные, на «родных» «Рено».

Работа наконец наладилась. В пушечном цехе шла сборка первых «красных» «Рено».

— Хорошо! Тепло! — говорили рабочие. — Теперь и руки слушаются.

Всю зиму в цехах почти не топили. Отчасти это тормозило работы. Даже Гаукель при всей его несокрушимой революционной мощи не сумел добиться, чтобы на заводе наладили отопление. Теперь же об этом позаботилась сама природа.

1 сентября 1920 года

Первый советский танк системы «Рено» «сошел со ступеней».

Ликуя, Гаукель отбил в Москву телеграмму:

«31 августа 1920 года было произведено испытание на ходу первого танка».

Правда, танк еще был безоружен. Но у него уже было собственное имя — «Борец за свободу тов. Ленин».

...В боевых действиях Гражданской войны русские «Рено» участия не принимали. В 1926 году некоторые из них подвергались ремонту за счет деталей, снятых с французских «Рено». Пятнадцать машин проходили службу в Московском и Ленинградском военных округах.

Весной 1930 года «Рено» — французские и русские — приказом РВС были выведены на склады. К 2012 году ни один из них не сохранился, но существуют две позднейшие копии — в музее бронетехники в Кубинке и перед проходной завода «Красное Сормово» в Нижнем Новгороде.

* * *

Известны личные имена танков «Русский «Рено» выпуска Сормовского завода. Вот они:

- Борец за свободу тов. Ленин
- Парижская Коммуна
- Карл Маркс
- Лев Троцкий
- Карл Либкнехт
- Красный Борец
- Красная Звезда
- Пролетарий
- Свободная Россия
- Черноморец
- Илья Муромец
- Буря
- Керчь
- Победа

В те годы танки сравнивали с кораблями, а танковые соединения даже называли флотилиями...

27. Чудо-тележка

Берлин, 28 августа 1916 года

Людендорф был разбужен телефонным звонком.

— Италия объявила Германии войну! — доложил бодрый голос дежурного офицера.

— Что за... — Людендорф проглотил первое слово, пришедшее ему на ум, и выразился более достойно (хотя и менее по-германски): — ...вероломство!

До сих пор итальянская политика вызывала у Германии удовлетворение. К которому примешивалась изрядная толика презрения.

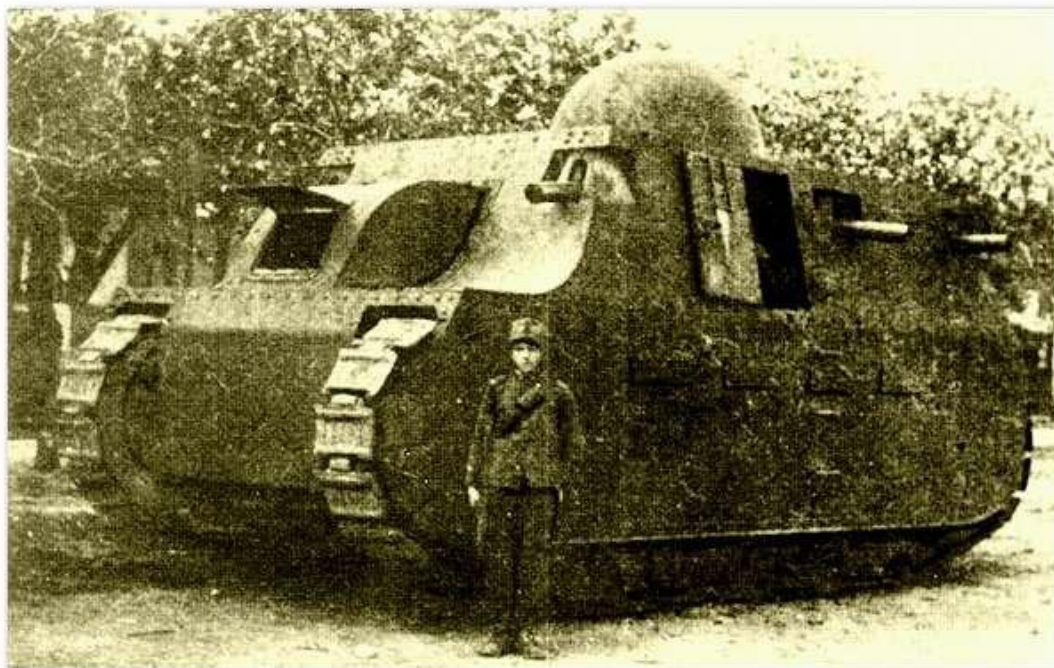
Нейтралитет. Недостойное, низкое слово. И при том за свой нейтралитет Италия упорно требовала от Австро-Венгрии всяких благ: передать ей Трентино, Истрию, предоставить автономию Триесту. Она хотела острова в Эгейском море, часть турецкой территории...

И вся эта корыстная возня проходила под девизом «Возрождение славы Древнего Рима»! Уму непостижимо. Если кто-то и возрождал древнюю славу, так это потомки тех, кто разрушил Рим и построил на его руинах новые империи. Германцы. И никто иной.

В мае 1915 года Италия, поразмыслив, вступила в войну на стороне Антанты. Ее интересовал только один противник — Австро-Венгрия. Эту войну в стране называли «Малой».

Людендорф усмехнулся. Разбить Австро-Венгрию Италии, разумеется, не удалось. Старая мечта итальянцев, ленивых и нищих южан, слишком изнеженных для того, чтобы быть настоящими солдатами.

Австро-венгерская армия прорвала итальянский фронт и вторглась на территорию королевства. Если бы не русские, которые как раз — весьма некстати — перешли в наступление в Галиции, Италию бы ничто не спасло.

А сейчас они поддались на требование Антанты сражаться против всех ее врагов, не только против своего личного противника.

Итальянцы посмели бросить вызов Германии.

— Они еще будут плакать, — сказал Людендорф, глядя в темноте на молчащий телефон.

В ночном мраке его слова прозвучали пророчески.

Начало 1917 года, Рим

Начальник генерального штаба Реджио Эсерците хмуро смотрел на военного министра Витторио Дзупелли.

— Мы не можем больше игнорировать то обстоятельство, что все европейские страны имеют у себя на вооружении этот новый вид бронированного автомобиля... если угодно, штурмовые вагоны... тележки... carri... Черт побери, Реджио, — министр заговорил более эмоционально, взмахнул рукой, словно отгоняя невидимую муху. — Эта штука настолько новая, что для нее даже не придумано нормального названия!

— Бронированные автомобили зарекомендовали себя неплохо, — отозвался Эсерците. — Не понимаю, почему мы должны слепо следовать примеру других.

Он прикусил язык, с которого едва не сорвался упрек: вступление в «Большую войну» оказалось для Италии весьма тяжелым испытанием. И, как и предвидел Эсерците, страна к нему оказалась не готова.

— Потому что, если вы еще этого не заметили, времена стремительно меняются. Мы не должны оставаться позади.

— Синьор Дзупелли. — не выдержал Эсерците, — я лишь хотел бы обратить ваше внимание на то обстоятельство, что Италия — в отличие от той же Германии или Франции, — страна бедная. Чем мы можем похвалиться? Козами да апельсинами! Наша промышленность просто не потянет такую вещь, как спешная разработка и строительство боевых тележек... повозок... как их назвать, черт бы их побрал! *Pogcomadonna!*

Министр Дзупелли встал, опираясь на стол кончиками пальцев.

— Синьор Эсерците, вы официально получаете поручение — снабдить нашу армию этими... как их... тележками. Бронированные

автомобили не годятся для пересеченной местности. Действуйте на свое усмотрение. Родина на вас рассчитывает.

Эсерците вернулся в свой кабинет и приказал подать граппы.

— Синьор, я не уверена, что... — робко сказала секретарша.

Начальник штаба смерил ее тяжелым взглядом и ничего не ответил. Она выбежала, стуча каблуками. Граппа, что удивительно, нашлась в рекордно короткий срок.

«Так будет и с боевыми тележками, — думал начальник штаба, допивая первый стакан. — Нужно только подобрать правильные слова. Или вообще обойтись без слов. Подобрать правильных людей. Этого довольно».

Весна 1917 года, Турин, завод «Фиат»

Синьор Джованни Аньелли рассматривал чертежи. Капитан Альфредо Бенницелли с нашивками артиллериста молча следил за лицом Аньелли.

Им было комфортно друг с другом, несмотря на существенную разницу в возрасте и положении. Аньелли — отставной офицер — руководил своим предприятием с армейской суровостью и нетерпимостью к любым нарушениям дисциплины.

— Любопытно, любопытно, — высказался наконец Аньелли. — Полагаю, сходные мысли нередко посещают неординарных людей в трудный для родины час.

Компания «Фиат» уже некоторое время работала над проектом отечественного танка. Аньелли понимал: рано или поздно военные потребуют от промышленности такую машину. Он хотел быть «во всеоружии» — как только от правительства придет запрос, представить проект мгновенно.

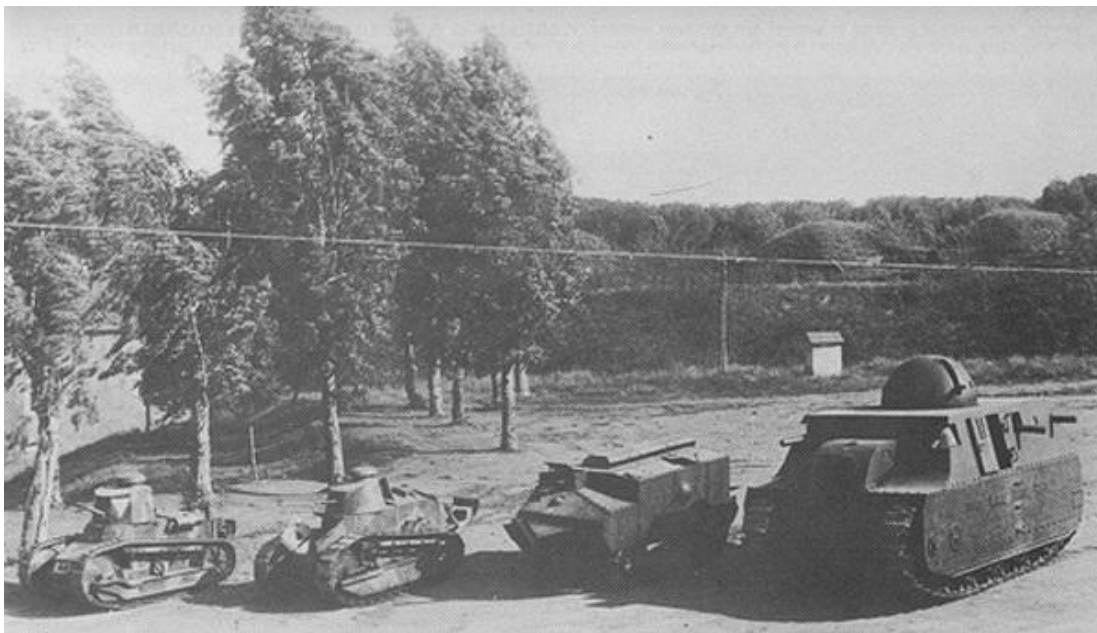
— По поручению его превосходительства военного министра, — объяснил Бенницелли, — я посетил Британию и Францию с целью ознакомления с их военной техникой. Французские показали мне более подходящими для наших условий, поэтому я рекомендую взять их за образец.

«Англичане — параноики, — подумал Аньелли, глядя на замкнутое, полное сурового достоинства лицо артиллериста. — Они наверняка и близко тебя не подпустили к своим заводам. А у французов тебе удалось проскочить. Вот и вся разгадка. Впрочем, мне все равно: в любом случае мы не первые, в любом случае нам потребуется образец».

Вслух же он произнес:

— Превосходно. Изложите, пожалуйста, подробнее ваши соображения.

— Мы считаем, что схема британских «ромбов» для штурмовой тележки нам не подходит. При хорошей проходимости уязвимость гусеничных цепей слишком велика. А между тем большинство повреждений приходится именно на ходовую часть. Французские танки тоже... гм... не слишком привлекательны. Но они лучше защищены. Нам предоставлена «штурмовая тележка» «Шнейдер». Образец должен прибыть в ближайшее время. Военный министр особо подчеркнул, что дает вам полный карт-бланш: национальная машина нужна как можно скорее, вот и все.

21 июня 1917 года, Турин

Члены военной комиссии с интересом ожидали начала испытаний.

Главный инженер завода «Фиат» представил доклад, который, однако, взял на себя Аньелли.

— Мы тщательно изучили всю информацию, предоставленную нам усилиями генерального штаба, — заверил Аньелли. — Вывод: ни британский, ни французский образец для нашей национальной штурмовой тележки в полной мере не подходят. Ни шасси «Шнейдера», предоставленного нам для изучения, ни компоновка корпуса, с нашей точки зрения, современным требованиям не соответствуют.

— Любопытно, однако, как ваши инженеры исправили ошибки зарубежных коллег, — заметил Дзупелли.

— Мы назвали его «Фиат-2000». Высокая ходовая часть обеспечит оптимальную проходимость, — начал объяснять Аньелли. — Также были приняты меры защиты от поражения пулями и мелкими осколками. Собственно говоря, мы постарались объединить в нашем образце лучшее из достижений обеих стран.

— Но мы не видим полноценной штурмовой тележки, — заметил артиллерийский капитан, присутствовавший при демонстрации.

— Эта модель предназначена исключительно для ходовых испытаний, — объяснил Аньелли. — От бронекорпуса присутствует только нижняя часть, без надстройки и вооружения. Нам важно увидеть, какова наша штурмовая тележка на ходу.

Детище итальянских инженеров успешно проехало по бездорожью, преодолело рвы и холмы и в целом всех удовлетворило.

— Что ж, — подытожил военный министр, — мы не ошиблись в выборе. Высокие ходовые качества избранной схемы ходовой части практически целиком и полностью подтвердились. Теперь вам нужно просто закончить работу.

Ноябрь 1918 года, Турин

— Чертовски жаль, что война закончилась, а мы так и не побывали в бою, — высказался командир специального подразделения штурмовых тележек Маджиоре Корсале. — Хотелось бы посмотреть, чего стоят наши малыши в сражении.

«Малышей» было изготовлено всего два. Кроме того, под началом Корсале состоял еще один «Шнейдер». Официально танковая группа находилась в подчинении автомобильного управления генерального штаба.

Штат состоял из двух офицеров и семнадцати добровольцев.

Фактически же танки числились придатком пехотного соединения...

1 апреля 1919 года, Рим

Король Виктор-Эммануил молча смотрел, как перед ним проходят войска.

Это был молчаливый сухощавый человек. Он редко высказывал какие-либо пожелания, редко во что-либо вмешивался. Он жил и освящал собой происходящее. С его точки зрения, этого было довольно. В свободное время он музицировал и коллекционировал монеты.

Но при виде двух гигантов «Фиат-2000» даже невозмутимый король восторгнулся.

— Национальные штурмовые тележки, ваше величество, — шепнул военный министр. — Универсальные, вездепроходящие. *Marcia carti*.

Король ничем не показал, что слышит, но министр знал: Виктор-Эммануил ловит каждое слово.

— Обратите внимание на мощь! Весит сорок две тонны, преодолевает ров шириной в три с половиной метра, стену высотой в метр, брод глубиной до метра — при наличии твердого дна. В состоянии проломить кирпичную стену в три метра толщиной. Пулеметы расположены так, что наш «малыш» в состоянии вести полноценный круговой обстрел.

— А как там, внутри? — чуть слышно спросил король.

— Внутри не очень, — признал министр. — Офицеры докладывают о высокой температуре, о скоплении пороховых газов. У пулеметчиков не слишком удобные места, огонь ведется практически с колена. Кроме того, машину сильно трясет. Ну и безопасность...

— Однако броня, как я вижу, надежна и крепка? — уточнил король.

— Это так, ваше величество, но — только один выход. Если машина каким-либо образом будет подбита или подожжена, из десяти членов экипажа спасутся далеко не все. У тех, кто находится в задней части штурмовой телеги, шансов вообще нет.

— Он такой огромный, — тихо сказал король. — Слишком хорошая мишень на поле боя, не находите?

— Это так, ваше величество. К счастью, бои уже закончены. Мы выбрали правильную сторону в этой войне. Италия оказалась среди победителей.

— Побежденная победительница, — вздохнул король. И снова повернулся к разворачивающемуся перед ним зрелищу военного парада.

Два первых национальных танка — «Фиат-2000». Они так и не прогремели на полях сражений Первой мировой. А жаль — потому что спроектированы и построены для своего времени были очень хорошо...

28. Старый вояка

7 августа 1915 года, Париж

Члены французской военной комиссии испытывали весьма необычное для столь солидных людей чувство: воодушевление.

Они обостренно понимали, что стоят на пороге принципиально нового, доселе еще не виданного. Конечно, человечество воюет с тех пор, как было изгнано из рая. Но сейчас начинается абсолютно другая эпоха военного дела. И они — в числе творцов этой эпохи.

Как только «молниеносная» война немцев против Франции завязла в окопах, началось царство колючей проволоки и пулемета.

Противостоять пулемету чертовски трудно. Возникла насущная необходимость в создании безопасного способа уничтожения колючей проволоки.

— Как мы видим, — доносился голос инженера Бретона, демонстрировавшего свое изобретение, — мой механизм представляет собой ряд заостренных зубьев, расположенных вертикально на цепи, протянутой через блоки. Приводится в действие отбором мощности у двигателя.

Демонстрация впечатляла. Бретон использовал пятитонный бензиновый колесный трактор «Баяк». Механизм был установлен, подобно плугу, в задней части трактора.

— Мы предполагаем, что трактор необходимо укрепить бронированными листами, — продолжал изобретатель. — Поэтому для демонстрации мы положили на него груз, соответствующий массе возможной бронировки.

Он подал знак водителю, скрытому в недрах «Баяка», и трактор двинулся по полю. Оставляя глубокие борозды, он достиг проволочного ограждения и за несколько минут, в дыму и страшно взрывая, уничтожил их.

Послышались аплодисменты. Бретон отирал пот со лба нечистым, когда-то белым платком.

Он верил в технический прогресс. Верил как инженер, как изобретатель. Но со времен «марнских такси» он поверил в прогресс почти религиозно.

Немцы уже почти прорвались к Парижу, когда к французам прибыло подкрепление. Солдаты успели потому, что их довезли парижские таксисты. Без автомобилей, способных развивать надлежащую скорость, — еще неизвестно, как сложилась бы судьба Франции в этой войне.

Бретон сложил платок и убрал его в карман.

20 сентября 1915 года

Трактор «Баяк» был лишь моделью. Комиссия желала увидеть резак в действии на реальном бронев автомобиле.

Бретону выделили бронев автомобиль «Рено» модели пятнадцатого года. И... разочарование: бронев автомобиль обладал слишком низкой проходимостью.

Бретон затребовал другой носитель. Ему предоставили американский полноприводный грузовик «Джеффри».

— Учтите, машина нужна фронту, — предупредили инженера. — Так что вы уж постарайтесь, чтобы ваша игра с автомобилями завершилась чем-нибудь полезным.

Бретон проглотил обиду.

Проходимость у «Джеффри» лучше, чем у «Баяка».

Но «Джеффри» застрял, не сумев преодолеть траншею. Бретон снова вытащил платок и обтер лицо. Капли пота стекали на глаза.

— Пришлите тягач, — усталым голосом сказал он в телефон.

Несколько часов ждали, пока придет трактор, затем еще несколько часов вытаскивали «Джеффри». Идея, еще недавно такая перспективная, показалась мертворожденной.

Бретон напрасно атаковал комиссию просьбами о предоставлении ему других машин.

— Звоните на фронт! — сказали ему в сердцах.

Инженер был в таком отчаянии, что позвонил одному из генералов. В штабе Бретона обругали с армейской простотой и фронтовой невзыскательностью к выражениям.

— Мы не намерены и дальше снабжать грузовиками какого-то сумасшедшего профессора!
— таков был общий смысл услышанного Бретоном. — Машины остро необходимы на фронте. Надеюсь, это вы в состоянии осознать.

И тогда Бретон обратился к полковнику Этьену, а тот подал идею — взять за основу гусеничный трактор.

— Гусеничный трактор? — недоверчиво переспросил Бретон. — Но ведь это... сельскохозяйственная...

— Тяжелая артиллерия требует мощных тягачей с повышенной — повышенной! — проходимостью, — напомнил Этьен. — Я считаю «Холт» наилучшим выбором.

Февраль 1916 года, концерт «Шнейдер ле Крезо»

Президент Республики положил телефонную трубку. Он был доволен услышанным.

Из Америки прибыли пятнадцать машин, заказанных концерном «Шнейдер» по требованию военных. Испытания начнутся немедленно. Трактора будут приспособлены под механизм Бретона.

Президент подавил желание лично позвонить Бретону и поздравить его с победой. Незачем. Инженер и без того слишком впечатлительный человек. Сообщить ему о предстоящей работе было поручено секретарю.

Бронированный трактор с конструкцией Бретона был представлен очередной военной комиссии, состоявшей на сей раз из артиллерийских офицеров.

— Малопригоден для действий на поле боя, — был неутешительный вывод. — Маневренность машины... гм... как бы это выразить более мягко... оставляет желать лучшего.

Бретон уже привык к разочарованиям. В своем рабочем кабинете он создавал все новые и новые проекты. Он повелевал бронированными автомобилями, смертоносными, способными пережевывать не только колючую проволоку, но и вражеские армии, — на бумаге. Тевтоны сотнями погибали под гусеницами, их сминала броня, расстреливали пулеметы.

Два пулемета Гочкиса появились на «бумажном» тракторе: один в лобовом листе корпуса, второй — во вращающейся башенке, расположенной на крыше.

Так был создан первый проект французского танка.

Он так и остался в чертежах.

А потом позвонил полковник Этьен. Снова.

— Как продвигаются дела? — осведомился он бодро.

Этьен размышлял о бронированной машине с самого начала войны. Цельная концепция сложилась в его голове к декабрю пятнадцатого года, когда он подробно изложил генералу для поручений Жанену все свои соображения касательно «сухопутного броненосца».

— Это будет совершенный убийца, — объяснил Этьен, выкладывая на стол перед министром докладную записку. — Масса — двенадцать тонн, длина — четыре метра, толщина брони — до двадцати миллиметров. Тридцатисемимиллиметровая пушка и два пулемета. Он будет развивать скорость до девяти километров в час и преодолевать ров шириной в два метра.

— На словах — просто изумительно, — признал Жанен. — Вы произвели расчеты?

Этьен кивнул.

— Я предполагаю также, что такие машины должны использоваться внезапно и в большом количестве, — продолжил он. — Новая техника, господин министр, диктует новую тактику! Атака должна начинаться на рассвете, под прикрытием темноты или тумана.

— Внезапно? — прищурился генерал.

— Да, и без артиллерийской подготовки, — сказал Этьен.

Это прозвучало практически как ересь. Жанен поднял бровь. Но полковник не смутился.

— Я предполагаю, что нам необходима одна машина на сто метров фронта. Задача броненосцев — захватить две первые линии окопов противника и обеспечить продвижение пехоты.

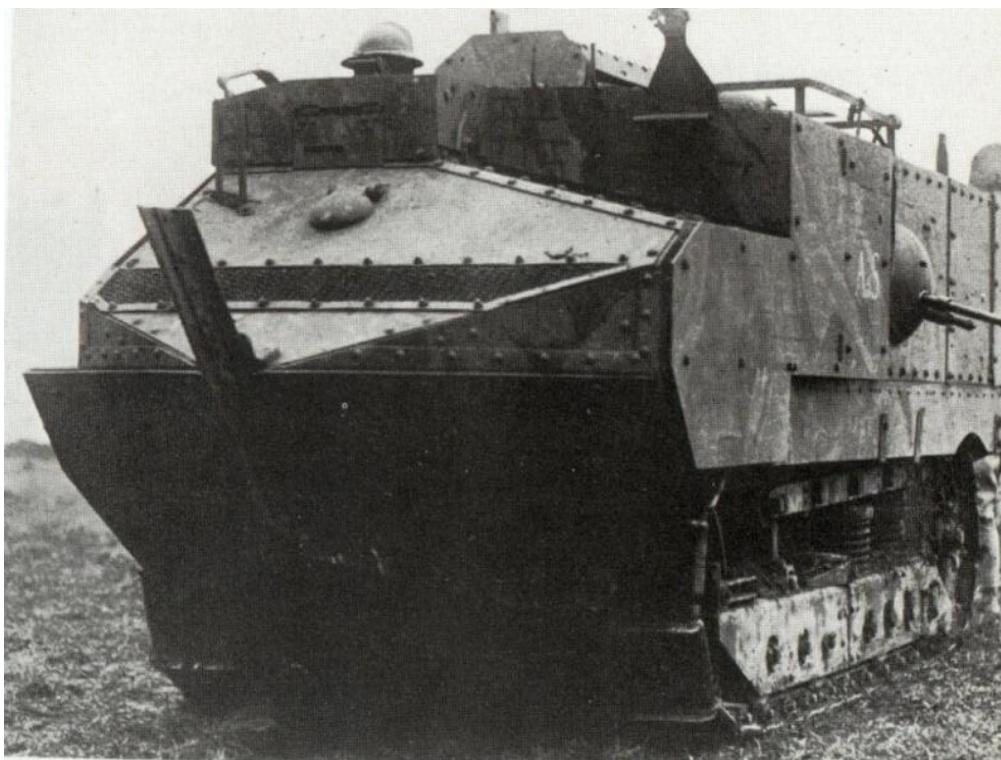
Генерал Жанен был впечатлен.

— Я доложу ваши соображения Генеральному штабу. Думаю, вы получите добро на постройку своего броненосца.

И вот полковник Этьен сообщает изобретателю резака об успехе.

— Главнокомандующий генерал Жоффр дал добро!

На заводе «Шнейдер ле Крез» их как будто уже ждали. Очевидно, там тоже понимали необходимость создания сухопутных броненосцев, штурмовых тракторов — как ни назови, тяжелых машин, способных преодолевать рвы, уничтожать колючую проволоку и сминать линии обороны противника.

21 февраля 1916 года, Венсенский лес

Главный конструктор фирмы «Шнейдер ле Крезе» Брилье наблюдал, как его детища — два опытных образца гусеничных бронированных тракторов — преодолевают полосы проволочных заграждений.

— Как слон ломится сквозь заросли папоротника, — с удовлетворением отметил Брилье.

Комиссия, присутствовавшая на испытаниях, была с ним целиком и полностью согласна.

— Одно требование, — остановил главного конструктора председатель комиссии. — Мы считаем, что вашу машину, помимо пулеметов, необходимо также вооружить семидесятипятимиллиметровым орудием.

8 сентября 1916 года

Первый экземпляр «Шнейдера» вышел из ворот концерна. Его называли СА.1 (char d'assaut-1) — «штурмовой трактор первой модели». В просторечии — «Шнейдер».

Он был невероятно красив — первобытной, смертоносной мощью. Конструкция носовой части представляла собой упрощенную идею резака колючей проволоки Бретона. В передней нависающей части корпуса вертикальные и нижние бронированные листы устанавливались с таким расчетом, чтобы препятствие — вывороченные колья и разрезанная проволока — подминались под гусеницы.

Гусеничная цепь состояла из тридцати четырех траков. Чтобы «трактор» мог одолевать широкие рвы, Брилье сконструировал «хвост», установленный в корме. В передней части корпуса располагался двигатель «Шнейдер» мощностью в сорок лошадиных сил.

Как и требовали военные, танк был вооружен пушкой. Фирма «Шнейдер» разработала ее специально для этой цели. А по бортам корпуса в полусферических бронированных

установках располагались два пулемета Гочкис. Угол наведения составлял около ста шестидесяти градусов.

Машину показали генералу Фердинанду Фошу. Старик был в восторге.

16 апреля 1917 года, местечко Бери-о-Бак

— Новое масштабное наступление приведет нас к верной победе! — заявил недавно назначенный на должность главнокомандующего генерал Нивель.

Немцы знали об этих планах и подготовили сильные укрепления.

Французы готовились применить танки.

Бригадный генерал (теперь уже генерал!) Этьен мечтал о том, чтобы его соотечественники были первыми, кто применят танки в бою. Увы, этой мечте сбыться не было суждено: только в наступлении апреля семнадцатого «Шнейдеры» оказались на передовой.

Двести восемь машин. Из них лишь сто тридцать две были готовы принять участие в битве.

— Майор Боссю! — обратился командующий к командиру группы танков. — Вы и майор Шобэ вводите в сражение. Вам поручено атаковать противника в направлении междуречья Ла Мьет и Лэн с целью прорыва второй линии немецкой обороны. Майор Шобэ, вы наступаете с запада от Ла Мьет в направлении Жюверкура.

Взревели моторы, танки двинулись. Они шли медленно. Продвижение затруднялось тем, что дорога оказалась забита обозами и пехотой.

Группа Шобэ, состоявшая из пятидесяти танков, остановилась перед рвом. Ширина препятствия оказалась непреодолимой — до пяти метров.

Группа Боссю дошла до реки Ла Мьет и задержалась там. Переправа была возможна лишь в одном месте — по мосту.

— Огонь!

Тяжелая немецкая артиллерия обстреляла французские танки, и несколько машин загорелись.

Боссю сам занимал место водителя в своем танке: командир вел машину. Согласно штатному расписанию, экипаж танка состоял из четырех человек — офицера, унтер-офицера и четырех солдат. Водитель, он же командир танка располагался между пушкой и двигателем. Его заместитель находился сзади него и являлся наводчиком орудия. Стрелок левого пулемета был еще и механиком, обслуживающим двигатель.

Хоть обзор и был затруднен, Боссю видел, как дымятся танки. Два... нет, три.

— Продолжаем движение!

Чтобы избежать дальнейших потерь от артобстрела противника, танки рассредоточились по полю боя. Они двигались медленно, неостановимо и около одиннадцати утра оказались у второй линии немецкой обороны.

— Проклятье! — Рвы оказались слишком широкими. — Выйти из машины!

Один стрелок остался возле пулемета, другой — возле пушки. Остальные с лопатами выскочили наружу. Необходимо было что-то делать с препятствиями. Пятиметровые рвы «Шнейдерам» не преодолеть.

— Огонь! Огонь!

Вспыхнул танк майора Боссю... Снаряд попал в топливный бак.

— Где пехота? — кричал рядом чей-то осипший голос.

Пехота была рассеяна непрерывным огнем противника. Оставшиеся «Шнейдеры» возобновили движение.

Еще четыре танка подбиты. Еще шесть охвачены огнем — один за другим.

— Скорей! — Из горящего танка выскакивают экипажи, падают на землю, бросаются в траншеи. Кругом взлетает земля, грохочут взрывы, все затягивает пороховым дымом. Танки — черные громадины, окутанные яростным пламенем, — громоздятся посреди изрытого поля.

Наконец приходит приказ отступить.

Потери огромны: из восьмидесяти двух «Шнейдеров» группы Боссю уничтожены сорок четыре. Группа Шобэ застряла у первой линии обороны и несла потери там — от обстрелов.

— И все же это удача, — подводил итоги генерал Нивель. — Да, господа, я считаю операцию удачной! Наши штурмовые трактора, машины поддержки пехоты, показали себя наилучшим образом.

— Операция провалилась, — подал голос Этьен. Он физически страдал за свои танки.

— Нет, господа, мы не можем этого утверждать! — самоуверенно возразил Нивель. — «Шнейдеры» продемонстрировали

противнику нашу мощь. Да, без сопровождения пехоты, — что было ошибкой; да, при крайне слабой поддержке артиллерии, — но все же они прорвали германские позиции на всю глубину. А там, где наступление происходило без танков, мы продвинулись только-только через передний край обороны немцев. Вопросы?

— Необходимо доработать танки, — сказал Этьен. — И мой вопрос: где и когда?

— Когда — немедленно, — отозвался Нивель. — Где? На ваше усмотрение.

— Полевые мастерские лагеря Шамплие, около Компьена, — тотчас сказал Этьен.

— Действуйте.

* * *

...В последний раз танки «Шнейдер» вступили в бой при обороне Мадрида от войск генерала Франко. Их было всего четыре. Старые вояки дали последний залп и ушли на покой.

Единственный сохранившийся экземпляр «Шнейдера» сейчас находится в музее бронетехники в Сомюре. Танк на ходу и участвует в показательных выступлениях.

29. Патриоты Испании: подвиг эвакуатора

15 октября 1936 года, Авила, 60 км. от Мадрида

Каудильо заложил руки за спину. Небольшого роста, с тщательно подстриженными усиками, он был похож на опереточного злодея и, разумеется, знал об этом.

— Я намерен взять Мадрид 7 ноября, — объявил Франко. — Хочу омрачить этот марксистский праздник.

Генеральное наступление франкистов на испанскую столицу началось. За несколько дней они продвинулись на тридцать километров. Республиканцы, гордые кастильцы, «не привыкшие зарываться в землю», погибали под огнем или бежали от итальянских танкеток «Ансальдо», напроочь забыв свою гордость.

«Ансальдо» поставил испанским мятежникам Бенито Муссолини. Верткие и быстрые, эти танкетки были рассчитаны на бои в горах и легко преодолевали склоны и спуски. При виде их у многих республиканцев развилась настоящая танкобоязнь.

Кроме того, Третий рейх прислал националистам бронетанковый корпус, укомплектованный Pz.1 (примерно полсотни машин) и наладил обучение испанских танкистов. Командовал германскими бронечастями в Испании полковник Вильгельм фон Тома. Сами танкисты — в отличие от пилотов Люфтваффе — в боях не участвовали. Они только передавали опыт.

Зато русские...

Да. Это была неприятная неожиданность. Ожидаемая, конечно же, но все-таки... неожиданность.

Русские отреагировали на события в Испании, скажем так, нервно.

Международный совет по невмешательству в испанские дела не мог существенно повлиять на правительства Гитлера и Муссолини, а равно и на руководство СССР. Поэтому Германия, Италия и Советский Союз — сначала тайно, а потом уже и в открытую — начали поддерживать противоборствующие стороны.

Ситуация под Мадридом менялась на глазах.

Новый 1937 год, Гвадаррама, к северу от Мадрида

Под вековыми деревьями старого парка укрылась от фашистских самолетов-разведчиков недавно прибывшая из Советского Союза танковая бригада. Стояла сквернейшая зимняя погода. «Как сражаться в таком тумане?» — думали танкисты.

— По машинам!..

Все лишние мысли отлетели. Комбат Михаил Петров повел свои «Т-26» в первый бой.

Лейтенант Георгий Склезнев помчался прямо на вражескую батарею, сбил ее, продвинулся дальше... И на резком развороте танк вдруг остановился: слетела гусеница.

По такой мишени и никудышный стрелок не промахнется. Сразу несколько «Т-26» понесли на выручку лейтенанту. Еще одна противотанковая пушка раздавлена гусеницами, ее расчет разбегается. В спешке, под обстрелом, ведется ремонт. Склезнев успевал и работу делать, и боевыми действиями взвода командовать, — все разом.

Обошлось... «На четверку сработали, новички», — подытожил комбат Петров. Как будто в шутку. Склезнев был мрачен: сам себе он поставил куда более низкую оценку.

А напрасно.

Десятитонные «Т-26» и пушечные советские бронемашины «БА-6» почти без потерь в два дня уничтожили более половины шедших к Мадриду первенцев нацистского танкостроения — пулеметные и тонкобронные шеститонные Pz.1 или в советской классификации «Т-1». Лучшие и самые свирепые войска националистов — марокканская конница — в отсутствие броневой и воздушной поддержки не проявила должного энтузиазма.

«Гуманное сражение» обнажило вопиющие недостатки «Т-1» — плохую обзорность и отсутствие рессор. Танковые экипажи не имели оптических приборов и страдали от жестокой тряски. Это мешало стрелять и ориентироваться на местности.

После тринадцати дней боев Франко отказался от плана немедленно овладеть Мадридом.

12 февраля 1937 года, район Махадаонды

— Товарищи, — обратился комбат Петров к своим танкистам, — мы получили приказ: выступить в район Махадаонды и выбить фашистов из их укрепленного рубежа. Необходимо произвести разведку боем, чтобы выявить противотанковую артиллерию перед вражеским передним краем. Пойдешь ты, Георгий, — он обратился к Склезневу. — Возьми Кудрявцева и Садчикова.

По глубокой ложине скрытно двинулись три танка. Но вот ложина закончилась, и машины по уже открытой местности помчались на полной скорости к линии укреплений фашистов.

Их появление оказалось для националистов полной неожиданностью. Заметались у своих орудий солдаты и офицеры. Прежде, чем расчеты заняли свои места, Георгий Склезнев подал команду:

— Огонь!

Три танка одновременно обрушили на сторонников Франко снаряды и пули. Лишь через несколько минут фашисты ответили огнем. Тогда стало очевидно: противник прочно сидит в обороне.

Задача выполнена. Лейтенант приказал отходить. Отстреливаясь, танки стали разворачиваться. И в этот самый момент в бензобак машины Склезнева попал снаряд. Тотчас пламя и черный дым взвились над танком.

Из пылающего танка выскочил экипаж. Склезнев взобрался на броню машины Садчикова, его механик-водитель Костя Черненко и башенный стрелок Косогов оседлали танк Кудрявцева. Ведя непрерывный огонь, уцелевшие «Т-26» возвращаются в расположение батальона.

Склезнев был мрачнее тучи.

— Разрешите закурить, товарищ комбат!

— Разрешаю. — Петров протянул ему папиросы из «ворошиловской посылки», московские.

Склезнев глубоко затаился, докладывая обстановку. Видно было, что мысли его витают в другом месте.

Каждый танк на счету. Неоткуда взять замену сгоревшему. Всю технику возят морем, контрабандой под носом у проклятущего «комитета невмешательства». И даже если танк совсем вышел из строя и не подлежит ремонту — там могут найтись исправные детали. Умельцы сумеют собрать один годный танк из двух-трех погибших.

Да, обидно.

Закончив доклад о результатах разведки, Георгий откозырял по всей форме... и вдруг исчез.

Вечерело.

— Эй, ребята, что там происходит?

Танкисты побросали свои дела, вскочили, бросились смотреть, похватали бинокли. В той стороне, где оставался брошенный танк Склезнева, вдруг стали рваться вражеские снаряды.

— С чего это такой салют в нашу честь?

— Ребята! А дым-то приближается! — закричал Костя Черненко. — Что за чудеса?

Скоро «чудо» разъяснилось: отчаянно дымящий танк показался перед советскими воинами. Закопченный, кашляющий Георгий выскочил из машины.

— Ну ты даешь! — встретил его Садчиков, хлопая друга по спине. — Ненормальный ты все-таки. Как тебе удалось?

— Да подумалось тут, — словно оправдываясь, заговорил Склезнев, — если боекомплект не рванул сразу, то куда огонь доберется до горючего, вполне можно успеть вывести. Ну вот и я... ползком да перебежками... — Он махнул рукой. — Забрался внутрь, опробовал мотор — действует. Под самым носом у фашиста и увел!

Кругом смеялись, сбивали пламя с машины песком, принесли Георгию воды — попить и умыться.

Весна 1937 года

— Товарищи, помните, — говорил комиссар Зуев, — мы здесь в буквальном смысле слова сидим на голодном пайке. От работы ремонтников и эвакуаторов зависит очень многое.

Завод по ремонту танковой техники базировался в Алькаладе-Энарес, недалеко от Мадрида. Туда доставлялись искалеченные машины, там, не покладая рук, трудились усталые люди.

Лейтенант Склезнев по своей инициативе сделал то, чем каждую ночь после боя занимались эвакуаторы — специально подготовленные бойцы.

Увести танк с ничейной земли, где франкисты простреливают каждую пядь, где местность постоянно освещается ракетами, — трудно и опасно. Но необходимо.

И нередко так случалось, что прямо на глазах у противника мертвый «Т-26» оживал и начинал движение. Несмотря на яростный обстрел, танк уползал восвояси.

За эвакуаторами охотились снайперы, на них устраивали засады, их пытались захватить в плен. Но каждый раз они ухитрялись эвакуировать подбитый танк или снять с него все, что могло еще пригодиться.

...Младший командир Жаров смотрел на подбитый «Т-26». Экипаж танка погиб, а обгоревшая машина стояла посреди изрытого воронками поля.

Наступила ночь. Продолжалась обычная для этого времени суток ленивая перестрелка. Вспыхивала осветительная ракета и тут же гасла. Пока она горела, огонь с обеих сторон усиливался.

Медленно, прижимаясь к земле, к танку ползли шестеро: лейтенант Глухов, за ним — Жаров, дальше — остальные, шагах в десять один от другого.

Вот и танк. Как врач больного, Глухов прощупал ходовую часть. Отбуксировать машину возможно — вынес он вердикт.

По броне щелкнула пуля. Глухов открыл люк, влез в танк. Жаров с пистолетом и гранатой остался снаружи.

— Как бы фашисты не вздумали нас тут захватить, — прошептал он.

— Ты не очень тут гранатами размахивай, — предупредил Глухов.

Жаров ему нравился, но слишком уж задирист. То и дело приходилось одергивать.

— Давай, надевай буксирную цепь, — приказал Глухов.

Жаров вскочил.

— С ума сошел! — прикрикнул Глухов. — Лежать! Увидят, услышат — подстрелят как куропатку.

— Пуля еще не отлита, которой...

— Хватит болтать, работай, — оборвал Глухов.

— Темно, товарищ лейтенант! Хоть глаз коли!

— Я кому сказал!.. Не вставай. Работай лежа.

К рассвету нового дня подбитый «Т-26» был с помощью буксирной цепи, прикрепленной к тросу, связан с буксировочным танком, стоявшим за холмом.

— Все, возвращаемся. Рассвет, — сказал Глухов. — Заберем танк завтра.

Следующая ночь оказалась для Жарова беспокойной. Глухова отозвали в штаб, Жарову было поручено завершить операцию.

Младший командир пополз к танку. Вслед за ним тянулся привязанный к ноге шпагат — для связи со своими.

Вот шпагат трижды дернулся: значит, Жаров добрался до танка — все спокойно. Можно тянуть.

Заурчал двигатель буксировщика, дрогнула и натянулась цепь. Где-то во мгле покачнулся и сошел с места подбитый танк. Жаров подавал команды, дергая канат: так держать! Быстрее! Тише! Вперед! Стоп!

Он продвигался в темноте рядом с танком и постоянно корректировал движение.

Вот уже показался на склоне силуэт обгоревшего «Т-26». А противник уже заметил исчезновение танка и поднял стрельбу. Но где же младший командир? Может, в воронке пережидает...

Через час бойцы отправились на выручку и поползли вдоль шпагата.

Метрах в восьмидесяти от места, где прежде стоял танк, нашли убитого Жарова. Судя по следам — надоело младшему командиру ползти, он встал и пошел рядом с машиной. И был сражен франкистской пулей...

30. Последний бой «Рено»

Декабрь 1919 года, Париж — Тонкин

Лейтенант Жан Буатель не знал, радоваться ему или пугаться, когда узнал о предстоящей перемене: его взвод, которым командовал капитан Кувервилль, отправляли в далекий Индокитай.

— Да ладно тебе, Буатель! — товарищи хлопали его по плечу, кто покровительственно, как неудачника, кто и не без зависти: ведь в колониях могут открываться возможности, какие во Франции и представить невозможно. — С тобой ведь твой верный «Рено»!

Пять французских танков «Рено FT-17» прибыли в Тонкин для проведения испытаний в декабре девятнадцатого года.

Молодых французов поразил Индокитай — зеленый, влажный, населенный маленькими, обманчиво хрупкими людьми.

Впрочем, большую часть времени французы проводили в своих кварталах, в казармах, подле танков.

«Рено FT-17» был признан наиболее подходящим для того, чтобы нести службу в колонии. В первую очередь учитывался его малый вес.

— Командование предполагает, что мы в состоянии на этом танке пройти даже местные мосты! — высказался капитан Кувервилль, критическим взором созерцая раскачивающееся над гремячей речкой сооружение удерживаемое над потоком канатами.

— Что ж, у начальства в метрополии всегда было завышенное представление о возможностях колониальных войск.

— Но ведь столкновения с танками противника, вроде бы, не предполагается? — заметил Жан Буатель. — Насколько нам известно, у потенциального противника никаких танков нет вообще!

— Следовательно, и наши «Рено» — не более, чем оружие устрашения, — заключил Кувервилль. — Однако расслабляться не следует. Танки надлежит сохранять в боевой готовности. Если не война, то уж начальство точно может нагрянуть в любой момент.

Январь 1920 года, Ханой

— Принимаем подкрепление! — с такими словами разбудил Буателя его приятель лейтенант Лекошер. — Я только что от капитана.

— Какое подкрепление? — Спросонок Буатель ничего не понимал. — Против кого?

— Да не против! — рассмеялся Лекошер. — Из Владивостока прибыло еще несколько наших танков. Эвакуировали из России при прямой угрозе победы большевиков. Прямо к нам.

Лейтенант Баррьери, командир нового танкового взвода, внимательно слушал объяснения капитана Кувервилля. Тот рассказывал об особенностях эксплуатации «Рено» в Индокитае.

— Главное — нам пришлось произвести некоторые модификации танка, — говорил капитан. — Я вам покажу. Мы заменили деревянное направляющее колесо стальным. Климат здесь... плохо сказывается на древесине. Вы потом поймете.

— Хорошо, что танки такие легкие, — сказал Баррьери. — Нам удалось переправить их морем. Остальные застряли и достались Советам.

Кувервилль поморщился:

— Да, это нехорошо...

Французский Индокитай был разделен на несколько частей. Тонкин со столицей Ханой, Аннам со столицей Хюэ и Кохинхина со столицей Сайгон. В Ханое и Сайгоне имела французская администрация, в Хюэ находился «император» Дао Бай, обладавший династическим мечом, династической печатью, некоторой харизмой... и фактически больше — ничем.

Отныне один танковый взвод находился в Ханое, а второй, под командованием лейтенанта Баррьери, — в Сайгоне. Порядок охранялся неукоснительно, время шло, колонии благоденствовали. Во всяком случае, так считалось в Париже.

Апрель 1927 года, Шанхай

— Нам трудно понять местное население, — говорил капитан Кувервилль за бокалом вина, присланного из Франции. — Меньше всего я понимаю, для чего им нужна эта их так называемая независимость. Некоторые маленькие народы просто не в состоянии самостоятельно решать свою судьбу. Но кто-то мутит воду, а хуже всего — сотрудничает не только с Советами, но и со смутьянами во Франции. Недавно прошли слухи о том, что кое-кто из них состоит во Французской коммунистической партии...

— Это логично, — брякнул Буатель.

На него устремились все взгляды.

— Простите, лейтенант, что вы имеете в виду? — осведомился Кувервилль.

— То, что они состоят именно во Французской компартии, — объяснил Буатель. — Они ведь считают себя подданными Франции.

«Вывернулся», — прошептал Баррьери на ухо Кувервиллю.

Кувервилль уезжал в Париж. Он выходил в отставку. Происходили кадровые подвижки: Буатель занимал место командира взвода и переходил в Сайгон, а Баррьери со своими танками направлялся в Шанхай — охранять тамошнюю французскую миссию. Как и было сказано, кое-то активно мутит воду в Индокитае.

14 июля 1936 года, Сайгон

«Правду говорил Кувервилль — не война, так начальство», — думал капитан Буатель. Виски его поседели, сам он отяжелел, приобрел типичные повадки старого колониального офицера.

Временами он мечтал об отставке, о домике под Парижем...

В эти приятные мысли вторглась такая неприятность, как генеральный инспектор колониальных войск — генерал Биллоте. Решено было совместить приятное с полезным (как выразился Биллоте) — устроить смотр танкам «Рено» на параде в честь дня взятия Бастилии.

Биллоте только что прибыл из Тонкина. Те два «Рено», что еще оставались в Ханое, были признаны металлоломом и списаны. Теперь наступала очередь танков Буателя.

Капитан Буатель не обольщался: слишком давно он не проверял готовность своих машин. Зачем? Нет никакой надобности в этой бессмысленной работе. У двух, это он знал, исправны пушки. В случае народных волнений можно будет воспользоваться старой тактикой Бонапарта и открыть огонь по толпе. А пока...

Он вздохнул, закурил сигару. День взятия Бастилии! Революционный праздник — в стране, где малейший намек на революцию жестоко подавляется. Какая ирония...

Очевидно, танки «Рено» держались того же мнения, что и их старый командир. Во время торжественного парада они еле ползли по площади. У генерала Биллоте яростно дрожала рука, которой он упорно продолжал отдавать честь.

После парада генерал учинил настоящий разгром. Буатель слушал начальственные крики и думал о чем-то своем...

Конец 1939 года, Сайгон

До колоний медленно доходят приказы из метрополии. А исполняются — и того дольше.

После генерального смотра прошло почти три года прежде, чем были приняты какие-то меры относительно танков «Рено».

Всего по Индокитаю их набралось двадцать — более-менее исправных. Преимущественно исправными на них оставались пушки. С

ходовой частью просто беда... Да кому она, в сущности, нужна — по большинству здешних дорог и особенно мостов такие танки не проедут.

— Вам придаются бронеавтомобили, — сообщил штабной офицер, протягивая Буателю бумаги. — А также моторизированный пехотный взвод.

Буатель просмотрел бумаги. Это уже кое-что.

— Да, и еще один приказ, пришел только вчера, — спохватился штабной (на него тоже расслабляющее действовал воздух колонии). — Это касается вспомогательного крейсера «Арамис».

— Крейсер? — Буатель моргнул. — В штабе ничего не перепутали? До сих пор мне казалось, что мы находимся на суше. Впрочем, я ведь могу и ошибаться

— Отнюдь нет! — Штабной чуть улыбнулся. — Вспомогательный крейсер «Арамис» возвращается к гражданской службе. Соответственно, он должен быть разоружен. С него снимается броня. Эта броня направляется в Сайгон для дополнительного укрепления танков «Рено FT-17». К работам приказано приступить сразу же по прибытии материалов.

9 декабря 1941 года, Сайгон

В офицерском клубе было шумно. Говорили не стесняясь, высказывались откровенно.

Молодых офицеров не смущало даже присутствие старого капитана Буателя.

— Фактически мы предоставили японским военным право оккупировать Индокитай! — горячился молоденький лейтенантик.

— А что нам оставалось? — резонно возражал офицер постарше. — Не забывайте, мы ведь проиграли войну немцам — там, в Европе. Следовательно, наши позиции здесь сделались весьма шаткими. Японцы в любом случае протянули бы свои жадные лапы к Индокитаю. Лучше уж заключить с ними сделку.

— Если вспомнить, что мы продали им «Рено» еще в двадцать седьмом, — вздохнул Буатель. О чем бы ни шла речь, его мысли возвращались к любимому танку. — Они называли его «Оцу», модернизировали. Вообще, насколько я помню, тот тип «Рено», что заполучили японцы, отличался от базового варианта — главным образом более мощным двигателем. Он и более маневренный, чем наш. Японцы потом поставили на него еще более мощный дизель и оснастили пушкой в 57 миллиметров... «Оцу» неплохо себя показали в Манчжурии в начале тридцатых...

— Ну, завел старик шарманку, — прошептал один из новичков.

— Он обожает свой танк, — пояснил более опытный служака. — Эта ржавая драндулетина, по его словам, еще покажет себя в бою.

— Да какой может быть бой, если мы сдались союзнику Германии и превратили нашу колонию в военный плацдарм и сырьевой придаток Японии! — горячился молодой офицер.

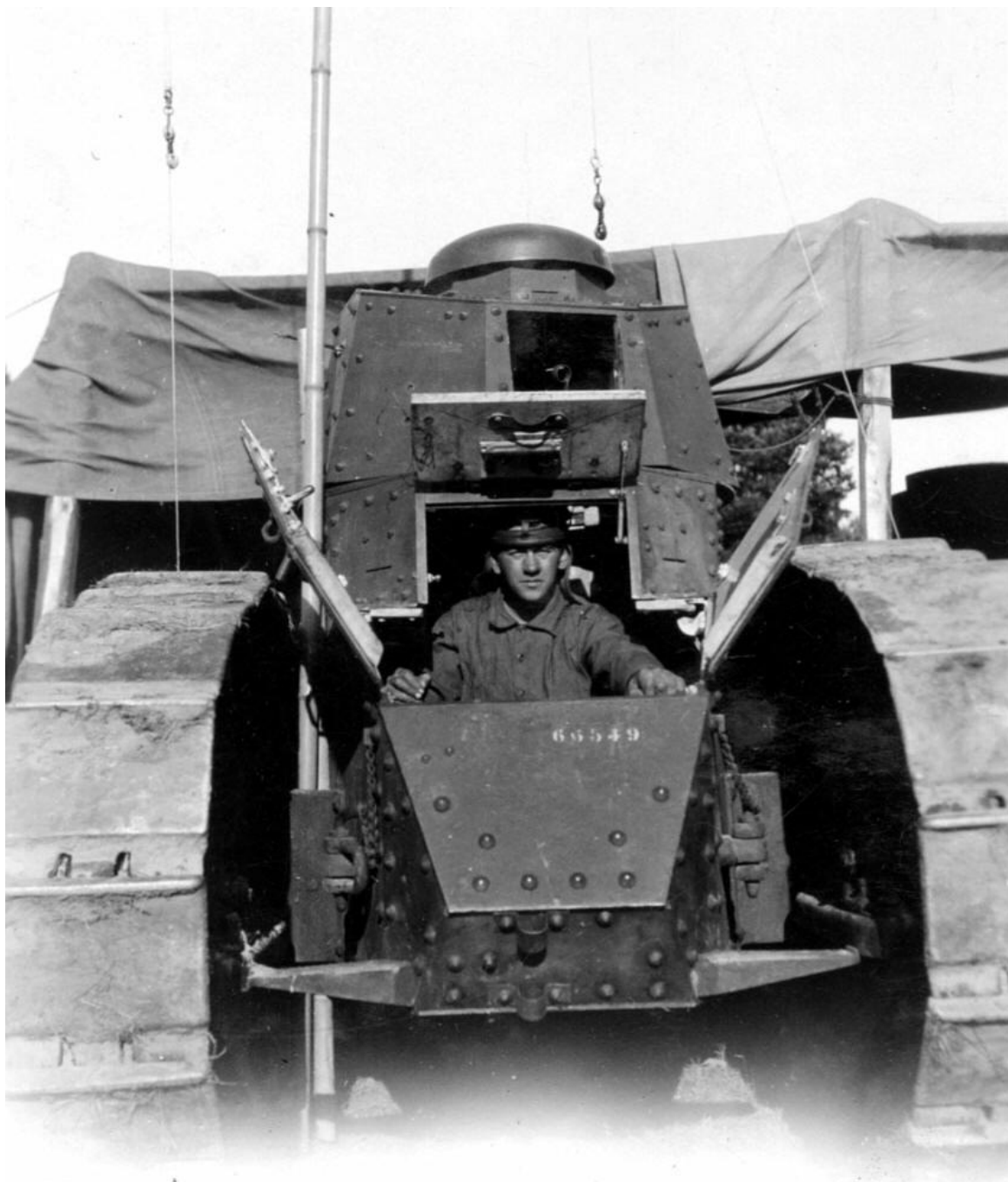
— Тише, господа, — подал голос Буатель. — Так было нужно. А рассуждать — не наше дело.

9 марта 1945 года, Сайгон

— Вы арестованы.

С Буателя сорвали одеяло. Он протер глаза. В комнате стояли двое японских солдат, прямо перед ним находился какой-то японский нижний чин.

— Что происходит?

— О, ничего особенного, — тонко улыбнулся нижний чин. Он сносно говорил по-французски. — Нам стало известно, что де Голль завоевал независимость своей родины, но отнюдь не намерен давать независимость Индокитаю. Напротив, он готов послать сюда вооруженные силы, чтобы обеспечить французское военное присутствие здесь. Нас это не устраивает. Нам нужны войска Франции во Вьетнаме. Могу вас утешить, господин Буатель, — прибавил он, — в эту самую минуту аресты производятся одновременно по всем французским гарнизонам. Поторопитесь, потому что скоро мы все здесь подождем.

— А что будет с моими офицерами?

— Всех интернируют, — сообщил японец. — Кроме особо злостных. Тех расстреляют.

Буатель не стал спрашивать о собственной судьбе. Его больше интересовала грядущая судьба его танков.

20 декабря 1946 года, Шанхай

— Мсье, газету?

Буатель находился в Шанхае. После нескольких месяцев в японской тюрьме, о которых лучше не вспоминать, он все-таки вырвался — помогли старые дипломатические связи и, как ни странно, сентиментальные воспоминания генерала Биллоте, имевшего полезные знакомства.

В Шанхае Буатель залечивал физические и душевные раны.

— Газета? Гм. Вряд ли она поможет обрести истинно дзенское спокойствие, — пробурчал Буатель, всовывая в смуглую руку газетчика монетку. Он с хрустом развернул лист и...

Да. Лучше было и впрямь этого не читать.

Французы, естественно, без боя не сдались. После акции японцев в события неожиданно вмешалась третья сила — местное население. Националисты Вьетнама подняли мятеж. И, как ни странно, побеждали, медленно, но уверенно.

Руководил ими тот самый член Французской компартии, теперь он носил китайское имя Хо Ши Мин. Как его звали на самом деле — Буатель не знал. Да и не интересовался.

Французское командование пыталось установить контроль над Ханоем. Мятежники-вьетнамцы засели во дворце Бакбофу. Начался штурм.

В действие были введены танки и бронемашины — старый взвод Буателя! Снаряды «Рено» разрушили ограду дворца. Солдаты моторизированной пехоты бросились на штурм.

Потери были огромны: более сотни убитых французов. Сколько при этом погибло вьетнамцев — никто не считал. Автор заметки писал — «все защитники дворца». Без числа.

Буатель смял газету.

Он чувствовал странное, необъяснимое волнение. Его танки! Столько лет ржавели они в этом невыносимом климате, столько лет безмолвно грозили своими пушками возможным нарушителям спокойствия. И вот наконец настал их час. Построенные еще в годы Первой мировой войны, простоявшие без дела всю Вторую мировую — они наконец-то открыли огонь.

Это был последний бой «Рено FT-17» принадлежащих Французской республике.

Весна 1955 года, Париж

Жан Буатель сидел за столиком парижского кафе. Цвели каштаны. Он пил кофе. Мир за окном казался ему нарисованным на картинке.

За соседним столиком он увидел человека, в котором безошибочно признал кохинхинца. Хотя тот был в безупречно пошитом костюме, холеный, ухоженный — уже не молодой, полный чувства собственного достоинства, что свойственно лишь очень образованным людям.

— Разрешите? — Повинуясь инстинкту, Буатель пересел за столик вьетnamца.

— С кем имею удовольствие разделить это прекрасное утро? — спросил вьетnameц.

— Меня зовут капитан Жан Буатель, я много лет командовал танками, размещенными в Сайгоне, — представился старый вояка.

— Дао Бай, — слегка прикрыл веки вьетnameц. Это заменило у него вежливый поклон. — Последний император, отрекшийся, как вам известно, от власти и низложенный референдумом.

— О! — вырвалось у Буателя. — Ваше велич... Господин Дао Бай! Вы так и будете жить в Париже как частное лицо?

Дао Бай отчетливо произнес:

— Я предпочитаю быть простым гражданином свободной страны, нежели править как император страной поработенной.

Не допив кофе, Буатель распрощался со своим знатным собеседником и вышел.

Был Париж, была весна, цвели каштаны...

31. Патриоты Испании: танковая школа в бою

Начало октября 1936 года, окрестности Картахены

В порту разгружали оружие для Республики: полсотни танков «Т-26», запасные части и боеприпасы, горючее, автомобили «ЗИС-5». За работой следили командиры отряда — полковник Кривошеин и его заместитель, капитан Поль Арман.

Работы шли быстро, и скоро уже танки и автомобили мчались по кремнистой дороге на базу — в небольшой городок Арчена.

— Что же это, мы сюда воевать прибыли, а нас в школу отправляют? — сердился танкист Анатолий Новак.

Этот молодой офицер выглядел «настоящим киноартистом» — выющиеся белокурые волосы, модная внешность героического красавца. Поэтому часто хмурился, рвался в бой: «доказать».

— Все-таки не учениками, а преподавателями, — попытался утихомирить его Арман.

И уже куда более сурово прибавил:

— Мы должны делать то, что нужно для победы. Испанской республике не победить без собственных кадров танкистов!

Декабрь 1936 года, Арчена

— Слушай, Новак, — обратился к лейтенанту его товарищ, Петр Сухов. — Ты не замечал за нашим начальником кое-каких странностей?

— За Арманом? — не понял Новак.

Aníbal González, izquierda, en su carro T-26, con un camarada ruso. CORTESÍA DE FERNANDO CAMBRONERO - 12-07-2009

С Полем Арманом, латышом по происхождению, французским коммунистом, интернационалистом, Новак был знаком уже много лет, служил под его началом. У Армана имелись, конечно, и странности — как у всякого человека сложной судьбы, но ничего такого, что стоило бы обсуждать шепотом.

— Да нет же, я про здешнего, про полковника Санчеса Паредеса! — пояснил Сухов.

Санчес Паредес был начальником учебной базы. Как все героические испанцы на руководящем посту, он именовался полковником.

— Я уважаю Паредеса, — сказал Новак. — Не всякий капиталист добровольно отдаст трудовому народу свои оливковые плантации и собственный завод.

— Это не его собственный завод, а народный, — нахмурился Сухов.

— Ну вот он это и осознал, — сказал Новак. — И в этом как раз нет ничего странного.

— Идем, покажу.

Полковник Парадес сидел один в комнате, где горела единственная свеча.

— Что он свечу-то зажег? — удивился Новак. — Лампа же есть.

— Тише. Он духов вызывает.

Полковник действительно водил руками над столом и подолгу прислушивался, склонив голову набок.

— Тьфу ты! — в сердцах плюнул Сухов. — Как бабка старая. И кто бы мог подумать?

— Паредес — он настоящий военный. И учебной базой руководит как надо, — строго произнес Новак. — Вот на этом и следует сосредоточиться. А что духов вызывает... Ничего, рано или поздно осознает ошибку. Я тебе так скажу: если бы с помощью этих самых духов можно было преодолеть проклятый языковой барьер — я бы их не задумываясь взял к нам на работу.

Языковой барьер очень мешал в обучении. Переводчики имелись, но они путались в военной терминологии. Приходилось прибегать к жестикуляции и всяким междометиям. Выручало только острое желание одних — научить, других — научиться.

И если бы не анархисты...

— Хуан, почему вышел из строя? А ну, на место! — на языке, понятном любому военному, командует, бывало, Сухов.

А Хуан в ответ:

— А зачем мне, камарада лейтенант, ходить строем? Я и так буду фашистов бить!

В самых трудных случаях звали Армана. Он хорошо говорил по-французски и умел донести свою мысль до любого Хуана, будь тот хоть трижды анархистом.

15 октября 1936 года, Арчена

Лейтенант Петр Сухов растерянно смотрел в окно.

Производился второй набор в танковую школу.

Во дворе клубилась огромная, причудливо разодетая, шумная толпа.

— Откуда они взялись? Их никто не приглашал, — изумился Сухов. — Вон, сколько наперло...

— Откуда? — Комбат взъерошил волосы. — Ты что, не знаешь, как действуют анархисты? Это в Советском Союзе их уже не

осталось, превратились, так сказать, в пыль истории. А в Испании анархисты — сильная партия. Беда, что никакого дела-то они и не делают! Только шумят да мешаются.

Сухов подавленно молчал. Хотя они в Испании недолго, а с анархистами сталкиваться уже приходилось. То они пытались отобрать оружие у своих же товарищей, так что чуть ли не с пистолетом от них отмахивались. То брались за самые опасные задания, а потом, никому ничего не сказав, попросту отходили в неизвестном направлении.

— Танки им доверять ни в коем случае нельзя, — высказался наконец Сухов.

— Сам знаю, что нельзя, — отозвался комбат, — да как поступить-то? Прямо им отказать: мол, нет, дорогие товарищи, мы анархистам не доверяем?

— А вот взять и отказать! — обрадовался Сухов. — Зачем нам играть в политику? Мы сюда сражаться приехали, а не с их многопартийностью разбираться.

— Нет, Петро, не годится, — покачал головой комбат. — Скандал выйдет. А еще, чего доброго, мятеж поднимут.

— Может, все-таки принять двух-трех анархистов? — предложил Сухов. — Которые помоложе. Так, для формы.

— Зачем это? К нам компартия лучших людей посылает, а мы их анархистами разбавлять будем?

Сухов пожал плечами:

— Другие предложения?

— Вот тебе другое предложение, — хитро прищурился комбат.

...Сухов даже ахнул:

— Да я не умею!

— Ничего, справишься. Возьми у фельдшера справочник. Вид у тебя интеллигентный, так что действуй. И белый халат надень, а то за доктора не примут.

— Запускайте кандидатов! — распорядился «доктор» Петр Сухов. — А вы, товарищ комбат, давайте мне знать, который из новичков анархист. Покашляйте там. Чтобы я лишнего кого не выставил.

И началась «работа»:

— Ростом не вышел, не годится.

— Слишком ты, брат, толстый, в танк не поместишься.

— У тебя хроническая болезнь, — говорил иному «доктор» и, заглядывая в справочник, прочитывал какое-нибудь мудреное название. — Помрешь посреди боя, подведешь товарищей.

Получая справки о несуществующих болезнях, анархисты продолжали шуметь во дворе.

К ним вышел Арман.

— Все, товарищи, расходитесь. По медицинским показаниям вы не подходите. Будете сражаться за свободу Испании как простые смертные — пешком, с ружьем или автоматом в руке.

26 октября 1936 года, Арчена

— Товарищи, час настал, — говорил Поль Арман, обращаясь к недоучившимся «студентам» танковой школы. — Мадрид просит о помощи. Товарищ Сталин и Советское правительство выслало Испании партию танков и самолетов, но для них нужно время — недели две. Этого времени у Мадрида нет. А наши танки — на ходу. Правда, обучение еще не закончилось, но — доучимся в бою. Завтра выступаем. В боевых действиях будет принимать участие танковая рота из пятнадцати машин. Командирами взводов и танков, механиками-водителями назначаются советские добровольцы. Командирами башен — испанские товарищи.

29 октября 1936 года, окрестности Мадрида

Поль Арман с трудом скрывал гнев.

Никаких разведданных! Вообще никаких. Что творится под Мадридом? Предполагается, что противник занял Ильескас, Борокс, возможно — Сесенью, но откуда это известно? Что значит — «говорят, у фашистов шесть орудий и какое-то количество танков»? Что скрывается под обозначением «какое-то количество» и какие «танки» имеются в виду — «ансальдо» или что-то посерьезнее?

Хуже того. Где находятся союзные части — тоже оставалось покрыто мраком неизвестности.

Хладнокровный латыш хладнокровно скрежетал зубами. Решение следовало принимать быстро.

— Лейтенант Сухов, ты с тремя танками идешь в сторону Сесеньи на разведку, — приказал он. — Я пойду за тобой по шоссе. Выясни, что творится в городе.

Сухов развернул «Т-26» в сторону Сесеньи. Но не успела осесть пыль, поднятая тремя танками разведки, как пришло донесение от испанцев:

«Сесенья противником не занята. При входе на западную окраину дайте белую ракету, чтобы мы не поражали вас артиллерийским огнем».

Двенадцать оставшихся «Т-26» в походной колонне с открытыми люками приблизились к Сесенье около восьми утра. На дороге Арман увидел орудие, возле которого возился расчет и стояли два офицера. Немного левее находилась группа солдат человек в двести.

— Салют! — громко крикнул Арман и поднял сжатую в кулак руку в республиканском приветствии.

В лязге и грохоте гусениц офицеры его не расслышали.

Арман подъехал на танке вплотную и закричал по-французски:

— Уберите орудие — дайте пройти танкам!

Офицеры не поняли французской речи. Ответили что-то по-испански.

В этот момент к танку приблизился третий офицер — подполковник. Он произнес несколько слов, и вдруг Арман понял: это — фашисты.

Ничем не выдав своих чувств, Поль Арман продолжал непринужденно болтать с полковником. Обсуждал обстановку под Мадридом, бранил русских. Тем временем танки, которые шли за Арманом, успели подойти вплотную.

«Фашисты в Сесенье!» — понял Арман.

Он увидел, как со стороны городка на шоссе выходят марокканцы — страшная в своей ярости и жестокости конница, самое действенное, как ни странно это прозвучит, соединение фашистской армии.

Продолжая беседу с полковником, Арман подтолкнул своего механика-водителя и по-русски закричал:

— Дави!

Захлопнулся люк, взревел мотор — в тот же миг танк подмял и полковника, и орудие с расчетом. Грянула танковая пушка.

— К бою!

Со стороны Сесеньи загрели танки Сухова. Кони ржали, вздымались на дыбы, сбрасывали всадников. По разбегавшимся мятежникам «Т-26» открыли огонь.

Фашисты быстро оправились. Один из снарядов поджег танк Армана. Пылая, «Т-26» продолжал двигаться на артиллерийскую батарею.

— Огонь!

Батарея была уничтожена.

— Впереди «ансальдо»!

На подступах к Сесенья завязывается новый бой. Но где неуклюжим итальянским «черепашкам» тягаться с «Т-26»! Перестрелка идет на горной дороге, и вот уже один «итальянец» вертится на месте с перебитой гусеницей. Второй, однако, продолжает атаковать.

И тут командир второго танка, лейтенант Осадчий, направляет свою машину прямо на противника. Вплотную сходятся два танка, и Осадчий всей тяжестью «Т-26» ударяет «итальянца» в бок. «Ансальдо» еще упирается... и валится в ущелье.

Это был первый танковый таран, примененный в тех боях.

Сесенья встретила «неприветливо» — в советские танки полетели бутылки с зажигательной смесью. Кидал кто-то прямо с балкона одного из домов. От удара о танк бутылка разбивается, горящая струя льется сквозь щели люка внутрь машины. Вот-вот огонь доберется до снарядных гнезд. Арман и его товарищи сбивают огонь... Обошлось.

Арман смотрит на своих бойцов: у одного обожжена спина, у другого — рука. Губы растрескались, лица покрыты сажей.

— Где тавот, вазелин? Бинты хоть взяли?

Бинтов нет, приходится рвать рубаху.

— Вот что, — Арман принимает решение, — я перехожу на другой танк, а вы, ребята, ложитесь на дно, вас вывезут к своим. Выходите из боя.

И тут он с удивлением увидел, как по лицам бойцов потекли самые настоящие слезы.

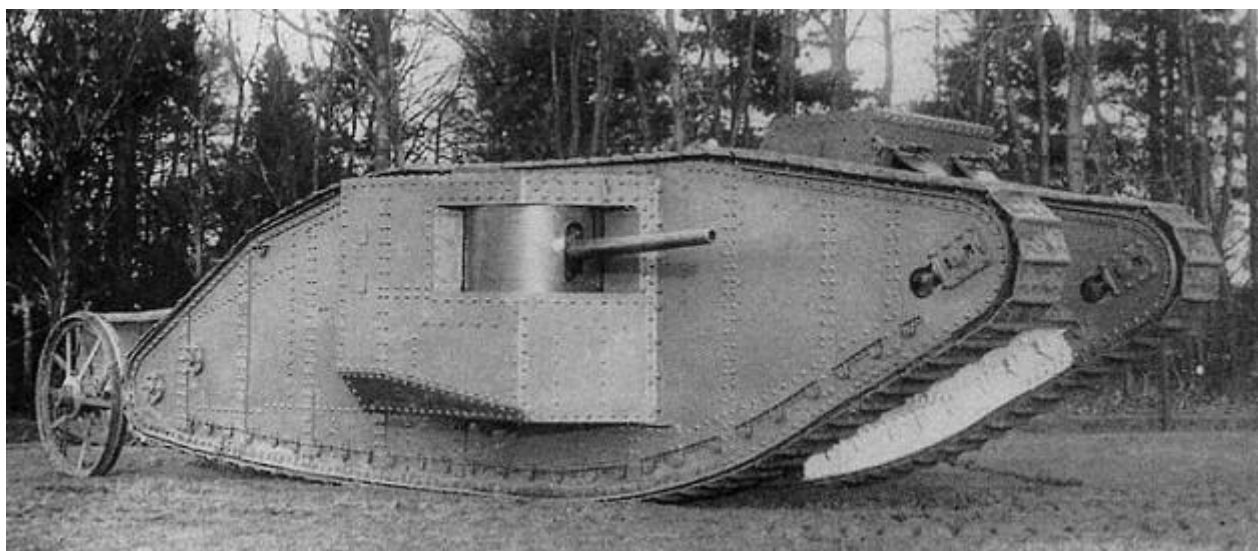
— Вот как, товарищ командир? Не доверяете нам? Плохо мы дрались? На себя посмотрите — черный, как негр, но из боя не выходите, а нас хотите пассажирами...

Арман поневоле прикусил губу. Недооценил ребят, счел их слишком молодыми. А откуда он взял, что они слабее?

— Простите меня, товарищи, — искренне сказал Поль Арман.

Сесенья перешла в руки республиканцев. Битва за Мадрид продолжалась.

32. Смертоносный призрак

Берлин, Германский генеральный штаб, разведывательный отдел, лето 1916 года

Полковник Николаи разгладил лист и отложил перо. Уже в десятый раз он собирался писать доклад, но никак не мог подобрать слова.

Разведка доносила: в Великобритании ведутся работы над каким-то совершенно новым типом оружия. Фотографий раздобыть никак не удавалось. Определенно выяснили одно — это приспособление для разрезания колючей проволоки.

Собственными глазами агент ничего не видел. Судя по его описанию, англичане соорудили какого-то «механического кролика», перегрызающего проволоку неким таинственным способом...

Полковник представил себе, как в штабе читают про «английского кролика». Героические лики германских военных «львов» явственно встали в его воображении.

Николаи смял листок и бросил его в корзину. Писать подобные вещи он просто не решился.

С другой стороны, на фронте явно возрастает активность. Перехваченные сообщения говорили о том, что англичане перебрасывают к Сомме резервуары... Резервуары с чем? Резервуары для чего? Что, собственно, означает слово «tank»?

Между тем новое командование германской армии — переведенные с Восточного фронта фельдмаршал Гинденбург и его начальник штаба генерал Людендорф, — живо интересовалось этой темой.

Назначение Гинденбурга и Людендорфа, этих двух титанов, должно перевернуть ход войны, считали в Германии. В Англии же полагали иначе.

Пожевывая сигару и поглаживая мопса, Уинстон Черчилль заметил:

— Гинденбург и Людендорф? НЛ? Что ж, господа, у них «Айч-эль», а у нас — Черчилль... Вот и посмотрим, кто кого.

Шутку сочли тонкой, изящной и истинно-английской. В Германии, впрочем, ее не оценили.

15 сентября 1916 года, Франция, берег реки Сомма

Командующий английскими войсками сэр Дуглас Хейг молча наблюдал за атакой. Бинокль в его руке, обтянутой перчаткой из хорошей лайки, подрагивал. Только по этому признаку и можно было догадаться, что сдержанный, всегда немногословный Хейг волнуется.

На рассвете к передовой прибыла новинка английской армии — тридцать два танка Mk.1. То самое «чудо-оружие», о котором так долго и таинственно говорили в высших армейских эшелонах. Порождение позиционной войны, предназначенное для того, чтобы сминать оборонительные линии противника и прокладывать дорогу пехоте.

Немцы явно не ожидали ничего подобного. Гигантские бронированные машины внезапно возникли перед солдатами противника. Они легко разрывали проволочные заграждения, проходили окопы и непрерывно вели огонь из пушек и пулеметов.

— Они едут без колес! — раздался панический вопль немецкого унтер-офицера.

Монстры казались неуязвимыми...

— Полный успех, сэр! — доложил командующий танковым корпусом.

Хейг опустил бинокль. Его холодные серые глаза окидывали взглядом равнину.

— Я насчитал восемнадцать машин, — негромко произнес он. — Где остальные?

— На позиции вернулись не все, сэр, — подтвердил щеголеватый офицер для особых поручений. Его держали наготове, в основном (как он подозревал) для неприятных докладов.

— Это я вижу, — ледяным тоном произнес Хейг. — Уточните.

— Остальные остались на поле боя, сэр, в основном из-за поломок. Некоторые застряли в грязи, сэр, — упавшим голосом доложил молодой офицер.

— Сто лет назад Наполеона в России победил Генерал Мороз, — медленно проговорил Хейг. — Не хватало еще, чтобы английскую армию победил Генерал Грязь!

Он сел в автомобиль, вернулся в штаб и немедленно написал доклад в военное ведомство.

«Применение нового вида оружия, — выстукивала печатная машинка, — позволило сократить потери по крайней мере в двадцать раз». Доклад заканчивался требованием как можно скорее разместить на заводах заказ на тысячу танков.

День 15 сентября 1916 года вошел в историю как «дебют танка на войне».

Октябрь 1916 года, Берлин

— Очевидно, мы недооценивали англичан, — произнес Людендорф.

Гинденбург величественно тряхнул головой:

— Любое новшество поначалу вызывает панику, но потом приходит осознание — как именно надлежит с ним бороться. Я твердо уверен в том, что германский военный гений найдет способ победить эти «резервуары».

— Если два десятка tank'ов причинили такой вред, то каков будет ущерб от сотни, тысячи подобных машин?

— Мы должны любой ценой добыть о них как можно больше сведений, — произнес Гинденбург. — Я уже подчеркивал необходимость этого и буду настаивать вновь. Нас должны интересовать не только технические, но и стратегические особенности данного оружия, перспективы его использования на поле боя. Следует ли германской армии идти по стопам своего векового противника — или же мы обойдемся тем, что всегда под рукой у германского солдата, — его непобедимым, несокрушимым германским духом?

Сентябрь 1917 года, Ипр

— Что происходит, сэр? — обратился Дуглас Хейг к начальнику штаба танкового корпуса Фуллеру. — Я не вижу второй Соммы!

Фуллер снял очки, протер их мягкой замшей. Он явно тянул время. Наконец он ответил:

— Мы располагаем двумя сотнями танков, сэр. Все они сейчас ведут бой. Однако для немцев наше оружие больше не является неожиданностью. Они применяют против танков свою артиллерию.

— Насколько успешно? — резко спросил Хейг.

— Достаточно успешно, сэр, — признал Фуллер. — Танки еще не совершенны, им не хватает маневренности и... Самое ужасное, сэр, — это грязь! Машины застревают и не могут использовать все свои преимущества.

— Генерал Грязь! — заскрежетал зубами Хейг.

Ему предстояли неприятные часы в министерстве.

И точно: почти сразу же пришло уведомление о том, что «наверху» недовольны «чудо-оружием». Оно явно не оправдывает ожиданий. «Заказ на тысячу машин отозван, — мрачно читал Хейг. — Вам будет предоставлено еще триста машин. На этом всё. Массовое применение танков признано неэффективным».

Хейг поделился информацией с Фуллером, и тот буквально взорвался от ярости:

— Умеют у нас валить с больной головы на здоровую! Командование само отправило танки в непролазную грязь. Вместо того, чтобы применить массированный удар, разбило корпус на небольшие группы. Конечно, из нашей атаки ничего не вышло.

— Ваши предложения? — спросил Хейг.

Фуллер нервно поправил очки.

— Я считаю, что самый подходящий район для танковой атаки, — это Кабрэ. Равнина с твердым грунтом. Холмы пологие, удобные для тяжелых машин. «Линия Зигфрида» — шесть полос немецких укреплений — будет прорвана, ручаюсь. Мы должны получить еще один шанс доказать эффективность нашего оружия.

— Согласен, — после короткой паузы бросил Хейг.

И снова начала стучать пишущая машинка.

Германия, генеральный штаб, октябрь 1917 года

— Мой генерал! — На пороге кабинета Людендорфа стоял навывтяжку капитан Адольф Нойманн, один из самых перспективных работников германской разведки. Людендорф испытывал невольную симпатию к этому белокурому молодому человеку, не жалевшему сил для победы Германии.

— Входите, Адольф, — отечески кивнул Людендорф. — Что у вас?

Голос Адольфа Нойманна дрожал от возбуждения:

— Перехвачена докладная записка английского военного министерства правительству Англии, мой генерал. Это касается машин марки Mk.1 — так называемых «резервуаров», или «танков». Того, что у нас теперь принято называть Panzerkraftwagen.

Людендорф нервно дернул щекой.

— Больно даже представлять себе те потери, которые мы понесли из-за этого чудовищного оружия.

— Больше никаких потерь из-за него не будет, мой генерал, — сообщил Нойманн. — Вы поймете все, когда ознакомитесь с этим документом. После Ипра английские военные сочли применение «танков» крайне неэффективным. Они сильно сократили первоначальный заказ на изготовление этих машин. Документ подлинный, это подтверждается другими данными.

— А также данными нашей войсковой разведки, — прибавил Людендорф. — Мы видели, что «чудо-машины» вовсе не неуязвимы. Десятки их застряли перед германскими окопами, десятки их были подбиты из самых обычных полевых пушек. Да, все так, и всё же... Как вам удалось раздобыть этот документ?

— Обо всем можно прочесть в подробном рапорте полковника Николаи, — ответил Нойманн. — Но я могу ответить коротко: кража со взломом. Я нанял профессионального взломщика, и мы украли оригинал доклада прямо из лондонского дома помощника

начальника Генерального штаба. Пришлось оглушить и связать прислугу... Впрочем, это второстепенные детали.

— Здесь также имеются фотографии, — с удовлетворением произнес Людендорф. Он принялся рассматривать неуклюжие с виду, тяжелые машины. Затем покачал головой. — Глупо тратить столько ресурсов на такую бесполезную вещь, — заключил он.

В эти мгновения он не видел лица своего собеседника, а напрасно! Английский разведчик Ньюмен (вовсе не Нойманн!), проникший в самое сердце германского генерального штаба, не мог удержаться от улыбки. Дезинформировать противника, подсунув ему подлинный документ!..

Было еще кое-что, чего Людендорф не знал и не мог знать: английское командование все-таки прислушалось к рекомендациям Фуллера и следующую танковую атаку наметило на равнину Камбрэ. Что касается собственно танков — то заказ на их изготовление успели выполнить почти целиком прежде, чем приказ о его отмене достиг цели.

Конец ноября 1917 года, равнина Камбрэ

— Мы должны действовать скрытно, — Хейг развернул карту и склонился над ней. — Информация, господа, такое же оружие на войне, как и пушки. Предлагаю организовать фальшивый штаб вот здесь, — он указал на Авринкур, — и создать иллюзию бурной военной деятельности. Это в шестидесяти километрах от реального места предполагаемой атаки.

Несколько дней немцы наблюдали оживленную деятельность у Авринкура. Туда доставлялись платформы с техникой, заезжали штабные автомобили.

В пять утра 20 ноября немцы буквально залили Авринкур огнем. А через полтора часа двести английских танков подошли к передовой — совершенно в другом месте.

За танками двигалась пехота.

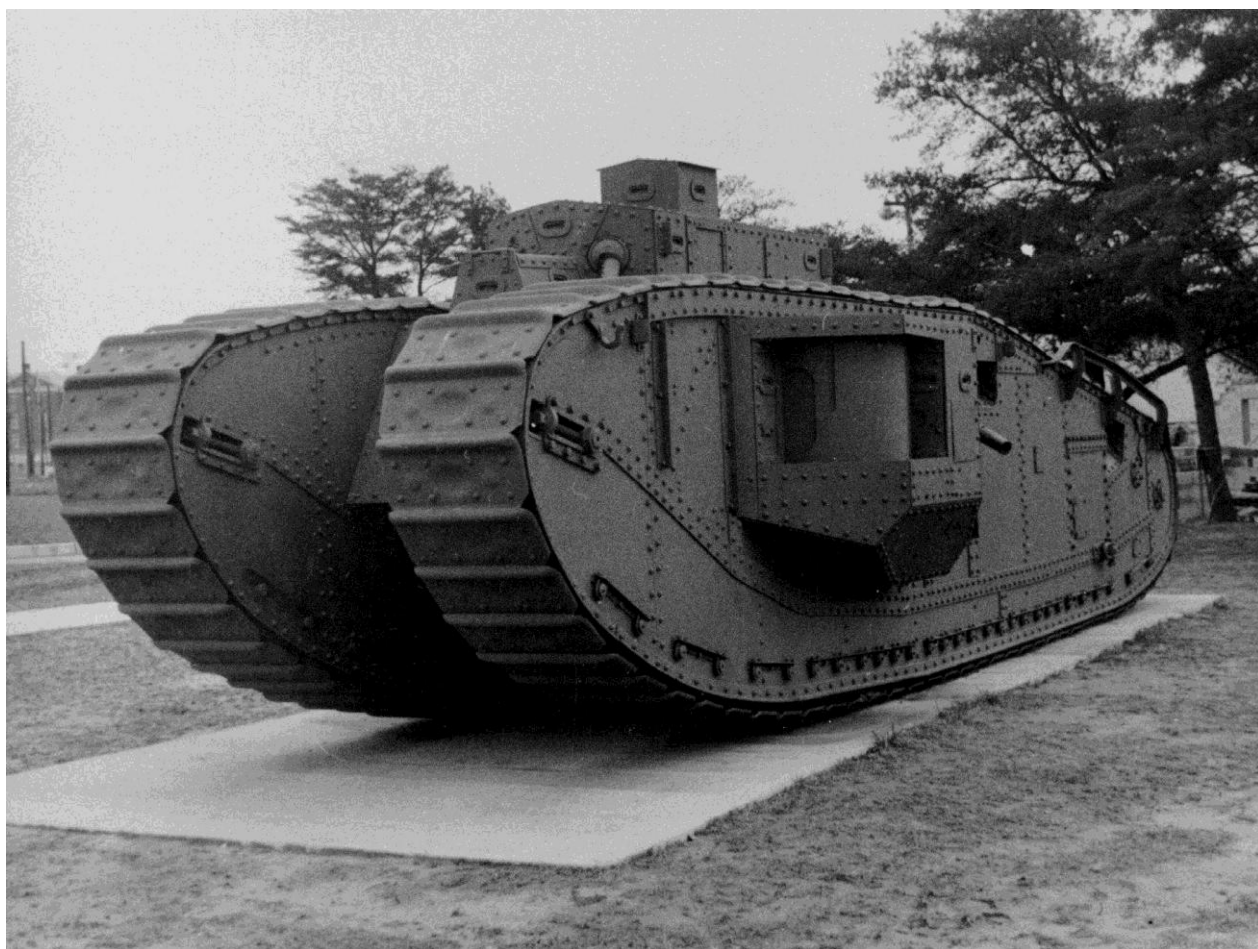
— Огонь! — неслышно за грохотом орудий кричали командиры, взмахивая рукой. Все заволочло дымом, грязью, копотью. За этой завесой немцы не видели, что происходит.

Тяжелые бронированные «черепашки» наползали на немецкие окопы, давили солдат, уничтожали заграждения. «Линия Зигфрида» была прорвана. Англичане продвинулись на десять километров вглубь. Для позиционной войны — сногшибательный успех.

Один только Людендорф, казалось, сохранял полное присутствие духа. Он был даже воодушевлен происходящим.

— Сейчас, когда Германия, как никогда, близка к своему поражению, — провозгласил он, — миру предстоит содрогнуться от изумления. Германский дух восстанет, и наш противник будет истреблен. Германия переходит к созданию танков. Значительные силы будут переброшены с Восточного фронта на Западный. И горе тому, кто встанет у нас на пути!

33. «Свобода» весом в сорок три тонны

2 апреля 1917 года, Вашингтон

Президент Вильсон выглядел скорбным и на удивление спокойным.

Его речь к Конгрессу была взвешенной, сильной — и несколько лицемерной, на что, впрочем, никто не захотел обратить внимание.

— Американские Соединенные Штаты вступают с Германией в войну, — произнес президент. — Но что это означает? Означает ли это, что великий американский народ заявляет о своей вражде по отношению к народу Германии? Нет и еще раз нет! Наш враг — прусский милитаризм, и именно с ним мы будем бороться ради свободы, ради мирной Европы...

«Прусский милитаризм» решился на «абсолютную и неограниченную подводную войну». Отныне, заявил Гинденбург, подводные лодки Германии будут топить все корабли, какие встретятся на их пути.

— Мир должен быть спасен для демократии, — заключил президент Вильсон. — Мы — лишь один из отрядов армии бойцов за свободу человечества.

21 марта 1918 года, Берлин

— Малодушию и предательству мы должны противопоставить исконный дух германского народа! — говорил генерал Людендорф, мрачно нависая над картой. — Мы недооценили новое оружие нашего исконного врага, британцев, — эти их танки? Что ж, скажу одно: танки — большая фантазия и шарлатанство. Машины-чудовища только на короткое время поражают солдат, но вскоре здоровая душа доброго немца успокаивается, и он успешно борется с глупой машиной. Мы уже противопоставили наши боевые штурмовые трактора английским. Но не машина решает исход сражения, а боевой дух. И сейчас как никогда решается судьба Германии. Мы должны успеть отеснить британцев к Ла Маншу до того, как из-за океана к ним и французам прибудет подкрепление.

Март 1918 года, учебный центр танковых войск, департамент Верхняя Марна

А между тем американское подкрепление уже прибыло.

В учебном центре французские инструкторы обучали американцев искусству укрощения стального зверя.

Ключевым предметом начального курса считалась топография.

После занятий на неподвижной машине и «катаний» — необходимо было приучить новичков к тяжелым условиям работы в танке, — начиналось вождение и преодоление препятствий. Поворот отрабатывали на обвалованном участке дороги. Коснешься вала корпусом — все, дисквалификация.

Имелись особые приемы на разные случаи жизни.

— Вот перед вами глубокая воронка! — надсаживался инструктор. — Ваши действия?

Американские солдаты молча смотрели на него.

Француз показывал рукой падающее движение:

— Мы называем это «ныряние ласточки». Танк выводится на край воронки и вывешивается. Центр тяжести у ромбовидных танков почти совпадает с центром опорной поверхности. С закрытым дросселем опускаемся вниз. При касании направляющим колесом грунта — дать полный газ. Ясно? Иначе танк застрянет в воронке. Пробуем...

Пробовали и стрелять: от наводчиков требовалась особая скорость реакции. Наводили на вспышку выстрела и быстро нажимали спуск при повторной вспышке.

При тренировках стреляли в движении, хотя в бою — об этом американские танкисты еще не знали, — это обычно делали с коротких остановок.

— Как проверить проходимость грунта? Учитесь, пока я жив, — показывал толстяк-майор с лицом, наполовину обожженным. — Если офицерская трость, — как у меня, смотрите, — усилием двух рук входит в грунт не более чем на тридцать сантиметров, значит, танк пройдет легко. Если на полметра — будут трудности. Если вся целиком — у вас, детишки, проблема.

Майор слыл шутником. Когда-то он сражался на танке, который назывался «Мы все в этой штуке». Танки, подобно кораблям, нередко носили личные имена...

— Это почище скачек с коровами, — говорил командир американских танкистов капитан Паттон, исключительно грубый, исключительно храбрый, подхалим с начальством и свой парень с подчиненными. — Катаемся пока на французских, но помяните мое слово: не за горами день, когда мы сдвинем с места американскую машинку, от которой задрожит земля!

«Американская машинка», о которой упомянул Паттон, уже проектировалась.

Танк должен был называться Mk.VIII — один из серии тяжелых танков Mk. Или «Либерти» — «Свобода» — по названию двигателя. Или «Интернациональ» — потому что он создавался объединенными силами союзников: технический потенциал Америки, умноженный на опыт хитроумного британца

Паттон просто грезил этим танком, взрывающим гусеницами землю, утешающим врага до состояния мокрого пятна.

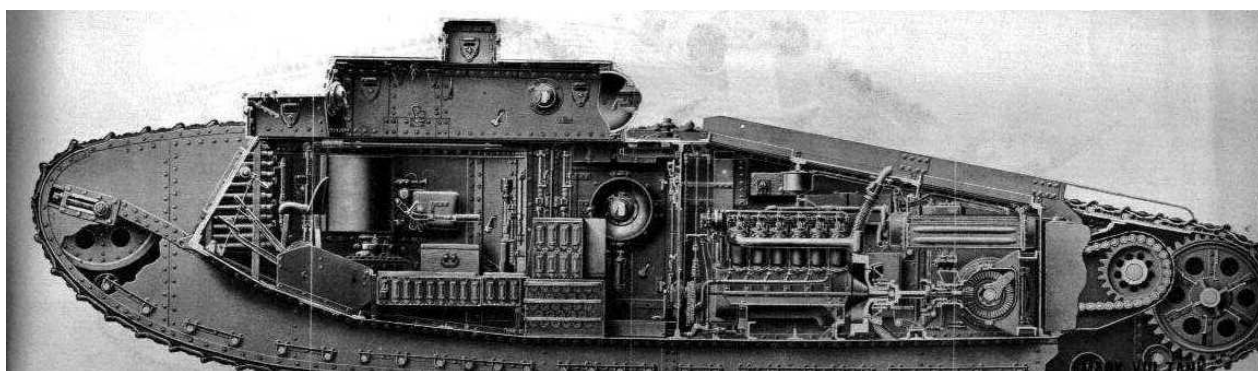
Работы пока велись — в обстановке обычной союзнической свары, когда напарник вызывает одновременно и дружеские чувства, и непреходящее раздражение. Американские Штаты должны были поставлять двигатели, агрегаты трансмиссии и электрооборудования, гусеничные цепи, элементы ходовой части.

Англия изготавливала бронеплиты, элементы конструкции, гусеничные башмаки, катки, орудийные и пулеметные установки.

Во Франции ожидалось строительство огромного сборочного завода в Неви-Пейль, в 250 километрах к югу от Парижа. И поставки деталей, и строительство завода непростительно затягивалось.

— Полторы тысячи тяжелых танков к концу восемнадцатого года, — грезил вслух Паттон.
— Господи! Да с такой мощностью можно было бы...

Он яростно взмахивал рукой. Пока что американцам приходилось довольствоваться легкими танками «Рено». На них проходило обучение, на них предстояло идти в бой.

28 марта 1918 года, Париж

Перед генералом Фошем стоял американский генерал Першинг. Замкнутый, как будто чем-то недовольный.

Сухое, некрасивое, пожалуй, неприятное лицо. Сероватая щетка усов. Холодные глаза. Солдаты называли его «Блек Джек».

Фош, конечно, знал главные армейские сплетни об этом командире: о том, что он посидел за одну ночь, когда пришло известие о гибели его семьи на пожаре, о том, что среди своих предков он числил выходцев из Германии и, возможно, поэтому так восхищался жесткой немецкой дисциплиной.

— Мы считаем, что одна из причин, по которой немцам удалось подойти к Парижу так близко, заключается в разобщенности наших сил, — заговорил Фош. — Нам необходимо общее командование.

— Американские солдаты полностью подготовлены, — ответил Першинг. — Весь контингент я предоставляю в ваше распоряжение. В том числе и 92-ю дивизию, целиком состоящую из негров. Практика показала, что чернокожие дерутся так же хорошо, как и белые, если к ним относиться соответственно...

— Мы это учтем, — кивнул Фош.

— Каково ближайшее направление нашего удара?

— Марна, — ответил Фош. — Опять Марна!..

Ему хотелось выругаться, но он сдержался.

24 июля 1918 года, Бомбон

Совещание командующих союзными армиями — Петэна, Хейга и Першинга, — длилось недолго. Командующие французской, британской и американской армии выслушали краткий доклад главнокомандующего союзными войсками — Фоша.

— Основа нашего плана проста: пора отказаться от оборонительного образа действий и перейти в наступление. При этом мы не должны позволить противнику отойти на заранее подготовленные оборонительные рубежи. Да, враг силен. Мы прогнозируем окончательный разгром Гинденбурга в 1919 году.

Он обвел глазами немногочисленных своих слушателей.

— И еще одно. Мы уже не раз страдали от болтливости наших газетчиков и младших офицеров. Сейчас все должно быть иначе. Операцию, господа, готовим в обстановке полной секретности.

Першинг едва заметно улыбнулся. Он никогда не разговаривал с журналистами. Единственный раз, когда настойчивому корреспонденту удалось прорваться к американскому генералу, интервью состояло из одной-единственной строчки: «Убирайтесь к черту из моего офиса!»

— Для того, чтобы удар был полным и сокрушительным, необходимо задействовать все наши технические ресурсы, — продолжал Фош. — Артиллерию, самолеты. И, конечно, танки. Чтобы сохранить секретность, танки придут в ночь перед наступлением. Для

введения противника в заблуждение, в районе Ипра предлагаю вести широкие демонстративные действия.

8 августа 1918 года, Амьен

Людендорф брезгливо отбросил листок с донесением.

— Что это за глупости, порожденные паникой? Что это за «скрытное передвижение танковой колонны британцев»?

— Они были замечены воздушной разведкой, — сообщил унылый офицер штаба.

— Ерунда, — отрезал Людендорф. — Союзники по-прежнему грызутся, а их смехотворные попытки прорвать наш фронт в районе Ипра...

Он не договорил. Союзная артиллерия открыла мощный огонь по позициям. Солнце едва поднималось над горизонтом, но рассвет уже обещал стать кровавым.

Более четырехсот британских танков двинулись в атаку.

Они обстреливали немецкую пехоту, уничтожали телефонные столбы, переваливали через окопы. Видимость была сильно ограничена — мешали туман, пыль, дымовые снаряды.

— Ни пяди земли не оставлять без борьбы! — летели на передовую яростные приказы Людендорфа.

К вечеру он впервые в жизни ощутил, как что-то надломилось в его непреклонной германской душе. «Это был самый черный день в истории германской армии», — признал он.

Он мог бы прибавить: «И в моей жизни». Но жизнь генерала Людендорфа была неотделима от жизни германской армии...

29 сентября 1918 года, участок фронта к востоку от Беликурского тоннеля

Танки американского майора Харрисона — Mk.V и Mk.V* — выдвинулись на передовую. Союзники развивали успех восьмого августа — необходимо было «добить зверя», нанести ему, как говорили англичане, «последний удар топором».

Харрисон не верил своим глазам: один за другим его танки останавливались и превращались в облако багрового пламени и черного дыма.

Несколько повернули назад, завертелись на месте, один подорвался и опрокинулся, еще два остановились, как бы не зная, как поступить, — и были накрыты огнем германской артиллерии.

— Почему на карте не обозначены мины? — охрипнув от дыма и горя, вопрошал Харрисон.

Ему никто не ответил.

Старое британское минное поле сожрало американский танковый батальон за несколько минут. Десять танков — и их экипажи — погибли...

Лишь один прорвался и выполнил боевую задачу.

Тем временем мир — или, точнее, катастрофа под видом «мира», — становился неизбежным. Людендорф докладывал Гинденбургу:

— Большая игра окончена. Отныне Германия превращается в огонь, тлеющий под спудом.

Октябрь 1918 года, Рок Айленд, штат Иллинойс

Испытания нового танка — «Либерти» — вызвало общий интерес военных.

Это была чудовищная машина в сорок три тонны весом. Ее доставили из Англии без вооружения. Уже в Америке были установлены две пушки и пулеметы.

Мк. VIII «Либерти» представлял собой вершину эволюции тяжелого ромбовидного танка. Он сохранил жесткую подвеску, охватывающую корпус гусеницы и спонсоны для установки основного вооружения.

Двигатель перенесли в корму и отгородили от обитаемого отделения перегородкой.

Рубку управления совместили с большой рубкой, играющей роль пулеметной башни. На крыше поместили наблюдательную башенку со смотровыми щелями.

В рубке находились командир танка, водитель, пулеметчики. В спонсонах — наводчики и заряжающие. В силовом отделении — инженер-механик, который должен наблюдать за двигателем и трансмиссией. Экипаж — одиннадцать человек, в крайнем случае обходились восемью.

— Вот бы нам такую в прошлом году, — мрачно ворчал Паттон.

— Война никогда не заставит себя долго ждать, — ответил ему Першинг. — Продолжим работы. Тяжелый американский танк — самый тяжелый за всю историю танкостроения, — будет создан и встанет в строй.

Через несколько месяцев все имеющиеся у англичан комплекты узлов и деталей были доставлены за океан. Началась сборка первой серии из сотни машин для армии США. 67-й танковый полк получил свою сорокатрехтонную «Свободу».

20 мая 1932 года

Полковник Паттон ощущал, как дрожит под ногами земля. Это танки Mk.VIII двигались к месту своего последнего назначения — на Абердинское танковое кладбище, в штат Мэриленд. Сейчас, в начале тридцатых, стало уже определенно и очевидно: будущее за танками, чьим предком были старые «Рено FT-17». Самый термин «тяжелые танки» исчезал из армейского лексикона. Нет больше такого танка — тяжелого. Не понадобится. Вершина эволюции оказалась тупиковой веткой.

— Прощайте, старые солдаты! — обратился к танкам Паттон. — Незавидна ваша участь: вы были самыми мощными танками времен Первой мировой и все-таки не сделали ни одного выстрела по врагу. Покойтесь с миром.

Ноябрь 1939 года, Абердин, штат Мэриленд

Представитель армии Канады старался скрыть удивление при виде гигантов, которые дремали перед ним в утреннем полумраке.

Казалось, это гигантские, давно вымершие ящеры. Но тем не менее они были живы, и их возможно было разбудить.

Танкам Mk.VIII «Либерти» предстояло в последний раз послужить богу войны: их передавали армии Канады в качестве тренировочных.

34. Меч в танке

9 июня 1939 года, Кунгчулинг, юг Маньчжурии, штаб механизированной бригады

Командир механизированной бригады генерал-лейтенант Ясуока принимал у себя офицеров Генерального штаба армии, приехавших из Токио.

Только что закончились учения на картах. Обычные тактические игры. Ничего особенного.

Правая рука не всегда должна быть информирована касательно планов левой. Даже в армии.

Разумеется, существует так называемый «Меморандум Танаки» знаменитый доклад японского премьер-министра Танаки императору — 25 июля 1927 года. Там многое было сказано открыто, облечено в четкие, недвусмысленные, убийственно-логичные формулы.

«Для того, чтобы захватить Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию; для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушать наши права».

И мир, кстати, прекрасно понял! Газета с красивым названием «Либерте», например, писала так:

«В огромном хаосе желтого Востока одна Япония представляет организованное государство, действующую силу цивилизации, способную прикончить страшную Советскую державу, уязвимую в Сибири».

Да. Главный враг Японии, ее основная цель — Советский Союз. Может быть, к Европе он и обращен дворцами, садами, музеями и фонтанами, но на Японию глядит убийственная Сибирь. И кому как не Японии знать звероподобный облик русской Сибири!..

Однако с офицерами из Генерального штаба генерал-лейтенант Ясуока разговаривал, по крайней мере, поначалу совсем о другом:

— Под моим командованием, как вам известно, находятся два танковых полка — Третий во главе с полковником Йошимару и Четвертый во главе с полковником Тамадой. Вы получите удовольствие от знакомства с ними. Господин Йошимару — спокойный и мягкий человек с прекрасным чувством юмора, истинный самурай родом с Кюсю. Полковник Тамада не пьет и не курит, в отличие от меня... — Ясуока чуть улыбнулся.

Улыбнулись и его собеседники: генерал-лейтенант Ясуока был известен тем, что «чертовски много» курил.

— Господин Тамада северянин, он родом из Тохоку и этим объясняет свою медлительность. Он осторожен, серьезен, точен в любых мелочах. Никому, даже мне, не удастся вывести его из себя. В танковых частях господин Тамада новичок, но можете поверить: медленно, но верно он разобрался во всем. Отличный командир.

— Что ж, вы оправдываете свою репутацию генерала, любящего своих подчиненных, — произнес глава штабной группы, генерал-майор Хашимото. — Убежден, что ваши офицеры разделяют это мнение. Но нам хотелось бы также получить подробные сведения о том, чем вы заняты сейчас в Кунгчулинге.

— Разумеется. — Ясуока поклонился. — Наша задача — разработка совместно с пехотой плана прорыва и преодоления мощных укреплений позиций противника на восточной границе Маньчжурии. Это делается на случай войны с Советским Союзом.

— Какова цель операции? — нахмурился Хашимото.

— Исключительно и единственно — обучение, — заверил Ясуока. — Чисто теоретически хотя бы одна механизированная бригада должна быть способной вести боевые действия. Но — чисто теоретически. Мы лишь изучаем возможности.

Генерал-лейтенанту Ясуоке было пятьдесят три года. Высокий, крепкий, с поредевшими седыми волосами, в очках, гордой манерой держаться он производил впечатление истинного феодального властелина эпохи сёгуната. И говорить он умел очень убедительно.

— Я считаю, что необходимо постоянно изучать и исследовать любые возможности, какие только могут возникнуть, — объяснил Ясуока. — Только так мы можем избежать неприятных ситуаций. Сколько раз командиры приходили в замешательство, столкнувшись с непредвиденным! Я не желаю непредвиденного. Я намерен предвидеть все.

— Какая техника находится сейчас в вашем распоряжении? — продолжал расспрашивать Хашимото.

— Я бы хотел обратить особое внимание на легкий танк Тип 95 «Ха-го», — заговорил после короткой паузы генерал-лейтенант Ясуока. — Как вам известно, он создавался фирмой «Мицубиси» в 2595 году от основания Империи — или, по европейскому счету, в 1935-м.

— Это легко поймет и школьник по обозначению «Тип 95», — заметил майор Имаока, специалист по тылу, очень толковый и

вдумчивый офицер. — Впрочем, благодарю за подробное объяснение: я все время забываю, какое летоисчисление в Европе. Приходится держать при себе особые таблицы.

— Массовое производство «девятисто пятого» танка началось в тридцать восьмом году, если говорить по европейскому счету, — продолжал Ясуока. — Именно этих танков у нас в бригаде сейчас много. Танк удобен в производстве и прост в эксплуатации. Мы возлагаем на них кое-какие надежды. Чисто теоретические, разумеется.

— Разумеется, — кивнул Хашимото.

— Двигатель этого танка — двухтактный шестицилиндровый дизель воздушного охлаждения мощностью в сто двадцать лошадиных сил, — продолжал Ясуока задумчивым тоном, словно вспоминал какую-то древнюю самурайскую легенду. — Отделение управления и боевое отделение совмещены. Толщина брони — двенадцать миллиметров. Башня, как вы сможете увидеть своими глазами, — цилиндрическая. Чтобы

уменьшить поражение экипажа осколками брони — не говоря уж о травмах от ударов, — с внутренней стороны корпуса крепится особый асбестовый «подбой». Вроде подшлемника у шлема.

Штабные офицеры переглянулись.

— Это касательно оборонительного вооружения; а что с наступательным? — осведомился майор Имаока. Он делал какие-то заметки и обдумывал услышанное.

— Сейчас на танке установлена тридцатисемимиллиметровая пушка, — лаконично произнес Ясуока. — Пробивает броню в тридцать пять миллиметров с расстояния в тридцать метров. Кроме того, справа сзади в башне установлен еще пулемет. И в корпусе дополнительный пулемет — лобовой. Вы сможете увидеть танк... при желании.

Хашимото подумал, что Ясуока проглотил слова: «В действии» и в последнюю секунду заменил их на другие.

Танки «Ха-го» действительно выглядели удобными и боеспособными. Их экипажи состояли из трех человек: механика-водителя, пулеметчика и командира, который размещался в одноместной башне, где выполнял роли наводчика, заряжающего и командира.

— Каким образом осуществляется связь? — спросил майор Имаока. И пояснил: — Как специалист по организации тыла и снабжения, я исключительно интересуюсь вопросами связи, коммуникации...

— Командир имеет переговорную трубу, чтобы в любой момент отдать приказ водителю, — объяснил Ясуока. — Мы называем эту трубу «танкофон». А вот специальных средств внешней связи нет, сигналы подаются флажками.

— Благодарю, — поклонился майор Имаока.

Генерал-лейтенант Ясуока произнес категорическим тоном, словно желая подвести черту под рассуждениями о танке:

— «Ха-го» очень нравятся танкистам. Эти танки, как я уже говорил, просты и удобны. Во время учений в Маньчжурии мы пришли к выводу о необходимости немного модифицировать этот танк.

— Каким образом? — заинтересовался майор Имаока. Он снова открыл блокнот, который было убрал в полевой планшет.

— Эта модификация называется «маньчжурской», — Ясуока кивнул. — Усилена ходовая часть. На новых балансирах между опорными катками мы поместили дополнительные обрезиненные каточки. Такой каточек принимает на себя часть нагрузки при мягком грунте и смягчает удары на каменистом. Специфика местности. Такой вид танка лучше соответствует теоретическим задачам, которые могут встать перед армией Империи в Маньчжурии.

— Теоретическим? — с нажимом переспросил майор Имаока.

Ясуока энергично кивнул, а затем снял и протер очки.

— Именно так, и никак иначе, — подтвердил он. — Я размышляю, однако, о природе танков как таковой. Ближе всего, по нашему разумению, танки стоят к кавалерии.

— Это общепризнано, — согласился Хашимото.

— В Императорской армии традиционно доминирует пехота, — продолжал Ясуока. — Кавалерия всегда играла второстепенную роль. Ведь самой дешевой тягловой силой — для перевозки грузов и важных персон, — в Японии всегда оставался человек. Человек, идущий пешком. А не едущий верхом на лошади.

— Разумеется, — Хашимото пожал плечами. — Мы же говорим об аристократии.

— Мы говорим о танках! — подхватил Ясуока. — Танкисты, получается у нас, — наследники кавалерии. Мы продолжаем держаться самурайских традиций. Это основа крепости нашего духа.

— А как вы относитесь к концепции так называемых «молодых офицеров» с генералом Ураки во главе? — спросил вдруг Хашимото.

Вопрос в лоб прозвучал опасно: отвечая на него откровенно генерал Ясуока мог «потерять лицо».

Но он лишь выпрямился, так что солнечный луч сверкнул на стеклышках его очков.

— Генерал Ураки чрезвычайно увлечен европейскими концепциями танковых и воздушных войн, — отозвался Ясуока. — Мы же по-прежнему, традиционно, ставим во главу угла боевой дух японского солдата. Европейские новинки следует использовать, но приравнивая к нашей древней культуре. Нельзя переоценивать технологию войны. Победа добывается ценой самопожертвования самураев, а не количеством бензина.

— Прекрасно сказано! — восхитился Хашимото. — Я считаю доктрину «ден тики сен» безупречной. В Германии нечто подобное называют «блицкригом». Но мы должны добиться молниеносной победы над противником не новинками, вроде пикирующих бомбардировщиков и танков, а обычными средствами. Сперва деморализовать, а потом добить неприятеля! «Молодые офицеры», должен вам сказать, сильно надеялись на «механическую революцию», которая якобы должна произойти в Императорской армии после ваших маневров.

— Вам известно, что этого не произошло, — с ноткой высокомерия в голосе промолвил генерал-лейтенант Ясуока. — Мы лишь немного изменили характеристики наших танков. Этого совершенно достаточно.

— Вы лично не считаете, что следовало бы производить... больше танков? — спросил майор Имаока.

Командующий бригадой слегка раздул ноздри:

— В любом случае быстрого роста численности танков не предвидится. Военно-морской флот добился, чтобы самый жирный кусок финансового пирога достался ему. Строят корабли, а не танки. Флот продолжает считать нашим главным врагом Соединенные Штаты, а не Россию. Что ж... — Он развел руками. — У нас можно отобрать сталь и бензин, но дух самурая не сломить.

Он помолчал немного и добавил совсем просто:

— «Ха-го» — идеальная машина для Сибири.

Воцарилось молчание.

Затем Хашимото осторожно спросил:

— И каково направление... чисто теоретическое... будущих активных действий?

— Нам необходимо сдвинуть границу в районе Номонгана, — сказал Ясуока. — Впрочем, данный вопрос я прорабатываю исключительно ради того, чтобы не попасть впросак. На картах, с карандашом в руке.

— В районе Номонгана? — переспросил Хашимото.

— О да. Река Халхин-гол. Думаю, монголы не в состоянии дать нам отпор. И русские ничего не смогут тут поделать. Их танки, их подготовка, а главное — их боевой дух

гораздо слабее наших. Вам известно, господа, что многие из моих офицеров возят в своих танках самурайские мечи? Мечи напоминают нам о том, кто мы такие. Нас не сломить, и Советская Россия скоро убедится в этом...

35. Уточка с пушечкой

«Впечатление такое, будто все эти господа обнаружили в огороде чудовище и теперь понятия не имеют, что с ним делать», — думал генерал Хью Эллис.

Генералу, участнику Большой войны, было пятьдесят четыре года. Внешне он сохранял полную невозмутимость: суровое лицо, оловянный взгляд.

Докладчик, генерал-инспектор Королевского Танкового Корпуса, посвятил свою речь по концепции «пехотного» танка.

Генеральный Штаб вникал, кое-кто делал заметки.

Эллис хорошо знал возможности танка. Он принял командование «механическими монстрами», как называла их британская пресса тех времен, в шестнадцатом году. «Тяжелая Секция» во Франции нуждалась в командире, который имел бы опыт боев и одновременно с тем умел ладить с начальством.

Бывший сапер капитан Эллис получил звание полковника и командование Тяжелой Секцией.

Военные не очень хорошо понимали, чем, собственно, является танк — этот «джинн, выпущенный из бутылки»? Артиллерией на гусеницах? Трактором, грызущим колючую проволоку? «Колесницей», уничтожающей живую силу противника морально и физически?

Военное министерство принижало Тяжелую Секцию, заставляло «обслуживать» другие роды войск.

Много сил потребовалось, чтобы заставить командование всерьез считаться с танками. Мда... Лучше не вспоминать, какие слова при этом произносились, а того хуже — какие проглатывались.

«Пехотный» танк. Британское руководство придерживалось того мнения, что танки предназначены исключительно для сопровождения пехоты.

На этом и следует концентрироваться. Слишком дорого пришлось заплатить за опыт семнадцатого года, когда тяжелые ромбовидные танки углублялись на вражескую территорию всего на несколько метров и застревали — кончалось горючее или что-нибудь ломалось.

Пехотный танк будет взаимодействовать с пехотой непосредственно. Машина нужна небольшая, с хорошей броней — такой, чтобы выдерживала попадание снарядов легких противотанковых и полевых орудий; вооруженная парой пулеметов. И вот еще...

— И последнее, джентльмены, — заключил докладчик, — это скорость. Она должна быть ограничена маршевым шагом пехоты — чтобы экипажи танков не вздумали отрываться от солдат, которых должны защищать.

Май 1934 года, Лондон

Сэр Хью Эллис еще раз перечитал документ. Слабая улыбка тронула его губы под усами. Его назначают начальником Управления вооружения, ответственного за поставки танков.

Эллис позвал секретаршу.

Вошла строгая девушка с лицом, которое без слов говорило: «Весна? Цветы? Молодые люди? Понятия не имею, о чем вы, сэр».

— Матильда, соедините меня с фирмой «Виккерс». Попросите к аппарату Кардена, если он на месте.

Мисс Матильда Грэй вышла, чуть переваливаясь на ходу.

Скоро уже конструктор Джон Карден изучал спецификацию.

— Нам нужна машина небольшая, но с прочной броней, — объяснял ему Эллис. — Министерство настаивает на пушке, но лично я считаю, что достаточно пулемета. Танк должен быть не сложным в производстве, потому что таких машин нам потребуется много.

Июнь 1934 года, Лондон

Карден выложил перед Эллисом чертежи.

Они понимали друг друга с полуслова. Почти ровесники, объединенные общим «танковым» взглядом на жизнь и прогресс.

Из опыта сражений Великой войны Эллис вынес довольно отчетливое представление о том, каким должен быть танк. И это представление не противоречило личным воззрениям Кардена.

Бронекорпус нового танка был довольно угловатым. Только передние и задний бронелисты располагались под наклоном, что улучшало пулестойкость.

Башня — одноместная, литая, двигатели Карден предложил использовать так называемые «коммерческие» (от гражданских машин) — «Форд»; коробку передач, сцепление и тормоза позаимствовать у легких танков «Виккерс». Схему ходовой части взяли от тракторов «Дрэгон» фирмы «Виккерс».

«Настоящий англичанин, — думал Эллис, — экономит даже на овсянке. Если это разумно, конечно».

В данном случае «экономия» сочли разумной, и приступили к созданию прототипа, получившего название A11.

Май 1935 года, Лондон

— Телеграмма, сэр! — Мисс Грэй вошла в кабинет, сердито стуча каблуками.

Эллис разорвал конверт и побледнел.

В авиакатастрофе погиб Джон Карден...

Между тем танк по его чертежам был построен, и начались полевые испытания.

Сентябрь 1936 года, Йоркшир

Лейтенант Уильям Голдинг лихо выбрался из танка и приблизился к генерал-майору.

— Сэр, — он отсалютовал Эллису, — задание выполнено.

Эллис рассматривал танк.

Ходовая часть A11 оставалось без всякой защиты — ни фальшбортов, ни надгусеничных полок.

«Это придется исправить», — подумал Эллис и обратился к лейтенанту:

— Первые впечатления, сэр.

— Если коротко — мотор не тянет, сэр, — ответил бравый лейтенант. — Машина тяжелая. Трансмиссия, коробка передач, сцепление, тормоза — все это от легких танков... Слабовато.

Он посмотрел на свои руки, как бы показывая — человек-то делает все, от него зависящее, но вот машина...

— Еще, — потребовал Эллис.

Был бы жив Карден!.. Но ничего, на фирме остались его «наследники», тоже толковые конструкторы. Вон, один, в кепке и клетчатом пиджаке, быстро черкает в блокноте. На танкиста даже не глядит.

— Шасси полутракторное, как принято выражаться, сэр, — продолжал лейтенант. — Постоянно грязью забивается. При резких маневрах теряет гусеницы. Это, пожалуй, основное, сэр.

Эллис задумчиво кивнул ему и еще некоторое время стоял, глядя на танк.

Толстенький, небольшой, но очень важный с виду, он напомнил ему Матильду Грэй. И еще — мультипликационного утенка, на которого, в свою очередь, была похожа Матильда Грэй.

— А в целом «Матильда» очень даже неплоха, — неожиданно произнес генерал-майор.

— Сэр? — не понял лейтенант.

Эллис усмехнулся.

— Предлагаю дать танку название «Матильда», — сказал он. — Так как-то душевнее. И легче запоминается.

Ноябрь 1936 года, Лондон

Хью Эллис разложил вокруг себя письма и телеграммы. Он еще раз перечитал свой доклад Генштабу.

Письма были из Испании, где английские наблюдатели, помимо прочего, имели задание: анализировать опыт применения танков в условиях современной войны.

Отчеты заставляли о многом задуматься.

Легкие немецкие и итальянские танки явили в Испании всю свою несостоятельность. Хорошо, конечно, что это немецкие и итальянские танки, а не английские. Умные учатся на чужих ошибках... Кстати, мысль Бисмарка. Умный был немец.

Вывод: по составу вооружения и скорости передвижения по пересеченной местности, — а скорость эта не превышала десяти километров в час, — «пехотный танк» современным требованиям не отвечает. Морально устарел.

Нужно поставить вопрос о производстве более совершенного танка. Назовем его «Матильда II».

Генеральный Штаб идею сэра Хью Эллиса одобрил. Однако отказываться от первой «Матильды» тоже не собирался. Зачем? Технология налажена, танк пошел в серию. Если все время экспериментировать и совершенствовать уже имеющееся, можно вообще остаться без танка поддержки пехоты.

Кроме того, более медленную «Матильду I» попробовали оснастить минным тралом.

Эллис, как и все ветераны Большой войны, сталкивался с проблемой минных заграждений. Хорошо бронированный танк подходил за этой задачи. Две длинные несущие рамы устанавливались по бортам корпуса и опускались с помощью цепной передачи с приводом от двигателя.

Недурная штука.

Только на «Матильду» ее так и не установили. Попробовали, остались в принципе довольны — и сняли. Потом использовали на танках других типов.

Июнь 1940 года, Дюнкерк

Капитан Уильям Голдинг с сожалением оглянулся на свою «Матильду» в последний раз.

Вот уже несколько месяцев во Франции действовали Четвертый и Седьмой батальоны Королевского Танкового Полка. Семьдесят семь танков, в том числе — «Матильды» I и II, плюс неизменные «Виккерсы».

Насчет брони Эллис и Карден не ошиблись — она оказалась достаточно прочной, чтобы немецкие Pz.II и Pz.III «обломали зубы» о нее. Однако британские пулеметы подвели — им, в свою очередь, не под силу оказалось пробить броню немецких танков. Пушечку бы...

С боями прошли Францию, потеряв половину всех танков. И вот теперь приходится бросать остальные... Как их эвакуировать? Эх... Прощай, верная «Матильда»!

...Обер-лейтенант Фердинанд Шнитке «покатался» на паре трофейных «Матильд» и составил рапорт на основе личных впечатлений:

«Британцы создали крайне медлительную машину, на которую, к тому же, невозможно установить пушечное вооружение. Единственное применение, которое может найти им победоносный германский народ, — пустить на металлолом».

11 октября 1941 года, Архангельск

Караван PQ-1 входил в порт.

Британия воевала с Германией всеми доступными ей способами. Все советское было теперь в моде. Мисс Матильда Грэй работала на заводе — трудовая мобилизация.

Нежная женская рука выводила русские буквы: «СТАЛИН» на броне... Этот танк отправится в Советский Союз, он будет стрелять в нацистов!..

— Разгружай, ребята! Вишь, какие каракатицы... — слышались голоса. — Ну, зададут фашисту... Британцы, что ли?

«Уточки» грузились на платформы и отправлялись в Горький.

Ноябрь 1941 года, Калининский фронт

Советские танкисты недоверчиво осматривали «иностранок».

Первое, что бросилось в глаза, — «летние» гусеницы.

— Это куда ж такое? — огорчались бойцы. — Они хоть соображают, где машина воевать будет? Тут без лома, бревна и такой-то

матери и не проехать — вон, все забиваться будет...

— Заскользит — опрокинется брюхом вверх, — вздыхали другие. — Нижней частью в небеса не навоюешься...

— Отставить разговорчики! — оборвал их командир, лейтенант Северьянов. — Лучше бы спасибо союзникам сказали. Техники не хватает ни у нас, ни у них. А дело наше общее — бить Гитлера.

«Доводили» машины буквально на ходу: на траки гусениц наваривали специальные металлические «шпоры».

То и дело танкисты страшно ругались:

— Стоит, каракатица! Ни туда, ни сюда!

— Хватит ругаться, давай очищай! — обрывал Северьянов.

— Так товарищ лейтенант!.. — обязательно тянул кто-нибудь жалобным голосом.

Между фальшбортами и гусеницами набивалась грязь, которая замерзала, и танк вставал.

— Эта зараза, небось, для Африки предназначается, для пустыни, — сердились танкисты.
— Едет, стало быть, англичанин в таком шлеме, как в кино показывали. Ага. Ходовая часть у нашей шарманки во, фальшбортом-то закрыта с окошечками. И сыплется, значит, песочек через эти окошечки с траков. Благодать... А тут — вон, болота да грязь непролазная.

— Напиши жалобу, — предложил Северьянов.

— А и напишу! — обозлился боец. — Коммунист я или нет? В штаб напишу! Чтоб от этой каракатицы нас избавили и посадили на нормальный танк!

21 января 1942 года, Западный фронт

— Смотри, ответили!

Листок с отпечатанным текстом лежал на колене у командира, и он громко, отчетливо зачитывал вслух:

«Пехотный танк «Матильда» является образцом среднего танка тяжелого бронирования. Особенностью конструкции танка является наличие у него фальшбортов из катаной стали, защищающих подвеску танка. В условиях плохих дорог Подмосковья...»

— Ну это мы знаем, — перебил сам себя товарищ лейтенант.

— Дальше, дальше читай! — требовали бойцы.

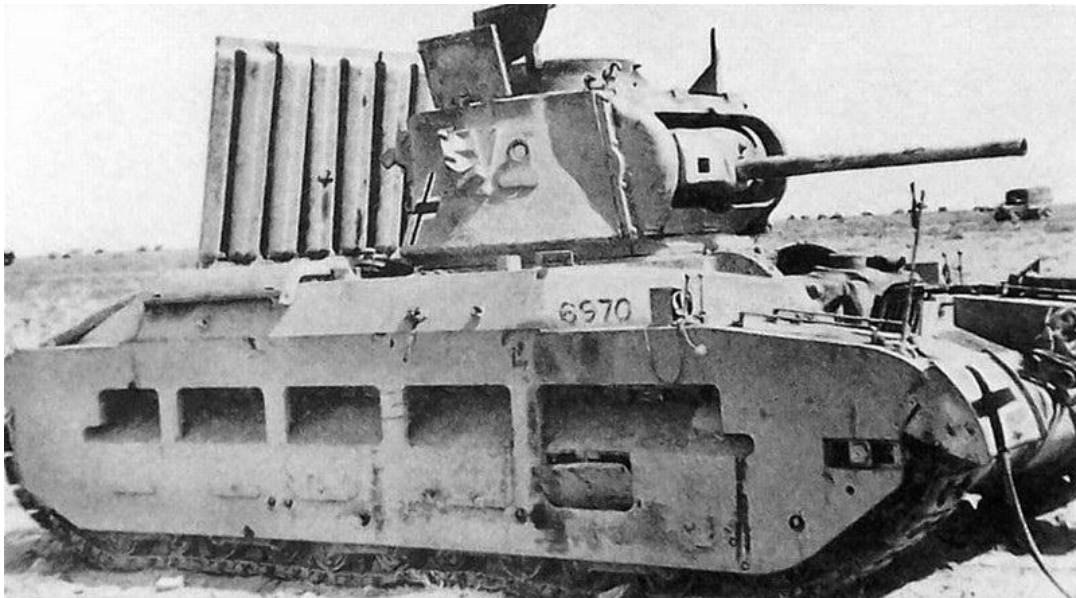
«К числу недостатков танка «Матильда» следует отнести слабость его орудия при ведении огня по живой силе противника и огневым точкам. Бронепробиваемость орудия удовлетворительна...»

— Ну и? — подал голос пессимист Тимофей Ушаков. — «Удовлетворительно» — это тройка, как в школе говорят.

— Удовлетворительно — это хорошо, — твердо сказал Северьянов. — Вот, смотрите: пишут, что рассматривается вопрос о перевооружении «Матильды» отечественной 76-миллиметровой пушкой. И руководящий вывод: «Практику очернения танков союзников и распространения им обидных кличек «каракатица» и «шарманка» прекратить».

— Все ясно? — Северьянов обвел своих бойцов строгим взглядом.

— Ясно, товарищ командир...

13 августа 1943 года, село Звенигородка, 1 Украинский фронт

Танковая бригада сосредоточилась в лесу. Командир роты лейтенант Лоза вывел свою «Матильду» на опушку, близ проселочной дороги.

Теперь ждать атаки.

Вторая рота под командованием старшего лейтенанта Князева двинулась вперед через гречишное поле: он получил приказ занять старую позицию.

Три первых «Матильды» появились над холмом и пошли по гречихе.

И тут по ним ударили советские противотанковые батареи.

— Зеленая ракета! Зеленая ракета! — закричал Лоза. — Дайте знак, что наши!

Артиллеристы продолжали обстреливать «Матильд».

— Ушаков, Петров, Тарасенко, — Лоза толкнул первых попавшихся под руку, — бегите на батарею, скажите этим ослам, что танки наши, пусть прекратят огонь!

Второй залп.

«Матильда» остановилась с развороченной ходовой частью.

Князев не остался в долгу — открыл ответный огонь. Танк смел с лица земли два орудия вместе с расчетами.

Наконец огонь смолк.

Вечером в штабе бригады стоял крик, произносились слова «вредитель» и «трибунал».

— Свои танки, свои же! Как ты сообразил открыть огонь? — орал начальник штаба.

Командир артиллерийской батареи даже не оправдывался. Десять человек погибло, три танка вышли из строя, два орудия уничтожено...

И тут старший лейтенант Князев спросил:

— А кто отвечает за то, чтобы у наших артиллеристов были силуэты танков союзников?..

Вопрос повис в воздухе.

1944 год, Лондон — Прага

«Матильды» — первая и вторая, «уточка» с пушечкой или с пулеметом, — шли по Европе вместе с Советской Армией.

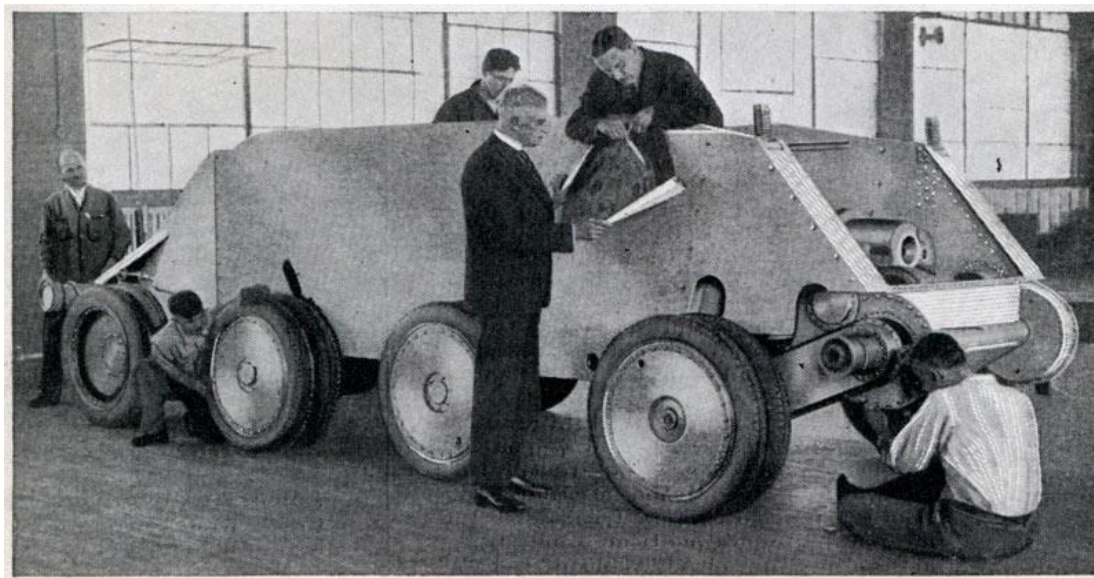
Почти все они к сорок четвертому году уже были списаны. Большая часть «пала смертью храбрых» на полях сражений. Некоторые еще работали учебными танками.

Все модификации «Матильды» имели почти неотличимый внешний вид.

Так что силуэт их был теперь вполне узнаваем.

А к концу сорок четвертого года и учебные танки «Матильда» и в самой Великобритании ушли в историю.

36. Гусеницы и колеса

5 декабря 1929 года, Москва

— Товарищи, мы должны по-коммунистически прямо взглянуть правде в глаза, — произнес председатель Реввоенсовета Клим Ворошилов. — Отечественная промышленность отстает в разработке конструкций образцов всех типов танков. Наши танки не отвечают современным требованиям...

В зале поднялся гул.

Совет Труда и Оборона заволновался. Ворошилов повысил голос:

— Да, товарищи, героическим трудом всего советского народа мы добились невероятных успехов. Но положение дел изменяется очень быстро. То, что еще вчера было самым передовым, сегодня уже устарело.

Со своего места поднялся заместитель председателя Совета Народных Комиссаров Орджоникидзе.

Зазвучал его красивый певучий голос, чуть «сдобренный» кавказским акцентом:

— Предлагаю внести решение — командировать за границу представителей военного ведомства и промышленности для приобретения образцов вооружения. Нам также необходимо получить техническую помощь по производству. Я бы даже так сформулировал: техническая помощь — это главный фактор.

Решение голосовали единодушно.

28 апреля 1930 года, Руоэй, Нью-Джерси, США

Джон Уолтер Кристи был уже немолод — шестьдесят пять лет, но по-американски бодр, сухощав, оживлен. Типичный янки.

Он начинал свою карьеру конструктора еще в годы, когда Европу сотрясала первая Большая война.

— Послушайте, Джон, — говорил ему инженер Брэдли, его помощник и правая рука, — неужели вы всерьез намерены сотрудничать с Советами?

— Почему бы нет? — Кристи пожал плечами, демонстрируя полнейшее свое «непонимание». — Чем вызван такой вопрос?

— Но ведь они — большевики! Наша страна даже не имеет с ними дипломатических отношений.

— Послушайте, Брэдли. — ответил Кристи, — я не одобряю политику большевизма, что бы это на самом деле не означало. По большому счету, я интересуюсь только одним: моими изобретениями. И плевать, кто воплотит их в металл. До того, как я навеки закрою глаза, я хочу увидеть танки «Кристи» в настоящем деле, в сражении.

Он зловеще оскалил зубы по щеткой седых, желтоватых от табака усов.

— И кроме того, я чертовски хочу утереть нос Конгрессу! Они меня не оценили? Плевать! Меня оценят русские. А там, глядишь, одумаются и остальные — потому что Советская Россия все-таки монстр, и с ним надо считаться.

Товарищ Халепский, возглавлявший советскую закупочную комиссию очень хорошо понимал, что является представителем «монстра». К тому же — весьма богатого монстра. В отличие от англичан, которые жались из-за каждого шиллинга, Халепский был буквально набит деньгами. Но потратить их намеревался с толком.

Джон Кристи не без злорадства внимал сплетням о том, как русских пыталась «окрутить» фирма «Каннингэм». Конечно, всучить такому покупателю танки малого типа — Т-1 и Е-1 — дело, можно сказать, «святое». Ну подумаешь — скорость движения маловата, подумаешь, двигатель и редукторы постоянно греются, подумаешь — гусеницы громоздкие!

СССР ведь — страна рабочих и крестьян? Возьмутся за молотки да напильники и доведут до ума!..

Ха-ха. Не надо было жадничать. «Каннингэм» задрали цену и начали качать права: советская сторона-де обязывается купить минимальную партию в пятьдесят машин, да еще с пятидесятипроцентной предоплатой.

Халепский, следует отдать ему должное, терпел до последнего. Соглашался — в принципе — даже на такие гнусные условия. Ему важно было заполучить главное: специалистов. В стране рабочих и крестьян этого «товара» не хватало.

А как раз в технической помощи и в допуске инженеров на заводы советской стороне фирма «Каннингэм» категорически отказала и Халепский с крючка сорвался. «Каннингэм» остались пожирать плоды своей жадности. (Они называли это — «предусмотрительностью»).

Кристи весело потер мозолистые ладони.

— Надо показать «товарищам», что не все янки — такие жадины! — сказал он.

И отправил Халепскому приглашение.

Тот прибыл — впрочем, нехотя. У Халепского был уже сформирован в мыслях образ «идеального танка». Машины Кристи в этот образ вписывались с трудом.

Однако Джон Уолтер Кристи обещал «товарищу» продемонстрировать свои новые, строящиеся прямо сейчас быстроходные танки.

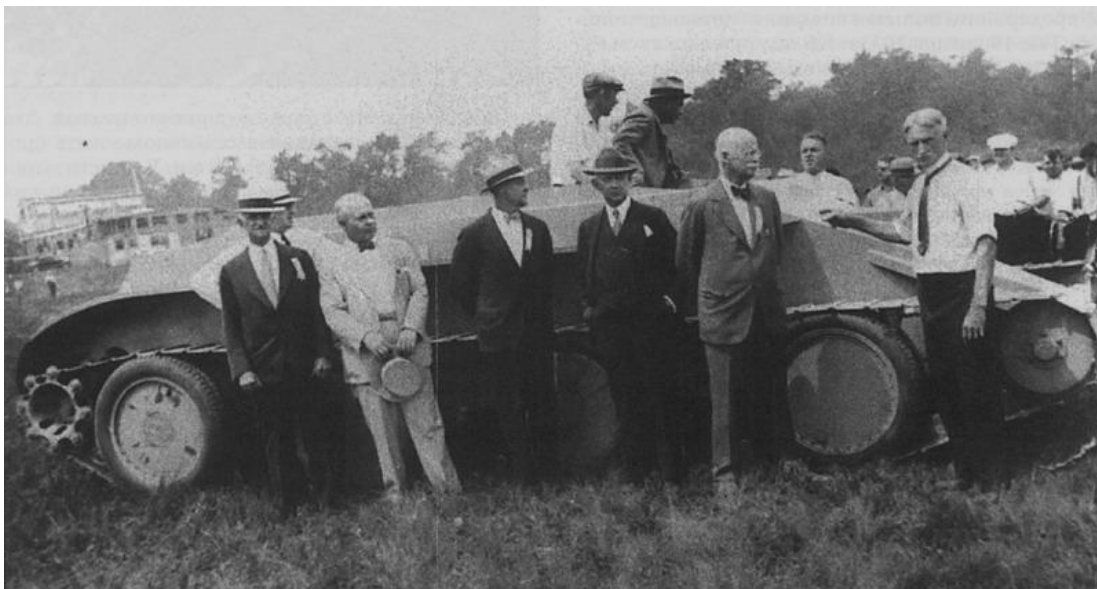
Халепский был впечатлен увиденным.

— Наша встреча была для меня в высшей степени познавательной, мистер Кристи, — подытожил товарищ Халепский. — Думаю, можно считать, что предварительно мы договорились.

Они скрепили договор рукопожатием, и товарищ Халепский с другими товарищами отбыли. Составление и подписание контракта были возложены на Амторг — организацию, которая отвечала за торговые сделки Советов в Америке.

Советская сторона покупала у Кристи два танка за шестьдесят тысяч американских долларов.

Еще сто тысяч Кристи получил от «большевистского медведя» за продажу производственных прав, передачу патентов и услуг в отношении технического содействия.

5 июля 1930 года, Москва

Теперь, когда между Халепским и Кристи существовало «джентльменское соглашение» (а оно, как считали оба, было куда важнее подписанных бумаг), Халепскому начал нравиться танк Кристи.

Прямо-таки кровно начал ему нравиться этот танк.

Отныне это был не «приличный» танк, «примерно подходящий» по параметрам; нет, это был отличный танк, лучший из лучших, единственно возможный быстроходный танк с независимым колесно-гусеничным движением.

Осталось еще внушить эту пылкую любовь остальным членам правительства.

Халепский горячо говорил в своем докладе о заграничной командировке:

— По скорости «Кристи» перекрывает все танки в мире. Предлагаю следующее: мотор «Либерти» для танков производить по-прежнему на авиационных заводах. Подготовить производство прочих агрегатов на Ярославском автомобильном заводе. На текущий 1930-1931 год дать промышленности задание построить не менее ста штук танков «Кристи».

14 июля 1930 года, Нью-Йорк

Товарищ Тоскин, член Научно-Технического Комитета, смотрел на Статую Свободы. Огромная белоглазая женщина вырисовывалась на фоне залива.

Против воли, статуя производила сильнейшее впечатление. В первый миг она как будто говорила ошеломленному зрителю: «Ты достиг обетованной земли». Нужно быть советским человеком, чтобы не поддаться ее могущественной магии.

Товарищ Тоскин отбил телеграмму Джону Уолтеру Кристи и отправился занимать номер в гостинице. Номер ему заказали и оплатили заранее, чтобы не возникало ни соблазнов, ни прочих глупостей.

Скоро от Кристи прибыли чертежи на 127 листах, а вместе с чертежами — короткое письмо, отпечатанное на старой пишущей машинке.

Джон Уолтер Кристи сообщал, что собирается посетить Москву вместе со своими машинами.

9 августа 1930 года, Москва

Главный конструктор главного конструкторского бюро при Государственном Всесоюзном оружейно-оружейно-пулеметном объединении товарищ Шукалов принял пакет с надписью «Совершенно секретно» и расписался в получении.

Драгоценные чертежи американского танка прибыли на советскую землю. Теперь следовало ожидать самого конструктора «верхом на танках».

Кристи запаздывал. Несколько раз он, как настоящий джентльмен-янки, телеграфировал советской стороне: «Делаю, что могу, но опять задержка. Прошу продлить срок». Сроки продлевались — а куда деваться? Тем более что работы и без Джона Уолтера Кристи пока хватало.

Подыскивали завод, способный производить новый танк.

Самым ценным в этом танке была совершенно новая подвеска. Ее так и называли — «подвеска Кристи». Каждое колесо оснащалось мощной вертикально установленной пружиной, расположенной между двумя бортовыми листами корпуса и связанной с катками через качающиеся рычаги.

Все это следовало изучить и применить для народного хозяйства и социалистической промышленности как можно скорее.

21 ноября 1930 года, Москва

Танк «Кристи» принят к производству. Окончательно. Все подготовлено, ждут только самого конструктора.

— Мы не можем игнорировать тот факт, — заметил товарищ Ворошилов, — что этот танк не полностью соответствует нашей программе. Скорее, это очень удачный, но все-таки промежуточный вариант.

— По этому поводу, — поднялся товарищ Халепский, — я должен сделать одно важное уточнение. Поскольку танк «Кристи» не отвечает целиком и полностью требованиям танко-тракторно-авто-броневоружения, то и сквозного индекса «Т» ему не следует присваивать. Более разумным представляется присвоение ему индекса «СТ» — «сороходный танк», или «БТ» — «быстроходный танк».

30 декабря 1930 года, Нью-Йорк

Джон Уолтер Кристи не поехал в СССР. Но проводить свои танки пришел.

Долго еще стоял он в порту, глядя на удаляющийся корабль.

В трюме уезжали два танка «Кристи». Уезжали за океан, в Советский Союз, который кое-кто называл «страной победившего варварства».

Почему-то Кристи было грустно. Неужели он не увидит свое детище в настоящем бою?

Но скоро мысль его перешла на новый проект. Ему виделись танки, способные развивать скорость до ста километров в час, способные перепрыгивать ров шириной в шесть метров и преодолевать уклон в сорок пять градусов.

Эскадрилья летающих танков! Вот они свободно проходят линию фронта и громят противника с тыла! Джон Уолтер Кристи мечтательно зажмурился. Впереди так много работы...

16 мая 1931 года, полигон под Харьковом

Начались работы по изучению образцов, прибывших из Америки.

«Кристи» выглядел элегантно: легкая боевая колесно-гусеничная машина с классической схемой компоновки.

В передней части корпуса располагалось отделение управления. Механик-водитель размещался по центру. В средней части танка находилось боевое отделение, в кормовой — моторно-трансмиссионное.

Башня с вооружением отсутствовала.

Экипаж в количестве двух человек должен был садиться в машину через водительский люк.

С посадкой сразу вышла заминка. Непонятно, о чем думал Джон Уолтер Кристи. Вряд ли американские танкисты такие субтильные. Во всяком случае, brave советские ребята через водительский люк протискивались с трудом. Поэтому пришлось забираться в машину через отверстие для башни.

Танк предполагался как «истребитель». Броня его доходила до четырнадцати миллиметров. Рычал авиационный двигатель «Либерти» — четыреста лошадиных сил.

Управляли танком с помощью рулевого колеса, которое можно было снимать. Если возникала необходимость поворота на месте, пользовались рычагами, предназначенными для управления машиной при движении на гусеницах.

— Попробуем ехать? — спросил командир отделения, когда первоначальное знакомство с танком состоялось.

И машина двинулась с места.

Следующие десять дней «американским друзьям» не давали покоя. Танк прошел на колесах и гусеницах сто пятьдесят километров.

— Интересно, как он в Америке-то катался? — ворчали русские танкисты. — По шоссе-то дороге, что ли?

Уолтер Кристи сообщал, что его танки перед отправкой прошли испытания. В частности — пробег составил аж пятьдесят километров.

В условиях Украины уже на второй день во время поворота на травяном грунте сломался кронштейн правого ленивца.

Два дня танк чинили.

Починили.

Прошел пятьсот метров — сломался по новой...

27 мая — 13 июня 1931 года, Украина

На колесах танк «Кристи» передвигался со скоростью семьдесят километров в час. Одолевал и шоссейные дороги, и грунтовые.

Управлять этим танком на грунтовых дорогах оказалось весьма затруднительно: когда «Кристи» подпрыгивал на неровностях, толчки выбивали руль у водителя из рук. Приходилось сбавлять скорость.

Пытался брать препятствия, искусственные и естественные: пять рядов проволочных заграждений, двухметровый окоп.

Установка гусеничных лент занимала у экипажа (Халепский нарочно смотрел на часы) сорок четыре минуты. Снятие — на десять минут меньше.

В целом — удовлетворительно.

«Доработать — и в производство» — таков был основной вывод, сделанный комиссией наркомата после испытаний.

Осень 1936 года, окрестности Киева

Впервые за десятилетия представители военных ведомств иностранных государств получили возможность наблюдать действия Красной Армии вблизи.

«Монстр», о котором доходили лишь противоречивые слухи, — даже знаменитая британская разведка не всегда была достоверна, — явил себя во всей красе.

Зрелище было ужасным.

«Синие» должны были сражаться против «Красных» (так условно именовались противники на маневрах). Небо наполнилось самолетами, а по земле, вздымая тучи пыли, исторгая рев, мчались быстроходные легкие танки БТ-5 — «советские Кристи».

Они поражали лихими прыжками с разгона через рвы.

Один только вид этой армады производил... гм... выразимся сдержанно: сокрушительное впечатление.

Французский наблюдатель генерал Луазо высказал общее мнение:

— В отношении танков я полагал бы правильным считать Армию Советского Союза на первом месте.

Английский наблюдатель, капитан Лиддел Гарт кивнул:

— Даже если это сплошная показуха, — черт побери, джентльмены, — то это дьявольски убедительная показуха.

— Как вы считаете, сэр, смогут ли машины Королевского Танкового Корпуса выстоять против БТ? — наклонился к уху Гарта его коллега, капитан Тодд.

— Во-первых, сэр, их маловато, а во-вторых, далеко не все оснащены пушечным вооружением. Так что мой ответ — вряд ли, сэр.

— Что же нам, в таком случае, предпринять, сэр?

— Полагаю, следует закупить у мистера Кристи какой-нибудь танк...

Тут с небес «на головы» представителей иностранных военных миссий посыпались советские парашютисты. Это зрелище окончательно доконало «буржуев».

Октябрь 1936 года, Нью-Джерси, США

«Летающий» танк Кристи не заинтересовал Конгресс.

Идиоты там заседают, что ли?

Джон Уолтер Кристи мрачно жевал табак, когда к нему явились англичане.

В тех случаях, когда им это было выгодно, «милорды» умели быть откровенными.

— Мы наблюдали ваши танки в условиях, приближенных к боевым, мистер Кристи, — сказали они. — Великобритания заинтересована в покупке подобных же танков.

Кристи попытался всучить им «летающие» танки, модель M1936, но англичан интересовал только один вариант: танк «Кристи» модификации M1931. Его и купили в количестве одного экземпляра и без вооружения. Англичане имели обыкновение экономить во всем.

Тогда как в Советском Союзе Автобронетанковое управление РККА выдало заводу № 183 тактико-технические требования на новый танк под индексом А-20, где первым пунктом шло обязательное: «На основе танка «Кристи» с приводом на шесть колес». Еще через четыре года Советы поставят на конвейер Т-34, который во многом решит исход надвигающейся Великой войны...

37. Беспомощный «мастодонт»

The bizarre "Tser-tank" was built in 1915. It was probably the largest (40 tons) tank ever made anywhere.

his idea was based on a simple fact, it is easier to hold the line than to attack. An attacking side needs protection. There were armored vehicles invented for that purpose, but they were useless on bad roads. The pass-ability of a wheel directly depends on its diameter, so engineers decided to make huge wheels for armored vehicles. This idea first occurred to Captain Nikolay Lebedenko, the head of the Moscow military and technical laboratory.

Nikolay Lebedenko suggested the project of a very unusual military vehicle in May of 1915. It was an armored vehicle with huge wheels, which looked like a gun-carriage. Engineers Boris Stechkin and Alexander Mikulin (they later became famous Russian academicians) started working on the project.

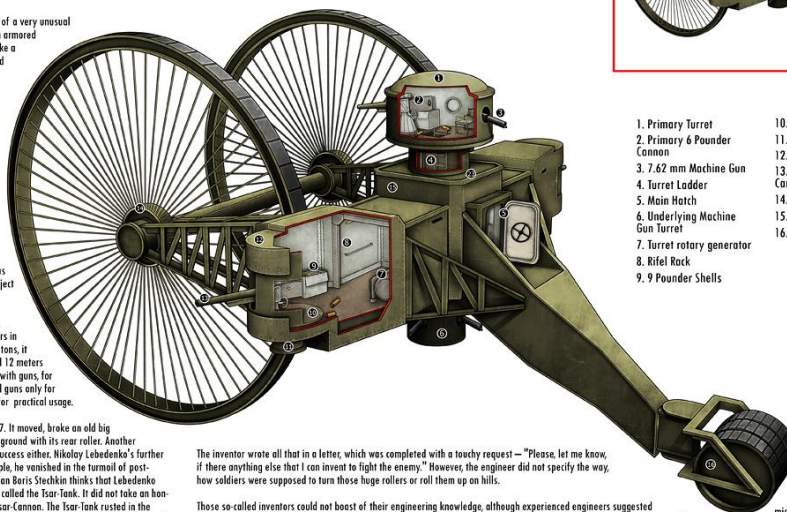
Mikulin remembers: "Nikolay Lebedenko invited me to come to his office, he locked the door and whispered to my ear: "Professor Nikolay Zhukovsky referred you as a skillful engineer. Do you agree to work on the project of the machine that I invented? Such machines will help to break through the whole German front just within one night, and Russia will win the war."

It is worth mentioning that Lebedenko was not the only person, who suggested a project of an armored vehicle with huge wheels. However, it was Nikolay Lebedenko, who managed to realize his project in real life. The wheels of his vehicle were nine meters in diameter. The machine weighed about 40 tons, it was nine meters high, 17 meters long and 12 meters wide. Yet, the machine was not equipped with guns, for the Central Artillery Department provided guns, only for the projects, that were considered ready for practical usage.

The machine was tested in August of 1917. It moved, broke an old big birch-tree on its way and got stuck in the ground with its rear roller. Another test took place in 1918, but it was not a success either. Nikolay Lebedenko's further fate is not known. Like a lot of other people, he vanished in the turmoil of post-revolutionary events in Russia. Academician Boris Stechkin thinks that Lebedenko probably died. Lebedenko's machine was called the Tser-Tank. It did not take an honorable place next to the Tser-Bell or the Tser-Cannon. The Tser-tank rushed in the woods, until it was dismantled in 1923. That was the end of the inglorious history of the first Russian self-propelled armored vehicle.

Such unlucky inventors as Nikolay Lebedenko became a real disaster for Russian military men in the beginning of the 20th century. There were too many projects of wonder arms. For example, an engineer offered to use boiler metal for producing rolls of six meters in diameter, which would be tens of meters long. As an inventor thought, soldiers could roll those rollers in front of them. Rollers were also supposed to be outfitted with machine-guns at its ends.

EXPERIMENTALS OF WAR Tser Tank (Netopyr)

1. Primary Turret
2. Primary 6 Pounder Cannon
3. 7.62 mm Machine Gun
4. Turret Ladder
5. Main Hatch
6. Underlying Machine Gun Turret
7. Turret rotatory generator
8. Rifel Rack
9. 9 Pounder Shells
10. Side Mounted turret
11. Rotating apparatus
12. Turret Housing
13. Side Mounted 9 Pounder Cannon
14. Tricycle wheel
15. Control Room Housing
16. Rear Wheel

The cutaway illustration to the left depicts the Tser Tank based upon blueprints and photographs from 1916 - 17.

The inventor wrote all that in a letter, which was completed with a touchy request — "Please, let me know, if there anything else that I can invent to fight the enemy." However, the engineer did not specify the way, how soldiers were supposed to turn those huge rollers or roll them up on hills.

These so-called inventors could not boast of their engineering knowledge, although experienced engineers suggested unreal monsters sometimes too. For instance, there was an interesting project of an "upgraded tortoise," which was suggested by engineer Navrotsky. The machine was supposed to weigh 192 tons, to move with the help of three rolls and to have an unimaginable complex of ordnance — 16 guns and ten machine-guns.

European engineers also dreamed of designing such movable fortresses. Major of the Royal Naval Aviation Service Hatterington projected a "land cruiser" in the beginning of 1915. The British defense monster was supposed to have three wheels of 12 meters in diameter, six guns and 12 machine-guns. The project was considered at the committee for land cruisers: the mass of the giant cruiser made up one thousand tons. The director of the ship-building department refused from building such a monster.

The huge wheels were intended to cross significant obstacles. However, due to miscalculations of the weight, the back wheel was prone to be stuck in soft ground and ditches, and the front wheels were sometimes insufficient to pull it out. This led to a fiasco of tests before the high commission in August 1915. The tank remained in the location where it was tested, some 40 kilometers from Moscow until 1923 when it was finally taken apart for scrap.

20 декабря 1914 года, Москва

Россия должна выиграть войну!

Об этом кричали заголовки газет. Инженеру Николаю Лебеденко казалось, что они кричат прямо у него в голове.

«Раздавить коварного врага!»

«Позор Германии!»

Он проснулся среди ночи, как от толчка. Во сне к нему пришла идея. Она и разбудила изобретателя.

Идея была простой. Сначала Лебеденко думалось, что она, как и любой сон, при пробуждении обнаружит свою несостоятельность, но этого не произошло. Напротив, чем дольше он размышлял, тем более правильными представлялись окончательные выводы.

В Средней Азии он не раз видел, как арба легко едет по каменистой горной дороге. Там, где застряла бы обычная телега, арба с ее огромным колесом легко преодолевает препятствие.

Необходимо построить такое оружие, которое могло бы, благодаря гигантскому колесу, проходить через вражеские окопы!

Колесо высотой в дом. Вот что нужно. Это спасет Россию.

Николай Николаевич не мог больше спать. Он бросился к столу, зажег лампу, разложил бумаги и взял чертежный набор.

Вырисовывалась машина, напоминавшая по своей конструкции сильно увеличенный орудийный лафет.

Соотношение высоты передних и задних колес — это все потом. Сейчас главное — набросать общий план, зафиксировать на листках концепцию.

Колеса. Колеса — главное: они обеспечат проходимость всей конструкции. И заодно наведут ужас на врага.

Лебеденко зажмурился. Представил себе: вот движется на него невероятное железное чудовище, размерами превышающее дом!..

И оно не просто движется, оно еще и стреляет!

Наверху будет размещена пулеметная рубка. И надо еще пару пулеметов установить по бокам, в спонсонах...

Два спицевых передних колеса будут диаметром в тридцать футов. Коробчатый корпус — Т-образный, шириной не менее тридцати девяти, а лучше сорока футов. На крайних точках корпуса, выступающих за плоскости колес — вот там лучше всего будет расположить спонсоны с пулеметами.

— Пушки! — произнес Лебеденко вслух. — Можно пулеметы, а можно и пушки! И ехать оно должно очень быстро, верст двадцать в час.

Он закрыл глаза, продолжая сидеть за столом. Колоссальная машина для убийства мчалась перед его мысленным взором, изрыгая пламя. Враг бежал. Кто не успевал бежать, был повержен. Огромные колеса легко перескакивали через окопы, подминали под себя технику, людей.

Вот так Российская империя победит в войне.

Уверенный в успехе, Лебеденко вернулся в постель и проспал крепким сном до самого утра.

21 декабря 1914 года, Москва

— Идея безумная, безумная идея! — повторял Жуковский, расхаживая по комнате.

Именно к Николаю Егоровичу Жуковскому, ученому, профессору, изобретателю, явился утром следующего дня инженер Лебеденко со своим замыслом.

Жуковский обитал в тихом Мыльниковом переулке, в небольшом доме, где было по зимнему времени очень жарко натоплено. Заведовала бытом няня — ветхозаветная старушка, поэтому и обстановка на Мыльниковом была самая старинная.

Тотчас подали самовар и пряники. Лебеденко рассеянно взял чашку, обжегся и заговорил о своем проекте.

— Один я с разработкой не справлюсь, — признал Лебеденко. — Тут расчеты и чертежи нужны, а у меня по этой части мало опыта. Но я попробую отыскать материальные средства. Если там, — он указал пальцем вверх, — убедятся в полезности проекта, то и деньги будут.

— В первую очередь необходим мотор, — сказал Жуковский, едва дослушав изобретателя до конца. — Без мотора ничто с места не сдвинется. А где такой взять? Русского двигателя для вашего мастодонта пока не построили.

— Сделайте расчеты, — повторил Лебеденко, точно в полубреду, — а про мотор не думайте. Пока. Будут расчеты — найдется и мотор. Бог на нашей стороне!

Проводив странного гостя, Жуковский начал собираться. Он надел широкополую шляпу, плащ-крылатку устаревшего фасона, вышел из дома, сел на извозчика. Все ближние извозчики знали привычки профессора и без лишнего вопроса возили его в Московское Высшее техническое училище, где Жуковский читал лекции и производил опыты в своей аэродинамической лаборатории.

Он вернулся домой к обеду и, по обыкновению, часа два поспал. Затем сел за письменный стол — доканчивать чертежи и расчеты, которыми занимался накануне.

Идея Лебеденко, как ни странно, Жуковского заинтересовала своей крайней необычностью. Он поневоле начал чертить спицевое колесо.

— Нужно как следует рассчитать давление на грунт, — бормотал он.

Жуковский начинал свой творческий путь в те годы, когда велосипед был диковиной. Сам по себе этот колесный «агрегат» увлекал Жуковского как задача теоретической механики, и он по целым дням вычислял — как работают спицы и обод велосипедных колес.

«Я хочу решить велосипед математически», — говорил он.

Теперь ему предстояло «математически решить» чудовище, которое про себя он именовал «Танк Лебеденко» или, еще проще, — «Мастодонт».

Он исписывал листок за листком, и скоро уже странички, покрытые крупными буквами — строки неряшливо загибались книзу, — лежали на столе, на пепельнице, подоконнике, на старинных часах, всегда стоявших на письменном столе Жуковского...

21 января 1915 года, Царское Село

— Государь ждет.

Лебеденко, замирая, вошел в большой кабинет в Александровском дворце Царского Села, где размещалась резиденция государя.

Николай Второй смотрел прямо на него, сидя за столом.

Царь был в точности похож на свои портреты: неподвижное лицо, загадочный — «византийский» — взгляд светлых глаз. И еще он был похож на императора Вильгельма. Это сходство старательно ретушировалось газетными карикатуристами, которые рисовали «Вилли» с дыплячьею вывернутой шеей и непомерными усами.

Царь был спокоен, любезен.

Лебеденко поставил перед ним модель «Мастодонта». Модель была деревянной, размером с игрушку, но могла двигаться: ее снабдили специальным двигателем на базе граммофонной пружины.

— Ваше величество, я пришел рассказать вам, как выиграть войну! — выпалил Лебеденко.

«Мастодонт» поехал.

— За счет размера колеса... — начал объяснять Лебеденко. — Да я, впрочем, лучше покажу.

Модель побежала по ковру.

— Скорей, дайте книгу! — возбужденно крикнул Лебеденко, не помня себя от волнения.

Царь тоже, казалось, забыл о разнице в их положении. Он схватил со стола свод законов Российской Империи и протянул инженеру.

Игрушечный «танк» легко одолел преграду.

Государь подошел к шкафу и вынул сразу несколько больших книг. Скоро они с Лебеденко соорудили в кабинете на полу целую систему препятствий, нагромоздив горы книг.

«Мастодонт» не смущался никакими «монбланами» — деловито жужжа, он крушил воображаемого врага.

— При помощи таких вот машин в одну ночь будет прорван весь германский фронт, и Россия выиграет войну! — горячо заверил Лебеденко.

Николай улыбнулся.

— Господин Лебеденко, — произнес император, — я думаю, у вашего изобретения большое будущее. Считайте меня своим покровителем в этом деле. Я распоряжусь, чтобы вам выделили необходимые средства для постройки. Начнем с суммы в 210 тысяч рублей. Полагаю, этого хватит.

Лебеденко схватился за грудь. Будь времена другие, он бы бросился целовать царю-батюшке руки, но сейчас ограничился поклоном.

При выходе из кабинета он вдруг замешкался и нарочито произнес:

— Гм...

— Да? — Николай поднял брови, глаза его стали круглыми.

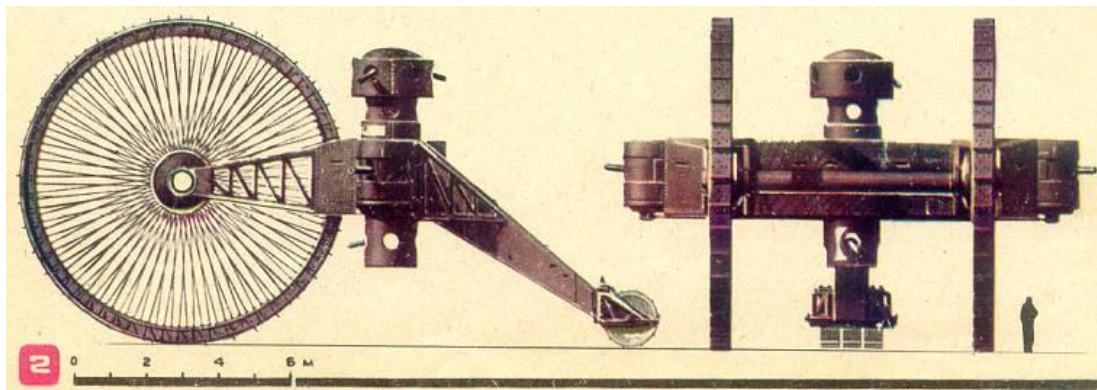
— Недавно, ваше величество, доблестными авиаторами армии российской был сбит вражеский дирижабль, — произнес Лебеденко. — Так с него были сняты моторы «Майбах», каждый по двести сорок лошадиных сил, ваше величество!

— Мне об этом известно, — сказал царь.

— Не то чтобы русские изобретатели не способны были построить такой мотор, и даже лучше, — продолжал Лебеденко, — но ведь на это требуется время, а времени-то у нас и нет.

— Я распоряжусь, чтобы «Майбахи» отдали вам, — кивнул Николай.

Аудиенция была окончена.

Май 1915 года, лес в районе станции Орудьева, к северу от Дмитрова

— Почему это в тот лес ходить нельзя? — возмущенно спросила бабка Маланья, когда двое солдат дали ей от ворот поворот, едва она сунулась с корзиной в знакомый лесок. — Я там всегда хворост брала!

— Всегда брала, а теперь не будешь! — отвечали солдаты. — Там, бабка, теперь засекреченный царский объект.

— Чего царский? — не поняла бабка.

— Оружие делают, немца воевать! — объяснили солдаты. — Только это тайна, будешь болтать — тебя как шпионку под расстреляние отдадут.

Бабка, конечно, болтать не стала, но что в лесу возле станции Орудьево какие-то секретные дела делаются, — ни для кого из местных жителей скоро секретом не стало.

Лебеденко вернулся в Москву окрыленный: с деньгами, с царской милостью, с двумя моторами «Майбах». Кроме того, он получил звание капитана.

«Майбахи» решили главную проблему. Каждое из двух больших ходовых колес вращал свой мотор.

Жуковский готов был поверить в проект и с жаром взялся «пересчитывать вещь» — производить расчеты по спицевым колесам.

«Мастодонтом» колесный танк Лебеденко назывался теперь только «в просторечии», а официально именовали его «Царь-танком».

В конструкторском бюро на Садово-Кудринской трудились разработчики — сам Жуковский и двое его молодых племянников, Борис Стечкин и Александр Микулин.

Лебеденко осуществлял общий патронаж и «парил» в высоких сферах.

Заказ на изготовление деталей разместили на заводе в Хамовниках.

— Шпионов надо опасаться, — повторял Лебеденко. — У немцев повсюду свои шпионы.

Поэтому все было доставлено в Орудьево под глубоким секретом и там же, на полигоне за высоким земляным валом и колючей проволокой, началась сборка.

Микулин не любил ездить на полигон. Разве что на моторы поглядеть. Трофейные «Майбахи» были им разобраны, изучены и собраны, и думал он о них постоянно, как о любимой девушке. Хотелось изобрести что-то еще более грандиозное. На триста лошадиных сил, например!

— Давай, живей! — подгоняли рабочих унтер-офицеры, следившие за порядком на полигоне.

— Прямо как в тюрьме мы, — жаловались рабочие.

— Разговорчики! На царя-батюшку трудитесь!

Микулин написал жалобу Лебеденко и попросил его вмешаться: телесные наказания, зуботычины и постоянная брань со стороны начальства, по словам молодого конструктора, только затрудняли работу. Лебеденко обещал вмешаться, но потом забыл.

9 сентября 1915 года, полигон Орудьево

Машина была готова.

«Мастодонт», он же «Царь-танк», во всей красе высился посреди поляны.

Глядеть на него было жутко, аж дыхание перехватывало.

Он и правда был выше дома. Передние колеса достигали тридцати футов, задние — пяти. Перекладина буквы «Т» на корпусе достигала сорока футов.

Высокая комиссия старательно сдерживала чувства. Особенно когда жуткая машина ожила.

«Царь-танк» побежал по настилу. Психологическое воздействие его на противника было несомненным. Все препятствия, какие только попадались ему на пути, — а препятствия эти были в виде березок и других деревьев, — ломались, точно спички.

Затем деревянный настил закончился, и «Царь-танк» моментально завяз в мягком грунте.

Задний управляемый каток в силу своих относительно малых размеров и неверного распределения веса машины в целом врос в почву. Большие колеса не могли его вытащить. И даже двигательная установка — самая мощная из возможных, — оказалась бессильной.

Некоторое время комиссия наблюдала за тем, как машина борется за свою жизнь. Лебеденко был бледен, как полотно. Микулин шевелил губами — подсчитывал, справился бы в данной ситуации мотор на триста лошадиных сил (лелеемая мечта) или таковой тоже опозорится.

Танк дернулся еще раз.

И тут один из членов комиссии, артиллерии полковник, просто спросил:

— А как насчет уязвимости этого агрегата?

— Что? — не понял Лебеденко. Он считал, что еще несколько рывков, танк освободится, и проект будет признан великолепным.

— Я к тому, что вся эта штуковина слишком большая, — пояснил полковник. — Он ведь очень уязвим, особенно при артиллерийском обстреле фугасными снарядами. Что скажете?

— Не знаю, — Лебеденко облизнул губы.

— Да ведь простой залп шрапнели по спицам колес гарантированно выведет аппарат из строя, — настаивал полковник. — А при удачном попадании в ступицу колеса машина вообще сложится, как карточный домик. Я тут прикинул...

Никто не отвечал.

— Скрытная переброска таких колоссов к фронту не представляется возможной, — подал голос другой член комиссии.

— А как вы планируете их серийное производство? — спросил третий. — Ведь подобных двигателей, насколько нам известно, у нас пока не производят. Нельзя надеяться, что мы постоянно будем сбивать дирижабли с нужными для «Мастодонта» двигателями!

Танк затих.

Комиссия выпила чаю в штабе и уехала писать донесения.

20 сентября 1915 года, полигон Орудьево

— Не могу поверить! — Лебеденко смотрел на телеграмму, где ясно и отчетливо было написано: проект остановлен.

Жуковский и Стечкин уже отбыли в Москву и засели за проект нового двигателя для машины.

Солдаты и рабочие, приданные полигону, продолжали попытки вытащить «Царь-танк» из трясины. «Мастодонт» не поддавался и упорно уходил в землю, подобно былинному богатырю.

И вот комиссия прислала свои выводы. Из-за недостаточной проходимости и, главное, большой уязвимости «Царь-танк» признан непригодным для использования в боевых условиях.

Все, чего добился Лебеденко, — это охраны из взвода солдат, которые продолжали стеречь полигон и скрытое за колючей проволокой в лесу чудовище.

Май 1923 года, станция Орудьево

— Да не бойтесь, ребята! Чего бояться-то? Эта штука-то, чай, не живая, а железная!

— А как оживет?

— Это она при царском режиме, может, и могла ожить, а сейчас не старое время!

Голоса юных пионеров звенели среди деревьев.

Ребята отправились в «Лес танка», как называли это место на станции Орудьева, за металлоломом.

От пионервожатых они слышали, что когда-то кровавый царизм держал там за колючей проволокой рабочих, чтобы путем жестокой эксплуатации создавать ужасные машины для войны.

И одну такую машину они создали. Но потом Революция освободила рабочих, и они удрали из своего плена, оставив там ржаветь страшное металлическое чудовище.

И вот теперь этот бесполезный металл послужит власти рабочих и крестьян!

— Осторожно, братцы, тут колючка! — сказал один из мальчиков.

Дети переступили через упавшую изгородь, стараясь не пораниться о ржавые колючки. А затем между стволов деревьев выступило Нечто.

Оно было гигантским, безмолвным — и страшным.

Дети застыли, парализованные ужасом.

Как застыли бы немцы, если бы монстр двинулся на них, перескакивая через окопы.

Потом самая младшая из девочек завизжала, и пионеры дружно бросились наутек.

38. Трактор для колосьев смерти

19 октября 1914 года, Франция

— Черт бы побрал этот климат! — ворчал майор Эрнст Данлоп Суинтон. — С тех пор, как я в Европе, у меня постоянно заложено горло!

Секретарь комитета имперской обороны капитан Хэнки взглянул на небо, затем пожал плечами — жест типичного британца:

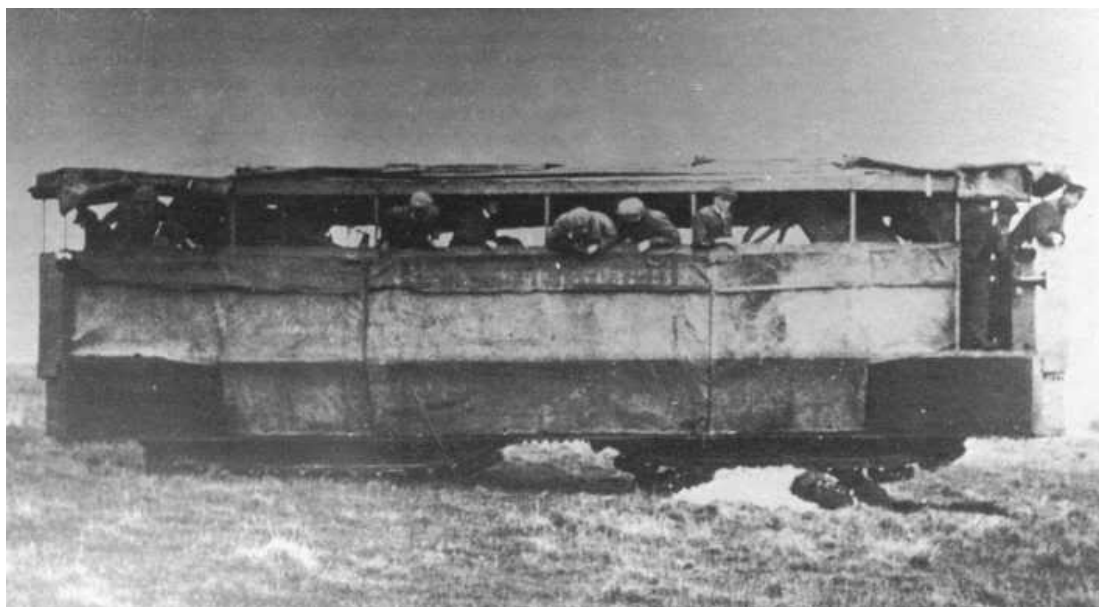
— А что не так с этим климатом, сэр?

Он мог позволить себе быть чуточку снисходительным: Суинтон считался в первую очередь писателем. Да еще из колоний. Суинтон, потомок старинного шотландского клана, родился в Индии и избрал традиционную для семьи военную карьеру.

Но что-то определенно не вполне военное жило в душе этого индийского шотландца. Во всяком случае, он сделался военным инженером, а заодно начал писать книги.

Не беллетристику, к счастью, нет!.. Книги по тактике. Например, очень недурная была книжечка, описывающая действия небольших маневренных, хорошо вооруженных и хорошо тренированных отрядов. Опыт англо-бурской войны, знаете ли... Хэнки даже прочитал ее.

А вот историю русско-японской войны (которую сам Суинтон считал весьма поучительной) капитану Хэнки прочесть не довелось. Она вообще издавалась только для служебного пользования. Понадобится — прочтет, а так — любопытство тешить незачем.

И все-таки Суинтон — всего лишь военный корреспондент Великобритании. Кстати — единственный, других не было. Военное министерство не допускало журналистов на фронт. Весьма разумная мера.

— С этим климатом все не так! — ответил Суинтон, кутаясь в шарф.

Ему стукнуло сорок шесть. Он славился своим умением подбирать слова. Он придумал термин «ничейная земля» (No Man's Land). Но против европейского климата этот уроженец южной Индии был бессилён.

Природа всегда сильнее человека.

Автомобиль тащился под осенним дождем по размытой, разбитой дороге. Колеса поминутно вязли в глинистой почве.

— Сейчас бы сюда трактор, — проговорил Суинтон задумчиво. Он как будто размышлял вслух.

— Трактор, сэр? — не скрывая иронии, переспросил Хэнки.

— А что такого? — Суинтон повернул голову и посмотрел собеседнику в глаза. — Британское военное министерство уже закупает тракторы в качестве тягловой силы для артиллерийских орудий. Гусеницы не так вязнут в глине. Проходимость лучше.

— Помилуйте, сэр, такая машина будет ползти, как улитка! — возразил Хэнки.

— Тише едешь — дальше будешь, — отозвался Суинтон.

— Пока она тихо едет, ее прекрасным образом расстреляют вражеские пулеметы, — проворчал Хэнки.

— А если сделать ее бронированной? Идея витает в воздухе уже какое-то время! — Суинтон сделал жест, долженствовавший обозначать витающие в воздухе идеи.

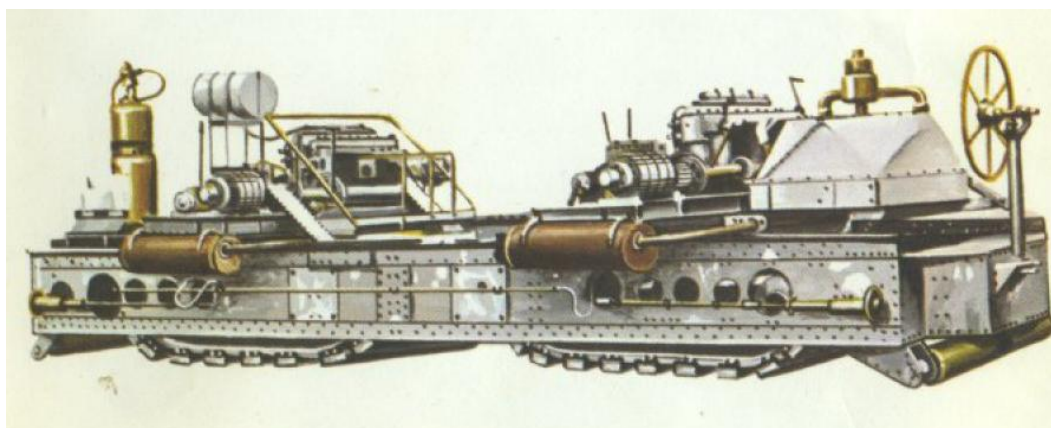
«Писатель!» — с досадой подумал Хэнки.

Декабрь 1914 года, побережье, недалеко от Дувра

Майор Хэнки стоически щурился на продувном ветру.

Белые скалы Дувра высились над ревущими волнами.

Перекивая ветер, один из высших офицеров службы морской авиации Адмиралтейства что-то пытался объяснить.

Хэнки смотрел на деревянную модель броневое щита, укрепленного на самодвижущейся повозке.

— За этим щитом будут укрываться пехотинцы, — объяснял Суэтер, чиновник морского ведомства. — Кроме того, мы предлагаем создать тяжелые катки, движимые сзади гусеничным трактором. Идеальное средство для утюжки окопов.

— Будете давить немцев в прямом смысле слова? — прищурился Хэнки.

Он осторожно относился ко всем этим идеям создания сухопутных крейсеров. Тракторы не выдерживали испытаний: ломались, вязли, опрокидывались, двигались со слишком маленькой скоростью.

И тут проблему «сухопутных кораблей» подхватило морское ведомство. Перед службой морской авиации стоял вопрос охраны своих аэродромов на континенте. И сначала эту задачу возложили на броневые автомобили.

Но мысль человеческая на месте не стоит — вслед за броневыми автомобилями явились и бронешиты, и средства для утюжки окопов... и снова тракторы.

— Что ж, — решил в конце концов Хэнки, — я напишу докладную записку Первому лорду Адмиралтейства. Поведаю сэру Уинстону Черчиллю обо всем, что увидел.

9 января 1915 года, Лондон

Черчилль закурил сигару. Докладная записка майора Хэнки беспокоила его.

«Было бы весьма просто в короткое время оборудовать некоторое количество паровых тракторов броневыми щитами, за которыми располагались бы люди и пулеметы...»

— «Весьма просто», — вслух повторил Черчилль. — У них все просто.

— «Примененные ночью, они в некоторой степени не опасались бы действия артиллерийского огня. Гусеничная система сделала бы их способными очень легко преодолевать окопы, а своим весом машина могла бы уничтожать проволочные заграждения».

Черчилль так разозлился, что непроизвольно откусил кончик сигары.

— «Очень легко»! — повторил он. — «Не опасаясь огня»! Изобретатели!

Он взял лист бумаги и набросал черновик приказа. Первый лорд Адмиралтейства решил для начала ограничиться изготовлением тяжелых катков.

— Вот и посмотрим, как это у них получится «очень легко»! — подытожил он и поставил точку.

10 февраля 1915 года, полигон в 15 километрах от Лондона

Уинстон Черчилль выбрался из автомобиля. Разумеется, он не был в восторге от необходимости путешествовать в такое время года и мерзнуть под ветром.

— Суэтер, вас положительно испортил этот фантазер Суинтон, — проворчал Черчилль.

Он лучше Суэтера знал о том, что Суинтон отнюдь не был фантазером. Мозг Суинтона работал как часы: некий таинственный для профана механизм выдавал одно верное решение за другим.

Впрочем, подчиненным лучше не знать истинных мыслей и суждений Черчилля. Крепче будут спать.

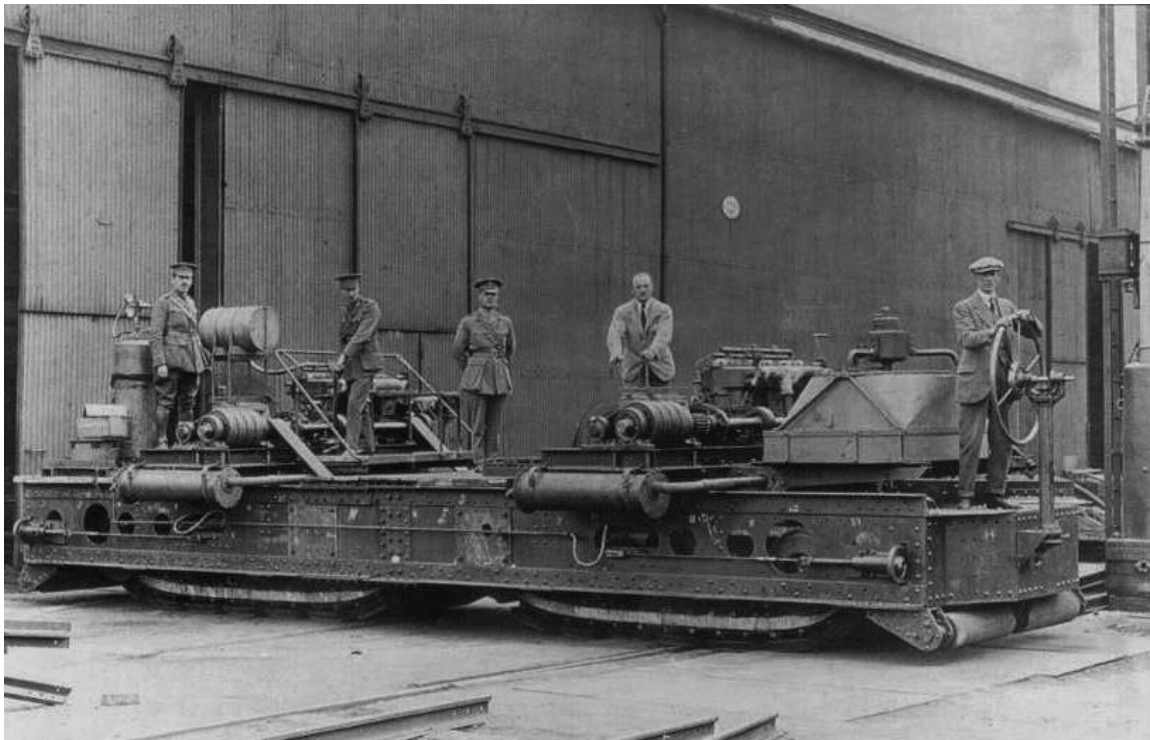
— Гусеничная тележка фирмы Диплока, — объявил Суэтер. — В вашем присутствии, сэра Уинстон, мы продемонстрируем ее возможности.

Черчилль осмотрел тележку.

— На лошадиной тяге? — сказал он, погладив по морде битюга и тут же отерев перчатку платком. — Давайте попробуем. Свяжитесь с Диплоком и сделайте ему предложение.

4 марта 1915 года, Лондон

Лейтенант Уилсон, приписанный к недавно созданному Комитету сухопутных кораблей, имел честь докладывать Первому лорду Адмиралтейства касательно проекта «танка Суэтера».

— Мы предполагаем, сэр, что эта машина будет весить двадцать пять метрических тонн. В длину она достигнет одиннадцати метров, в ширину — около четырех. И в высоту — приблизительно три метра.

— Сколько это в футах? — мрачно осведомился Черчилль.

— Длина, сэр, соответственно тридцать три фута, ширина — двенадцать футов, высота — девять футов, сэр. Приблизительно.

— Так лучше... — Черчилль выпустил изо рта густое облако сигарного дыма. — Продолжайте. Меня интересует защита этой машины и ее возможности... — Он сжал в кулак пальцы.

— Понимаю, сэр. — Уилсон кивнул. Он действительно понимал. — Броня противопульная. То есть, сравнительно легкая. Вооружение — одна пушка во вращающейся башне.

— Недостатки?... — бросил Черчилль.

— Какие недостатки у этой машины, сэр? Мы еще не испытали ее... В бою все станет яснее, сэр.

— Давайте очевидное, — потребовал Черчилль. — Наверняка какие-то проблемы выявились уже сейчас.

— Дело в том, что фирма Диплока в состоянии изготавливать только короткие гусеницы, — объяснил лейтенант. — Следовательно, машина будет установлена на двух парах гусениц. Каждая пара приводится в движение от отдельного двигателя.

— Сложно, — отрезал Черчилль. — Другие слабые места?

— Это не слабое место, а особенность, — лейтенант позволил себе чуть-чуть обидеться за проект. — Носовая и кормовая часть корпуса способны поворачиваться относительно друг друга. Таким образом осуществляется поворот.

— Любопытно, — подытожил Черчилль. — Стройте образец.

30 июня 1915 года, Вормвуд-Скрабз

Ллойд Джордж заложил руки за спину. Черчилль стоял рядом. В ярких солнечных лучах перед ними медленно двигалась очередная военная машина.

«Танк Суэтера» все-таки провалился: выявились серьезные проблемы с гусеничным двигателем. Теперь — новая надежда империи, трактор «Киллен-Стрейт».

Эта машина выпускалась в Висконсине с 1910 года и использовалась, разумеется, для сельскохозяйственных работ.

— Посмотрим, как она срежет колосья для смерти, — обращаясь больше к самому себе, произнес Черчилль.

Машине предстояло преодолеть специально созданное заграждение из шпал и колючей проволоки.

— Вон там установлен резак, сэр, — заметил Черчилль Ллойд Джорджу. — По мысли проектировщиков, он легко уничтожит колючую проволоку.

«Еще одно сельскохозяйственное, по сути своей, изобретение, — мелькнуло у него в голове. — Правы были классики, которые сравнивали войну со сбором урожая».

— Гусеницы этой машины, сэр, — пояснил полковник Кромптон, член Адмиралтейского комитета, — состоят из пластин твердого дерева. Они соединены тяжелыми стальными цепями и закреплены на болтах.

Маленький «трактор» одолел препятствия и успешно разрезал проволоку. Полковник Кромптон был от него в полном восторге.

— Я считаю, «Киллен-Стрейт» необходимо включить в проект «платформ уничтожения», над которым я сейчас работаю, — заявил он.

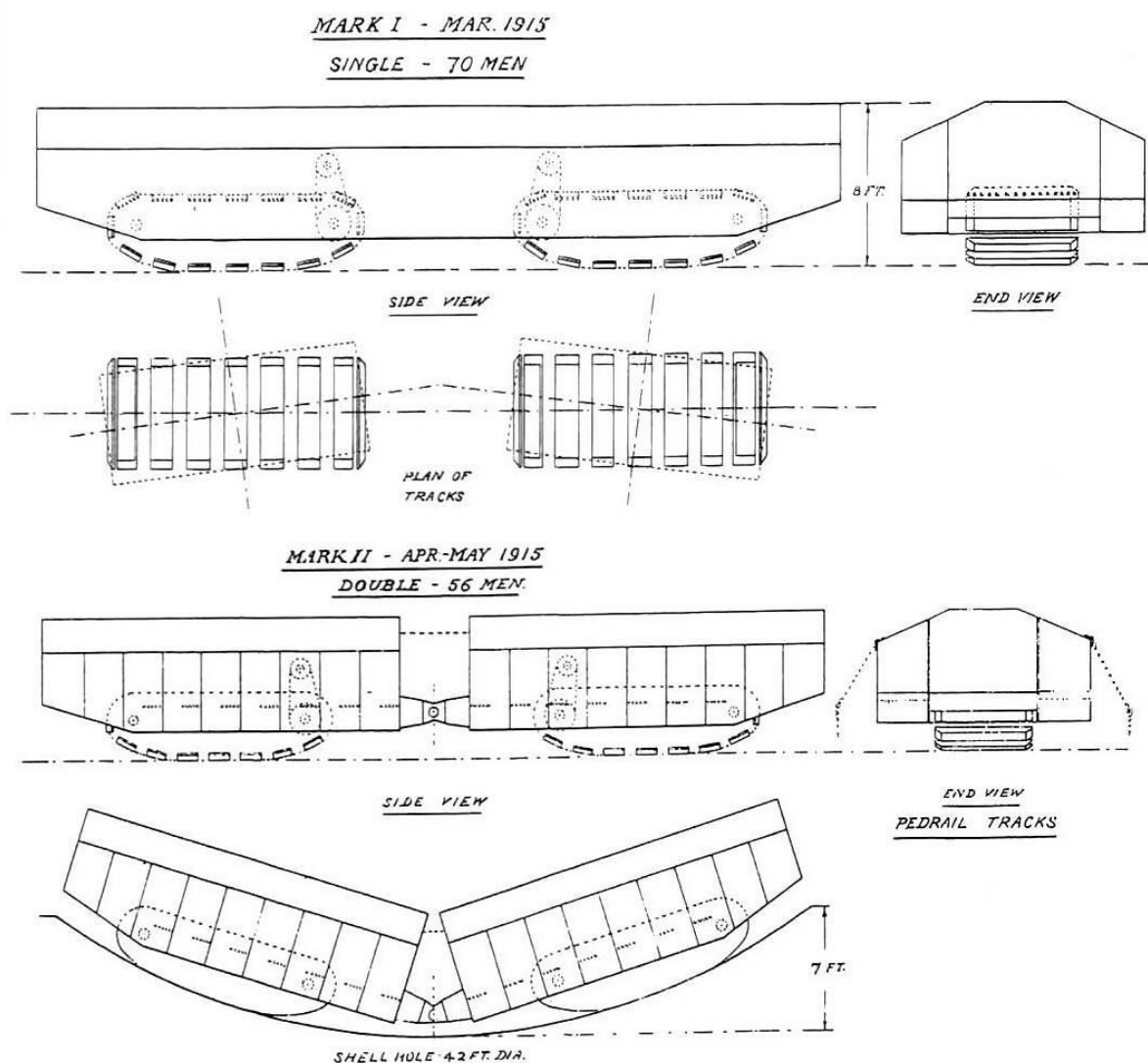
— Действуйте, — согласился Черчилль. — Машина маневренная, успешно въезжает задним ходом на препятствия, для других машин непреодолимые.

— С другой стороны, — заметил Ллойд Джордж, — если я правильно понял, «Киллен-Стрейт» не в состоянии рвать колючую проволоку? Он слишком легкий для этой цели и вынужден пользоваться резак.

— Лично у меня вызывает сомнения его слишком большая высота, — сказал Черчилль. — Это делает «Киллен-Стрейт» слишком хорошей мишенью.

Август 1915 года, Лондон

— Я подаю в отставку, сэр! — Полковник Кромптон положил на стол перед секретарем комитета сухопутных кораблей Альбером

Стерном лист бумаги. — Здесь все написано.

— После того, что вы мне наговорили, сэр, другого выхода я просто не вижу, — ответил Стерн и подписал отставку полковника.

Причиной их страшной ссоры стал танк «Киллен-Стрейт». Кромптон считал, что эта машина способна переломить ход войны, а Стерн полагал, что это просто трактор, который запросто расстреляет первый же немецкий пулеметчик.

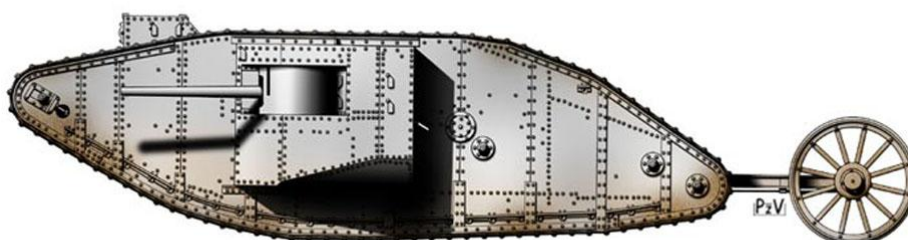
— Как только преодолевает дикий страх перед подобной машиной, — добавил он, желая быть справедливым. — Впрочем, — сказал Стерн спустя миг (также из любви к справедливости), — вряд ли немецкого крестьянина способен напугать самый обычный трактор!

— Обычный трактор? Обычный трактор! — вспыхнул полковник Кромптон, после чего и были произнесены роковые слова, которые джентльмен не станет повторять даже ради установления справедливости.

Закончилось отставкой полковника Кромптона...

А между тем Англии позарез необходимы были танки!

39. Тяжелая супружеская чета

Январь 1915 года, Лондон

— Британия — страна парадоксов, — заметил глава комитета сухопутных кораблей Юстас Теннисон д'Энкур. — Мы говорим о машинах, которые определенно ездят по земле, как о военных кораблях.

— Новые вещи появляются в нашей жизни с такой удивительной стремительностью, — отозвался майор Хетерингтон, — что зачастую мы даже не знаем, в какую сферу нашей деятельности пристроить новую «игрушку». Лично меня не удивляет, что проекты танков рассматриваются военно-морским ведомством.

— Не забудьте авиацию, — добавил д'Энкур. — Мы неразрывно связаны с авиационными базами морского флота.

— Все это так сложно... если задумываться, — признал Хетерингтон. — Но я предпочитаю размышлять о вещах весьма конкретных.

— Новый проект сухопутного крейсера? Нам не терпится его увидеть.

«Мне определенно нравится, что в службе морской авиации Адмиралтейства так много инициативных офицеров, — подумал д'Энкур. — Каждый из них душой болеет за свое детище... Возможно, с чрезмерной страстностью... Но, с другой стороны, это ведь и хорошо!»

Майор Хетерингтон начал объяснять.

Его крейсер представлял собой гигантскую трехколесную машину — длиной в девяносто футов, шириной в семьдесят два фута, высотой в сорок два фута.

— Монстр! Машина! — восклицал Хетерингтон, забыв о необходимости соблюдать типично британскую сдержанность. — Вы можете себе это представить?

— В самых общих чертах, — чуть улыбнулся д'Энкур. — Это будет монстр.

— Трехголовый монстр, — добавил Хетерингтон. — Мы планируем поставить на крейсер три башни, защищенные толстой броней. Пушки — четырехдюймовые.

— Какой же двигатель в состоянии стронуть с места вашего «голиафа»? — спросил д'Энкур.

«Не волноваться, — приказал он себе. — Сначала разобраться во всех деталях, потом попробовать создать модель. Нам необходимо прорвать фронт. Эта война застряла на месте, буксует — ни туда, ни сюда. Продвижение войск на пару километров уже рассматривается как успех. Если так продолжится и впредь... Черт побери, Британия слишком мала для подобных экспериментов».

— Мы предполагаем установить на нашем крейсере двигатель Дизеля в восемьсот лошадиных сил. Электрическая передача. Машина будет развивать скорость до восьми миль в час, преодолевать стенки высотой до восемнадцати футов — шести метров, если говорить «по-немецки»...

— А водные преграды? — спросил д'Энкур.

— О да. Глубокие реки. Машина в состоянии форсировать Рейн.

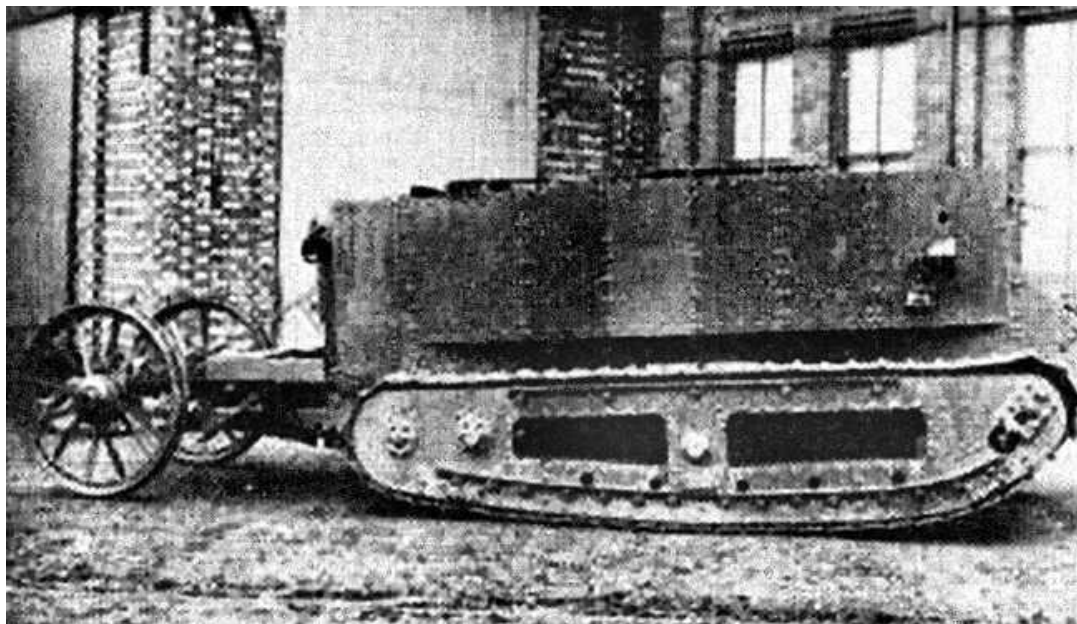
— Вы думаете как стратег, — похвалил д'Энкур. Его лицо оставалось мрачным: он боялся поверить в успех.

Февраль 1915 года, Дюнкерк, комитет сухопутных кораблей

Хетерингтон сохранял непроницаемый вид.

Это давалось ему с большим трудом. Его драгоценное детище — отвергнуто.

Не дошло даже до строительства опытного образца. Простые перерасчеты показали, что действительный вес машины

«зашкаливает»: не триста тонн, как было написано в изначальном проекте, а вся тысяча.

Тысяча тонн! Это какой же потребуется двигатель?

И скорость... не более трех миль в час. С такой скоростью фронт не прорвешь.

Но главная причина — слишком большая уязвимость сухопутного крейсера. Всей его брони не хватит, чтобы защитить его от огня тяжелой артиллерии.

«Мы не можем тратить такие большие средства на создание заведомо провальной машины».

«Невозможно».

«Не представляется реальным».

Да, это конец...

Хетерингтон знал, что одновременно с ним над проектами сухопутных крейсеров работают и другие. Такие же честолюбивые — и ради себя, и ради своей страны.

Кому-нибудь из них повезет.

Сентябрь 1915 года, Лондон

Инженер Триттон постучал в дверь кабинета.

— Входите, для вас всегда открыто! — донесся голос лейтенанта Уилсона.

Лейтенант Королевского флота, один из самых перспективных морских офицеров, почти с самого начала войны был переведен в комитет сухопутных кораблей.

Сейчас вместе с Триттоном он работал над проектом нового «танка».

Здоровый английский соревновательный дух подстегивал изобретателей. Это было похоже на джентльменское пари. Но только еще более благородное. Потому что выигрыш — победа Англии в войне.

— Как вы узнали, что это я? — удивился Триттон, входя в комнату.

Как всегда, он чуть не споткнулся об огромный фикус в кадке, стоявший возле порога. Он подозревал, что это жуткое с виду растение, которое из последних сил борется за жизнь в прокуренной комнате, имеет для Уилсона какое-то сентиментальное значение.

— Во-первых, я никого, кроме вас, не жду, — откликнулся Уилсон, — а во-вторых, у каждого человека своя манера стучать в дверь. Показывайте, что у вас сегодня. Я тоже тут кое-что набросал...

Они погрузились в исследование чертежей.

15 сентября прошли первые испытания первого варианта их совместного детища.

— Знаете, Уилсон, эта машина обладает определенным внешним сходством с вами, — прошептал Триттон на ухо Уилсону. — Думаю, мы так ее и назовем — «Маленький Вилли».

— Черт побери, вы меня крайне смущаете! — ответил Уилсон, но против воли рассмеялся.

«Маленький Вилли» не слишком хорошо проявил себя на испытаниях. По правде сказать, он провалился.

Огромный жестяной куб, прикованный огромной массой к двум тщедушным гусеницам, медленно проехал несколько метров и потерял траки.

Теперь, по крайней мере, было ясно, в каком направлении следует развивать проект.

— Самая главная наша проблема — как и у прочих бронированных машин, кстати, — малая ширина преодолеваемого рва, — сказал Триттон. — Используя обычную тракторную гусеницу, решить эту задачу невозможно.

— Вы слышали об изобретении Мэкфи и Несфильда? — осведомился Уилсон. — Я имею в виду ромбовидную форму, которую можно придавать гусенице. Думаю, в большой степени это поможет нам устранить недостаток. Предлагаю также применить большие опоясывающие гусеничные ленты.

— Кстати, — сказал Триттон. — Еще одно. Один из работников комитета...

— Дейнкурт? — перебил Уилсон. — Я его хорошо знаю. Он и к вам приходил?

— Мог бы сэкономить время и прийти к нам обоим, — ответил Триттон. — Я считаю, что он прав: следует размещать вооружение в боковых полубашнях. Давайте попробуем сейчас перекомпоновать то, что у нас уже есть...

2 февраля 1916 года, Хатфильдский парк, недалеко от Лондона

Танк выехал на позицию и развернулся.

Эту машину называли «Большой Вилли». «Вилли» и вправду «подросток»...

Дейнкорт совершенно искренне считал этот аппарат своим детищем.

Еще бы! Ведь именно ему было поручено руководить построшкой первого опытного образца. Он называл себя «пионером» и говорил — то ли утешая себя, то ли оправдываясь:

— Работа пионеров всегда требует много времени. Нам не удалось избежать ни одной проволоочки. Подводные камни противодействия, предательские мины равнодушия — все это преграды на нашем пути, воздвигаемые теми, кто хочет заградить дорогу прогрессу.

И все-таки бронированный самоходный аппарат создан. Одновременно с работой над машиной проводилась подготовка людей, способных ею управлять.

Экипаж сухопутного крейсера состоял из восьми человек: командир танка выполнял функции стрелка из лобового пулемета; водитель; двое наводчиков и двое заряжающих; в проходах и кормовой половине корпуса находились два помощника водителя.

Оставалась возможность размещения и девятого члена экипажа — в корме, у радиатора. Из личного оружия он будет оборонять кормовой сектор от вражеской пехоты.

Все продумано, осталось только найти и подготовить людей.

Чтобы оградить страшную английскую машину от интереса немецких шпионов, хитроумный Суинтон — к тому времени уже занявший пост секретаря комитета

имперской обороны, — исходно предложил назвать ее «резервуаром», «баком», то есть «танком».

«Предполагается перебросить столько-то резервуаров» — подобная фраза, перехваченная немецкой разведкой, вряд ли возбудит ее интерес к предмету.

Специально для испытаний была подготовлена экспериментальная площадка. На ней воспроизвели во всех подробностях детали разбитого поля битвы: траншеи, проволочные заграждения, воронки от снарядов.

— Лорд Солсбери, Англия никогда не забудет, чем вы пожертвовали ради ее победы, — с чувством произнес Уинстон Черчилль.

— Я знаю, — хладнокровно произнес в ответ лорд Солсбери.

Поскольку испытания танка должны были проходить в условиях полнейшей секретности, «поле битвы» оборудовали на... частном поле для гольфа, принадлежавшем лорду Солсбери.

Любой гольфист поймет, насколько героическим и самоотверженным было это решение.

— Готов, сэр! — водитель танка Чарли Мэйган отсалютовал и полез внутрь «Большого Вилли».

Демонстрация возможностей танка была ошеломляющей. Он справился со всеми препятствиями, доказал, что танк в состоянии разрушать заграждения из колючей проволоки — гораздо лучше, чем артиллерия.

— Я должен посмотреть все сам! — воскликнул Черчилль и, не слушая никаких возражений, подошел к танку.

Чарли Мэйган открыл для Первого лорда Адмиралтейства дверцу.

— Прошу, сэр!

Черчилль, пыхтя, полез внутрь танка.

— Здесь чертовски здорово, хоть тесно и душно! — донесся его голос. — Джентльмены, я влюблен!

Лорд Китченер, однако, проявил скептицизм по отношению к новой машине.

— Эта маленькая красивая механическая игрушка быстро станет мишенью для вражеской артиллерии.

Судьба танка опять повисла на волоске.

8 февраля 1916 года, Хатфильдский парк, недалеко от Лондона

— Ваше величество! — флотские офицеры, приписанные к сухопутному крейсеру, лейтенант Уилсон, лорд Адмиралтейства — все склонили головы.

Король Георг V смотрел на «Большого Вилли», не скрывая почти детского восхищения.

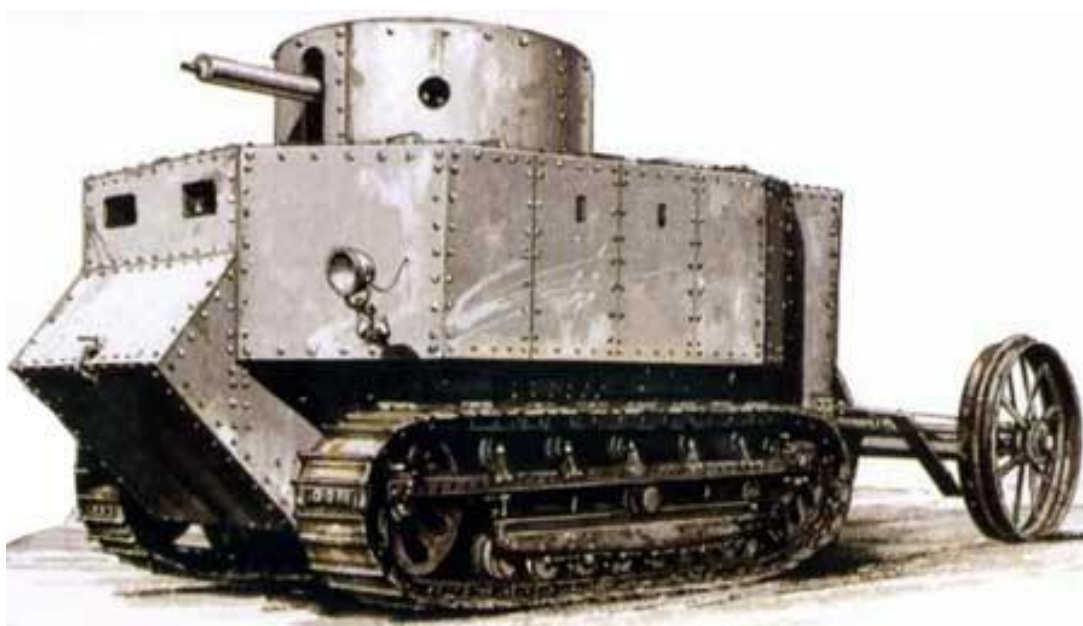
— Я думаю, эта машина поможет нам выиграть войну! Я могу увидеть ее в действии?

— Разумеется, ваше величество! — ответил Черчилль и сделал знак Мэйгану. — Я уже испробовал ее и могу заверить: она совершенна.

Король «дал отмашку», и «Большой Вилли» пошел в производство...

Именно этот танк стали называть впоследствии «Мать» Mark-1 (Mk.I) — «Самка». Более тяжелый «Самец» получил две морские шестифутовые пушки. «Самка» несла пулеметы «Виккерс».

Этот танк представлял собой бронированную ромбовидную коробку, обведенную по корпусу стальной гусеницей. Броня в пять —

десять миллиметров толщиной защищала от пуль, шрапнели, легких снарядных осколков. В бортовых полубашнях — спонсонах — размещалось вооружение.

15 сентября 1916 года, берег реки Сомма

Сорок девять бронированных коробок высотой в два человеческих роста медленно ползли по земле, издавая адский грохот и рев, испуская клубы дыма.

Бронированные чудовища разнесли проволочные заграждения, одолели первую линию окопов.

Их гусеницы давили блиндажи и укрепления.

Англичане прорвали фронт и продвинулись на пять километров — для позиционной войны колоссальный успех...

И не было в те дни для немецких солдат ничего ужаснее этих бронированных машин.

40. Война разведок

27 июня 1939 года, Хандагай

— На основании наших разведданных мы можем утверждать, что противник сосредоточил значительные наземные силы в пятнадцатом районе Номонгана, — докладывал майор Ньюмура, командир разведотряда, приданного группе Ясуоки.

Ясуока взглянул на карту, где было отмечено расположение советских и монгольских войск.

— Господа, я получил приказ, — объявил он своим офицерам. — Штаб освободил наш отряд от непосредственного подчинения и присоединил к 23-й пехотной дивизии. Отныне мы действуем под руководством досточтимого генерал-лейтенанта Камацубары. Совместными усилиями мы должны разгромить врага.

— Выдвигаемся к сторону озера Дорот на встречу с 26-м полком под командованием полковника Суми, — продолжил за Ясуоку его «правая рука», майор Масуда. — Суми командует моторизованным резервом генерал-лейтенанта Камацубары и уже ожидает нас возле озера. Вместе мы должны дожждаться грузовиков, на которых доставят топливо и необходимые инструменты, а затем нанесем комбинированный удар по русским через реку Халхин-гол.

— Суми уже у озера Дорот? — спросил Ясуока.

Нюмура кивнул:

— Согласно последним данным — да. Ожидает, когда мы подтянемся.

28 июня 1939 года, берег озера Дорот

— Черт бы побрал эту жару! — сказал полковник Суми, отирая лоб платочком. — И этих комаров! Не дают выпасться. Посмотрите, лейтенант, какие бубоны. Вас тоже кусают?

— Жалят беспощадно, — ответил бравый лейтенант, не моргнув глазом. Его веки воспалились: солнце слепило, бессонница одолевала. Голос звучал хрипло: все время хотелось пить. Но японский солдат не показывает своих страданий.

— Как личный состав? — спросил полковник.

— Солдаты бодры, их боевой дух высок! — доложил лейтенант.

— А насчет продовольствия?

Продовольствие не подвозили уже третьи сутки. Как, впрочем, и долгожданное топливо. Грузовики опаздывали.

— Питаются кореньями, ловят рыбу в озере. Все довольны! — сказал лейтенант.

— Просто какой-то курорт, — заметил полковник, отдуваясь. — Но где же эти проклятые машины? И где, черт побери, танки Ясуоки?

28 июня 1939 года, берег озера Дорот, 23 часа

— Прибыл генерал-лейтенант Камацубара!

Полковник Суми спешно привел себя в порядок. Мундир на спине потемнел от пота

— План по форсированию реки изменился, — сказал Камацубара. — Мы пришли к выводу, что японские танки не в состоянии переправиться через Халхин-гол в выбранном месте. Поэтому механизированные силы Ясуоки будут использоваться на правом берегу под моим личным командованием. Вашему полку предстоит обеспечить ударную моторизованную мощь на левом берегу.

— А где грузовики с топливом? — задал Суми вопрос, не дававший ему покоя (наряду с комарами) все последнее время.

— Грузовики ожидают в Чянчуньяо. Там, где размещены танковые силы Кобаяси. Выступаете завтра.

Суми отправился к своим офицерам, а затем в палатку — в слабой надежде, что удастся поспать. Но всю ночь, сквозь беспокойный сон, его терзало смутное подозрение: ему почему-то казалось, что сам Ясуока даже не знает, что теперь его задача — фронтальная атака на правом берегу вместо прорыва на левом...

29 июня 1939 года, Хандагай, 22 часа

— Господа! — Ясуока выглядел мрачным. — Мы получили абсолютно новые данные. Противник отходит от правого берега реки Халхин-гол. Наша операция по окружению советских войск, таким образом, под угрозой.

Командир разведчиков майор Ньюмура взял слово:

— Нам удалось перехватить телеграмму, отправленную комбригом Яковлевым, командиром 11-й танковой бригады. Телеграмма адресована комкору Жукову. Там говорится: «Из-за постоянных дождей дороги размокли. Танки застревают. Необходимо повернуть назад для ремонта».

— От кого поступили данные? — спросил Ясуока.

— Наша разведка в Харбине, — лаконично ответил Ньюмура.

Ясуока посмотрел на потолок палатки.

Дождь действительно имел место быть. Район Аршан — Хандагай, где располагался отряд Ясуоки, тонул в грязи.

— Мы должны захватить противника врасплох! — подытожил Ясуока. — Выступаем немедленно.

— Генерал, — вмешался майор Масуда, — осмелюсь напомнить, что грузовики с топливом прибыли в Хандагай еще не все. Мы имеем половину необходимого горючего. Что касается материалов для возведения моста, то он вообще еще отсутствует.

— Часть танков оставим в Хандагае, — решил Ясуока. — Нагонят после. Мы обязаны успеть и задержать русских. Инженерным подразделениям выступить немедленно и

начать ремонт дороги. Выслать дозоры и разведать предполагаемые пути отхода противника. Необходимо также осмотреть места возможной переправы на реке Халхин-гол. Все. Это приказ. Операцию начинаем завтра на рассвете.

29 июня 1939 года, правый берег реки Халхин-гол

Комкор Жуков подошел к громоздкому телефонному аппарату. Связист доложил:

— Есть связь, товарищ комкор!

Жуков заговорил — точнее, закричал:

— Яковлев! Яковлев, черт побери! Как слышно? Ключули самураи?

— Ключули, товарищ комкор! С воздуха докладывают — ползут к нам.

— Хорошо, — обрубил Жуков.

И ухмыльнулся. Не одни только японцы знакомы с азиатскими хитростями. В перехваченной японцами телеграмме содержалась информация, почти совсем неотличимая от правды. Дождь ведь действительно шел несколько дней кряду. Только вот песок на берегу реки Халхин-гол от дождя не раскисает, а становится твердым, как бетон...

11-я танковая бригада стремительно приближалась к реке Халхин-гол.

30 июня 1939 года, 9 часов утра, 7 км к северо-западу от Хандагайского ущелья

Вторая танковая рота капитана Китамуры двигалась впереди полка Тамады, оторвавшись на два километра от главных сил.

— Ваша задача — отмечать маршрут продвижения, — приказал Тамада.

Японские танки шли, что называется, напролом — по размытой дороге. По утрам и вечерам стояли сильные туманы, ночи были

безлунными. Инженерные подразделения выбивались из сил, но против болот и дождевых канав мало что могли сделать.

То и дело танки останавливались. Танкисты и пехотинцы наравне с саперами сражались с непролазной грязью. На лошадях искали менее непроходимые места, чтобы объехать на танках наиболее вопиющие размывы.

То и дело танки останавливались, чтобы охладить двигатели. Капитан Китамура физически чувствовал, как седеют его волосы.

Он знал, что сильно оторвался от остальных частей. Тамада с основными силами двигался следом по наведенной дороге. Китамура не сомневался в своем командире: несомненно, Тамада делает все возможное. Он уже близко. Скоро подтянутся грузовики, придет рота обеспечения Камиямы и с ней боеприпасы для танковых орудий.

Китамура вытащил сухой паек — несколько крошечных рыбок. Тамада, «заботливый, как родная мать», распорядился, чтобы все солдаты взяли с собой паек на обед и на ужин.

— Господин капитан, танки! — Солдат подбежал к Китамуре, показывая на темные силуэты, появившиеся в тумане.

Китамура выплюнул недожеванную рыбку, схватился за бинокль.

Точно, танки.

Советские БТ. Шесть, семь, восемь... Восемь или девять. Все-таки девять, наверное. И орудия. Орудия точно. Два или три.

— Свяжитесь с полковником Тамадой! — приказал Китамура. — Пусть спешит на помощь! Иначе нас отрежут и уничтожат.

Тамада принял сигнал бедствия и двинулся спасать своего капитана. Он не мог допустить потерю роты.

— Китамура, держитесь там, мы идем! — было сообщение от командира.

У Тамады под рукой были только два взвода легких танков, ремонтный взвод и еще батарея полевой артиллерии. Неважно. Самурайский дух всегда при нем.

Тамада спешил изо всех сил. Танк ревел, а потом, как казалось Тамаде, рыдал и умолял о пощаде. Двигатель сгорел, но полковник догнал роту Китамуры. Было уже за полдень, солнце разогнало туман.

Советских танков нигде не было видно — они отошли. Орудия русских тоже молчали.

Тамада, отдуваясь, пожал капитану руку.

— Ваши дальнейшие действия? — спросил полковник.

Капитан успешно делал вид, что ничего особенного не произошло.

— Мы обнаружили броневомобиль противника, — сообщил Китамура. — Он движется на восток явно для ведения разведки. Полагаю, нам следует захватить его.

— Действуйте, — одобрил Тамада.

Китамура на легком танке «Ха-го» Тип 95 отправился в погоню. С ним выбрались еще два «девяносто пятых».

Китамура весело махнул полковнику:

— Лечу как ветер!

Капитан Китамура очень любил свой танк. Больше всего ему нравилось, что «девяносто пятый» так стремителен. Летит, как дракон. Мчится на врага, вздымая пыль, ревя мотором. Китамура всегда очень бережно относился к своему мотору. Он гордился тем, что его мотор в идеальном состоянии.

Вот и сейчас самурайский дух взял верх.

— Вперед! Вперед! Догоним русских!

«Девяносто пятый» капитана намного опередил остальные танки.

— Вот они!

Китамура зашел бронемашине в тыл и начал сближаться с нею.

Русские заметили японский танк. На машине было человек десять солдат и скорострельное орудие. Бронемашина даже не попыталась уйти, а развернулась и укрылась в дюнах. Солдаты попрыгали с машины, а лейтенант русских развернул противотанковое орудие прямо на танк Китамуры.

Еще немного... «Ха-го» приблизился на расстояние прямого выстрела — метров на тридцать.

С первого же раза русские поразили танк. Капитан даже не вскрикнул — просто откинул назад голову, глаза скрылись за густой пеленой ресниц. Он был мертв.

Остальные японские танки подоспели лишь через несколько минут. Они окружили орудийный расчет русских и уничтожили его. Противотанковое орудие, двести снарядов и тяжело раненный русский сержант были захвачены «осиротевшими» солдатами роты Китамуры.

Ясуока сидел в палатке и высчитывал расстояние по карте. Заодно он поглядывал на связиста, пытавшегося выяснить у Камиямы, скоро ли прибудет рота обеспечения.

— Господин генерал! — Солдаты вошли в палатку и поклонились. — Мы очень извиняемся. Мы приносим свои глубочайшие соболезнования. Мы просим простить нас за то, что погиб капитан Китамура. Мы принесли вам десять пилоток и десять вещевых мешков солдат Красной Армии. Мы привели к вам также русского сержанта. Мы просим простить нас за то, что допустили смерть командира.

Ясуока нахмурил брови:

— Капитан Китамура был храбрым командиром. Вам нет прощения. Доставьте сюда сержанта и ступайте к полковнику Тамаде, он решит, жить вам или умирать.

Ясуока знал, что Тамада — человек хозяйственный. Он не станет сильно наказывать солдат, когда каждый человек на счету.

Раненый русский сержант был допрошен лично Ньюмурой. Поначалу он молчал, но Ньюмура спешил и применил пытки. «Отличный солдат, — подумал Ньюмура. — Почти такой же, как японский». Наконец русский заговорил. Его речь была очень непонятной. Даже Ньюмура, который гордился знанием русского языка, почти его не понимал.

Он сказал, этот сержант, что отряд, убивший капитана Китамуру и уничтоженный Тамадой, принадлежал к батальону лейтенанта Быкова.

— Какие силы стоят на реке? — спрашивал Ньюмура.

Сержант сказал: восемьдесят танков, две батареи полевой артиллерии, противотанковые орудия...

Наконец его увели.

— Позовите лейтенанта Хироси, — распорядился Ньюмура. — Я хочу знать все об этих противотанковых орудиях русских.

Лейтенант был очень мрачен.

— Это очень, очень хорошее орудие, — сказал он. — Что я помню? Когда стреляет пушка японского танка, можно наблюдать за полетом снаряда. Когда стреляло то орудие, мы увидели сначала вспышку в дюнах, а потом сразу пробоину в танке. Они попали в «девяносто пятый» капитана с устрашающей точностью. Это весьма неприятно.

— Гм, — промолвил Ясуока, присутствовавший при этом разговоре, и распорядился применить захваченное у русских орудие для обороны штаба.

Ньюмура откозырял и вышел. Как командир разведки, он желал лично осмотреть тела убитых солдат Красной Армии. Вместе со своими подчиненными он обыскал их и забрал документы.

— Вот их лейтенант, — показал ему один из солдат тело убитого русского артиллериста.

Ньюмура долго рассматривал его.

— Симпатичный, — молвил он. — Жаль видеть такого молодого офицера убитым. Посмотрите, что в его планшете.

Отметки на планшете русского лейтенанта оказались весьма неутешительными. Кое-что касательно телеграммы Яковлева начало проясняться для Ньюмуры.

— Проклятье, — пробормотал майор. — Стало быть, правый берег Халхин-гола удерживают русские, а вовсе не монголы.

Он поспешил доложить новые сведения.

— Поздно, — был ответ из штаба. — Операцию уже не остановить. Бригада Ясуоки продолжает наступление. Это неудержимое наступление японской армии на Халхин-гол!

41. Первый из первых

20 декабря 1914 года, Лондон

Премьер-министр Асквит задумчиво постукивал пальцами по листкам, аккуратно сложенным в папку.

— Этот капитан Хэнки, следует признаться, умеет задеть за живое, — проговорил он.

Меморандум, составленный секретарем комитета обороны, капитаном Морисом Хэнки, выглядел убедительно и, в отличие от иных армейских «прожектов», обладал бесценной, чисто британской особенностью: здравомыслием.

Речь шла преимущественно о пулеметах.

Еще один вклад Великобритании в прогресс — пулеметы. В 1898 году лорд Китченер, ныне всемогущий военный министр, разгромил армию махдистов. Это произошло в верховьях Нила... Именно тогда Англия впервые применила пулеметы. Фанатики бросались вперед и погибали под английскими пулями.

Воистину прекрасное в своей смертоносности оружие.

Боже, храни Англию и короля! Ведь это же самое оружие может быть повернуто против британских войск. Что, если английским солдатам придется идти в атаку на пулеметы врага?

Капитан Хэнки предлагал построить бронированный перевозчик пулеметов. На гусеничном ходу. Собственно, он выражался в терминах военно-морского флота: гусеничные «сухопутные крейсеры» (вооруженные пушками) и легкие «сухопутные истребители» (вооруженные пулеметами).

Любопытно. И, пожалуй, умно. Стоит показать документ Первому лорду Адмиралтейства — Уинстону Черчиллю.

Асквит вызвал секретаря и приказал связаться с Черчиллем.

— Скажите лорду Адмиралтейства, что это срочно, — прибавил он.

Декабрь 1914 года, Лондон

Черчилль свистнул собачке, и маленький веселый мопс запрыгнул на руки хозяину.

— Ничто так не утешает, как собачья преданность, — пояснил лорд Адмиралтейства. — А я чертовски измотан... Поэтому, сэр, если это возможно, избавьте меня от мелко исписанных бумаг.

— Вы как всегда остроумны, сэр, — отозвался премьер-министр. — Я принес вам бумагу, но могу сообщить и на словах: речь идет о бронированном перевозчике пулеметов.

— О! — молвил Черчилль. — Любопытно. Да, сэр, вы, несомненно, по адресу. Я как раз занимаюсь бронированными машинами. Наши авиабазы под Дюнкерком — я имею в виду авиабазы военно-морских сил, — нуждаются в хорошем прикрытии.

— Колесный транспорт всегда привязан к дорогам, — произнес премьер-министр. — К сожалению, это приводит к неизбежным ограничениям. Но Хэнки говорит о машинах на гусеничном ходу...

— Я работал над проблемой оборудования бронированных машин приспособлениями для наведения мостов, — сказал Черчилль. Собачка на коленях у лорда Адмиралтейства зевнула. — Необходимо дать им возможность переправляться через окопы, преодолевать взорванные участки дороги.

— Мне известна ваша инициатива, — проговорил Асквит. Он вынул из кармана платок, протер лоб, покрытый испариной.

В кабинете было прохладно, но Асквит заметно нервничал. Речь шла о вещах слишком важных. Непонятно, как Черчиллю удастся сохранять невозмутимость. Притворяется, конечно. Но очень успешно притворяется.

— Да, я предложил конструкцию особенного транспортного средства с паровым двигателем на основе гусеничной системы Холта, — бросил Черчилль. — Что годится для американских фермеров, то сгодится и для английских солдат... Только наш «трактор» способен нести на себе защитную броню и пулеметы.

— Вас поддержал начальник управления фортификационных работ, — добавил премьер-министр. — Как вам это удалось?

— Скажем так, я его уломал, — едва заметно улыбнулся Черчилль.

12 января 1915 года, Лондон

Первый лорд Адмиралтейства отбросил скомканную газету и яростно вцепился зубами в сигару.

К счастью, сейчас его никто не видел.

— Бог ты мой, какие потери!

Наступление у Басси закончилось катастрофой. Пулеметный огонь и проволочные заграждения сыграли роковую для английских солдат роль.

— Что дальше? Глубже закапываться в землю? Нет, нужен какой-то прорыв, принципиальное новшество!..

7 июня 1915 года, Лондон, военное министерство

— Вы уже прочли доклад подполковника Суинтона? — обратился фельдмаршал сэр Джон Френч к Черчиллю. — Весьма любопытно.

Черчилль молчал, сохраняя непроницаемое выражение лица.

Гениальные мысли посещают сразу нескольких человек одновременно. Такова воля Провидения. Провидение не лыком шито и не отдает хорошие идеи на волю случая. Как ни парадоксально это звучит. Если из игры выйдет один творец гениальной идеи, его место тотчас займет другой. А Уинстон Черчилль проследит за тем, чтобы идея воплотилась в жизнь. Вот так-то.

Он вздохнул и позволил себе едва заметную улыбку:

— О да, доклад Суинтона чрезвычайно содержателен. Его мысль о создании «истребителя пулеметов» весьма содержательна. И очень кстати. Учитывая наши недавние потери.

— Оставим прошлое в прошлом и подумаем о будущем! — прервал сэр Джон Френч.

Черчилль пожал плечами:

— Когда-то мы сожалели о бедных дервишах, которые безоружными мчались на наши пулеметы. Как бы эта снисходительная жалость не обернулась против нас самих!

— Английские солдаты больше не будут беззащитны, — холодно отрезал фельдмаршал Френч. — Об этом мы позаботимся. И, кстати, информацию о предложении подполковника Суинтона следует хранить в строжайшей тайне.

Он опустил глаза на листок, лежавший перед ним на столе.

— «Эти машины должны быть построены тайно, на родине, и их существование не должно быть обнаружено до того, как все будет

готово. Не должно быть никаких предварительных испытаний с участием нескольких машин — результатом их явится разоблачение плана».

— Здорово, — буркнул Черчилль.

Один из чиновников министерства задал вопрос, вертевшийся на языке у многих:

— В чем принципиальное новшество предлагаемой машины? В феврале нынешнего года мы уже проводили эксперимент по преодолению препятствий тяжело нагруженным трактором «Холт».

Черчилль уставился в окно. «Что годится для американского фермера, то годится и для английского солдата». Не работало. А раз так — то об этом лучше забыть.

Бестактный чиновник, однако, предпочел закончить фразу:

— Полная неудача этих испытаний привела нас к мысли об отказе от постройки «сухопутных кораблей», как назывались эти странные тракторы. «Об этом не может быть и речи», — так, кажется, звучала формулировка? Так почему же мы возвращаемся к прежней затее?

— Потому что если мы не примем никаких мер против колючей проволоки и пулеметов, мы сгнием в окопах, — сказал Черчилль.

При виде мрачного лица лорда Адмиралтейства никто даже подумать не посмел о том, что сам-то Уинстон Черчилль нигде гнить не собирается...

2 февраля 1916 года,

Лейтенант Королевского флота Уилсон с восторгом смотрел на свой «танк». Именно так решено было назвать грозную боевую машину. В целях конспирации. Немцы нипочем не догадаются, о каких это «баках», «цистернах» или даже «бочках» идет речь!

Военный министр лорд Китченер скептически поднял брови. Его знаменитые усы встопорчились. Демонстрация новой машины казалась ему пустой тратой времени.

— Я отказываюсь верить в то, что войну можно выиграть при помощи машин, которые так легко может подбить вражеская артиллерия! — произнес он.

Ветер трепал концы его белого шарфа. Хотелось курить, но при такой погоде трудно было зажечь спичку.

Подполковник Суинтон, однако, был полон энтузиазма.

«И не холодно ему», — неприязненно думал Китченер, наблюдая за покрасневшимся, источающим энергию Суинтоном.

— Перед нами — модель машины в натуральную величину. Мы называем ее «Mother». Прошу обратить внимание на интересную ромбовидную форму машины, на гусеницы, оббегающие снаружи вокруг корпуса. Пробные стрельбы мы производили в январе по стальной пластине с использованием немецких пулеметов.

— А как «оно» ездит? — сквозь зубы спросил Китченер.

По лицу Суинтона было ясно, что он не сразу понял, к чему относится это пренебрежительное «it», «оно».

Наконец подполковник ответил:

— Для пробной обкатки мы подготовили участок земли. Оборудовали на нем препятствия, соответствующие немецким оборонительным сооружениям. Наши офицеры высоко оценивают эту машину.

Лейтенант, на которого обратились взоры присутствующих высоких особ, слегка покраснел и быстро кивнул:

— Абсолютно точно!

— Я также считаю, — продолжал Суинтон, — необходимым использовать эти машины в больших количествах. Вероятность успеха танковой атаки заключается прежде всего в их новизне. Поэтому не следует вводить машины в действие малыми группами — по мере их производства. Напротив! Самый факт их существования надлежит сохранять в

строжайшей тайне. А когда все будет готово к началу крупной операции — действовать всей массой, объединившись с наступающей пехотой. Так мы сможем прорвать фронт.

Для начала Суинтону требовалось прорвать другой «фронт» — недоверие военного министра. Но в конце концов, Китченер бросил:

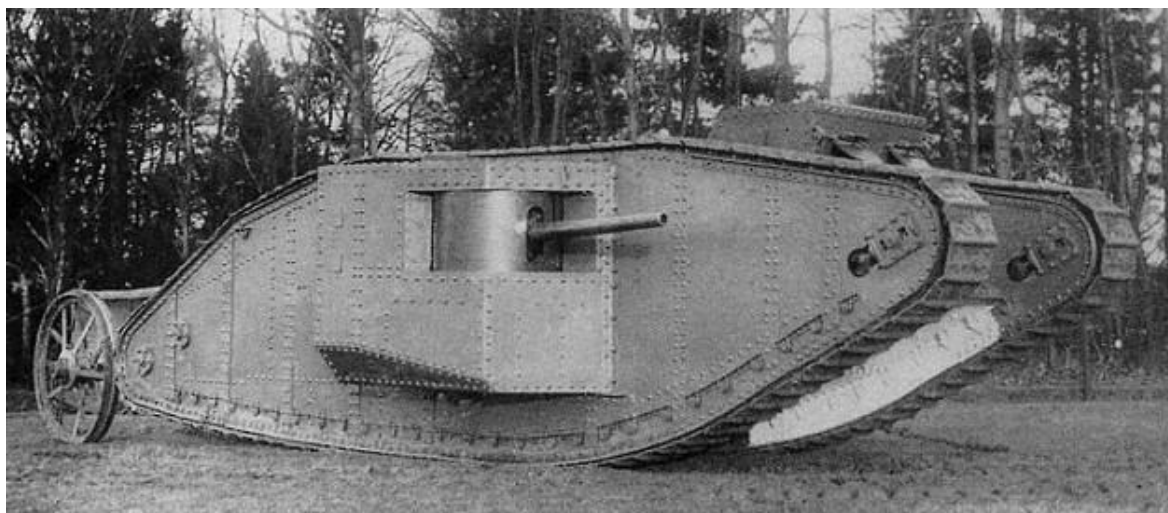
— Какова, по-вашему, будет максимальная скорость продвижения этих машин?

— Приблизительно двенадцать миль за день. Главная наша цель — захват вражеской артиллерии. Я убежден в том, что именно артиллерия будет наиболее опасным противником нового оружия.

Лорд Китченер посмотрел, как тяжелая ромбовидная машина ездит по полигону, одолевает окопы и рвет колючую проволоку. Но очевидно было, что военный министр убежден в полезности изобретения лишь отчасти.

— Мы предоставим вам предварительный заказ, скажем, на сорок танков, — бросил он наконец.

Типично британское решение — компромисс. Пусть так.

Март 1916 года, лагерь «Сиберия» (Бисли)

Полковник Суинтон — теперь уже полковник — прошелся вдоль строя подчиненных.

Многих офицеров он знал в лицо. Вот майор Уилсон — еще недавно лейтенант Королевского флота. Он уже занимался разработкой танков.

А вот другой перспективный командир — майор Стерн, тоже в недавнем прошлом лейтенант — Добровольческих резервов Королевского флота.

Большинство — офицеры и рядовые — обучены владеть пулеметом. Что немаловажно.

Из ста пятидесяти танков (стараниями очень энергичного Суинтона заказ был увеличен) половина была оснащена двумя пушками и тремя пулеметами. Вторая половина танков несла только пулеметы.

Армейское остроумие уже окрестило эти танки «мужской» и «женской» особями. «Мужская», с пушкой, выполняет более тяжелую работу, действуя против пулеметных гнезд врага, ну а прекрасной половине, с пулеметами, достается задача полегче — против живой силы противника...

42. Тучи ходят хмуро

17 июня 1939 года, Ксинкин, штаб Квантунской армии

Майор Ногучи холодно смотрел на представителя штаба Квантунской армии.

Ногучи был специалистом по танкам. Он хорошо знал себе цену. Специалистов такого уровня в армии пока что немного.

Ситуация вокруг горы Номонган и реки Халхин-гол накалялась.

Следовало бы разрешить ее хорошим ударом по Советам. Пора заканчивать эту маленькую войну.

— В штабе обсуждалась идея использовать на Халхин-голе бронетехнику, — сообщил штабной полковник.

— Более конкретно? — попросил Ногучи.

— Разумеется. — Штабной кивнул.

Он предпочитал не называть своего имени. Секретность прежде всего. Возможно, идея исходит с самого верха, тогда никаких имен вообще не нужно.

— В Кунчулинге сейчас размещены два танковых полка — бригада генерал-лейтенанта Ясуоки, — продолжал представитель штаба. — Мы предполагаем придать эти полки пехотной дивизии. Предстоит пересечь реку Халхин-гол в верхнем ее течении — к западу

от поселка Хандагай. Затем сделать рывок на север к Хайластыну, ударить противника с тыла и взять его в клещи. Пехота будет наступать с востока. Русские будут раздавлены.

Ногучи задумался.

— В операции необходимо задействовать пехоту, поскольку сил одной танковой бригады недостаточно, чтобы выполнить поставленную задачу, — сказал он наконец.

— Подобная ситуация обсуждалась, — кивнул штабной. В его глазах затаилась настороженность: он догадывался, что у Ногучи припасены возражения.

Так и оказалось:

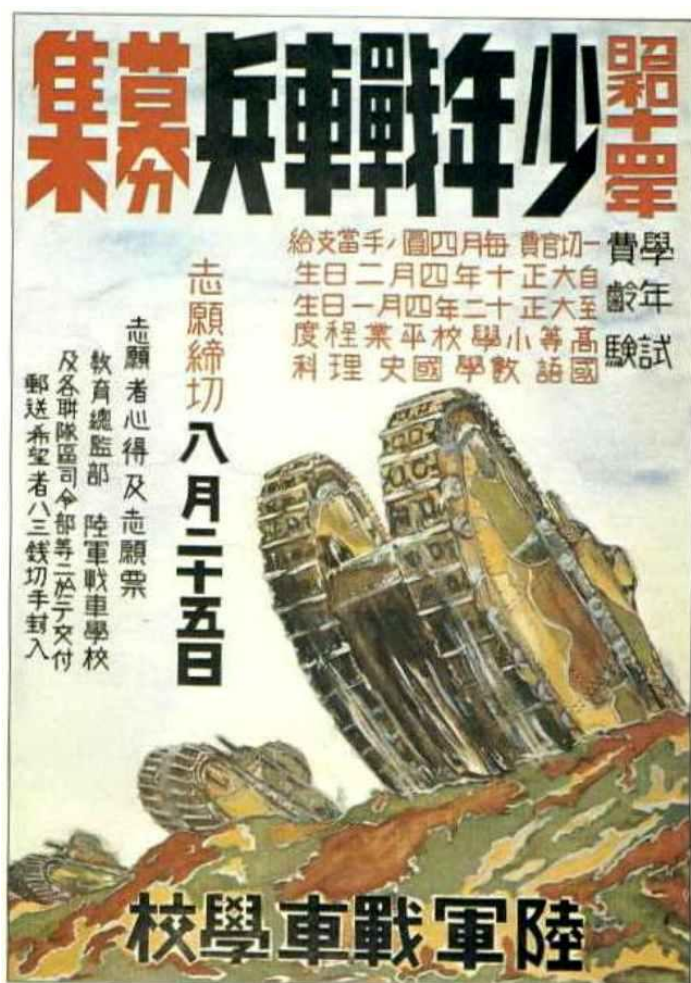
— Мы попадаем в ловушку, — высказался Ногучи. — Пехота не будет успевать за танками. Либо же бронетехнике придется двигаться со скоростью пехоты.

— Штаб готов выслушать ваши предложения, — сдался полковник.

Специалист по бронетехнике медленно кивнул:

— Думаю, необходимо создать особый, смешанный отряд. Наряду с легкими и средними танками он должен включать в себя моторизованную пехоту, а также инженерные подразделения и части полевой и зенитной артиллерии.

— Составьте черновики приказов, — распорядился штабной. — Утром мы их доработаем и издадим. Времени у нас практически нет.

20 июня 1939 года, Кунчулинг

Майор Ногучи покинул самолет.

Все произошло слишком стремительно.

Идея о создании «группы Ясуоки» — смешанного отряда — была рождена, сформирована и зафиксирована в приказах буквально за одну ночь. Сейчас Ногучи привез документы генерал-лейтенанту Ясуоке.

У специалиста по бронетехнике имелся долгий разговор к генералу.

Высшее командное звено Кунчулингской бригады сплошь составляли офицеры пехотного профиля. Им предстояло существенно изменить свой взгляд на войну.

Ясуока встречал майора Ногучи лично.

Генерал-лейтенант производил сильное впечатление. Майору казалось, будто он прибыл в замок древнего даймё, окруженного верными самураями.

Рядом с генерал-лейтенантом стоял его старший помощник, майор Масуда.

Масуда был человеком спокойным, что называется — «толстокожим». Он невозмутимо встречал любые неожиданности, исходящие от начальства.

Больше на аэродроме никого не было.

— Прошу. — Генерал-лейтенант сделал приветственный жест, как бы приглашая представителя штаба в свои владения. — Надеюсь, полет был приятным.

— Полет доставил мне удовольствие, — вежливо ответил майор Ногучи. — Однако нам необходимо как можно скорее собрать всех ваших офицеров.

— Какое-то срочное дело? — Майор Масуда вынул блокнот.

Ногучи прикусил губу. И так, никто не потрудился поставить Ясуоку в известность о предстоящей операции. Он даже не готов к встрече с представителем штаба. А это значит, что будет потеряно время. Майору Ногучи придется объяснять все с самого начала.

— У меня добрая весть, — заговорил он, — я привез приказы о наступлении...

В официальной резиденции генерал-лейтенанта Ногучи разложил карты и приказы.

— Мы намерены распределить вашу танковую бригаду — как штатные ее средства, так и те, что будут приданы, — между Аршаном и Хандагаем. Вот здесь, в Номонганском секторе, во взаимодействии с Двадцать третьей дивизией, вы должны будете отрезать противнику пути отхода на левом берегу реки Халхин-гол.

Ясуока сохранял невозмутимое выражение лица. Его глаза скрывались за стеклами очков. Но майор Ногучи отчетливо видел: все услышанное для генерал-лейтенанта — новость. Он даже не догадывался — до этой минуты — о планах командования создать «смешанную группу Ясуоки».

— Полагаю, следует разбудить и вызвать сюда всех наших офицеров, — негромко предложил майор Масуда.

— Выполняйте, — Ясуока сделал величественный жест, позволяя подчиненному удалиться.

— Я бы хотел подробно услышать о ваших танках, — сказал Ногучи.

— Извольте. — Видно было, что вопрос доставил генерал-лейтенанту удовольствие. Он заговорил с облегчением: разговор перешел на тему, хорошо ему известную. — Начнем с Третьего танкового полка. Мы имеем двадцать шесть средних танков Тип 89 «Оцу». Да, это достаточно устаревший танк, мы пользуемся им еще с начала тридцатых. Однако главное — не техника, главное — самурайский дух! А дух силен.

— Не сомневаюсь в этом, — кивнул майор Ногучи.

Ясуока бросил на него пронзительный взгляд.

— Я продолжу рассказывать о танках, — ровным тоном произнес генерал-лейтенант. — В том же Третьем полку находятся четыре средних танка Тип 97 «Чи-ха», семь танкеток Тип 94 «ТК» и четыре танкетки Тип 97 «Ке-те». В Четвертом полку мы имеем тридцать пять легких танков Тип 95 «Ха-го», восемь средних танков Тип 98 «Ко» и три танкетки Тип 94 «ТК».

— Охарактеризуйте их, — попросил Ногучи. — Разумеется, мне известны их данные, но я хотел бы услышать, как их оценивают те, кому приходится иметь с ними дело на практике.

Генерал-лейтенант прищурился. Может быть, он, как и его высшие командиры, и вышел из пехоты, но «домашнее задание» он всегда выполнял на отлично.

— Что ж, «Оцу» и «Ко» — танки, как было уже отмечено, достаточно старые, но «старый» означает также «надежный» и «хорошо знакомый». Они проявили себя еще во время инцидента в Маньчжурии, и проявили неплохо. «Чи-ха» — напротив, танк экспериментальный, новейший, возможно — лучший из грядущих. Это для молодых, пытливых и не боящихся будущего. Мощный дизельный двигатель и подвеска позволяют танку «Чи-ха» иметь более толстую броню. А скорость и маневренность ставят его в ряд с колесной техникой.

— Как вы намерены использовать танкетки? — поинтересовался Ногучи.

— Полагаю, они не предназначены для ведения наступательных действий, поскольку их огневую мощь составляет единственный пулемет калибром 7,7 миллиметров. Мы намерены использовать их для буксировки техники, подвоза боеприпасов, разведки, охранения, связи. Впрочем, скоро у нас будет шанс все выяснить на месте.

21 июня 1939 года, Кунчулинг

Приказ о немедленном выступлении застал врасплох всех — от генерала до последнего солдата.

В спешке грузились на железнодорожные платформы.

Танковая бригада должна была отправиться в Аршан на поезде, по однопутной железной дороге.

— Живо, живо! Не копайтесь! — подгоняли солдат унтер-офицеры.

В вагоны прыгали второпях, забывали каски. Не хватало противогазов. Медицинский полк должен был быть отправлен в «смешанную группу» из Цицикара. А пока этого не произошло, среди солдат в антисанитарных условиях началась дизентерия.

На подъемах поезд скользил, опасно скрежеща колесами. Несколько раз — в этом были уверены младшие офицеры, — составу

грозила опасность опрокинуться. Впрочем, никто не высказывал подобных мыслей вслух. Все переживалось в душе или записывалось в дневник.

22 июня 1939 года, Аршан

Поезд остановился.

Началась выгрузка. Наконец-то «свежий воздух»! Свежим его можно было назвать лишь с большой натяжкой: стояла страшная жара. Недавно прошли дожди, свирепствовали комары.

— Какой еще отдых? — майор Масуда коснулся револьвера, когда командир танкового взвода, старший лейтенант Такешита, заикнулся было о том, что личному составу необходимо передохнуть и привести себя в порядок. Жест майора был, впрочем, машинальным. — Наступление! Отдыхать будем после победы над русскими!

— Проверка показала, что радики во многих танках неисправны, — доложил Такешита.

— Обойдемся без радики, флажками.

И майор Масуда отдал приказ (исходивший от самого генерал-лейтенанта): провести учебные стрельбы.

Такешита все еще мялся, не решаясь ни уйти, ни заговорить.

— Слушаю вас, старший лейтенант, — сжалился Масуда. — Какие проблемы?

— Нет холостых снарядов, — доложил Такешита.

— Значит, артиллерийские тренировки проведем боевыми! — рявкнул майор Масуда.

— Они слишком дороги...

— Выполнять приказ!

Такешита не стал возражать. Это было бы самоубийством. К такому акту самопожертвования старший лейтенант еще не был готов.

24 июня 1939 года, 65 км южнее Хандагая

Место встречи всех подразделений, входящих в боевую группу генерал-лейтенанта Ясуоки, было определено: недалеко от Хандагая. Отсюда предстояло выступить к реке Халхин-гол.

Танковая бригада уже прибыла. Доводили оборудование, лечили больных. Заодно провели учебные стрельбы. Ясуока был недоволен тем, как его офицеры стреляют из пистолетов: недостаточно метко.

Масуда и Ногучи целые дни проводили над картами.

Начали прибывать приданные танковой бригаде части.

Майор Ногучи был в ярости:

— Где грузовики?

Пехотинцы подходили колоннами без всякой техники.

Грузовики застряли. В степи не имелось мощеных дорог, одни только древние караванные пути. Тяжелая техника разбила их, а дожди dokonчили дело.

— Похоже, генерал, пора бросить в дело ваши танкетки, — заметил генерал-лейтенанту Ясуоке майор Ногучи.

Толстые доски, щиты, танкетки были задействованы для того, чтобы освободить застрявшую технику. Танки разворотили то, что с натяжкой можно было назвать «дорогами». Колесная техника застряла намертво. Грязь доходила почти до колен. Грузовики не ехали, а «плыли», проделывая порой по километру за день.

Танкетки выдыхались. Для транспортировки грузовиков пришлось использовать танки.

— Вы понимаете, майор, что наши танки без топлива — все равно что «мертвые крепости»? — сердился генерал-лейтенант.

Майор Ногучи вежливо улыбался:

— Пока что из семнадцати грузовиков с топливом прибыли только девять. Остальные застряли. Ведутся работы по их вызволению. В степи трудности с древесиной, а необходимы доски...

— Черт знает что такое! — Ясуока больше не сдерживался, и его знаменитое сквернословие буквально прорвалось фонтаном. — Следовало в первую очередь посадить на машины инженеров. Нам нужны сейчас не пехотинцы, от которых все равно нет никакого толку, а инженерные войска...

26 июня 1939 года, берег реки Халхин-гол

— Чтоб вам провалиться! Чума на вас! — Ясуода яростно дымил сигарой. — Как мы можем перебраться на другой берег?

— Русским же это удалось, — осторожно напомнил майор Ногучи.

— Нам не хватает топлива! Средние танки пожирают его с невероятной жадностью, — доложил майор Масуда. Он один сохранял невозмутимость в критической ситуации. — Недостаточно материала для наведения моста через реку. Танки не могут передвигаться по неустойчивому понтонному мосту, который навели императорские войска.

— Теоретически наши танки могут форсировать реку глубиной до метра, — задумчиво произнес генерал-лейтенант Ясуока. — Но необходимы сведения о твердости грунта.

— Разведка докладывает, что река слишком глубока, — сказал майор Масуда.

Ногучи предложил:

— Может быть, использовать некоторое количество танков в качестве «быков» для моста?

— Давайте лучше используем мосты противника, — сказал Ясуока. — А что? Русские переправили технику на правый берег. Число их мостов может оказаться значительным — до пяти. А если русские взорвали пролеты, наши инженеры могут их восстановить.

Майор Масуда сверкнул глазами:

— В самом крайнем случае мы можем выдвинуть танки максимально вперед, насколько позволят запасы топлива. Затем снимем с танков пулеметы и используем их вручную. Так мы спасем нашу честь!

— Безумие, — пробормотал майор Ногучи.

В этот момент вошел старший лейтенант Такешита, командир взвода, и доложил:

— Стало известно о гибели лейтенанта Шиноды!

— Что? — старшие офицеры повернулись разом, услышав это ошеломляющее известие.

— Лейтенант Шинода и несколько солдат конными выехали на разведку. Их настигли броневые автомобили противника. Началась перестрелка. Двое рядовых вернулись. Они и сообщили о том, что видели: лейтенант Шинода был ранен и упал без сознания.

— Что предпринято? — резко спросил Ясуока. — Труп лейтенанта доставлен?

— Были отправлены люди, но обнаружены лишь следы гусениц, лошадиных копыт... и отпечатки человеческих ног. Тело лейтенанта Шиноды не найдено.

— Хотите сказать, что лейтенант Шинода попал в плен?

— Мы считаем, что лейтенант Шинода совершил самоубийство, — отчетливо произнес Такешита. — Его тело похищено врагами.

— Бессмыслица! Нелепица! — Генерал Ясуока всплеснул руками и выпустил изо рта густое облако табачного дыма. — Черт знает что такое творится! Офицер-танкист убит на лошади!..

43. Пропавший взвод

июля 1939 года, левый берег р.Халхин-гол

— Я намерен начать наступление немедленно, — объявил генерал-лейтенант Ясуока. — Мы ударим по противнику не утром 3 июля, а сегодня же вечером. Это дезориентирует русских, а мы успешно форсируем реку и таким образом выполним нашу основную задачу.

Пехотный командир, полковник Ямагато, едва держался на ногах. Переход был изматывающим, и полковник опирался на меч, как на трость.

— Мы уверены, что противник отступает, — продолжал Ясуока.

Майор Ногучи морщился: он считал, что разведданные о противнике недостаточны для таких решительных действий, да еще ночных.

Позиции русских были отмечены на карте масштаба 1:100 000 весьма приблизительно. Эти пометки взяты с фотографий двух-, а то и трехдневной давности. Приблизительно две дивизии противника развернуты к югу от Номонгана и на обоих берегах Халхин-Гола. (Приблизительно!)

Воздушная разведка докладывала о большом количестве машин. Каких машин? Грузовики или танки? Чем вообще сейчас заняты русские?

На правом берегу красноармейцы соорудили три рубежа обороны. И что?.. Что там происходит?

Какая чертовски неудобная война, думал Ногучи. Здесь не Китай. Нет никакого мирного населения, которому можно было бы задать пару-тройку вопросов. Местные всегда что-нибудь да знают.

Хорошо бы захватить пленных и допросить. Но и это не удалось. Ногучи жаждал информации «из первых рук» — как жаждет воды умирающий в пустыне. Увы.

Пару дней назад усиленная японская пехотная рота семь часов двигалась в направлении Халхин-Гола — и ни одного русского не обнаружила. Через пару дней попытку повторили — и опять ничего.

А у Ногучи складывалось впечатление, что русские вовсе не отходят. Напротив — усиливают позиции на правом берегу.

И высшее командование постоянно давит: «Атаковать! Атаковать! Атаковать! Форсировать Халхин-Гол, атаковать русских!»

Обсуждению не подлежит. Так велели высшие.

Подчиненным остается лишь одно: понять — как выполнить невыполнимое.

Ясуоке были подчинены не только танки, но и пехота, и артиллерия. Одно лишь плохо: эти части никогда не вели совместных боевых действий. Они вообще плохо знают друг друга. Их соединили в сводный отряд десять дней назад.

— Что же нам остается? — вслух проговорил Ногучи. — Только одно: как и всегда, полагаться на боевой дух японского воина.

Адъютант принес яблочного вина. Высшие офицеры выпили и пожелали друг другу удачи.

* * *

Командир четвертого танкового полка майор Огата приказал раздать консервированные мандарины и пиво.

— Что ж, друзья, — говорил он, посмеиваясь, — нам сильно повезло! Труп пехотинца суют в очень дешевый белый деревянный ящик! Но если мы, танкисты, сегодня умрем, наши замечательные гробы обойдутся в сто тысяч йен каждый. Что тут сказать? Определенно, наша судьба куда лучше судьбы простого пехотинца!

Кругом раздался смех. Огата умел поднять настроение своими шутками!

Танки выстроились ромбом. Было около шести часов вечера.

Каждый танк имел личное имя. В зависимости от взвода это были имена гор, рек и «всего, что летает в небе» — «Хаябуса» («Сокол»), «Хирю» («Летающий дракон»), «Фубуки» («Снежная буря»). Красный круг восходящего солнца украшал обе стороны башни — этот знак хорошо виден в бинокль, но был достаточно мал для того, чтобы стать мишенью.

Вперед, вперед!

Близился час последнего участия танков в «Номонганском сражении».

20 часов (вечер 2 июля)

— Я не помню такого ужасающего огня у русских, — признал полковник Ямагато в разговоре с майором Ногучи.

Ногучи нагнал его вечером, когда уже темнело, с приказом — продолжать наступление.

— Мои люди измучены, — сказал Ямагато. — В Китае мы не сталкивались ни с чем подобным. Все едва держатся на ногах. Если мы пройдем еще немного, то присоединимся к небожителям.

— Где лошади? Где припасы? — спросил Ногучи.

— Все уничтожено. Когда «Советы» открыли огонь, солдаты привязали лошадей и бросили рядом свои вещевые мешки, пайки, палатки. «Советы» били на слишком большую дистанцию...

— Командование предполагало, полковник, что ваши пехотинцы будут атаковать во взаимодействии с танками Йошимару.

— Когда тело перестает повиноваться, — ответил Ямагато, — разум ничего не может с этим поделать.

— Послушайте, полковник, — Ногучи заговорил грозным, устрашающим тоном, — двадцать минут назад японский самолет сбросил для штаба тубус с новыми сведениями о противнике. Русские отступают на запад. Мы должны преследовать их, преследовать!

Пошел дождь. Пехотинцы, измученные жаждой, выбегали под жалящие струи, собирали воду в каски, жадно пили.

— Вы обязаны идти, — сказал Ногучи полковнику. — В шести километрах к северо-востоку от слияния рек стоит пехотный батальон противника. Вы обязаны уничтожить его и переправиться через реку по мосту, наведенному русскими.

Ямагато мрачно кивнул.

Пехотинцы выступили в темноте, под дождем.

* * *

Командир танкового взвода лейтенант Тасуо Кога мчался на своем танке «Хаябуса». Лишь одного он желал: скорейшей схватки с

противником.

Танкисты были всемогущими героями сражений. Именно они выигрывали битвы. Они шли перед пехотой, врываются на позиции противника, их неожиданные атаки сокрушали все.

В Китае происходило именно так.

Но у китайцев не было собственных танков... А у русских они были.

Сверкая очками, лейтенант Кога, сказал бойцам своего взвода:

— Помните: члены экипажа должны разделить судьбу своего танка, а последний патрон сохранить для того, чтобы совершить самоубийство. Устав Императорской армии запрещает оставлять танк под огнем, даже если машина полностью выведена из строя.

— Банзай! — прокричали солдаты.

Другой командир, лейтенант Такешита на танке «Асо», не разделял оптимизма своего товарища. Русские определенно уделяют внимание тактике взаимодействия танков, пехоты и артиллерии. В Японии каждый род войск обладал собственной независимой военной доктриной.

Командир роты капитан Миятаке был по-настоящему счастлив. В первые же минуты боя ему удалось захватить бронемашину русских.

А потом пришло известие о том, что потеряна связь с командиром второго взвода, лейтенантом Шимизу.

Капитан принял решение и отправил на поиски бравого Кога.

— Ситуация сложная, — сказал капитан, — связь затруднена — русские глушат эфир. Местность разведана плохо. Компас не поможет — надвигается гроза, электричество в воздухе сбивает стрелку. Действуйте, полагаясь на инстинкт.

Кога яростно кивнул.

Во вспышках молнии видны были советские солдаты. Капитан Миятаке помахал им рукой и крикнул:

— Привет!

Ответом был ураганный артиллерийский огонь. Сливаясь с громом непогоды, гремели залпы там, где, по всей вероятности, находился Шимизу.

— Кога, Вакабаяши, Ирие, ваша задача — уничтожить противотанковые орудия русских, которые нацелены на нашего товарища, лейтенанта Шимизу!

Танк Кога, озаряемый вспышками взрывов, исчез в темноте.

Следом за Кога двинулся второй танк, которым командовал лейтенант Вакабаяши.

В ночи ехали навстречу стрельбе неприятеля два японских танка.

Вакабаяши был уверен в том, что артиллерия русских не сумеет пробить японскую броню.

И тут из мрака на него выехали четыре неизвестных танка, и с тыла в машину Вакабаяши попал снаряд.

К счастью, снаряд не разорвался. Сдетонировал взрыватель, а сам снаряд упал за ящиком с боеприпасами. Танк продолжал двигаться вперед. Загорелись дымовые шашки, и противник решил, что цель уничтожена.

Вакабаяши схватился за огнетушитель.

— Вперед, вперед, не останавливайся! — кричал он водителю.

Тот не снимал ногу с педали газа, только время от времени высовывался из машины, чтобы глотнуть воздуха. Командир отчаянно пытался потушить пожар.

От огня начали рваться боеприпасы для пулемета. Несколько пуль попали в ноги бойцов.

И вот наконец — спасение.

Ночь обступила японский танк.

Вакабаяши заметил еще два японских танка. Они ползли едва-едва, несмотря на опасную близость русских.

Это были подбитые танки пропавшего взвода лейтенанта Шимизу.

Вакабаяши продолжал ехать в полной темноте. Обессиленный водитель отдыхал, командир сам вел свой танк.

...И опрокинулся в траншею.

На мгновение наступила тишина, показавшаяся Вакабаяши страшной. Чья это траншея? Куда он заехал?

Спустя несколько минут он услышал японскую речь. Это было распоряжение пехотного полка Ямагато. Его обессиленные солдаты спали прямо на земле.

— Помогите мне, — сказал Вакабаяши.

Танкистов вытащили из машины, дали воды, перевязали раны. У Вакабаяши были обожжены руки, кровоточили раны на ногах. Получил ранение и водитель.

Поблизости горел еще один японский танк.

Несколько солдат со слезами сожаления сложили ладони и низко поклонились погибшей машине.

Это была «Хаябуса» — танк лейтенанта Кога.

Забыв о собственной боли, Вакабаяши бросился к машине. Он хотел вынести труп своего взводного командира, но тот сгорел вместе с танком.

— Он покончил с собой, когда русские его подбили, — сказал пехотный офицер почтительно. — Так же поступил и механик-водитель.

Где же лейтенант Шимизу?

Вакабаяши понял, что сейчас больше ничего сделать не может...

Нужно было ждать рассвета.

Лейтенант Ирие не сдался так быстро. Вместе со своим взводом он продолжал движение сквозь тьму. Несколько членов экипажа покинули машины, привязали к спине куски белой ткани, достали пистолеты и пошли перед танками, показывая им путь.

Моторы ревели. Но вот что-то темнеет...

— Стой! — крикнул Ирие.

Он увидели тело убитого японского пулеметчика. Ирие узнал его. Этот человек погиб почти два часа назад.

— Мы ходим по кругу, — сказал Ирие.

Он приказал заглушить мотор и ждать остальных. Оставался еще один танк, потерявшийся в ночи.

Чьи-то шаги.

— Кто идет?

— Банзай! — был глухой ответ.

Танк завяз в песке. Устав, к счастью, разрешал оставлять транспортное средство, если оно не находится под огнем, а просто застряло в болоте.

Танкисты тащили пулемет, снятый с боевой машины. Ирие сказал им:

— Пойдем вместе.

Всю ночь они брели, скрываясь во мраке. Иногда до них отчетливо доносилась русская речь. Непрерывно шел дождь. Солдаты были благодарны влаге. И наконец на рассвете они увидели над траншеями японский флаг.

Всходило красное солнце.

Это было все то же расположение полка Ямагаты.

Майор Ногучи, который провел здесь ночь, сел на мотоцикл, чтобы ехать к генерал-лейтенанту Ясуоке с новейшими оперативными сведениями.

Ирие доложил ему о потерях и сам не заметил, как рухнул на землю и заснул.

Он спал и не знал, что великое сражение 3 июля уже началось.

Ударная группа Кобаяси, сломив сопротивление монгольской кавалерии, подошла к реке в районе горы Баин-Цаган и начала переправу на правый берег.

44. Толстокожий боевой товарищ

7 октября 1940 года, Белфаст

Сэр Уинстон Черчилль прибыл.

Его появление, хотя и ожидаемое, произвело фурор среди рабочих завода «Харланд энд Вульф».

Новый танк носил имя премьер-министра. Это должно было, по идее, воодушевить всех: и работников тыла, и бойцов на фронте.

Теперь оставалось последнее: танку предстояло воодушевить самого Черчилля.

Боевая машина выглядела просто устрашающе. Черчилль долго смотрел на нее, сигара неподвижно торчала из угла рта премьера.

Долго-долго выкатывался из заводских ворот корпус. Потом явилась башня. И снова тянулся корпус. Черчилль смотрел. На его лице застыла непроницаемая маска.

Наконец он чуть повернул голову к разработчикам и руководителю проекта.

— Боже, храни короля, — проговорил премьер. — Да у этого танка недостатков больше, чем у меня самого!..

Конечно, сэр Уинстон лукавил. Он хорошо знал, что фраза разойдется и станет крылатой. Как и многие другие его знаменитые афоризмы.

Тяжелый, очень тяжелый танк Mk.IV, который назвали в честь премьер-министра, вполне оправдывал свое существование.

В памяти слишком хорошо застрял страх позиционной войны. Первая мировая отгремела совсем недавно. По крайней мере для тех, кто в ней участвовал. Необходима была боевая машина, способная прорывать глубоко эшелонированную оборону противника.

«Черчилль» получил броню, составляющую в максимуме сто один миллиметр. Корпус его представлял собой прямоугольную сварную коробку. Гусеницы охватывали корпус — это позволяло лучше преодолевать вертикальные препятствия.

«Слишком длинный»? Что ж. Зато внутри машины можно было свободно расположить все узлы и агрегаты, а экипаж получал достаточно удобные условия для работы.

— Собственно, это танк мечты для Первой мировой, — высказался Черчилль. — Сейчас технические возможности гораздо выше. А вот если бы такую машину да двадцать лет назад...

— Мы надеемся, что он и сейчас послужит нашим целям, и послужит хорошо, — заверил премьера руководитель проекта. — Скорость у него небольшая, около шестнадцати километров в час, но больше и не требуется: это танк сопровождения пехоты. Зато он очень прочный.

— Что ж, — молвил премьер, наблюдая, как монстр, названный его именем, разворачивается для демонстрации стрельб, — полагаю, это хорошо.

12 марта 1942 года, Лондон

Советский инженер-подполковник Ковалев ждал в приемной.

Черчилль пригласил его к себе. Ковалев пил чай — этому он в Англии научился, — а премьер-министр в последний раз просматривал бумаги.

Большевики никогда не нравились Черчиллю, и он этого не скрывал. Но сейчас это союзники. Победа Германии в нынешней войне означает вечную ночь для всей Европы. В том числе и для Англии. С русскими придется дружить.

В январе Ковалеву показали танк Mk.IV, и тот вполне оценил работу английских конструкторов. Написал подробный доклад своему правительству. Сталин сразу захотел получить новый танк. Что ж, правильно. Будь Черчилль на его месте, он тоже захотел бы такую машину.

Сигара погасла, и Черчилль не стал раскуривать ее снова. «Советы» просят пятьдесят единиц танков «Черчилль» — за счет поставок английского же танка «Матильда».

— Господин Ковалев, — Черчилль попросил наконец советского представителя войти в кабинет, — у нас есть встречное предложение. Мы поставим вам не пятьдесят, а семьдесят пять «Черчиллей», — тут премьер едва заметно улыбнулся. — Но с одним условием. Вам предстоит испытать их в боевых условиях, желательно — в различных климатических зонах. Мы хотим подробно ознакомиться с результатами этих испытаний.

— Полагаю, мое правительство согласится, — ответил инженер-подполковник.

— Я тоже так полагаю, — кивнул Черчилль.

4 июля 1942 года, Баренцево море

Под поверхностью Баренцева моря немецкая подводная лодка «U-703» готовилась к атаке. Английский конвой PQ-17 был выслежен, и теперь наступал решающий момент.

Капитан-лейтенант Байлфелд уверенно догонял новое английское грузовое судно «Эмпайр Байрон». Сомнений не было: конвой идет в Архангельск с военными грузами для Советской России. Этому необходимо помешать любой ценой.

Тем временем командир «Эмпайр Байрона» Джон Уортон дремал на своем кресле в капитанской рубке. Уортон находился на посту уже тридцать шесть часов. Он поддавался усталости. Даже холодный свет полярной белой ночи не мог больше заставить его бодрствовать.

Место на мостике занял начальник артиллерийской военной команды на судне.

В трюме находились новые тяжелые танки «Черчилль», тридцать единиц.

Не будь капитан таким усталым, он поразмыслил бы над иронией происходящего.

На флоте не любили Уинстона Черчилля. Сэр Уинстон умышленно лишал флот поддержки авиации. Он предпочитал воевать с гражданским населением Германии. Что ж, если он думает победить, сбрасывая английские бомбы на головы немецких женщин и детей...

Мысли капитана оборвались: он крепко заснул.

Командир немецкой подводной лодки Байлфелд развернулся для стрельбы из кормовых аппаратов. Теперь он точно определил скорость хода «Эмпайр Байрона»: восемь узлов.

Байлфелд нетерпеливо ждал, когда англичанин придет на пересечение нитей перископа, поставленного под прямым углом.

Есть!

— Feuer! Огонь!

«U-703» послала торпеду прямо в машинное отделение судна. «Эмпайр Байрон» начал медленно оседать в море.

Капитан Уортон заснул так крепко, что не услышал взрыва.

— Проснитесь, сэр! Судно торпедировано!

Лейтенант-артиллерист тряс своего капитана и кричал. На его лице было отчаяние.

— О чем вы? — спросонок отозвался Уортон. — Корабль движется, все нормально...

Он вышел на палубу и обмер: машинное отделение пылало, команда спускала на воду четыре спасательные шлюпки. Сквозь шум

воды, устремившейся в пробоину Уортон слышал крики артиллеристов, оказавшихся запертыми в нижних отделениях.

— Прыгайте в воду, сэр!

Уортон, не раздумывая, соскочил с мостика в ледяные волны. Его подобрали на одной из шлюпок.

— Всем снять форменные кители! — распорядился Уортон. — Не говорите, кто командир.

Кругом срывали с себя знаки различия. Уортон повернулся к одному из офицеров, упорно не желавшему расставаться с белой форменной курткой.

— Вас это тоже касается, Раймингтон!

Капитан инженерных войск Джон Раймингтон огрызнулся:

— Я вам не подчиняюсь!

Он сопровождал танки «Черчилль», и его задачей было обучение русских экипажей.

Судовой котел взорвался. «Эмпайр Байрон» затонул.

И тут наконец из глубин поднялась немецкая подлодка.

Англичане смотрели на рослого белокурого человека с автоматом на шее. Он орал на моряков и направлял дуло автомата то на одного, то на другого:

— Кто командир?

Англичане молчали.

Немец заговорил на неплохом английском:

— Господа, зачем вы участвуете в этой войне? Зачем вы рискуете своей жизнью и доставляете грузы большевикам?

Никто не проронил ни слова. Тогда немец снова разозлился:

— Где капитан? Ты? — Он резко повернулся к буфетчику, который, как и полагалось стюарду, сохранял прекрасную выправку и был опрятно одет.

Тот пошел пятнами:

— Что вы, сэр, я слуга!

«Белокурая бестия» ткнула автоматом в Раймингтона:

— Вы, Herr Offizier! За мной!

— Я не... Послушайте, вы не можете... — заговорил Раймингтон.

Немецкий командир расхохотался и схватил его за рукав.

— Живо! Schnell!

Уортон смотрел, как погружается германская субмарина. Раймингтон был захвачен в плен.

— Эй! — сказал немецкий командир. — Вот, возьмите.

Два матроса с «U-703» бросили на спасательные шлюпки мешок сухарей и десяток банок с консервированным яблочным соком.

— До земли двести пятьдесят миль. Прощайте, meine Herrschaften, — хмыкнул Байлфелд.

Тридцать танков «Черчилль» остались лежать на дне Баренцева моря...

16 сентября 1942 года, Кубинка, испытательный полигон

Товарищ Заев раскрыл блокнот. На зубах у него все еще скрипел песок — он только что вернулся с испытаний нового английского танка.

Всего их прибыло с июля десять. Невосполнимая потеря — тридцать танков, затопленных немцами на подходах к Архангельску!.. Но Черчилль обещал прислать еще «Черчиллей». Наверняка при этом ехидно улыбался.

Обещал к концу года доставить около сотни.

Однако следовало написать отчет о самом танке.

Заев знал, что отчет будет прочитан самим Сталиным. Необходимо взвешивать каждое слово.

«По мощности пушечного вооружения Mk.IV уступает танкам KB-1 и KB-1С. По броневой защите имеет преимущество. Максимальная скорость небольшая. Недостаточная надежность в работе отдельных агрегатов...»

При движении с креном танк сбрасывает гусеницы. Наверняка эти гусеницы — металлические цевочного закрепления на танке — дают пробуксовки в распутицу и гололед. Это еще предстоит выяснить. Все-таки погодные условия в России более суровые, нежели в Англии. Что бы там ни говорили про «лондонские туманы».

Заев поморщился. Ему не нравилось, что танк называется «Черчилль». Может быть, для поднятия духа англичан такое название и годится, но для советских солдат — нет. Ничего воодушевляющего оно им не говорит.

Ладно, капризничать не к лицу. Тяжелые танки сейчас действительно на вес золота.

18 октября 1942 года, Москва

Сталин диктовал спокойно, доброжелательно. Морщинки в углах его глаз придавали его лицу выражение мудрости, надежности. Он умел выглядеть таким.

— Раз мы получили от наших союзников эти замечательные танки Mk.IV, — говорил Сталин, — то и используем их в соответствии с предыдущими договоренностями. На сегодняшний момент мы имеет восемьдесят четыре танка. И это очень хорошо.

Он выдержал паузу, немного поразмыслил. «Лучики» у глаз разбежались еще сильнее.

— Да, это хорошо, — повторил Сталин. — Так почему бы нам не создать четыре особых танковых полка? Это должны быть отдельные тяжелые танковые полки прорыва — ОТТПП. Пусть они находятся в резерве Верховного главнокомандования. Мы будем направлять их исключительно на самые опасные участки фронта. Служба в этих частях будет самая почетная. Полки назовем «гвардейскими», а экипажи будут состоять исключительно из офицеров.

— Сколько полков, Иосиф Виссарионович? — спросил Жуков.

— А вы как считаете, товарищ Жуков, сколько танков должно быть в одном полку?

Товарищ Жуков ответил незатейливо:

— Разделим на четыре.

— Вот видите, какое простое решение, товарищ Жуков! — обрадовался Сталин. — Разделим на четыре, получается двадцать один танк. Дальше. Мы обещали господину Черчиллю испытать его танки в разных условиях. Было такое обещание?

Он вынул изо рта трубку, пустил колечко дыма. Колечко проплыло по воздуху и растаяло.

— Было, — заключил Сталин. — Вот и отправим два полка на север и два на юг. Разделим на два, товарищ Жуков! Предлагаю направить танки — к Сталинграду и далее в Курском

направлении, а другие танки — на Волховский фронт, к Ленинграду. Что скажете, товарищ Жуков?

— Скажу, что под Ленинградом мне очень нужны тяжелые танки, товарищ Сталин, — ответил Жуков.

22 марта 1943 года, Волховский фронт, район озера Белое

— Вперед!

Пять танков «Черчилль» под командованием гвардии капитана Белогуба двинулись в атаку.

Немцы засели на развилке дорог, в полукилометре от озера.

«Черчилли», давя кусты, прорываясь сквозь болота (русские умельцы укрепили гусеницы, и те перестали соскакивать), двинулись к позициям неприятеля.

В штабе 374-й стрелковой дивизии как раз разбирались — кто забыл передать гвардейцам приказ об отмене сегодняшней атаки...

Тяжелые танки добрались до немецких позиций и открыли огонь.

Пехоты не было.

— Долго не продержимся, товарищ гвардии капитан! — прокричал механик. — Отходить надо!

— Давай! — согласился Белогуб.

Он не успел отдать приказ — танк подбили.

Только один из пяти «Черчиллей» сумел вырваться и отойти. Остальные получили повреждения и не стронулись с места.

— Что делать будем, товарищ гвардии капитан?

— Что делать? — ответил капитан. — Стрелять, пока есть чем!

Началась жизнь в танке.

Вот когда добрым словом помянули английских конструкторов, построивших эти «слишком длинные» машины, у которых «недостатков больше, чем у самого Черчилля»! Броня выдерживала огонь противника.

Стреляли теперь осмотрительно, берегли каждый снаряд.

Наступила ночь.

— Какой-то подозрительный шум возле танка, товарищ гвардии капитан! — доложил младший лейтенант Зуев.

— Свои! — прошептала ночь.

К танкам подобралась советские автоматчики.

— Боеприпасы и продовольствие, — сообщили они. — Вы как тут?

Белогуб ответил ругательством.

— Что там стрелки, они собираются нас поддерживать?

— В штабе пока молчат. Пехоту на ваш рубеж не продвигают. Ну, берите, тут консервы, хлеб...

Едва поднялось солнце, огонь из танков возобновился. «Черчилли» целились в артиллерийскую батарею немцев.

— Товарищ гвардии капитан, — сообщил Зуев, — у них вон там, левее, склад боеприпасов, сдается мне. В бинокль видно.

— Заряжай!

Танки продолжали обстреливать позиции противника.

Около полудня немцы попросили прекратить огонь. В громкоговоритель пролаял голос, искусственно и старательно выговаривающий русские слова:

— Русские танкисты! Сдавайтесь! Вы тут одни! Ваши не придут.

— Огонь! — в ярости закричал Белогуб.

Вечером он вышел на связь со штабом стрелковой дивизии. Говорил прямым текстом, не шифруясь:

— Это гвардии капитан Белогуб. Вы собираетесь сюда, к нам?

Ответ был отрицательный.

Наутро немцы кричали:

— Белогуб! Сдавайся!

— Товарищ гвардии капитан, они там крест поставили! — сообщил механик. — Вона, торчит, как пугало!

— Белогуб, это крест тебе! — кричали немцы. — Мы тебя похороним!

— Я тебя сам похороним, скотина! — рычал товарищ гвардии капитан. — Огонь!

Немцы ответили шквалом. Несколько часов шел бой. Танки стояли на месте и стреляли, пока оставались снаряды, а затем начали швырять через бортовой люк гранаты.

— Где пехота? — Белогуб плакал без слез. Это была какая-то запредельная ярость, которая выжгла все прочие чувства. — Хоть бы снаряды подвезли! Где они?

— Товарищ гвардии капитан, танки!

Два «Черчилля» с ревом и грохотом явились возле озера и поддержали своих.

Пока свежие силы русских отгоняли немцев, танк Белогуба зацепили трактором и оттащили в тыл 374-й стрелковой дивизии.

Остальные танки были брошены. Их экипажи отошли вместе с пехотой.

— Ну что ж, — сказал вечером товарищ Белогуб. Он уже выпил «наркомовские сто грамм» и немного отошел отминувших событий. — По крайней мере, ни один из наших не пострадал. Три дня мы отстреливались от немцев, товарищи. Уничтожили их артбатарею, четыре дозора, взорвали к чертовой матери склад с боеприпасами и пехоты ихней положили немало. А сами — ничего! И все это — броня наших танков. Выпьем за них, за наших боевых товарищей!

45. День святого Валентина

10 февраля 1938 года, Лондон, Военное министерство

Военный министр раздумывал на привычную для военного министра тему, а именно: нужны ли Великобритании новые танки.

В принципе, новые танки нужны. И фирма «Виккерс-Армстронг» преподнесла министерству что-то вроде подарка на день святого Валентина: чертежи новой боевой машины.

Называли они эту машину просто — Mk.III.

В принципе, конструкция выглядела вполне удовлетворительной. Компоновка предполагалась классическая, расположение ведущих колес заднее. Любопытная деталь: не предполагался каркас для сборки корпуса и башни: броневые листы должны обрабатываться по шаблонам таким образом, чтобы при сборке плотно смыкались.

Плиты будут крепиться друг к другу болтами, заклепками и шпонками. Допуски при пригонке деталей минимальны.

Механик-водитель — в центре передней части танка. Два люка с откидывающимися крышками.

Наводчик и командир (он же заряжающий и радист), как задумывалось, будут размещаться в башне.

Танк хорошо вооружен: в лобовой части башни двухфунтовая пушка и спаренный с ней пулемет, справа — пятидесятимиллиметровый дымовой гранатомет. И плюс еще один пулемет на зенитной установке на крыше башни.

Да, неплохо выглядит машина. Однако эта двухместная башня... Стоит подумать. Может быть, не следует принимать проект вот так сразу, с листа...

14 апреля 1939 года, Лондон

— Времени разводить бюрократию времен Диккенса больше нет!

В министерстве изменили тон. Целиком и полностью. Обстановка в Европе накалялась. Германия разворачивала свою боевую мощь, и в Лондоне не сомневались: главная цель Гитлера, его основной враг, которого «гунны» непременно желают сокрушить в первую очередь, — это оплот свободной Европы, ее сердце. То есть — Британия.

— Нужен ли нам новый танк, черт побери?! Разумеется, нам нужен новый танк! Подписывайте контракт с «Виккерс-Армстронг» — и быстро запускайте в серию! Не менее шестисот танков — для начала. И подключите еще какие-нибудь фирмы в помощь «Виккерсу».

7 июня 1940 года, Ньюкасл

На заводе «Виккерс-Армстронг» был праздник.

Накрыли столы с закуской — пирожки, легкое пиво. Играл оркестр.

Из заводских ворот выехал украшенный транспарантами первый танк. Чарльз Гордон, мастер сборочного цеха, выступал с импровизированной трибуны. Он говорил о великой роли Британии, о прекрасном новом оружии, которое защитит родную страну. Ветер относил его голос в сторону, а потом грянул духовой оркестр, и Гордон замолчал.

Танк двигался по дороге, транспаранты развевались, цветы, которыми работницы украсили машину, сыпались на разбитый грунт.

10 ноября 1941 года, Горький

Бойцы 136-го отдельного танкового батальона мерзли на ветру.

— Говорят, новые танки привезли, — сообщил всезнающий сержант Тырин.

— Какие? Где ты их видел? — посыпались вопросы.

— Да отстаньте, ничего не знаю, — отбивался сержант. — Не видел я их. Просто говорят. Мимо штаба проходил, слышал.

Слухи, приносимые Тыриным, как правило, подтверждались. Подтвердился и этот — танки действительно оказались совершенно новыми.

Командир батальона оглядел бойцов сурово.

— Британские рабочие сделали эти машины специально для нас, — подчеркнул он. — Прислали нам, стало быть, для начала девять штук. Для советского солдата такой танк — новинка. Новинка, товарищи, но не диковинка! Учиться некогда, учиться будем непосредственно на фронте.

Танк показался странным. Он был невысокий — практически в рост человека, и внутри — просторным.

Насколько может быть просторным танк. По сравнению с теми, к которым привыкли танкисты, — «Валентайн» предоставлял прямо-таки хоромы.

— Медленный, вроде, — делились впечатлениями бойцы.

— Это пехотный танк, ему галоп ни к чему, — объяснил Тырин. — И вот еще. Комиссар передал распоряжение: «керосинкой» не обзывать, иначе будут взыскания. За этот танк заплачено золотом — раз. Английские товарищи, рабочие, такие, как мы, старались на его сборке, — это два. В общем, по коням и вперед. Такое вот распоряжение.

И снова слова Тырина полностью подтвердились: 136-й отдельный танковый батальон отправился под Москву. Впереди были тяжелые дни сражений за столицу Советского Союза.

25 сентября 1942 года, Северный Кавказ, Грозненское направление, расположение 5-й гвардейской танковой бригады

— Товарищ гвардии капитан, — заговорил младший лейтенант Сидоркин, обращаясь к своему командиру, — а не слышать, когда Второй фронт откроют?

— Ты, товарищ Сидоркин, не об этом думай, — строго ответил командир. — Когда надо, тогда откроют. Нам помогают, как могут. Вон, сколько танков прислали. Думаешь, это легко?

— А чего их к нам всё шлют? Мы на других танках, между прочим, учились. А теперь тут у нас, на Северо-Кавказском да Закавказском фронтах, почти сплошь танки иностранные. Разве советские машины не лучше? Они и для климата нашего приспособленные.

— Здесь близко переправлять, — объяснил командир, гвардии капитан Шепельков. — «Персидский коридор», слышал? На политинформации-то ходишь? Союзники поставляют грузы к нам через Иран. Чем через всю страну тащить, лучше уж на месте использовать. Вот и сражаемся — на «Валентайнах», «Шерманах», «Тетрархах»...

— А откуда название такое — «Валентин»? — не унимался младший лейтенант. — Товарищ политрук, кстати, не говорит, — быстро добавил он.

— Говорят, — сказал Шепельков, — есть у англичан такой праздник, день святого Валентина. Вроде как день влюбленных. Если тебе, положим, Сидоркин, понравится какая-нибудь девочка, ты ей в этот день преподнеси подарок, и готово дело.

— Стало быть, немцам подарки делать будем, — задумчиво произнес Сидоркин. — Из пушки да пулеметов.

— Ну вот что вы глупости бойцам рассказываете, товарищ гвардии капитан! — к разговаривающим подошел политрук, сухо

улыбнулся. — Где вы набрались этих «святых Валентинов»? Название танка — от сокращенного названия фирмы-изготовителя, «Виккерс-Армстронг». Для краткости и удобства обозначения.

— Писали бы просто «МК-3», — пробурчал Сидоркин.

— Ладно, хватит, — политрук вздохнул. — Все готово, товарищи? Завтра в бой.

29 сентября 1942 года, долина Алханчурт

«Если свою машину не любить, не понимать, не слышать ее, — думал капитан Шепельков, — то и сражаться на ней невозможно».

Мотор у «Валентайна» тихий, надежный, но требует деликатного обхождения. Танк — не учебное пособие, а поле боя — не класс, тут ошибок допускать нельзя. А учились «с колес».

В первый же день, когда в бригаду прибыли «Валентайны», начали осваивать новые танки. Бригада с самого начала комплектовалась очень разной техникой, вот и решено было: использовать все таким образом, чтобы английская техника дополнялась советской и наоборот.

— Если ты не умеешь с танком обращаться, еще не значит, что танк плохой, — говорил своим бойцам Шепельков, а сам думал: главное — не сомневаться! Потому что «Валентайн» поначалу лично у него вызывал крепкие сомнения.

Что будет с водой в системе охлаждения танков, когда начнутся морозы? «Англичанин» — то деликатный!.. А гусеницы — не будут ли соскакивать или, того хуже, хлебать грязь? Самое плохое, однако, — что нет в боекомплектах осколочно-фугасных снарядов для пушек. С остальным еще можно разобраться.

Двигатель, сердце танка. Автомобильный двигатель. Чтобы сохранять тепло, придется прикрывать радиаторы фанерой, брезентом, а то и шинелью. Человек потерпит, а двигатель — нет.

А ведь впереди — зима...

И как уберечь «англичан» от мороза — непонятно. Но ответственность за технику — дело великое, поэтому Шепельков принял решение: танк постоянно держать в горячем состоянии. Не заведется на морозе — хуже будет. Правда, расход моторесурса увеличится, а делать-то что? Потерять танк — еще хуже.

И опять же, снег, распутица. Придется приваривать к каждому траку гусеницы стальные пластины. Ничего, машина маневренная, по большому счету — удобная. Приноровиться только надо.

Вчера наконец пришла инструкция вместе с описанием танка. Перевели на русский язык, размножили и разослали.

Механик-водитель зачитывал вслух, плакал настоящими слезами и требовал выдать ему водки.

— Вы только это послушайте, товарищ командир! — Листок со строго отпечатанными буквами в его руке подрагивал. — «Если после четырех-пяти попыток двигатель английского танка завести не удалось, надо, при наличии приспособления для запуска с помощью эфира, зарядить пистолет ампулой, нажать на рычаг прокола капсуля и стартером завести двигатель»...

— Ну, и что тут непонятного? — строго спросил товарищ гвардии капитан.

— А дальше? — механик-водитель горестно вздохнул. — «После заводки двигателя не давать ему работать на оборотах выше 800 в минуту до момента, пока температура масла не достигнет 80 градусов по Фаренгейту...» Это сколько, если говорить по-человечески?

— Я позвоню в штаб полка, — обещал командир. — В самом деле, безобразие. Таблиц до сих пор нет.

— А давление, товарищ командир, должно быть 80 футов на квадратный дюйм, — добавил помпотех.

— Ты хоть выучил, сколько это — дюйм, фут? — спросил его командир. — Мы ездим на иностранной технике, тут нужна тонкость.

— «Движение танка можно начать только после полного прогрева двигателя и обязательно с первой передачи во избежание повреждений», — донесся до них плачущий голос водителя.

— Осваивай, и нечего сопли распускать, — строго сказал товарищ гвардии капитан. — Комсомолец ты или нет?

...«Валентайн» Шепелькова уже занял свое место в строю.

В первом эшелоне шли танки КВ и «Матильда», во втором — Т-34, в третьем — «Валентайны» и Т-70. Плечом к плечу, что не сумеет один — подхватит другой.

Все, вперед.

— Огонь! Огонь!

Слева и справа действовали «Валентайны» «соседей». Один вдруг перестал стрелять. Шепельков, знавший танк лучше других, выругался: английское оружие требовательно к смазке, а тут смазка, видать, загустела...

— Горит, товарищ гвардии капитан! Горит немец!

Шепельков увидел, что впереди пылает один из пяти танков противника.

Немцы стреляли. «Валентайн» лавировал среди выстрелов — спасибо английским товарищам, действительно маневренная машина!

Вперед, только вперед. Где «соседи»? Справа никого, слева — гвардии старший лейтенант на «Валентайне». Пехоту отсекали еще раньше.

— Беречь снаряды, без приказа не стрелять, — распорядился командир.

Вот что действительно хорошо — это связь. Все английские танки обеспечены радиостанциями. И запросто можно говорить друг с другом. А заодно послушать, как орут по-немецки враги. Успокаивает, как музыка, по выражению Сидоркина.

Шепельков раздавил немецкое противотанковое орудие, и тут его взору открылась странная картина: на «Валентайне» лейтенанта Воронкова стояли... немецкие пехотинцы.

Они стучали прикладами по броне, вроде как — «пустите нас!»

— За своих приняли, — догадался Шепельков. — Машина-то иностранная, вот немцы и купились! Ничего, голубчики, сейчас будет вам подарок ко дню святого Валентина!

Он подождал, пока к «Валентайну» подойдет побольше врагов, и открыл по ним огонь из пулемета.

— Из дымовых гранатометов — огонь! — приказал командир.

Дымовая завеса затянула «Валентайны». Шепельков вдруг ощутил благодарность к своей машине. Найдено, стало быть, взаимопонимание!..

46. Битва в грозу

2 июля 1939 года, левый берег реки Халхин-гол, 21.00

Полковник Тамада погрузился в глубокую задумчивость.

Невысокий, коренастый, медлительный, он командовал Четвертым танковым полком. На начало операции это были 565 солдат и офицеров, тридцать пять легких танков Тип 95, восемь средних танков Тип 89 и три танкетки Тип 94.

Сейчас ему предстояло решить, как действовать дальше.

Во второй половине дня 2 июля полк Тамады быстро продвигался к рубежу атаки.

Он сбился с пути. Следовало двигаться в южном направлении и прикрыть с левого фланга Третий танковый полк Йошимару. Вместо этого танки Тамады взяли курс восточнее.

Сталь танковой брони делала бесполезными магнитные компасы. Ориентироваться по местности не получалось: кругом тянулись сплошные одинаковые дюны.

Затем русские открыли огонь на правом фланге Тамады.

В половину восьмого пошел дождь. Левый берег, где находились орудия русских, замолчал.

«Следует обойти дюны и вести наступление через равнину в юго-восточном направлении», — решил Тамада.

По его приказу люди подожгли камыши. Теперь противотанковым орудиям негде прятаться. Если русские что-то задумали, Тамада сразу это увидит.

— Уничтожайте пушки «Советов», бейте по их бронемашинам! — приказал Тамада.

Русские стреляли из пяти или шести орудий. К счастью, они вели огонь практически вслепую, думал Тамада. Он приказал танкам остановиться.

— Разве мы не должны постоянно находиться в движении, чтобы противник не мог поразить нас огнем? — спросил майор Огата, правая рука и помощник полковника, известный остряк и спорщик.

— Противник обнаружит нас в любом случае, — ответил Тамада, — но если мы будем стоять и не производить шум, то, полагаю, это произойдет позднее.

С этими словами Тамада выглянул из башни и в бинокль принялся осматривать местность. Надвигались сумерки, облака затягивали небо.

2 июля 1939 года, 21 час, северо-восточнее озера Ирингин

— Положение наше таково, — подытожил Тамада, — километрах в трех от нас к юго-западу — три русских батареи на возвышенности. К югу в двух километрах — позиции противника с неустановленным количеством личного состава.

— Ваши приказы? — осведомился Огата.

Тамада покачал головой.

— Плохо соображаю, — признал он. — Мы, северяне, люди медлительные. Нужно подумать, чтобы не попасть впросак. У нас около сорока легких танков, а у русских — огромное количество бронетехники и артиллерии. Мы запросто можем попасть под перекрестный огонь.

— Так что же, — почти вскрикнул Огата, — будем ждать? А как же Йошимару? Мы ведь должны были поддержать его!

— Зовите сюда командиров рот, — приказал Тамада. — Мне надоело, майор, спорить исключительно с вами. Хочу посоветоваться со всеми моими офицерами.

Вокруг командирского танка собралось человек десять.

Тамада заговорил:

— Мы обнаружили, что грузовики и пехота «Советов» отходят. Я намерен преследовать их. Артиллерия противника, как нам известно, располагается сейчас между нашими подразделениями и перекрестком дорог. Поэтому первое, что следует сделать, — это уничтожить артиллерийские позиции врага.

— А это соответствует уставу? — подал голос командир взвода Томиока.

— Инструкции штаба, — сказал Тамада, — говорят о необходимости «найти хорошую возможность», но не дают конкретных указаний. Полагаю, мы имеем возможность провести внезапную ночную атаку всеми имеющимися в полку танками.

Несколько человек переглянулись, затем все тот же молодой лейтенант сказал:

— Мы считаем идею ночного наступления нецелесообразной. Руководство по эксплуатации наших танков запрещает проводить подобные операции ночью.

— Там сказано не так, — напомнил Тамада.

Но сбить лейтенанта ему не удалось. Он тоже хорошо знал устав:

— Там сказано, что использование танков ночью разрешено только во взаимодействии с пехотой и только с участием не более одного танкового взвода.

— Сейчас возникли особые обстоятельства, — напирал Тамада. Чем больше с ним спорили, тем больше хотелось ему провести эту атаку.

Другой командир вмешался в разговор:

— Нам ничего толком не известно о местоположении противника. Мы знаем лишь, что артиллерия находится где-то там, — он махнул рукой, — просто потому, что оттуда прилетают артиллерийские снаряды.

Майор Огата заговорил своим громким, хорошо знакомым каждому в полку голосом:

— Да, ночных учений с использованием танков никогда не проводилось. Да, ночные операции по применению танков очень рискованны, хотя бы потому, что можно угодить в канаву. Обычно предполагается, что если танки и продвигаются ночью, то лишь по территории, отвоеванной днем, под охраной пехоты. Но мы должны учитывать одно: генерал Ясуока поставил перед нами задачу — попасть на другой берег реки и смять там русских. Что означает провал нашего наступления? Он означает неподчинение командиру! Если мы будем бездействовать нынешней ночью, это наложит неизгладимое пятно на наш полк. Потери неизбежны. Но эта ночная атака нам необходима — ради сохранения нашей чести.

— А если она провалится? — спросил лейтенант.

Огата пожал плечами:

— Ответ очевиден — самоубийство.

2 июля 1939 года, 22 часа

— Я требую, — говорил Тамада, — от всех командиров рот полной солидарности, единства и отчаянной решимости. Наш сосед, полковник Йошимару, ведет интенсивный бой с противником. Если мы сейчас отойдем, то черное пятно ляжет на нашу честь. Если же решительно проведем ночное наступление, то получим надежду прорвать оборону «Советов». Поэтому с настоящего момента весь личный состав полка будет искать и уничтожать противника, ведя стремительное наступление всеми силами и средствами. Рискованно вести большую танковую часть в бой ночью, не зная местоположения противника и особенно — местности. Но боевая задача требует этого.

— Сейчас мы зависим от воли судьбы, — прибавил Огата со спокойствием, достойным эпического героя.

3 июля 1939 года, 22.30

Черные облака заволокли небо. Наступила ночь.

Солдатам раздали сигареты.

— На каждом танке следует установить японский флаг, — распоряжались командиры взводов, — каждое подразделение будет вести наступление в строгом боевом порядке.

Огата отдавал последние приказы:

— «Режущее лезвие атаки» — средние танки четвертой роты. Они пойдут впереди всего полка, развернувшись в ряд. Сразу за ними — штаб полка. Слева — первая рота, справа — третья. Выдвигаться в походных колоннах. Вторая рота — полковой резерв, ей следует двигаться рассредоточенной по фронту. Расстояние между подразделениями — тридцать метров, между танками — шесть метров.

Он помолчал и добавил:

— Такой атаки не знала еще военная история!

Средние танки Тип 89 «режущего лезвия атаки» пошли вперед на минимальной скорости — около пяти километров в час.

— Огонь не открывать! — приказал командир. — Противник должен открыть огонь первым.

В тишине слышен был лишь лязг гусениц.

Облака затянули луну. Видимость оставалась не больше десяти метров.

На башне передового танка ехал майор Огата, не отрывающий глаз от бинокля.

— Верьте, друзья, у меня есть шестое чувство! — говорил он в странной эйфории.

Время от времени майор отдавал приказы, выравнивая строй по центральной машине — той, на которой ехал он сам.

Установить надежную связь между подразделениями оказалось непросто. Командиры взводов высывались из люков и постоянно смотрели в бинокль.

То и дело вспыхивали молнии, озаряя местность. Радиосвязь в такой скученности работала плохо, командиры предпочитали просто смотреть друг на друга.

3 июля 1939 года, 00 часов

В полночь майор Огата закричал:

— Следы! Что я говорил? Здесь прошли танки! Русские двинулись на юго-восток! Мы идем в правильном направлении!

В темноте мелькнули какие-то тени. Русские?

Над танками грянул страшный гром, вспыхнули и разорвались сразу несколько молний, хлынул ливень, и в яркой вспышке вдруг четко обрисовались позиции советских войск.

До сих пор командиры ехали с открытыми люками, чтобы смотреть из башен. Когда небеса разверзлись, и хляби обрушились, несколько командиров не захотели забираться обратно в танки и вести наблюдение сквозь узкие смотровые щели, а вместо этого надели противогазы.

Рядом с танком лейтенанта Томиоки гроыхнуло так отчаянно, что лейтенант решил было, что молния поразила одну из машин. Однако ему лишь показалось.

— Чудо, — прошептал он, когда на миг в ярчайшей вспышке перед ним явились советские войска. — Это похоже на знаменитую атаку Оды Нобунаги, когда он пошел в бой во время сильного шторма.

Пример из истории шестнадцатого века подбодрил лейтенанта.

«Чудо», однако, работало на обе стороны: русские тоже увидели прямо перед собой японские танки. Они открыли было огонь, но в условиях непосредственного соприкосновения с противником артиллерия оказалась бесполезной: снаряды пролетали выше цели.

Томиока сорвал противогаз и глубоко втянул ноздрями прохладный ночной воздух.

— В атаку! Вперед! — закричал он. — Огонь в горизонтальной плоскости!

И вынул пистолет.

Лейтенант намеревался стрелять во все, что хотя бы отдаленно напоминало солдат Красной Армии.

Танки Томиоки вели огонь по каждой позиции противника, наезжали на артиллерийские орудия, взрывали боеприпасы.

Томиока, мокрый насквозь, оставил люки танков открытыми — чтобы лучше видеть обстановку.

«Странные они, эти русские, — думал он. — Ни одной попытки провести короткие контратаки против наших танков. Японцы без колебаний использовали бы противотанковые отряды смертников...»

На левом фланге легкие танки Тамады смяли пехоту противника и глубоко проникли на позиции советских войск.

Танк лейтенанта Ито был подбит — снаряд попал в отсек с боеприпасами. Полыхнуло желтое пламя, и лейтенант упал — у него обгорели руки и лицо. Он очнулся от того, что водитель вытаскивает его из танка. Ито рухнул на землю и снова отключился.

— Лейтенант! — Это был пулеметчик, тоже раненый. — Нужно уходить! Наш танк горит, русские его видят и прицеливаются.

Ито повернул голову и обнаружил, что почти ослеп. Опираясь на руку пулеметчика, он побрел сквозь ночь в поисках своих.

...Полковник Тамада вдруг обнаружил, что остался один со своим штабом. Где танки? Где противник? Молния больше не освещала поле боя. Вдали гроыхало, но где?

«Это была моя идея — ночная атака, — думал Тамада. — И в результате я потерял целый полк».

— Огата, — произнес полковник, — что ты сейчас скажешь обо всем этом?..

Огата похолодел. Он узнал цитату.

Некогда один герой обратил эти слова к своему другу в сходной ситуации. Смертельно раненный в живот, он таким образом просил отрубить ему голову.

Огата как истинный самурай понял: полковник Тамада размышляет сейчас о самоубийстве. И дал понять это очень изящно, процитировав художественное произведение.

— Сначала мы должны установить, что произошло, — сохраняя хладнокровие, ответил Огата.

Он взял большой флаг Японии и поднял его на шесте. У Огаты мало было надежды на то, что таким простым способом он соберет танки.

Но у него получилось. Полковник Тамада воспрял духом, а через несколько часов пришла информация: боевые действия в целом ведутся успешно.

Постепенно уцелевшие танки Четвертого полка собирались вокруг своего командира.

Третьему полку повезло меньше: полковник Йошимару был убит.

Но тогда Тамада еще не знал об этом. Со своими танками он неуклонно продвигался к реке Халхин-гол.

— Слышу лязг гусениц, — сообщил Огата.

Скоро появился средний танк с японским флагом, различимым в рассветных сумерках.

— Здесь лейтенант Ито, он сильно ранен, — доложил сержант.

Слабым голосом Ито произнес:

— Я прошу прощения за потерю танка. Ранен также мой механик-водитель и за это я тоже прошу прощения.

— Ты молодец, мой мальчик, ты герой, — отечески отозвался Тамада. — Я благодарен тебе за хорошую работу.

(...Танк лейтенанта Ито потом появился в газете. Красноармейцы весело позировали на фоне своего трофея. Тамаду, как и лейтенанта Ито, очень обеспокоил данный факт: ведь

экипаж обязан разделить судьбу своего танка. Следует ли все-таки совершить самоубийство? И если да, то кому — лейтенанту Ито или полковнику, его командиру? Тамада так и не пришел к какому-либо определенному выводу).

3 июля 1939 года, 5 часов утра, район юго-западнее пруда Юзуру

Измученные люди дремали в своих танках.

Четвертый полк Тамады остановился после тяжелого боя.

Полковник отправил майора Огату с поручением:

— Вы должны разыскать командный пункт Ясуоки, изучить сложившуюся обстановку, доложить о нашей ночной атаке и узнать, каковы наши задачи.

После этого он растянулся на земле и мгновенно заснул.

Риск ночной атаки оказался оправдан. Теперь можно было передохнуть.

47. Родная Эмча

5 сентября 1941 года, Вашингтон

Комитет вооружений Конгресса США остался удовлетворен новым танком.

Машину обозначали просто — «средний танк М4»: со сварным корпусом — М4 и всё, а с литым — М4А1.

Все эти тонкости поглотило общеармейское наименование — «Генерал Шерман», которое англичане сократили просто до «Шермана», а русские низвели до «шарманки» — впрочем, ненадолго: чем-чем, а «шарманкой» эта машина не являлась...

17 ноября 1942 года, Северо-Кавказский фронт, расположение 5-й гвардейской танковой бригады

— Товарищ командир, «американцев» привезли!

Новую технику ждали. Говорили, американцы учли русский климат и другие трудности. Особенно же — насчет топлива.

С предыдущим танком, М3, имелась сложность: у него бензиновый мотор и работать он мог только на импортном высокооктановом бензине. Неудобно.

Американские товарищи пожелание союзников учли: установленные на танке двигатели надежно работали на советском дизельном топливе и дизельном масле.

Да и вообще машина как-то сразу располагала к себе.

Главное — она оказалась тихая!

— Идет как царевна-лебедь, — высказался поэтически настроенный рядовой Сеницын.

— Ага, только вот пехоту на эту царевну не посадишь, — осадил его сержант Ковалев. — Ни тебе поручней, ни скоб. Сыпаться будут с машины, как яблоки.

— Интересно, а сами-то американцы как пехоту возят? — задумался Сеницын.

— В особых грузовиках возят, — сказал сержант. — Вслед за танками.

— Что, и в атаку на грузовиках бегут? — фыркнул Сеницын.

— Ты лучше в машину вникай, потому что нам на ней воевать, — ответил Ковалев, — а что там у американцев делается, — к счастью, не нашего ума дело.

Попробовать новую машину хотелось всем. С первого же раза становилось очевидно, что танк быстроходный и маневренный.

— Не, тут все равно какая-нибудь загвоздка найдется, — утверждал скептически настроенный сержант. — Не бывает так, чтобы танк был весь идеальный. Если ты не видишь недостатков, это еще не значит, что их нет.

В документах «Шерман» значился как «М4А2», и это «эм-четыре» быстро превратилось в «эмча», вроде как — ласковое наименование.

Эмча вызывала особую нежность вооружением: 75-миллиметровая пушка, два пулемета «Браунинг», дымовой гранатомет, зенитный крупнокалиберный пулемет.

И, товарищи, радиостанция. Это вообще чудеса современной техники.

Внутри танка обнаружился настоящий «отель»: сиденья кожей обтянуты, ручки никелированные.

Один недостаток все-таки нашли сразу: в отличие от Т-34, который умел крутиться на месте, «Шерман» разворачивался только по кругу, как автомобиль.

— Это мы переживем, — сказал командир. — Броня бы не подвела.

...И вот в чем прав оказался скептик-сержант Ковалев, так это в том, что у «Шермана» имеются недостатки, и как раз по части защиты.

Слабым местом танка оказалась его броня. Толщина у нее большая, до шестидесяти миллиметров, но... Сама броня оказалась недоброкачественной. «Юнкерс» ее пробивает из пушки, бывает, даже при обстреле осколочными боеприпасами скалывается.

До американской стороны жалобы на дефекты брони дошли весной сорок третьего. Отгрузка М4А2 в СССР приостановилась — союзники честно исправляли дефект...

2 января 1943 года, Мурманск

В незамерзающем порту Мурманск разгружали корабли, пришедшие из-за океана.

Американцы продолжали поставлять в Советский Союз свои танки.

— Вишь, как запаковали, — восхищались механики. — Новогодний подарок.

— Будет из этого «подарка» немцам подарок, — отвечал другой.

Распаковать каждый из «Шерманов» оказалось делом весьма хитрым и заняло несколько дней.

Все танки были тщательно оклеены плотной темной бумагой, пропитанной влагостойким составом. Свободным оставался только люк механика-водителя — здесь оклейку содрали еще в порту, чтобы отвести танк от порта до станции погрузки.

Внутри танка — где «отель», — не было ни капли влаги, хотя до того машина шла морем.

Труднее всего приходилось при расконсервации пушки и спаренного с ней пулемета: орудия были обильно покрыты густой смазкой, а с дульной и казенной части залиты пушечным салом. Поди отковырай такую «пробочку» в тридцать сантиметров толщиной.

— Да, основательный народ эти американцы.

27 октября 1943 года, лес под Наро-Фоминском

Танковая бригада знакомилась с новыми американскими танками — «Шерманами». Плакатов и инструкций еще не издали, учились на «живой машине», для чего разрешено было одну «эмчу» разобрать и поглядеть, что там «у ней внутри», как выразился механик Федотов.

Дней десять так копались, исследуя механизмы незнакомого танка, а потом все тщательно собрали обратно.

Занимались стрельбами, тактическими учениями в поле...

И тут пришел приказ: срочно грузиться, срочно ехать!

Бригаду отправляли на фронт — под Киев.

20 ноября 1943 года, район города Фастов, 1-й Украинский фронт

Поезд остановился в чистом поле.

Украина.

Командир танковой бригады подполковник Николай Чернушевич объявил:

— Товарищи! Получен приказ из штаба: немедленно разгрузиться и, совершив марш, занять оборону севернее города Фастов.

— Как будем разгружаться, товарищ подполковник? — раздались голоса. — Тут и разгрузочной площадки-то нет!

— А как танк разворачивать? «Шерману» чтобы повернуться — много места надо, это ж не «тридцатьчетверка».

— Товарищи, решаем по обстановке. Передовая требует срочного ввода свежих резервов...

Командир первого батальона капитан Николай Маслюков сказал:

— Есть у меня механик-регулировщик старшина Григорий Нестеров. Говорит, знает, как в такой ситуации разгружать танки. Готов показать, как «прыгать с платформы».

— Выхода нет, давайте.

Хвостовую платформу откатали на несколько метров назад и открыли борта. Заработал мотор. «Эмча» двинулась вперед,

остановилась... Казалось, бронированная громадина вот-вот сорвется вниз. Тормоза сработали надежно. Опять водитель подал машину вперед и назад — угол к платформе все больше увеличивался.

Через полчаса таких маневров «Шерман» стал поперек платформы. Медленно поехал вперед. На миг завис носом в воздухе, «клюнул»...

Оглушительный треск: сломались доски настила. Заскрежетали металлические борта платформы, гусеницы ударились о землю. В стороны брызнули щебенка железнодорожной насыпи, комья земли...

Торжествующе взревел мотор. «Шерман» выкатился на ровную площадку и остановился.

Механик выглянул из люка — лицо красное, залито потом.

— Готово, — доложил он.

Гусеницы целы. Платформа, правда, вдребезги.

— Все видели, товарищи? — обратился к танкистам подполковник Чернушевич. — Все, совещание с демонстрацией закончено. Прыгаем.

Эшелон рассыпался по перегону — для каждого танка подыскивали удобные площадки. Только и слышно было, как трещат доски, звенит металл, режут двигатели. То и дело раздавались громкие вопли, то радостные, то огорченные, в зависимости от результата:

— Есть!

Или:

— Завалился!

Две машины опрокинулись и лежали на боку. К ним подошли более «удачливые» танки, зацепили «лежебок» буксирными тросами, поставили на гусеницы.

— Ну что, товарищи, поломок вроде бы нет, — доложил заместитель командира батальона по технической части старший лейтенант Александр Дубицкий. — Механизмы наших «Шерманов» выдержали проверку резким динамическим ударом. Так что молодцы американские товарищи.

Танки двинулись по степи навстречу фронту.

Изуродованные платформы остались стоять на путях. После экстренной «цирковой» разгрузки танков они годились только на металлолом.

13 марта 1944 года, 3-й Украинский фронт, район села Явкино

— Товарищ гвардии младший лейтенант, гусеничную цепь разорвало, — доложил механик-водитель старший сержант Иван Володин.

«Эмча» остановилась.

Делать нечего — ремонтировать придется.

— Так самолеты же, товарищ гвардии младший лейтенант! — сказал со вздохом Володин.

— Самолеты — не самолеты, в танке не отсидимся, — отрезал Сивков. — Чинить надо и снова в бой.

«Юнкерсы» заметили подбитый танк. «Шерман» — машина высокая, мишень заметная. Пролетая низко над «Эмчой», немецкие самолеты стреляли по советским танкистам.

— Вот ведь гад, высунуться не дает! — сердился механик-водитель. — Ну, пусть себе, а я свое дело сделаю.

«Юнкерс» вернулся, когда Володин уже заканчивал ремонт.

— Иван, летит! — крикнул сержант Калиниченко, наводчик орудия.

— Погоди, сейчас, — отвечал Володин.

— «Юнкерс» ждать не будет...

Поздно: Володин упал, прошитый очередью. Калиниченко выскочил, чтобы оттащить его, и последняя пуля пришлась ему в грудь.

Уже почти совсем стемнело. «Юнкерсы» улетели.

— Хорош немец тем, что бомбит и стреляет точно по расписанию, — сказал командир танка. — Что делать будем, товарищ Крестьянинов?

Рядовой Крестьянинов сжал губы.

— Отомстим за наших товарищей.

— Как сражаться, экипаж — всего нас двое... — Сивков вздохнул. — Ладно, вот что. Ты, Петр, давай за механика-водителя. Я в башню. В степи застревать негоже, утром вернутся «Юнкерсы» — и останется от «Эмчи» мокрое место.

— Куда прорываться будем? — спросил Крестьянинов.

— Дуй на юг, — приказал командир. — Догоним наших. Они должны быть в районе села Явкино.

Явкино возникло в темноте украинской ночи. «Шерман» остановился. Младший лейтенант Сивков откинул люк, прислушался... немецкая речь.

— Немцы в себе! — сказал он своему водителю.

— Что делать будем, товарищ младший лейтенант?

— Что-что!.. — передразнил Сивков. — Прорываться к нашим. У тебя другие предложения? Давай, гони!

«Шерман» ворвался в село. Сивков открыл ураганный огонь из всех видов оружия. Обезумевшая громадина металась по улицам села, паля во все стороны.

— Russische Panzer!

Казалось, в селе не один, а десяток танков.

— Ага, не нравится? — ворчал Сивков.

...И тут в темноте «Эмча» свалилась в ров.

Некоторое время было тихо. Затем возле танка послышалась механически-правильная русская речь:

— Русский танкист. Сдавайся плен.

— Комсомольцы не сдаются! — заорал Сивков и бросил наугад в темноту связку гранат.

— Прибили кого, товарищ младший лейтенант? — спросил Крестьянинов спустя некоторое время.

— В темноте плохо вижу... — ответил командир. — Лежат, вроде, какие-то... Человек пять, может, семь.

— Хорошо вы их приложили, товарищ младший лейтенант, — вздохнул Крестьянинов.

Немцы скоро вернулись с твердым намерением захватить танк.

Боеприпасы заканчивались. Работала только зенитная установка. Сивков снова открыл огонь.

— Слушай, Петр, — хрипло крикнул он, — сейчас все кончится. Стрелять больше нечем. Не хочу бросать танк.

— Не, «Эмчу» оставлять — гиблое дело, — поддержал Крестьянинов. — Помрем, а не сдадимся, товарищ младший лейтенант!

По его лицу потекли слезы.

Сивков яростно записал в блокноте: «Мы оставшиеся двое в танке номер 17 решили лучше умереть в родном танке, чем бросать его! В плен сдаваться не будем. В последнюю минуту жизнь взорвем гранатами танк, чтобы врагу не попал».

Блокнот он положил в планшет, защелкнул застежку.

Снаружи снова началась стрельба.

— Пора.

Сильный взрыв сотряс «Эмчу»...

А предсмертное письмо гвардии младшего лейтенанта Сивкова было найдено.

Командир танка Сивков и радист Крестьянинов посмертно стали Героями Советского Союза.

Погибли, но не оставили «родную Эмчу»...

...Этот танк был с советскими танкистами до самого конца войны.

И после войны служил людям: башни снимали, машину переделывали в тягач. Последний из них был списан в 1996 году.

48. Двуглавый «крейсер»

5 ноября 1937 года, Харьков

Общее собрание партактива Харьковского Паровозостроительного завода проходило довольно сдержанно.

Собравшиеся старались не смотреть на пустующие места, где обычно сидели самые шумные, самые инициативные члены партии — квалифицированные инженеры.

Кто мог подумать, что среди них окажутся враги народа?

С другой стороны — но об этом вслух не заговаривали, — произошла ошибка. Чудовищная ошибка. Но партия и органы разберутся, и скоро все опять наладится.

Однако, так или иначе, докладчик сумел затронуть за живое.

Говорилось об Испании. О том, как советские танки на испанской земле бьются за свободу братского народа. И о том, что, учитывая испанский опыт, Автобронетанковое управление пришло к выводу о необходимости создания нового тяжелого танка прорыва на базе Т-35.

— Это будет удивительная машина, товарищи, — голос докладчика звенел. Смотреть в листки, на которых было отпечатано проектное задание от АБТУ, не требовалось: эти цифры и буквы запечатлелись в памяти, точно выжженные огнем. — Сухопутный крейсер! Дреднот! Общая масса, как предполагается, должна доходить до шестидесяти тонн, броня — от семидесяти пяти до сорока пяти миллиметров. Громадина, способная сокрушить самую мощную линию обороны.

— Здоровенная махина, — подал голос кто-то из задних рядов.

— Главное, товарищи, — повысил голос докладчик, — предусмотрены целых три башни. Одна пушка — семидесятишестимиллиметровая, две — сорокапятимиллиметровые, плюс еще два пулемета ДК и шесть — ДТ.

— А как оно ездить-то будет? — снова спросили из задних рядов.

Докладчик с досадой посмотрел на пустующие места в зале. Те, о ком сегодня не стоит вспоминать, задавали бы другие вопросы. Но и этот вопрос, в общем, не праздный.

— Предполагается, как уже указывалось, — докладчик сжал в кулаке листки, лоб его покрылся капельками пота, — использовать трансмиссию и ходовую часть от Т-35.

— А сдюжим?

— Пока, товарищи, займемся эскизной проработкой. Когда настанет время — партия нам поможет.

19 апреля 1938 года, Ленинград

...И партия помогла харьковским товарищам: подключила к разработке нового трехбашенного танка Ленинградский Кировский завод.

Ведущий инженер проекта Ермолаев немало времени потратил на изучение эскизов, а затем на телефонные разговоры с Харьковом.

Приехал специалист, началась доработка.

Харьковчанин немного нервничал, но ленинградцы полностью оправдали свою общесоюзную репутацию людей интеллигентных и гостеприимных, и скоро коллега оттаял.

— Конечно, — вздыхал он, — у вас и производственная база помощнее, да и опыт серийного производства танков уже имеется.

— Мы производили Т-28, а тут — совсем новая машина, — объяснял Ермолаев. — Да и мощностей наших пока маловато, мы другими делами заняты. Вот когда будут договоры на изготовление нового танка — тогда пожалуйста...

10 октября 1938 года, Ленинград

Помощника начальника АБТУ военного инженера 1-го ранга Коробкова, возглавлявшего комиссию, на заводе приняли радушно.

— Мы решили назвать наш танк «СМК» — «Сергей Миронович Киров», — объяснил Ермолаев. — Как только было принято Постановление Комитета Оборона СНК СССР от 7 августа, работа наша из раздела теоретического мгновенно перешла, так сказать, в раздел практический.

— Времени, товарищи, мало, — озабоченным тоном сказал Коробков. — Партия и товарищ Сталин ждут первые танки СМК уже к 1 мая 1939 года. Справитесь?

— Идемте, покажем на месте.

Чертежи были прикреплены к большим деревянным стендам прямо поверх наглядной агитации. Над краем белого листа виднелись верхушки красных букв, и можно было угадать слово «КОММУНИЗМ».

— Макет в натуральную величину выполнен из дерева, — Ермолаев перевел Коробкова в большой заводской цех с асфальтированным полом. — Здесь сразу нужно указать, что имеют место некоторые отклонения от заданных тактико-технических требований.

Коробков нахмурился.

— Говорите, товарищи.

— В частности, вместо подвески по типу Т-35 со спиральными пружинами мы использовали торсионные валы, — «покаялся» инженер. — Но это оправдано нашими производственными возможностями.

После долгого осмотра и обеда в заводской столовой комиссия дала «добро».

— Ваши коллеги на заводе номер 185 — имени Кирова — могут вас и обогнать, — проговорил под конец Коробков. — Мы теперь туда направляемся. Их «изделие 100» создается по тому же типу, что и ваш СМК. Но конкуренции нет, товарищи, — он засмеялся, — мы не в капиталистическом мире. Если завтра война, если завтра в поход — в бой пойдут оба танка, не сомневайтесь.

9 декабря 1938 года, Москва, Кремль

Сталин выслушивал докладчиков по обыкновению молча.

На совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и Комитета Обороны речь шла об испанском опыте и о новых танках прорыва.

Коробков развернул чертежи, указал на достоинства обоих танков, на их особенности и вероятное боевое применение.

— Как, вы сказали, они называются? — вдруг перебил Сталин.

— Т-100 и СМК, товарищ Сталин.

— Неплохо, — одобрил вождь. — Коротко и ясно. Но вот только, — он вынул изо рта трубку и выпустил колечко, — не пойму, зачем три башни? Это ведь как-то неудобно, что три башни?

— Для лучшего радиуса обстрела, товарищ Сталин, — сказал Коробков.

— Для лучшего обстрела пусть лучше вращаются башни, — распорядился Сталин. — Слишком тяжелая машина получается — трехголовая. Давайте сократим число башен до двух?

Он взял лист с чертежом и написал короткую резолюцию.

20 сентября 1939 года, полигон Кубинка, Подмосковье

Рев моторов распугал птиц. Ясное небо сияло над СССР.

Из глубины леса одна за другой выезжали машины, возле дощатой трибуны останавливались. Нарком машиностроения Малышев, приехавший один из первых, заметно волновался.

— Большой день, — обратился маршал Ворошилов к начальнику АБТУ Павлову, Герою Советского Союза, герою боев в Испании.

Павлов молча кивнул, улыбнулся скупю.

Испания доказала преимущество новой техники, важность ее применения в боевых условиях. Но каждый год приносил что-то новое, заставлял изменять, утяжелять, усовершенствовать машины.

Сегодня должен был пройти правительственный показ серийных и опытных танков. Конечно, войну — когда она начнется, — выиграют танки серийные. Но опытные не менее важны, они могут показать направление поиска.

— А там что? — Ворошилов смотрел на большие двубашенные танки.

Да, машины медлительные, но какая в них сила! СМК утюжит насыпи, играючи берет эскарп...

В следующей войне, думает Павлов, эти танки покажут себя.

1 декабря 1940 года, Ленинград

— Товарищи, — старший лейтенант Петин выглядел очень серьезным, — Москва дала «добро», и мы не можем подвести. Наши танки отправляются на фронт, навстречу коварному врагу. Именно нам выпало проверить их в боевых условиях.

Несколько рабочих были специально отобраны для этих испытаний. За короткий срок они научились водить машины, стрелять из пушки и пулемета. И вот теперь экипаж СМК отправляется в снега на финскую границу.

Кроме старшего лейтенанта Петина, сержанта Могильченко и двух красноармейцев, в состав экипажа вошли трое рабочих Кировского завода: механик-водитель Игнатьев, моторист Куницын и трансмиссионщик Токарев.

— Сами строили, — засмеялся Игнатьев, — сами и в бой поведем. Так сказать, полный контроль качества!

17 декабря 1939 года, район Хотинен

Рота тяжелых танков под командованием капитана Колотушкина вступила в бой.

Она состояла из «сухопутных крейсеров»: СМК, Т-100 и КВ — опытный танк, носивший имя Клина Ворошилова.

СМК возглавил танковую колонну. Скучный белый финский снег лежал по обочинам, из снега торчали хилые палки — деревца.

Впереди что-то темнело... Вроде, ящики какие-то. Финны бросили? Танк тяжело проехался по этому незначительному препятствию.

Прогремел взрыв.

— Черти! — закричал водитель. — Фугас замаскировали! Под доски сунули!..

— Что там, Игнатьев? — спросил старший лейтенант.

— Да черт его знает, кажется, гусеницу повредило и ленивец... Застряли мы тут, товарищ старший лейтенант!

— Починить можно?

— Для того мы и рабочие Кировского завода, — был ответ.

Два других тяжелых танка остановились рядом, прикрывая подбитого товарища. Осторожно выбрались трое, прыгнули на снег. Устраивать ловушки и засады — на это финны мастера. Хорошо бы под снайперскую пулю еще не попасть.

— Холодно!..

Дышали на руки, грелись по очереди. Тяжелые танки стояли — ждали. Время шло, зимний день короток — начало темнеть.

— Не получается, товарищ старший лейтенант! — доложил наконец Токарев. — Не починить на месте.

— Пока остановимся, завтра продолжим, — распорядился Петин.

19 декабря 1939 года, Хотиненский укрепрайон

СМК снова был на ходу.

Старший лейтенант Петин коротко обрисовал задачу: поддержать наши части, которые прорвались в глубь финских укреплений.

Бок о бок с СМК шла «сотка» — другой экспериментальный танк, в состав которого также были включены рабочие с изготовившего танк завода номер 185.

Тяжелые «крейсера» поддерживали пять Т-28.

Казалось, земля сама ложится под гусеницы неудержимых машин. Все глубже уходили в оборону противника танки прорыва...

И снова взрыв, на сей раз прямо под СМК, который шел впереди.

И снова «сотка» остановилась рядом, прикрывая товарища.

— Будем чинить! — решили рабочие.

Ледяной ветер кусал руки, металл обжигал, как огонь, когда случайно доводилось коснуться его рукой без перчатки. Наконец удалось соединить разбитые гусеницы.

— Игнатьев, заводи! — приказал сержант Могильченко.

Мотор заглох.

— Что, никак?

— Пробую, товарищ лейтенант!.. Не заводится.

— Давай буксир, — предложил командир Т-100 лейтенант Астахов.

Но тут против танкистов выступил гололед: гусеницы «сотки» пробуксовывали. Мотор ревел так, словно пытался пробуровать небо, однако танки не сдвинулись с места.

— Отставить, — устало сказал Астахов. — Будем драться, сколько можем, на месте, с неподвижной огневой точки.

...Бой длился пять часов.

— Все, боезапас кончился, товарищ старший лейтенант! — доложил сержант Могильченко. — Будем к соседям перебираться?

Он первым выскочил из танка и упал, заливаясь кровью.

За ним осторожно сунулся Игнатьев. Старший лейтенант заметил, что у водителя кровь течет по щеке, но на вопрос о ранении Игнатьев только отмахнулся: ерунда.

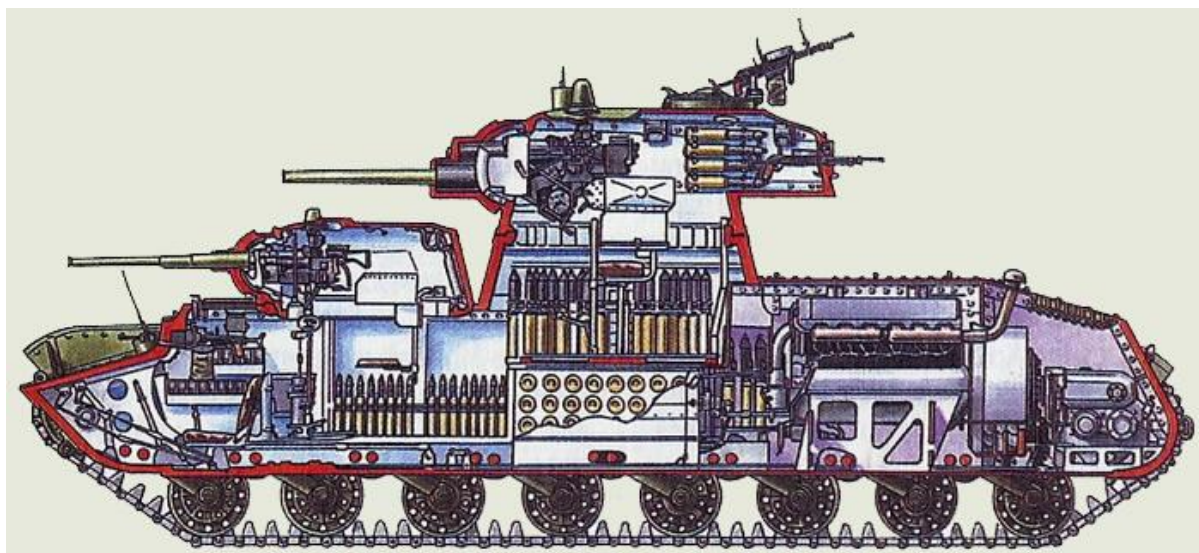
Один за другим перебирались с подбитого СМК на Т-100 члены экипажа. Один из пяти Т-28 прикрывал этот переход.

— Тесно, как... в консервной банке, — прошептал моторист Куницын.

— Смотри ты, привередничает! — засмеялся артиллерист «сотки» Артамонов. — Располагайся, как получится, тут хоромов обещать не можем.

Могильченко лежал тихо. Петин прислушивался — дышит ли еще сержант, но слышно было плохо. Только слабое пожатие руки говорило о том, что Могильченко жив.

Возвращение «сотки» в распоряжение Двдцдтой танковой бригады было встречено общей радостью и поздравлениями.

9 марта 1940 года, станция Перк-Ярви

— Вот зверь-машина! — дивились механики.

Поврежденный СМК тащили шесть танков Т-28. На станции предстояло разобрать его и отправить на Кировский завод — для ремонта.

Начальник АБТУ Дмитрий Григорьевич Павлов был в ярости.

Потерять секретную боевую машину! Хуже того — бросить ее там, где до нее, уж конечно же, доберутся злокозненные финны!..

— Спасти танк! Любой ценой! — распорядился Павлов.

В конце тридцать девятого этот приказ попытались выполнить аж две роты под командованием капитана Никуленко. Два орудия, семь танков Т-28...

Им действительно удалось прорваться за финские надолбы, но тут советских солдат встретил сильный огонь противника. Сорок семь человек погибли прежде, чем Никуленко принял решение отступить.

Павлов бушевал еще какое-то время, но пришлось ждать еще два месяца прежде, чем выпала возможность хотя бы добраться до танка и осмотреть его.

И вот теперь поврежденный СМК разбирают. Еще есть надежда. Он еще может быть отремонтирован, и тогда...

...Но надвигалась Великая война. Павлов — он об этом, конечно, еще не догадывался, — будет расстрелян через месяц после ее начала, а злополучный двухголовый «крейсер», пролежав на задворках Кировского завода до пятидесятых годов, так и не дождался своего «звездного часа».

49. Танк-десантник

15 декабря 1935 года, Ньюкасл

Сэр Ноэль Бёрч жестом показал мистеру Литтлу на стул.

— Прошу вас, садитесь.

Лесли Литтл был только что назначен руководителем отдела разработок фирмы «Виккерс-Армстронг». Как и все, он немного робел перед сэром Ноэлем.

Сэр Ноэль был личностью поистине выдающейся. Сейчас ему перевалило за семьдесят. Свою карьеру он начинал во время Англо-бурской войны. В 1914 году он находился во

Франции под командой сэра Эдмунда Алленби. С 1916-го — «главный артиллерист» при штабе и с девятнадцатого года — генерал-лейтенант.

Затем — ответственные должности, связанные со снабжением боеприпасами, а с двадцать седьмого, уволившись из армии, сэр Ноэль Бёрч, генерал-лейтенант, артиллерист, кавалерист, герой нескольких войн, становится директором фирмы «Виккерс-Армстронг».

Так что да, перед этим великим человеком поневоле оробеешь.

— Я хочу с вами поговорить на одну очень деликатную тему, — заявил сэр Ноэль Бёрч. — Вы, насколько я помню, раньше работали у капитана Лойда? Гм. Тут, следовательно, вот какая задача... — Он пожевал губами, как будто обдумывая то, что на самом деле давно уже было обдумано. — В разработках нового танка следует применять только принципиально новые решения. Понимаете?

— Не совсем, — осторожно ответил Литтл.

— Гм. Насколько вам известно, совсем недавно «Виккерс-Армстронг» объединилась с фирмой «Карден-Лойд». Это слияние, разумеется, было произведено в интересах обеих сторон, — начал сэр Ноэль.

Литтл ждал продолжения. Он видел, что Бёрчу необходимо расставить все точки над «i» и убедиться в том, что новый руководитель понимает его абсолютно правильно.

— Разумеется, и Джон Карден, и капитан Вивиен Лойд — очень известные разработчики, создатели весьма разных боевых машин... Их фирма, гм, конечно же представляет собой признанный мозговой центр в области танкостроения. И британская корона только выигрывает от такого объединения...

«Годы, проведенные на службе в отделе снабжения, сыграли свою роль, — подумал Литтл. — Генерал продолжает ходить кругами... Сказал бы прямо — чего он от меня добивается!»

— Однако, — сэр Ноэль поднял палец и выдержал небольшую паузу, — однако, дорогой мой сэр, не все так гладко, как хотелось бы. По соглашению между нами и «Карден-Лойдом» наши новые партнеры получают пять процентов от прибыли в случае использования их технических решений в наших общих конструкциях.

— Следовательно... — робко подхватил Литтл.

— Следовательно, — завершил генерал-лейтенант с широкой, почти ласковой улыбкой, — нам надлежит в наших конструкциях всячески избегать технических решений наших новых партнеров. Поэтому я и говорю о необходимости абсолютно оригинальных конструкций. Теперь вы меня хорошо понимаете?

18 декабря 1937 года, Ньюкасл — Эпон Тайн, фирма «Виккерс — Армстронг»

Директор управления механизации военного ведомства прибыл на производство неожиданно.

Его приняли с такой изысканной любезностью, что он поневоле насторожился: совершенно очевидно, что здесь что-то происходит. Слухи не лгали.

— Итак, господа, прошу — рассказывайте, — попросил он наконец. — Что вы тут скрываете, словно индийскую женщину под пардой?

«Пардой» в Индии — английской колонии — называли накидку, под которой стыдливая восточная дама прячет лицо.

— Танк, — был вполне ожидаемый ответ.

Работы велись в инициативном порядке, без предварительного заказа и без лишних разговоров.

И начались они сравнительно давно, еще до прискорбной гибели конструктора Джона Кардена в автокатастрофе.

На фирме «Виккерс» были настроены сдержанно, если не сказать — пессимистически. До сих пор всем их конструкциям не везло: Великобритания их не принимала. По разным причинам английская армия отказывалась от этих машин. Зато легкие танки «Виккерс» закупали другие страны. В том числе — Советская Россия.

Впрочем, насчет нового танка, который пока что не имел никакого названия, еще ничего не было известно. Может быть, как раз он послужит интересам Британии.

— Когда можно будет провести испытания вашей последней машины? — спросил представитель военного ведомства.

Сэр Ноэль Берч торжественно ответил:

— Май тридцать восьмого. К тому времени наш танк будет готов снять «парду» и предстать перед военными во всей своей убийственной красе.

8 июня 1938 года, Лондон

Сэр Ноэль Бёрч был приглашен на совещание чинов имперского генерального штаба и управления механизации армии.

— Теперь о новой разработке фирмы «Виккерс-Армстронг», — прозвучал голос докладчика. — В документах эта машина указана под названием «P.R.». Кстати, может быть, присутствующий здесь сэр Ноэль Берч разъяснит нам, что означает сия аббревиатура?

Эта аббревиатура означала «Парда» — вуаль... Сэр Ноэль не моргнув глазом ответил:

— «Приват». Эти две буквы — знак того, что танк разрабатывался приватным, то есть — личным, то есть — инициативным образом.

Едва заметная улыбка скользнула по его губам, но этого никто не заметил.

— На вооружении армии Великобритании уже состоит легкий танк Mk.VI, — продолжал докладчик. — Возможно, этого нам вполне достаточно. Для чего нужен еще один легкий танк?

— Возможно, имеет смысл ввести категорию «легких крейсерских танков»? — предложил сэр Ноэль.

Как он и ожидал, эта «революционная» идея взбудоражила консервативно настроенное собрание.

— Для такой машины желательно пушечное вооружение не менее сорока миллиметров! — прозвучало ответное предложение. — Можно ли установить на ваш «P.R.» пушку такого калибра?

— Вес танка — семь тонн, — ответил сэр Ноэль. — Думаю, нет, такая пушка невозможна.

Он уже понял, что танк придется усовершенствовать. Или установить пушку, или танка не будет.

23 июня 1938 года, Ньюкасл

Литтл еще раз перечитал задание, полученное от управления механизации.

Предполагалось вооружить танк двумя пулеметами. Скорость — не меньше шестидесяти километров в час по шоссе или сорок километров в час по пересеченной местности. Горючего нужно больше, но это не проблема, запасной бак — на корме... Водителя оградить от баков с горючим — логично... В днище машины предусмотреть отверстие для слива бензина из поврежденных баков — логично...

Министерство лелеяло надежду использовать новый танк в пустыне. Теперь еще нужно разобраться с двигателем. Очень непросто ездить по пустыне на танке, знаете ли. Тем более — гонять со скоростью в сорок километров в час. Песок, жара. Нужно все проверить.

4 сентября 1938 года, Ньюкасл

— Отныне танк «Парда» называется не «P.R.», и не «Приват» и не еще как-нибудь, а очень просто: «Легкий танк Mk.VII», — объявил сэр Ноэль.

Он немного ошибался: спустя некоторое время танк получил личное имя — «Тетрарх». Происхождение этого имени также скрылось под флером «парды»: то ли «владыка четвертой части подвластной империи земли», то ли «четырёхарочный танк»...

Это все не имело большого значения. Туман — и имена, тонущие в тумане, — ничто по сравнению с собственно машиной. С танком.

С легким крейсерским танком, на который все-таки установили сорокамиллиметровую пушку (спаренную с пулеметом).

8 ноября 1940 года, Бирмингем

Первые танки Mk.VII вышли из заводских ворот.

На конференции военного ведомства по вопросам производства бронетанковой техники было принято решение: выпустить серию из ста двадцати машин — легких танков Mk.VII — в фирме Metropolitan-Cammel Carraige and Wagon, если коротко — «Метро-Кеммел». Эта фирма была одной из составных частей концерна «Виккерс-Армстронг».

И вот танки пошли...

Заказ был сокращен до семидесяти единиц еще до того, как собрали первый танк. Неудача Британских экспедиционных сил в районе Дюнкерка заставила генеральный штаб пересмотреть свои требования к танкам.

Возможно, следует ожидать вторжения немцев на Острова. Говорить об этом вслух не стоит, но обдумывать всякие возможности, в том числе и неприятные, поневоле приходится. А в таком случае нужнее окажутся не легкие десантные, но пехотные и крейсерские танки. Меньше легких, больше тяжелых — таков новый девиз с учетом изменившихся обстоятельств.

Фирма «Метро-Кеммел» продолжала настаивать: «Тетрархи» необходимы Британии.

— На какое количество танков вы, в конце концов, рассчитываете? — прищурился Черчилль.

— Мы заказали броневые плиты на двести с лишним танков, — сознались наконец в «Метро-Кеммел». — Поверьте, в самое ближайшее время мы завершим производство ста танков.

— Гм, — был невнятный ответ из министерства. — Это следует обдумать всесторонне.

После «всестороннего» обдумывания цифра военного заказа поползла вверх: сто двадцать машин...

9 февраля 1942 года, Лондон

— ...И последнее на сегодня, — заседание в военном ведомстве подходило к концу, — легкий танк «Тетрарх». На сегодняшний момент мы имеем сто семьдесят семь машин. Танк этот — легкий, восемь с половиной тонн, быстроходный, слабовооруженный, с очень слабой броней — всего 14 миллиметров. Для поддержки пехоты он не годится.

— А если?..

Мысль «витала в воздухе» не первый месяц.

В Бельгии и Голландии немцы успели блеснуть своими парашютно-десантными войсками. В мае сорок первого они повторили успех при захвате с воздуха острова Крит, где наряду с греками потерпели неудачу британцы.

— Но разве танки могут летать?..

Средств доставки танков на поле боя по воздуху не существовало.

И вот тут Мартел вспомнил о Киевских маневрах в далеком тридцать пятом.

Для доставки танкеток, пушек и грузовиков были задействованы две тяжелые авиабригады, оснащенные тяжелыми бомбардировщиками ТБ-3. Техника перевозилась под их фюзеляжами.

— Танки могут летать! — уверенно сказал Мартел. — Советы это уже делали. Необходимо только найти подходящий самолет.

— Такого самолета не существует! — резко ответил Черчилль.

— В таком случае, придется его создать, — подытожил Мартел.

18 ноября 1942 года, полигон фирмы General Aircraft

Планер поражал воображение.

Он был огромный. Самый большой в Англии — это точно. При весе в шестнадцать тонн он имел размах крыльев в сорок пять метров.

Носовая часть планера откидывалась вбок, чтобы танк мог свободно заехать внутрь и так же покинуть планер.

— Обратите внимание, — заметил представитель фирмы Уинстону Черчиллю, который явился лично обозреть новое чудо британского гения, — планер не имеет шасси. Садится прямо на брюхо. Это существенно облегчает танку выход наружу.

— Где находится экипаж во время перелета танка?

— Внутри машины. Другого места нет.

— Неплохо, — подытожил наконец Черчилль. — Думаю, настала пора показать, на что способны легкие британские танки.

6 июля 1944 года, побережье Нормандии

Для «Тетрархов» наступил великий день. День «D», звездные мгновения летающих танков.

Шестая английская воздушно-десантная дивизия готовилась высадиться на побережье оккупированной Франции.

Вместе с людьми летели танки. Восемь «Тетрархов» загрузились во чрева своих планеров.

— Все пройдет идеально, — думал командир танка номер пять, капитан Голдсмит. — Мы уже проделывали это, когда высаживались на Мадагаскар. Просто упали французам на голову, и вишисты бежали. Все отработано. С осени сорок третьего мы тренировались в Дорсете. Погрузка-выгрузка. Имитации посадок загруженных планеров, в том числе на непригодную местность. Это британский танк на британском планере.

Бомбардировщики «Галифакс» буксировали «Гамилькары» над проливом.

...Никто так и не узнал, что в действительности произошло.

Танк вместе с экипажем выпал через раскрывшиеся створки «Гамилькара» и исчез в водах пролива.

Спустя несколько минут остальные благополучно приземлились. «Делай как в Дорсете. Погрузка-выгрузка».

Но... Не тут-то было.

Впереди блестела лентой река Орн, а все поле было усеяно парашютами.

Танки двинулись вперед и почти сразу же намотали на гусеницы стропы парашютов. Напрасно ревели моторы, напрасно рвались вперед боевые машины.

— Стой!..

Капитан Голдсмит еще не знал о гибели одного из танков. Но он знал другое: если машина не сдвинется с места, она будет бесполезна. И потому было принято единственно возможное решение:

— Будем использовать их как бронированные огневые точки.

Последнее сражение с немцами — на континенте — началось. Легкие, не слишком удачливые «Тетрархи» приняли последний бой 24 марта 1945 года — при форсировании Рейна...

50. «Ученик Чингис-Хана»

2 июня 1939 года, Москва, приемная наркома Ворошилова

Комкор Жуков вошел в кабинет.

Нарком, стоявший у окна, повернулся к нему, протянул руку:

— Хорошо добрались из Минска? Садитесь. Чаю? Чемодан для вас уже собран.

Жуков уселся.

— Чемодан? — переспросил он.

Ворошилов разложил перед ним карту, Жуков разглядел название города — «Чита».

— Японцы вторглись в пределы дружественной нам Монголии и хозяйничают там, как хотят. Комдив Фекленко очевидно не справляется с обстановкой. Авантюра японцами затеяна серьезная, товарищ Жуков. Можете вылететь немедленно и принять командование?

— Готов хоть сейчас, — ответил Жуков.

— Хорошо. — Нарком встал. — И как только разберетесь на месте в обстановке, сразу доложите. Как можно более откровенно.

Жуков отсалютовал и вышел.

5 июня 1939 года, Тамцак-Булак, штаб 57-го особого корпуса

— Черт знает что! — в голос орал Жуков. — Вы головой думаете или своей трусливой задницей? Как можно командовать армией, сидя в ста двадцати километрах от поля боя?

— Обстановка сложная, изучена еще не до конца, — проямлил Фекленко.

— То есть, вы ничего не знаете? — уточнил Жуков и употребил несколько слов, характеризующих его как унтер-офицера старой закалки.

— Район событий еще не подготовлен в оперативном отношении... Нет телефонно-телеграфных линий, командного пункта...

— И что для этого сделано?

— Ну, мы думаем послать за лесоматериалом...

Лесоматериал приходилось возить километров так за шестьсот. Жуков сделался свекольного цвета и вышел покурить.

Нужно успокоиться и подумать.

Он вернулся с уже почти готовым ответом для Ворошилова.

— Товарищи, — заговорил Жуков, — то, что происходит, — не просто пограничный конфликт. А у нас не произведено детальное знакомство с местностью, противник не разведан. Это следует немедленно исправить. Почему наша авиация несет такие потери?

— Прислали неопытных летчиков, молодых, — подал голос полковой комиссар Никишев.
— А у японцев дерутся асы. Вот и сбивают.

Жуков сделал пометку в блокноте и продолжил:

— Сил, которыми располагает 57-й особый корпус, недостаточно. В этом следует отдавать себе отчет. Я напишу откровенно в Москву, чтобы нам прислали подкрепление. Необходимо усилить наши авиационные части, выдвинуть к району боевых действий не менее трех стрелковых дивизий и одной танковой бригады. Значительно укрепить артиллерию.

Он помолчал, оперся ладонью о карту, расстеленную на столе.

— Теперь главное. Нам следует удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-гола и подготовить удар по противнику из глубины.

Жуков сам не заметил, как начал говорить «нам».

За несколько дней до того, как пришло сообщение Генштаба о снятии Фекленко и назначении командиром корпуса Жукова, мысленно он уже разворачивал войска и бросал их в бой, на противника.

3 июля 1939 года, командный пункт Жукова

— Георгий Константинович, самураи!

Старший советник монгольской армии, советский полковник Иван Михайлович Афонин, ворвался в палатку.

Под глазом у полковника пылал нарыв: лютые степные комары не давали спать, забирались в палатки, жалили, места укусов распухали.

— На рассвете я выехал к горе Баин-Цаган, проверить оборону монгольских кавалеристов,
— сообщил Афонин.

Монгольская кавалерия не отличалась крепкой дисциплиной. За этим приходилось следить постоянно.

— Продолжайте, Иван Михайлович, — сказал Жуков. — Выпейте чаю. В жару, говорят, горячий лучше пить.

— Не знаю, что там говорят... — Афонин покачал головой. — Ночью самураи скрытно переправились через Халхин-гол и атаковали монгольскую кавдивизию. Кавалеристы сопротивлялись слабо, они кочевники — рассыпались, как привыкли... У самураев серьезное преимущество в силах.

— Без лирики, — отрезал Жуков. — Что там конкретно происходит?

— Перед рассветом самураи захватили гору Баин-Цаган и прилегающие к ней местности. Самураи вот-вот ударят нам во фланг и тыл. Сейчас их некому остановить.

— Выезжаем, — резко сказал Жуков.

Командный пункт снялся с места за полчаса и был переброшен к горе Хамар-Даба.

Жуков вышел из автомобиля, остановился на склоне. Внизу бежала река Халхин-гол, за рекой высилась сопка, а слева поднималась та самая гора Баин-Цаган, где сейчас окопались самураи.

Ночной маневр. Ловко.

Как им удалось так быстро навести переправу через реку? Могут окружить. Могут.

Жуков думал.

Все резервы — танковая бригада, пехотный полк, бронедивизион, — все сейчас в ста двадцати километрах от фронта. Следует немедленно поднять их по тревоге и выиграть время до их прибытия.

Нужно задержать самураев.

— Поднимаем всю нашу авиацию, — сказал Жуков.

— Всю, Георгий Константинович?

— Абсолютно всю! Пусть бомбят и штурмуют гору Баин-Цаган, не дают самураям и носа высунуть. Обстреливать также переправу через реку. Нельзя чтобы японское командование имело возможность перебрасывать войска на плацдарм. И отступить с горы им тоже не позволим. Хотят сдохнуть на Баин-Цагане — обеспечим им это удовольствие.

Самолеты поднялись в небо. Их было больше, чем москитов. Гора как будто извергала пламя, превратившись в вулкан. Жуков ждал.

11-я танковая бригада Яковлева находилась уже в пути.

3 июля 1939 года, 9 часов, гора Баин-Цаган

Передовые подразделения авангардного батальона 11-й танковой бригады прибыли.

Жуков выехал к ним на автомобиле.

— Товарищ Яковлев, медлить с контрударом нельзя, — быстро сказал он, едва найдя время обменяться приветствием. Он заговорил, не успев опустить руку от козырька. — Если противник обнаружит подход наших танковых частей, он мгновенно примет меры для обороны и начнет бомбить танковые колонны. А здесь степь, укрыться негде. Даже кустов толком нет. Расстреляет, как кроликов.

Он оглядел танки — покрытые пылью, разогретые.

Несколько танкистов высунулись из люков, кое-кто спрыгнул на землю, жадно курили.

— Когда сможете атаковать? — спросил Жуков.

Яковлев прикинул в уме.

— Через полтора часа.

— Хорошо, — подытожил Жуков. — Я прикажу ускорить движение танков и артиллерии, а вы атакуйте сходу. Артподготовки не будет. Пехотного прикрытия тоже. Только танки.

Яковлев смотрел на красное от загара лицо Жукова, очень простое, с рублеными чертами, и думал: «Он кавалерист, как эти монголы. Действует танками как кавалерией. Но почему бы нет? Почему же нет?»

Жуков перевел взгляд на Яковлева, встретился с ним глазами:

— Что-то еще, товарищ Яковлев?

— Нет, товарищ Жуков. Атакуем самураев с ходу в 10 часов 45 минут.

3 июля 1939 года, 10 часов 45 минут, район горы Баин-Цаган

— Снять с танков все лишнее! Подготовить оружие к бою!

Кругом рвались снаряды, горизонт был затянут дымом.

Советские танки двинулись к переправе через реку.

Река блестела впереди. Танки с открытыми люками шли по берегу, и вдруг по броне застучали пули.

— Заккрыть люки!

Огонь противника усиливался. На большой скорости танки проскочили полосу заградительного огня и вышли к позициям «самураев».

Старший лейтенант Филатов увидел в прицеле транспортные машины и, не мешкая, открыл огонь из пушки и пулемета.

Японские солдаты бросились от машины прочь.

— Слева, товарищ старший лейтенант! — услышал Филатов голос своего механика-водителя. — Пулеметное гнездо слева!

Огонь! Взметнулась земля, бултыхнулось что-то темное... Нет времени рассматривать. Филатов уловил краем глаза движение прямо перед своим танком.

Об этом он был наслышан: мина. Японский солдат успел подложить ее прямо на пути советского танка. Времени говорить, приказывать уже не оставалось, БТ-5 мчался прямо на мину.

Филатов резко дернул водителя за правое плечо, и тот, тоже инстинктивно, развернул машину вправо.

Не задели.

Взрыв слева. Боеприпасы на грузовике у самураев взорвались, что ли?

— Василь Петрович, бежит!

Наперерез советскому танку бежал японец с длинным шестом. Об этих самоубийцах танкисты были наслышаны: «самураи» привязывали к бамбуковым палкам мины и подрывались вместе с ними.

Кто-то подстрелил солдата, и тот повалился в пыль. Все это происходило с такой быстротой, что глаз не всегда успевал отследить.

По броне танка стучали какие-то предметы. Филатов подозревал, что это — бутылки с горючей смесью. Но танк не загорался, упорно двигался вперед.

Останавливаться нельзя: при малейшей задержке японцы набрасывались на машину со всех сторон.

Командующий 1-й армейской группой советских войск в Монголии
комкор Г.К. Жуков. МНР, Халхин-Гол, 1939 г.

— Василь, где наши? — кричал водитель Величко. — Оторвались мы далеко, слышь, товарищ старший лейтенант, опасно!..

— Согласен, — сказал старший лейтенант. — Разворот кругом!

Японцы разбегались при любом движении танка и тут же снова открывали огонь. Вдруг БТ-5 получил сильный удар в кормовую часть, вздрогнул и... заглох.

— Величко, что там? — закричал командир.

— Не знаю, — был ответ.

Старший лейтенант открыл огонь из пушки и пулемета. Башня вращалась на 360 градусов. Только бы не подпустить японцев к танку!

— Не копайся, Величко! — прокричал командир. — Заводи!

Механик-водитель не ответил. Наконец мотор завелся, танк дернулся и двинулся дальше. Страшно хотелось пить, но воды больше не было. Броня накалилась.

— Куда едем? — спросил водитель.

— На запад, — прохрипел командир.

Танк двинулся вперед.

— Никого, товарищ командир, — доложил водитель.

Филатов открыл люк, посмотрел по сторонам — точно, никого, ни своих, ни противника.

Раскаленный солнечный свет «ел» глаза, воздух обжигал горло.

Слева старший лейтенант увидел наконец облако пыли. Прищурился: свои или самураи?

Свои.

— Старший лейтенант Филатов.

— Капитан Безукладников. Вот приказ комбрига поддержать танками атаку монгольской кавалерии. Справитесь?

— Боеприпасы заканчиваются, бензин на исходе, — доложил Филатов. — Сколько можем, поддержим, но результата обещать не могу — стрелять нечем. А у вас нет воды?

3 июля 1939 года, гора Баин-Цаган, 23 часа

— Я знаю «Советы»! — говорил генерал Камацубара, командующий армией. — Я был военным атташе в Советском Союзе и изучил их манеру... Этого не может быть, чтобы они действовали так безоглядно. Бросить танки с ходу, без прикрытия? Сколько мы уничтожили?

Штабные офицеры молчали. Камацубара и сам знал, что произошло.

Старший унтер-офицер штаба Отани поклонился:

— Автомобиль готов.

Камацубара сел рядом с водителем, Отани разместился сзади. Медленно двинулась машина, покидая место сражения. Ночь выдалась тихой, луна ярко освещала поле боя. Казалось, кругом одни сплошные мертвецы. Мертвы были люди, танки, орудия.

— Мост! — прошептал Отани. На него сильно подействовала картина.

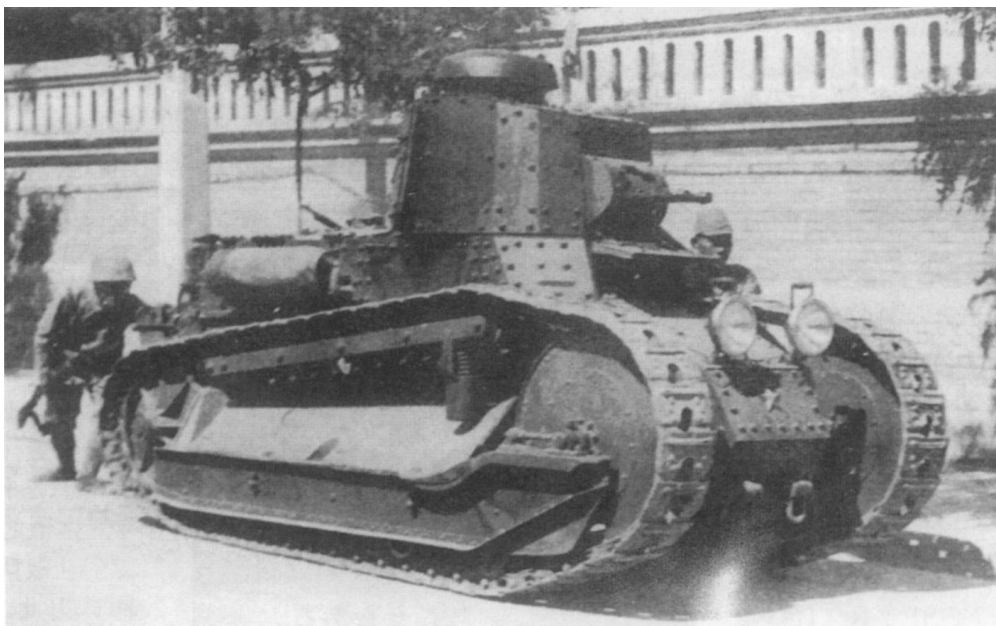
Машина поехала по разбитому мосту. Генерал молчал. Машина выбралась на противоположный берег, гора смерти осталась позади. Теперь можно было ехать быстрее, и водитель прибавил газа.

Автомобиль, увозящий японского генерала разгромленной армии, скрылся в ночи.

— Этот Жуков... — прошипел Камацубара. — То, что он сделал!.. То, что сделал!.. Он просто какой-то ученик Чингис-хана!

...3 июля 11-я танковая бригада потеряла почти половину личного состава.

51. Улица вооруженных вагонов

12 сентября 1919 года, Турин

Правило, согласно которому на военную технику всегда будет высокий спрос, с окончанием войны как будто перестало действовать.

Заказ на поставку двухсот танков в месяц был сокращен вдвое.

Однако на заводе FIAT обсуждались проблемы еще более серьезные, нежели уменьшение производственного плана.

— Мы пришли к выводу, — докладывал правлению завода главный инженер, — что предлагаемая нам конструкция весьма далека от идеальной. До сих пор имелось в виду, что мы должны следовать идеям французских разработчиков и строить танки, подобные FT-17. Тщательное изучение этой модели показало, что французский танк имеет слишком высокую центровку. При преодолении глубоких траншей и вертикальных стенок он попросту переворачивается. Кроме того, он медленный. Да и вооружение неплохо бы улучшить.

— И каковы соображения по данному поводу?

Главный инженер показал на пачку чертежей:

— Мы предлагаем начать работу над собственным, итальянским, национальным вариантом легкого танка, который носил бы имя нашей фирмы — FIAT.

Он пояснил, что больших изменений вносить в имеющуюся конструкцию не предполагается — достаточно кое-что улучшить и доработать, — и получил от руководства «добро».

17 июня 1920 года, полигон под Туринном

Первое полевое испытание танка FIAT 3000 происходило на твердом грунте. Не хватало еще, чтобы новая машина безнадежно завязла в каком-нибудь болоте.

— Сходство с французским танком, конечно, имеется, но многое мы сделали по-другому.

— Представитель завода FIAT охотно объяснял военным, что и как было доработано в танке, а что осталось по-старому.

— Ходовая часть сохранила восемь опорных катков на борт, сблокированных в четыре тележки. Гусеница — пятьдесят два трака — не сильно отличается от гусеницы FT-17. А вот форма корпуса нашей машины проще.

— Какова толщина брони? — поинтересовался толстый пехотный майор.

Танк занимал больше, чем остальных членов комиссии.

Что, в общем, было закономерно, поскольку танки включались именно в пехотные части.

— Отвечаю на ваш вопрос, — кивнул инженер. — Толщина брони — от шести до шестнадцати миллиметров. Таким образом, как вы видите, бронезащита на уровне французского танка. Главное отличие — спрямленные броневые листы носовой части. Верхний бронелист цельный. Кормовая часть нашего танка существенно короче — за счет перекомпоновки моторно-трансмиссионного отделения.

— Конкретнее? — попросил майор.

Инженер сухо улыбнулся:

— Если совсем просто и конкретно — наш четырехцилиндровый двигатель FIAT мощностью в пятьдесят лошадиных сил установлен не вдоль, а поперек.

— Кстати, двигатель запускается только с внешней стороны? — опять спросил майор.

— Обычно — да, но командир танка может сделать это и из боевого отделения, используя магнето. Радиатор — сверху двигателя. Бензобак — вплотную к кормовому бронелисту, — инженер показал, оглаживая танк, где что находится.

FIAT 3000 был снабжен также «хвостом» для преодоления широких траншей и канав. Без «хвоста» никуда...

— Ну и еще одна особенность, — добавил инженер, — корпус нашего танка герметичен. При определенных условиях он может, вероятно, передвигаться по дну реки.

— А это что? — показал рукой неугомонный майор.

Инженер чуть покраснел:

— Это насос для удаления воды, — сердито откликнулся инженер. — Да, мы постарались предусмотреть все вероятности... Сразу скажу о неудобствах. В нашем танке нет электрооборудования и освещения. В темное время суток экипажу придется полагаться только на собственные силы.

— Ну хоть приборы-то внутренней связи вы установили? — поинтересовался генерал Бадольо, который все это время молча слушал разговор.

— Нет, — ответил инженер. — Впрочем, вы можете лично опробовать танк. Посидеть на месте водителя или командира-стрелка. Оцените, насколько там... тесно. С этим, к сожалению, ничего не поделаешь. Хотя могу сказать, и не без гордости, наша башня по сравнению с французской, больше, и это делает условия работы экипажа удобнее.

— Так как они общаются, командир и водитель? — спросил Бадольо.

— Жестами! — ответил майор. — И я даже догадываюсь, какими...

Он хмыкнул. Несмотря на определенные недостатки, танк вызывал у него приятные эмоции.

— Теперь насчет вооружения. — Инженер с гордостью кивнул на два пулемета. — Шесть с половиной миллиметров. Как видите, установлены в нашей девятигранной башне с верхним наклонным бронелистом и небольшой командирской башенкой на крыше. Башня имеет возможность кругового вращения.

— А вот угол вертикального наведения пулеметов, кажется, невелик, — прищурился майор.

— Вы правы, — сознался инженер. — Но продолжим о хорошем. Боезапас — пятьдесят магазинов. Стрельба может вестись из обоих пулеметов — одновременно или попеременно, как потребуется.

— Мне кажется, наблюдение — слабое место танка, — снова вмешался Бадольо. — Смотровые щели в передней части корпуса — две по бортам, в люке механика-водителя и в командирской башне, — это ведь всё?

— Да, не очень удобно, но и такие щели могут сделать танк уязвимым, если к нему подобрется вражеский солдат, — майор решил заступиться за танк. — А вот наведение мне нравится. Оптический прицел в лобовом бронелисте башни между пулеметами — удачно.

— В чем мы, несомненно, обошли французов, — это в скорости, — заключил инженер. — Двадцать шесть километров в час — против восьми.

— Думаю, это успех итальянской военной промышленности, — подытожил Бадольо, указывая на танк. — Правда, существует еще одна проблема. Чисто военная, разумеется. FIAT 3000 в том виде, в каком мы получили его сейчас, предназначен для борьбы исключительно с пехотой противника. Возможно, со временем нам потребуется танк, способный бороться с другими танками, а также с полевыми укреплениями.

— В таком случае, мы начнем работать над следующей моделью, в которой пулеметы будут заменены пушками, — отозвался представитель фирмы FIAT и вытер лоб платком. Он чувствовал себя очень уставшим.

9 июня 1924 года, форт Тибуртино

Прекрасные итальянские танки FIAT 3000 ехали по улице итальянского города.

Первая танковая группа под командованием полковника Энрико Мальтезе прибыла на свою новую базу.

В Риме уже существовал центр подготовки танкистов, и свыше шестидесяти танков находились под началом Мальтезе.

Сам Мальтезе, впрочем, был артиллеристом. А танковая группа, формально считаясь пехотным подразделением, подчинялась Тринадцатому артиллерийскому полку.

Мальтезе активно разрабатывал теории использования танковых войск. Он обожал свои тяжелые грохочущие машины. Танкисты получили особую униформу и пехотный статус, официально закрепленный в специальном документе.

...Улица, на которой размещалась танковая часть Мальтезе, до сих пор называется улицей Вооруженных Вагонов.

21 августа 1929 года, долина Варайта, Италия

Наблюдавший за маневрами инспектор Джалли из Технической инспекции итальянской армии закончил свои заметки.

— К сожалению, выводы неутешительны. — Он защелкнул застежку планшета.

Командующий маневрами вопросительно поднял брови.

Джалли ответил:

— Насколько я информирован, в маневрах задействованы два батальона танков FIAT 3000. И результаты испытаний не обнадеживают: эти машины с большим трудом передвигаются по горным дорогам и пересеченной местности. Что до тесного взаимодействия с пехотными подразделениями, то оно фактически исключено. Об оперативной переброске танков на необходимый участок боевых действий вообще можно забыть. Общий итог — неудовлетворительно.

— Но что можно предложить взамен? — командующий насупился.

— Я просто представлю рекомендации в Техническую инспекцию, — ответил Джалли. — Полагаю, однако, что закончится дело серийным производством чуть более усовершенствованной модели уже имеющегося танка.

Он не стал говорить о том, что рекомендации по модификации танка FIAT 3000 были разработаны еще несколько лет назад.

В прошлом и позапрошлом году, по окончании учений у озера Тразимено, артиллерийский арсенал в Турине совместно с фирмой FIAT уже приступал к разработке танка, вооруженного не пулеметами, а тридцатисемимиллиметровой пушкой.

У этой модификации FIAT 3000 имелись собственные плюсы и некоторые минусы. Форма башни была несколько изменена, и правую часть в ней занимала та самая пушка.

Кроме того, предполагалось, что мощность двигателя будет увеличена с пятидесяти до шестидесяти с лишним лошадиных сил. Предстояло, соответственно, усовершенствовать и ходовую часть.

Как будет двигаться подобный танк — покажут испытания. Вряд ли намного быстрее своего «старшего родственника», зато — пушка... Пушка необходима. Ради нее многим можно пожертвовать.

7 ноября 1935 года, район оазиса Горраhey, Абиссиния

Война с Абиссинией шла уже второй месяц.

Дела складывались довольно успешно для итальянской армии. Экспедиционные силы были значительны: пехоту и кавалерию поддерживали бронетехника и авиация.

Им противостояли всего семь абиссинских самолетов и четыре танка FIAT 3000, которые сама Италия и продала этой стране несколько лет назад.

Армия наступала стремительно, и скоро султан племени Шевели перешел на сторону итальянцев.

Но затем все застопорилось, и «у стен» оазиса Горраhey пришлось начать настоящую осаду.

Целый месяц, начиная с 11 октября, итальянцы бомбили трехтысячный абиссинский гарнизон.

Затем начался штурм. Пехота и танки слаженно двинулись вперед. Гром орудий не смолкал ни на миг, и крики людей, и ржание лошадей тонули в этом грохоте.

Пыль, грязь, осколки взлетали в воздух. Под гусеницами хрустели обломки.

Абиссинский гарнизон сломался и бежал. Начальник гарнизона был ранен и захвачен. Отступление противника сделалось беспорядочным.

11 октября 1935 года, район поселка Хаманма, Абиссиния

Итальянские танки двигались по абиссинским дорогам. Шли днем и ночью. В темноте ориентировались по свету фонаря, горевшего на головном танке.

FIAT 3000 были «слепы» — смотровые щели обеспечивали лишь небольшой обзор вперед.

Моторизованная колонна развивала наступление в глубь страны. Шли не слишком быстро — на горных дорогах больше десяти километров в час не поедешь.

Горраheyский гарнизон бежал четвертые сутки.

О катастрофе в оазисе Горраhey знали в абиссинской армии, и навстречу отступающему гарнизону из Дагабура вышел отряд — чтобы прикрыть беглецов и приостановить итальянцев.

Впереди грохнул взрыв. Танки остановились.

Лейтенант Капоретто дал знак водителю остановить танк. Он открыл люк, выглянул — в смотровую щель плохо было видно, — но ничего не разглядел.

Затем второй выстрел прогремел ближе.

— Пристреливаются, — понял лейтенант.

Несколько абиссинских пушек открыли огонь по танкам.

Лейтенант вернулся на свое место и сделал отчаянный жест:

— Быстрее!

Танк рванулся с места. Лейтенант произвел несколько выстрелов. Затем FIAT как будто наткнулся на какое-то препятствие и повернулся на месте.

«Подбили», — понял Капоретто. Он не понял только, следует ли покинуть танк или...

В смотровую щель он увидел, как полыхнул и запылал поблизости итальянский грузовик.

Капоретто давно — больше месяца назад — уже понял: абиссинцы вовсе не «дикари», которых можно запугать грохочущей и стреляющей машиной. Первоначальный страх перед тяжелой бронированной техникой давно прошел.

Кто-то как будто вскочил на броню. Затем Капоретто услышал, как сильные удары разбивают траки его танка, подбитого и не способного двинуться с места.

Он высунулся с револьвером в руке и выстрелил. Абиссинец с железным ломом в руках отскочил в сторону и оскалился. Второй пулей Капоретто уложил его и снова спрятался в танке.

По люку застучали, затем чьи-то сильные руки сорвали крышку, и внутри танка выстрелили несколько раз.

Водитель был убит, а Капоретто схватили и выволокли наружу.

На несколько секунд он потерял способность видеть и оценивать обстановку, а затем лицо ему опалило пламя. Поблизости пылал FIAT — абиссинцы облили его бензином и подожгли.

Капоретто не знал — его бы это и не утешило, — что другого лейтенанта абиссинцы просто закололи сквозь смотровую щель, забравшись на броню танка и ударив итальянца ножом в глаз.

5 мая 1936 года, Аддис-Абеба, Абиссиния

Маршал Бадольо вступил в абиссинскую столицу.

Он гордо ехал на коне, оглядывая свое завоевание. Неприятно, конечно, осознавать, что победа одержана лишь потому, что у врага практически не имелось современных

технических средств. Страшно подумать, что случилось бы, располагай Абиссиния хотя бы достаточным количеством боеприпасов.

И все-таки как хорошо действовали танки у озера Ашанги! Учения, маневры, модификации танков, обучение слаженности действий пехоты, артиллерии и танковых частей, — все это не пропало даром...

Но как хороши эти дьяволы, абиссинцы!.. Они не только подбивали танки, они ухитрялись их захватывать. По предварительным данным, не менее восемнадцати машин перешли в их руки.

Хорошо еще, что у них не хватает подготовленных кадров. Скорее всего, они просто закапывали танки в землю и использовали их как неподвижные огневые точки. И на том, как говорится, «спасибо».

52. Скорость против брони

15 марта 1931 года, Берлин

— Мне надоело прибегать к ухищрениям, недостойным германского солдата! — Генерал-майор Освальд Лутц, инспектор автомобильных войск Рейхсвера, сверкал глазами так яростно, что, казалось, из них вот-вот начнут вылетать молнии. — Мы связаны по рукам и ногам этим унижительным Версальским договором.

— Скоро все закончится, — негромко отозвался подполковник Гейнц Гудериан.

Лутц перевел взгляд на своего начальника штаба. Гудериан с его простым лицом и жесткой щеткой усов действовал на Лутца успокаивающе.

— Скоро Германия наконец поднимется с колен, — уверенно продолжал Гудериан. — Она разорвет унижительный договор, и тогда весь мир услышит грохот наших пушек.

— Чтобы мир услышат грохот наших пушек, следует готовиться уже сейчас, — заметил Лутц. — А мы имеем право на весьма ограниченное количество бронемашин, и те должны использоваться исключительно полицией.

— Но никто же не посмеет запретить нам строить дорожные и сельскохозяйственные машины, не так ли? — сказал Гудериан.

Лутц погрозил ему пальцем:

— Мы не говорим об этом вслух.

Действительно, работы велись. Сначала — лишь в области организации и тактики танковых войск. Которые у Германии будут, и очень скоро.

Затем началось проектирование и новых танков.

На самом деле, конечно же, речь шла о сельскохозяйственных образцах. Взять, к примеру, легкий трактор.

А ведь в не столь отдаленном грядущем — Гудериан твердил об этом день и ночь, - большие танковые части будут иметь огромное, если не решающее значение.

Почему бы не разработать модель легкого... трактора, массой, скажем, в пять тонн? На этом тракторе можно будет обучать будущих тан... трактористов.

А то до сих пор приходилось ездить на каких-то деревянных и даже картонных макетах. Правда, их ставили на шасси легковых автомобилей. Но все равно — как-то неприятно, унижительно даже.

Пора переходить на настоящие машины. Как бы они ни назывались.

20 апреля 1931 года, Берлин

Инженер Хогеллох разложил перед Лутцем чертежи.

— Фирме «Крупп» приятно сознавать, что ее руководители мыслят в едином русле с руководством страны! — произнес он. — Когда мы получили заказ на разработку маленького трактора в пять тонн весом, у нас уже имелись почти готовые проекты, которые сегодня мы имеем удовольствие представить.

— И заодно обойти конкурентов — «Даймлер-Бенц», «Рейнметалл» и «Машиненфабрик Аугсбург-Нойренберг», — заметил Лутц.

Инженер хмыкнул:

— Пока они думают над вашим заказом — мы уже подумали. Мы работаем честно и открыто. Я и коллега Вёльферт давно трудимся над этим сельскохозяйственным тягачом — *Landschaftlicher Schlepper*. Прошу обратить внимание на шасси...

— Не такие ли, как применяются в конструкции легкого английского танка «Карден-Лойд Mk VI»? — вмешался Гудериан.

— Весьма тонкое наблюдение, — ответил инженер. — Германский ум устроен таким образом, чтобы не забывать ничего. В свое время Советы закупили у Англии пару таких шасси. Они были продемонстрированы германской делегации, естественно, за деньги... Они хоть и коммунисты, но про деньги понимают удивительно много.

Собравшиеся посмеялись, и этот общий смех объединил их, как ничто другое: вопрос о будущем танке был решен. Проектирование поручалось фирме «Крупп». «Тягачу» — быть!

А когда настанет время — мир изумится и содрогнется перед мощью германской бронетехники.

27 апреля 1934 года, полигон Куммерсдорф

Первые пятнадцать танков укомплектованы.

— Красавцы! — Гудериан не мог удержаться от восторга.

Танки стояли перед ним, как боевые кони, и словно бы рвались в битву.

Они казались простыми и ясными.

В средней части — немного смещенная вправо, — установлена башня с вооружением — двумя спаренными пулеметами калибра 7,92 миллиметра. Пулеметы были установлены в общей маске, наведение их на цель осуществлялось совместно, спуск — отдельно.

Слева — место механика-водителя.

Круговое бронирование толщиной 13 миллиметров. Это ведь легкий танк. От стрелкового оружия такая броня защищает, что доказано испытаниями.

Да и вообще — не следует забывать о том, что недостаток бронирования компенсируется скоростью движения. «Скорость защищает от огня!» — вот на чем следует сосредоточить внимание.

Силовая установка сзади. Силовая передача и ведущие колеса — спереди. Карбюраторный двигатель воздушного охлаждения.

Гудериану думалось: «С этими машинами мы прогремим на весь мир! И это — только начало...»

Танки тронулись с места и, ревя, красиво проехали мимо принимающей комиссии.

Их победоносное шествие по Европе началось.

9 сентября 1934 года, Цоссен

— Будем теперь на настоящих машинах учиться!

Это известие быстро разошлось по всем трем ротам учебной моторизированной команды, расквартированной в Цоссене.

Первые танки прибыли.

— Всего пятнадцать? — Танкисты казались разочарованными, но командование успокоило их:

— Это только начало. Несколько германских фирм работают день и ночь для того, чтобы дать нам танки! Сейчас известно, что «Хеншель» выпустит как минимум сто пятьдесят штук. И они будут нашими.

9 августа 1935 года, Мюнстер

Учения закончились.

Гудериан лично прибыл в первый танковый полк — тот самый, который раньше назывался учебной моторизованной командой.

— Я очень доволен! — объявил он. — И отныне наш «сельскохозяйственный тягач номер один» «Крупп» — 1LaS Krupp — будет именоваться «танком номер один» — Pz.Kpfw.1.

Все это были радостные и обнадеживающие известия.

Никто в эти дни не говорил о том, что для транспортировки танков к месту событий требовались... автомобили.

Сами по себе танки на дальние расстояния ходить не могли — ломались. Поэтому их возили на специальном транспорте.

12 марта 1938 года, австрийская граница

Свершилось.

Германские войска пересекли австрийскую границу.

Еще в феврале фюрер потребовал от австрийского канцлера Шушнига снять запрет на деятельность в его стране нацистской партии. Германия и Австрия должны стать ближе! Необходимо наладить тесные отношения между армиями, включить Австрию в германскую экономическую систему...

Шушниг подписал все. Англичане обещали не вмешиваться.

Оставалось завершить дело. И победоносный аншлюс — присоединение Австрии к Германии — произошел.

По прекрасно отремонтированным австрийским дорогам шли новые германские танки — Pz.Kpfw.1. Им предстояло совершить марш-бросок в четыреста двадцать километров.

— Verdammt! Schweinhundel! Zum Teufel! — ругались немецкие танкисты, когда их не слышало начальство.

Несмотря на то, что дороги были хорошими, Pz.Kpfw.1 ломались. То один, то другой приходилось оставлять на обочине.

— Какая прекрасная картина! — говорил Гудериан, теперь уже генерал-майор, стоя в своем танке и глядя по сторонам.

Сломанные машины оставались позади, а на обочинах он видел лишь женщин с цветами и нацистскими флажками, детей, ветеранов Великой войны с увлажненными глазами и орденами на груди.

— Дети одного народа, которые были разобщены в течение десятилетий из-за злополучной политики, теперь ликуют, слившись воедино!

Еще один Pz.Kpfw.1 сломался и остановился, но Гудериан не видел этого.

Он узнает о небоевых потерях техники только прочитав рапорт и подсчитав количество.

Оказалось, что танковые войска потеряли в этих поломках почти треть имеющихся машин.

Но что это значило по сравнению с ошеломляюще стремительным продвижением танков в глубь Австрии! Честно говоря, Pz.Kpfw.1 в их неудержимом порыве произвели на всех сильнейшее впечатление!

Сам фюрер назначил Гудериана командующим бронетанковыми войсками вермахта.

— Поздравляю вас, генерал танковых войск! — произнес фюрер, касаясь своей теплой мягкой рукой жесткой лапы Гудериана. — Я и Рейх ожидаем от вас новых побед.

28 октября 1936 года, район Сесеньи, Испания

Туристы из Германии со своими личными машинами прибыли любоваться красотами испанской природы.

Возглавлял группу туристов — называемую на условном языке «Дроне», — подполковник Вильгельм Риттер фон Тома.

В группе имелись штаб и две танковые роты, вооруженные Pz.Kpfw.1.

— Мы здесь для того, чтобы обучать испанских друзей и коллег, — наставительно говорил Тома. — В нашу задачу не входит воевать самим.

Так-то оно было так, но испанцы, поначалу радовавшие Тома своей способностью схватывать материал на лету, так же быстро забывали все, чему их выучили.

И поневоле пришлось немцам брать на себя всю ответственную работу...

...Под Сесеньей обстановка складывалась трудно. Кавалерия франкистов и группа «Дроне» двигались на Мадрид.

Обороняли столицу «интернационалисты», как они себя называли, а возле Сесеньи действовали танки Советов — Т-26.

Первое столкновение произошло на подступах к Сесенье. Было раннее утро, двенадцать Т-26 в походной колонне с открытыми люками двигались по дороге.

В этот самый момент Сесенью занимала марокканская конница, и германские танки вошли на узкие улицы города.

Там все и случилось: столкнулись конники и танкисты. Всадники дико кричали, лошади ржали, гусеницы лязгали. Pz.Kpfw.1 пытались поддержать своих пулеметным огнем, но паника от этого еще больше усиливалась.

Стало совершенно очевидно, что Т-26 намного сильнее, чем Pz.Kpfw.1.

Большая скорость движения германского танка — до пятидесяти километров в час — здесь не помогала. Когда танк мчался быстро, пулеметы не могли обеспечить точность стрельбы. А на пересеченной местности скорость падала до двадцати километров в час... и вот тут начинались проблемы со слабой броней...

30 октября 1938 года, район Сесеньи, Испания

— Думаю, очевидно, что «интернационалисты» превосходят нас с точки зрения вооруженности, — объявил подполковник фон Тома. — Предлагаю ремонтникам подумать над тем, как усилить наши танки — быть может, установить на них пушку.

— Проще захватить советские танки и поставить их на нашу службу, — подал голос один из офицеров.

Фон Тома нахмурился, делая вид, что не слышит, но в душе понимая, что тот, конечно, прав...

19 мая 1939 года, Мадрид

Гремела музыка. По площадям Мадрида шли германские танки.

Праздничный парад.

— Kameraden! Друзья! — говорил подполковник фон Тома. — Мы многое отдали ради этой победы. Семь германских воинов-танкистов расстались со своими жизнями. В тяжелых сражениях с превосходящими силами республиканцев — под Теруэлем, Брунете, в Стране Басков, у Эбро и в Каталонии — везде были наши танки! Мы оставляем их в дар законному правительству — генералу Франко и с чувством выполненного долга возвращаемся в Фатерланд.

В Германии ждали новые танки Pz.Kpfw.1. Быстроходные — это в первую очередь. Это самое главное. Большая война, которую Германия выиграет у всего мира, будет молниеносной, и именно для такой войны необходимы легкие, быстрые, стремительные танки.

53. Шестнадцать тонн

8 июня 1930 года, завод фирмы «Виккерс»

Начальник Управления механизации и моторизации РККА Халепский понимал: при любых обстоятельствах необходимо оставаться дипломатом.

С англичанами выдерживать холодный и вместе с тем вежливый тон было трудно: при всей своей подчеркнутой, иногда даже оскорбительной «воспитанности», они оставались капиталистами — в первую очередь, жадными.

Но Советской России необходимы новейшие танки, не уступающие мировым образцам. Времени в обрез: танки нужны прямо сейчас.

Фирма «Виккерс-Армстронг» согласилась сотрудничать с Советами. Заключила контракты на поставку нескольких партий легких и средних танков.

«Красных» теперь нередко видели на заводе. К ним даже привыкли.

А «красные», в свою очередь, с интересом осматривались на английском производстве.

— Сегодня вы можете присутствовать при испытании нашего нового танка — А6, — встретили Халепского и его заместителя, инженера и конструктора Гинзбурга представители фирмы. — Возможно, вас вдохновит и эта машина.

Шестнадцатитонная машина действительно вдохновляла, и Халепский незамедлительно начал переговоры о ее приобретении.

Просторный кабинет дирекции был обставлен темной мебелью из мореного дуба. За стеклами шкафа мерцали корешки книг, на стеллажах лежали папки. Простенок между окнами украшали чертежи, взятые в рамки.

— Мы с интересом относимся ко всем инициативам Советского Союза, — заверил Халепского безупречный англичанин. — Нам, разумеется, приятно, что вас так заинтересовали наши разработки. Поэтому фирма готова построить для правительства СССР шестнадцатитонный танк по нашей спецификации.

— А как насчет продажи уже готового образца? — спросил Гинзбург.

Лицо англичанина сделалось ледяным:

— К сожалению, это невозможно из соображений секретности. Но вы получите аналогичный танк. Как видите, нам не чужды коммерческие инициативы и сотрудничество

Гинзбург поморщился при слове «коммерческие», но Халепскому удавалось сохранять любезную, ничего не говорящую улыбку. Он хотел этот танк.

— Каковы ваши условия? — спросил начальник Управления механизации.

— Достаточно мягкие... учитывая обстоятельства, — слегка «надавил» англичанин. — Выплата двадцати тысяч фунтов стерлингов за ознакомление с конструкцией и развитием танков данного типа. Далее заказ десяти танков, которые будут изготовлены в Англии по цене шестнадцать тысяч фунтов стерлингов за танк.

— С вооружением? — спросил Гинзбург быстро.

— Разумеется, нет! Без вооружения. И далее нам нужны гарантии, что вы обязуетесь взять заказ у фирмы «Виккерс» на танкетки «Карден-Ллойд» и танки «Виккерс-шеститонный».

— Это все? — спросил Халепский, изо всех сил надеясь, что ирония в его голосе не переходит в издевку.

— Да. — Представитель фирмы «Виккерс» откинулся на спинку стула и холодно посмотрел на собеседников. — Полагаю, это приемлемо.

— Полагаю, нам необходимо проконсультироваться с нашим правительством, — ответил Халепский, поднимаясь. — Благодарю за уделенное время и за конструктивную беседу.

Они с Гинзбургом вышли из помещения, оборудованного вентиляторами.

— Как здесь жарко! — проговорил Гинзбург. — Вроде бы, не тропическая держава, а солнце так и жарит.

— Что скажете по поводу их условий? — спросил Халепский.

— Хапуги и жадины, — коротко отрезал Гинзбург.

— Боюсь, и наркомат будет такого же мнения...

Халепский как в воду глядел. Получив информацию из Англии, заместитель председателя Реввоенсовета Тухачевский быстро произвел несложные перерасчеты: двадцать тысяч фунтов стерлингов — это примерно двести тысяч рублей золотом...

А уж требование «Виккерс» всучить вместе с шестнадцатитонным танком принудительный ассортимент в виде заказа на танкетки — это, мягко говоря... э... нехорошо.

— Что делать будем? — Халепский обратился к своим коллегам по закупочной комиссии.

— Думаю, мы в состоянии и сами сделать похожую машину, — решил Гинзбург. — Опыт у нас есть, а технологии... Ну, кое к чему можно приглядеться уже сейчас, пока мы на их заводах. Глаза открыть пошире — смотреть, делать выводы.

2 декабря 1930 года, Москва

Доклад Гинзбурга руководству УММ РККА был подробным и длился долго.

— Мы собирали информацию и анализировали ее в течение нескольких недель, — сказал он под конец. — Затем она была обобщена для дальнейшей разработки. Англичане недаром так держались за этот танк. Я считаю, эта машина представляет максимальный интерес для Красной Армии как лучший современный тип маневренного среднего танка.

28 сентября 1931 года, Москва

Потребовалось меньше года, чтобы советские инженеры создали собственный проект, аналогичный английскому, — а может быть, и превосходящий его.

Для Гинзбурга было создано танко-тракторное конструкторское бюро Всесоюзного оружейно-арсенального объединения, где велись работы. В это же КБ в полном составе вошли сотрудники отдела мехтяги ГКБ.

Танку присвоили индекс Т-28.

Управление механизации и моторизации получило эскиз своего танка к середине лета тридцать первого.

Гинзбург развернул чертежи.

— В основу проекта были положены следующие тактико-технические требования, — заговорил он. — Мы должны были спроектировать танк среднего веса — шестнадцать тонн. Он предназначается для мехсоединений. В основу общего расположения агрегатов положена конструкция шестнадцатитонного танка «Виккерс».

Он встретился глазами с Халепским. Тот поджал губы: все подвластно человеку труда — даже одолеть жадность капиталистов!..

Инициативу докладчика перенял Заславский, начальник отдела мехтяги ГКБ:

— Предполагается установить мотор М-5 мощностью в четыреста лошадиных сил — с теми же доделками, что и для БТ. Коробка скоростей — по типу Т-26. Бортовые фрикционы конструкции Кристи.

При слове «Кристи» лицо Халепского просветлело: он преклонялся перед изобретениями этого великого американца и радовался тому, что удалось применить их на Родине.

— Далее, — продолжал Заславский. — Движитель по компоновке типа шестнадцатитонного «Виккерса», гусеничная цепь по типу Т-26 с шириной до трехсот восьмидесяти миллиметров.

— Подвеска? — подсказал Халепский.

Заславский перешел к следующему разделу доклада:

— Система подвески. — Он взял стакан, налил немного воды из графина. — Система подвески спроектирована в виде двух тележек на каждую сторону. Каждая тележка имеет по три свечи с двумя парами катков, связанных между собой двумя парами балансиров.

— Насколько хорошо бронирован танк? — снова спросил Халепский.

— Предполагается установить на корпус вертикальную броню в шестнадцать-семнадцать миллиметров. Листы носа — двадцать миллиметров. Теперь — вооружение.

И снова по лицу Халепского скользнула улыбка: он вспомнил, как англичане предлагали поставить танк без вооружения.

— Большая башня проектируется со спаренной установкой сорокапятимиллиметровой пушки и пулемета ДТ — по типу установленной на танке БТ. С механическим приводом вращения и перископическим прицелом.

— Хорошо! — вырвалось у Халепского.

— Параллельно мы разрабатываем другую башню — с комбинированным механизмом вращения, — добавил Гинзбург. — Механико-электрическим.

— Дальше, дальше, — нетерпеливо перебил Тухачевский.

— Конструкция малых башен — по типу Т-26 с пулеметами ДТ, — заключил Заславский. — Остальное можно видеть на эскизе.

— Сумеете к первому мая 1932 года представить два опытных образца? — спросил Тухачевский и встал. — Мне танк понравился! — он обвел глазами собравшихся. — Предлагаю заключить с Всесоюзным оружейно-арсенальным объединением договор на разработку проекта, изготовление рабочих чертежей и постройку двух опытных шестнадцатитонных танков.

— Общая стоимость заказа? — спросил Халепский.

— По самым общим прикидкам — приблизительно триста тысяч рублей, — ответил Тухачевский.

Теперь Халепский улыбался широко и открыто. Все-таки посрамлен буржуй!

28 июля 1932 года, Ленинград

Новый танк прибыл в город Ленина.

Сергей Миронович Киров с огромным интересом отнесся к «гостю».

Начитанный почти энциклопедически, осведомленный обо всех технических новинках, жадный до прогресса, Киров встречал Т-28 с нетерпением.

— Мы готовили машину к Первوماю, — сообщил Гинзбург. — Но немного запоздали: только второго числа первый Т-28 совершил испытательный пробег по двору завода «Большевик».

— Много недочетов нашли? — улыбнулся Сергей Миронович.

Он знал, что «не боги горшки обжигают» — всякое новшество требует проверки опытом и совершенствования уже в процессе эксплуатации.

Улыбнулся и Гинзбург:

— Было такое...

По правде сказать, недостатков отыскивали множество и устраняли их в ходе испытаний. До сих пор Т-28 прошел всего шестьдесят два километра. Но интерес руководства РККА к новому танку не ослабевал.

— А ну как я на нем прокачусь! — сказал Киров.

— Пожалуйста, Сергей Миронович!

Киров забрался в танк. Водитель показал систему управления, перископ.

— Тесновато, конечно, но надежно! Хороший танк, — подытожил Киров. — Есть у меня мысль, товарищи, что на ленинградских заводах будем мы строить эту машину. Мощностями располагаем, а оборону крепить — наше первое дело.

30 октября 1932 года, Ленинград

— Ну что, Сергей Миронович, ты как в воду глядел. — Халепский пожал Кирову руку. — Совет труда и обороны СССР поручает тебе серийное производство танков Т-28 — на заводе «Красный Путиловец».

Выбор завода был не случаен: «Красный Путиловец» имел богатый опыт производства тракторов, паровозов, турбин, артиллерийских орудий, а с осени тридцать первого — и деталей для танков Т-26.

Результаты испытаний опытного образца заставили конструкторов серьезно переработать чертежи Т-28. Изменения были внесены и в конструкцию башен и корпуса, была переработана трансмиссия, усилено вооружение, переделана подвеска.

Инженеры «Путиловца» — Титов, Ходин, Доброхотов, Четвериков, Белов — знакомились с чертежами нового танка.

— Сложная машина, — высказался наконец Четвериков. — Какой цех под нее приспособим?

— Может, второй механический? — предложил Титов.

Этот цех изготавливал паровозы и подъемные краны.

— Оборудование там старое, — заметил Ходин. — Под серийное изготовление танков не приспособлено. Для такой машины нужна высокая культура производства.

— Товарищи, необходимо проявить, что называется, солдатскую смекалку, — вступил в разговор Киров. — Скрытые-то резервы на заводе имеются?

Четвериков улыбнулся:

— Еще с Первой мировой войны остались там станки, служившие для производства оружия. Сейчас законсервированы. Думаю, если их модернизировать, они еще пригодятся.

— А я помогу со своей стороны, — кивнул Киров. — Доставлю станки с других ленинградских предприятий. Нужно только точно знать — в каких нужна. Справитесь до Первомая?

1 мая 1933 года, Ленинград

— С праздником, товарищи!

Киров стоял на трибуне.

Мимо Зимнего дворца по площади шли танки — Т-28.

В Ленинграде — два, в Москве — десять.

Собранные руками ленинградских рабочих новые боевые машины Советской державы.

54. Примерённые генералы

10 июля 1940 года, Вашингтон

Начальник штаба армии Соединенных Штатов, генерал Джордж Маршалл, расхаживал по кабинету, заложив руки за спину. Время от времени он останавливался и вскидывал глаза на американский флаг, мирно дремлющий в углу.

— Успех блицкрига в Польше не может больше оставлять нас слепыми и глухими к тому, что происходит в Европе! — высказался он наконец. — Уже сейчас понятно, что эту войну выиграют танки. И наша задача, господа, — он резко развернулся в сторону своих собеседников: генерала Чаффи, полковника Паттона и члена Военного Департамента Генерального штаба генерала Фрэнка Эндрюса, — создать в нашей стране самые механизированные в мире войска. Лучше, чем у немцев, русских и уж тем более французов!

Бригадный генерал Эдна Романцо Чаффи — любимый в армии, спокойный, умный командир, — негромко, но с явственно ощутимым нажимом в голосе произнес:

— А между тем у нас в общей сложности около четырехсот танков, и все они находятся в подчинении у пехоты...

Маршалл выдержал выразительную паузу.

Горечь в тоне Чаффи была вполне понятна.

О необходимости реорганизации танковых частей таким образом, чтобы они стали самостоятельным родом войск, говорили уже давно. Чуть ли не с самого окончания Первой мировой.

Однако в 1920 году Конгресс подчинил танки пехоте. Особая танковая комиссия в аппарате командующего пехотой координировала

разработку новых машин и применение уже имеющихся.

В 1931 году комиссия по механизации кавалерии пыталась «заниматься танками», но — кто сказал, что молодое американское общество не консервативно? — все это застряло на уровне танков Первой мировой и далеко не продвинулось.

— Я намерен разорвать пехотную удавку на горле танкистов, — медленно чеканя каждое слово произнес Маршалл. — В Александрии, штат Луизиана, будет создана школа танковых войск. Вы, Чаффи, назначаетесь командующим танковыми силами. Вам следует немедленно изъять все бронетанковые подразделения из состава пехотных и кавалерийских частей и сформировать две танковые дивизии.

Он объяснил план подробнее: предполагается для начала создать подразделение, куда войдут как танки, так и механизированная кавалерия.

— Нужны грамотные командиры, и срочно, — предупредил Чаффи.

— Предложения? — быстро спросил Маршалл.

Все взоры обратились к полковнику Паттону, который с двадцатого года служил в кавалерии.

— Думаю, следует призвать бывших танковых командиров времен Первой мировой, — чуть улыбнулся Чаффи.

— Кровь и потроха! — вырвалось у Паттона по старой привычке. — Давно пора.

Маршалл кивнул ему:

— Назначаетесь в Форт Беннинг в качестве командира танковой дивизии. Покажете «кровь и потроха», сейчас настало для этого самое время.

— С вашего разрешения, генерал, — возразил полковник Джордж Паттон, — танковой дивизии не требуются кровь и потроха, зато необходимы будут кровь и мозги.

— Отлично сказано, — кивнул Маршалл. — Начало положено, господа, действуйте. Скоро нам потребуется очень много танков. Для начала, предполагаю, около тысячи. При этом выпуск новых машин следует довести до десяти штук в день.

— Какой танк примем на вооружение? — деловито заговорил Паттон.

Подал голос Чаффи, и по его тону слышно было, что он уже некоторое время всерьез раздумывал над вопросом:

— Лучше всего подойдет средний танк M2A1 образца 1939 года.

— Но ведь он несколько устарел, — заметил Маршалл.

— При всем уважении, сэр, — возразил Чаффи, — другого танка у нас пока нет.

28 августа 1940 года, Вашингтон

Генерал Чаффи выглядел настроенным весьма решительно.

Он показал Маршаллу новый проект.

— Я считаю, что мы должны отозвать заказ на тысячу танков M2A1 — все-таки они устаревшие. И, по нашему мнению, слабо вооружены.

— Предложения? — Маршалл улыбнулся. Он знал, что Чаффи не явится без конструктивной идеи.

— Несколько месяцев велись ожесточенные дискуссии на тему: возможно ли вооружить этот танк 75-миллиметровым орудием, — ответил Чаффи. — Результатом стало появление проекта нового танка.

— Его нет в планах, — нахмурился Маршалл. — Время поджимает, дорога каждая минута, и мы не можем позволить себе начать выпуск внепланового танка.

— Мы не можем позволить себе бесполезный, слабый и устаревший танк! — ответил Чаффи. — Новая машина, M3...

— Нужно красивое личное имя, — перебил Маршалл. — Такое, чтобы звало на борьбу, воодушевляло, а не просто оставалось индексом.

Чаффи понял, что победил. Маршалл загорелся идеей нового танка.

9 сентября 1940 года, пригород Детройта

Генерал Маршалл позволил оркестру доиграть и перерезал ножницами ленточку.

Работы по строительству танкового завода «Крейслер» были открыты.

Маршалл позволил себе легкую улыбку, вспоминая, как поначалу «Крейслер» хотели отказаться от производства танков, считая, что больше заработают на поставке в армию автомобилей. Но их мнение резко изменилось, когда они узнали, какую сумму выделяет правительство США на этот заказ.

Строительство нового — танкового — завода также субсидировало правительство.

Времени в обрез, а танков требуется много, очень много.

11 апреля 1941 года, Абердинский полигон

Новый танк М3, получивший вдохновляющее имя «Генерал Ли», предстал перед комиссией.

Маршалл с удовольствием отметил в первую очередь наличие того самого 75-миллиметрового орудия, с которого и началась, собственно, жизнь нового танка.

Оно было установлено в литом бортовом спонсоне по правому борту корпуса.

Внешне танк выглядел... успокаивающе. Знакомо. Как в «старые добрые времена» Первой мировой.

— Танк в первую очередь представляет собой подвижный дот, — высказался один из конструкторов. — Мы исходили именно из этого положения.

В литой поворотной башне, сдвинутой к левому борту, было смонтировано 37-миллиметровое орудие, спаренное с пулеметом. Еще один пулемет находился в маленькой башенке сверху.

— Насколько хорошо он защищен? — спросил Маршалл.

Паттон уже успел исследовать новую машину и тоном знатока отвечал:

— Лобовая броня — два дюйма, бортовая и кормовая — по полтора. Крыша корпуса — полдюйма. Передняя плита, как видите, установлена под углом в шестьдесят градусов к горизонту, боковые и задние — вертикально.

— Похож на те танки, которые были тогда? — вдруг спросил Маршалл.

Паттон кивнул и тотчас добавил:

— Но он гораздо лучше. Крепче! Мощнее! — Он сжал кулак.

— И гораздо удобнее для экипажа, — подал голос один из инженеров.

Паттон посмотрел на него с легким удивлением, как будто не ожидал вмешательства, да еще по столь пустяковому поводу, как «удобства для экипажа».

— Изнутри корпус оклеен губчатой резиной — это предохраняет личный состав от мелких осколков брони, — продолжал инженер. — Боевое отделение сравнительно просторное. Люки, как вы можете видеть, сверху и в пулеметной башне. По бортам установлены двери. Это обеспечивает быструю посадку экипажа и удобную эвакуацию раненых.

— И снижает прочность корпуса, — проворчал Паттон.

— И еще об удобстве, — упорно гнул свою линию инженер. — У каждого члена экипажа имеются смотровые щели, амбразуры для стрельбы из личного оружия, защищенные броневыми козырьками.

— Общий вес танка? — уточнил Маршалл и вынул блокнот. Ему хотелось сделать заметки, над которыми подумать потом, в тиши кабинета.

— 27 тонн. Максимальная скорость — двадцать шесть миль в час. — Инженер не стал акцентировать внимание комиссии на том, что двигатель работал на высокооктановом бензине и, следовательно, отличался высокой пожароопасностью. Замены для «Райт Континенталь» в 340 лошадиных сил все равно пока нет.

— Ходовая часть, как можно видеть, представляет собой резинометаллическую гусеницу, поддерживаемую тремя тележками на борт. Гусеницы имеют по 158 траков — резиновых пластин с запрессованным внутри них металлическим каркасом. Через каркас проходят две металлические трубчатые оси, на которые, в свою очередь, надеваются скобы с клыком, соединяющие траки в гусеницу.

Неугомонный Паттон опять вмешался:

— Место командира в башне тридцатисемимиллиметрового орудия, — он показал рукой, — он ведет наблюдение из малой башенки и, при необходимости, открывает огонь из пулемета.

По виду Паттона можно было предположить, что мысленно он уже занял это место.

— Рядом наводчик этого же орудия, ниже, по центру машину, — заряжающий. Внутри спонсона — наводчик 75-миллиметрового орудия, рядом с ним, в корпусе танка, — заряжающий. Водитель — слева. Кстати, он тоже может вести огонь из курсовых пулеметов. Всего — шесть человек.

— Кстати, — задумчиво проговорил Маршалл, — есть вероятность, что мы начнем поставлять машины в Англию.

— И что? — пожал плечами Паттон.

— А водитель сидит слева... Смогут ли англичане освоить подобный танк?

Паттон передернул плечами:

— Еще из-за всяких британских глупостей переделывать танк! Много чести им будет.

16 мая 1941 года, Детройт

Комиссия из Великобритании прибыла в Соединенные Штаты вскоре после утверждения положения о ленд-лизе.

— Мы были вынуждены оставить большую часть нашего вооружения во Франции при эвакуации Дюнкерка, — глава комиссии открыто признал то, что и без того было известно всему миру (но для британцев подобное признание представляло определенную психологическую сложность). — Вследствие этого нам необходимо выбрать лучшее из американской бронетанковой техники... Мы уполномочены приобрести опытные разработки. За наличные, — прибавил британец, отлично зная, как в Соединенных Штатах ценят такое намерение.

— Танк М3, — предложил Маршалл. — Наш новейший и, думаю, наиболее вооруженный на нынешний момент — во всем мире, — он подчеркнул последние слова. — Думаю, нам следует немедленно отправиться на завод и посмотреть на него «живьем».

После ознакомительной поездки английские военные остались довольны.

— Однако для наших нужд следует внести кое-какие модификации, — выдвинули они свои требования. — Мы бы хотели установить новую башню, отказаться от верхней пулеметной башенки, установить английское радиооборудование.

Англичане весьма трепетно относились к своему радиооборудованию, что было также общеизвестно.

— А место водителя? — улыбнулся Маршалл.

— Стоит ли из-за такой мелочи переконструировать танк! — воскликнул британский вояка.

И прибавил:

— Да, но вот название... Видите ли, этот ваш генерал Ли, — он, наверное, американский герой, но хотелось бы кого-нибудь более... прогрессивного.

— Никаких проблем, — ответил Маршалл, не моргнув глазом. — Британскую модель танка М3 вполне можно назвать «Генерал Грант» — в честь командующего силами северян в той же войне. В конце концов, это были благородные противники, достойные друг друга.

«И перекомпоновывать танк для этого тоже не придется», — подумал Маршалл, но вслух этого произносить не стал...

55. Тайна Александры Самусенко

2 марта 1945 года, район города Лобез, Польша

Гришу Вайсберга в Первой гвардейской танковой бригаде хорошо знали: он не в первый раз приезжал с блокнотом, расспрашивал танкистов, делал фотографии. И никогда не забывал прислать карточки и свежий номер газеты со статьей.

— Заходи, бумажный человек! — приветствовал его командир танка, старший лейтенант Громов. — Выпьешь?

Григорий браво хлопнул «наперсток», поморщился:

— Что за гадость?

— Это шнапс, дорогой товарищ. С него русский человек дуреет, а немец — звереет... Бери блокнот, записывай.

Гриша с готовностью вытащил из планшета мятый блокнот, карандаш. Зубами привычно «очинил».

Громов поморщился:

— Что ты как беспризорник!.. Возьми нож, заточи перо как следует. Я твоему начальству пожалуюсь! Ножика корреспонденту выдать не могут.

— Я их теряю, — оправдывался Гриша.

— Ладно, пиши, — смягчился Громов. — Пиши, как советские танки коснулись гусеницами германской земли! Пиши, как из-под Курска дошли мы, через Польшу, до Одера. На берегах Одера чуть не потопили — там болота... Танки застревают, ребята ругаются: «Тонем!» А им в ответ: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Он рассмеялся:

— В общем, так, товарищ Вайсберг. Заняли мы маленький замок, черт его знает, как он называется. Даммер. Точно — Даммер. Деревня поблизости — Клейне Даммер. Это три дня назад было. Устали — как вошли под крышу, так и повалились. Утром просыпаюсь — что за ерунда? Ты пишешь? — Он бросил взгляд на страницу, которую Григорий быстро покрывал кривыми буквами. — Сам-то потом разберешь, что пишешь?

— Про меня не волнуйся, ты рассказывай, — попросил корреспондент.

Они сидели в землянке, оставшейся после немцев, — «теплую взяли», кивнул командир на маленькую печку.

— Ну вот, — продолжал Громов, — открываю я, значит, глаза — что за притча? Лежит среди моих солдат немец. Свернулся, так его, калачиком, как дитяtko малое, и мирно спит. Губами еще, зараза, во сне причмокивает!.

Гриша сморщил лицо, предвкушая смешное.

Громов хмыкнул:

— Я за пистолет: «Это, — говорю, — что еще за хайль гитлер тут затесался? А ну, — говорю, — встать и хенде хох!» Он не слышит — спит! Наконец дал я ему пинка, он зашевелился, поднялся, руки задрал. «Что ты здесь делаешь?» — говорю. С горем пополам объяснились. Ты представляешь, — засмеялся наконец старший лейтенант, — этот бедняга, унтер, искал кому сдатьсь. Ихний взвод, как волколаки, почти месяц по сырым лесам шатались. Тут видит наш унтер — русские. Он к нам вломился: сдаюсь, сдаюсь! А все спят. Он и не стал будить, а сам спать завалился, чтобы утром закончить дело.

— Его же пристрелить могли! — изумился Гриша.

— Запросто, — подтвердил старший лейтенант и закурил.

Гриша взял из пачки и закурил тоже.

— А скажи, Громов, это правда, что у вас тут танком женщина командует? — заговорил снова корреспондент.

— Есть у нас женщина, — кивнул Громов. — Только она не танком командует, это ты не выдумывай. Она офицер связи. Думаешь, этого мало?

— Я не думаю, я записываю, — ответил Гриша, стараясь скрыть смущение.

— Ну, записывай... Насколько важно вовремя докладывать командованию обстановку — знаешь, объяснять не приходится? Мы, брат, с боями прошли за полтора месяца почти семьсот километров...

Вдруг лицо старшего лейтенанта прояснилось:

— К восьмому марта, что ли, статью готовишь?

— Вроде того, — не стал отрицать Вайсберг. — Война-то заканчивается, начинаем жить нормально и праздники справлять, как раньше: за накрытым столом, не думая, что завтра опять в бой и многие уж за этот стол снова не сядут.

— Это ты хорошо сказал, — вздохнул Громов и долго молчал.

— Я бы с товарищем гвардии капитаном с самой повиделся, — быстро проговорил Вайсберг. — Это можно организовать?

— Я ей не командир, если нужно официально — спроси товарища гвардии полковника Катиркина, начальника штаба, — ответил Громов, — а личным образом познакомить — познакомлю.

— Какая она? — спросил Гриша. — Что о ней известно?

— Вот сам ее и спросишь, — проворчал старший лейтенант.

Журналист угадал что-то по тону голоса, потому что закрыл блокнот и прищурился:

— А сам ты ее не спрашивал?

— Она не из таких, кто станет о себе рассказывать, — нехотя выговорил наконец Громов. — Земляков не ищет, хотя по фамилии, да и по говору, вроде, из Белоруссии. Да вон товарищ гвардии сержант Дзюбак сейчас тебе что-нибудь добавит. Он к ней пытался клинья бить.

Сержант Дзюбак, вошедший в землянку, услышал последние слова и помрачнел.

— Дай курить, — потребовал он у Гриши. — Расселся тут с блокнотом, а война еще не кончилась. При чем тут — «клинья бить»? Что, нельзя с женщиной просто поговорить, как с боевым товарищем?

— И много она тебе сказала? — спросил Гриша.

— Послала куда подальше плохими словами, — признался Дзюбак. — У ней вообще строго. С виду красивая, косы русые, но держится — как мужик, курит, за словом в карман не лезет. Я стороной выяснял — она с двенадцати лет в армии, вроде как дочь полка.

— А это интересно, — заметил Гриша. — Как так вышло?

— Никто не знает. Но дерется крепко. Два легких ранения, еще с сорок первого, одно тяжелое — с сорок третьего. и боевые награды есть. Под Курском была, только мы там с ней не встречались. У нас в бригаде слухи ходили, будто она в Испании сражалась.

— Глупости, — возразил старший лейтенант. — Не могла Самусенко быть в Испании. Молодая еще.

— Да кто тут скажет, кому сколько лет! — возразил Дзюбак. — Помнишь, женский лагерь освободили? Здесь, в Польше? Там совсем молодые девчонки были... — Он махнул рукой.

Громов пояснил:

— Есть у нас тут один энтузиаст, Бородаченков. Он и заподозрил. «У нас, — говорит, — почему-то не любят признаваться, что были в Испании. Секрет вроде бы. Но я ее заставляю вздрогнуть». Подходит к Самусенко и прямо ей в лицо говорит: «Но пасаран!» Она его обсмеяла и ушла, а он почему-то решил, что она себя выдала. «Понимает, — говорит, — по-испански».

— Да «но пасаран» все понимают, — хмыкнул Гриша.

— Нет, думаю, в Испании Самусенко не была, — подытожил Громов. — А вот насчет Финляндии — это правда. В штабе говорили.

— Да что о ней вообще известно? — не выдержал Гриша.

— Почти ничего, — признал старший лейтенант. — Я ж говорю — скрытная. Мы ее когда впервые увидели, то сразу поинтересовались, за что орден Красной Звезды. А она — «за выполнение государственного задания».

— Ты понимаешь, как все это важно? — спросил корреспондент, глядя на Громова в упор. — Единственная женщина-танкист в Первой гвардейской танковой армии. И про нее никто ничего толком сказать не может! Как она хоть стала танкистом?

— Про это как раз кое-что известно, — хмыкнул Дзюбак. — Когда ее после ранения наградили, была заметка в газете. В общем, помнишь — повелась такая мода, все писали письма Калинину, Всесоюзному старосте, с разными патриотическими просьбами, вроде: «Мне четырнадцать лет, хочу бить фашистов, пустите на фронт!»

Вайсберг кивнул.

— Вот и наша Александра Григорьевна ему писала, просилась в танковое училище. Калинин ей посодействовал. Так и стала Александра Самусенко танкистом. Слова «танкистка» ведь нет, а?

— Многих слов нет, — рассеянно проговорил Гриша. — На самом деле статью о Самусенко и о том, как ее наградили «Звездочкой», я читал. Могу пересказать.

Танкисты сели теснее. На их лицах появилось знакомое Григорию выражение почти детского любопытства. В полумраке опять булькнул трофейный шнапс.

— Под Орлом и Курском она командовала танком Т-34. Пишут, что в одном бою наткнулись они сразу на трех «тигров». Что делать? Помните шутку из «Боевых листков»: в чем разница между «тигром» и «пантерой»?

— А в чем? — спросил Дзюбак. Он не помнил такой шутки.

— В том, что «тигр» горит дольше, — сказал Гриша. — Только чтобы «тигр» загорелся, надо бы его подбить — для начала... Самусенко отступать не стала. «Назад дороги нет», — говорит. И первый танк подбили. Два других пошли на тридцатьчетверку, и сражение продолжалось больше часа. Что там происходило, корреспондент не пишет, но Самусенко после этого получила орден.

Из темноты донесся голос:

— Наврал ваш корреспондент.

И к разговаривающим подошел младший лейтенант Краснов.

Грише он не был знаком. Обменялись рукопожатием, сели ближе.

— Самусенко не командовала танком, — сказал Краснов. — Она связист. И под Курском тоже была связистом. Под огнем и

Именной список
безвозвратных потерь офицерского состава 1-й гвардейской танковой Чертыковской Ордена Ленина Краснознаменной бригады
Ордена Богдана Хмельницкого бригады за период с 10 марта по 30 марта 1945 года.

Имя	Фамилия	Звание	Военное звание	Должность	Пол	Дата рождения	Место рождения	Дата смерти	Причина смерти	Место захоронения	Ф.И.О. родственников и адрес
1.	Самусенко	Александра	Сержант	м/п	ж	1922	г. Чита	3 марта 1945	Умерла от ран в частях КД	захоронена на центральной площади г.р. Лябос	Мать: Давиденко Евдокия Ивановна, г.р. Москва, Большая Артельная, 51 кв. 10.
2.	Обвинцева	Марфа	Гвардии старший техник-лейтенант	заместитель командира танковой роты	ж	1923	Великопольская губерния, Чалыбинский район, село Рухинино	11.3.45	Убит в бою	захоронен на юго-востоке окрестности Юмерания, Германия	Мать: Обвинцева Марфа Васильевна, Чалыбинская область, город Чалка, улица Трудовая, 45.

нач. штаба 1-й гвардейской танковой Чертыковской Ордена Ленина Краснознаменной Фр. Суворова бригады
гвардии полковник /капитан/

ком. нач. штаба 1-й Тср по л/с
гвардии старший лейтенант а/с
Шорохов

Отп. с экз.
№ 1 - Б - Адресатом
№ 2 - в дело
Отп. 11.3.23.3.45 года.

бомбежкой с воздуха обеспечивала связь, доставляла информацию о положении частей, действующих в бою, доставляла частям приказы. По-вашему, этого мало?

— Без связи никуда, — согласился Громов. — А ты откуда знаешь про ее орден?

— Она сама как-то рассказала в хорошую минуту, — ответил Краснов. — К любому человеку подход нужен. Самусенко в армии с детских лет, знает, как женщине себя держать, чтобы ничего не цеплялось.

— Кстати, а познакомиться-то с ней можно? — спросил Вайсберг, улыбаясь своей неотразимо-обаятельной улыбкой.

— Утром познакомишься, — обещал Краснов. — Уже поздно, тебе спать пора.

3 марта 1945 года, район города Лобез, Польша, 7 часов 45 минут

На рассвете капитан Самусенко получила приказ — разведать обстановку возле города Лобез. Вроде, там оставались еще окруженные эсэсовские части, которые предпринимали отчаянные попытки прорваться.

Самусенко с водителем сержантом Кузьменко уехала рано утром на броневике.

Немцы действительно находились в городе и готовы были к отчаянному сопротивлению.

На окраине броневик обстреляли. Это оказалось неожиданным, но хуже всего было другое: почти сразу погиб водитель.

Капитан приготовилась стрелять в ответ. Машина вздрогнула, мгновенно стало жарко: броневик подожгли.

Времени не оставалось. Самусенко сделала то, к чему была готова всегда: выскочила из машины, швырнула в пламя офицерский планшет и вступила в бой.

У немцев была самоходка, и они, не отвечая на слабый огонь из личного оружия, который вел советский офицер (никто не видел, что это женщина), попросту наехали на нее гусеницами.

3 марта 1945 года, район города Лобез, Польша, 11 часов

— Как — погибла? — кричал по связи Громов. — А это точно она?

— Советский танкист, женщина, — говорил голос.

— Так документов же при ней нет? — сердился Громов. — Откуда знать, что это Самусенко?

— Много здесь советских женщин-танкистов? — резонно вопрошал голос.

Громов страшно выругался. Потом, поуспокоившись, спросил:

— В городе есть немцы?

— Остались эсэсовские недобитки.

— По коням, — сказал Громов. — Садись, Гришка, на мою броню. Тебе не впервой. Может, наврали чего, и жива Самусенко? Только под огонь не кидайся. Мне все равно за тебя голову оторвут.

Вайсберг умел стрелять из автомата и несколько раз за свою корреспондентскую жизнь побывал под огнем.

Когда танк Громова прибыл в Лобез, немцы уже выходили рядами и колоннами с поднятыми руками. Несколько человек остались лежать на обочине дороги и на главной площади города догорал немецкий танк.

На подступах к городу стоял сгоревший советский броневик, а рядом лежали двое убитых советских офицеров.

— Вот и познакомились, — пробормотал Григорий.

* * *

Молодая женщина 1922 года рождения, с двенадцати лет — воспитанница РККА, член ВКП(б) с 1943 года — с Курска; танкист, гвардии капитан, офицер связи, награжденная орденом Красной Звезды и Отечественной Войны первой степени, погибшая 3 марта 1945 года в Померании, — кем она была, кем могла бы стать, — все это навсегда останется тайной.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество — САМУСЕНКО Александра Григорьевна
2. Звание — Гвардии старший лейтенант
3. Должность, часть — офицер связи 97 Танковой бригады.

Представляется к награде: орденом "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ".

4. Год рождения — 1922
5. Национальность — татарка
6. Партийность — канд. ВКП /с
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) — отечественная война: война с белофиннами 1939г. 10.41г. Брянский фронт, 7.41г. Зап. фронт, 1.43г. Воронежский фронт.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне — одно тяжелое и два легких.
9. С какого времени в Красной Армии — 1935
10. Каким РВК призван — ЧИТИНСКИМ РВК.

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) — "Отечественная война 1-й Степени"
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Во время боев бригады с 19 по 28.7.43г. постоянно находилась с боевыми порядками бригады, своевременно обеспечивала связь и информацию о положении частей и подразделений бригады, действующих в бою. Под непосредственным огнем противника и бомбежкой с воздуха вражескими самолетами, поставляла частям указания дальнейшего развития успеха в бою.

За проявленную смелость и решительность в бою награжден гвардии старшего лейтенанта САМУСЕНКО орденом "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ".

Командир части 97 танковой бригады
ГВАРДИЙ ПОЛКОВНИК

"27" июля 1943г.

/ПОТАПОВ/

ДЛЯ ПОДШИВКИ

Наградной лист

убит

Фамилия, имя и отчество - САМУСЕНКО Александра Григорьевна.
Звание - Гвардии капитан.
Должность, часть - Офицер связи штаба 1 Гвардейской Танковой Чертковской Ордена Ленина Краснознаменной Ордена Суворова Ордена Богдана Хмельницкого Бригады.

Представляется к ордену Отечественной войны первой степени.
П о с м е р т н о.

1. Год рождения - 1923.
2. Национальность - Татарка.
3. Партийность - кандидат ВКП/б/ с 1943 года.
4. Участие в Отечественной войне - с 23-го июня 1941 года.
5. Ранения и контузии - Ранена тяжело в сентябре 1943 года, ранена легко в августе 1941 года, ранена легко в октябре 1941 года, умерла от ран 3-го марта 1945 года.
6. С какого времени в Красной Армии - с 1934 года по 1938 год воспитанница в частях Красной Армии. С 1938 года в кадрах Красной Армии.
7. Каким РВК призвана - взята воспитанницей в 1934 году.
8. Чем ранее награждена - орденом Отечественной войны первой степени и орденом Красная звезда в 1943 году.
9. Постоянный домашний адрес -

краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

На фронте Отечественной войны с 23-го июня 1941 года. Работая офицером связи штаба бригады гвардии капитан Самусенко в наступательных боях с 15 января 1945 года, в момент самых напряженных боев, выполняя самые ответственные боевые задания командования по управлению боем подразделений бригады, всегда своевременно, четко и правильно докладывала командованию обстановку на поле боя, что помогало принимать своевременные и правильные решения, в результате чего бригада за короткий промежуток времени прошла с боями свыше 700 километров, вышла к реке Одер, нанеся противнику большой урон в живой силе и технике. Все время наступательных боев, гвардии капитан Самусенко, и всегда находясь в боевых порядках наступающих подразделений бригады и приданных частей, своевременно и четко дублировала приказы командования, проявляя при этом собственную инициативу, что способствовало успешному выполнению боевой задачи. За образцовое выполнение заданий командования, за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецкими захватчиками, гвардии капитан Самусенко достойна правительственной награды - ордена Отечественной войны первой степени. П о с м е р т н о.

Пач. штаба 1 Гвардейской Танковой Чертковской
Ордена Ленина Краснознаменной Ордена Суворова
Ордена Богдана Хмельницкого Бригады
Гвардии полковник /Матиркин/

"13" марта 1945 года.

56. Воинственный славянин

19 июля 1935 года, полигон в Миловицах, Чехословакия

Испытания подходили к концу.

Впрочем, решение о том, какой из двух представленных танков будет принят на вооружение чехословацкой армии, уже сформулировано.

Моторы еще ревели, пыль вздымалась над полигоном, а военные уже отправили на фирму Skoda заказ на сто шестьдесят машин.

Последствия оказались неожиданными.

25 июля 1935 года, Прага

В военном министерстве разгорался скандал.

— Нам известно, что результаты испытаний на полигоне Миловицы были подтасованы,
— заявил во всеуслышание представитель фирмы CKD — главного конкурента Skoda.

— Откуда сведения?

В министерстве даже не слишком активно отрицали данный факт. Подтасованы были результаты, получил ли кто-то некую сумму ради того, чтобы заказ передали Skoda, другие причины, — это сейчас не имело значения.

Следовало замять неприятную историю, вот и все. Лишние разговоры никому не нужны. А уж кто боялся подмочить свою репутацию больше, чем любая кисейная барышня, — так

это военные.

— Из любой ситуации можно найти выход, — подал жирный намек министр обороны Чехословакии Ян Сыровы.

Никто и не собирался отстаивать правду в голом, так сказать, и неприкрытом ее виде. В таком виде правда никому и не была нужна. Требовалось иное: хороший производственный заказ.

— Мы сочтем дело улаженным и справедливо решенным, если заказ на танки будет поделен между двумя нашими фирмами поровну, — выдвинули требование представители CKD.

— А что говорят на Skoda?

К удивлению военных, концерн Skoda выразил полное согласие с данным решением — достойным аналогом соломонова суда.

Восемьдесят танков — заводам Skoda и восемьдесят — CKD. Разве это не прекрасно?

...Еще прекраснее было то, что оба концерна сговорились об этом ходе заранее.

Они понимали, что из двух моделей танков будет избран одна. Мир войны велик — места хватит для всех...

30 июня 1936 года, полигон Миловицы

Капитан Петр Здражилов рапортовал об окончании тридцатидневных испытаний, которым подверглись первые пять серийных танков, названных LT vz.35 — «легкие танки образца 1935 года».

Это был трудный месяц для танкистов Здражилова. Машина постоянно преподносила неприятные сюрпризы, и первым из них оказалась скорость: вместо заявленных тридцати четырех километров в час «кавалерийский» или даже «крейсерский» танк давал всего лишь семнадцать.

— Придирайтесь! — требовал Здражилов от своих людей, и они придирались решительно

ко всему. Список претензий к фирме-разработчику был длиннее руки капитана.

Новый танк — будущая краса и гордость чехословацкой армии — предназначался для действий в составе кавалерийских частей и совместно с пехотой.

Четырехцилиндровый четырехтактный карбюраторный двигатель жидкостного охлаждения Skoda мощностью сто двадцать лошадиных сил располагался на корме.

Что танкистам нравилось — что было отмечено и в рапорте, — так толщина брони: лобовые листы достигали двадцати пяти миллиметров, и это обеспечивало защиту от бронебойных снарядов пушки «Эрликон».

Механик-водитель располагался справа в передней части корпуса. Перед ним в лобовом листе подбашенной коробки имелось смотровое окно. Снаружи оно закрывалось броневой крышкой.

Лючок для наблюдения был и у стрелка-радиста.

Шаровая установка курсового пулемета монтировалась в центре лобового листа. Телескопический прицел встраивался в прибор наблюдения механика-водителя.

Командирская башенка размещалась на крыше башни, и там предусматривались четыре смотровых прибора-эпископа. Наличивался и монокулярный перископический прибор. Командные сигналы подавались флажками или лампами.

Что вызывало у танкистов нежнейшие чувства — так это вооружение.

— Что ни говорите, панове, а нет ничего приятнее, чем водить танк, который по мощи вооружения превосходит почти всех своих собратьев в других странах, — этими словами капитан Здражилов выразил общее мнение.

Главным орудием этого танка стала тридцатисемимиллиметровая пушка vz.34UV, которая представляла собой... противотанковую пушку, переделанную для установки на танк.

Пулеметов было два: в шаровой установке на лобовом листе корпуса и в башне справа от пушки, оба калибром 7,92 миллиметров.

16 января 1937 года, полигон в Миловицах

Капитан Здражилов прочитал приказ и задумался.

В принципе, он одобрял требования министерства. Пока танк LT vz.38 — прекрасная мечта грядущего, которая, как предполагается, составит основу чехословацких танковых войск, — пребывает в стадии вечной разработки, следует выжать из имеющейся модели как можно больше.

В конце концов, LT vz.35 — хорошая сильная машина. Особенно если довести ее до «окончательного ума».

Чем и предстоит сейчас заняться: несколько серийных машин должны совершить пробег в четыре тысячи километров.

Вот и посмотрим, хороша ли ходовая часть национального танка.

Применительно к одному борту она состояла из восьми сдвоенных обрезиненных опорных катков, заблокированных попарно в две балансирные тележки.

Между передней тележкой и направляющим колесом устанавливался один сдвоенный каток — это облегчало танку преодоление вертикальных препятствий.

В каждой гусенице — сто одиннадцать траков.

И всем этим тракам предстоит «поцеловаться» с длинными дорогами Чехословакии — одной из наследниц огромной Австро-Венгрии.

Если в танке LT vz.35 остались еще какие-либо недостатки — конструктивные или производственные — они будут выявлены в ходе этих пробегов.

— По коням! — хотелось крикнуть капитану.

Но времена кавалеристов отходили в романтическое прошлое — туда же, где ныне покоилась прекрасная, в золотых шнурах, шубертовских вальсах и прочих излишествах роскошная, но донельзя архаичная Австро-Венгрия.

1 сентября 1938 года, полигон в Кубинке, Подмосковье

— Вы так уверены в своей ходовой части? — генеральный испытатель боевых машин Евгений Анатольевич Кульчицкий хитро прищурился, рассматривая представителя чехословацкой армии.

Майор Петр Петров сохранял бесстрастное выражение лица.

— Мы дважды испытывали эти танки на дальних дистанциях, — ответил он. — Один раз — четыре тысячи километров, другой — семь тысяч. Если и имелись недостатки, их давно устранили.

— То есть, ваш танк идеален? — наседал Кульчицкий.

— Да, — сказал Петров. Очень спокойно.

— В таком случае предлагаю пари. Вы утверждаете, что сход гусеницы с катков невозможен ни при каких обстоятельствах. Я утверждаю, что сделаю это. Спорим на шампанское.

— Согласен.

— На ванну шампанского?

— Согласен.

— В Советском Союзе очень большие ванны, господин Петров.

— Не имеет значения, — сказал майор Петров. — Я согласен.

Кульчицкий провел целый день, выписывая на танке самые удивительные кульбиты. Когда уже солнце спускалось к горизонту, ему с огромным трудом удалось потерять гусеницу, спускаясь с косогора.

— Про ванну — это было серьезно? — осведомился Петров.

— Нет, — сказал Кульчицкий, смеясь. — Думаю, обойдемся распитием из бокалов.

...Когда делегация Чехословакии отбыла, Кульчицкий долго сердился:

— Зачем они приезжали? Шампанским нас угостить?

— Евгений Анатольевич, не кипятись, — пытался успокоить его конструктор Шашмурин.
— Ну, передумали люди...

Чехословацкая сторона действительно передумала продавать Советскому Союзу танки. А вдруг они скопируют LT vz.35? И начнут производство самого лучшего в мире танка без лицензии? Этим красным закон не писан... Нет уж. Лучше перестраховаться.

Так и не продали Советам свой замечательный танк!

12 сентября 1938 года, город Хеб, Чехословакия

Факелы осветили черную ночь.

Десятки людей шли на площадь, чеканя шаг.

— Мы не можем дольше терпеть угнетения судетских немцев! — звучал голос оратора,

организатора «Отечественного фронта» — Конрада Генляйна. Он говорил, естественно, по-немецки. — Мы имеем право присоединиться к нашим братьям в Третьем рейхе! Мы и наша земля!

Громкие крики катились сквозь ночь, волновалось море факелов.

— Мы помним, как 21 мая в этом самом городе при столкновении с полицией погибли два судетских немца. За что чехи убили наших братьев? А теперь они объявили мобилизацию, ввели в Судетскую область войска. Но нас поддерживает Третий рейх и великий фюрер! И мы не дадим себя в обиду!

2 октября 1938 года, Чешске Крумлов

Маленький средневековый городок был охвачен небывалым волнением.

Повсюду готовились к уличным боям, воздвигались баррикады.

Граждане поспешно вооружались, кто чем мог. В оружии, впрочем, недостатка не было — Великая война оставила после себя немалое наследство.

«Отечественный фронт» — нацистская организация судетских немцев — собиралась принять бой. Неравный бой с регулярной армией.

— Они не станут стесняться, — делились впечатлениями жители. — Они используют и артиллерию, и танки. Так было в Хебе, в Стршibre, в Марианске-Лазне.

— Не отступать! Не поддаваться! — Повсюду нацисты пытались вселять бодрость в повстанцев.

...Танки пришли. Сокрушая баррикады, стреляя по окнам, по стенам, они штурмовали тесные улицы старинного города.

Боевики бросали в них бутылки с зажигательной смесью, пытались попасть в смотровые люки, целясь из пистолетов.

Пехота бежала перед танками, которые поддерживали ее непрерывным пулеметным огнем.

Вот на вершине последней баррикады еще высится фигура в черном, со свастикой на рукаве... LT vz.35 выполз из пролома и

остановился. Мгновение жерло пушки смотрело прямо на человека. Затем опустилось. Повисла долгая, мучительная пауза.

Грянул выстрел, и все заволокло дымом, пылью, обломками.

Баррикада исчезла, исчез и человек. Крумлов был покорен, подмят под гусеницы.

Майор Здражилов связался со штабом армии, чтобы доложить о победе.

— Отходите в Миловицы, — прозвучал приказ.

— Мы победили! — Здражилов все еще был в возбуждении от уличного боя.

— Все это уже не имеет значения. Тридцатого сентября был подписан договор, — услышал майор. — Судеты отходят к Германии. А вы, майор, сейчас же выводите свои части в Миловицы. На этом все.

15 марта 1939 года, Миловицы

Раннее утро было разорвано ревом моторов.

На полигон Миловицы въехало несколько грузовиков, и оттуда тотчас же соскочили немецкие солдаты.

Быстро, дисциплинированно, деловито взялись они за работу.

Германский командир объявил Здражилову:

— Все наличные танки LT vz.35 конфискованы правительством Рейха. Мы должны осмотреть их, испытать, написать отчет и рапорт и отправить в Германию.

— Ну еще бы, — буркнул Здражилов по-чешски. — Ведь таких танков, как наш, у Германии нет. Ваши-то послабее будут, а Pz.III хоть и сравнится по защищенности, вооружен все равно хуже.

— Что вы сказали? — поднял бровь германский офицер.

— Ничего, — ответил чех. — Теперь уже ничего. Что говорить-то!..

1 января 1940 года, расположение Одиннадцатого танкового полка, Падерборн, Германия

Новые танки наконец были получены. Их называли Pz.Kpfw.35(t). Последняя буква — которая в скобках — означала «чешский». Эти славянские названия, *meine Herrschaften*, — они ужасно трудны для германского написания!

— Танк этот, конечно, построен славянами, — высказывал свое мнение о новом приобретении командир полка, — но после надлежащей доводки машины германскими инженерами и рабочими, он прекрасно послужит Третьему рейху!

Список пожеланий был составлен, и переоборудование чехословацкого танка LT vz.35 началось: он получил радиостанцию, пятого члена экипажа — заряжающего, новое магнето — германского производства «Бош», установили светомаскировочную фару, принятые в Вермахте габаритные и конвойные фонари; разместили канистры с топливом в кормовой части танка.

«Славянский» танк послужил Вермахту: в Польше, во Франции... Послужил и в России, где подмосковные и ленинградские снега приняли его в свои гостеприимные объятия.

57. Пятибашенный красавец

28 октября 1933 года, Харьков

В помещении партийного комитета Харьковского паровозостроительного завода им. Коминтерна было накурено, хотя находились там всего три человека: приезжий из Москвы, секретарь парторганизации и секретарь комсомольской ячейки завода.

Портреты Ленина и Сталина благосклонно взирали на собеседников со стены.

Московский гость — корреспондент газеты «Правда» Михаил Кольцов — делал пометки в растрепанном блокноте. Он писал по корреспондентской привычке карандашом — авторучка может предать, карандаш — в худшем случае сломается, но его нетрудно очинить снова.

— В этом году впервые на Первомайском параде в Москве и Киеве прошли новые советские сверхтяжелые пятибашенные танки, — начал Кольцов. — И сейчас, когда три дня назад вышло постановление правительства СССР...

— Да, — кивнул секретарь парторганизации, — нашему заводу поручено приступить к серийному производству этих танков. Уже к 1 января 1934 года нам предстоит изготовить шесть таких танков.

— Расскажите подробнее об этом танке, — попросил корреспондент. — В зарубежной печати ходят слухи, что «Советы», мол, скопировали его у англичан.

— В какой еще зарубежной печати? — нахмурился комсомольский вожак.

— В буржуазной, — сказал Кольцов. — Которую нам приходится регулярно читать, чтобы быть наготове и вовремя давать отпор недругам Республики. Там утверждают, что Советы создали свой сверхтяжелый танк под влиянием британского Independent, — он

уверенно произнес английское название, — что является, несомненно, клеветой. Комиссия товарища Гинзбурга, которая находилась в Англии с заданием изучить их военную технику и совершить закупки, этой машиной вообще не интересовалась.

— Советские инженеры в состоянии самостоятельно разработать подобный проект, — согласился секретарь парторганизации. — Мы тесно работаем с Опытно-конструкторским машиностроительным отделом товарища Барыкова, который, собственно, и создавал «наш» танк.

— Ситуация, как представляется, такова, — снова заговорил Кольцов. — С одной стороны, армии необходимы легкие, мобильные танки. С другой — нельзя упускать из виду и тяжелые, многобашенные. У них другие возможности и другие задачи. В первую очередь «сухопутный дредноут» — это танк резерва Главного командования, предназначенный для прорыва особо сильных и заблаговременных укреплённых оборонительных полос.

— Грамотно излагаете, — кивнул секретарь.

— При подготовке статьи я уже имел беседу с товарищем Барыковым и с непосредственным разработчиком товарищем Цейцем, — объяснил журналист. — Но мне интересно также мнение производителей.

— Вам, конечно, уже известно, что масса танка составляет сорок две тонны, — заговорил комсомольский секретарь. — Толщина брони от тридцати до сорока миллиметров. Двигатель мощностью в пятьсот лошадиных сил позволяет танку развивать скорость — в идеале — до двадцати восьми километров в час. Опорные катки сгруппированы попарно в три тележки на борт, — он сделал жест, как бы показывая — как выглядят опорные катки.

— Андрей, товарищ корреспондент все это знает, — остановил комсомольца старший товарищ. — Он интересуется производственными аспектами.

— Я знаю, что опытный танк дорабатывали, поскольку были обнаружены недостатки в силовой установке, а конструкция трансмиссии и пневматических приводов управления оказалась слишком сложной для массового производства, — Кольцов полистал истрепанный блокнот и подчеркнул карандашом какой-то абзац. — Кроме того, была произведена унификация ряда деталей со средним танком Т-28.

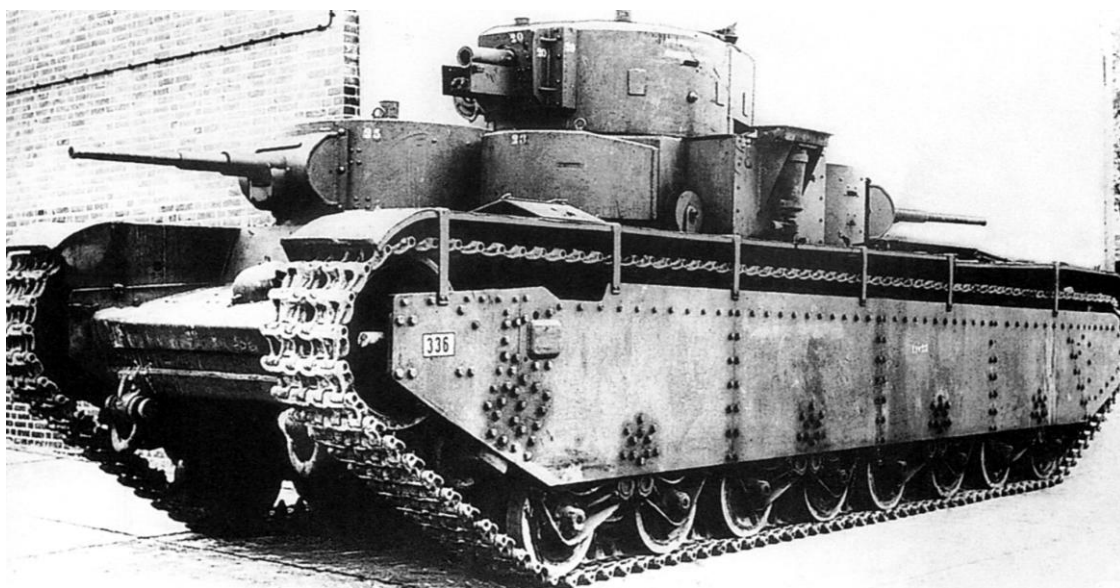
— На нашем заводе для серийного производства принята вторая модификация танка Т-35, — сказал партийный секретарь. — Т-35А. Ходовая часть удлинена на одну тележку, малые пулеметные башни имеют несколько другую конструкцию, средние башни с сорокапятимиллиметровыми пушками увеличены. Форма корпуса также немного другая. Именно эта машина была утверждена для серийного производства. Которым, в общем, мы здесь и занимаемся.

— А это правда, что один танк Т-35 обходится в 525 тысяч рублей и что на эту же сумму можно построить девять легких танков БТ-5? — спросил Кольцов.

— Вы в школе хорошо учились? Вот вы и подсчитывайте, — улыбнулся партийный секретарь. — Так, товарищ, а теперь — что конкретно вы напишете в газету?

— Расскажу о гигантах, которые защитят нашу страну от любого врага, — ответил Кольцов, закрывая блокнот. — Я принесу вам статью на согласование, товарищ.

Разумеется, любые сведения, которые могут помочь врагу в сборе данных о нашей стране, будут отсюда удалены. Но пусть знают: многобашенные тяжелые танки встанут на пути любого, кто посягнет на нашу Советскую Родину.

12 декабря 1935 года, Харьков

Танкисты выстроились, чтобы выслушать приказ.

— Товарищи! — медленно, упирая на каждое слово, говорил командир пятого тяжелого танкового полка Резерва Главного Командования. — Наш полк развернут в пятую отдельную тяжелую танковую бригаду. Организационно она состоит теперь из трех линейных танковых батальонов, одного учебного батальона, а также батальона боевого обеспечения.

Он помолчал, затем чуть отошел в сторону и уступил место человеку в кожаной куртке полувоенного образца.

— Товарищи, я Ходырев, инженер Харьковского паровозостроительного завода. Мы с моими товарищами строили этот танк. Я буду возглавлять специальных курсы, где вы научитесь работе на сверхтяжелом сухопутном дредноуте, освоите стрельбы, вождение...

Танк впечатлял даже выдавших виды танкистов. Когда они «встретились» со своей машиной впервые, то не могли сдержать изумления: зримое воплощение военной мощи надвигалось на них, грозя пушками, сверкая броней.

Занятия начались, как и положено, с теоретического ознакомления по наглядным пособиям. Внизу каждого стоял приложенный наискось фиолетовый штамп «СЕКРЕТНО».

— Как видите, — показывал указкой товарищ Ходырев своим «студентам», — корпус танка имеет четыре внутренние перегородки. Таким образом, танк разделен на пять отделений. Отделение передних башен с постом управления механика водителя — раз. Отделение главной башни — два. Далее — отделение задних башен, моторное и трансмиссионное отделения.

Указка переместилась наверх изображения.

— На крыше отделения передних башен установлены малая и средняя башни. В первой размещается пулеметчик, во второй — наводчик и заряжающий.

Легкий стук указки по картону.

— Перед малой башней внутри корпуса находится рабочее место механика-водителя. Для посадки предусмотрен в крыше двустворчатый люк — вот здесь.

Ходырев выдвинул следующий картон, где место механика-водителя было изображено подробнее.

— Два рычага управления бортовыми фрикционами и тормозами установлены по бокам сиденья водителя. С правой стороны расположен кулисный механизм коробки передач. Здесь мы видим три педали: главного фрикциона, акселератора и запасную педаль — для механического стартера, на случай, если он будет установлен взамен электростартера. Для наблюдения слева от водителя в бортовом листе предусмотрена щель, а впереди, в лобовом наклонном листе — люк со смотровым прибором.

Новый лист.

— Главная башня, товарищи. В отделении главной башни — рабочие места трех членов экипажа: командира, наводчика, радиста и моториста. Под верхним настилом пола корпуса и на его бортах размещены укладки снарядов и пулеметных дисков, а также инструменты, запасные части, запасной пулемет, приборы дымопуска.

— Насчет рации, — подал голос один из слушателей, радист. — Подробно можно?

— О рации будет отдельный курс, — кивнул инженер, — но уже сейчас могу сказать коротко: это наверняка хорошо знакомая вам рация 71-ТК-1.

Многие закивали, когда он это произнес. Ходырев чуть улыбнулся:

— Следовательно, вам известно, что она обеспечивает дальность связи телефоном на ходу до пятнадцати километров, на стоянке — до тридцати километров, а весит восемьдесят килограммов.

— Для такого танка это пушинка, — заметил слушатель, и многие рассмеялись.

Когда веселье улеглось, инженер продолжил:

— Возвращаемся к главной башне. По конструкции она идентична главной башне танка Т-28. В крыше башни два люка и три круглых отверстия для перископических приборов. В задней стенке кормовой ниши прорезана вертикальная щель, закрытая заслонкой — для установки кормового пулемета.

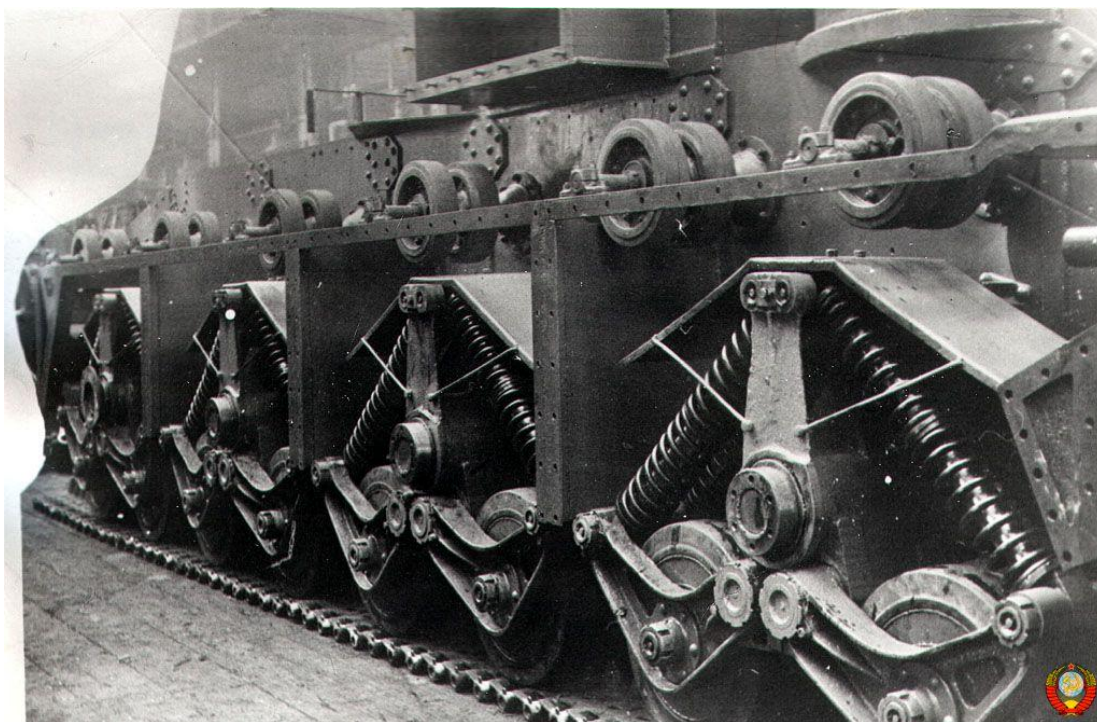
Несколько человек записывали в выданные тетради, не подлежащие выносу из кабинета, но большинство просто смотрели. Знали: все познается на практике.

Ходырев дал время на усвоение, затем перешел к следующему разделу:

— Средние башни по конструкции такие же, как у БТ-5. В крыше — люк, круглое отверстие для перископического прицела, в правой стенке предусмотрено отверстие для стрельбы из личного оружия, выше — смотровая щель. В лобовом листе амбразура для спаренной установки пушки и пулемета.

Сиденья для двух членов экипажа — наводчика и заряжающего — подвесные. Башня оборудована ручным поворотным механизмом.

Малые башни конструктивно идентичны малым башням танка Т-28... — продолжал инженер, разворачивая все новые плакаты. Он видел, что слушатели его — люди опытные, уже освоившие другие модели танков, поэтому схватывают на лету. — Тяжелый танк, товарищи, — это как целая танковая рота, если хотите, только на двух гусеницах. Непривычно такое слышать? А ведь, если разобраться, так оно и есть. Средний танк — это взвод, а тяжелый — рота. И командир у легкого танка потому и называется — помкомвзвод, у среднего — комвзвод, а у тяжелого — комроты.

22 июня 1941 года, район дислоцирования 34-й танковой дивизии, юго-западнее г. Львов

— Тревога!

В полночь, в первые минуты 22 июня, прозвучал резкий сигнал. Люди вскакивали с коек, быстро одевались, в темноте бежали к машинам.

Танки заправили и вывели на полигон, где началась загрузка боекомплекта.

Дивизия выступила на рассвете и двинулась на запад.

24 июня 1941 года, район Садовой Вишни

Замкомполка майор Шорин был красен от гнева.

Огромные танки, гроза и мощь Красной Армии, ломались, застревали, отказывали один за другим.

Они не успевали за быстроходными, более легкими «собратьями».

Один завяз в болоте, и мощи двигателя не хватило на то, чтобы освободить гиганта.

Второй с поломанным коленвалом оказался бесполезным. Два дня провозились танкисты, снимая с него вооружение и оптику и, чуть не плача, оставили пустую «коробку».

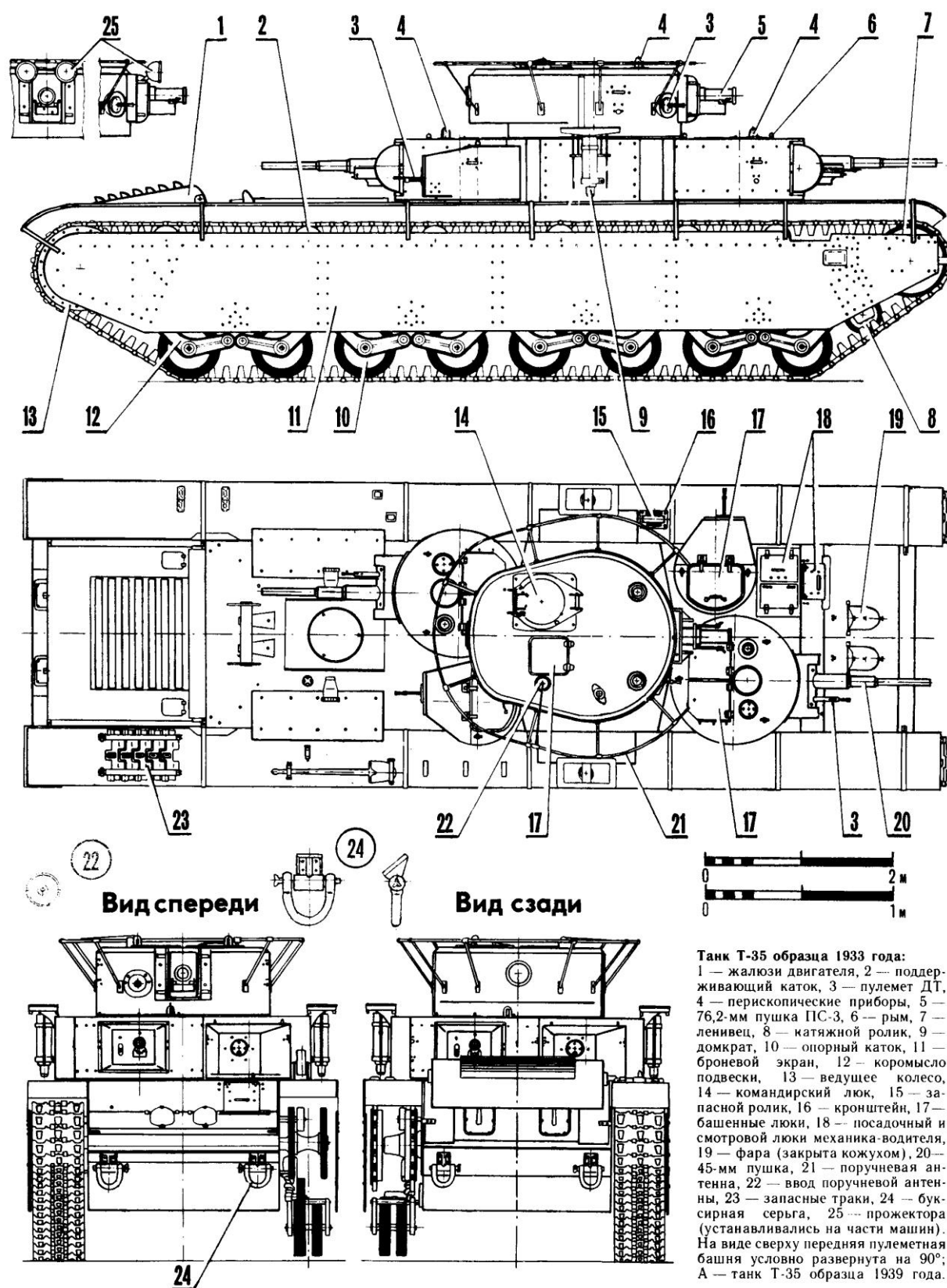
Третий — со сломанной коробкой перемены передач...

— Взорвать! — приказал Шорин. — Врагу не оставим ничего! Приказ пришел — отставших не ждать! А то мечемся тут, никуда не успеваем.

— На чем боеприпасы везти? — спросил командир второго танка, старший лейтенант Абрамцев.

— Закопаем к чертовой матери, на горбу не дотянем, — ответил Шорин. — Тягачей тоже нет.

Остальные танки двинулись вперед, но потери продолжались.

29 июня 1941 года, район Львова

— По одному на мост, по одному, и не быстрее пятнадцати километров в час! — передавал по радиации майор Шорин.

Немцы били по мосту.

Танк Т-35 пошел, как было приказано, — медленно.

Шорин шурился в бинокль до слез в глазах. Знал, что «запоеет» ему «главный танкист» Дмитрий Павлов, если еще несколько грозных Т-35 будут потеряны.

Не знал только, что «главного танкиста» Павлова менее через месяц расстреляют: широкомасштабная война с немцами, вторгшимися сразу по всему фронту, — это не партизанщина в Испании. Павлов не совладал со своими танками — и поплатился.

— Бьют-то как, сволочи, — бормотал Шорин. — Огнем, огнем их, поддерживайте же, где артиллерия?..

Следующий выстрел попал в Т-35.

Танк рухнул с моста.

Еще одна потеря. Экипаж — десять человек и сорок две тонны брони.

30 июня 1941 года, район Равы-Русской

Все Т-35 потеряны. Закопаны, взорваны, подбиты, затоплены, застряли, пропали без вести. Все до единого...

18 августа 1941 года, район Львова

Унтер-офицер Хайнц Лемке ругался на чем свет стоит.

Захватили какого-то русского монстра о пяти головах, отремонтировали и собираются отправить в Фатерлянд. Как бы в подарок фюреру. Трофей, Donnerwetter!

А «трофей» этот — ползучий кошмар. Управление — сложнейшее, переключение рычагов и педалей тяжелое, руки-ноги отрывает.

Да еще с железной дорогой проблемы: не списывается русский танк в европейский железнодорожный габарит. Как тащить его? Как на платформу грузить?

А доставить необходимо, таков приказ... На полигоне в Куммерсдорфе уже ждут, готовы к испытаниям. Необходимо же понять, каким оружием намерен сражаться противник.

30 апреля 1945 года, на подступах к Берлину

Бронированная огневая точка немцев упорно вела огонь по наступающим советским частям.

Стреляли сразу из пушек и пулеметов.

— Хорошо как закопались, гляди ты, — с оттенком иронического восхищения произнес гвардии младший лейтенант Карасев. — Сколько там у них башен, пять, что ли? Вишь, какую кракозябру приспособили! А давайте, ребята, рванем по ним фауст-патроном! Григорий, трофейные еще остались?

— А то, товарищ гвардии младший лейтенант! — с готовностью произнес сержант Григорий Григорьев.

...И подбили трофейный советский танк Т-35, захваченный немцами в сорок первом, трофейным немецким фауст-патроном, который русские захватили в сорок пятом.

Реванш состоялся.

58. Гибель гигантов

17 декабря 1916 года, Париж

— Мы никогда не разобьем тевтонов, если не предпримем соответствующие меры!

В Генеральном штабе французской армии уже второй час шло обсуждение новой военной машины, которая должна будет переломить ход войны.

Танки поддержки — «Сен-Шамон», «Шнейдер» — вызвали разочарование на фронте.

— Да что они могут? — Бывший командующий французской армией, а ныне военный советник правительства Франции маршал Жоффри не скрывал своих чувств. Тевтон должен быть разбит, уничтожен, изгнан с Французской земли! — Нам нужен боевой трактор, способный смести любую преграду, любые укрепления противника. Иначе мы так и будем топтаться на месте.

— Похоже, господа, — подытожил начальник штаба, — у нас остается только один путь: искать помощи у британцев. Думаю, они согласятся поделиться с нами своими тяжелыми танками Mk.V. Нам нужно хотя бы семьдесят машин.

— А что мы можем предложить им взамен? — Начальник штаба выглядел озабоченным. Ему постоянно казалось, что сейчас речь пойдет о финансировании, и посыплются крайне неприятные вопросы.

— Попробуем обменять на аналогичное количество наших танков «Рено». Британцы, конечно, известны своей скупостью...

— Итак, господа, — Жоффри тяжело оперся о стол и подался вперед, — предлагаю в данном вопросе такое предварительное решение: с одной стороны, начать переговоры с англичанами об обмене, с другой — приступить к разработке собственного тяжелого

танка.

1 февраля 1919 года, город Ла Сейн, недалеко от Тулона, завод фирмы FCM

Скоро начнется грандиозное наступление на Западном фронте. Танки прорыва необходимы как можно скорее — и в больших количествах.

На заводе работали в три смены. Первоначальный заказ на семьсот танков сократили — до трехсот машин. Но и это немало.

Каждый танк весил около семидесяти тонн. Самая толстая броня — сорок пять миллиметров — находилась в лобовой части машины. 75-миллиметровая пушка размещалась во вращающейся башне с сектором обстрела в 320 градусов.

Остальные сорок градусов оставались в «глухой зоне»: там находился бронированный кожух, защищающий систему выхлопа.

«Выхлопную трубу» пришлось вынести наверх, поскольку двигатель установили ровнехонько в центре корпуса.

Но что не покроет пушка — дополняют пулеметы: один в башне на корме, один в передней части корпуса, два по бортам, под главной башней.

Конструкторы немало намучились с размерами танка. От разработчиков требовали почти невозможного: с одной стороны, танк должен вписываться в габариты железнодорожных платформ, с другой — преодолевать широкие рвы — до четырех метров...

Кое-что позаимствовали у английских коллег. В частности — ходовую часть: она была многоколесной, гусеницы полностью охватывали корпус.

Двигателей установили два: если один выйдет из строя, другой потянет машину. Правда, в этом случае она вряд ли обгонит пешехода.

Потрясающее зрелище — боевой трактор, покидающий ворота завода!.. Этот — уже десятый.

Каждый получил личное имя — как и положено «сухопутному линкору».

«Пуату», «Прованс», «Пикардия», «Эльзас», «Бретань», «Турень», «Анжу», «Нормандия», «Шампань», «Берри».

Вся Франция выступила против гуннов! Каждая провинция ошетилилась пулеметами! Смысл «послания» должен быть Германии ясен.

14 апреля 1938 года, Москва, академия им. Фрунзе

Товарищ Калиниченко вошел в класс, прихрамывая. С четырнадцатого года в строю, прошедший империалистическую, гражданскую, теперь он передавал опыт новым красным командирам.

— Товарищи, кто такой командир танка? — с этого товарищ Калиниченко всегда начинал свой курс. — Это фактически командир взвода, а если танк большой — то даже роты. Сегодня мы знакомимся с тяжелым танком — созданием военной мысли французских конструкторов.

Мы в нашей академии располагаем точной копией такого танка. Правда, эта модель меньше реальной. Настоящий танк FCM2C — десять метров длиной. Наш покороче... Зато вы сможете ознакомиться со всеми его особенностями.

Я предвижу некоторые ваши вопросы. Например: для чего нам изучать эту заведомо устаревшую технику?

Отвечу. Машины такого типа до сих пор находятся на вооружении. Фактически это — единственный тяжелый танк прорыва Франции. Конечно, теперь, с появлением новой противотанковой артиллерии эта броня уже не выдерживает. С бортов и кормы танк беззащитен. Однако лоб — держит!

При весе в семьдесят и более тонн этот танк жрет, простите за выражение, — слушатели немного расслабились, улыбнулись, — очень много топлива. Почти тринадцать литров на километр пути. По пересеченной местности — и того больше.

Вопросы?

Он метнул в аудиторию быстрый взгляд.

Поднялась одна рука.

— Сколько всего этих танков существует?

— Хороший вопрос, — Калиниченко кивнул. — По нашим данным, около десяти. Что

интересно, именно эта машина вдохновила и других конструкторов на создание подобных же танков. В Англии создал пятибашенный «Индепендент», в Германии — двухбашенные «Гросстракторы», а у нас — Т-35. Именно поэтому мы изучаем FCM. Мы должны знать о машинах возможного противника все.

— Разве Франция наш противник?

— Товарищи. — Калининченко выдержал паузу, желая, чтобы каждое его слово было воспринято как можно более серьезно. — У Советской России много врагов. Противником может стать любая страна, где у власти стоит класс буржуазии.

7 октября 1939 года, Брийи, северо-восточнее Вердена

Полковник Фурне заложил руки за спину.

Хозяйство ему досталось непростое. Десять старых танков времен Первой мировой. Застоялись «лошадки», что и говорить!

Слишком долго использовались они только для маневров — продемонстрировать мощь, которая никого уже не могла устроить.

Когда немцы начали войну, «сухопутные дредноуты» собрали в 51 танковый батальон и перебросили в Брийи.

Фурне поморщился, вспоминая этот переход. Старые моторы задыхались, как будто у них была астма. Два танка вышли из строя — теперь придется их ремонтировать.

Часть исправных машин Фурне отправил на полигон — следует напомнить людям о том, что такое прицельная стрельба. Пока что полковник находил качество стрельбы — что из пушек, что из пулеметов — неудовлетворительным.

— Где эти двигатели, черт бы их побрал? — крикнул полковник, увидев приближающегося адъютанта. — Не говорите мне, что состав задержался!

— Прибыли, — отрапортовал адъютант

— Отрядите второе отделение, пусть помогут с разгрузкой... Где техники? Они уже знают?.

— Так точно, извещены.

Полковник Фурне благоразумно пропустил мимо ушей тот вопиющий факт, что техника «доложили» о прибытии двигателей раньше, чем командиру.

Десяток более мощных двигателей «Майбах» — полученных в качестве репараций от той же Германии еще в девятнадцатом году, — «пылились» на военных складах с той же поры. Теперь они оказались востребованы. Арсенал Пюто выслал их полковнику Фурне, дабы тот переоснастил свои «дредноуты». А то старые «мерседесы» — раньше они использовались на немецких дирижаблях, — уже не тянули.

12 мая 1940 года, Жудревиль

— Наконец-то! — воскликнул полковник Фурне, прочитав приказ погрузить свои восемь боеспособных танков на платформы и выдвигаться к линии фронта.

Он зачитал приказ:

— Господа! Место назначения — станция Ландре. Оттуда мы направляемся в бой.

Началась обычная в таких случаях суeta. Прогревали моторы, проверяли боеприпасы.

С ревом, вздымая пыль и окутывая небо дымом, танки поползли по дороге. Неожиданно один из них странно накренился, развернулся на месте и заглох.

— Не ждать! — рявкнул полковник. — Нет времени!

И словно в ответ на эти слова заглох мотор у второго танка. Из люка высунулся командир, красный от ужаса и смущения молодой капитан Леже.

Он что-то прокричал, делая выразительные жесты: очевидно, объясняя, в чем состоит поломка. Но Фурне не слышал. Только отмахнул ему: потом, мол, догоните, если сумеете.

Шесть уцелевших танков добрались до станции Ландре ближе к ночи.

Полковник Фурне отправился к начальнику станции — разбираться, на какой состав следует грузить танки.

— Да где ж я достану для вас локомотив?! — кричал растерянный, немолодой полный человек, настоящий французский обыватель. Это и был начальник станции.

— Ты понимаешь, ты хоть понимаешь, что мы не на курорт едем? — орал на него полковник Фурне. — Нам нужно на фронт!

Они оба остановились, чтобы перевести дух. Фурне проговорил совсем тихим, умоляющим голосом:

— Нам на фронт... Танки, понимаешь? Танки!

— Я найду... — выдохнул начальник станции.

И действительно каким-то чудом был найден состав. Началась погрузка танков на платформы.

13 мая 1940 года, Менвилль

Полковник Сен-Сернен ехал в автомобиле, сопровождая свой пехотный полк.

Он находился под впечатлением последнего донесения о быстром продвижении немцев.

— Что там? — Полковник коснулся плеча водителя.

Впереди, на обочине дороги, громоздилась железная громадина.

Автомобиль остановился, полковник вышел и приблизился к сломанному гиганту.

— Танк «Турень»! — доложил капитан Леже. — Остановился из-за поломки, но она будет устранена в ближайшее...

— В ближайшее время здесь будут немцы! — заревел полковник Сен-Сернен. — Немедленно взорвать!

15 мая 1940 года, 11 часов, Нофшато

Полковник Фурне прибыл на станцию Нофшато, где его должны были ожидать составы с танками.

Но никаких составов и никаких танков там не оказалось.

Полковник выскочил из штабного вагона. В помещении, где должен был находиться начальник станции, оказалось пусто. Телефон мертво молчал.

Фурне пробежался по платформе. Никого. Он даже заглянул в буфет, но и там не было ни души. Фурне взял с полки бутылку, плеснул в нечистый стакан, глотнул.

Куда все, черт побери, подевались? Он огляделся по сторонам и вдруг заметил невысокого серенького человечка.

— Кто вы? — властно спросил полковник.

— Жан Жанен, — представился тот. — Стрелочник.

— Очень хорошо. Одно должностное лицо все-таки не покинуло пост, — кивнул Фурне.
— Где мои танки?

— По поводу танков ничего сказать не могу, — с достоинством отвечал рабочий, — а вот что знаю: в нескольких километрах от станции немцы бомбили. Так что досюда ваши танки, скорее всего, дойти и не могли.

— Куда их отправили? — спросил полковник.

— Я так прикидываю, по состоянию железнодорожных путей — скорее всего, через Иссюр-Тиль к Дижону.

Полковник Фурне отсалютовал стрелочнику:

— Франция в моем лице благодарит вас, мсье.

Стрелочник чуть поклонился:

— Франция в моем лице принимает вашу благодарность.

15 мая 1940 года, 16 часов, Нофшато

— Капитан Ролле! — Полковник Фурне не мог больше выносить неизвестности. — Возьмите мотоцикл и выясните, что, в конце концов, происходит с танками. Где застрял состав?

Ролле отбыл.

15 мая 1940 года, 22 часа, Нофшато

— Господин полковник, вы меня слышите?

Связь наконец кое-как восстановили. Голос Ролле звучал глухо, пробиваясь сквозь помехи.

Фурне закричал:

— Говорите, капитан! Где мои танки?

— Блокированы в Маасе, в сорока километрах от Нофшато. Здесь на станции скопилось пять составов. Перед нашим состав с топливом, и он горит.

— Где машинисты? Где механики? — надрывался полковник.

— Все сбежали. Танки выведены из строя. Немцы занимают Кулмон-Шалиндри, это в двадцати четырех километрах от Мааса.

— Можно ли выгрузить танки с платформ и прямо сейчас бросить их в бой? — Фурне ждал ответа на этот вопрос с замиранием сердца.

Капитан долго молчал. Обдумывал ситуацию. Взвешивал все возможности. Наконец он с трудом заставил себя произнести:

— Господин полковник... Топлива нет. Немцы уже близко. Даже если мы каким-то чудом разгрузимся...

Он не договорил.

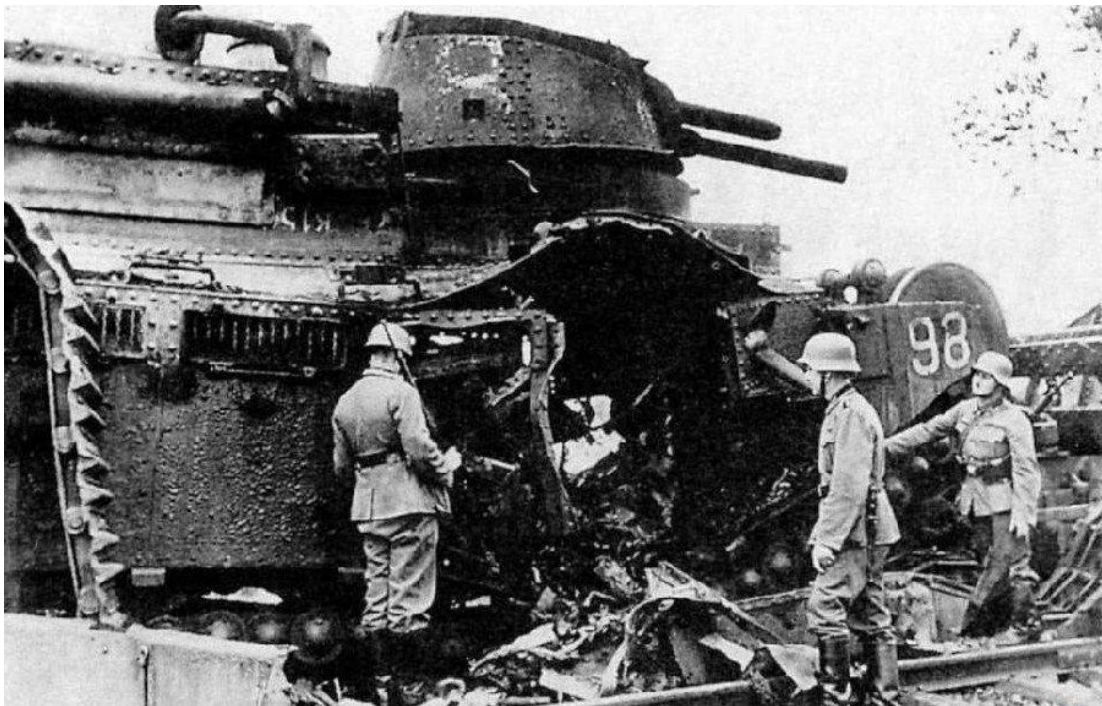
Фурне резко обрубил:

— Уничтожить! Все танки! Личный состав эвакуировать на грузовиках.

— Вас понял, — с тяжелым сердцем повторил капитан.

Связь прервалась.

Фурне отвернулся, коротко, сухо всхлипнул. К счастью, этому не оказалось свидетелей.

16 мая 1940 года, Маас

Капитан Шнитке морщил нос, прикладывая к лицу платок.

— Какое неэстетичное зрелище! — воскликнул он. — Эти горящие, разбитые танки... Великолепные гиганты. Зачем нужно было взрывать их столь бездарно?

— Герр капитан, один танк еще сохранил эстетическую ценность! — сообщил унтер-офицер Химмельсдорф. Этот служака очень, очень хотел выдвинуться и искал каждый удобный случай угодить капитану.

— Покажите, — милостиво кивнул Шнитке.

Действительно, среди взорванных, развороченных танков один оставался

неприкосновенным. На его борту было написано личное имя — «Шампань».

— Эта «Шампань» заставит нас пить шампанское! — пошутил капитан Шнитке, заранее зная, что Химмельсдорф громко, визгливо засмеется.

— Отправить танк в Германию! — распорядился капитан. — Пусть пополнит коллекцию трофейной техники.

...Следы последнего гиганта по имени «Шампань» затерялись в Германии. По некоторым данным, он погиб в Берлине, под бомбами союзников в 1944 году.

59. Стальная борзая

8 февраля 1917 года, Лондон

— К вам полковник Фуллер. — Сержант, доложивший о прибытии полковника военному министру Англии лорду Альфреду Милнеру, отсалютовал и вышел.

Полковник явился с папкой под мышкой.

— Надеюсь, вы пришли с идеей, которая поможет нам выиграть эту войну? — С такими словами встретил министр полковника

— Я тоже на это искренне надеюсь, — отвечал Фуллер. — Собственно, я хотел бы представить на рассмотрение концепцию нового танка.

— Логично. — Министр кивнул. — сражение у Камбрэ сделало очевидным: победить без танков невозможным. Успешное наступление во многом зависит от этих боевых

тракторов. Те, кто до сих пор считает такую машину просто курьезом, бессмысленным измышлением технических умов, — они уже фактически выброшены на задворки истории.

— Прекрасно сказано, сэр! — Фуллер улыбнулся. — Однако вот на что я хотел бы обратить особое внимание. До сих пор мы сосредотачивались на тяжелых танках.

— Да, — нахмурился лорд Альфред, — и убедились в том, что без них за каждый километр нам пришлось бы заплатить десятками тысяч убитых. Не говоря уж о расходах боеприпасов.

— И все же тяжелые танки не отличаются маневренностью, — продолжал Фуллер. — Они могут доехать до вражеских позиций и смять их, но это в лучшем случае. А потом они застревают — и на этом все.

— По-вашему, этого мало?

— По-моему, новое оружие способно на большее! — убежденно ответил Фуллер. — вспомните, какое впечатление производила закованная в доспехи рыцарская конница!

— Я не настолько стар, — тонко улыбнулся Милнер.

Фуллер, к его удивлению, слегка покраснел.

— Я хотел сказать, сэр, что в какой-то мере боевые тракторы должны заменить для нас бронированную рыцарскую конницу. То есть, сочетать в себе всю мощь современного вооружения и брони с подвижностью кавалерии.

— Кавалерийский танк? — министр поднял брови. — Как вы себе это мыслите? Придется отказаться от слишком толстой брони, от тяжелых пушек...

— Зато мы много приобретем в скорости и маневренности.

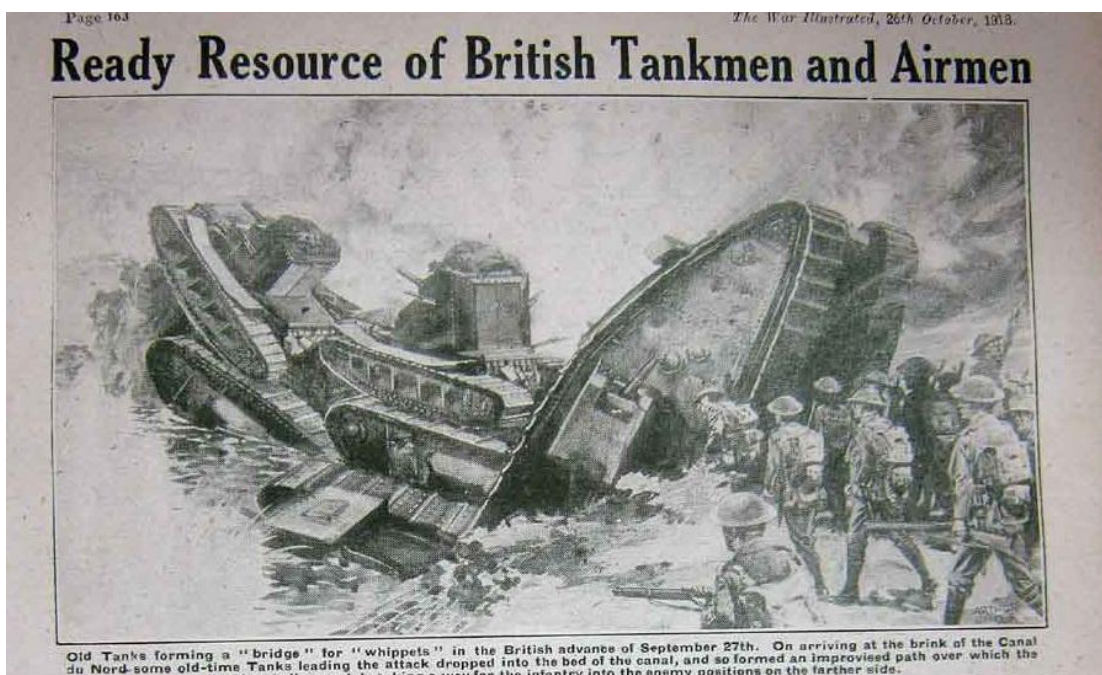
— Гм, — министр задумался. — Полагаю, можно поручить разработку концепции такого танка фирме Фостера. Вы уже с ними разговаривали, не так ли?

Фуллер сделал вид, будто удивлен проницательностью Милнера:

— Откуда вам это известно, сэр?

Лорд Альфред встал:

— Оттуда, сэр, что не следует недооценивать министерство. Мы здесь не только флажки по карте передвигаем. Нам давно известно, что Фостер разрабатывает нечто подобное в ожидании, пока мы одобрим вашу идею.

17 июня 1917 года, Линкольн

Конструктор Уильям Триттон был взволнован.

Он работал на фирме Фостера над новым проектом, начиная с весны шестнадцатого года. Все приходилось создавать заново. Не существовало никаких прототипов, которые можно было бы взять за основу и переделать.

«Средний танк» — так условно именовалось его детище. Фостер, впрочем, в успехе не сомневался, и его уверенность подтвердилась, когда пришел положительный ответ из министерства.

Фуллер, конечно, помог. Этот танковый энтузиаст отлично понимал значение нового оружия.

«Что ж, Уильям, пробил ваш звездный час», — сказал своему конструктору владелец фирмы Фостер, когда в декабре шестнадцатого опытный образец — Mk.A — вышел из ворот завода.

Испытания продолжались всю зиму.

И вот теперь официально пришел правительственный заказ на первую партию в двести машин.

Фуллер присутствовал и был искренне рад происходящему.

— Меня впечатляет скорость, которую развивает ваш танк, — обратился он к Триттону. — Настоящий гончий пес! Предлагаю назвать его «Уиппет» — «Борзая». Это доброе предзнаменование, друг мой, ведь оно означает, что ваш танк будет гнать врагов, точно зайцев, по всему полю боя.

Англичане любили охоту и определенно знали в ней толк...

«Борзая», впрочем, мало походила на подвижную и легкую собаку. Весил танк четырнадцать тонн, в длину достигал шести метров, в ширину — более двух с половиной.

При броне от шести до четырнадцати миллиметров, танк был вооружен тремя или четырьмя пулеметами и мог развивать скорость до четырнадцати километров в час. Если дорога приличная.

Триттон обратил внимание Фуллера на главное отличие «Борзой» от ее предшественников:

— Внимательно посмотрите, как у нас расположены двигатели. На тяжелом танке, к которому мы привыкли, двигатель всего один, а на танке Mk.A — «Уиппет», как вы его назвали, — их два. Это «Тейлоры» мощностью по сорок пять лошадиных сил. Они находятся вот здесь, в передней части корпуса, рядом с топливными баками. Каждый через собственную коробку передач приводит в движение одну гусеницу.

— Гм, — протянул Фуллер, — оригинально. А если один из двигателей выйдет из строя — танк, очевидно, сможет продолжать движение на втором?

Триттон вздохнул:

— Вообще-то нет... Если хотя бы один двигатель сломается, танк остановится. Зато он обладает хорошей маневренностью, как уже говорилось. Кстати, мы решили отказаться от вращающейся башни — это позволит упростить производство.

— Помнится мне, на вашем легком танке — «танке Триттона» — такая башня была, — заметил Фуллер.

— Совершенно верно, — кивнул конструктор и обтер лицо платком. — Однако сейчас мы исходили из необходимости построить средний танк, который сочетал бы в себе достоинства легких и тяжелых.

— Будем надеяться, что вам это удалось, — подытожил Фуллер.

26 марта 1918 года, Колинкам

Майор Грэм прошелся вдоль строя танкистов.

Совсем недавно его часть получила грозное оружие — средние танки «Уиппет». Целых двенадцать.

Экипажи, состоящие из трех человек на танк, сразу же начали осваивать новые машины.

— В управлении сложен, — делились впечатлениями водители. — Пот ручьем льет! Пока сообразишь, что к чему... Да еще усилия прикладывать приходится. А на пересеченной местности еле ползет, вот и наваливайся на рычаги.

— Меня смущает плохой обзор из кормовой рубки, — заявил пулеметчик сержант Трэвис. — Все-таки хочется видеть, куда стреляешь.

Трэвис славился тем, что читал много дешевых книжек из «народной библиотеки» и

поэтому выражался «литературно». Над ним немного посмеивались из-за этого.

— А ты, Трэвис, пали себе наудачу, может, попадешь в кого-нибудь! — смеялись товарищи. — Кругом же будут немцы, так что не промахнешься.

Больше всего командование интересовалось возможностями танка по части преодоления препятствий.

Оказалось, что танк может одолеть стенку в три четверти метра, ров — шириной более двух метров и даже форсировать водный поток, если тот не глубже метра

Но самым удивительным был запас хода — целых сто тридцать километров!

— Мы можем своим ходом не только добраться до неприятеля, но и вернуться из боя в расположение собственных войск! — заявил лейтенант Томпсон вечером в маленькой пивной, расположенной в соседней деревушке.

Томпсон командовал одним из танков «Уиппет». Товарищи-танкисты, к которым он обращался, подняли его на смех.

— Такого не бывает! До передовой доберешься, постреляешь — и дальше на своих двоих обратно!

— А вот посмотрим, — надулся Томпсон. — Это вы на своих двоих побежите, а я вернусь домой лорд лордом — на танке.

Ему не пришлось долго ждать, чтобы доказать свою правоту. Двадцать шестого марта двенадцать танков «Уиппет» отправились на разведку.

Это было первое боевое задание танков такого типа.

Вернулись действительно своим ходом, к ночи.

Томпсон доложил командованию об увиденном — расположение противника (не обнаружен), состояние дорог и укреплений; затем зашел в пивную.

Там уже знали о рейде «Борзых».

— Простая прогулка, — шурился артиллерист лейтенант Каски. — Посмотрим, что с вами будет после боя.

24 апреля 1918 года, Виллер-Бретонни

Сражение становилось жарким.

Более тысячи немцев готовилось штурмовать позиции англичан.

Англичане заметно уступали им в численности. Стреляли скупно, осторожно — отсчитывали боеприпасы.

Внезапно натиск противника ослабел, немцы подались назад, затем побежали. Из леса появились танки — семь машин «Уиппет» на огромной скорости в десять километров в час мчались прямо на врага.

С небольшой высоты, где укрепились немцы, ударили орудия. Танки продолжали движение вперед, поливая врага пулеметным огнем.

Немецкие пехотинцы падали, как подкошенные. Но вот остановился и неловко повернулся на месте один из английских танков. Второй артиллерийский снаряд доверил его гибель, машина загорелась...

Остальные продолжали двигаться вперед. С громким криком англичане устремились вслед за своим боевым трактором...

После битвы подсчитали погибших. Поле боя осталось за англичанами. Более четырехсот немецких солдат были сброшены в оставленный врагом окоп — вместо братской могилы.

Томпсон, с закопченным лицом, мрачный, стоял один посреди открытой местности и страшно ругался.

Его «Уиппет» был подбит и сгорел. Еще три танка погибли в этом сражении. Из семи атаковавших вернулись лишь три.

8 августа 1918 года, Амьен

Лейтенант Арнольд любовно похлопал свой «Уиппет» по броне. Как и многие, он дал

своему танку личное имя — «Музыкальная шкатулка».

«Шкатулка» эта была механической и очень, очень музыкальной. Странно, правда, что немцам не нравилась эта музыка!

Под Амьеном готовилась впечатляющая операция. Арнольд огляделся — почти сто средних танков «Уиппет» готовились выступить. Стальная армада заводила свою «музыку».

— Вперед!

Оставив позади пехоту, сопровождаемые кавалерией, танки «Уиппет» ворвались в тыл противника.

Немцы ответили шквальным артиллерийским огнем. Пехотинцы, и без того отставшие, залегли.

— Вперед, вперед! — хрипло кричал Арнольд, и «Музыкальная шкатулка» буквально скакала по немецким окопам.

Казалось, эта «Борзая» заговорена от снарядов — артиллерия немцев была против нее бессильна. Пулеметы танка Арнольда не умолкали.

— Батарея «бошей» впереди!

— На них, черт побери!

«Уиппет», не обращая внимания на выстрелы, на большой скорости влетел в расположение немецкой артиллерийской батареи и за несколько минут уничтожил ее: живая сила противника полегла под огнем, орудия были раздавлены гусеницами.

Танк спустился с холма, промчался, не снижая скорости, по ложбине и выбрался на дорогу, по которой как раз двигалась большая германская автоколонна.

Немцы не ожидали увидеть так глубоко у себя в тылу английский танк.

Арнольд не стал ждать, пока они оправятся от удивления, и открыл огонь из всех пулеметов.

Очереди косили немецких солдат. Автомобили остановились, налетая друг на друга, некоторые сошли с дороги, другие повернули назад. Очень немногие сделали попытку прорваться и были уничтожены отчаянным английским танком.

— Командир, мы горим, сэр! — доложил сержант Уилли.

Арнольд выругался страшными словами.

Пули противника пробили запасные канистры, укрепленные на крыше танка. Бензин вытек и воспламенился, «Уиппет» загорелся.

— Отходим!

Пылающий танк скатился с дороги и на огромной, почти в пятнадцать километров в час, скорости промчался обратно к позициям англичан.

Остаток пути танкисты проделали «на своих двоих», бросив пылающий танк.

— Какого черта вы закрепили канистры на крыше машины? — ругал вечером майор Грэм героя-танкиста. — Согласно инструкции, их положено крепить сзади!

Арнольд не отвечал, из его глаз лились слезы — он искренне оплакивал свою любимую «Музыкальную шкатулку»...

30 августа 1918 года, военное министерство, Лондон

Лорд Альфред Милнер был задумчив. С одной стороны, отчеты об успешных действиях танков «Уиппет» впечатляли. С другой — превратить этот танк в подобие «рыцарской конницы» не удалось: взаимодействия с кавалерией не получалось.

Наоборот. Скорее, танкисты и кавалеристы мешали друг другу на поле боя. Средневековая аналогия не работала. При наступлении, например, у танков не получалось развить должную скорость — кавалерия их обгоняла. В бою же конница оставалась позади пехоты, а танки вели сражение самостоятельно, на свой страх и риск.

Какой отсюда вывод?

Очевидно, что выйти на оперативный простор без подвижных машин связи и снабжения, без мотопехоты на бронетранспортерах или хотя бы грузовиках, — немыслимо. Как этого

достичь?

Ответ звучал неутешительно: никак. Требуются годы и годы напряженного труда конструкторов вооружения, теоретиков военного искусства, тактиков — и наконец рядовых танкистов.

Но начало положено. Первопроходцам всегда трудно. Тем, кто идет за нами, будет легче, вздохнул военный министр.

10 января 1920 года, Царицын

— А вот танки, взятые у беляков, товарищ Сталин! — докладывали бойцы.

Товарищ Сталин удовлетворенно осматривал трофеи.

Он знал, что в армии у Деникина было несколько английских танков «Тейлор» — англичане называли их как-то иначе, «борзые собаки», что ли, но в России этот танк был известен по наименованию мотора.

Деникинцы дали своим танкам пышные имена — «Тигр», «Сфинкс», «Крокодил», «Сибиряк», «Садко» и даже «Генерал Врангель».

Теперь они принадлежали Красной Армии — армии трудового народа.

Естественно, они получают новые имена. Нельзя же, чтобы в Красной Армии был танк под названием «Генерал Шкуро»!..

— Хорошо, — с сильным акцентом произнес товарищ Сталин. — Теперь эти танки будут на нашей службе.

...Стальная английская «Борзая» оставалась на вооружении советской армии до начала 1930-х годов. Двенадцать машин честно служили, как могли. Потом они были списаны.

60. Пламя в песках

7 января 1941 года, Рим

Бенито Муссолини был разгневан.

— Еще одно такое поражение — и об Африке можно забыть! Это недопустимо. Африка имеет для нас огромное значение в плане коммуникаций. Если англичане потеряют влияние в африканском регионе, у них появятся проблемы при сообщении с Индией, Австралией, Новой Зеландией. И все-таки нам пришлось уйти из Египта, из Киренаики, недавно пали Бардия и Тобрук... Что дальше? Бенгази?.. Каковы причины столь печального положения дел, вы можете ответить?

Недавно назначенный главой штаба граф Уго Кавальери выдерживал гнев вождя с выдержкой истинного аристократа и штабиста.

— Невозможно вести современную войну без современных танков, — ответил Кавальери.
— Предлагаю сосредоточиться на этой проблеме.

— Гм, — Дуче поджал губы. — По-вашему, у Италии есть возможность прямо сейчас развернуть производство современных танков? Пресвятая Дева! Да у нас нет даже пристойного проекта новой машины... — Он махнул рукой и по-прежнему сердито посмотрел на начальника штаба.

Граф Уго Кавальери явно что-то имел на уме. Весьма сдержанно начальник штаба произнес:

— Мы по-прежнему считаем африканский театр военных действий основным. Потерять Африку — проиграть войну. Жаль, что наши германские союзники этого не понимают.

Он помолчал и добавил:

— Точнее, понимают, но не в полной мере.

Присутствовавший при разговоре военный атташе Германии в Италии — генерал фон Ринтелен — едва заметно пожал плечами. В личном разговоре с графом он, почти не церемонясь, намекал на то, что нередко так бывает: слабейший союзник тянет на дно сильнейшего. В роли сильнейшего фон Ринтелен, разумеется, видел Германию, а в роли обузы — Италию.

— Я согласен с господином Кавальери, — высказался наконец фон Ринтелен. — Италия страдает от недостатка бронетанковых вооружений. Германия отправила в Африку экспедиционный корпус под командованием Эрвина Роммеля, но она не в силах вытянуть эту войну одна.

— Помимо стратегического значения, Африка — вопрос престижа, — буркнул дуче. — А англичане выбили нас оттуда, как школьников.

Фон Ринтелен выпрямился и нахмурился. «Пора бы уже привыкнуть к манере итальянцев выражать свои мысли и чувства, — подумал он. — В конце концов, в одном Муссолини прав: они наши союзники».

— Имеется перспективный проект, — неожиданно объявил Кавальери, когда «типично итальянские» страсти немного улеглись. — Предполагается строить не абсолютно новаторский танк, а штурмовое орудие на базе уже имеющегося танка М 13/40. Он прекрасно себя зарекомендовал в Африке, поэтому нетрудно будет воспользоваться уже готовыми наработками для создания нового оружия...

— Проясните, — потребовал дуче. — Насколько я помню, делались какие-то безуспешные попытки улучшить этот средний танк. Против английских он недостаточно мощен.

— Германский опыт, — Кавальери чуть поклонился в сторону фон Ринтелена, — дал нам хорошую подсказку.

— Вы имеете в виду применение германских штурмовых орудий StuG III Ausf B во Франции? — Фон Ринтелен самодовольно улыбнулся. — Да, мы считаем этот опыт весьма удачным. Учитывая, в сколь короткие сроки Франция пала к нашим ногам.

Кавальери проглотил намек. При вторжении немцев во Францию Италия заняла выжидательную позицию. И просчиталась: немцы победили слишком быстро, итальянцы не успели примкнуть к победителю. Точнее успели, но с минимальными выгодами.

— Именно. Штурмовые орудия — вот выход, — сказал Кавальери. — Мы создали аналог на базе упоминавшегося танка. Испытания показали, что вполне можно разместить заказ на фирме «Ансальдо». Выпустим первую партию, а там видно будет.

— Отлично, — подытожил дуче. — Это очень по-итальянски: там видно будет... Готовьте документацию!

18 ноября 1941 года, Киренаика

Роммель готовился перейти в наступление. Он собирал силы. Хвала германским подводным лодкам: стальные акулы гроссадмирала Дёница разогнали британские корабли и позволили наладить морские коммуникации.

В порты Триполитании были уже доставлены одиннадцать батальонов пехоты и более двухсот танков.

Прибыли и новые итальянские самоходки — «Земовенте». Те самые, которых здесь так долго ждали.

Итальянцы называли их Semovente da 75/18 su scafo M40. Цифровой код относился к калибру орудия и происхождению ходовой части.

— Наконец-то! — высказался генерал Балдассари, командир танковой дивизии «Ариете». — Теперь немцы перестанут смотреть на нас свысока. Наша задача — как можно скорее освоить новое оружие и вступить в бой.

Самоходка «Земовенте» пришлась «ко двору» быстро. Она вызывала приятное чувство узнавания: шасси танка М 13/40 с бронированной рубкой в середине корпуса, где была установлена семидесятипятимиллиметровая гаубица М34 «Ансальдо».

Командир недавно уничтоженного англичанами танка М 13/40, одного из многих разбитых в сражениях за Бенгази, — «безлошадный» майор Лукка — первым опробовал орудие и остался доволен: угол горизонтальной наводки составлял сорок градусов — это было больше аналогичной характеристики любой другой машины такого типа.

Бронекорпус делился на три отделения: трансмиссионное, боевое и силовое.

— Что мне не очень нравится, — заметил майор, — так это перегруженность членов экипажа. Всего двое, и этим двоим приходится выполнять задачи наводчика, заряжающего, командира, радиста. Третий — водитель-механик — хвала Мадонне! — только водитель-механик, а не мастер на все руки...

— У немцев, небось, на самоходке для каждой задачи по отдельному члену экипажа, — вздыхали солдаты.

— У немцев мозги проще, — сказал майор Лукка и грубо захохотал. — Больше одной мысли не держится. А итальянец устроен куда более сложно. — Он дождался, пока стихнет смех, и прибавил уже серьезно: — Предстоит большое наступление. Мы должны проявить себя с наилучшей стороны.

Расчеты показывали: поразить в лоб современный английский танк — «Шерман», «Матильду» — «Земовенте» практически не в состоянии. Но кто, собственно, сказал, что стрелять по танкам следует исключительно в лоб?

Опорные пункты надлежит организовать таким образом, чтобы при лобовой атаке на один из них танк неизбежно оказывался повернут бортом к другому. С борта многие танки противника бронированы куда слабее, вот этим-то и следует пользоваться.

Начались тренировки.

— Времени нет! Времени нет! — подгонял своих подчиненных генерал Балдассаре. — Вы должны знать основное: как управлять этой штукой, как целиться и вести огонь.

— Как бы нас самих не перебили, — вполголоса сказал майору Лукке его «правая рука» — капитан Мариани. — Броня-то слабовата.

— Будем быстро менять позицию, — сказал Лукка. — На то орудия и называются «самоходными». — Он покачал головой. — Мне нравится, что они такие небольшие, малозаметные. Их легко замаскировать, их просто перемещать с места на место и таким образом производить быструю смену огневых позиций.

— А что в боевом отделении творится во время стрельбы — уже понюхали? — резковато осведомился капитан Мариани.

— Гм... А что там, собственно, творится такое особо выдающееся? — деланно удивился Лукка.

— Ад и пламя! — ответил Мариани, не выбирая выражений. — Загазованность отчаянная. И температура поднимается до невыносимых пределов — свыше пятидесяти градусов по Цельсию.

— Придется вести огонь с открытыми люками, ничего не поделаешь, — ответил Лукка.

— Мы так и делали, — кивнул капитан, — в люки забивается песок. Вместе с пороховыми газами.

— Patria не в состоянии обеспечить нас идеальным вооружением, мы должны воевать с тем, что у нас есть.

Он увидел, что Мариани хочет сказать что-то еще, и резко кивнул:

— Заканчивайте, капитан, раз уж начали.

— Сдается мне, броня у «Земовенте» все-таки здорово слабовата, а скорость стрельбы невысока. При попадании снарядов легких противотанковых орудий и даже, возможно, пуль противотанковых ружей, шансов уцелеть у нас не будет.

— Наступление начнется со дня на день, — к разговаривающим подошел генерал Балдассаре. — Нас ждет слава. Юлий Цезарь когда-то говорил, что пути славы далеко не всегда легки и приятны.

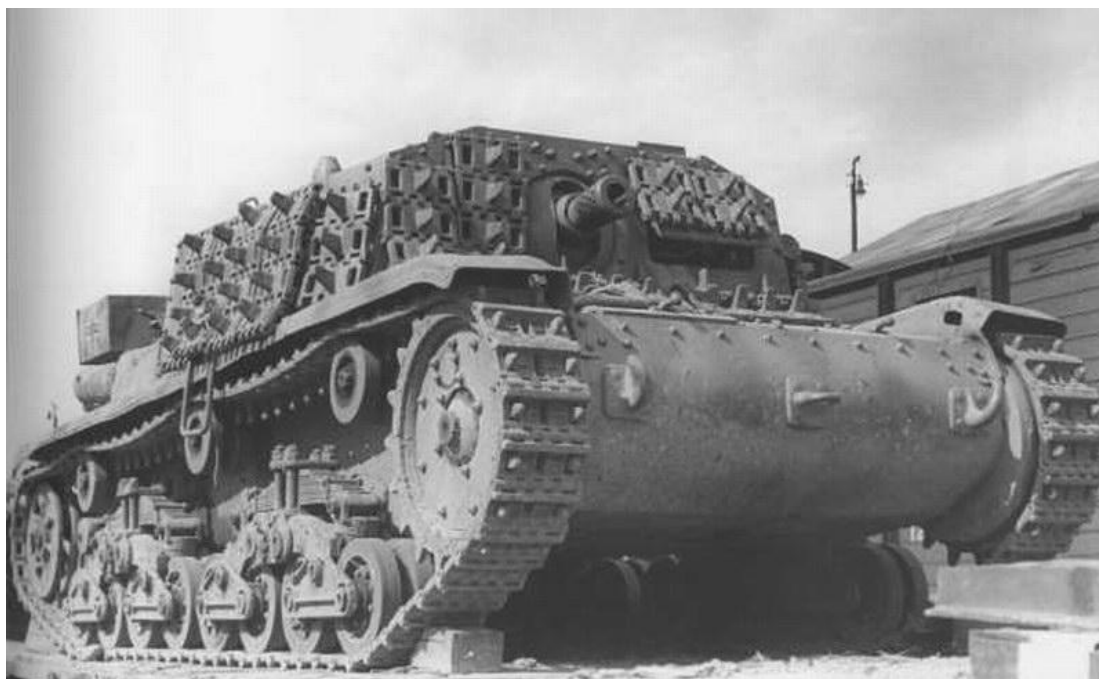
26 января 1942 года, район Марса Берга — Вади Фарех, место дислокации танковой дивизии «Ариете»

Генерал Балдассаре окинул взглядом равнину.

Английские танки шли навстречу итальянским. Как в былые времена — один бронированный рыцарь на другого, с копьем наперевес.

Как всегда, подводила авиация: фланги оставались не прикрытыми. Отставала пехота, но к этому тоже привыкли.

«Только ты и я», — думал Балдассаре. В прошлом году было допущено немало ошибок в командовании, и англичане не преминули этим воспользоваться.

Потом на помощь своим союзникам пришли немцы. Удивить мрачных тевтонов почти невозможно, и «Ариете» пролила немало итальянской крови прежде, чем заслужила их уважение.

Взревели моторы. Впервые «Земовенте» участвуют в сражении.

...Майор Лукка наметил «свою» «Матильду» еще издалека. Кончились времена, когда эти танки казались неуязвимыми для итальянского оружия.

Задыхаясь и кашляя, он сам наводит орудие.

Скорость, с которой мчится английский танк, кажется просто захватывающей.

— Огонь! — На миг майор ослеплен, но затем он видит, как англичанин остановился.

Медленно — как показалось Лукке — опустилось орудие «Матильды».

Затем английский танк вздрогнул, и его окутало дымом. Второй «Земовенте» довершил начатое Луккой.

На огромном пространстве сошлись железные машины. То тут, то там они превращаются в гигантские дымящие факелы.

К вечеру стало понятно, что англичане отходят. Это был первый успех самоходок «Земовенте».

21 июня 1942 года, Тобрук

Занятая англичанами крепость Тобрук наконец пала.

Танковые дивизии «Литторио» и «Ариете», удерживая позиции на юге от города, то и дело сталкиваются с небольшими подразделениями англичан: то были защитники Тобрука, вырвавшиеся из железного тевтонского кольца.

В небе кружат английские самолеты.

«Земовенте» почти не видны — их скрывает песок. Английские танки идут прямо на позиции итальянских самоходок: один, потом второй оказываются под перекрестным огнем итальянцев.

— Меняем позицию! — приходит приказ генерала Балдассаре.

«Земовенте» движутся по пустыне, затем останавливаются, снова ждут. Впереди идет бой. Неожиданно возвращаются английские самолеты — это бомбардировщики.

— Где прикрытие? Где наша авиация? — сердится майор Лукка. — Вечно их нет, когда они нужны.

«Крылья родины» традиционно запаздывают...

Спустя несколько минут приходит неподтвержденное сообщение: во время бомбежки погиб генерал Балдассаре.

Вечером сообщение подтверждается. Но это не останавливает сражение.

— Огонь! Огонь!..

«Земовенте» атакуют рассыпавшиеся по пустыне английские танки.

Те здорово огрызаются — в дивизиях «Ариете» и «Литторио» большие потери.

К концу боя от «Ариете» остается одно лишь воспоминание: двенадцать танков.

3 ноября 1942 года, в 15 километрах к юго-западу от высоты Телль-эль-Аккакир

— Наша задача — прикрывать отступление, — сказал командир двадцатого танкового корпуса де Стефанис. — Держаться во что бы то ни стало! С нами дивизия «Ариете» — о ней говорят, что она самая надежная из всех, которые сражаются в Африке.

Последние слова исчезли в грохоте. Британцы начали бомбардировку. Песок, пыль, дым, копоть поднимались до небес: бомбы сыпались беспрестанно.

По приморскому шоссе двигались части германской и итальянской армий. На тех, кто оставался, прикрывая это отступление, бросились британские пехотинцы при поддержке «Грантов».

Итальянская пехота отошла, и «Грантов» встретили огнем «Земовенте» и полевая артиллерия. Навстречу английским танкам мчались уже средние итальянские танки М 13/40.

— Нам не удержаться! — высказался майор Лукка. — Они сильнее, и броня у них крепче. Только одно остается — погибнуть.

10 мая 1943 года, Тунис

Майор Лукка еще раз перечитал радиogramму.

— Мы капитулировали? — Он не верил своим глазам.

С тех самых пор, как дивизия «Ариете» была практически уничтожена, Лукка не переставал сражаться. Остатки «Ариете» объединили с остатками «Литторио». Тогда у них было всего четыре «Земовенте». Потом добавлялись еще.

Их перебрасывали с одного участка на другой. Доукомплектовывали людьми и техникой, оставшимися от разбитых подразделений.

Они ни на день не прекращали сражаться. И на всем этом горьком пути не расставались с самоходкой «Земовенте» — она была слабее английской техники, но при надлежащем использовании успешно уничтожала танки союзников.

А теперь все кончено. Капитуляция.

Майор Лукка хотел было выругаться, но неожиданно для самого себя заплакал.

9 апреля 1945 года, Аппенины

Капитан Джон Экли вытер лицо платком.

— Чертовски жарко здесь, — поделился он со своим стрелком, сержантом Клари. — Когда уже закончится эта война?

— Там, за камнями, танк, сэр, — доложил Клари.

Капитан сердито навел бинокль, кивнул.

— Сдается мне, это не танк, а старушка «Земовенте», — сказал он, посмеиваясь. — Помню, в сорок втором у Тобрука здорово досаждали нам эти пугачи...

— Пугачи, сэр? — не понял сержант.

Экли хмыкнул:

— Итальянцы не всегда плохо дрались, Клари. Не стоит их недооценивать. Командование у них было туповатое, но когда за дело взялся Роммель — нам пришлось туго. Против нас тогда дралась их танковая дивизия «Ариете» — они любили называть свои соединения всякими поэтическими именами. Мы пытались выбить их из Бенгази, и в один далеко не прекрасный день итальяшки уничтожили пятьдесят семь наших танков.

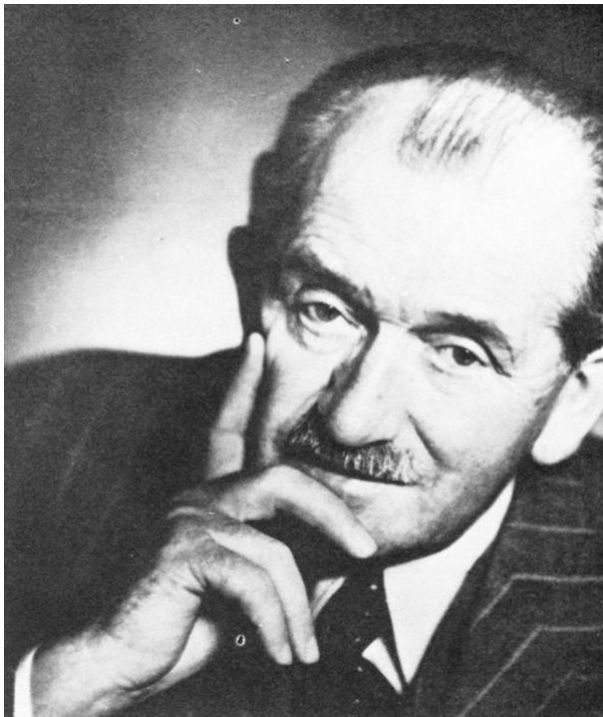
— Те дни давно миновали, сэр, — сказал сержант.

— О да! — Джон Экли вздохнул и тут же улыбнулся. — «Земовенте» и тогда не были слишком сильны, хотя при умелом использовании могли, как я уже говорил, здорово досадить. Но сейчас, полагаю, у нас не будет с ними больших проблем.

61. Фердинанд великолепный

26 мая 1941 года, Бергхоф

Совещание у фюрера было в разгаре.

Большая комната со стенами, отделанными светлым деревом, — фюрер предпочитал простор и открытые пространства, — была обставлена скромно: массивный, четырехметровый дубовый стол у окна, на котором были развернуты карты, и второй стол, поменьше, с креслами вокруг него, — для заседаний.

— Итак, господа, я настаиваю, — говорил фюрер, — на том, что танки должны быть в первую очередь тяжелыми. Толстая броня и длинноствольное орудие — вот залог победы.

Рейхсминистр по делам вооружений Фриц Тодт осторожно возразил:

— Однако важна маневренность...

Фюрер перебил его:

— Более легкий, хотя и более быстрый танк, всегда будет пасовать перед более тяжелым. Это доказано многолетней военной практикой. Нет, нам нужна всепоглощающая машина!

На лице Тодта проступило недоверие. Он вынужден был проглотить старую мысль, существование которой сейчас могло уже считаться крамолрой:

«Адольф Гитлер, как и многие до него, безнадежно застрял во временах Первой Мировой. Его военный опыт, на который он любит ссылаться, — это окопный опыт... нижнего чина... В то время как необходим более широкий взгляд на вещи...»

Тодт надеялся, что сохраняет достаточно невозмутимое выражение лица.

Вмешался Фердинанд Порше — любимец Гитлера, председатель танковой комиссии Рейхсминистерства, почетный доктор технических наук.

— Фюрер, несомненно, прав. Чем тяжелее танк, тем он эффективнее. Мы уже получаем сведения о том, что у противника ведутся работы над новым типом танка с броней, которая превосходит все у нас имеющееся.

— Если это так, — подхватил фюрер, — то следует срочно разрабатывать новую противотанковую пушку. Пробивная способность ее снарядов должна быть такой, чтобы свести на нет преимущество противника! Надо увеличить калибр, удлинить ствол! Мы должны отреагировать немедленно! Моментально!

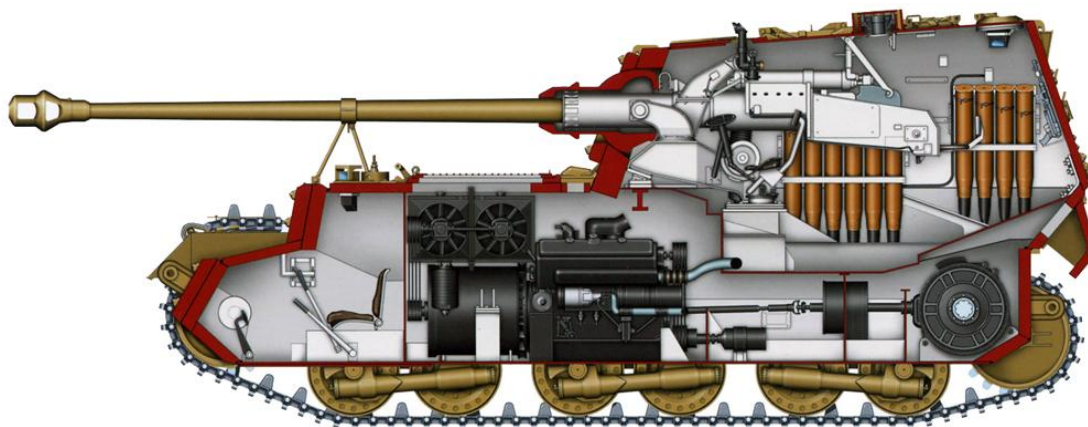
— Слишком большая и тяжелая пушка... — снова начал было Тодт.

Порше перебил его, как и всегда, решительно встав на сторону фюрера:

— Мы должны это сделать.

— Хочу отметить, — стоял на своем Тодт, — что тяжелый танк будет нуждаться в ремонте ходовой части или двигателя каждые шестьсот-восемьсот километров пробега. В таком случае гораздо рациональнее было бы сосредоточиться не столько на разработке новых проектов, сколько на производстве запчастей для ремонта тех танков, которые...

Гитлер смотрел на него с неудовольствием.

«Черт побери, — подумал Тодт, с трудом сохраняя самообладание, — кто сказал, что отобрать конфетку у ребенка — это легко? А вырвать у фюрера его любимую идею тяжелого, сверхтяжелого танка — дело практически невозможное»...

— Для начала рассмотрим самый простой, ясный и понятный, — фюрер сделал ударение на слове «понятный», — пример: наши боевые действия во Франции. О да, героическая германская армия лишний раз доказала — Европа должна содрогнуться! Однако мы имели неприятную встречу с британским пехотным танком «Матильда». Как известно, Британия может стать нашей следующей целью. Отсюда совершенно логично следует, что нам необходимо найти способ уничтожать их танки. Не так ли, господин Тодт?

Тодт сделал знак начальнику управления вооружений сухопутных войск Карлу Зауру. Тот кашлянул и начал доклад.

— На данном этапе имеются макеты танков прорыва VK 3601 (H) и VK 4501 (P) — разработки соответственно фирм «Хеншель и сыновья» и «Порше». Это тяжелые танки — тридцать шесть и сорок пять тонн.

Речь шла, собственно, о детище самого Заура, точнее, о детище управления вооружений сухопутных войск. «Хеншель» подключился к работе несколько позднее.

Фюрер долго, придирчиво изучал макеты, высказывал компетентные рекомендации, по обыкновению обильно сыпал цифрами и фактами и в конце концов обещал щедрое финансирование и вообще — всемерную поддержку.

20 апреля 1942 года, Бергхоф

— Мой фюрер, — новый рейхсминистр вооружений Альберт Шпеер был спокоен, доброжелателен и терпелив, — специалисты утверждают — и я полностью разделяю это мнение, — что мы не сможем иметь сразу два тяжелых танка, как бы вам этого ни хотелось.

Согласно первоначальному плану выпуска новых тяжелых танков армия должна была получить в октябре сорок второго шестьдесят танков Порше и двадцать пять — Хеншеля.

Шпеер фактически отбирал у фюрера «конфетку» — то, что не удалось осуществить безвременно погибшему Тодту.

— Взгляните, Шпеер, как они элегантны! — Гитлер с улыбкой показал на танк Порше. — Вы как архитектор должны оценить изящество этих линий!

— Не могу отрицать очевидного, — спокойно кивнул Шпеер.

— Вы, конечно, не станете отрицать и другую очевидность: русские запустили танк с длинноствольной пушкой, — продолжал фюрер. — А это значит, что я был прав! Я вообще не понимаю, как можно сомневаться в моих прогнозах.

Гений фюрера победил скептиков. Элегантный, почти пятидесятитонный танк Порше рассматривался как надежда Рейха.

Шпеер пытался выстраивать против неугомонного доктора Порше собственные линии обороны, привлекая экспертов и специалистов, но всё разбивалось об упрямство Фердинанда Порше и благосклонность к нему самого фюрера.

26 июня 1942 года, Берлин

— Шпеер, вы мой друг, — сказал фюрер. Разговор проходил в неформальной обстановке, и Шпеер вновь ощущал влияние необоримого обаяния фюрера. — Вот и скажите мне, как друг со всей откровенностью: как я могу получить новое штурмовое орудие?

— Элегантное? — чуть улыбнулся Шпеер.

Но фюреру было не до обмена милыми шутками.

— Это вопрос первостепенной важности. Кажется, недавние события доказали необходимость применения в первую очередь тяжелой ударной бронетехники.

— О да, — кивнул Шпеер. — Здесь следует принять во внимание тот факт, что переделать под новое орудие «четверку» — PzKpfw IV — затруднительно, если не невозможно. «Хеншель» не успевает с работами по доводке своего тяжелого танка — столь вам любезного, мой фюрер, — ввернул он. — Так что заняться САУ у них просто не будет времени. Возможно, доктор Порше взялся бы за новое штурмовое орудие?

— Предложения? — вскинул голову Гитлер. — Да ладно вам, Шпеер, не темните: уверен, вы явились с готовым решением в голове.

— Гм... Возможно, — не стал отпираться Шпеер. — Предположим, если бы мы передали все готовые шасси «тигров» Порше для этого штурмового орудия...

— Кажется, мы располагаем девяносто двумя готовыми шасси, — выдал Гитлер точную цифру (Шпеер в очередной раз поразился осведомленности фюрера и его удивительной памяти на числа).

— Немало, — подтвердил Шпеер. — Что скажете, мой фюрер? Имея такое количество уже готовых шасси, мы могли бы сравнительно быстро создать штурмовое орудие и таким образом опередить наших врагов...

— Решено, — сказал Гитлер. Такие вещи он действительно всегда решал стремительно, предпочитая блицкриг во всех областях деятельности. — Останавливаем работы над танками Порше и бросаем все силы на штурмовое орудие.

21 апреля 1943 года, Берлин

Гитлер любил красивые церемонии и обладал особым вкусом к их проведению.

Соратники, коллеги и личные друзья, с которыми он только что сидел за столом, «разделяя дружескую трапезу», теперь выстраивались в линию, как для парада.

Новую технику традиционно —Тысячелетний Рейх создал уже немало традиций, — демонстрировали вождям.

Бои в Сталинграде еще раз подтвердили правильность мнения фюрера о том, что вермахту необходимы тяжелые штурмовые орудия, тяжелые танки и тараны.

Самоходное орудие, о необходимости которого твердил Адольф Гитлер, было наконец создано.

Доктор Фердинанд Порше, бледный от волнения, усталый, но торжествующий, старался не встречаться взглядом со Шпеером, которого по ряду причин считал своим противником.

Вообще-то Порше пошел гораздо дальше проектирования САУ — он заодно проработал конструкционную схему танка с задним расположением боевого отделения, вооруженного длинноствольной пушкой.

Но на «элегантные» проекты доктора Порше времени и ресурсов уже не было (тут интриган и скареда Шпеер прав), поэтому ограничились самоходкой.

Конструкторское бюро «Порше» вместе с «Альмеркише Кеттенфабрик» переделали готовые танковые шасси и корпуса для новой САУ.

Затем, после неизбежных доработок, вся документация была передана на заводы «Нибелунгенверк». К началу сорок третьего там скопилось изрядное количество корпусов и шасси, и можно было начинать.

Постепенно одно за другим штурмовые орудия обретали «плоть». Их облик поражал. Кое-кто считал, что новое творение доктора Порше внешне напоминает утюг. Но это, конечно, говорили злые языки.

Однако силуэт их действительно отличался от всех прочих бронетанковых шедевров Рейха.

— Мой фюрер, мы тестировали броню... — говорил Порше. — Ее не в состоянии пробить даже пушка «Тигра»! Это штурмовое орудие — козырной туз в партии с любым противником. Нет танка, который способен одолеть нашу самоходку.

— Дорогой доктор Порше! — Фюрер был растроган: еще бы! Доктор реализовал заветную мечту своего вождя. — Я присваиваю машине имя «Фердинанд» — в знак глубочайшего уважения к вам. Отныне при звуке вашего имени будут содрогаться и побегут любые враги нашей славной, великой отчизны.

30 мая 1943 года, Берлин

«Фердинанд-фатер» — доктор Порше — услышал, как звякнул дверной звонок.

— Кто пришел, Марта? — спросил он служанку.

Приходил почтальон.

Доктор Порше разобрал почту. Газеты, телеграммы...

— Странно, — проговорил он и отправился к себе в кабинет. — Марта, принесите мне в кабинет чаю, — распорядился доктор Порше. — Ближайший час я буду у себя.

Ему необходимо было осмыслить то, что происходило. А точнее — не происходило.

По распоряжению самого фюрера, все самоходки, выходящие из ворот завода, сразу же отправлялись на фронт. Никакие дополнительные испытания не производились.

— Я бесконечно доверяю вам, Фердинанд! — сказал фюрер так мягко и проникновенно, как умел говорить только он.

На фронте уже началось формирование двух истребительно-противотанковых батальонов, вооруженных «Фердинандами».

И теперь доктор Порше ждал: когда же с фронта хлынет поток проклятий.

Фронтвики обычно не стеснялись в выражениях. Слетали гусеницы, перегревались моторы, слабой оказывалась броня, недостаточно мощными — орудия... Во всем виноват конструктор.

А не тот косорукий недоучка-лейтенант, который не умеет обращаться с прекрасной боевой машиной.

...Но жалоб с фронта не приходило. И это начинало пугать доктора Порше. Неужели все так хорошо?

11 апреля 1943 года, Москва

В Центральном Артиллерийском Конструкторском Бюро лежала папка с грифом «Совершенно секретно».

Наркомат вооружений получил сведения о новинках немецкой армии.

«Скоро у противника ожидается появление нового штурмового орудия системы Фердинанда, — вот так, без фамилии, просто по имени, — с пушкой калибра 88-105 миллиметров и броней толщиной 120-140 миллиметров и более».

К описанию, весьма приблизительному, но от того не менее настораживающему, прикладывался рисунок — из разряда «все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»: силуэт чего-то похожего на русскую печку, но с пушкой.

Вывод был прост: нужно срочно проектировать орудие, способное проломить эту броню. Желательно с расстояния не менее пятисот метров, а лучше — километра.

10 июля 1943 года, расположение Центрального фронта, район Курска

В штабе пятерых офицеров Главного Артуправления Красной Армии встретили немного сконфуженно.

— Не хочется сообщать вам, товарищи, неприятную новость, но «Фердинанда» мы пока потеряли.

— Вы сообщали, что захватили подорвавшееся на минном поле новое немецкого штурмовое орудие?

— Было дело... Самое время разобрать эту штуку да посмотреть, что у нее внутри, но вот незадача: территория, на которой он находился, сейчас опять временно у немцев, так что до «Фердинанда» нам не добраться. А вы, товарищи, подождите у нас немного. Уверен, скоро появятся новые экземпляры для препарирования. Наступление наше развивается успешно!

15 июля 1943 года, район станции Поньри

Майор Тютюнник не стеснялся в выражениях, когда описывал офицерам Артуправления ход событий минувших нескольких дней.

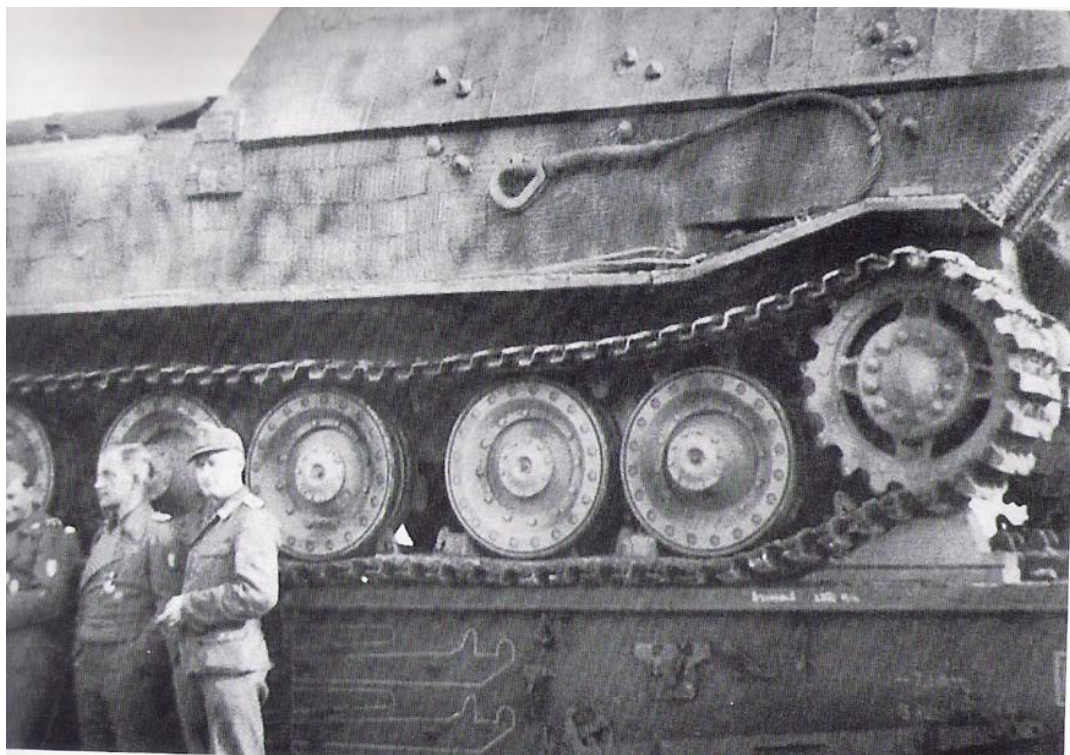
— Этот их «Фердинанд» в лоб не пробить ничем, — рассказывал он, — нужно заходить сбоку. Они, конечно, такого стараются не допускать, чуть что — задний ход и опять к нам лобовой броней.

— Рассказывайте про сражение у станции Поньри, товарищ майор.

— Немцы старались прорваться туда с фланга, через совхоз «Первое мая». Мы как поняли, что «Фердинанды» не пробьешь, просто пропустили их. Там дальше у нас было минное поле, ну они и... — Майор с удовольствием объяснил коротким энергичным словом, что случилось с «Фердинандами» на минном поле. — Убрать свои подбитые САУ немцы не могли, им и мы мешали, тут пехота постаралась, да и тяжелые эти орудия. Так и торчат там.

— Как они применяются? — настаивали офицеры. — Какую тактику используют немцы?

— Тут надо признать, они подготовились. Ломят вперед и ведут огонь с коротких остановок. Дальность у них — от километра до двух с половиной. Ну и чуть что, как я уже говорил, — задний ход, к прикрытию — и оттуда опять лобовой броней к противнику. Грамотно, в общем. У нас пока нет такого орудия, чтобы их пробить.

— Сколько «Фердинандов» сейчас в нашем распоряжении?

— Мы подсчитали, вроде двадцать или двадцать одно, — сказал майор Тютюнник. — Разрешите идти?

Смертельно уставшего майора отпустили.

«Фердинанды», доставшиеся «красным», находились на минном поле, начиненном фугасами из трофейных крупнокалиберных снарядов и авиабомб.

Разорванные гусеницы, разрушенные опорные катки — все это работа мин. Несколько машин имели повреждения ходовой части — в них попали снаряды. Один «Фердинанд» был уничтожен с воздуха — «Пе-2» точно попал в него бомбой.

— В общем, серьезная штукавина, — подытожили советские специалисты. — Тут надо думать и думать...

62. Единственный и неповторимый

Танк Гротэ. Район Ленинграда, лето 1931 года.

TG experimental tank. Vic. Leningrad, the summer 1931.

17 февраля 1930 года, Москва, Кремль

Товарищ Сталин не спеша закурил трубку.

— О чем вы собирались говорить, товарищ Ворошилов?

Климент Ефремович вздохнул, прежде чем приступить к теме, которая беспокоила его уже не первый месяц.

— Бронетанковые войска, Иосиф Виссарионович.

Сталин не собирался облегчать ему задачу. Он выпустил колечко дыма и с подчеркнутой доброжелательностью осведомился:

— Ну так и что бронетанковые войска?

— Без современных и мощных бронетанковых войск нам не победить в грядущих военных конфликтах, Иосиф Виссарионович.

Сталин сделал характерный для него жест, описав медленную полудугу рукой с зажатой в ней трубкой:

— Чрезвычайно верное замечание, товарищ Ворошилов! Именно об этом мы, кажется, и твердим с утра до вечера.

В глазах Сталина мелькнул огонек иронии. Ворошилов видел, что он в хорошем настроении.

Он еще раз вздохнул и решился:

— Похоже, своими силами мы не справляемся.

— Вот как? — ирония в голосе вождя стала ощутимой.

Ворошилов чуть развел руками:

— Конечно, наши конструкторы учатся, перенимают опыт, трудятся с утра до ночи... Но время против нас. Опыта не хватает, опыта! Там, где у буржуев уже наработаны и опробованы готовые узлы, наши начинают с белого листа.

— Предложения? — прищурился вождь. И прибавил: — Не верю я, товарищ Ворошилов, чтобы вы пришли ко мне просто так, без всякого предложения.

— Может быть, нам обратиться к помощи зарубежных специалистов? — сказал Ворошилов. — Не чертежи покупать с инструкциями, а пригласить самого настоящего специалиста со всеми его знаниями и опытом? Предоставить ему здесь помощников, материалы...

Сталин долго молчал, пыхтел трубкой.

Ворошилов уже начал чувствовать себя неуютно. И как раз в тот самый момент, когда он готов был уже отказаться от предложения как идеологически неправильного, Сталин воскликнул:

— А что, хорошая мысль! Очень хорошая! Пригласим кого-нибудь к нам на работу — и пусть наши специалисты учатся у живого наставника. Из какой страны будем звать — уже придумали?

Ворошилов слегка пожал плечами:

— Германия.

— Совсем хорошо, товарищ Ворошилов! Германия — наш друг. Ведь именно в этой стране произойдет вторая в мире революция, которая приведет к власти рабочих и крестьян. Так что специалист из Германии — это прекрасно. Уже выбрали, кого конкретно будете звать?

21 марта 1930 года, Москва

Инженер Эдвард Гроте вышел из вагона. Он нес небольшой чемодан из добротной кожи. Его спутники, четверо немецких инженеров, поднимали воротники пальто, переговаривались недоумевающее.

— В Берлине уже весна, тепло, — сказал один из них. — А здесь?.. Казалось бы, та же самая Европа! Почему у русских так холодно?

— Надеюсь, прием нас ожидает более теплый, — отозвался Гроте.

— У вас есть шарф, герр Гроте? — спросил другой инженер, закутанный до самых глаз полосатым теплым шарфом домашней вязки. — Простудитесь неровен час.

Ответ Гроте был смят громкой музыкой небольшого, но полного энтузиазма духового оркестра. К прибывшим из Германии инженерам уже приближался красивый щеголеватый военный с усами щеточкой — по последней моде.

— Ворошилов! — Он по-военному приложил руку к фуражке и лишь потом протянул ее Гроте. — Добро пожаловать в Москву, товарищи. Замерзли?

Он обернулся и едва заметно подмигнул другому военному. Тот ответил:

— Сейчас сообразим, чем погреть гостей, Клим Ефремыч.

И как по волшебству возникла бутылка отличного армянского коньяка.

— Первое средство от простуды, — объяснил Ворошилов.

Гостей проводили с перрона, рассадили по автомобилям, повезли в гостиницу.

— Мы довольны тем, как нас принимать советский товарищ, — произнес Гроте фразу, явно выученную заранее.

Ворошилов изобразил полный восторг.

12 апреля 1930 года, Москва

— Мы в Москве уже несколько недель, а работы нет! — Гроте выглядел озабоченным.

— Вас что-то не устраивает, товарищи? — неразговорчивый военспец, отлично знавший немецкий и осуществлявший связь приезжих инженеров с внешним миром, выказал готовность исполнить любое их желание.

— Мы приехали трудиться, — объяснил Гроте. — Нам показали Большой театр, ВДНХ... Но где работа? Где танк?

— Трудолюбивый вы народ — немцы, — вздохнул военный. — Сегодня к нам приезжают инженеры из конструкторского бюро ленинградского завода «Большевик». Вы получите техническое задание на проектирование нового танка.

— Было бы превосходно, — с кислым видом заметил Гроте и покашлял. Его все-таки продуло на перроне.

Москва поражала германских гостей своими размерами, но еще больше — обликом ультра-современного города, и более того — города, устремленного в будущее.

Она как будто уже существовала в этом вымечтанном будущем и демонстрировала то тут, то там его явные приметы: высокие здания, огромные колонны, широкие площади, фонтаны, щедро раскинувшиеся парки.

14 апреля 1930 года, Ленинград

Переезд в Ленинград в купейном вагоне произвел на немецких товарищей сильное впечатление. Ленинград был другим, нежели Москва: классическим, строгим... и молодым.

На заводе «Большевик» Гроте познакомился с советскими специалистами — Барыковым, Воробьевым.

— А это — начальник технического отдела ЭКУ ОГПУ товарищ Уюк. Он будет осуществлять личный контроль над ходом работ, — сообщил переводчик.

— Мы предполагаем получить от группы совместно работающих специалистов совершенно новый танк, — товарищ Уюк развернул лист, густо покрытый текстом. — Масса от восемнадцати до двадцати тонн. Скорость — до сорока километров в час. Толщина брони необходима до двадцати миллиметров. Далее. Вооружение.

Он поднял голову и орлом посмотрел на собравшихся.

Гроте быстро делал пометки у себя в блокноте.

Советский переводчик, заглянув в блокнот, шепотом поправил:

— Двадцать миллиметров. Не двенадцать.

Гроте кивнул и исправил цифру.

— Вооружение. — Докладчик повысил голос. — Два орудия калибра семьдесят шесть и тридцать семь миллиметров плюс пять пулеметов. Все остальное — где будет установлено вооружение, где разместится боекомплект, каков будет запас хода у нового танка и прочее, — на усмотрение конструктора.

— Свобода творчества? — Гроте поднял бровь. — О, это не танк, это уже поэзия!

18 ноября 1930 года, Ленинград, завод «Большевик»

Товарищ Ворошилов прибыл на завод накануне днем и переночевал в общежитии. Ему предоставили отдельную комнату, но вообще на каждом шагу давали понять: хоть он и нарком, но находится на объекте высочайшего уровня секретности.

Ворошилова не смущала такая обстановка. Он осведомился, как идут дела у «товарища Гроте».

Гроте был болен. Простуда не прошла за лето, наоборот: в жару он сидел на сквозняках, пил холодную воду, злоупотреблял советским мороженым, которое было куда вкуснее водянистого немецкого, — и в результате свалился с тяжелым воспалением легких.

— Из-за этого, товарищ Ворошилов, работа идет не так быстро, как хотелось бы, — сообщил Барыков. — И все-таки нам есть, что показать. Вы сможете доложить товарищу Сталину: новый танк почти готов!

— На сколько процентов? — прищурился Ворошилов.

— На восемьдесят.

— Скажу: на восемьдесят пять! — решил Ворошилов. — Пока доеду до Сталина, как раз пять процентов нагоните.

Барыков улыбнулся:

— Нагоним, товарищ Ворошилов!

Образец находился в специальной закрытой мастерской. Допуск туда имели сто тридцать человек — рабочие и техники. Ворошилову выписали специальный пропуск.

— Вот он, наш красавец, — Барыков представлял недостроенный танк как любимое детище, с нежностью. — Двигатель мы решили установить не разработки Гроте, а свой — М-6. Авиационный. Он побольше габаритами, что потребовало кое-что переделать, но теперь все в порядке.

— Необычно выглядит, — заметил Ворошилов.

— Новаторская машина! — кивнул Барыков. — Он не только внешне не похож ни на наши танки, ни на зарубежные, у него и компоновка, и технология изготовления — все другое. Для начала, если вы обратили внимание, — у него полностью сварной корпус. Ни у кого такого корпуса большего нет. Вооружение размещается в два яруса. Верхняя башня вращается, и там установлена тридцатисемимиллиметровая пушка. Она, между прочим, может быть использована, в том числе, как зенитная. Боевая рубка неподвижная, там у нас семидесятишестимиллиметровое орудие и три «максима» в шаровых установках.

Ворошилов кивнул и дотронулся до корпуса ладонью.

— С этой рубкой у нас вышла неувязка, — продолжал Барыков после паузы. — По проекту она должна была иметь круговое вращение, но при изготовлении подбашенный погон, приваренный к корпусу, оказался деформированным. Ну и в результате нижняя башня превратилась у нас в боевую рубку.

— Это, конечно, жаль, — вставил Ворошилов. — Но может же быть переработано?

— В планах есть, — кивнул Барыков. — Хотя сейчас главное — сам танк довести до испытаний. А потом уж можно устранять недостатки. Он и так получается отличным, Климент Ефремович! — прибавил инженер с чувством. — Главное орудие нашего танка — самое мощное из существующих.

— Выглядит несколько знакомо, — заметил Ворошилов.

— Баллистика этой пушки позаимствована от русской полевой семидесятишестимиллиметровой пушки образца 1902 года, — сообщил Барыков. — Надежное орудие, отлично служило всю империалистическую войну. Теперь послужит делу защиты социалистического отечества.

— Не прямо же вы установили старое артиллерийское орудие на танк?

— Конечно нет! Смотрите: для уменьшения длины отката введен дульный тормоз, конструкция его совершенно оригинальна. Изменена конструкция накатника. Вместо поршневого затвора — клиновый.

— Сколько пулеметов вы мне показали?

— Три «максима». Есть еще два ДТ в бортах корпуса. У них тот недостаток, что углы наведения ограничены. Но главное-то, главное! — почти вскрикнул Барыков. — Какой ход у этой машины!

Он свистнул рабочим, и на глазах у Ворошилова два человека руками, без особенных усилий, перекатили танк с места на место.

Тут присвистнул и Ворошилов.

— Как это так, а?

— Вот так! — кивнул Барыков. — Новаторская машина. Товарищ Гроте сразу отметил: Москва, говорит, город будущего — и танк тоже будет танком будущего. Ходовая часть у

нас состоит — применительно к одному борту — из пяти катков большого диаметра, четырех поддерживающих катков среднего и двух — малого диаметра. Независимая подвеска на спиральных пружинах допускает вертикальное перемещение опорных катков. Плюс — полупневматические шины типа «Эластик». Результат? Мягкий ход! Без гусениц эта машинка катается как игрушечка — что вы, собственно, и видели.

— А с гусеницами?

— Гусеницы тоже оригинальные, кстати, — заметил Барыков. — Изготовлены из штампованных деталей. Большое сопротивление на разрыв. Но если гусеница все-таки оборвется — опорные катки имеют тормоза.

Ворошилов долго смотрел на танк. Потом сказал:

— Я доложу товарищу Сталину.

1 октября 1931 года, Москва, Кремль

Сталин внимательно выслушал доклад товарища Уюка о ходе испытаний нового танка — его называли «танк Гроте».

— А как там стреляет пушка? — спросил вождь.

— Если автоматика не отказывает, то неплохо.

— А если отказывает? — Сталин, как обычно, попадал своими вопросами не в бровь, а в глаз.

— Приходится прибегать к ручному разряжанию, — ответил Эдвард Гроте. — Но по кучности боя и разрывному действию боеприпасов эта пушка себе равных не знает.

— Хорошо, хорошо, — проговорил Сталин. — Это хорошо... Скажите мне честно, какие у танка недостатки?

Этот вопрос, заданный так просто главой огромного могущественного государства, сразил Эдварда Гроте. И он честно признал:

— Вот, например, при переходе с третьей подачи на четвертую приходится танк останавливать. Но зато он едет вперед и назад с одинаковой скоростью. Управлять танком тоже легко.

— А что нелегко? — стоял на своем Сталин.

— Боевое отделение мало, невозможно одновременно вести стрельбу из большого орудия и из ручного пулемета. Бортовые тормоза стоит доработать. На мягких и вязких грунтах гусеница неэффективна... — Гроте махнул рукой. — Дороги в России ужасны! — сказал он с обезоруживающей прямоотой.

Стало тихо. Потом Сталин кивнул инженеру и протянул ему руку.

— До свидания, товарищ Гроте. Приятно было с вами познакомиться. Я думаю, вас проведут в вашу гостиницу, чтобы вы могли отдохнуть. А мы тут с товарищами немного побеседуем. — И он перевел взгляд на товарищей Уюка и Ворошилова.

Гроте вышел, сопровождаемый переводчиком. Он все еще был нездоров и радовался возможности отдохнуть.

4 октября 1931 года, Москва

Комиссия по тщательному изучению танка Гроте приступила к работе.

Выводы были сделаны довольно быстро. Сталин удовлетворенно кивнул, дочитывая окончательный доклад. Именно этого он и ожидал.

«В данном виде танк Гроте следует считать чисто экспериментальным типом танка. На нем должны быть опробованы все механизмы, представляющие практический интерес.

Стоимость танка — полтора миллиона рублей — слишком высока для серийного производства.

Инженер Гроте использовал в создании этой модели множество превосходных технических идей, ранее в танкостроении не использовавшихся.

Советские конструкторы получили бесценный опыт за время работы с Э.Гроте. Они изучили лучшие зарубежные танки, получили знания по технологиям.

В связи с вышеизложенным предлагается отказаться от дальнейших услуг Эдварда Гроте. Работу над следующим танком, оригинальной советской разработки, поручить тов.Барыкову».

...Инженер Гроте покидал Советскую Россию со смешанными чувствами. Он понимал, что плод его «свободного творчества» использован по прямому назначению не будет. Танк Гроте станет учебным пособием для русских специалистов.

Что ж, его машина слишком опередила свое время. Чересчур новаторским было в нем почти все. А ведь характер вооружения мог бы превратить творение Эдварда Гроте в истребитель танков!..

Нереализованные возможности...

Танк Гроте так и остался единственным и неповторимым: он был изготовлен в одном экземпляре.

63. Советские танки в Берлине

20 апреля 1945 года, на подступах к Берлину, расположение штаба 1 гвардейской танковой армии

С Жуковым трудно разговаривать.

Генерал-полковник Катуков звонил ему, измотанный долгими часами боев у Зееловских высот.

— Георгий Константинович, долго не продержимся: левый фланг у нас открыт, а немец прет, как бешеный.

Жуков рявкнул:

— Отсиживаетесь по блиндажам? За своими танкистами не смотрите?!

— Дайте хоть кого-то! — закричал в ответ Катуков. — Контратаки гитлеровцев не ослабевают, а с такими силами, как у меня, далеко вперед не уйдем.

Жуков замолчал и молчал долго.

Катуков затаил дыхание.

— Так, — сказал наконец командующий фронтом, — в резерве у меня сейчас есть кавалерийский корпус. Отдаю вам, ждите — придут. Но до их прихода — держать оборону, так вас и так! Жестко держите оборону фланга. Иначе не только танковой армии — всему фронту... — Он запнулся, подбирая более корректное слово, нежели то, что вертелось у него на языке. — Не поздоровится нам, товарищ Катуков!

Кавалеристы действительно появились быстро.

А вслед за ними прилетела и радиограмма от командующего:

«Первой гвардейской танковой армии поручается историческая задача — первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично вам поручается организовать исполнение. Не позднее четыре часов утра 21 апреля любой ценой прорвитесь на окраину Берлина».

В этом — весь Жуков. «Любой ценой»...

Возможно ли это физически — вот вопрос?..

— Задача поставлена, товарищи, — усталым голосом произнес Катуков. — Значит, должны исполнить. Дадим Гитлеру последнего пинка — высокой квалификации и в указанном направлении!

...Путь к Берлину проходил через леса. Дальше начиналась цепь озер, танки там не пройдут.

А леса горели, и дым пожаров заволакивал все вокруг, мешал видеть.

На каждом шагу танкистов поджидали замаскированные орудия и «фаустники».

Мотострелков пустили перед танковой бригадой.

— Ваша задача, — объяснил Михаил Ефимович Катуков, — обнаруживать и уничтожать засады. Сейчас главным противником наших танков является не столько танк врага, сколько этот клятый «фауст».

...Сержант Пепелюк, немолодой уже человек, с зеленой ленточкой «сталинградской» медали, первым заметил опасность.

— Затаился, — пробормотал он. — Не знает, что я его вижу.

У Пепелюка было «ночное зрение» — как у кошки, чем он немало гордился. Он действительно видел лучше, чем другие.

Порыв ветра отвел в сторону завесу дыма — на один миг, но этого хватило. Пепелюк выстрелил из личного оружия, и на дорогу выпал человек, все еще сжимавший фаустпатрон.

— Ребенок! — Глаза Пепелюка округлились.

Немало немцев убил он сам, дважды ранили его самого; видел он, как погибали его боевые товарищи. В сожженных немцами деревнях попадались ему и тела детей. Но никогда в жизни Павло Пепелюк не поднимал руки на ребенка.

— Да что это такое? — вскрикнул он.

Мальчик лет четырнадцати с фашистской повязкой на руке лежал перед ним на дороге.

— Гитлер призывает в армию подростков, — сказал лейтенант Васькин, командир отделения мотострелков. Он остановился рядом посмотреть. — Плохи его дела.

— Плохи не плохи, а такое дитё с «фаустом» много дел наворотить может, — пробормотал Пепелюк. — Вот и думай, как быть.

— Ты не думай, Пепелюк, — посоветовал Васькин. — Твоя задача — обеспечить проход нашим танкам на Берлин. А смерть этого ребенка пусть на тех будет, кто его в бой отправил.

Подминая под гусеницы кустарники, двигались через лес советские танки.

Они шли на Берлин.

21 апреля 1945 года, предместье Берлина Кёпеник

И снова Жуков, как и в былые времена, действовал танками «нестандартно» — как кавалерией. Бросил их, всю силу, против одного города.

Он спешил. Ходили слухи, будто немцы пытаются заключить с союзниками сепаратный мир. Словом, нужно было брать фашистского зверя за горло прямо в его берлоге — и как можно скорее.

Зазвонил телефон. Жуков метнулся к аппарату, схватил трубку, сказал — как ему показалось, спокойно (на самом деле почти крикнул):

— Жуков у аппарата!

— Это Дремов, — раздался флегматичный голос комкора. — Докладываю. Мой корпус, взаимодействуя с пехотой Чуйкова, ворвался в Кёпеник.

Жуков метнулся к карте: Кёпеник — ближний пригород Берлина, фактически — уже сама столица.

— Где остальные?

— Берзарин был на севере, как далеко продвинулся сейчас — не знаю.

Жуков бросил трубку.

Началось!

Сбывается самое несбыточное — то, что под Сталинградом, под Курском казалось почти невозможным.

Советские танки — в Берлине.

Предстояли последние схватки с врагом. И никто не сомневался в том, что этот бой будет самым жестоким.

21 апреля 1945 года, Эркнер, командный пункт Катукowa

— Михал Ефимыч, — голос командира корпуса Бабаджаняна подрагивал, и Катукow с удивлением понял, что тот удерживается от смеха, — у меня тут нарисовались японцы. Что с ними делать?

— Какие японцы, что вы несете? Откуда вы взяли японцев? — взорвался Катукow.

— Да черт их знает, говорят — посольство.

— Шлите их сюда, разберемся, какое еще посольство...

Через час на командном пункте возникли японцы. Им показали «главного» — на неискушенный взгляд, командующий сейчас мало отличался от простого офицера, выглядел почерневшим от усталости и отнюдь не щегольски одетым.

Катуков с трудом скрывал изумление, видя, как эти люди вежливо кланяются ему.

— Кажись, не слишком они уверены в нашем теплом приеме, Михал Ефимыч, — заметил начальник оперативного штаба Никитин. — А?

— И с чего бы? Они же союзники нашего злейшего врага! — ответил Катуков. — Однако помните директиву «об изменении отношения к немцам» — ну, ту, где нам категорически не рекомендуется мстить местному населению? И Кутузов то же говорил, когда французов добивали...

— Так то Кутузов... — неопределенно произнес Никитин.

Один из японских дипломатов довольно сносно говорил по-русски.

— Мы хотим наша родина, — сообщил он. — Линия фронта — страшно

— Как вам в голову пришло искать защиты у нас? — спросил Катуков.

Японец поклонился.

Ясное дело, подумал командующий, немцы-то их защитить уже не смогут.

— Будем их считать беженцами, — решил Катуков. — Дайте им транспорт и отправьте в штаб фронта.

Когда японцев препроводили, Никитин восхищенно произнес:

— Да вы дипломат, товарищ командующий! А скажите-ка, давно ли вы ели?

— Некогда мне режим соблюдать, — отмахнулся Катуков.

— Вот скрутит язва посреди боя — будете знать, — предупредил начальник штаба.

22 апреля 1945 года, Берлин

Лейтенант Шкварин остановился, открыл люк танка.

Тяжелые танки ИС-2 двигались по улицам «елочкой». По узкой улице одновременно могли пройти только две машины, одна чуть впереди другой.

Первый танк простреливал правую сторону улицы, второй — левую. Другая пара шла следом за первой, поддерживая ее огнем.

На броне передвиг

ались автоматчики, и при встрече с противником они спешили в бой. Именно они уничтожали «фаустников» — главное оружие против тяжелого танка.

— Что там, товарищ лейтенант? — спросил водитель.

— Сам гляди.

На стене одного из домов кто-то написал крупными, неровными буквами, торопясь начертить осколком кирпича указатель-стрелку: «ДО РЕЙХСТАГА — 15 КМ».

— Почти дошли, — выдохнул Шкварин. Он закрыл люк и дал команду продолжать движение.

Свыше пятисот зданий столицы рейха были превращены в опорные пункты. Они прикрывали друг друга огнем, связывались подземными коммуникациями.

Мосты были заминированы, но не подорваны — вопреки воле Гитлера рейхсминистр вооружений Альберт Шпеер запретил взрывать объекты в столице. Гитлер уйдет, Германия останется.

Русские саперы шли перед танками, расчищая для них дорогу.

23 апреля 1945 года, берег реки Шпрее

Катуков вышел из машины.

Перед ним раскрывалась панорама города Берлина.

Огромный город горел. В небо вздымались языки пламени, нижний слой облаков был подсвечен багровым.

Перед советскими танками лежала последняя водная преграда — река Шпрее

— Где Дремов?

Катукову показали, где находится командный пункт. Иван Федорович Дремов сидел в полуподвале полуразрушенного здания, недалеко от набережной реки.

Коптила лампа, карта города, разложенная перед Дремовым, была истрепана на сгибах, заляпана пятнами копоти.

Лицо комкора потемнело от усталости. Впрочем, сам Катуков выглядел не лучше.

— Что у тебя, Иван Федорович?

Катуков сел.

— Мост через реку немцами взорван. Сейчас специальные отряды форсируют Шпрее. Они прикроют саперов, пока те будут наводить переправу.

— Ясно, — кивнул Катуков. — Я тебе подброшу огоньку на тот берег. Больно упрямый немец тут засел, палит из всех видов оружия.

— Что набережная?

— И носу не высунешь туда. Эсэсовцы засели. Старые наши знакомые, еще по Сталинграду.

Дремов снял трубку полкового телефона, переговорил с артиллеристами.

Огонь тотчас усилился. Катуков подошел к окну полуподвала, выглянул наружу. На противоположном берегу бушевало пламя, клубился дым.

Дремов слушал грохот, видел пожар, и лицо его оставалось абсолютно спокойным.

Вошел лейтенант, серый от пыли.

Перевел взгляд с Дремова на Катукова, замешкался — кому докладывать.

— Докладывайте, товарищ лейтенант, — ободряюще кивнул Катуков.

— Девятнадцатая гвардейская мехбригада форсировала Шперее через железнодорожный мост, севернее Адлерсхофа.

— Отлично! — воскликнул Катуков (куда более эмоциональный, нежели Дремов). — Часть корпуса отправляем к железнодорожному мосту, а остальные части будем переправлять здесь, по мосту, который наведут саперы.

— Мост будет часа через три, — заверил Дремов.

24 апреля 1945 года, район Адлерсхоф, Берлин

— Товарищ Жуков, — Катуков старался говорить спокойно, — в ночь на двадцать четвертое все части Первой гвардейской танковой армии переправились через Шпрее в районе Адлерсхоф — Бонсдорф. Мы готовы наступать к центру Берлина с юго-востока.

— Хорошо, — обрубил Жуков.

— Товарищ Жуков, до сих пор мы действовали в одной полосе с армией Чуйкова, и он был старшим.

— И это правильно, — сказал Жуков. — Претензии?

— В городе иная обстановка, товарищ командующий фронтом. Дайте нашей танковой армии самостоятельную полосу наступления в Берлине.

Жуков немного поразмыслил. Но Катуков знал, что делает: вера Георгия Константиновича в танки была велика.

— Действуйте, — сказал наконец командующий. — Будете наступать по улицам Вильгельмштрассе, по направлению к парку Тиргартен — зоопарку, — это уже совсем

близко к имперской канцелярии и рейхстагу. От обычных зверей — к зверью в человеческом обличи!

Чувствовалось, что Жуков изучил карту Берлина досконально и мог ходить по этому городу с закрытыми глазами.

— И будьте осторожны, — прибавил командующий. — Там в каждом канализационном люке засело по «фаустнику».

28 апреля 1945 года, 20 часов, Берлин

— Товарищ Катукон! — Голос

был незнакомый. — Это штаб фронта, майор Иващенко. Приказ командующего: по рейхстагу огонь не открывать! Повторяю: не открывать огонь по рейхстагу. Как поняли?

— Понял, — ответил Катукон, ошеломленный. — По рейхстагу огонь не открывать. Но... почему?

— К рейхстагу уже вышли части генерал-полковника Кузнецова. Там уже наши! — штабист не выдержал — в его голосе прозвучало ликование. — Наши!

Катукон положил трубку.

Обидно, конечно, подумал Катукон. Честь водрузить Знамя Победы над рейхстагом выпадет другой части...

Но главное — это Победа. Все ради нее.

И первая задача Первой гвардейской танковой — зоологический сад. Подступы к рейхстагу. Осталось совсем чуть-чуть.

Катукон подошел к окну.

Из окна командного пункта уже видны были Бранденбургские ворота.

64. Первая танковая у Дона

22 июля 1942 года, Москва, Ставка Верховного Главнокомандования

Сталин был мрачен. Начиная с семнадцатого числа немцы перешли в наступление и определенно рвались к Сталинграду.

Предположение о том, что главной целью летней кампании противника станет Москва, оказалось ошибочным.

— Какие новости от наших шестьдесят второй и шестьдесят четвертой армий? — Сталин подошел к большой карте.

— Шестые сутки отражают атаки на рубеже рек Чир и Цимла, — ответил генерал Василевский, начальник Генерального Штаба.

Сталин долго, пристально всматривался в его лицо, затем перевел взгляд на командующего Сталинградским фронтом генерал-лейтенанта Гордова.

— А ведь там долго так не продержаться, как вы считаете, товарищ Гордов? — проговорил наконец Верховный.

Гордов ответил ровным тоном:

— Если потребуется — все умрем на этом рубеже, Иосиф Виссарионович.

Сталин поморщился:

— Не надо, чтобы все умерли на рубеже. Не надо! Надо жить и побеждать. — Он выдержал паузу, набил в трубку табак, но прикуривать медлил. Отвел в сторону руку с трубкой, спросил: — Вы как считаете, товарищ Василевский, какие меры там необходимо сейчас принять?

— Там сейчас необходима танковая армия, — твердо сказал вместо Василевского Гордов. Видно было, что над этим предложением он размышлял уже некоторое время.

Сталин зажег спичку, раскурил трубку. Молчание затянулось. Наконец Верховный проговорил:

— И я тоже так считаю. Можем мы сформировать к 28 июля в составе Сталинградского фронта танковую армию?

Гордов оживился:

— На базе 38 армии. Подчиним ее генерал-майору Москаленко, который сейчас командует тридцать восьмой.

— А где сейчас товарищ Москаленко? — спросил Сталин.

— Я вызвал его в Ставку, — ответил Гордов. — Пригласить?

Москаленко вошел, доложил. Видно было, что он взволнован. На вопрос, как он расценивает идею создания танковой армии, ответил не задумываясь и с обезоруживающей простотой:

— Да я уже давно мечтал о создании подобного объединения!

— Если говорить точно, товарищ Сталин, предполагается создание армии смешанного состава, — заметил Василевский. — Туда будет включено управление тридцать восьмой армии со всеми армейскими частями, учреждениями и тылами, два танковых корпуса, несколько стрелковых дивизий.

— Откуда предполагаете взять дивизии?

— Сейчас прибывают с Дальневосточного фронта.

— Хорошо, — кивнул Верховный. — Нужны еще полки противотанковой обороны и желательно — полк ПВО.

— Следовало бы еще включить резервную танковую бригаду, — добавил Василевский.

— Нет у нас сейчас резерва, — сказал Сталин. — Готовьте директиву. Нужна танковая армия. Прямо сейчас. А вы, товарищ Москаленко, готовьтесь развернуть ее на западном берегу Дона, в районе Качалин — Рычковский — Калач.

Он показал на карте, но этого не требовалось: все присутствующие могли бы «путешествовать» по этой карте с закрытыми глазами.

24 июля 1942 года, 20 часов, командный пункт Первой танковой армии

Генерал Василевский пожал руку Москаленко и его начальнику штаба — Иванову.

— Докладывайте успехи.

— С успехами не очень, — сказал Москаленко. — За два дня армию толком не сформируешь. Учитывая же, что мы ее лепим прямо на ходу — фактически из тех частей, что находятся под рукой... В тринадцатом танковом корпусе полковника Танасчишина три танковых и одна мотострелковая бригады. Однако в танковых бригадах вместо трех — только по две роты. На весь корпус 123 танка. В мотострелковой бригаде недокомплект в людях.

— Дальше, — махнул рукой Василевский. — Двадцать восьмой танковый корпус полковника Родина — там как?

— 178 танков, однако, у многих дефекты. И все без раций. Пополнение в людях — новобранцы. Нет автотранспорта, нет разведывательного батальона.

— И нет времени, — заключил Василевский. — На южном фланге — на решающем направлении — противник отбросил наши войска за Дон на протяжении от Воронежа до Клетской и от Суrowsикино до Ростова. Остался только один плацдарм в большой излучине Дона. Разведка доносит, что к Паулюсу движется подкрепление. Выводы, товарищи, думаю, ясны.

В этот момент раздался телефонный звонок. Начальник штаба Первой танковой армии полковник Иванов снял трубку. Его лицо становилось все более мрачным.

— Командующий 62 армией генерал Колпакчи сообщает, что возникла реальная угроза окружения значительной части его армии.

Генерал Василевский еще раз взглянул на карту, сделал на ней отметку синим карандашом. Затем произнес:

— Обстановка вынуждает нас принять архитрудное и ответственнейшее решение: безотлагательно нанести контрудар танковыми армиями. Мы планировали такой удар, но не ранее конца июля. А придется выступать немедленно. Первая танковая армия — завтра с утра. Вас поддержат Четвертая танковая, 21, 62 и 64 армии.

— Вы учитываете, что состав Первой танковой очень слаб? — сказал Москаленко.

— Да, — резко обрубил Василевский. — Но выхода нет. На рассвете переправите все, что у вас есть, через Дон. Встретите слабого противника — ваше счастье, громите его к чертовой матери. Встретите сильного — бейтесь до последнего танка на том рубеже, до которого сумеете его отбросить. Ваша главная задача — не допустить гитлеровцев к переправе у Калача.

Он помолчал и закончил:

— Всю ответственность за последствия принятого решения я беру на себя. Целью врага, несомненно, является Калач. От Калача прямой и кратчайший путь к центру Сталинграда.

— А что Четвертая танковая? — спросил Москаленко.

— Четвертая не успевает, она подойдет только через двое суток. Ждать нельзя, — ответил Василевский. — Главный удар падает на Первую.

25 июля 1942 года, 0 часов, расположение 28 танкового корпуса

Полковник Родин прилег прямо на земле, сунув под ухо свернутую шинель. Нужно отдохнуть хотя бы полчаса.

Ему казалось, он знает «в лицо» каждый из своих танков: восемьдесят восемь тридцатьчетверок, шестьдесят Т-70 и тридцать Т-60. И почти у каждого что-нибудь да

барахлит. Восполнить недостатки техники совершенством личного состава невозможно — почти все танкисты новички, даже не бывшие еще в бою.

— Из штаба! — Дежурный, разбудивший полковника, выглядел виноватым.

— Давай. — Родин взял трубку и откашлялся.

Голос Москаленко звучал отчетливо, ясно:

— Заправьте танки горючим. Обеспечьте боеприпасы. Немедленно по готовности выдвигайтесь на позиции.

Родин ответил «так точно». Встал, пригладил волосы, плеснул в лицо холодной воды.

— Командиров бригад — ко мне, — приказал он дежурному.

Из штаба армии скоро доставили приказ. Мда, такое и написать-то непросто, а уж выполнить!.. Переправляться через реку предстояло под непрерывным огнем, под бомбами вражеских самолетов. И едва оказавшись на западном берегу — тотчас вступать в бой.

— Наступать будем с трех ночи, чтобы хотя бы вражеская авиация нас не достала, — приказал Родин.

25 июля 1942 года, 3 часа ночи, берег Дона

Слышно было, как плещет вода. Черная южная ночь скрывала людей и машины. Родин ждал.

Мигнула лампочка полевого телефона.

— Перебрались! — доложил связист.

— Пусть занимают позицию и обеспечивают переправу другим подразделениям, — приказал полковник.

И снова мигнула лампочка.

— Наш третий батальон на марше атакуют пятнадцать танков противника и мотопехота на семи машинах!

— Бабенко! — крикнул Родин. И когда подполковник явился, приказал: — Возьмите тридцать тридцатьчетверок и выручайте третий стрелковый. Иначе перебьют их немцы. Остальные — за Дон. Действуйте.

В двух с половиной километрах от переправы загремел бой.

Наступало утро.

25 июля 1942 года, 17 часов, берег Дона, район Калача

— Докладывайте. — Родин был бледен от недосыпания. Хотелось самому сесть в танк и отправиться в бой.

— Первый танковый батальон переправился и с ходу атаковал противника. — Голос в телефонной трубке звучал хрипло. — Враг отброшен от переправы. Под прикрытием танков два стрелковых батальона заняли назначенный им рубеж и удерживают его.

— Немцы?

— Огонь сильный, бомбят.

— Пусть полковник Лебедеenko со своим батальоном обойдет рощу справа по низинке и врывается в нее с тыла, — приказал Родин. — Выбьем оттуда врага.

...Командующий моторизованной дивизией генерал-лейтенант Шлемер был мрачен.

Ему прислали подкрепление, но он считал, что этого мало.

— Русские совершенно озверели, — он смотрел в бинокль. — Их атака чрезвычайно сильна. — Он покачал головой. — На что они рассчитывают? Мы вернем переправу! Встречный бой навязан им на крайне невыгодных условиях. И потом — наша авиация безусловно господствует в воздухе!

25 июля 1942 года, 19 часов, берег Дона, район Калача

— О, я понимаю, почему они бросают все новые и новые силы! — начальник штаба 52 армейского корпуса генерал-майор Дерр с трудом сохранял достойное арийца спокойствие. — Они нас задерживают у Kalatsch с определенной целью: им нужно выиграть время. Пока мы связаны сражением, они эвакуируют Сталинградские заводы, готовят город к обороне. Это умно!

— Русских много, как муравьев, — сказал Шлемер. — Они могут жертвовать таким количеством людей.

— Да, но могут ли они также жертвовать таким количеством танков? — возразил Дерр. — К середине дня они потеряли, по предварительным подсчетам, около шестидесяти танков. А мы — двадцать семь.

— Каковы будут приказы? — спросил Шлемер.

Дерр вздохнул:

— Переходим к жесткой обороне. Против русских танков использовать все! Даже средства ПВО!

25 июля 1942 года, 22 часа, район города Калач

Переправлялись последние советские части танковой бригады.

Уже темнело. «Немец боится ночного боя», — подбадривали себя командиры.

Напрасно! Одна за другой повисли светящиеся авиационные бомбы, и черные тени немецких самолетов пронеслись низко над землей. Они начали бомбить потонный мост.

Им отвечали советские зенитные батареи. Но переправа остановилась.

— Товарищ полковник, тридцать вторая мотострелковая переправиться не сумела!

Полковник Родин отмахнул рукой:

— Атакуем чем есть! Нужно упредить противника. Сколько танков у нас в пятьдесят пятой танковой бригаде?

— Тридцать шесть.

— Двигаемся в направлении Ложков.

И сам возглавил атаку.

Немцы ждали: Родин встретил плотный огонь. Закопанные в землю танки, противотанковая артиллерия, зенитные пушки — все было нацелено на русские танки.

Каждый метр земли, преодолеваемый под обстрелом, воспринимался Родиным как победа.

Километр... Километр триста метров...

На рубеже в два километра советские танки были остановлены. Потери составили десять танков.

26 июля 1942 года, 19 часов, район села Ложки

— Где пехота? — Командир пятьдесят пятой танковой бригады полковник Лебеденко не находил себе места.

— Опаздывает, товарищ полковник.

— Все, дольше ждать нельзя. Атакуем без пехоты!

Пятьдесят пятая не выходила из боя весь этот жаркий день. Сейчас ей предстояло захватить село Ложки и совхоз «Десять лет Октября». Лебеденко должен был лично возглавить обходной маневр по берегу Дона.

Но пехота опаздывала.

Танки двинулись вдоль берега, постепенно сворачивая к северу.

— А, заметили наконец! — пробормотал Лебеденко, когда немцы открыли беспорядочный артиллерийский огонь.

Советские танки успели пройти уже около четырех километров.

Немцы отступали из села Ложки.

— Нужно захватить высоту, иначе район не удержать! — Лебеденко передал приказ.

26 июля 1942 года, 21 час, наблюдательный пункт Первой танковой армии

Генерал-полковник Василевский внимательно выслушал доклад Москаленко.

— Пятьдесят пятая заняла Ложки, но немец сидит за северными скатами высоты. Закрепился, выдвинул артиллерию. Поэтому Лебеденко вынужден был перейти к обороне.

— Результаты? — спросил Василевский.

— Частичный успех. Когда подойдет Четвертая танковая? Авиационная поддержка недостаточная, артиллерийская — тоже. — Москаленко понимал, что говорит слабо, практически просит, но выхода не было: два дня его недоукомплектованная танковая армия сражалась, по сути, одна.

— Завтра попробуем улучшить ситуацию, — обнадежил его Василевский.

Оба знали, что это почти невыполнимо. Вряд ли Четвертая успеет за один день, под таким обстрелом, переправить все свои танки через Дон. Фактически Первая танковая имела возможность наносить врагу удары силами лишь одного 28 танкового корпуса.

Но основная задача Первой танковой заключалась в том, чтобы как можно дольше удерживать врага от наступления на Сталинград. Каждый выигранный день — победа: это Сталинградские заводы, это орудия и танки для фронта, для Победы.

65. Первый бой Черняховского

22 июня 1941 года, 4 часа утра, расположение 28 танковой дивизии, 20 км к северу от Шяуляя

Солнце только-только поднялось над вершинами сосен, и вдруг утреннюю тишину нарушил гул моторов. Взыла сирена — воздушная тревога.

— Кто в воздухе? — Командир 28 танковой дивизии полковник Черняховский буквально столкнулся со своим начальником штаба, подполковником Маркеловым.

Несколько дней назад в дивизии проводились учения, людей поднимали по боевой тревоге. Но это был приказ самого командира. А сейчас-то что происходит?

— Сведений нет, — ответил Маркелов. — Штаб корпуса молчит.

— Думаете, очередная провокация? — спросил Черняховский. «На немецкие провокации не отвечать», — был стабильный указ из штаба корпуса.

Вместо Маркелова ответили самолеты: бомбардировщики начали пикирование.

Телефоны в штабе дивизии надрывались и вдруг смолкли — вышла из строя телефонная связь. Командиры полков недаром были обучены Черняховским, который не доверял ненадежной телефонной связи: тотчас пошли запросы по радио.

— Открыть огонь по противнику?

«Война... — думал Черняховский. — Не верится. Может, действительно, еще одна провокация? И через пару часов конфликт будет улажен?..»

Еще один взрыв, совсем близко, заставил его отказаться от этих предположений.

«Нет, это война, настоящая большая война. И решение нужно принимать прямо сейчас».

Он срочно вызвал к себе командиров всех частей.

Вечером двадцать первого, затемно, Черняховский приказал своему пятьдесят пятому танковому полку сменить район сосредоточения. Наитие? Сам полковник уверял, что просто выполнял приказ, в котором весьма обтекаемо было написано: «Обеспечивать бдительность».

Если бы пятьдесят пятый не ушел нынче ночью, утром немецкие пикировщики не оставили бы от него даже воспоминаний: бомбили аккуратно тот участок леса, где еще накануне размещались танки.

Командиры наконец собрались.

— По противнику открывать огонь самостоятельно, — приказал Черняховский. — И готовьтесь к маршу.

Мобилизационный план, разработанный столь тщательно, летел ко всем чертям. Война сразу пошла «не так».

У Черняховского имелось более двухсот танков в этом лесном массиве. И никакой связи с командованием корпуса и соседями.

В эфире царил настоящий хаос. Радист пробивался сквозь него четыре часа.

22 июня 1941 года, 8 часов утра, район Шяуляя

— Иван Данилович, есть связь!

Маркелов лично принес первую радиограмму из штаба корпуса.

«Германия напала на Советский Союз, ее войска вторглись на глубину 50-60 километров, приготовиться к контрудару».

— Что соседи? — допытывался Черняховский. — Почему нет известий от командира корпуса?

Командир корпуса генерал Шестопалов медлил: ждал указаний из штаба армии.

Слишком опытен. Слишком долго учился выполнять приказы.

— Каждая минута на счету! — Черняховский не находил себе места. — Необходимо контратаковать, немедленно!.. Где соседи?

Но известий по-прежнему не поступало.

Затем посыпались приказы.

— Развернуть дивизию для контратаки!

Черняховский начинал подготовку, но почти сразу приходил новый приказ: «Отставить». Затем вновь предлагалось атаковать — и снова отбой.

— Плохо, — говорил Черняховский, не сводя глаз с оперативной карты. — Мы растянуты по фронту на шестьдесят километров. Враг господствует в воздухе. Где наша авиация? В таких условиях ни о каком массированном танковом контрударе и речи быть не может.

Он твердо был убежден в том, что вводить танки в сражение по частям — огромная ошибка, если не сказать преступление. Танки должны действовать массированно.

А соседи где-то «потерялись». Место дислокации постоянно менялось.

Дивизия Черняховского двигалась в указанном направлении, к Таураге, где должна была, в соответствии с приказом, нанести удар по вклинившемуся противнику.

23 июня 1941 года, 10 часов утра, район Калтыненяй

— Вызывайте снова, — требовал Черняховский у радиста. — Где двадцать третья танковая дивизия?

Двадцать третья всё не появлялась. И известий от нее не поступало.

— Бьем сами! — решил Черняховский. — Дольше ждать нельзя.

...Только к концу дня стало известно, что двадцать третью командующий 8-й армией генерал Собенников использовал совершенно не в том направлении, какое было определено фронтовым штабом.

Черняховский действительно остался один.

— Будем атаковать с двух направлений: с фронта — тридцатью танками под командованием командира полка майора Онищука, с фланга — семнадцатью танками во главе с заместителем командира полка майором Поповым.

Танки вышли из леса, который до сих пор служил им укрытием.

Онищук с ходу ворвался в расположение противника и начал расстреливать мотопехоту.

Черняховский наблюдал за боем из командирского танка.

— Теория закончилась, началась практика, — сказал он себе. — А практика такова, что противник с боями прошел Францию, Польшу. Мои же танкисты идут сейчас в своей первый бой... И я тоже.

Он поднес к глазам бинокль. Хороший, цейсовский. Немецкий.

— Посмотрим, что у них за танки...

Против БТ-7 и Т-26 двадцать восьмой танковой дивизии Черняховского стояли «четверки» — немецкие Т-IV. Во Франции они уже показали себя.

По толщине брони и дальности пушек «четверки» сильнее. Орудия тоже не равны по силе: семидесятипятимиллиметровые «четверок» против сорокапятимиллиметровых наших. Что еще? Да. Наши легкие танки заправляются бензином. Загорится — экипаж может и не успеть выскочить. Пылает знатно.

Что остается? Только маневр.

...Сейчас уже танки Попова должны выйти в тыл и фланг противнику. Где же он? Онищук вовсю дерется с немцами. Один, затем и два БТ-7 уже горят... Новый факел — Т-26.

Черняховский не находил себе места. Столько лет учебы! Академия с отличием! Он так тщательно учился воевать — действовать активно, навязывать врагу свою волю...

И вот теперь он просто смотрит, как горят его танки. Пять танков. Все, дольше ждать нельзя.

— Я должен увидеть и попробовать все сам, — решил командир дивизии. — Учиться в бою — не лучшее решение, но другого нет.

Он обратился к своему механику-водителю, сержанту Лаптеву:

— Заводи мотор, Миша. Едем.

Командирский танк помчался к передовой. Вокруг рвались снаряды. Механик-водитель лавировал, как сумасшедший, танк нырял в овраги, петлял между деревьями.

Черняховский увидел в перископ на башне танка, как Т-IV подбил БТ-7 с расстояния восьмисот метров. Советский танк вспыхнул.

Черняховский развернул башню и выстрелил. Снаряд отскочил от лобовой брони «немца».

— Что за черт! — выругался Черняховский. — Не берет наш снаряд их броню!

— Миша, ближе, — приказал он водителю.

За командирским танком устремились и машины майора Онищука.

До «четверки» оставалось совсем немного, метров четыреста.

— Огонь!

Снаряд, выпущенный комдивом, ударил в борт «четверки».

— Ага, горишь! — крикнул Черняховский. И вызвал майора: — Онищук, я двадцать первый. Подпускай немца на триста-четыре метра, бей в борта! Слышишь — в борта!

— Вас понял, — донеслось в ответ.

В этот момент в наушниках послышался голос начальника оперативного отделения дивизии капитана Пашкова:

— Двадцать первый, возвращайтесь на КНП. Из штаба армии получена новая боевая задача.

«Двадцать первый» неохотно покинул поля боя, вбежал на командно-наблюдательный пункт, сорвал шлем:

— Какая задача?

— Никакой, — невозмутимо ответил Пашков. — Просто вы, товарищ комдив, слишком уж увлеклись ролью командира танка. Надо было как-то утащить вас с поля боя. Вы здесь нужны, а не там.

Черняховский сжал зубы. Пашков, конечно, прав, но...

Стараясь говорить спокойно, комдив ответил:

— Я должен был сам понять, чем отличается теория от практики. Мы предполагали, что немецкие танки будут менее мощными. Нужно было выработать тактику...

— А теперь вы нужны на КНП, — сказал Пашков.

Сражение шло, а Попов со своими танками все не появлялся.

И вдруг в тылу врага лес затрясся от частых выстрелов. Немецкие пушки начали умолкать одна за другой. Попов дошел и атаковал врага.

— Дивизионной артиллерии подавить батареи противника, стреляющие по танкам Попова, — приказал комдив. — Немедленно.

Попов в головном танке заметил замаскированные орудия противника и приказал механику-водителю:

— Дави их!

И взял на прицел одно из орудий.

На большой скорости танк Попова раздавил одно, затем, развернувшись, — и второе.

И вдруг машина резко остановилась: немецкое орудие успело сделать последний выстрел.

Советский танк загорелся. Попов вывалился из него, скатился на траву. Приподнялся: его танки шли, развернувшись в боевой порядок. Сражение продолжалось.

Рядом с Поповым остановился БТ-7.

— Быстрей, товарищ майор, убьют!

Попова втащили в машину. На опушку уже вбегала группа фашистских автоматчиков. БТ-7 открыл по ним огонь.

И тут ударило по броне советского танка. Мгновенно погибли стрелок и механик-водитель. Попов был ранен. Из последних сил занял он место башенного стрелка.

В башню снизу уже рвалось пламя.

Последний снаряд.

Попов откинул крышку люка, выбрался из танка. Еще один взгляд на поле боя. Сражение не останавливалось, советские танки шли на автоматчиков, огонь не прекращался.

Последним, что видел майор Попов, были его боевые товарищи. Когда к нему подбежали свои, он уже не дышал.

— Что враг? — спросил Черняховский.

— На нашем участке остановлен. Мы вклинились в их расположение на пять-шесть километров.

Черняховский был мрачен. Сегодняшние потери казались тем более горькими, что их можно было избежать. По мобилизационному плану — который, как оказалось, имел мало общего с реальностью, — один из полков его дивизии должен быть укомплектован танками Т-34 и КВ.

И где эти танки?

До войны Красная Армия получила их слишком мало...

Да, некоторый успех сегодня достигнут. Но Черняховский отдавал себе отчет: закрепить этот успех сил не хватит. Связи с двадцать третьей танковой дивизией нет, а тут еще из состава дивизии отозвали мотострелковый полк.

Танкисты Черняховского остались и без взаимодействия с соседями, и без поддержки пехоты.

Будет очень жарко.

24 июня 1941 года, район Калтыненяй

Немецкий радист повторял:

— Пришлите авиацию, пришлите сюда авиацию!

— Доложите обстановку, — требовали в штабе.

— Сильное сопротивление со стороны русского танкового командира, — сообщил радист, глядя в криво исписанный листок. — Дивизия из Риги. Фамилия командира как-то на букву «Ч». Повторяю, необходима поддержка с воздуха.

— «Ч»? — переспросил голос в наушниках. — Как «Чапаев»? Вы что, испугались какого-то киногероя, погибшего двадцать лет назад?

— О, этот «Ч» вполне живой и очень серьезно огрызается, — был ответ.

...На рассвете в распоряжение двадцать восьмой дивизии Черняховского прилетели немецкие бомбардировщики.

Танки рассредоточились.

Ждали советскую авиацию.

И красные соколы прилетели — два И-16.

Они были сбиты в течение нескольких минут.

Настроение у танкистов было подавленное.

— Товарищи! — сказал Черняховский. — Мы сейчас будем отходить. Но каждый рубеж немцам придется устилать своими телами. И скоро мы вернемся назад — даже следа врага не останется на нашей земле.

66. Воронежский рубеж

28 марта 1942 года, Восточная Пруссия, ставка Гитлера «Волчье логово»

Совещание длилось уже три часа, но фюрер не выказывал ни малейших признаков усталости.

Основной стратегический вопрос, касающийся предстоящей летней кампании, звучал так: Москва или фланги?

— Мы должны сосредоточить наши основные усилия именно на флангах, — сказал наконец фюрер. — Прорыв на Кавказ — главная цель. Там — ресурсы, нефть... На севере нам предстоит взять Ленинград и «дотянуться» до финнов.

— А Москва? — подал голос начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер. — Взятие столицы послужило бы...

— Вот пусть русские и считают, что мы нацеливаемся на их столицу, — мгновенно отозвался Гитлер. — Подготовьте соответствующую дезинформацию, пусть поработает ведомство Канариса.

Гальдер подошел к большой карте, вывешенной на стене:

— Какова же будет наша основная цель?

— Воронеж, — сказал фюрер. Он тщательно изучил обстановку и не упустил возможность блеснуть познаниями. — Воронеж — ключ к Дону с его многочисленными переправами. Это транспортный узел коммуникаций Центральной России: железная, шоссейные дороги, водный путь. Воронеж — вот точка поворота наших армий на юг!

— Предлагаю назвать этот план «Зигфрид», — произнес Гальдер.

Гитлер чуть поморщился. После того, как план «Барбаросса» провалился — зимнюю кампанию при всем желании нельзя было считать успешной, — фюреру не хотелось прибегать к именам героев германского эпоса.

— Зигфрид — слишком обязывает, — выговорил наконец фюрер. — Следует быть скромнее, Гальдер. Назовем операцию «Блау».

31 марта 1942 года, Москва, Кремль

Сталин ждал. Совещание затягивалось.

Наконец он перевел взгляд на самого решительного из своих военачальников:

— А вы что скажете, товарищ Жуков?

Жуков ответил мгновенно — видно было, что ответ вертелся у него на кончике языка:

— Считаю, что на всех участках нам следует держать оборону. Мы можем перейти в наступление только на одном участке, и на нем следует сосредоточиться.

Сталин медленно прошелся по ковру — три шага в одну сторону, три шага в другую. Видно было, что он недоволен.

Наконец он спросил:

— И какое направление вы считаете наиболее вероятным? Куда, по-вашему, нацелится враг?

— Полагаю, Москва, — ответил Жуков.

— Я тоже так думаю, — кивнул Сталин. — Однако нельзя просто окопаться и стоять на месте. Считаю необходимым в мае освободить Орел, Харьков, разгромить ржевско-гжатскую группировку противника. После этого — Ленинград и освобождение Донбасса. Наша стратегическая цель, товарищи, — к концу года выйти на государственную границу СССР.

Все молчали. Перспектива выглядела захватывающе.

Сталин чуть усмехнулся:

— Что притихли, товарищи? Нынешней зимой мы почти разгромили немцев. Так добьем их! Наши силы с тех пор не уменьшились, а выросли, и выросли существенно.

Он перевел взгляд на маршала Тимошенко:

— Какое ваше мнение, товарищ Тимошенко, насчет наступательной операции на юго-западном направлении — силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов? Как ваши войска, товарищ Тимошенко, справятся с такой задачей?

Тимошенко кашлянул и ответил вполне решительно:

— Они сейчас и в состоянии, и, безусловно, должны нанести упреждающий удар.

— Хорошо. — Сталин подошел к карте. — Основная задача овладеть на левом крыле районами Харькова и Краснограда, в центре — Курском и Белгородом. И в конце концов, — он сделал короткую, выразительную паузу, — в конце концов выйти на Днепр.

2 апреля 1942 года, Москва

Столица выглядела по-военному сурово: на площадях — позиции зенитных батарей, в вышине плавают аэростаты. Окна перечеркнуты белыми полосками бумаги.

И все-таки у Героя Советского Союза генерал-майора Александра Ильича Лизюкова было приподнятое настроение.

Позор сорок первого года, когда армия отходила, оставляя один населенный пункт за другим, когда бои шли под стенами Москвы, — этот жгучий кошмар вот-вот должен был рассеяться.

Александр Ильич желал только одного: наступать.

Его вызвали в Ставку. Сталин смотрел на него испытующе, чуть ироническим взглядом, явно рассчитывая смутить.

Лизюков ждал.

Сталин сказал:

— Сейчас формируются четыре новых танковых корпуса. Вы назначаетесь на Второй. Отправляетесь в Горький.

Лизюков отсалютовал и вышел.

Сейчас даже мрачный вид столицы не мог развеять его радости. Формирование крупных танковых соединений может означать лишь одно: близок поворот в войне, долгожданный переход к наступлению.

7 апреля 1942 года, район города Елец

Составы с новыми, только что с завода, танками Т-34 мчались на Брянский фронт.

Эти эшелоны шли, обгоняя все остальные, вынужденные ждать на всех полустанках.

Но возможности железной дороги ограничены, и танки, несмотря на все принятые меры, прибывали недостаточно быстро. На станциях их выгружали, и дальше они двигались своим ходом.

В степи задували теплые ветра, начинала зеленеть трава.

Моторы ревели, одолевая весеннюю распутицу, колесные машины увязали, и их приходилось толкать.

Командир Второго танкового корпуса ехал в своей «эмке» в самой гуще колонны. Наступление, скоро наступление!

Второй танковый корпус разместили в пятнадцати километрах западнее от Ельца — где находился штаб Брянского фронта, — в селе Казаки.

Задача, поставленная перед Вторым танковым корпусом, пока оставалась неопределенной: он находился в резерве фронта. В любой момент следовало быть готовым нанести контрудар по врагу.

Пока что было время на то, чтобы изучить направления и рубежи, отработать вопросы взаимодействия с «соседями».

Время есть. Очевидно же, что немцы постараются нанести удар по Москве, — там их ждет наша жесткая оборона, — а мы тем временем ударим врага в Брянске.

11 июня 1942 года, окрестности Ельца

— Наконец-то! — такими словами Александр Ильич Лизюков приветствовал своего начальника штаба полковника Другова.

Лизюков выглядел уставшим, измотанным.

В конце мая его неожиданно повысили до командарма.

— Мы поручаем вам формирование и командование Пятой танковой армией, — сказал ему начальник Генерального Штаба Василевский. — Знаю, дело очень серьезное, но ведь у вас имеется и специальное образование. Вы же танкист с середины двадцатых, умеете командовать танковыми соединениями. Справитесь и с армией.

— Значит, все-таки большое наступление? — тихо спросил Лизюков.

Василевский пожал ему руку:

— Отправляйтесь в Елец. Сдайте Второй танковый корпус и возглавляйте армию. Работы невпроворот, действуйте.

Армия «сколачивалась» на ходу: Второй и Одиннадцатый танковый корпуса, затем еще отдельная танковая бригада, минометный полк, легкая артиллерия... стрелковая дивизия — без пехоты никуда... отдельный зенитный дивизион...

Танки. Одна тяжелая бригада на КВ. Две бригады, укомплектованные тридцатьчетверками и легкими Т-60.

Т-60 бьют фактически ружейной пулей. Естественно, броню не прошибут, но живой силе противника урон нанесут — будьте-нате.

Только вот нужно добраться до противника.

У Пятой танковой армии до сих пор было ни штаба, ни связи. Время от времени прибывали офицеры из оперативного отдела фронта — они были у командарма «на подхвате» и быстро исчезали.

— Товарищ полковник, что слышно об остальном штабе? — настойчиво спрашивал Лизюков. — Мне нужен собственный оперативный отдел, а главное — батальон связи и штабная авторота.

— Скоро, Александр Ильич, скоро, — заверил Другов.

28 июня 1942 года, 5 часов утра, район Ельца

Штаб Брянского фронта заканчивал работу над предстоящей Орловской наступательной операцией. Основной ее замысел уже отчетливо виден был на карте.

Порой казалось, что события, планируемые штабом, уже происходят в реальности.

— Все, товарищи, нужно поспать. — Начальник штаба фронта Михаил Ильич Казаков решительно защелкнул застёжку планшета. — Завтра продолжим. Скоро начнется наступление.

...На рассвете телефоны в штабе буквально взорвались звонками.

Немцы перешли в наступление сами.

Армейская группа «Вейхс» — носящая имя своего командующего, генерал-полковника Вейхса, — ударила на левому крылу Брянского фронта.

4 июля 1942 года, КП Пятой танковой армии в районе населенного пункта Слепуха

Начальник Генерального штаба Василевский приказал остановить машину.

Немецкие самолеты приближались.

— В укрытие!..

Пришлось бежать под вражескими бомбами. Лизюков встретил представителя Ставки мрачно:

— Их авиация господствует в воздухе. Иногда головы не поднять. Как действовать танками, если наших истребителей практически не видно?

— Ну, Александр Ильич, не все так плохо, — сказал Василевский. — Давайте сразу к делу. Вы должны завтра, самое позднее послезавтра нанести контрудар в направлении Землянска. Противник прорвался на Дон возле Воронежа. Необходимо перехватить пути подвоза и тылы танковой группы противника. Действуйте, не дожидаясь полного сосредоточения всех сил вашей армии.

— Это противоречит всему, что я знаю о танках, — сказал Лизюков. — Вы же сами говорили, у меня есть опыт и образование!.. Танковым корпусам придется наступать как общевойсковым соединением — с указанием полос наступления, разграничительных линий, мест расположения командных пунктов... Это нарушает главный принцип — массированное применение танков. Мы растянем танковые корпуса по всему фронту. А как организовать взаимодействие? Связь ненадежна.

— Вам придется поступить так, — голос Василевского стал жестким. — Этот приказ не подлежит изменению. Для усиления армии вам передается Седьмой танковый корпус генерала Ротмистрова. Он сейчас направляется сюда по железной дороге из Калинина.

— И его, конечно же, по дороге бомбят, — горько добавил Лизюков. — Вы сами видели, что немцы творят в воздухе.

— Действуйте, — повторил Василевский. Он вдруг почувствовал страшную усталость и попросил воды.

7 июля 1942 года, район Воронежа (берег речки Кобылья Снова)

Ротмистров был в ярости. Ни связи, ни каких-либо толковых разведданных. В каком направлении двигать танки? Где противник?

На легком танке прибыл офицер из штаба армии, передал приказ: наступать!

Уничтожить противника в районе Ломовка, Перекоповка, Северные Озерки.

Ротмистров с хрустом развернул карту, глянул, перевел взгляд на свои танки.

Седьмой корпус еще не весь собрался на берегу проклятой речки Кобылья Снова.

Еще подходили отставшие, опоздавшие. Кто-то не дойдет — немцы бомбят непрерывно. Речку перешли, атаковали немецкие танки, вернулись на другой берег, опять перешли речку.

Ротмистров видел, как дым затягивает поляну: там горел танк. Немецкий, наш? Пехота выскочила из леса — в мирные времена жители Ломовки ходили туда за грибами, — и побежала, окружая тридцатьчетверки. Пора.

Десять танков двинулись в атаку. Навстречу выскочили PzIV. Немецкой пехоты видно не было.

Зато в воздухе опять завывли бомбардировщики.

7 июля 1942 года, НП Брянского фронта

Лизюков прибыл в штаб к вечеру.

Новый командующий фронта — генерал-лейтенант Чибисов, человек вообще-то довольно флегматичный, был вне себя.

— Почему топчетесь на месте, товарищ Лизюков? Почему не выполнили боевую задачу?

У Лизюкова дернулась щека, и вдруг он закричал:

— Я требую, слышите — требую! — надежного авиационного прикрытия! Моя пехота вообще не в состоянии вести боевые действия. Вторая и Двенадцатая мотострелковые

бригады почти выбиты немецкими бомбами, а те, кто остался жив, прекратили всякие действия, потому что это бессмысленно.

— Пытаетесь свалить все на авиацию? — резко спросил Чибисов. — А танки у вас для чего?

— Послушайте, — сказал Лизюков, стараясь говорить спокойнее, — вы не позволили мне нанести удар железным кулаком, хотя танки у меня именно для этого! Вы заставили меня вводить армию в бой по частям, и я подчинился. Так хоть теперь сделайте по-моему — прикройте меня с воздуха, дайте авиацию, иначе все погибнет.

— Вы трус, товарищ Лизюков, — тихо, расчетливо произнес Чибисов.

Лизюков страшно, до зелени, побледнел и вышел.

7 июля 1942 года, Берлин

— Сегодня наши победоносные войска, сломав хребет Красной Армии и навязав ей свою волю, заняли город Воронеж! — гремело радио.

Это фактически было правдой. Несколько кварталов города еще оборонялись советскими войсками, но падение города было вопросом нескольких часов.

— Сейчас я считаю, — заявил фюрер, — что мы можем начать новую операцию. Прорыв на Сталинград теперь легко осуществим. Именно туда следует двигаться Шестой армии Паулюса.

15 июля 1942 года, Ставка Верховного Главнокомандования

— Пятая танковая армия с задачей не справилась, — медленно проговорил товарищ Сталин. — Предлагаю ее как армию ликвидировать, а товарища Лизюкова вернуть обратно во Второй танковый корпус. Танковым корпусом он командовал, кажется, вполне прилично.

25 июля 1942 года, район деревни Медвежье Воронежской области

Командир Второго танкового корпуса смотрел прямо в глаза генерал-лейтенанту Чибисову.

Это была их первая встреча после памятной стычки, когда Чибисов назвал Лизюкова «трусом».

— Стало известно, товарищ Лизюков, — сказал Чибисов зло, — что один из ваших батальонов попал в окружение. Извольте лично вывести его.

Лизюков молча отсалютовал и вышел.

В нем трудно было сейчас узнать генерала — он носил обычный комбинезон танкиста.

Скоро заревели моторы — танки двинулись на врага.

Первая гвардейская танковая бригада двинулась к реке Сухая Верейка.

Река только называлась так — на самом деле пойма ее была низкой, заболоченной, совершенно непроходимой.

Танки шли на противника без прикрытия.

Немецкие батареи встретили их бешеным огнем, и с наблюдательного пункта хорошо видно было, как один за другим вспыхивают КВ и тридцатьчетверки...

Командирский танк, в котором находился Лизюков, вырвался далеко вперед, и вдруг остановился, словно налетел на невидимую преграду. Вокруг него рвались снаряды.

— Покинуть танк! — отдал приказ командир.

Первым вылез через верхний стрелок-радист, но его тут же сразила очередь. Механик-водитель, раненый, упал на землю, укрываясь за подбитым танком. Лизюков покидал машину последним. Рядом с ним разорвался снаряд.

Генерал был в простом комбинезоне, снаряд изуродовал его лицо. Его похоронили в братской могиле, и он считался пропавшим без вести.

67. По вражеским тылам

5 ноября 1943 года, Москва

«Наступать, — размышлял Сталин. — К двадцать шестой годовщине Октября необходимо взять Киев. И дело не только в том, что это будет идеологически правильно, не только...»

Верховный отдавал себе отчет в том, что стремительное наступление приведет к жертвам. Но эти жертвы будут гораздо более тяжелыми, если операция затянется.

Развивая успех, следует перерезать железную дорогу Киев — Фастов. Завтра, крайний срок — послезавтра. А потом — Киев и полное изгнание немцев из Правобережной Украины.

Директива была подписана.

6 ноября 1943 года, ставка Гитлера

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн верил в судьбу, в рок. И понимал: судьба бывает отчаянно несправедлива. Кажется, победа уже в руках, еще немного — и дотянешься, коснешься ее кончиками пальцев... Но затем происходит нечто непонятное, и она ускользает.

Участок фронта на Днестре, зона ответственности германской Четвертой танковой армии, с трудом сдерживал атаки Советов.

Манштейн знал: главное — понять, имеет ли очередное наступление русских некие далеко идущие цели или же противник пытается занять плацдарм западнее Днестра.

Русские научились исключительно ловко имитировать направление главного удара — с тем, чтобы потом атаковать совершенно в другом месте. И сил у них все прибывает.

Новые танки приходят из-за Урала.

Четвертая танковая задыхается. Уже пятого ноября Манштейн понял: Киев не удержать. Северный фланг, порученный Четвертой, будет смят.

Единственная надежда — бросить все силы сюда, на помощь Четвертой. На подходе находятся еще три танковые дивизии. Манштейн жаждал пополнить их.

Но фюрер... Он категорически приказал использовать эти дивизии в нижнем течении Днестра.

Манштейн вылетел в Ставку.

Гитлер встретил его мрачно. Гипнотизирующий взор фюрера пронзил фельдмаршала, но Манштейн собрал всю волю в кулак и постарался не опустить глаз.

Он слишком хорошо знал, как Гитлер умеет подчинять себе людей. Многие, слишком многие спасовали перед этим магнетическим взглядом!..

— Мой фюрер, — заявил Манштейн, — мне нужны эти три дивизии. Иначе придется оставить Киев.

— Я не намерен, — холодно ответил Гитлер, — упустить единственный в своем роде шанс удержать Крым. Сейчас у нас есть для этого силы.

— Но Киев... — снова начал Манштейн.

Рейхсканцлер перебил его:

— Под Киевом мы не в состоянии достичь такого решительного успеха, как в Крыму. Если я сейчас переброшу танки к вам, мы не удержим ни Крым, ни Киев. Все погибнет.

— Мне тяжело признавать это, но... — снова попытался Манштейн.

Гитлер не дал ему договорить. Он почти закричал:

— Вы понимаете, что необходимо, просто необходимо показать нашей армии, что она еще в состоянии наносить успешные удары? И кроме того — Никополь, месторождения марганца... Нам необходим Крым. Он куда важнее, чем Киев. Если русские захватят Крым, они получат тем самым плацдарм для действий своей авиации против румынских нефтяных промыслов.

— Мой фюрер, я прошу прощения за то, что употреблю английское слово, — храбро сказал Манштейн, — но я джентльмен. И прошу не за себя, даже не за свою карьеру. Риск на нашем северном фланге чрезвычайно велик. Если Четвертая танковая сейчас дрогнет — тем самым будет решена судьба групп армий «Юг» и «А».

— Да, — медленно проговорил Гитлер, — риск весьма велик. Но в сложившейся обстановке я готов пойти на это. — Фюрер не стал употреблять английское слово «джентльмен», слишком уж велико было его отвращение к Англии. Он просто добавил: — Я готов взять на себя этот риск, если вы боитесь, фельдмаршал.

Манштейн вышел взбешенный, смущенный — и готовый к поражению, которое сейчас уже представлялось ему неизбежным.

Он отдал приказ оставить Киев.

7 ноября 1943 года, Белая Церковь

Генерал-фельдмаршал Манштейн собирал силы.

Из Франции прибыла 25-я танковая дивизия. Сто новых танков «Тигр».

Манштейн не обольщался: для большинства этих танкистов первое столкновение с русскими дикарями будет означать шок. Он уже видел, как это бывает.

«Многие погибнут, — думал генерал-фельдмаршал, — но остальные обретут мощь невиданной силы».

Люди посмеивались, переговаривались, собирались возле своих танков. Курили, показывали товарищам фотографии невест.

А завтра они будут брошены в страшную мясорубку. Но никто из них и виду не подает, что страшится. Настоящие арийцы, опора Германии.

Сюда же должна была с минуты на минуту прибыть танковая дивизия СС «Рейх». Ожидалась и пехота.

Для контрнаступления почти все готово.

7 ноября 1942 года, район Фастова

Командующий 1-м Украинским фронтом генерал Ватутин был краток.

— Мы не должны позволить противнику организовать оборону. Продвигаемся вперед. Преследуем днем и ночью, выходим на тылы отходящего врага, окружаем и уничтожаем его.

Заревели танки.

91-я отдельная танковая бригада полковника Якубовского рванулась вперед.

В семь часов утра советские танкисты отмечали красный день календаря на окраине Фастова.

Сражение завязалось у железнодорожной станции. Немцы оборонялись отчаянно, и Якубовский начал понимать, что может увязнуть в боях на окраине города.

Но помощь пришла быстро: к Фастову прибыли части Шестого гвардейского танкового корпуса генерала Панфилова.

Вагоны на станции слетали с рельсов, взрывались. Горели цистерны, огонь перекидывался на здания.

Танки входили в улицы, вели огонь по зданиям. Шли «лесенкой», прикрывая друг друга.

К середине дня пошел дождь.

Немцы, огрызаясь, отходили от Фастова на Белую Церковь.

— Сколько эта земля видела сражений, — задумчиво произнес полковник Якубовский.

Он вышел из командного танка, осмотрелся. Площадь лежала в развалинах. Трудно было даже определить, что за здания здесь находились: рынок, городской совет, дворец культуры?..

Угол широкой улицы занимал развороченный танк с наполовину снесенной башней. Немецкий танк, «Тигр». Машина очень хорошая, заслуживающая всяческого уважения.

— Кто подбил «Тигра»? — спросил Якубовский.

— Выясним... — Адьютант отлучился и скоро привел дочерна закопченного человека с ожогом на щеке.

— Сержант Казаков, — представился тот.

— Ты подбил «Тигра»? — строго, словно готовясь сделать выговор за сломанную вещь, спросил командир.

— Наш экипаж, товарищ полковник, — поправил сержант. — Дорого пришлось заплатить — командир младший лейтенант Кутузов погиб.

Якубовский присмотрелся — сержанту было лет двадцать, если не меньше. «Представлю к награде, — решил он. — Весь экипаж представлю».

Бои предстояли тяжелые.

Немцы так запросто с Фастовом не расстанутся. Разведка докладывает о прибытии свежей 25-й дивизии из Франции. И эсэсовцы подтянулись, танковая дивизия «Рейх». Это серьезный противник.

А погода подвела: из-за дождей дороги стали почти непроходимыми. Мотопехота и артиллерия отстали от танковых частей. Да и танкам приходилось нелегко.

8 ноября 1942 года, район Фастова

Танки 55-й бригады упорно шли по грязи. Той самой, которая была непроходима для немецких «коллег»: если верить пленным, те всерьез считали знаменитые русские дороги каким-то тайным оружием Советов.

Накануне в бригаду приезжал командующий армией Рыбалко. Задача, им поставленная, была не из легких: прорваться в глубокий тыл врага. Цель — крупное село Павлолочь.

— Хорошо, что дождь, — говорили танкисты. — Погода нелетная.

Германская авиация продолжала оставаться серьезным врагом. Хотя уже далеко не таким страшным и действующим настолько безнаказанно, как в первые месяцы войны.

— ...Стой!

У деревянного моста через речку Каменку машины остановились. Вперед выдвинулись саперы.

— Заминировано!

Танки подтягивались к переправе. Люди курили, поглядывали на небо, на неторопливо и умело работающих саперов.

Зачем торопиться, захватывать рубеж Павлолочь — Попельня, держать его до подхода сил всей Третьей армии? Рядовые танкисты этим вопросом не задавались. Наступают — вот что хорошо. Это — главное.

А какие там стратегические расчеты — это дело командования.

Расчеты же были такие, что следовало поскорее разобраться с «французской» 25-й танковой дивизией немцев...

— Артиллерийская батарея и второй танковый взвод Максимова — в засаду, — пришел приказ. — Встретите немцев огнем на дальних подступах. Пусть развернутся к нам раньше времени. Главным силам бригады продолжать движение на Павлолочь.

Туман сгущался. Видимость была нулевая.

В этом тумане скрытно друг от друга передвигались крупные силы неприятелей.

Пятьдесят пятая танковая — советская — шла на запад.

Двадцать пятая танковая — немецкая — на восток.

Затем немцы, как и планировалось, наскочили на советскую артиллерию. В тумане начался обстрел.

В небо ударили взрывы. Темнело, ночь вспыхивала багровым. В селе Павлолочь слышали бой и видели пожар.

Навстречу советским танкистам выбегали люди:

— Сынки! Вы пришли!

— Что горит? — свирепо спросил командир бригады.

Уничтожались тылы двадцать пятой бригады — свеженькой, только с Ла Манша...

Десятки цистерн с бензином пылали, и на фоне огня металась фигурки людей. Мотоциклы, даже танки — все выглядело маленьким на фоне грандиозного пожара...

На мокрой, смятой карте почти стерлись следы синего карандаша — пометки, сделанные в штабе два дня назад.

Судя по карте, бригада действительно зашла в глубокий тыл врага.

9 ноября 1943 года, 4 часа утра, район села Паволочь

— Заночуем здесь, — решил лейтенант Лютцов.

Мотострелки 146-го полка, входящего в двадцать пятую танковую дивизию, устали, вымотались. С берегов Атлантики они, можно сказать, рухнули в эти мрачные украинские леса.

Им предстояло отбить у русских и удержать Киев. Говорят, красивый и большой город.

Техника, люди — все нуждалось в отдыхе.

Лютцов не вполне был уверен в том, что означал ночной пожар. Он подозревал худшее — русские сожгли цистерны с горючим для немецкой техники. Проклятые Partisanen! Говорят, эти бандиты здесь так и кишат...

Добравшись в темноте до села — как там оно называется, — мотострелки расположились на ночлег.

...— Подъем, фрицы!

На редкость неприятный голос принадлежал на редкость неприятному типу: с ожогом на щеке, в танковом шлеме, в прожженном комбинезоне. На шее автомат.

Лютцов вскочил, рванулся к выходу из избы, оттолкнул русского, который мешал ему выйти.

Русский, ухмыляясь, не препятствовал. Лютцову стоило бы насторожиться — дурная примета, определенно, — но он был слишком ошеломлен случившимся.

Деревню окружали тридцатьчетверки. Везде находились русские.

Мотострелки бросились к своим машинам. И опять же, русские не мешали им. А это могло означать лишь одно.

Ни мотоциклов, ни танков там, где их оставили накануне, больше не было.

— В лес! — крикнул Лютцов.

Кто мог, метнулись в сторону леса, но там их быстро перехватили: засада была наготове.

Медленно, один за другим, немцы бросали оружие и поднимали руки. Почти пятьсот человек попали в плен. 146-й гренадерский мотострелковый полк прекратил свое существование.

68. На Киев!

24 октября 1943 года, Москва

Сталин был недоволен.

— Чем вы объясните неудачу на Букринском плацдарме?

Жуков кашлянул, готовясь отвечать, но Верховный перевел взгляд на командующего войсками 1-го Украинского фронта:

— Пусть отвечает товарищ Ватутин! Третья гвардейская танковая армия потеряла почти четыреста танков и вынуждена была перейти к обороне. Почему такое произошло, товарищ Ватутин? Мы разработали, я считаю, очень хороший план по освобождению столицы Советской Украины.

Ватутин получил приказ в конце октября и принял решение нанести главный удар с Букринского плацдарма в направлении на Васильков и Фастов — обходя Киев с юго-запада.

Третья гвардейская танковая армия, как предполагалось, должна была на третий день наступления овладеть Белой Церковью, на четвертый — выйти в район Фастов...

Вместо этого — топтание на месте и вынужденный переход к обороне.

— Местность трудная для танков, товарищ Сталин, — заговорил Ватутин. — Эффективно применять бронетехнику трудно. А у противника сильно укреплена оборона. Боеприпасов, чтобы разделаться с ними, не хватает.

Сталин мрачнел с каждым мгновением. Жуков делал Ватутину «зверское лицо»: не раскисать, докладывать четко, уверенно! А главное — никакой безнадежности. Следует дать Верховному не только отчет о неудачах, но и готовый план.

Сталин опередил Ватутина:

— У вас, конечно, имеется решение, как исправить ситуацию, товарищ командующий?

— В первую очередь следует усилить фронт, — сказал Ватутин мгновенно. — Больше боеприпасов. Тогда мы сможем прорвать оборону противника южнее Переяслав-Хмельницкого.

— А что севернее Киева? — спросил Сталин. — Согласно плану, мы должны были охватить его с двух сторон.

— Севернее нужно усилить фронт хотя бы одной общевойсковой и одной танковой армиями, — вступил Жуков.

— Сколько дней предполагаете на подготовку наступления?

— Десять, — сказал Жуков, не дрогнув ни одним мускулом.

Воцарилось молчание.

Затем Верховный с утешающим спокойствием проговорил:

— У меня сложилось другое представление о случившемся, товарищи. Совсем другое. Главная причина неудач войск 1-го Украинского фронта в том, что вы не учли условия местности. Местность, товарищи, не будет подстраиваться под наши танки! А вот вы должны заблаговременно изучить ее и принять соответствующие меры. Это сделано не было.

Он задумался, посмотрел на карту.

— Кто стоит перед вами, товарищ Ватутин? Вы знаете противника?

— Четвертая и Восьмая армии группы армий «Юг», Вторая танковая армия группы армий «Центр», — ответил Ватутин. — Старые «приятели». Там же действуют еще венгерские части, но они в основном заняты партизанами.

— Партизаны с ними сами разберутся, — махнул рукой Сталин. — А вот вам следует усилить правое крыло фронта. Отправьте на Лютежский плацдарм, на северный участок, Третью гвардейскую танковую армию. Усиьте ее тремя, лучше — четырьмя стрелковыми дивизиями за счет левого крыла фронта. Будем наступать с Лютежского плацдарма. А кто останется на Букринском плацдарме — пусть оттягивает на себя противника, мешает ему.

— Когда начинать, товарищ Сталин? — Ватутин сразу подтянулся, посерьезнел. Он видел, что решение принято, и обсуждать больше нечего.

— Третьего ноября. Сумеете взять Киев к годовщине Октябрьской революции?

— Постараемся, товарищ Сталин.

28 октября 1943 года, Днепр, Лютежский плацдарм

Ночь была на исходе. Танки заканчивали переправу на левый берег великой реки.

— Редкая птица долетит до середины Днепра, — вспоминали молодые танкисты Гоголя, которого учили в школе — еще совсем недавно. — Птица не долетит, а наш танк — вот, пожалуйста.

Мостов было четыре — два понтонных и два простых, деревянных. Понтонные днем разбирали, чтобы немцы не заметили, — «рама» постоянно висела в воздухе, как ее ни гоняли советские истребители.

Местное население вместе с саперами работали над переправами.

А на правом берегу оставались деревянные «танки» — макеты, точнее сказать — чучела. Они были замаскированы и с воздуха выглядели почти как настоящие.

...У деревенского колодца наблюдалось большое скопление солдат и автомобилей. Чуть поодаль дымила кухня.

Местные жители окружили солдат. Рослый сержант в комбинезоне танкиста вычерпывал из колодца воду, заливал в баки: сюда приехали запасаться питьевой водой. Чистейшей, сладкой.

— Помните, товарищ лейтенант, как мы с вами из болота ржавую жижицу цедили? — вдруг обратился сержант к молодому лейтенанту танковых войск Рыкову. — Вот было дело... А эта — сладкая, как компот.

— Скажешь тоже, компот! — улыбнулся лейтенант. Но улыбнулся невесело: воспоминание о том болоте было слишком живо в памяти. Это случилось под Воронежем, тогда оба они были ранены...

Странное зрелище отвлекло Рыкова от тяжелого воспоминания: несколько человек в незнакомой форме — светлые мундирчики, брюки навывпуск.

Он подошел познакомиться, отсалютовал, представился.

Один из них, улыбаясь, покачал головой, а второй на затрудненном русском языке ответил:

— Первая Чехословацкая отдельная бригада Людвика Свободы.

— Братья славяне! — обрадовался Рыков. — Ну, будем знакомы.

Он обменялся с ними рукопожатием.

Они переглянулись, и потом тот, что мог объясняться по-русски, осторожно спросил:

— Мы будем драться за Киев?

— Точно, товарищи! Сначала за Киев, а там, глядишь, и за Прагу!

— Скажите, — снова спросил чех, — Киев — это большой город?

Рыков был ленинградцем. Вот о Ленинграде он бы точно сказать: да, большой. В Киеве же он еще никогда не был.

Поэтому ответил так:

— Каждый город, который мы отнимаем у врага, — большой. Огромный. Понимаете?

Он хлопнул чеха по плечу и отошел к своему сержанту.

1 ноября 1943 года, берег Днепра, южнее Киева

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн опустил бинокль.

— Русские опять перешли в наступление. Следует их задержать.

Он отправил в бой десять дивизий.

В первый раз русским не удалось прорваться к Киеву с Букринского плацдарма — не удастся и во второй.

...А вдруг это лишь отвлекающий маневр? Вдруг исход сражения за Киев решится в другом месте? У русских слишком много войск, слишком много танков... Времена, когда германская авиация господствовала в воздухе, а жалкие Т-26 горели, как свечки, к несчастью, миновали.

Манштейн снова вспомнил русскую газету, которую принесли ему в штаб и любезно перевели.

На первой странице был изображен немецкий танк «Тигр». Кстати, довольно неплохо нарисован — узнаваемо. Рядом стояли с отвратительными ухмылками русские солдаты, и один говорил:

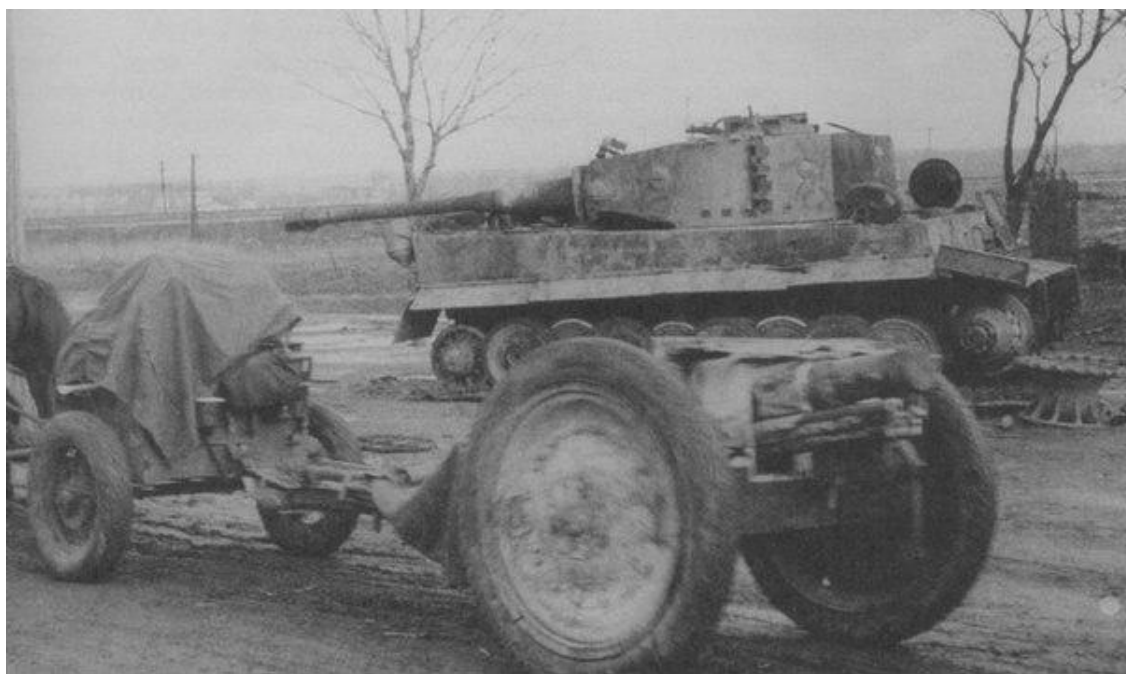
«Чем отличается «Тигр» от «Пантеры»? Тем, что «Тигр» горит дольше...»

Нет, твердо решил Манштейн. Никаких колебаний. Он будет удерживать свое направление. С Букринского плацдарма русские к Киеву не прорвутся.

3 ноября 1943 года, берег Днепра, севернее Киева

В восемь утра началась артиллерийская подготовка. Сорок минут шквального огня, а затем, в поднимающемся тумане, в атаку пошла Шестидесятая армия Черняховского.

На этом участке немцы отступили на двенадцать километров.

4 ноября 1943 года, район Киева

Пошел морозящий дождь.

— Видимость почти нулевая, товарищ командующий! — сообщил адъютант.

Ватутин отмахнулся: он и так это знал.

Артиллерию применять в таких условиях затруднительно: придется бить в белый свет как в копеечку. Авиация вообще исключается. Вся надежда на пехоту и танки.

— Третья гвардейская танковая — вперед, — приказал Ватутин. — Идите с включенными фарами, с сиренами, ведите интенсивный огонь. Немец сломается. Вас прикроют кавалеристы Первого гвардейского кавалерийского корпуса.

Танки двинулись по просекам, выступая из тумана, как смертоносные чудовища. Главной задачей было на этот день — перерезать шоссе «Киев — Житомир» и занять окраину Киева — Святошино.

Кавалеристы генерала Баранова повернули к реке Ирпень.

Советские танки вышли на Житомирское шоссе.

Впереди были Жуляны — вражеский аэродром.

Генерал Рыбалко отдал приказ:

— Захватить аэродром, но в Жулянах не задерживаться: двигаться дальше, на Ветуховую, на Васильков.

С ходу советские танки влетели в Жуляны и открыли огонь. Прямо на аэродроме загорелись немецкие самолеты, затем прогремел взрыв, другой: это снаряды попали в резервуары с бензином...

Разгром был полный.

Пройдя Жуляны, танки Пятьдесят четвертой и Пятьдесят пятой танковых бригад — части Третьей гвардейской танковой армии, — двинулись на Васильков.

У Василькова, уже к вечеру, вспыхнул бой: гитлеровцы просто так не отступили.

К вечеру облака разошлись, но быстро темнело.

Лейтенант Рыков подбил два вражеских танка, когда снаряд попал в гусеницу его тридцатьчетверки, и она отлетела. Машина потеряла управление, и зарылась в землю.

Следующий снаряд угодил в основание башни.

Водитель-механик был тяжело ранен, командир танка убит. Рыков продолжал сражение — пушка была цела, оставался еще десяток снарядов.

На помощь Рыкову пришел командирский танк. Немцы отошли.

Из танка вытащили убитого и раненого. Рыков уставился на командира корпуса:

— Что Васильков?

— Наш Васильков!..

В расположение корпуса прибыли командующий Третьей танковой армией маршал Рыбалко и член Военного совета генерал Мельников.

— Ну что, товарищи танкисты, — спросил Рыбалко, — сможете завтра драться?

Он мог и не спрашивать. Все, что требовалось, — это немного передохнуть.

— Завтрашняя цель — Фастов и крупное село Паволочь, — Рыбалко развернул карту. — Пятьдесят пятой бригаде ставлю задачу: обойти Фастов с юга, прорваться в глубокий тыл врага, овладеть Паволочью. В затяжные бои не ввязывайтесь, держите село и ждите, пока не подойдут главные силы армии.

Была уже глубокая ночь.

Совещание проходило в деревенской избе в Василькове. На улице стояла непроглядная тьма.

Рыбалко прибавил:

— С рассветом отсюда уходите. Помните, ваша главная цель — Паволочь. Через этот населенный пункт пролегают дороги с востока на запад, с севера на юг. Севернее вас будет наступать механизированная бригада полковника Лупова. Вы должны вырваться вперед, захватить рубеж Паволочь — Попельня и удерживать его до подхода главных сил Третьей танковой.

Командующий уехал.

Медленно тянулась ночь. Еще одна ночь великой войны. По-прежнему скрывался во мраке город Киев — столица Советской Украины.

Остывали, отдыхали танки.

Завтра предстоял еще один рывок, еще один переход, еще один бой.

69. Советские танки в Севске

8 января 1943 года, Москва, Кремль

— Я считаю, что осуществление плана зимней кампании на Брянском направлении невозможно без новой танковой армии, — сказал Иосиф Сталин. — А вы какого мнения, товарищи?

Он обвел глазами свой штаб.

Заместитель начальника Главного бронетанкового управления по политической части генерал Бирюков кивнул:

— Считаю создание еще одной танковой армии необходимым.

— Вот вы и займитесь, товарищ Бирюков, — подхватил Сталин. — И в самое ближайшее время предоставьте проект директивы. Хорошо продумайте состав армии. Полагаете, она должна быть чисто танковой или все-таки смешанного характера?

— Полагаю, все-таки смешанного, — сказал Бирюков.

Сталин ненадолго задумался:

— И вот еще что. Необходимо продумать кадровый вопрос. Не только командир этой армии должен понимать танковое дело, но и член Военного совета армии. На этой должности нужен не просто хороший политработник, нужен хороший танкист. Есть такие на примете?

— Подберем, товарищ Сталин, — заверил Бирюков.

Жуков вмешался:

— Как насчет генерал-майора танковых войск товарища Латышева?

— Очень хорошо, товарищ Жуков, — медленно проговорил Сталин. — А командующим армией назначим генерала Романенко. Думайте над директивой, товарищ Бирюков. Времени в обрез.

10 февраля 1943 года, Москва, Кремль

Командующий Центральным фронтом Рокоссовский не сомневался: грозы не миновать. Но он был убежден в своей правоте и высказывался прямо:

— Да, я уверен в том, что сроки для операции поставлены нереальные.

— Поясните, товарищ Рокоссовский.

Вторая танковая армия, включенная в состав Центрального фронта формировалась успешно: к началу февраля главные ее силы находились в районе Любовша — Верховье. Там же проходили тактические учения: подразделения «притирались» друг к другу.

Танковые корпуса, отдельные гвардейские танковые полки прорыва, стрелковые дивизии, лыжные бригады, мотоциклетный батальон, истребительно-противотанковые и минометные полки, инженерные и автомобильные батальоны — им предстояло превратиться в единую грозную силу.

— Какие конкретно моменты в плане операции вас смущают, товарищ Рокоссовский? — осведомился Верховный, не скрывая своего недовольства.

— По плану с утра пятнадцатого февраля Вторая танковая и Шестьдесят пятая должны перейти в наступление с главной задачей перерезать железную дорогу Брянск — Гомель. На левом крыле — захватить переправы через Днепр, ударить по Смоленску, захватить Гомель.

— Я знаком с планированием, — нетерпеливо перебил Сталин. — Я хочу услышать то, чего не знаю.

«Это вы тоже знаете, товарищ Верховный, — мрачно подумал Рокоссовский. — Только признавать не хотите».

— Времени не хватает, — прямо сказал командующий фронтом. — Мы успели разработать только план наступательной операции на Смоленском направлении.

— Показывайте, — приказал Сталин.

Рокоссовский подошел к карте. Самое страшное сказано — сроки срываются; теперь можно переходить к делу.

Указка скользила по населенным пунктам: первый этап — железная дорога Брянск — Конотоп, далее — Брянск — Гомель, Новгород-Северский. Город князя Игоря из «Слова о полку Игореве». Гимназические годы...

И — Смоленск, ключ к западной России. Сколько здесь велось боев, страшно представить...

— Глубина операции предположительно составит пятьсот километров, — заключил доклад командующий.

— За какой срок вы предполагаете преодолеть это расстояние? — прозвучал неприятно-скрипучий голос Сталина. Он был недоволен.

— С учетом оперативных пауз — за сорок два дня, — ответил Рокоссовский.

— Быстрее нельзя?

— Учитывая глубокий снежный покров, — вздохнул Рокоссовский, — и отсутствие дорог, по которым может передвигаться артиллерия и автотранспорт... Десять километров в день. Может быть, пятнадцать.

— Еще один момент, товарищ Рокоссовский. — Сталин сделал знак человеку в форме старшего майора Госбезопасности. — Товарищ Матвеев ознакомит вас с некоторыми особенностями действий в Брянской области. Это начальник штаба партизанского движения. Необходимо наладить взаимодействие партизанских бригад с войсками Центрального фронта. Вы согласны, товарищ Рокоссовский?

Матвеев встал, откашлялся.

— Наше основное направление — уничтожить коммуникации. Чтобы противник не мог больше передвигать эшелоны, автоколонны, обозы. Плюс к тому — разведка. Перед партизанскими штабами задача поставлена.

20 февраля 1943 года, Ливны

— Все, дороги дальше нет. Грузись, ребята!

Метель бушевала настолько сильная, что в нескольких метрах уже ничего не было видно. Шестнадцатый танковый корпус перебрасывали по железной дороге. Уже в поезде пошел слух о том, что дорожные части застряли на Волге и что дорога скоро оборвется. Гадали — скоро ли и где.

— Все, приехали, — командир второй роты капитан Золотухин выплюнул папиросу. — До Золотухино своим ходом.

— Прямо как к вам домой, товарищ капитан, — заметил лейтенант Трескин.

— Сплошное веселье, — отозвался Золотухин безрадостно. — Тут вот обозначена дорога, — он провел пальцем по карте, — а какая дорога при такой погоде? Сплошной снег выше пояса.

— До Золотухино-то далеко?

— Километров двести. Попробуем идти по железке. Может, там повыше и не так замело.

...Танки продвигались медленно. День казался бесконечным, хотя стемнело рано.

Золотухин прикидывал — где разместиться на ночлег. Служба тыла не успевала подвозить продовольствие. В штабах, небось, рассчитали и красиво вывели цифрами, думал капитан без горечи, привычно: столько-то сутотдачи продовольствия и тэ пэ, а смотреть реально — просто нет еды.

— Деревня, товарищ капитан! — Сержант Серегин выглядел довольным.

Молодой, силушки полно, чего ж ему не быть довольным, подумал капитан.

— Какая деревня?

— На карте обозначено — вроде, Сильцы или как...

Капитан всмотрелся в ночной мрак. «Ни огня, ни темной хаты», — подумал он. Где же зоркий сержант усмотрел деревню?

Но Серегин оказался прав, и через полчаса танки оказались в том, что некогда было деревней. Немцы ушли отсюда совсем недавно. Еще тянуло кислым с пепелища, половина домов стояли разваленными или пустыми.

«Продовольствием здесь не разживешься», — думал капитан.

И все-таки крестьяне делились последним: куском хлеба, обломком немецкого шоколада, обнаружилась даже корова — а где корова, там молоко.

К вечеру в корпус прибыл Василевский.

— Согласно плану, наступление должно начаться двадцать четвертого.

— Не успеем, товарищ Василевский.

— Вижу, что не успеете...

Василевский не стал обсуждать положение в других частях. Там обстояли дела еще хуже: двадцать первая армия не успела даже выгрузиться из эшелонов, два отдельных танковых полка застряли в Ливнах без горючего, гаубицы артиллерийских частей отстали из-за отсутствия тракторов...

Генерал-майор Маслов, командир Шестнадцатого корпуса, приготовился объяснять, почему во вверенном ему корпусе такие большие потери в материальной части, но Рокоссовский опередил:

— Я считаю, товарищ Василевский, что товарищ Маслов плохо справляется с командованием.

— Предлагаете заменить? — прищурился Василевский, большой мастер разрешать сложные проблемы быстро и «бескровно».

— Некогда и нечем, — отрезал Рокоссовский. — На данном этапе прошу помочь с горючим, и незамедлительно. В шестнадцатом осталось на одну заправку.

— Поможем, — обещал Василевский. — С этим поможем.

24 февраля 1943 года, Фатеевка

Танки двинулись по льду.

Река Свапа замерзла так, что «тридцатьчетверки» и КВ смогли перебраться на противоположный берег как по суше.

— Хоть какая-то польза от этой зимы!

Немцы встретили бойцов Пятьдесят третьей танковой бригады артиллерийским огнем.

Почти сразу загорелся один КВ, но остальные продолжали движение.

«Фрицы тоже готовят наступление от Орла в направлении Харькова, — вспоминал старший лейтенант Двориков. Вчера только в штабе бригады допрашивали пленного. — Сигнали сюда танки и артиллерию... Скоро ударят...»

Советские танки шли по белой пойме Свапы, отмахивая километр за километром, в направлении деревни Фатеевка.

Местность постепенно повышалась.

«Тридцатьчетверка» поднялась на холм и, перевалив через него, начала спускаться к деревне.

На полуразрушенной колокольне засел пулеметчик. Из-за церкви, добротного старого строения, которое не смогли разворотить даже снаряды, выползали один за другим немецкие танки.

«Есть ли у нас прикрытия с флангов, — думал Двориков, — или идем наобум, прямо на немца?»

Башенное орудие его танка открыло огонь. Первый из немецких танков вдруг завертелся на месте — подбита гусеница.

Справа танк Дворикова обогнал другой. Двориков вел машину прямо на покосившуюся избу. Задел край — изба рухнула. Танк выбрался из-под развалин и «лицом к лицу» встретился с немецким «тигром»...

Двориков резко отвернул в сторону, подался назад, развернулся, стараясь держаться за развалинами дома.

Сражение шло за каждый дом, но немцы постепенно отходили.

— Там что? — Двориков снял шлем, обтер лицо. Несмотря на зимний холод, в танке стало жарко.

— Наши, товарищ гвардии старший лейтенант! — Голос сержанта Есько дрожал от радости. — Мотострелковые части вышли к деревне.

Опасаясь окружения, противник отступил.

1 марта 1943 года, район города Севск

Наступление.

Оно развивалось медленно, с трудом. Но это было наступление. Враг отходил — огрызаясь, временно возвращая себе оставленные позиции и вновь теряя их.

Пятьдесят девятая танковая бригада рвалась к Севску.

— Если перерезать дорогу вот здесь, — начальник штаба показал на маленькой, мятой карте тонкую линию, — отворотка на Суземку и Середина-Буду, то им некуда будет отходить. Захватим в котел и... — Он сжал пальцы в кулак.

Пленный, захваченный разведчиками, смотрел испуганно и угрюмо. Беда заключалась в том, что он не мог толком ничего ответить: переводчик знал немецкий, но не понимал венгерского.

— Кто ж знал, что венгром окажется, — сердились и разведчики. — Они тут все закутаны в какие-то бабьи тулупы, не разберешь, кто и из какой воинской части...

С горем пополам выяснили, что в Севске стоит немецкий пехотный полк, а также венгерская пехотная дивизия и, что уж совсем

неприятно, — белогвардейская бригада изменника Каминского. Русские на стороне фашистов.

— Я считаю, надо их всех уничтожить, — просто и ясно сказал командир танковой бригады полковник Давыденко.

Пятьдесят девятая танковая бригада обошла город с юга, сто шестидесятая — с севера.

Танк старшего лейтенанта Владимира Константинова первым ворвался в город. На него обрушился огонь противника.

Тридцатьчетверка двинулась прямо на немецкую пушку.

Константинов командовал как будто даже спокойно — не задумываясь дальше стоящей перед ним непосредственной задачи.

— Вон по той улочке обходим, а потом — напрямик.

...После боя уже подсчитали: танк старшего лейтенанта уничтожил более сорока солдат противника.

Русские на стороне немцев дрались отчаянно, венгры — вяло.

Венгры первыми начали отступать... и обнаружили, что отступать больше некуда: дорога уже занята советскими танками.

— Надо прорываться, — принял решение Каминский.

Артиллерийские орудия смолкли — закончились снаряды. Советские танки ревели на улицах Севска. Слышались отдельные выстрелы и короткие очереди.

Единственный путь к отступлению остался на юге. Под покровом ночи туда направились русские и венгерские части.

Разведка обнаружила скрытое передвижение противника вскоре после захода солнца.

Полковник Давыденко мгновенно принял решение: преследовать.

Командование бригады его поддержало.

В шесть утра отряд выступил в направлении станции Середина-Буда.

Танковые орудия разнесли деревянное здание станции, гусеницы давили и крушили хлипкие станционные строения. Один за другим замолкали пулеметы. Затем из развалин начали выбираться люди с поднятыми руками.

7 марта 1943 года, Москва

Сталин выглядел мрачно.

— Почему наступление развивается так медленно, товарищ Рокоссовский?

Причины имелись, и Ставка их учла. Было приказано выделить в помощь Рокоссовскому еще три армии.

И только после подписания этой директивы Рокоссовский позволил себе заметить:

— И все-таки мы наступаем, товарищ Сталин. Мы наступаем!

70. Мценский рубеж

24 сентября 1941 года, район Смоленска, расположение штабов группы армий «Центр»

Командующий Второй танковой группой генерал Гудериан покусывал губу, как человек, уже принявший решение и нетерпеливо выжидавший момента, когда можно будет встать и поставить остальных в известность.

Главный удар предполагалось нанести на московском направлении. Следовало бить с севера и юга, прорвать оборону красных на брянском и вяземском направлениях. Если отрезать Москву от баз снабжения...

— Мы превосходим сейчас русских в танках приблизительно в восемь раз, — вступил наконец Гудериан. — Таковы, по крайней мере, данные нашей разведки. Самое время для массированного танкового удара! Я считаю, для того, чтобы ударить по Москве, следует взять Орел и Тулу.

— Общее наступление назначено на второе октября, — напомнил начальник штаба.

— Слишком долгая подготовка повредит операции, — возразил Гудериан. — Начнем тридцатого сентября, пока русские не очухались.

3 октября 1941 года, Орел

Командующий Орловским военным округом генерал-лейтенант Тюрин развернул карту. Немцы наступают. По данным разведки, Гудериан со своими моторизованными колоннами движется из района Глухова. Видимо, отвлекающий маневр.

Но где же будет нанесен главный удар врага? Возможно, на брянском направлении... В обороне Тринадцатой армии Городнянского — большие бреши. Об этом сообщили вчера телефонограммой. На сколько же километров продвинулись немцы?

— Товарищ генерал! — В помещение ворвался лейтенант в запыленной гимнастерке, без головного убора и с каким-то странным блеском в глазах.

Тюрин повернулся к нему, готовясь сделать выговор за неподобающий внешний вид... и слова застряли в горле у командующего.

— В Орле немецкие танки! — выпалил лейтенант.

— Что?!

— На западной окраине Орла — немцы! Никто не ожидал...

— А ты как сюда добрался?

— На трамвае...

Дикая картина нарисовалась генерал-лейтенанту: тревожный, но все же до сих пор мирный Орел, нормальная работа городского транспорта — и внезапно из-за поворота выползает бронированная громадина с черным крестом...

А захват немцами Орла означает, что дорога на Москву противнику открыта!

10 октября 1941 года, Мценск, район железнодорожного вокзала

Маленький русский город на реке. Пологие холмы, блеклое, задумчивое осеннее небо. Тихая река, разделяющая городок пополам. Яблони с наполовину выбеленными стволами. Здесь уже ощущается близость Украины, южных земель.

Штаб советской четвертой танковой бригады разместился в выбеленном двухэтажном здании, которое когда-то принадлежало монастырю.

Командир бригады полковник Катуков получил почти невыполнимое задание: остановить Гудериана. Здесь, во Мценске.

Нужно защитить мосты — на западе и юго-востоке. Не пустить немцев на шоссе Мценск-Орел и Мценск-Болхов.

В Болхове нет железной дороги. Когда-то давно болховские купцы дали взятку царским чиновникам, чтобы те протянули ветку, не задевая их город. «Железка» помешала бы давнему извозчиьему промыслу. К добру ли сейчас это, к худу ли?

Танки ведь и по шоссе пройдут... А вот чтобы этого не случилось — и сидит сейчас полковник Катуков над картой, курит папиросы одну за другой и пытается угадать: что на уме у противника.

Одно понятно: сил у нас недостаточно. Не хватает техники и людей, танковые дивизии расформировывались, создавались соединения меньших масштабов — бригады.

Катуков получил новые танки в Сталинграде. И прямо там, на заводе, люди учились управляться с тридцатьчетверками, смотрели, как устроены новые машины.

Все делалось в спешке, на ходу... А у большинства водителей, взятых прямо из училищ, практики всего ничего, часа по три...

— Что мост? — быстро обернулся Катуков к вошедшему начальнику оперативного отдела капитану Никитину.

— Заминирован, товарищ комбриг.

— Как считаете, откуда немец полезет?

— Думаю, пойдет узкой полосой вдоль шоссе и железнодорожного полотна. В других местах ему не пробраться — распутица. Выйдут к западной оконечности города.

— Там и встретим, — решил Катуков. — Готовим засаду!

10 октября 1941 года, Мценск, район Новосильского моста

— Не война, а прогулка! — Танкисты капитана Дитриха Заукеля не скрывают удовольствия. Танки идут с открытыми люками, пехота сидит на броне. Десять километров быстрого марша — и нигде сопротивления русских.

— Впереди важный город — Мценск, — напоминает командир. Название, конечно, чудовищное, но Мценск — маленький ключик к Москве. А Орел — большой ключ к советской столице.

— Впереди мост, — доложил разведчик.

— Стой! Мост может быть заминирован.

— Скорее всего, — соглашается разведчик.

Саперы подтверждают это предположение. Русские, очевидно, сильно понадеялись на свои мины: через полчаса германские танки уже на мосту. Сопротивления нет.

— Слишком просто, — ворчит Заукель.

На маленькой центральной площади городка их встречают сразу три русских танка. Пехота ссыпалась с брони, разбежалась, заняла

позиции. Тридцатьчетверка — неприятная машина. Еще не совсем понятно, как ее побороть. Не рассчитаны дистанции ударов, не выяснены слабые места.

— Где пушки? — сердится командир. — Где наша артиллерия?

Один немецкий танк — «четверка» — уже горит. Второй вертится на месте — подбита гусеница. Но и тридцатьчетверка неудачно подставила бок и вспыхнула...

— Наша задача — захватить центр города и отрезать противнику всякий путь к отступлению, — объясняет Заукелю Гудериан.

— Мне не удержать их тут своими силами. Кажется, в засаде у них целый взвод.

— Подкрепление будет к вечеру. Ждите.

...Взвод тридцатьчетверок Лавриненко притаился в засаде на шоссе. Первые немецкие танки «благополучно» миновали место засады, после чего русские открыли огонь.

Следующие десять танков развернулись и двинулись по шоссе в противоположном направлении — как раз к тому месту, где ожидала их рота БТ-7 Константина Самохина.

Танковая дуэль.

«Танки не должны сражаться против танков». Эта аксиома подтверждается снова и снова. А что у нас с артиллерией? Да почти ничего — во втором эшелоне курсанты Тульского артиллерийского училища, почти дети...

К вечеру со стороны Орла подходит свежая немецкая часть. Теперь русские прижаты к железнодорожному вокзалу. Еще немного, и кольцо сомкнется...

— Товарищ комбриг, — танкист Виктор Рындин примчался в штаб на мотоцикле. — В городе немцы. Точно: три тяжелых и два средних танка. Своими глазами видел.

— Кто у нас в резерве? — Катуков пытается сохранить хладнокровие. Еще есть слабая возможность отстоять Мценск.

Взводный Столярчук отзывается:

— У меня три КВ-1. Попробую остановить немцев.

На западе плохо: советская артиллерия замолчала. Батальон Тульского училища разгромлен, немцы подходят все ближе к второму мосту.

КВ-1 движутся в сторону моста. У этой переправы многое решится.

Танк лейтенанта Лакомова вступил в неравный бой сразу с двумя немецкими «четверками». Один фашист загорелся, второй успел уйти и, пока КВ-1 разворачивался, произвел выстрел.

Советский танк вспыхнул.

Лейтенант Лакомов продолжал вести бой. Он видел, где располагается батарея противника, и старался уничтожить ее. Покинуть горящий танк уже не удастся. Даже если и получится выскочить наружу — кругом немцы.

— Удачная мишень, — заметил старший лейтенант Гердтель, наводя орудие на уже подбитый советский танк. — Прикончим его прямо здесь.

— Огонь! — Лакомов не слышит собственного хриплого, сорванного голоса.

Последний выстрел. Неизвестно, вывел ли он из строя вражеские орудия. Экипаж КВ-1 погиб. Пламя долго еще лизало безмолвный, мертвый танк...

10 октября 1941 года, Мценск, 17 часов

— Уже темнеет, — Катуков был мрачен. — Сегодня мало что можно сделать.

У железнодорожного вокзала идут бои. Мценск почти весь в руках противника.

— Предложения? — Никитин смотрел на карту так, словно лист бумаги мог дать ему дельный совет.

— Будем отходить через железнодорожный мост. Ночью мост необходимо минировать. Как отступим — взорвем.

— Немцы подтянули туда крупные артиллерийские части, — указал Никитин. — Слышите, как лупят?

— А делать что? — Катуков вспыхнул. — Ну, лупят. Нас практически окружили. В сторону Тулы путь отрезан. Если одиннадцатая танковая бригада успеет, может быть, нам удастся вышибить немцев из города, но я, честно скажу, сомневаюсь. Скоро ночь, ночью ничего не получится.

11 октября 1941 года, Мценск

Третья танковая дивизия фон Моделя двигалась в сторону Мценска. Русские практически не оказывали сопротивления.

Болхов был взят.

«Красивый городок, картиночка, — думал Модель. — Надо будет его сохранить, не разрушать. Фюреру нравятся тайны. Преподнесем ему Болхов как Kirchenstadt — Город Церквей, центр таинственной Силы... Там и правда что-то есть такое...»

— Сколько до Мценска? — спросил фон Модель.

Водитель ответил:

— Километров пятнадцать.

— Что там впереди? Бинокль! — Фон Модель хватает услужливо поданный ему бинокль, всматривается. — Встречный бой? Какая там русская часть еще сопротивляется?

В районе вокзала семь тридцатьчетверок — заслон, оставленный бригадой Катукова, — удерживает железнодорожный мост.

Против них сражается батальон немецких мотострелков. Бригада отходит по мосту от Мценска.

...Обер-лейтенант Вольшлегер во главе танковой роты выходит на юго-восточную окраину городка.

Улицы здесь разворочены гусеницами, на углу стоит, странно свесив набок неуклюжую башню, подбитый русский танк.

Оглушительный взрыв разносится по всему городу.

— Доннерветтер, что этот за черт? — Вольшлегер дает команду остановиться и высылает разведку.

Скоро ему докладывают:

— Русские отошли и взорвали за собой железнодорожный мост. И удача, господин обер-лейтенант! — Разведчик не может удержаться от улыбки. — Мы захватили две русских установки БМ-13. Их секретное оружие!

...Катуков хмур. Настроение у него прыгает: от приподнятого, пока удавалось отбиваться от врага, до тяжелого, мрачного. Потери две машины БМ-13. Это хуже всего.

Двадцать восемь танков подбито. Девять сгорело. Подбитые танки будут восстановлены — Катуков верит в своего помощника по технической части капитана Дынера. Настоящий волшебник, из груды железного хлама соберет боеспособный танк.

А вот мотострелковый батальон из окружения организованно выйти не сумел. И эти минометные установки, которые остались в руках врага...

— Что будем делать, товарищ Лелюшенко? — обратился он к командиру одиннадцатой танковой бригады.

— Вытащить или уничтожить, если не удастся их отбить. — Лелюшенко был категоричен. — Оставлять их в руках у немцев нельзя.

— Я пойду, — вызвался политрук одиннадцатой танковой Власенко.

— Один не пойдешь. — Лелюшенко остановил его.

...Четыре танка — Власенко, Лугового, Капотова и Евтушенко — вернулись в город и проникли в один из больших яблоневых садов, окружающих Мценск.

Здесь они затаились, выслеживая и высматривая.

— Вон немецкие офицеры, — сержант Капотов показал товарищам на группу людей, расположившихся на открытом балконе здания школы. — Что они там делают? Штаб хотят там устроить, что ли? Шарахнуть бы по ним сейчас...

— Не торопись, — остановил его Власенко. — Разведчики еще не вернулись. Наша задача — выяснить, где наши минометные установки. Вот наша основная задача.

В этот момент артиллерийский снаряд разорвался совсем близко от советских танков.

— Нас обнаружили! — закричал Луговой. — Позицию надо менять, быстро!

— Ждем разведчиков, — стоял на своем Власенко.

В это мгновение снаряд попал в его танк. Тридцатьчетверка загорелась.

Товарищи бросились на помощь, но было поздно: экипаж не успел выбраться и задохнулся.

Спустя еще пять минут прибежал разведчик — рядовой Петр Могила.

— Нашел установки, — задыхаясь, сообщил он. — Совсем близко. Метров пятьсот от сада.

— Что делать будем? — спросил младший лейтенант Луговой. — Советы, предложения? Товарищи, решаем прямо сейчас, времени нет.

Еще несколько снарядов разорвались поблизости.

— Решать нечего, — вмешался Могила. — Машины уже покалечены, вытащить не получится. Уничтожаем на месте.

Три оставшихся танка рванулись из сада и, выскочив наружу, открыли огонь...

— Минометные установки уничтожены, товарищ полковник! — доложил сержант Капотов.

Катуков смотрит мрачно и зло. И победная улыбка сползает с лица Капотова. Да уж, чему тут радоваться — уничтожили собственные минометные установки.

— Мценск придется оставить, — уронил Катуков. — Только что передали — Люфтваффе разбомбило наш аэродром в Орле. Теперь мы остались еще и без воздушного прикрытия...

А Мценск — ключик к Москве...

71. На пути к Прохоровке

2 июля 1943 года, южная часть Курского выступа, КП Воронежского фронта

Николай Федорович Ватутин буквально не находил себе места. Инстинкты военачальника кричали ему: «Пора наступать!»

Активная оборона, которую вел Воронежский фронт, выматывала не только противника, но и своего командующего.

— Хватит окапываться, — убеждал Ватутин — Верховного, представителя Ставки, «соседей». — Упустим момент, упустим! Чего ждать? Противник сидит и не наступает, а осень не за горами. Всё сорвется. Начнем первыми! Сил-то у нас достаточно.

Маршал Василевский — представитель Ставки Верховного Главнокомандования, — на которого Ватутин давил, не переставая, колебался. Ватутин умел быть настойчивым и убедительным, противостоять ему было трудно.

— Николай Федорович, повременим еще, — сказал наконец Василевский. — Уверен: переход врага в наступление — вопрос ближайших дней. Если мы начнем первыми, это будет немцу только на руку. Активная оборона его измотает, обескровит... Мы это уже обсуждали.

— Между прочим, товарищ Сталин меня поддерживает, — перебил Ватутин.

— Товарищ Сталин приказал держаться обороны, — отрезал Василевский. Он отвел глаза в сторону: ему, как и Ватутину, не терпелось начать.

4 июля 1943 года, район Обояни, деревня Успенев, штаб Первой гвардейской танковой армии

Ватутин прибыл неожиданно.

Командующий танковой армией — Иван Ефимович Катукوف — принял его гостеприимно, предложил чаю.

— Умеее устроиться, товарищ Катукوف, — одобрил командующий фронтом. — Окопались, небось, по самые уши?

— Пока стоим во втором эшелоне, — ответил Катукوف, — и окопаться успели, и занятия с личным составом провели, и с соседями действия согласовали.

— Рассказывайте, — потребовал Ватутин и навалился на стол, грузный, уставший.

— Вы знаете, Николай Федорович, пока до места дислокации добирались — попали под бомбежку. А наши ПВО — так себе, еле-еле душа в теле. Потеряли бы танки, если бы не наши собственные зенитчики! А немцы в воздухе крепко держатся: их разведчики того и гляди засекли бы нас.

— Так не засекли же? Вы, насколько я помню, ночью передвигались?

— И вениками следы заматали, — подхватил Катуков. — Увидит немец следы гусениц и все поймет. Так что к машинам привязывали хворост. Казалось бы, примитивное «устройство», а работает. Танки замаскировали тоже проще простого: поставили их впритык к домам и сараям и сверху накидали «крышу»: с воздуха выглядит так, словно дома и сараи разве что «подросли» на пару метров, а так — без изменений.

— Мастера маскировки, значит, — проговорил Ватутин. — Это хорошо. Что у вас с матчастью?

— Это правда, Николай Федорович, что против нас будут действовать новые немецкие танки — «Тигр» и «Пантера»?

— А куда они денутся, — ответил Ватутин. — Уж конечно, ждите.

— У наших ребят почти у всех вместо фото любимой актрисы теперь изображение «Тигра», — сообщил Катуков. — По целым дням ведутся разговоры, как с этим зверем справиться, где у него уязвимые узлы, как в него стрелять и метать гранаты.

— Подкалиберные снаряды вам доставили? — спросил Ватутин. — Приехал лично убедиться, учтите.

— Убеждайтесь, — ответил Катуков спокойно. — По пять на действующий танк. Этого мало, так что присылайте еще. Впрочем, и этого количества хватает, чтобы поднять боевой дух.

— На одном боевом духе далеко не уедешь, — Ватутин вздохнул. — Будут еще вам подкалиберные снаряды, будут. С пехотой что?

— И с пехотой, и с артиллерией совместные действия обсудили, отработали кое-что на учениях.

Ватутин помолчал, и Катуков понял: командующий намерен перейти к одному из самых болезненных вопросов.

Так и вышло.

— А как у вас обстоит взаимопонимание с авиацией?

К авиации у сухопутных войск набралось много претензий. Постоянно твердили о том, что необходимо завоевать «господство в воздухе», но на деле господство прочно удерживали немецкие асы.

Немцы демонстрировали хорошую слаженность войск. Не стоило благодушествовать, зная, что у них не хватает артиллерии: недостаток одного рода войск они восполняли другим, и авиация до сих пор неплохо прикрывала их наземное наступление.

Эту ситуацию следует переломить. Вот о чем говорил Ватутин.

Командующий танковой армией дернул углом рта. Вопрос раздражал и его.

— Общее дело делаем, делить нам нечего, — сказал он наконец, словно заканчивая какой-то давний спор. — А что ошибки случались...

Николай Федорович вспыхнул:

— Ошибки? Скажите прямо: несколько случаев уже произошло, когда наши авиаторы по ошибке штурмовали наши же войска. С ними разбирается «смерш», между прочим.

Катуков пожал плечами:

— Не мое это дело, надо — разберется. А мы вот что сделали — пригласили к себе в Успенев командиров двух авиационных корпусов — истребительного и штурмового. В предстоящем бою они будут прикрывать нас с воздуха, если мы правильно понимаем ход событий.

— Правильно понимаете, товарищ Катуков, — Ватутин допил чай. — Рассказывайте.

Катуков развеселился:

— Авиаторов прибыло видимо-невидимо: и старшие командиры, и младшие, вплоть до комэсков и командиров звеньев. Весь чай у нас выпили, не поверите, Николай Федорович!

— Только чай? — прищурился командующий фронтом.

Катуков посмотрел на него ясными, честными глазами:

— Только чай, — повторил он. — Кстати, не хотите ли коньяка?

— Не могу, — сказал Ватутин.

Катуков рассмеялся от души:

— И я не могу — желудок болит... Похоже, вся радость жизни комэскам достанется... Сели мы с ними за стол, разложили карты и подробенько все обсудили: где кто будет находиться, как будет обозначен передний край наземных войск. Чтобы больше своих не бомбили и не штурмовали.

— Ну, добро, — проговорил после паузы Ватутин. — Теперь вот что. Мы в штабе фронта считаем, что главный удар противник нанесет на Обоянь, в вашем направлении — и в направлении вашего ближайшего друга и соседа, Шестой общевойсковой армии Чистякова. Вы же дружите с Иваном Михайловичем? Вот вместе в бой и пойдете. Будьте готовы.

— Всегда готовы, — машинально ответил Катуков.

5 июля 1943 года, деревня Успенев, штаб Первой гвардейской танковой армии

Катуков вышел на двор из избы. Не спалось.

Наступал жаркий летний день. В яблоневых садах пели птицы, деревня дремала. Солнце едва показалось из-за горизонта.

Катуков поежился. Не верилось, что скоро всему этому настанет конец. Ватутин не сказал прямо, но мысль командующего была очевидна: Первая гвардейская станет бронированным щитом в направлении главного удара.

Словом, держись, Иван Ефимович...

В небе раздался тяжелый гул. Катуков поднял голову: большими группами самолеты шли на юго-запад.

«Красовский начал работу», — подумал Катуков.

Вторая воздушная армия, которой командовал Степан Акимович Красовский, поднялась в воздух — сражение началось.

На улицу выбежал дежурный офицер:

— Иван Ефимович, штаб фронта!

Катуков вошел в штабную избу, взял трубку.

Ватутин говорил задыхаясь, как будто только что поднялся по лестнице:

— Командование приняло решение нанести по врагу упреждающий удар. Началась артиллерийская подготовка. Противник намерен вырваться на Обоянское шоссе и

попытается мощным танковым ударом пробить нашу оборону. Манштейн, похоже, будет действовать по шаблону — то же самое он делал под Сталинградом. Выдвигайтесь на вторую полосу обороны Шестой гвардейской армии, к Чистякову.

5 июля 1943 года, Малоархангельск

Немцы двинули свои танки под плотным прикрытием авиации.

Самолеты с крестами шли тремя эшелонами.

Командующий Шестнадцатой воздушной армией генерал Руденко оставался возле аппарата, выслушивая донесения и сердясь на их сбивчивость:

— Сколько?

— Насчитали до шестидесяти He.111, товарищ командующий, с ними истребители прикрытия.

— Сколько, сколько истребителей?

— Много, товарищ командующий! Второй эшелон, по отчетам наблюдателей, — с полсотни He.111 и с ними Ju.87. FW.190 не более двадцати.

— Какая дистанция?

— Три-четыре километра. И третий эшелон — тоже в четырех километрах: двадцать бомбардировщиков и примерно сорок истребителей. Бомбардировщики идут на разных высотах. Это усложняет работу зениток.

Руденко отдал приказ, и в воздух поднялись истребители Шестого истребительного авиакорпуса и соколы Первой гвардейской авиадивизии.

Уже перевалило за полдень. Руденко подозревал, что пехота неоднократно высказалась по поводу бездействия советской авиации. И черт побери, пехота права.

5 июля 1943 года, аэродром Фатеж — район Поньрей

— Наша задача — прикрывать сухопутные войска, — сказал командир звена майор Калмыков. — И вот еще что, соколы: с командного пункта дважды уже передавали категорический приказ — уничтожать только бомбардировщиков! Вы поняли?

Летчики-гвардейцы помалкивали. Они знали, какие обвинения могут воспоследовать: истребители действительно часто увлекаются боем с другими истребителями.

Немцы не хуже наших знают азартный характер, который приводит пилота в истребительную авиацию. Личный счет сбитых врагов, захватывающие воздушные поединки...

— Нам предстоит работа, — подчеркнул командир. — Работа, а не «свободная охота». Эти приключения — не сейчас. Наземные войска ведут тяжелейшие бои, немцы прорываются. А их авиация продолжает хозяйничать в небе и бомбить наши танки.

— Ясно, — пробурчал младший лейтенант Шерстнев.

— Хорошо, что тебе это ясно, Шерстнев, — повернулся к нему командир. — Еще раз повторяю: только бомбардировщики! Помните, под Сталинградом, — лицо командира чуть смягчилось, — Илья Чубарев таранил «Фокке-Вульф»? И ничего, жив остался. Слабое место у самолета — хвостовое оперение. Его можно срубить винтом. Подходить, понятно, в таких случаях приходится на малой скорости, а это почему опасно? Можно попасть под сильный огонь неприятеля. В общем, решайте сами, а задача вам ясна. — Он понизил голос: — В районе Поньрей сейчас Рокоссовский и командующий Шестнадцатой воздушной армией Руденко. Так что биться будем, можно сказать, над самой головой у начальства.

Четверка Яков поднялась с аэродрома. Поляков шел ведомым у командира звена.

— Мотор барахлит, — Калмыков выругался страшными словами и повернул Як обратно к аэродрому.

Истребителей осталось трое: пара Маркевич — Шерстнев и одиночкой Поляков.

Над Поньями действительно было темно от вражеской авиации. Несколько групп бомбардировщиков подходили с разных направлений.

«Только бомбардировщики!» — твердил Поляков.

В этот момент истребители прикрытия набросились на тройку Яков, и двое из них ввязались в воздушный бой.

Поляков прорвался к бомбардировщикам.

Он шел один, но не испытывал страха. Предстоит работа, как сказал командир звена.

Качнул крыльями друзьям — все в порядке.

«Хейнкели» заметили одинокий «ястребок» и открыли по нему бешеный огонь. Стрелял не один, не два — сразу шесть самолетов.

Уводя машину из-под выстрелов, младший лейтенант подобрался к вражеским бомбардировщикам на пятьдесят метров.

«Мессеры» пришли на помощь своим бомбардировщикам: новая очередь настигла Як-1, и машина загорелась. Пробит был бензобак и водный радиатор.

— Ах, ты так? — пробормотал младший лейтенант. — А ты знаешь, что у меня четкая боевая задача: не допустить бомбардировщики к нашим позициям? Я больше моего командира боюсь, чем тебя!

Он засмеялся. Никого он не боялся.

Як-1 оставлял в небе дымный хвост. «Хейнкеля», видимо, уже списали истребителя со счетов: враг подбит — чего больше желать?

На горящей машине Поляков приблизился к ведущему группы бомбардировщиков — на тихой скорости, осторожненько. И так же аккуратно винтом и горящей правой плоскостью летчик отрубил хвост «Хейнкелю».

Бомбардировщик рухнул на землю.

Остальные растерялись — строй рассыпался, четко выстроенная атака разрушилась, выход на цель сорвался...

— Пора. — Летчик выбросился из своего горящего Яка с парашютом.

...На земле за ходом боя действительно наблюдали Рокоссовский и Руденко.

— Кто это у тебя так геройствует? — спросил Рокоссовский.

— Скоро узнаем, Константин Константинович, — ответил Руденко.

На командный пункт доставили летчика: он был ранен в руку, весь в пыли, но глаза блестели.

— Это ты сейчас «Хейнкеля» протаранил? — Руденко пошел к нему навстречу и раскрыл объятия. Затем отстранился: — Да ты, брат, на ногах не стоишь. В медсанбат тебя, срочно.

— Риска большого не было, товарищ командующий, — отозвался младший лейтенант. — Все же опробовано на практике. Я видел, как другие это делают. Самолет жалко, но его все равно изрешетили.

Летчик отсалютовал и ушел, а Рокоссовский сказал:

— Представить к званию Героя.

...Герой Советского Союза Виталий Константинович Поляков пройдет всю войну и уйдет из жизни в двадцать первом веке — в 2012 году.

6 июля 1943 года, 1 час, район Курска

Ватутин не находил себе места. Огромные потери ни к чему не привели: стало ясно, что оборона Воронежского фронта может быть прорвана.

Против Ватутина стояла мощнейшая вражеская группировка. А от бомбардировщиков скрыться негде — лесостепь, открытые пространства.

Немцы наносят массированные удары, сбрасывают бомбы и возвращаются, ходят по кругу — эдакая «карусель смерти».

А наши? Героев много, бьются — себя не жалеют, этого не отнять. Но сколько ни тверди истребителям, что им следует сосредоточиться на вражеских бомбардировщиках, а распыления сил не избежать.

Атакуют позшелонно, по высотам, увлекаются индивидуальными поединками — а He.111 тем временем безнаказанно бомбит наши позиции.

Какой смысл бросать на крупные ударные группировки наши маленькие, слабые группы? Нет, решение нужно менять.

Ватутин позвонил Руденко. Тот был готов к разговору:

— По крупным скоплениям вражеских танков и пехоты на поле боя будем наносить сосредоточенные удары большим числом бомбардировщиков и штурмовиков. А в промежутках между сильными атаками — действовать мелкими группами штурмовиков. Но — непрерывно!

— А времени на подготовку хватит?

— Нет, — честно ответил Руденко. — Сделаем, что можем.

Положив трубку, Ватутин собрался с духом и позвонил Сталину:

— Товарищ Иванов, — обратился он к Верховному по псевдониму, — возникла опасность прорыва.

Знакомый голос произнес после короткой паузы — как обычно, спокойный, но оттого не менее страшный:

— Вы понимаете, товарищ Николаев, — он тоже прибег к псевдониму, — что это будет катастрофа?

«Товарищ Николаев» молчал.

— Какую вы от меня хотите помощь? — голос Верховного чуть смягчился.

— Еще танки и еще самолеты, — сказал Ватутин.

— Я подумаю, — обещал Сталин. — У Ставки есть резервы. Ждите.

После этого Сталин связался со штабом Степного фронта.

Над землей лежала ночь, спали измотанные долгим сражением люди — танкисты и летчики, артиллеристы и «царица полей».

Но многие бодрствовали в эту теплую ночь на шестое июля: механики и врачи, радисты и командующие...

— Вашу армию перебрасывают на Воронежский фронт, — сообщил Сталин генерал-лейтенанту Ротмистрову, командующему Пятой гвардейской танковой армии. — Срочно. Как поедете?

— Своим ходом, — мгновенно ответил Ротмистров.

— А танки из строя не выйдут, если их гонять туда-сюда? — спросил Сталин. — Не лучше ли по железной дороге?

— А если авиация противника разбомбит железнодорожные пути? — тотчас задал встречный Ротмистров. — Это очень опасно — потеряем армию.

— Как пойдете? По ночам?

— Ночь сейчас — семь часов, слишком долго придется ползти. Нет, пойдем и днем.

— Днем же будут бомбить! — напомнил Сталин.

— Товарищ Иванов, дайте указание авиации прикрывать нас с воздуха, — попросил Ротмистров. — Дойдем быстро, обещаю.

— Желаю вам успеха, — сказал Сталин и положил трубку.

...Пятая гвардейская танковая армия шла своим ходом к Воронежскому фронту, передвигаясь днем и ночью. Немецкая авиация ее не тревожила — была слишком занята непосредственной поддержкой своих войск на поле боя.

...Войска стягивались к Прохоровке. Как и сто с лишним лет назад, под Бородино, никто еще не знал названия этого малозначительного села — названия, которое войдет во все исторические книги.

72. Танки на Неве

8 ноября 1941 года, Ленинград

Командующий Ленинградским фронтом генерал-полковник Хозин взял трубку, левой рукой пригладил волосы и, хотя собеседник не мог его видеть, встал и выпрямился.

— Слушаю, товарищ Сталин. Хозин у аппарата.

Знакомый голос медленно, спокойно, с едва уловимой ноткой недовольства осведомился:

— Почему до сих пор не прорвано кольцо окружения Ленинграда?

— Операция продолжается, — сказал Хозин.

— Медленно продолжается, Михаил Семенович! — перебил Верховный. — Что конкретно делается для того, чтобы пробить дорогу на восток? До соединения с 54-й армией Невской оперативной группе нужно пройти всего-ничего — семь километров.

— Да, но...

— Если потребуется пожертвовать несколькими дивизиями для достижения этой цели, — отчетливо произнес голос в трубке, — сделайте это.

Хозин вызвал к себе генерала Конькова, командующего Невской оперативной группой.

...Маленький плацдарм в районе Московской Дубровки был захвачен еще в сентябре, буквально через несколько дней после того, как немцы, заняв Шлиссельбург, окружили город Ленина.

Пятачок земли примерно в два километра шириной и около километра глубиной. После тяжелых боев, когда приходилось отступать, оставляя один пункт за другим, этот плацдарм оставался единственной надеждой прорвать блокаду.

— Товарищ Сталин поставил задачу: с Невского пяточка нанести решающий удар по врагу. Смотрите, — Хозин расстелил карту, испещренную пометками, — мы можем сократить тыловые, артиллерийские части, подразделения связи, ПВО и передать бойцов в дивизии на «пяточок». Далее. На плацдарм необходимо переправить до сорока танков. Машины уже подготовлены. Артиллерию довести до шестисот орудий и минометов.

Коньков долго молчал, не сводя глаз с карты. Он видел не лист бумаги, не схемы и линии, а широкую ленту реки, развалины бумажного комбината, разбросанные по берегу обгоревшие шлюпки, катера, разваленные понтоны...

Наконец он тихо произнес:

— Как оттуда наступать-то, с нашего «пяточка», ведь там ни маневра, ни флангового удара не применишь...

Хозин взглянул на него глазами, светлыми от бессонницы, и ровным тоном ответил:

— «Невский пяточок» у товарища Сталина отмечен на карте. В Ставке все знают и понимают куда больше нашего.

16 ноября 1941 года, Ленинград

— Да, товарищ Сталин, — начальник штаба Ленинградского фронта генерал-майор Дмитрий Николаевич Гусев демонстрировал полную уверенность, надеясь, что собеседник на другом конце телефонного провода в это поверит, — сомнений нет: мы с товарищем Ждановым абсолютно убеждены в скором прорыве на восток. Противник сильно подорван.

— Странно он как-то «подорван», товарищ Гусев, — послышался ровный голос Сталина, — если с места не двигается. Сколько танков сейчас на плацдарме?

— Двадцать КВ, десять Т-34 и шестнадцать легких, экранированных дополнительной броней. Работы проводили своими силами на заводе.

— Действуйте активнее, — сказал Сталин. — Ленинград нужно деблокировать.

8 декабря 1941 года, район бумажного комбината, берег Невы

Капитан Мазур убрал карту. Танковой роте, которую он возглавлял, было приказано сосредоточиться в роще у бывшего бумажного комбината. Отсюда до берега Невы оставалось триста метров.

Здесь ни мгновения нельзя было прожить спокойно: местность простреливалась противником.

Мазур хмурил брови, покусывал обветренные губы. Зима уже давала о себе знать, с Невы дул пронизывающий ветер, было холодно. Десять легких танков БТ-7, которые он доставил на «пяточок», были старыми и изношенными.

Электрооборудование то и дело отказывало, горючего не хватало, поэтому пришлось половину танков буксировать.

Плохо было и другое: члены экипажа ослаблены голодом. Только недавно штаб фронта распорядился выдавать механикам-водителям продукты по нормам, установленным для войск первого эшелона.

И все равно нескольких пришлось отправить в госпиталь...

Комбат сто восемнадцатого отдельного танкового батальона майор Тимофеев вернулся из штаба Невской оперативной группы собранный, спокойный. Задача была поставлена.

— Приказано прибывшие танки держать в боевой готовности, — сообщил он. — На плацдарме имеются подбитые машины. Их приказано эвакуировать и направить для ремонта на ленинградские заводы. Теперь всем отдыхать, а ночью нужно будет разведать местность и определить, где находятся подбитые танки, в каком они состоянии и как их можно эвакуировать.

11-12 декабря 1941 года, берег Невы

На нейтральной полосе стоял безжизненный танк КВ-1.

— С него бы начать, — заметил капитан Мазур. — Взять баллоны со сжатым воздухом, запустить двигатели...

— А баллоны как дотащим? — поинтересовался старший сержант Ставницкий.

— На санях-волокушах, — вместо капитана ответил ему сержант Васечкин. — Только бы внутрь забраться, поглядеть, чего там поломано... Может, и правда удастся двигатель запустить? Тогда своим ходом до большой земли доберемся.

— Самое трудное — это попасть в танк, — задумчиво проговорил Мазур. — В этот момент врагу проще всего будет подстрелить вас. Ну а ускользнете — танк вас защитит.

Луна сияла ярко, заливая призрачным светом широкую реку. Танкисты спустились на лед. Ползли и останавливались, скрываясь в воронках, траншеях. Немцы пока молчали.

Громадина танка росла впереди.

— Люк механика-водителя открыт, — шепнул Васечкин.

Ставницкий проскользнул внутрь и открыл аварийный люк в днище. Васечкин разгреб снег, расчистив проход между катками, и подтащил волокуши с баллонами.

И тут противник открыл огонь.

Спрятавшись под танком, Васечкин ждал, пока стрельба прекратится.

— Сидишь тут весь как на ладони, — проворчал он. — Шевельнешься — сразу приметят.

— Стихло, давай, лезь внутрь, — откликнулся старший сержант. — Я тут двигатель посмотрел пока. Ходовая часть по всем признакам в порядке, попробуем завести. У тебя что?

— Гусеница разбита. Это я налажу.

...Приближалось утро, а завести мотор все не удавалось. Двигатель давно не работал. Чтобы провернуть коленвал, давления в баллонах не хватало.

— Давай-ка мы их подогреем, — предложил Васечкин и, смочив ветошь бензином, поджег.

— Черт, задушил! — Ставницкий закашлялся. — Убить нас хочешь!

Васечкин, весь в копоти, блеснул глазами:

— Зато двигатель заведем.

Мотор ответил на все попытки танкистов чиханием, после чего заглох окончательно. В этот же момент немцы снова открыли огонь по танку.

Машина дрожала и тряслась, но броня держала. Сержанты лежали на днище, ждали, пока пальба затихнет.

— Давай, вроде отстали...

Васечкин открыл сразу оба баллона, и двигатель заработал.

— Газку! — закричал Ставницкий.

Танк сдвинулся с места и пошел...

Стрельба с берега возобновилась. Танк трясся, вздрагивал, затем встряхнулся, развернулся и застыл.

— Все, Васечкин, сдох мотор, — высказался Ставницкий. — И гусеницу, кажется, опять нам сорвали.

— Вылезаем, — предложил Васечкин.

— Аварийный люк заклинило, — сообщил Ставницкий. — Через основные люки полезем — постреляют нас, вон — уже светает. Мы и так-то тут как на ладони.

— Придется ждать темноты, — вздохнул Васечкин. — Ох, поколеем мы тут!..

Время тянулось бесконечно.

— И говорят еще, зимний день короток, — ворчал Васечкин.

Но даже самый длинный из коротких дней заканчивается.

— Васечкин, живой еще? — то и дело окликал Ставницкий.

— Сам-то ты как?

— Стемнело. Была не была!

Батальонный фельдшер ахнул, когда к нему притащили двух шатающихся бойцов с белыми пятнами на щеках, ошалевших от голода и спирта.

— Валенки снимайте, пальцы, пальцы покажите! — распорядился фельдшер.

Он боялся, что отмороженные пальцы придется ампутировать.

— Вот что значит — молодость, — вздохнул с облегчением фельдшер, когда убедился в том, что с обоими сержантами все в порядке. — Давайте-ка в госпиталь. Машина есть?

Через неделю герои вернулись в строй.

20 декабря 1941 года, берег Невы

Капитан Захаров хмуро смотрел на бойцов.

— Еще раз объясняю и показываю. Отдельно объясняю товарищам, которые считают, что эвакуация танка — это увлекательная прогулка под вражеским обстрелом.

Ставницкий вспыхнул, но промолчал.

Захаров прибавил:

— Мы не можем позволить себе терять людей не в сражениях. Подбитый танк, да еще с непрогретым двигателем, завести нереально. Спасибо, помогли саперы и моряки,

раздобыли тросы и полиспасты, наморозили на льду переправы. Теперь так. На правом берегу — танк-буксир. От него через Неву тянется трос. Трос проходит несколько полиспастов на поворотах и крепится к поврежденному танку. В момент прикрепления троса можно проявлять героизм. — Он снова посмотрел на Ставницкого и едва заметно вздохнул.

Захаров был уже не молод, прошел несколько войн. Столько таких Ставницких погибло на его глазах!..

— Далее. Тягач трогается с места, — продолжал Захаров все тем же ровным тоном, — и наш подбитый танк на виду у немцев трогается с места. Он движется по «пяточку», затем через Неву и попадает на правый берег. Там его подхватывают другие тягачи и прячут в рощу, где маскируют среди остальных танков. Вопросы есть?

Вопросов не было.

К концу года удалось эвакуировать девять подбитых танков.

23 февраля 1942 года, берег Невы

В «ленинской комнате» было тепло, даже жарко, и стоял густой запах распаренной хвои: пить хвойный отвар — приказ фельдшера, обсуждению не подлежит.

Майор Колибердин, комиссар батальона, улыбался, глядя на сержанта Семенова:

— Ну, расскажи, расскажи товарищам, Николай, как вы немцев подбитым танком шугнули.

— Да я уж рассказывал, товарищ комиссар, — Семенов смутился.

— Ты мне расскажи, я ведь не слышал, только так — окольные разговоры, — настаивал комиссар.

— Ну, сидели мы в танке КВ у рощи Фигурная, до немецких окопов — метров двадцать, — начал Семенов. — Со мной вон, младший сержант Еропкин был. А тут — пурга разошлась! Немцы в снегу спрятались и подползли прямо к танку. Гранатами поджечь его попытались.

— Как же вы уцелели-то? — спросил комиссар, посмеиваясь.

— Так они не нас, они танк пытались поджечь, товарищ комиссар, а танк этот раньше уже горел, и все, что в нем могло сгореть, — оно уже сгорело. А мы с Еропкиным затихли и сидим, как мыши. Фрицы обнаглели, подошли вплотную, кричат: «Иван, капут, Иван, капут!» Мы — ни звука. Они уже в двух шагах, ну тут я и открыл огонь из пулемета, а Еропкин через люк башни закидал их гранатами. Так что еще вопрос, кому там был капут...

— Как же вы танк-то эвакуировали?

— Да так... Наши пехотинцы слышали стрельбу и тоже открыли огонь, чтобы нас прикрыть. Мы свое дело закончили и спокойно ушли, а танк потом тросом вытащили.

29 апреля 1942 года, Ленинград

Первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Андрей Жданов сидел мрачный.

Он предвидел, что из Москвы грядут на его голову крупные неприятности.

Блокада города не прорвана, те самые семь километров пройти так и не удалось.

«Невский пятачок» прекратил свое существование.

73. Шестая против шестой

31 марта 1942 года, Москва

— Я думаю, товарищ Тимошенко, — сказал Сталин, — что нам следует очень хорошо подумать над нашими весенними планами.

Тимошенко молчал. Он видел, что Верховный в хорошем настроении, и ждал продолжения.

— В полосе наступления Юго-Западного фронта, — продолжал Сталин, — предлагаю использовать новое оперативно-тактическое соединение — танковый корпус в составе двух танковых бригад и одной мотострелковой бригады. Директива Народного комиссариата обороны уже подготовлена. Ознакомьтесь.

Тимошенко взял папку с отпечатанными листками. На бумаге выглядело неплохо: свыше пяти тысяч человек, сто танков — двадцать КВ и по сорок — Т-34 и Т-60. Противотанковые пушки, минометы, автомашины.

Танковые бригады включались в состав корпуса из резерва Ставки.

Мотострелковым бригадам предстояло быть сформированными «с нуля».

— Я бы хотел поговорить о наших танках, — сказал наконец Тимошенко, складывая папку.

Сталин недобро прищурился:

— А что с ними не так?

— Ни для кого не секрет, товарищ Сталин, что по сравнению с довоенной продукцией качество наших танков упало.

— С этими вопросами, Семен Константинович, будут очень серьезно разбираться, и не в этом кабинете...

— Не сомневаюсь, товарищ Сталин, — Тимошенко вздохнул. — Да, вроде бы, и грех жаловаться: по броне мы пока удерживаем превосходство над противником.

— Ну вот видите, — заметил Сталин.

— А вот что делать со связью? Я интересовался у командиров, почти все недовольны.

— Командирские танки, как я помню, все оснащены радиостанциями.

— Этого недостаточно, товарищ Сталин. Командиры утверждают, что радиостанции должны стоять на всех без исключения танках. А наша промышленность пока не способна... Эвакуация заводов тут здорово помешала — с августа сорок первого радиооборудование для танков вообще не производится.

— И как же командиры выходят из положения? — спросил Сталин. — Как-то ведь они находят выход?

— Кто-то просто гаечным ключом стучит в крышку люка, — ответил маршал. — Звучит как анекдот, но приходится и так. Бывает, удастся снять радиостанцию с разбитых танков. На танках союзников радиосвязь имеется, но этих танков, во-первых, не так много, а во-вторых, у них свои особенности, если не сказать — недостатки. Нашим танкистам приходится приноравливаться.

Сталин поморщился: тема помощи союзников оставалась для него весьма болезненной.

— «Матильда» и «Валентин» — танки поддержки пехоты, — продолжал Тимошенко. — И для немецких орудий это твердые орешки. Броня у них что надо. Но вот скорость...

— А в наступлении скорость чрезвычайно важна, — подхватил Сталин. — Однако и поддержка пехоты — не последнее дело, согласны, товарищ Тимошенко? Директива подписана, действуйте. Юго-Западному направлению придаются четыре танковых корпуса. Комплекуйте их, чем есть: «британцами», сталинградскими тридцатьчетверками, тяжелыми КВ... Не брезгуйте и старыми БТ, и Т-26. Нам важно сейчас нанести сильный удар по противнику.

3 мая 1942 года, Макеевка

Во второй танковый полк вермахта прибыло пополнение.

Майор граф фон Штрахвитц выглядел весьма довольным. Он удачно прятал свое хорошее настроение под гримасой озабоченности, но обер-лейтенант Диц, знавший графа еще по Франции, легко угадывал его настроение.

— Эти чертовы молокососы зададут русским перцу, — заметил Диц, усмехаясь.

Шестьдесят свежеиспеченных германских танкистов явились в потрепанный боями полк вместе с новенькими, «с иголки», боевыми машинами.

Об этом не принято было говорить, но после тяжелой русской зимы бронетанковые силы находились не в лучшем состоянии.

Но Фатерланд, как всегда, заботится о своих героических сынах. И в первую очередь — о группах армий «Юг», на которые возложены сейчас самые ответственные задачи.

Согласно директиве Генерального штаба вермахта от 18 февраля, предназначавшиеся для наступления танковые полки перешли с двух — на трехбатальонную организацию.

В батальоне имелось теперь по две роты легких танков и одной роте средних танков — «тройки» и «четверки».

— Не понимаю только, зачем прислали опять несколько «двоек», — заметил лейтенант Фридрих фон Рейхенау, сын покойного знаменитого фельдмаршала. — Они ведь безнадежно устарели. Учитывая, какая у русских техника.

Граф нахмурился:

— Что вы имеете в виду, Фриц, когда хвалите русскую технику?

— Всего лишь пытаюсь сравнивать и анализировать, — Фридрих никогда не боялся высказывать свое мнение. И не из-за происхождения. Он был убежден: боевой офицер имеет право не скрывать своих мыслей. Особенно когда эти мысли — на благо Рейха. — Наши «четверки» — они, в принципе, не тяжелые танки, как значит у нас, а средние. Я слышал, что короткоствольную артсистему в скором времени будут заменять длинноствольной... Но пока наша «четверка» толком не берет ни КВ, ни Т-34.

— Послушайте, фон Рейхенау, но подобные рассуждения не... — начало было граф.

Фридрих перебил его:

— Уверен, наши бронетанковые умы уже ищут и скоро найдут способ усовершенствовать этот танк. Но все же основу наших дивизий составляют даже не «четверки», а «тройки».

— Ну, э... лично у меня... — произнес граф и пожевал губами, замолчав.

— У вас «четверка», — закончил за него Фридрих. — И у меня. Но у большинства — как и наших новобранцев — «тройки». Вообще это неплохие танки, особенно новой модификации — с пятидесятимиллиметровой артсистемой KwK 39, с длиной ствола в шестьдесят калибров. Бронепробиваемость у них вполне приличная. Наши практические эксперименты — увы, сопровождавшиеся потерями, — показали, что старая пушка «тройки» пробивала броню КВ с дистанции в двести метров, в то время как эти чертовы тяжелые русские танки уничтожали «троечки» с пятисот метров.

— Послушайте, Рейхенау, — вмешался Диц, — это все в прошлом.

Играла музыка, был ясный день, ужасная русская зима наконец подошла к концу. Фридрих с его вечным пессимизмом, как всегда, ухитрился испортить товарищам настроение!

— А что в прошлом? — Фриц пожал плечами. — Я лично думаю исключительно о будущем. Нам предстоят бои. Наступательные бои, что не может не радовать, я знаю.

Он прислушался к звукам военного оркестра. Новобранцы после принесенной присяги расходились, чтобы отметить самое важное событие в своей жизни.

— Да, наступательные, — подтвердил фон Штрахвитц. — Мы должны выбить русских с занятого ими плацдарма.

— Новая артсистема «троек» позволит, как мы считаем, уравнивать шансы с КВ и пробивать их с пятисот метров, — продолжал Рейхенау. — Вообще-то я попросил дать мне новый экипаж. И новый танк — «тройку».

— Ну вы даёте, фон Рейхенау, — заметил Диц.

Фридрих фон Рейхенау чуть поморщился.

— Если эти ребята идут на смерть ради Рейха на «тройках», я хочу быть рядом с ними. В конце концов, мое происхождение — хоть вы об этом мне и не напомнили, по крайней мере, сегодня, — обязывает!

...Вечером германские танкисты отправились в город с богопротивным названием «Сталино». Там работал кинематограф. Личный состав нуждался в порции положительных эмоций. В конце концов, скоро второй танковый окажется на передовой, где ему предстоит показать, на что способен солдат вермахта.

8 мая 1942 года, район Балаклеи

Командующий Шестой полевой армией генерал-лейтенант Паулюс аккуратно нанес несколько стрелок на карту.

Всегда подтянутый, невозмутимый, он любил стройную красоту штабной работы и, как утверждали, весьма преуспел в этой области. Командование полевой армией — определенно не то, к чему он всегда стремился. Но фюрер оказал ему высокое доверие, и Паулюс должен был оправдать его.

Основополагающая директива предписывала: «Окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их важнейших военно-экономических центров».

Фюрер, как всегда, формулировал кратко и гениально.

Конкретно для армии Паулюса это распоряжение означало: ликвидация так называемого «барвенковского выступа».

Это — первоочередная задача. Решив ее, можно будет развивать дальнейшее наступление.

Встречные удары Шестой армии из района Балаклеи и армейской группы генерал-полковника фон Клейста из районов Славянска и Краматорска в общем направлении на Изюм выбить русских с плацдарма.

Харьков — удержать во что бы то ни стало! Харьков — опора Шестой армии, там и склады, и лазареты... Харьков — это «личный тыл» Паулюса, как острили у него за спиной «милые» штабные офицеры.

Паулюс знал об этом и относился к шутникам снисходительно. Пусть их шутят. В здоровой армии это нормально...

12 мая 1942 года, район населенного пункта Непокрытое

Советское наступление началось. Артиллерийская подготовка, авиационный налет разорвали утро.

Немцы ждали.

И когда стрелковые подразделения двинулись вперед, их встретил огонь немецких орудий.

Вместе с пехотой в атаку пошли советские танки.

Тридцать шестая танковая бригада полковника Танасчишина рвалась к селу Непокрытое.

— Видишь высотку? — полковник показал командиру батальона капитану Шестакову ключевой опорный узел врага. — Вон она на карте, а вон — перед глазами. Засел гад и не вышибешь его. А без этой высотки нам Непокрытое не взять.

— Сколько тут чего? — спросил Шестаков.

— Не меньше тридцати орудий, — ответил полковник. — Минометы есть. И пехота — разведка говорит, до батальона.

— Какие действия?

— Зайди со своими тридцатьчетверками к ним в тыл, — полковник прочертил по карте короткую линию. — Вышибить их бы, особенно тяжелые орудия.

Капитан Шестаков только кивнул.

Наступление, долгожданное наступление не должно захлебнуться.

Танк командира возглавлял атаку. На предельной скорости он обрушился на позиции тяжелых пушек.

— Гусеницами, гусеницами действуй, береги снаряды! — приказывал капитан.

Немецкое орудие, подмятое под тридцатьчетверку, замолчало.

— Второе, второе! — приказывал капитан. — Не останавливаться!

Механик-водитель наполз танком на второе орудие. И только третья стопятидесятимиллиметровая пушка успела выстрелить. Немцы развернули ее и выстрелом в упор подбили надвигающийся на них русский танк.

Механик-водитель и комбат погибли, командирский танк замер.

Но для немцев было уже поздно: другие тридцатьчетверки появлялись на холме одна за другой. Оставляя орудия и боеприпасы, немцы бежали.

Танки преследовали их.

Танасчишин опустил бинокль, повернулся к посыльному, прибывшему на наблюдательный пункт.

— Бегут, товарищ комбриг! — доложил сияющий сержант. — Бегут немцы! Наши на десять километров вперед продвинулись.

...Вечер медленно опускался на землю. Заканчивался долгий день двенадцатое мая — первый день советского наступления.

Было и радостно, и тревожно. Сила нашла на силу. Кто кого? Казалось, создалось равновесие, которое вот-вот обрушится. Даже номера противоборствующих армий совпадали: шестая против шестой...

12 мая 1942 года, вечер, Сталино

Паулюс разложил на столе сводки.

Выходило, что в первый день наступления Советы продвинулись на два километра, а на флангах — на шесть и даже на десять. Потери составили около двадцати орудий. Личный состав — более пятисот человек.

Потери допустимы, решил Паулюс. Но вот позволить русским и дальше развивать наступление — это исключено. Придется перебросить резервы соседних корпусов. Благо на других участках русские далеко не так активны.

Из Харькова придется призвать сюда пару танковых дивизий. Третью и двадцать третью. Прелестно.

Паулюс сделал заметку в блокноте, еще раз сверился с картой и сводками.

У него был начальник штаба, но командующий любил проверять и перепроверять все сам. Да, игра только начинается. А русские... пусть спят спокойно, уверенные в своем успехе.

...Поздно вечером Тимошенко отправил Верховному телеграмму об успехе начатого наступления.

Сталин не отказал себе в удовольствии: призвал Василевского и упрекнул:

— Вот видите, товарищ Василевский, победа не за горами. А из-за вашего вечного скептицизма я чуть было не отменил столь удачную операцию...

74. Весна большой надежды

6 марта 1942 года, станция Радковски-Пески

Глубокий снег лежал повсюду.

Командир двенадцатой танковой бригады генерал-майор Баданов первым вышел из поезда и сразу провалился в сугроб.

На платформах стояли тяжелые танки КВ-1. Им предстояло принять участие в боях «местного значения»: перед началом крупной операции необходимо было расширить «горло» Барвенковского выступа.

Баданов оглядел местность. Как здесь выгружаться? Как заводить моторы? Снегу по пояс.

— Товарищ комбриг! — Это подбежал старший лейтенант, командир роты. — Техники предлагают прогревать и заводить танки на платформах перед разгрузкой с использованием пара паровоза.

— Хорошо, действуйте, — отозвался генерал-майор. — Смотрите, при разгрузке не сажайте танки на днище, а то застрянем тут...

Бригада включала танковый батальон средних и тяжелых танков — пять КВ-1 и десять тридцатьчетверок, танковый батальон легких танков — двадцать Т-60. Ну и еще мотострелковый батальон, противотанковую батарею, роту технического обеспечения, медпункт...

10 марта 1942 года, район Совхоза номер пять (Юго-Западный фронт)

— Старший лейтенант Гуляев, к командиру бригады!

Двенадцатая бригада стояла на выжидательных позициях — километрах в пятнадцати от переднего края.

Экипажи жили под танками — в снегу были выкопаны траншеи, над которыми стоял танк, накрытый брезентом. В траншеях жгли костры: это и людей согревало, и двигатель.

Старший лейтенант Гуляев высунулся наружу. Он был черен от копоти.

— Сейчас соляркой отмоюсь.

— Некогда, так идите.

Командир бригады уже ждал с развернутой картой. Твердый ноготь показывал направление, оставляя на карте резкие черты:

— Наступаем вот сюда, на Совхоз номер пять. Начнем с артподготовки, потом с пехотой двигаетесь в этом направлении. Вышибем оттуда немцев и закрепимся в населенном пункте.

...Сражение шло уже несколько часов. Тяжелые танки КВ ворвались на окраину населенного пункта, и тут по ним ударила артиллерия противника.

— Не останавливаться, вперед, вперед! — Старший лейтенант Гуляев верил в свой экипаж. Механик-водитель Лесников был с ним еще на Финской.

Сейчас тяжелый танк рвался в поселок, как заколдованный, уходя от снарядов противника.

Он видел, как немцы бегут.

Затем танк остановился.

— Что?!

— Подбили, товарищ старший лейтенант! — донесся голос механика.

— Огонь!

Остальные четыре КВ и восемь Т-34 подошли спустя полчаса.

— Вот он, товарищ лейтенант! — сержант Петров, которого все называли «Петя», показал своему командиру Гвозденко на подбитый КВ-1.

В танке обнаружили погибший экипаж: старший лейтенант Гуляев и его товарищи сгорели...

11 марта 1942 года, Совхоз номер пять

Комбриг Баданов устало потер лоб. Бои местного значения. А потери большие.

Скорей бы уж общее наступление.

Скорей бы весна. Говорят, в этом году выйдем на Государственную границу СССР. Выгоним врага с нашей земли. Ох, скорей бы наступление!

А пока — что там с танками КВ-1?

Он еще раз перечитал рапорт Гвозденко. Боекомплект недостаточный. Двадцать восемь снарядов. Да, мало. Если бы у Гуляева было их побольше, может быть, и продержался бы, не сгорел.

А так — при возможности танки просто выходят из боя, загружают новый боекомплект и снова возвращаются.

Но вообще в целом танк хороший. Пехота, вон, хвалит. Громадина, мол, и за броней укрываться удобно. И скорость примерно как у солдат, бегущих в атаку. Тридцатьчетверка, как конь, удирает вперед, а КВ солдат прикрывает.

В общем, плюсы и минусы... Подытожить бы опыт первых боев в данных условиях...

Некоторые товарищи на оптику жалуются. Но это уж простите, товарищи дорогие. Харьковский завод пока не работает, новой оптики не будет. Вот возьмем Харьков...

Баданов вздохнул. Да. Вот возьмем Харьков... Надежды, надежды.

17 марта 1942 года, Москва

Верховный Главнокомандующий был настроен оптимистически.

— Мы добились превосходства над противником — и численно, и в отношении технической вооруженности. Я считаю, нам следует развивать наступление. Тут некоторые, — он спокойно перевел взгляд на маршала Шапошникова, — предлагают ограничиться активной обороной. По-моему, это неправильно.

Шапошников возразил:

— Отсутствие второго фронта в Европе нельзя сбрасывать со счетов. И вермахт еще рано хоронить — он достаточно силен. Генштаб уверен, летом главные события разыграются в районе Воронежа. Вот там и следует сосредоточить основные стратегические резервы, не вводя их пока в дело.

Сталин потемнел лицом.

— Я правильно понял, товарищ Шапошников: вы предлагаете сидеть и ждать, пока враг издохнет в бесплодных попытках изменить ход войны?

Маршал Тимошенко, главком Юго-Западного направления, заговорил, заполнив зловещую паузу:

— Сейчас у нас имеется Барвенковский плацдарм, созданный благодаря усилиям войск Юго-Западного направления. Напомню, товарищ Шапошников, что глубина занятого нами выступа составляет девяносто километров, а ширина — сто километров. Оттуда наши войска могут нанести удар во фланг и тыл харьковской группировке немцев.

— Если немцы не ударят первыми и не окружат нас на этом выступе, — возразил Шапошников.

Сталин пресек споры:

— Не сидеть же нам в обороне сложа руки! Нет, нам самим надо нанести ряд упреждающих ударов. Товарищу Тимошенко мы поручаем провести частную наступательную операцию. А вы, товарищ Василевский, не вмешивайтесь. Это операция — внутреннее дело Юго-Западного направления. Генштаб ею не управляет.

20 апреля 1942 года, Москва

Директива о подготовке наступательной операции на Харьковском направлении была готова.

Наступление намечалось на двенадцатое мая. Участвовали два фронта — Брянский и Юго-Западный.

Ударная группа Брянского фронта должна была наступать со стороны поселка городского типа Касторное, а Юго-Западного — из района Барвенково.

Сойдясь, эти фронты окружат харьковскую группировку врага, и Харьков — пятый по величине город Советского Союза, важнейший промышленный и стратегический центр, — будет освобожден.

Командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант Голиков не скрывал от Ставки своей озабоченности.

— Возможно, мы не успеем начать наступление в указанный срок, если не будут вовремя подвезены боеприпасы и горючее.

— Что значит — «не успеете»? — сердился Василевский.

Голиков пожал плечами:

— Я не торгуюсь, товарищ Василевский, просто напоминаю, что без боеприпасов армия воевать физически не сможет.

— С этим поможем, — обещал Василевский. — В крайнем случае отодвинем срок выступления Брянского фронта на пару дней. И вот еще. Вам придется сорок восьмая армия. Сейчас она формируется из дивизий и бригад, выделенных для этой цели

специально из глубокого тыла. Командующий — генерал-майор Самохин, переведенный на эту должность с поста начальника второго управления Главного Разведывательного Управления Генерального штаба.

Голиков поблагодарил за «царский дар» и отбыл.

21 апреля 1942 года, поселок городского типа Касторное

Начальник штаба формирующейся сорок восьмой армии генерал-майор Сандалов положил телефонную трубку.

— Десять воинских соединений уже в пути, скоро будут у нас. Начинаются жаркие деньки... А до наступления остается всего-ничего времени — назначено на двенадцатое мая. Но где же командующий армией?

— Вылетел рано утром из Москвы на самолете-разведчике Р-5, — доложил дежурный. — Из Москвы сообщают, что скоро должен быть. При нем пакет с оперативными материалами Верховного Главнокомандования на проведение операции на Юго-Западном направлении на весну.

— Скорей бы уж прибыл, — Сандалов не скрывал нетерпения. Он предвидел, что будет в случае задержки командования: начальнику штаба придется заниматься формированием армии буквально с колес — и в одиночку. А потом явится командующий и будет чем-нибудь недоволен.

Генерал-майор Самохин считался человеком, близким к Верховному. Кто знает, какой у него окажется характер!..

21 апреля 1941 года, Москва — Мценск

Генерал-лейтенант Самохин еще раз проверил документы.

Самолет уже прогревал двигатели.

Это был пассажирский вариант разведчика Р-5 — ПР-5. Пилот, сказали Самохину, человек надежный, опытный — в авиации с тридцать второго года, работал на линиях особой трудности, налет — свыше двух с половиной тысяч часов.

— Вам уже сказали, товарищ лейтенант, — обратился к летчику командующий, — нам предстоит совершить промежуточную посадку в Ельце. — Там он должен был передать засургученный пакет командующему Брянским фронтом Голикову и получить от него указания. — После этого мы летим в Касторное, к месту формирования сорок восьмой армии.

— Лейтенант Коновалов, — представился летчик. — Самолет к вылету готов. Занимайте место, товарищ командующий.

...Прошло несколько часов. Самохин задремал и проснулся, когда самолет вздрогнул и рядом разорвался снаряд.

— Зенитки! — крикнул бортмеханик Корнилов.

Он отправился в этот полет потому, что сомневался в самолете. Были кое-какие неисправности, которые устранили только перед вылетом. «За генерала головой отвечаете», — предупредили их на аэродроме.

«Если мотор опять забарахлит, поправлю», — решил бортмеханик.

Но одно дело — мотор, другое — зенитки.

— Константин, где мы? — спросил Корнилов, перебираясь к летчику. — Ты куда залетел? Ты на карту давно смотрел?

— По карте, вроде бы, должен быть Елец...

— Какой Елец, — Корнилов уловил в голосе пилота неуверенность, — ты ориентировку потерял, да? Дай карту.

— Товарищи, я без карты вам могу сказать, что мы перелетели линию фронта и направляемся к немцам, — вмешался генерал. — Товарищ лейтенант, немедленно поворачивайте.

— Самолет поврежден, — после короткой паузы отозвался Коновалов. — Не дотянем, товарищ генерал. Садиться надо, а там выберемся.

— Вы понимаете, что... — начал было генерал, но летчик гражданской авиации знал одно: главное — спасти самолет и пассажира. Он повел подбитую машину на посадку.

Садись на открытый пологий склон оврага. Самолет пробежал десяток метров и скапотировал.

В кабине пахло дымом — генерал зажигалкой поджег пакет.

Летчик выбрался из самолета первым.

Бортмеханик и пассажир застряли. Корнилов выбил окно и выволок генерала наружу.

— Пакет сжечь, пакет! — кричал Самохин.

— Немцы, товарищ генерал, — сказал Корнилов. — Бежать надо.

— Я задержу. — Коновалов побежал навстречу немецким солдатам, которые скользили по грязи и готовились уже стрелять.

Корнилов закрыл генерала от ветра. Тот жег пакет, рвал, втаптывал в грязь. Через несколько минут все было кончено: их окружили немецкие солдаты, повалили, отобрали бумаги.

Обер-лейтенант Фридрих Манн был очень доволен, если не сказать счастлив: на многих документах плененного советского офицера стоял штамп «для служебного пользования».

— Где мы сели-то? — спросил Корнилов, пока их тащили к машине.

Коновалов подавленно ответил:

— Это Мценск...

— Как же тебя занесло? — не выдержал бортмеханик.

— Компас неисправен, должно быть... Слушай, говори им, что мы летели в Ясную Поляну, не в Елец, понял? И что самолет из аэроклуба в Химках. А там по обстановке.

— Какая обстановка, они бумаги захватили.

— Генерал что-то успел сжечь. А сам он болтать не будет.

Пленных погрузили в машину и повезли в Орел.

23 апреля 1941 года, Касторное

По одному только виду командующего Брянским фронтом генерал-майор Сандалов понял, что случилась крупная неприятность.

— Перехвачена радиограмма немецкой группы армий, — сказал Голиков. — Самохин не просто разбился по пути в Елец. Он у немцев.

— А... бумаги? — спросил Сандалов.

— Неизвестно, что именно попало к противнику, а что было уничтожено. Немцы утверждают, что их командование получило «ценные данные, которые могут повлиять на дальнейшее проведение операции».

— И что теперь?

— Теперь — ничего. Операцию отменять поздно, что-либо в ней менять тоже поздно. Мы не знаем, что конкретно известно противнику. Может быть, Самохин успел сжечь документы.

— Сам-то он у них и живой, — напомнил Сандалов.

— Самохину ведь тоже известно далеко не все... Товарищ Сандалов, хочу вам напомнить: не первый и, боюсь, не последний раз в руках неприятеля оказывается военачальник крупного ранга. Это случалось во все времена. Но это не означает, что наступления не будет. Харьков нужно вернуть в самое ближайшее время.

© А. Мартьянов. 21.09. 2013.